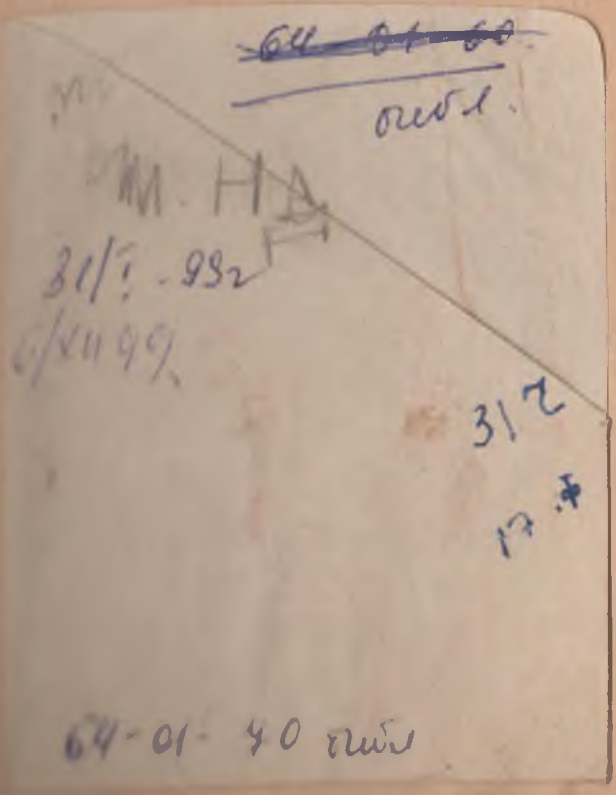
ГРИБОЕДОВ

32138.

ОГИЗ · ГОСЛИТИЗДАТ · ЛЕНИНГРАД

64-01-60
отд.
М. НА
31/I-93г
6/XII 99г.
31/2
64-01-40 отд

Грибоедов
Акварель В. Д. Мошкова (1827 г).

Ю2 82
Г-82

ГРИБОЕДОВ

СОЧИНЕНИЯ

РЕДАКЦИЯ,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
ВЛ. ОРЛОВА

28201
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ЧИТ. ЗАЛ
ГОРОДСКАЯ
им. Пушкина
ХР. Ц.Б. имени А.С. Пушкина

ОГИЗ
Государственное Издательство
Художественной Литературы
ЛЕНИНГРАД
1945

ГРИБОЕДОВ

1

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.

Эти стихи Баратынского устойчивая традиция называет «Надписью к портрету Грибоедова». Может быть, это и не так, но восемь строк поэта со скупой отчетливостью воссоздают образ величайшего нашего драматурга, — образ, загадочный для его современников и, по существу, оставшийся неразгаданным до конца и по сей день. Много лет спустя после Баратынского другой поэт, Александр Блок, впервые заговорил о «трагических прозрениях» и «безумной тревоге» Грибоедова — «неласкового человека с лицом холодным и тонким», «ядовитого насмешника и скептика», «петербургского чиновника с лермонтовской желчью и злостью в душе», создавшего гениальнейшую русскую драму. В самом деле, чем ближе вглядываемся мы в образ Грибоедова, чем глубже вдумываемся в смысл написанного им, тем более ощущаем кипение и жар его могучей творческой страсти, тем очевиднее становится драматизм его человеческой и писательской судьбы. Здесь раскрывается трагедия несвершившихся возможностей, обманутых надежд, неисполнившихся желаний, и самое «Горе от ума» предстает перед

нами, как творческое выражение той безмерной тревоги духа, которая сжигала Грибоедова.

Вначале, как будто, ничто не предвещало трагедии. Молодость Грибоедова — безоблачна: веселая «допожарная» дворянская Москва, благополучный, устоявшийся быт родовитой семьи, необыкновенно раннее умственное развитие. Грибоедов «учился страстно»; одиннадцатилетним мальчиком он стал студентом Московского университета и за шесть с половиною лет прошел курс трех факультетов. Потом — 1812 год, патриотическое воодушевление, военная служба, Литва, офицерская среда, литературные безделки — корреспонденция об офицерском празднике, вполне «домашние» стишки. Еще позже — отставка, Петербург, театральные увлечения, французские водевили, «веселая и разгульная жизнь» в кругу актеров, танцорок и «почетных граждан кулис», светские интриги и любовные приключения, никакой «основательности»: «Я такой же, какой был и прежде, пасынок здравого рассудка... и очень доволен своей судьбой... Еду в Шустерклуб; кабы ты был здесь, и ты бы с нами дурачился, — пишет он приятелю. — Сколько здесь портеру, и как дешево!», «Я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор...»

Но только ли таким входит Грибоедов в жизнь и в литературу? Вовсе нет. Это — сложный, противоречивый характер. «Участь умных людей, мой милый, бо́льшую часть жизни своей проводить с дураками, и какая их бездна у нас!» — жалуется он тому же приятелю. «В Москве все не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему». Новые исследования (М. В. Нечкиной) раскрывают обширные и глубокие связи молодого Грибоедова с кругами будущих декабристов. Наряду с «неистощимой веселостью и остротой», отмеченными его друзьями, с молодых лет им владеют совсем иные настроения — не юношеский скепсис, тяжелая тоска. Кровавый финал одной «интриги», в которой он принимал участие (несчастная дуэль Шереметева с Завадовским), произвел на Грибоедова сильнейшее впечатление. «На него нашла ужасная тоска и пребывание в Петербурге сделалось ему невыносимо». Пушкин, безусловно имея в виду эту роковую дуэль, писал впоследствии: «Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться однажды навсегда со своей молодостью и круто поворотить свою жизнь».

Вскоре представился случай «проститься с Петербургом и с праздной рассеянностью». Грибоедов уехал служить на далекую

чужбину. В его жизни и судьбе, действительно, произошел крутой поворот. Но и в иранской глуши он не может обрести душевный покой: «Ничто веселое и в ум не входит», «веселость утрачена...» Он, в самом деле, навсегда утратил свою юношескую веселость. Письма его полны горьких сетований и размышлений: «Что за жизнь!..», «Я в тягость самому себе...» Его преследуют по пятам «скука и отвращение», тяготит «пустота душевная». И так — до самого конца: «Сочинитель Фамусова и Скалозуба, следовательно веселый человек. Тьфу, злодейство! да мне невесело, скучно, отвратительно, несносно!», «Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная... Чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди...», «Кроме голоса здравого рассудка есть во мне какой-то внутренний распорядитель, наклоняет меня ко мрачности, скуке... Не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно».

В годы, проведенные на Востоке, сложилось мировоззрение Грибоедова, расширился его идейный кругозор и обогатился житейский опыт. «Секретарь бродящей миссии», «напитанный древними сказаньями», он жадно вбирал в себя впечатления открывшегося перед ним иного культурного мира. Путевые дневники Грибоедова рекомендуют его, как пытливого исследователя, историка, этнографа и лингвиста. И в зрелые годы он учился все так же страстно, — доказывая, что «чем человек просвещеннее, тем он полезнее своему отечеству». Приятель Грибоедова сообщает: «Он трудился беспрестанно над изучением предметов важных. Правоведение, философия, история, политические и финансовые науки составляли его всегдашнее упражнение». Грибоедову были доступны все высоты мировой культуры. Следы громадной учености видны в его разрозненных заметках. Он, конечно, был одним из образованнейших русских людей своего времени.

Примерно к 1825 г. окончательно сформировался и характер Грибоедова,—характер глубоко оригинальный, деятельный, волевой, резко выраженный во всех своих чертах. Вскоре пришла к нему слава — дипломатическая и писательская. Впрочем, в ней было нечто двусмысленное и горькое: одареннейшего русского дипломата держали даже не на вторых, а на третьих ролях, а «Горе от ума» оставалось не напечатанным и не пропущенным на сцену. При всем том перед Грибоедовым открывалась завидная, с точки врения любого бюрократа, карьера, а успех комедии был бесспорен и велик. Однако полномочный посол и знаменитый автор менее всего склонен был считать себя баловнем судьбы. Достаточно пересмотреть письма Грибоедова, чтобы убедиться в том, насколько тяготился

он службой и сомневался в возможности применить на деле свои знания и творческие силы.

Ему душно и тошно в «трясинном государстве», где «холод до костей проникает». Для себя он не видит впереди ничего светлого: «Нынче день моего рождения, что же я? На полпути моей жизни, скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники». Служба? Но — «в обыкновенные времена никуда не гожусь: и не моя вина; люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща...» Литература? Но — «вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов. Не могу пожаловаться, отовсюду коленопреклонения и фимиам, но вместе с этим сытость от их дурачества, их сплетен, их мишурных талантов и мелких душишек»; «грошевые их одобрения, ничтожная славишка в их кругу не могут меня утешить». Зато в Киеве, предавшись воспоминаниям о древней русской славе, он «пожил с умершими»; Владимиры и Изяславы совершенно овладели его воображением: «За ними едва вскользь заметил я настоящее поколение: как они мыслят и что творят — русские чиновники и польские помещики, бог их ведает...»

Остается творчество, независимость художника, свободное и гордое служение «искусствам творческим, высоким и прекрасным», чтобы создать собственный мир идей и образов, мир чистый, благородный и нравственный. Но тут вступают в дело мучительные сомнения в своих творческих силах и возможностях. Великую неудовлетворенность взыскательного художника таил в себе Грибоедов под личиной холодного иронического человека, отмахивавшегося от «авторства». «Меня слишком лениво посещает вдохновение... Я полагаю, что у меня дарование вроде мельничного колеса, и, коли дать ему волю, так оно вздор замелет; право... не знаю, с кем я умом поделился, но на мою долю осталось не много», «Могу ли прилежать к чему-нибудь высшему?..», «Ничего не написал. Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня с избытком найдется что сказать — за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем, как гроб!!..» Это говорилось Грибоедовым уже в ту пору, когда было создано «Горе от ума», обессмертившее его имя.

И, как итог всех этих грустных ламентаций о своей судьбе, — подлинный вопль отчаянья: «Буду ли я когда-нибудь независим от людей? Зависимость от семейства, другая от службы, третья от цели в жизни, которую себе назначил и, может статься, наперекор судьбе. Поэзия!! Люблю ее без памяти, страстно, но... кто

нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов?.. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов».

Это — замечательная по своей отчетливости автохарактеристика. Да, именно пламенный мечтатель в краю вечных снегов, но мечтатель особого склада, непохожий на других мечтателей, которыми была столь богата его эпоха, и притом переживший страшное крушение своей мечты.

Человек гениальных дарований, громадного ума, энциклопедического образования, не только первоклассный поэт, но и блестящий дипломат, удивлявший современников своими «государственными способностями», по их же наблюдениям, заменявший в Иране двадцатитысячную армию, — Грибоедов погиб тридцати четырех лет, не совершив, быть может, и десятой доли того, что совершить было в его силах.

Тенденции общественного и художественного мировоззрения Грибоедова находились в резком противоречии с тем социально-политическим укладом, в условиях которого ему суждено было жить и творить. Как подавляющее большинство великих русских людей старого мира, Грибоедов был жертвой самодержавно-крепостнического строя, глушившего и калечившего все лучшее, передовое, гениальное, что выдвигал русский народ. Воспитанник европейского и русского просветительства XVIII века, ревнитель национального культурного самоопределения русского народа, участник русского освободительного движения на его декабристском этапе, Грибоедов глубоко и страстно ненавидел окружавший его варварский и пошлый мир Фамусовых, Молчалиных и Скалозубов, Аракчеевых, Паскевичей и Нессельродов: «Какой мир! Кем населен! И какая дурацкая его история!» Он заклеймил этот мир в своей комедии, но выхода из него не нашел, да и не мог найти в силу исторических закономерностей. Больше того — он вынужден был служить этому миру.

Вульгарно было бы полагать, что Грибоедов служил исключительно под давлением внешних, житейских обстоятельств. Разумеется, в его возможностях было создать хотя бы иллюзию независимого существования. Тем не менее, он служил — честно и самоотверженно, но, конечно, не Николаю I, а России, и не по обстоятельствам, а по убеждению оказывал русскому государству очень крупные услуги. В этой связи возникают важные вопросы о том, как понимал Грибоедов свой патриотический долг, а также об активно-деятельных свойствах и практическом складе его натуры и об его отношении к декабризму (в широком смысле этого слова).

Грибоедову было в величайшей мере присуще чувство национальной гордости. «Мне не случалось в жизни ни в одном народе видеть человека, который бы так пламенно, так страстно любил свое отечество, как Грибоедов любил Россию, — рассказывает один из близко знавших его людей. — Он в полном значении о б о ж а л ее. Каждый благородный подвиг, каждое высокое чувство, каждая мысль в русском приводили его в восторг». Это была любовь всеобъемлющая и принципиальная.

«Я хочу быть русским» — говаривал Грибоедов, и был им во всех своих чувствах, мыслях и поступках. Он тонко понимал русский национальный характер, любовался широтой размаха, отвагой, душевной красотой и живым умом русского человека, его «смелыми чертами и вольными движениями» (об Ермолове он писал, что это «истинно русская мудрая голова»: «Мало того, что умен... но совершенно по-русски, на все годен»). Знаток и поклонник русской старины, прилежно изучавший летописи, народные песни и памятники древней письменности, он любил мысленно переноситься в «былые времена», в «века необузданной вольности», и даже, находясь в гостях у перса, воображал, что «перенесся за двести лет назад», в московский терем.

В этой связи находят объяснение антипатии Грибоедова ко всякого рода «клиентам-иностранцам», в частности — его неизменно враждебное отношение к немцам, которых он не терпел от всего сердца и «ругал наповал», утверждая в шутливой форме, что «быть немцем очень глупая роль на сем свете». Подчеркнутая любовь Грибоедова ко всему русскому приобретала порою чисто бытовое выражение. Когда следственная комиссия по делу декабристов заинтересовалась пристрастием его к «русскому платью», он дал такое объяснение: «Русского платья желал я потому, что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с тем полагал, что оно бы снова сблизило нас с простотою отечественных нравов, сердцу моему чрезвычайно любезных» (ср. жалобы Чацкого на «чужевластье мод» в его знаменитом монологе).

Грибоедов доказывал, что, наряду с «благими нравами», «любовь к отечеству и воинственный дух народа в защиту политического бытия своего основывают силу и прочность государства». За соотечественников он был готов «голову положить». Его воодушевляли победы русского оружия: «Нельзя русскому сердцу не прыгать от радости». А с какой страстью и энергией отстаивал он интересы родины — не только по долгу службы, но и по велению своей патриотической совести! В последнее свое пребывание в Иране, в очень сложной политической обстановке, он ревностно оберегал достоин-

ство русского дипломата: «Слава богу... я поставил себя здесь на такую ногу, что меня боятся и уважают... Уважение к России и к ее требованиям — вот мне что нужно».

В то же время в патриотизме Грибоедова не было ничего от упрямой косности, шовинистической нетерпимости: национальная культура русского народа не мыслилась им в отрыве от общечеловеческой мировой культуры. Грибоедов не принадлежал к числу иванов, не помнящих родства: он отлично знал историю русского народа и ясно сознавал древность его национальной культуры. Вовсе не святоша, он любил бывать в церкви — потому что «его приводила в умиление мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Дмитрии Донском, Мономахе, Ярославе, в Киеве, Новегороде, Москве...» Эта непрерывность национального культурно-исторического процесса, преемственность культурных эпох, полностью учитывалась Грибоедовым в решении им основной для всей русской прогрессивной общественности 1810-х гг. задачи выработки нового философского, социально-политического и художественного мировоззрения.

Одним из самых центральных вопросов, выдвигавшихся в плане решения этой задачи, был вопрос об европеизации России, ее государственного организма, ее общественного и культурного быта. При этом речь шла о радикальном переустройстве (а в иных случаях и о революционном разрушении) мира феодально-крепостнических отношений, практически — прежде всего о ликвидации рабства. Для Грибоедова существо проблемы европеизации России заключалось в том, чтобы при усвоении опыта западной цивилизации сберечь самобытные основы русской культуры в процессе переключения ее в русло общечеловеческого культурного движения. Культура русского народа мыслилась Грибоедовым, как один из участков этого общемирового движения, но при этом она должна была остаться р у с с к о й культурой, ничего не утрачивая в своем исторически сложившемся национальном содержании. Эта идея национального культурного самоопределения лежала в основе декабристских культурно-исторических концепций.

Грибоедов питал глубокое презрение к «нравственному ничтожеству, прикрывавшемуся лаком иноземной образованности». Он ратовал за то, чтобы сберечь вековые богатства национальной культуры от ассимиляции в модном внешнем европеизме дворянского класса, столько же чуждого интересам народа, как и его прошлому. Он возмущался лживостью и никчемностью искусственно созданных форм европеизированного быта, из-под которых выпирала азиатская дикость крепостничества. Это возмущение продиктовало

ему в «Горе от ума» гневный протест против «нечистого духа пустого, рабского, слепого подражанья», против «чужевластья мод», которыми дворянская верхушка («поврежденный класс полу-европейцев») отгораживалась от народа, названного в комедии «умным» и «бодрым» (кстати, современник свидетельствует: «Грибоедов чрезвычайно любил простой русский народ»). «Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими!.. Парод единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки!» — записал Грибоедов под впечатлением подслушанных им возле Петербурга «родных песен», занесенных «со священных берегов Днепра и Волги».

Грибоедов пламенно любил Россию, но Россию не царей, помещиков и чиновников, а Россию народную — с ее могучими, затаенными до времени силами, заветными преданьями, умом и бодростью. Притом это была не слепая любовь «с закрытыми глазами, с преклонной головой, с запретными устами» (говоря словами Чаадаева), но — опять-таки характерная для декабристов — любовь «критическая», оборачивавшаяся жгучей ненавистью ко всяческому рабству и угнетению народа — социальному, политическому, духовному. Именно для участников декабристского движения апелляция к национальной истории, к героическому прошлому русского народа служила одним из основных приемов критики современного социального строя. «Возвышенная любовь к отечеству» сливалась в их сознании воедино с ненавистью к рабству и самовластию, унижавшим национальное достоинство русского человека. Декабрист М. А. Фонвизин, вспоминая, как «дух свободы повеял на самодержавную Россию», указывал, что офицеры гвардии вернулись из заграничных походов 1813—1815 гг. «с чувством своего достоинства и возвышенной любви к отечеству», что сравнение русской крепостнической действительности с общественно-политическими порядками на Западе «возмущало и приводило в негодование образованных русских» и их патриотическое чувство, что, наконец, они «усвоили свободный образ мыслей... стыдясь за Россию, так глубоко униженную самовластием». Устав Союза Благоденствия предписывал «быть особенным образом привержену ко всему отечественному и доказывать то делами своими»; цель Союза была сформулирована в уставе следующим образом: «Благо отечества», «утверждение величия и благоденствия российского народа». Только в свете такого революционного, декабристского осмысления патриотической идеи следует рассматривать и патриотизм Грибоедова.

На почве подобных настроений сложился воинствующий гуманизм Грибоедова, проникнутый верой в человека и пафосом борьбы

за его духовное и социальное освобождение. О своей душе Грибоедов говорил: «Для нее ничего нет чужого, страдает болезнию ближнего, кипит при слухе о чьем-нибудь бедствии».

В частности, гуманистические убеждения Грибоедова со всей силой сказались в его отношении к горским племенам Кавказа. Он любовно изучал их жизнь и нравы. Патриотические чувства Грибоедова не имели ничего общего с официальным великодержавным шовинизмом. В проекте организации Российской Закавказской компании Грибоедов, по необходимости нейтрализуя свою мысль благонамеренными оговорками и апелляцией к «человеколюбию монархов», смело и широко ставил вопрос о сближении русских с «новыми их согражданами» в Закавказье, без различия языков и исповеданий, на основе «преследования взаимных и общих выгод» и «начертания законов, согласных с местными обычаями». Он прямо призывал правительство отказаться от «предрассудков» шовинистической исключительности и «равно благотворить всем своим поданным, какой бы они нации ни были».

Этой стороной своей деятельности, еще мало изученной, Грибоедов явственно перекликается с нашим временем. Его мысль о том, что русскому народу чужда националистическая ограниченность и нетерпимость (по свидетельству современников, он настойчиво выдвигал эту мысль), отвечает нашему представлению о дружбе народов и более, чем когда-либо, именно сейчас со всей силой убедительности звучат слова поэта, что «чрез сие создалась и возвысилась Россия».

Проверить свои мысли и соображения на практике, применить свой идеологический опыт и свои знания к реальному делу и тем самым послужить России и русскому народу — таково было всегдашнее побуждение Грибоедова, его основной жизненный стимул. Меньше всего он был человеком отвлеченного, абстрактного мышления. Деятельность, активное, творческое отношение к жизни — одна из наиболее резко выраженных черт характера Грибоедова, коренное свойство его натуры. Не оставаться праздным наблюдателем происходящего в мире, но самому практически участвовать в происходящем, «самому быть творцом нравственно улучшенного бытия своего» и тем самым творчески содействовать людям — так понимал Грибоедов назначение человека. «Вот еще одна нелепость — изучать свет в качестве простого зрителя, — записал он однажды. — Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает... Наблюдать деятельность других можно не иначе, как лично участвуя в делах... Нужно самому упражняться в том, что хочешь изучить».

Активное и практическое отношение к жизни отличает Грибое-

дова от подавляющего большинства людей его времени, — будь это разочарованные пассеисты с наклонностью к элегической скорби или восторженные мечтатели с наклонностью к либеральному красноречию. Даже лучшие, наиболее передовые люди эпохи были людьми не дела, а фразы; декабристская среда дает тому не мало примеров. Грибоедов вовсе не похож на пылких и прекраснодушных героев десятых — двадцатых годов с их бурным романтическим воодушевлением. Человек громадной душевной страсти и могучего темперамента, он таил их в себе, расхолаживал разумом и выработал реальный взгляд на жизнь. В этом смысле он сродни Чаадаеву, Пестелю, декабристу Лунину, партизану Фигнеру, по существу, выпадавшим из общего «стиля» эпохи. Все это — люди с холодными лицами, с затаенными страстями, с трезвым рассудком и с горечью в сердце.

Практицизм и реализм Грибоедова определили его отношение к декабристам. Он был кровно связан с декабристским движением, с революционным подпольем 1810—1820-х гг. и, вероятно, формально состоял членом тайного общества. Истинная роль, которую играл он в декабристской организации, до сих пор не выяснена, но можно предположить, что она была велика. Нужно думать, что не без оснований Грибоедов был арестован по обвинению в учреждении тайного общества в Отдельном кавказском корпусе и в распространении политической литературы в Грузии. Многозначительно в этом смысле дошедшее до нас известие, будто бы в середине декабря 1825 г. Грибоедов (находившийся в это время на Кавказе, при Ермолове) говорил: «В настоящую минуту идет в Петербурге страшная поножовщина» (ср. в письме его от 18 декабря 1825 г.: «Какое у вас движение в Петербурге!! — А здесь... подождем»). Освобождение Грибоедова из-под ареста с «очистительным атестатом» может быть объяснено лишь отсутствием прямых улик и, дополнительно, заступничеством влиятельного Паскевича.

Грибоедов был человеком декабристского духа. Декабризм был общей базой философского, социально-политического и художественного мировоззрения Грибоедова, равно как и нормой его общественного поведения, и самое творчество его представляет собою один из наиболее разительных примеров художественного выражения декабристской идеологии. Это — бесспорно. Тем не менее, проблему Грибоедова неправомерно решать только в рамках декабризма. И мировоззрение, и творческая практика Грибоедова были, конечно, значительно шире и емче; они не укладываются без остатков в декабристские политические, экономические, историко-философские и эстетические концепции, — и остатки эти весьма

существенны. По многим важнейшим вопросам, в том числе и конкретно политическим, Грибоедов придерживался особых точек зрения, свидетельствующих не только о чертах сходства, но и о чертах различия между ним и декабристами.

В частности, по всему складу своего государственного ума, с точки зрения реального политика, Грибоедов раньше других со всей остротой ощутил кризис радикализма декабристского толка, определившийся, по существу, еще до 14 декабря. Он не верил в реальные политические перспективы декабризма, как движения, изолированного от широких народных масс и тем самым обреченного на неуспех. Предание приписывает ему такую фразу о декабристах: «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России». Также и грандиозный торгово-промышленный проект Грибоедова (Российская Закавказская компания) выражает прогрессивно-буржуазные экономические и просветительские тенденции, далеко не во всем совпадающие с программой декабризма, имеет своим источником иные филиации современной Грибоедову западно-европейской общественной мысли и вообще, при ближайшем рассмотрении, должен быть оценен, как явление последекабристской идеологии. В этом проекте, как и во всем, что он делал, Грибоедов был устремлен в будущее и опережал историю.

Сомнения в реальном исходе дела декабристов определили как самостоятельность общественной позиции Грибоедова в период подъема декабристского движения, так и известную промежуточность ее после 1825 г. Скепсис Грибоедова был оправдан историей. 14 декабря показало предел дворянской революционности. Первенцы русской свободы честно сложили свои головы или ушли на каторгу, и с их крушением кончилась целая эпоха русской истории. Вся обстановка общественного быта резко изменилась, наступило время жестокой реакции, полицейского сыска, придавленности и немоты. Новые революционные силы еще только накапливались где-то в глубине общества, не пробиваясь наружу. Герцен очень точно сказал, что для того, чтобы вынести воздух этой мрачной эпохи, «надо было приспособиться к неразрешимым сомнениям, горчайшим истинам, к собственной немощности, к постоянным оскорблениям каждого дня; надо было... приобрести навык скрывать все, что волнует душу, и не растерять того, что хоронилось в ее недрах,— наоборот, надо было дать вызреть в немом гневе всему, что ложилось на сердце... надо было обладать беспредельной гордостью, чтобы высоко держать голову, имея цепи на руках и ногах».

Крушение декабризма по-разному определило судьбы людей грибоедовского поколения, случайно либо не случайно уцелевших

при разгроме. Одни — наспех и навсегда распрощались с опасными «мечтами юности», чтобы органически врасти в новую обстановку; другие, как, к примеру, М. Ф. Орлов, утешались эффектным, но вполне беспочвенным и безобидным фрондерством. Грибоедов, разумеется, не мог примириться с моралью и порядками «трясинного государства», а новые подспудно складывавшиеся общественные отношения оставались для него неясными. Вместе с тем он был слишком активной натурой, чтобы найти утешение в салонном фрондерстве, подобно Орлову, или в гордом одиночестве, подобно Чаадаеву с его чисто умозрительным неприятием действительности. По всему складу характера, по темпераменту Грибоедов не мог оставаться в стороне от живой жизни, от практического дела. Но жизнь, окружавшая его, была еще более жалкой, позорной и мрачной, нежели та, которую сам он заклеймил в своей комедии.

Отсюда — внутренняя противоречивость позиции Грибоедова: сделав попытку переступить через свой век и войти в новую эпоху, не поступившись ни единым из своих убеждений, он вынужден был служить тому миру, который сам ненавидел и презирал. В этом мире задавали тон люди уже совершенно иной психологии, иного поведения; Грибоедову среди них было явно не по себе. Служебная карьера, при внешнем ее блеске, никак не могла удовлетворить Грибоедова. Его грандиозные «воображения и замыслы» терпели крушение в обстановке канцелярской рутины. Он чувствовал в себе призвание и силы к широкой деятельности в общегосударственном масштабе, а его сделали винтиком в бюрократической машине николаевской монархии. Официальная Россия, заставив гениального человека стать холодным чиновником с лицом, в котором «жизни нет», в сущности, платила ему лишь презрительным равнодушием. Пушкин имел все основания сказать о Грибоедове: «Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан». Говоря фигурально, перед пламенным мечтателем Чацким открывалась лишь умеренная и аккуратная карьера Молчалина, и это, конечно, было для Грибоедова самым страшным предзнаменованием. Отсюда — трагическое переживание им двусмысленности своего положения, его тоска, озлобленность и вспышки бешенства, недовольство самим собой, вечная самопроверка и самокритика.

О том же, как тяжело переживал Грибоедов разгром декабристов, видно из драгоценного для нас рассказа Петра Бестужева — одного из пострадавших по делу 14 декабря, встречавшегося с Грибоедовым на Кавказе. «Слезы негодования и сожаления дрожали в глазах благородного; сердце его обливалось кровию при воспо-

мнении о поражении и муках близких ему по душе и, как патриот и отец, (он) сострадал о положении нашем. Не взирая на опасность знакомства с гонимыми, он явно и тайно старался быть полезным. Благородство и возвышенность характера обнаружились вполне, когда он дерзнул говорить государю в пользу людей, при одном имени коих бледнел оскорбленный властелин!.. Единственный человек сей кажется выше критики, и жало клеветы притупляется на нем». Далее, отмечая, что душа Грибоедова была «чувствительна ко всему высокому, благородному, геройскому» и что им руководствовали «правила чести, коими б гордились оба Катона», Бестужев говорит: «Разбирая его политически, строгий стоицизм и найдет, может быть, многое, достойное укоризны, многое, на что решился он с пожертвованием чести; но да знают строгие моралисты, современные и будущие, что в нынешнем шатком веке в сей бесконечной трагедии первую ролю играют о б с т о я т е л ь с т в а и что умные люди, чувствуя себя не в силах пренебречь или сломить оные, по необходимости несут их иго. От сего-то, думаю, происходит в нем болезнь, весьма на сплин похожая...»

Это очень глубокая и точная характеристика Грибоедова. Со словами Петра Бестужева полностью согласуются лирические признания Грибоедова, проникнутые ощущением крушения декабризма и собственной судьбы:

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь...
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок пройник
Свет счастья на единый миг,
Как неожиданно, как дивно!
Мы молоды и верим в рай, —
И гонимся и вслед, и вдаль
За слабо брежжущим виденьем.
Постой! и нет его! угасло!
Обмануты, утомлены.
И что ж с тех пор? — Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб
И в нем живых себя заклали.
Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу
И веру в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!!

Примерно за год до смерти Грибоедов признался своему задушевному другу Степану Бегичеву: «Все, чем я до сих пор занимался,

для меня дела посторонние, призвание мое — кабинетная жизнь, голова моя полна, и я чувствую необходимую потребность писать». А его, между тем, заставляли служить, упрятали в далекое восточное захолустье, куда он уехал в последний раз с предчувствием, что назад уже не вернется. В самом конце перед ним, как будто, блеснул луч света — надежда на личное счастье с грузинской девушкой, ставшей его женой. Но и здесь его одолевали тяжкие сомнения: «Мне простительно ли, после стольких опытов, стольких размышлений вновь бросаться в новую жизнь?.. Это теперь так светло и отрадно, а впереди как темно! неопределенно!» Он жил с чувством отчаянной тоски, с навязчивой мыслью о самоубийстве, — с каждым днем «все далее от успокоения души и рассудка», — и в конце концов, в сущности, сам выбрал себе смерть — по выражению Пушкина, «мгновенную и прекрасную».

Однажды Грибоедов промолвился: «Есть внутренняя жизнь, нравственная и высокая, независимая от внешней». Скептицизмом, иронией и сарказмом, маской преуспевающего чиновника по ведомству иностранных дел, с «меланхолическим характером» и «озлобленным умом» (черты, отмеченные Пушкиным) — он как бы заслонил, законспирировал свою внутреннюю жизнь, которая лишь изредка, короткими вспышками, пробивалась наружу, случайные следы которой сохранились в интимных письмах поэта или в рассказах его друзей. Этой же высокой и напряженной жизни русская культура обязана созданием одного из самых драгоценных своих сокровищ, которое мы называем творчеством Грибоедова.

2

Писательская судьба Грибоедова не совсем обыкновенна. Он остался в истории «автором одной книги» (homo unius libri); все, что написано им сверх «Горя от ума», не может итти ни в какое сравнение с бессмертной комедией. Это бесспорно, но, вместе с тем, обычное представление о Грибоедове, как о «литературном однодуме» с чрезвычайно узким творческим диапазоном, ограниченным рамками комедийного жанра, как о писателе, случайно создавшем гениальное произведение и истощившем в нем свои творческие силы, — представление это искажает правильное историко-литературное осмысление всего художественного наследия Грибоедова от ранних его пьес до поздних трагедийных замыслов и снимает вопрос об интенсивном и сложном пути его творческого развития.

Драматургия молодого Грибоедова — еще вся целиком в традициях «легкой» светской комедии классического стиля, господствовавшей на русском театре в начале XIX века. Полупереводные — полуподражательные «комедии интриги», с которых начал Грибоедов («Молодые супруги», «Притворная неверность»), построены по узаконенному шаблону, по правилам, предписанным французской драматургической теорией. Как прилежный, но робкий ученик, молодой Грибоедов следовал этой безжизненной и условной теории. Традиционные сюжетные перипетии и ситуации, основанные на невамысловатых эффектах любовной интриги, закостенелые формы шестистопного стиха, схематизм в обрисовке персонажей, крайняя бедность, если не полное отсутствие сколько-нибудь весомого идейного содержания — вот, что характеризует эти пьески, в которых ничто еще не предвещает автора «Горя от ума».

Сцены из комедии «Своя семья, или Замужняя невеста» стоят на значительно более высоком идейном и художественном уровне. В частности, глубоко присущее Грибоедову тонкое чувство языка, проникающее в самую природу «театрального», звучащего со сцены слова, подсказало ему здесь тщательно разработанные стиховые диалогические формы, основанные па богатстве и разнообразии живых разговорных интонаций и отражающие речевую практику дворянского общества начала XIX века. Впоследствии эти формы нашли необыкновенно широкое и блестящее применение в «Горе от ума».

В ряду ранних произведений Грибоедова особняком стоит сочиненная им сообща с П. А. Катениным большая оригинальная комедия в прозе «Студент». Это — комедия памфлетно-сатирического склада, написанная в литературно-полемических целях и начиненная пародиями на стихи поэтов сентиментально-элегического стиля. Резкое изображение быта и нравов, известная широта охвата социальной темы (см., например, д. I, явл. 12), нарочитая «грубость» и «простонародность» языка, довольно откровенное пренебрежение каноническими правилами французской теории — все эти качества противопоставляют «Студента» жанру легкой светской комедии, в традициях которой складывалась драматургическая практика молодого Грибоедова. Элементы бытовой сатиры, наличествующие в «Студенте», могут быть соотнесены с «Горем от ума», да и самый образ Звёздова в известной мере предвосхищает образ Фамусова.

Именно то обстоятельство, что в ранних пьесах Грибоедова не чувствуется руки гениального мастера, лежало в основе версии о неожиданности, случайности и даже необъяснимости появления

«Горя от ума». Между тем, прославленную комедию нельзя рассматривать изолированно, как единичную и случайную вспышку творческого гения Грибоедова, как его неожиданную и трудно объяснимую удачу. Правильное историко-литературное осмысление лучшего произведения русской стиховой драматургии невозможно без учета ранних комедий Грибоедова, при всем своем несовершенстве послуживших для него своего рода «творческой лабораторией» — тем опытным полем, на котором он на практике постигал законы драматического искусства в применении к условиям сцены. И тем более нельзя составить достаточно полное и точное представление о комедии Грибоедова вне соотнесенности ее с общеидеологической и художественной проблематикой русской литературы и русского театра 1810—1820-х гг.

Грибоедов вовсе не был писателем-одиночкой, прокладывавшим какой-то особый, уединенный путь вне групп и направлений, действовавших в его время, вне литературных споров, вне идеологической борьбы. Наоборот: он выступил, как представитель мощного литературно-театрального течения, ознаменовавшего в начале XIX века расцвет русской стиховой драматургии и связанного в первую очередь с именами А. А. Шаховского, Н. И. Хмельницкого, П. А. Катенина, А. А. Жандра и В. К. Кюхельбекера, практически решавших задачу обновления русского драматического искусства. Комедия Грибоедова возникла на почве развитой литературно-театральной культуры, уже имевшей к тому времени свои устойчивые традиции.

Шаховской, Катенин, Жандр, Кюхельбекер составляли ближайшее дружеское и литературное окружение Грибоедова. Общественную позицию этой группы и вообще весь ее идеологический облик отчетливо характеризует бóльшая или меньшая причастность названных лиц к декабристскому движению. В разной мере все они принимали активное участие в деле выработки нового прогрессивного мировоззрения и боролись за национальное самоопределение русского искусства, за его самобытность и народность, за повышение его общественного значения и влияния. Предпринятая ими борьба за новое понимание целей и задач искусства, за обновление литературных форм, за создание самобытно-национальной художественной культуры, за «правдоподобие», «просторечие» и подлинный историзм — в конечном счете оборачивалась борьбой за упрочение и развитие принципов реалистического искусства в пору его первоначального формирования на русской почве.

Комедия Грибоедова возникла в плоскости этого течения. Она родилась в атмосфере напряженной литературной борьбы,

в условиях широко развернувшихся споров по вопросам реконструкции театра и радикального обновления драматического репертуара. Комедия явилась практическим осуществлением целого ряда конкретных пожеланий и требований, выдвигавшихся в кругу литературно-театральных друзей и единомышленников Грибоедова.

Писатели декабристского направления уделяли много внимания театру и специально — проблеме обновления русского драматического репертуара, в полной мере учитывая общественно-агитационную роль театра. В числе других вопросов, связанных с задачей национального возрождения литературы, в их среде выдвигался и вопрос о создании «самобытной» комедии.

Так, например, один из участников кружка «Зеленая лампа», служившего в 1819—1820 гг. негласным литературно-театральным филиалом декабристской организации (вероятно, это был А. Д. Улыбышев, известный впоследствии историк музыки), выступая против французомании, царившей в русской литературе и на русском театре, особо останавливался на судьбах национальной комедии. Заглядывая в будущее, он предсказывал в форме утопического «сна», что политическая победа декабризма закономерно приведет к расцвету «самобытной комедии» и ликвидирует на русской сцене нетерпимое засилье переводов и переделок французских пьес, «устаревших даже у того народа, для которого они были сочинены». «Великие события, разбив наши оковы, — говорит человек будущего, — вознесли нас на первое место среди народов Европы и оживили также почти угасшую искру нашего народного гения... Нравы, принимая черты все более и более характерные, породили у нас хорошую комедию, комедию самобытную». Политическая сторона вопроса о судьбах национальной комедии, призванной служить мощным средством общественно-морального воспитания, долженствующей разоблачать несовершенства социального строя и исправлять нравы, повредившиеся в условиях невежества и деспотизма, — подчеркнута в высказываниях данного автора достаточно резко. Грибоедов был тесно связан с участниками кружка «Зеленая лампа», и «Горе от ума» явилось как бы прямым ответом на подобного рода пожелания.

Сила и размах художественного дарования Грибоедова определили масштабы его творческой работы. В «Горе от ума» он оставил далеко позади себя все гипотетически мыслившиеся решения проблемы обновления комедийного жанра, решил их по-своему — смело и гениально, и выступил подлинным реформатором русской комедии, на целое столетие предопределившим пути ее дальнейшего развития. «Горе от ума» завершило на русской почве традиции

классической комедиографии XVIII века и, вместе с тем, открыло собою новую эпоху русской драматургии, ознаменованную творчеством Гоголя, Лермонтова, Сухово-Кобылина и Островского.

В условиях репертуарного кризиса, выявившегося в начале двадцатых годов, когда уже явно сходила на-нет инерция салонно-светского комедийного жанра, в свое время модернизированного Шаховским и Хмельницким, — идейный и художественный резонанс «Горя от ума», появившегося накануне восстания декабристов, был необыкновенно велик. В мировой литературе не много можно найти произведений, которые, подобно «Горю от ума», в короткий срок снискали бы столь несомненную всенародную славу. При этом современники в полной мере ощущали социально-политическую актуальность комедии Грибоедова, воспринимая ее как произведение декабристской литературы, ставившей своей генеральной задачей разработку «собственных богатств» (национальной истории и современной русской жизни), и собственными, незаемными средствами. Современная критика оценила «Горе от ума», как первую в русской литературе «комедию политическую». Сближая ее в этом смысле с «Женитьбой Фигаро», О. И. Сенковский указывал, что «Бомарше и Грибоедов с одинакими дарованиями и равною колкостию сатиры вывели на сцену политические понятия и привычки обществ, в которых они жили, меряя гордым взглядом народную нравственность своих отечеств» («Библиотека для чтения» 1834, № 1).

Историк В. О. Ключевский имел все основания назвать комедию Грибоедова «самым серьезным политическим произведением русской литературы XIX века». В этом нет преувеличения. Комедия прозвучала, как открытый вызов миру насилия, хамства и обмана, хотя Грибоедов и не ставил перед собою прямолинейно-политических задач. Он не изобличал ни самый институт рабства, ни отдельные стороны крепостного права. Но он дал в своей комедии нечто бóльшее: художественный образ эпохи. С громадной силой и страстью в «Горе от ума» разоблачается мертвящий «дух» рабства — мракобесие, раболепство, умственный застой и духовное ничтожество крепостнического общества, — все, что составляло самую атмосферу аракчеевщины и фотиевщины, в которой нечем было дышать умному и благородному человеку.

Замечательна широта, конкретность и злободневность социальной критики Грибоедова, охватившей наиболее актуальные явления общественного быта России в 1810—1820-е гг. Злодейства «знатных негодяев», вельможный сервилизм Фамусова и мелкотравчатое подхалимство заурядных бюрократов типа Молчалина, светская франзузомания, совмещавшаяся с ненавистью к малейшим

проблескам независимой мысли, растленная «мораль» Фамусовых и солдафонство Скалозубов, лживый «клубный» либерализм Репетиловых и Удушьевых и т. п. — таков широчайший диапазон критики Грибоедова.

Но, конечно, не только страстностью и конкретностью социальной критики Грибоедова определяется в русской литературе место «Горя от ума», как произведения, ознаменовавшего становление нового, реалистического художественного стиля. Не менее важное значение приобрели в этом плане широко и свободно разработанная Грибоедовым тема человеческого благородства и по-новому решенная им проблема создания образа положительного героя — человека передовых убеждений и «возвышенных мыслей».

Широта и верность художественных обобщений, богатство психологического содержания, стремительность, стройность и законченность сюжетного развития, живость, гибкость и образность стихотворного языка, тонкое чутье, с каким Грибоедов постиг законы драматического жанра, самую специфику искусства сцены, — все эти качества определили значение «Горя от ума», как величайшего памятника не только прогрессивной общественной мысли, но и прогрессивной художественной культуры.

Положив в основу своей комедии драматическую коллизию противоречия героя с окружающей его средой, Грибоедов тем самым решал выдвинутую декабристами проблему создания «гражданской», идейно насыщенной и общественно значимой литературы, задачи которой отнюдь не сводились лишь к сатирическому обличению нравов крепостнического общества, но которая также способна была бы служить целям революционного общественно-политического воспитания — возбуждать любовь к «общественному благу» и будить ненависть ко всяческому произволу и угнетению. Требовалась не только сатира, но и героика, не только разоблачение низких пороков, но и апология высоких гражданских страстей.

Грибоедов в «Горе от ума» не только ответил на первое из этих требований, но и попытался решить проблему высокого героического характера, — хотя сама природа комедийного жанра неизбежно и закономерно ограничивала возможности решения этой проблемы. При всем том Чацкий наделен чертами высокого гражданского героя, и именно в силу этого обстоятельства, по существу, выпадает из общего комедийного плана «Горя от ума». Характерно в этой связи, что патетические монологи Чацкого (особенно «А судьи кто?..») воспринимались современниками, как полноценные произведения гражданской поэзии — сами по себе, вне соотнесенности их со всей комедией в целом.

Литература 1810—1820-х гг. не создала положительного героя в духе декабристских представлений о человеке и его общественной практике. Положительный герой был только задан, но художественно задание это осталось не реализованным. В образе Чацкого Грибоедов, в меру тех ограниченных возможностей, какие предоставлял ему комедийный жанр, попытался решить проблему положительного героя — человека нового склада ума и души, воспитывающего в себе новую мораль, вырабатывающего новый взгляд на мир и на человечество. Чацкий — более, чем какой-либо другой из героев русской литературы двадцатых годов — воплотил в себе черты такого нового человека — еще не свободного, но уже освобождающегося, проникнутого освободительным «духом времени».

Не подлежит сомнению, что в образе Чацкого Грибоедов хотел в полную меру своего сочувствия показать человека декабристского духа, человека с «оскорбленным чувством», поднимающего бунт против общества — в защиту личности, гуманистического утверждения прав личной свободы и человеческого достоинства. Чацкий — не только провозвестник декабристских (в широком значении этого слова) идей. В нем также воплощена норма общественного поведения, гражданской морали. Его понимание идеи д о л г а и практического осуществления этой идеи, его воодушевление и гневный пафос, страстность его обличительного тона — все это в условиях общественного и политического быта аракчеевской эпохи приобретало прямую агитационную направленность и громадную силу моральной убедительности. Это очень хорошо понял Герцен: «Фигура Чацкого, меланхолическая, ушедшая в свою иронию, трепещущая от негодования и полная мечтательных идеалов, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне возмущения на Исаакиевской площади: это — декабрист». Вне такого понимания нельзя правильно осмыслить и исторически оценить образ Чацкого — главного предка гражданских героев русской литературы XIX века.

Сама проблема «ума», поставленная в комедии и сформулированная в ее заглавии (в первоначальной редакции еще более четко: «Горе уму»), в грибоедовское время была чрезвычайно актуальна и осмыслялась очень широко, как проблема вообще интеллигентности, просвещения, культуры. Можно было бы привести не мало данных, свидетельствующих, что с понятием «умный», как правило, ассоциировалось в ту пору представление о человеке передовых убеждений, носителе новых идей, и еще конкретнее — о члене тайного общества, будущем декабристе. Есть основания предполагать, что в образе Чацкого отразилась личность одного из характер-

нейших представителей декабризма — «неугомонного рыцаря» Кюхельбекера, с которым Грибоедов был очень близок. Даже если это не так, Чацкий, воплощая в себе типические черты декабриста, разительно похож на Кюхельбекера, как он похож и на других «неугомонных рыцарей» и «умников» того времени, пылкость которых сплошь да рядом оборачивалась в глазах окружающих «безумием», «горем от ума».

Чацкий показан во враждебном окружении. Пламенный мечтатель с живым чувством, разумной мыслью и благородными порывами, он противопоставлен сплоченному и многоликому миру фамусовых, молчалиных и скалозубов с их мелкими целями и низкими стремлениями. Он чужой в этом мире. «Ум» Чацкого ставит его в глазах фамусовых и молчалиных вне их круга, вне привычных для них норм общественного поведения: лучшие человеческие свойства и склонности героя делают его в представлении окружающих «странным человеком», «чудаком», «безумцем».

Пережив тяжелую личную трагедию, Чацкий уходит из фамусовского мира искать уединенный «уголок» для своего оскорбленного чувства. Но при всем том историческое значение «Горя от ума» было бы в значительной мере сужено, если бы Грибоедов дал в образе Чацкого лишь очередную вариацию на обычную в литературе двадцатых годов романтическую тему разочарования и гордого одиночества. Важно отметить, что Грибоедов внес в свою разработку этой темы существенный корректив. А именно: поставив в образе Чацкого центральную для всей современной литературы проблему индивидуализма, он решил ее по-своему, вне байронической интерпретации.

В Чацком нет и следа байронического «демонизма». Он молод, непобедимо бодр, целен в своих чувствах, жизнедеятелен и прежде всего — прост. Интересно, что этот мятежный протестант, борец со всяческой косностью, невежеством, моральным и культурным одичанием — на первых порах не бежит, подобно героям Байрона и байронистов, от чуждого и враждебного ему общества, не отворачивается от него с гордым презрением, хотя в полной мере и ощущает свой разлад с ним. Напротив, в первых сценах комедии Чацкий — «мечтатель», которому дорога его мечта, мысль о возможности нравственного перевоспитания этого эгоистического, погрязшего в своих пороках общества, и он приходит к нему, к этому обществу, с горячим словом убеждения. Чацкий чужд духовного своекорыстия, когда охотно вступает в спор с Фамусовым, когда адресуется со своими обличениями к Скалозубу, когда раскрывает перед Софьей мир своих чувств и переживаний. И только потом,

оболганный и оскорбленный обществом, он убеждается в безнадежности своей проповеди, освобождается от своих «мечтаний» («Мечтанья с глав долой, и спала пелена!..»), принимает вызов фамусовского мира и отрясает его прах от своих ног.

В образе Чацкого оттенены черты человека волевого характера, творческой активности и полноты жизненных ощущений. Он — вовсе не отчаявшийся во всем мизантроп, угнетенный сознанием роковой предопределенности своей судьбы, но человек твердой воли и активного действия, ревнитель общественного блага, наделенный живой страстью и пытливой мыслью. Он — из тех, кто «вперяет в науки ум, алчущий познаний», в чьей душе горит жар к искусствам. При всей своей молодости, он — деятель, обладающий не малым житейским опытом: «славно пишет и переводит», успел побывать на военной службе, видел свет, был в связи с министрами,— «служить бы рад», только ему «прислуживаться тошно». Не его вина, что, будучи человеком активного, практического отношения к жизни, в условиях сложившегося политического и общественного быта он обречен на бездействие и предпочитает «рыскать по свету».

Еще Гончаров правильно подметил эти черты характера Чацкого, отличающие его от закрепленных традицией русского байронизма (в его массовом литературном выражении) с юности разочарованных, безвольных и внутренне опустошенных мизантропов. В развитие мысли Аполлона Григорьева, доказывавшего, что Чацкий «есть единственное истинно-героическое лицо нашей не только сцены, но и литературы вообще», Гончаров, сближая Чацкого с Онегиным и Печориным, подчеркнул его превосходство над ними, как героя, более полно воплотившего благородные человеческие стремления и пафос положительного содержания общественной и творческой практики человека. «Чацкий, как личность, несравненно выше и умнее Онегина и лермонтовского Печорина,— говорит Гончаров. — Он искренний и горячий деятель, а те — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века. Ими заканчивается их время, а Чацкий начинает новый век — и в этом все его значение и весь „ум“» («Мильон терзаний»). Это замечание о том, что Чацкий начинает новый век — быть может, самое важное из всего, что было сказано о нем в XIX столетии.

Волевой, мужественный характер Чацкого с особенной силой выявляется в его последнем монологе («Не образумлюсь... виноват»). Здесь тема воли Чацкого достигает своей кульминации. Громадная сила лирического чувства, которою проникнут этот монолог, полна

волевого напряжения. Окончательно убедившись в иллюзорности своих надежд, прозревший и отрезвившийся Чацкий не только клеймит Фамусова, но и сам духовно освобождается, мужественно побеждая свою страстную и нежную влюбленность и разрывая последние нити, связывавшие его с фамусовским миром, где гаснет ум и гибнет страсть.

Сам Грибоедов в письме к Катенину (см. стр. 481 наст. издания) с предельной ясностью раскрыл содержание положенной в основу «Горя от ума» драматической коллизии столкновения героя со средой: «... человек разумеется в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих». И далее Грибоедов показывает, как постепенно и планомерно нарастает конфликт Чацкого с обществом. С этим планомерным и психологически глубоко обоснованным развитием стержневой драматической интриги строго согласована вся сюжетно-композиционная структура комедии, равно как и динамическое развитие характера Чацкого — уже не статического, как у классиков, а показанного в непрерывном движении, в борьбе сложных противоречий.

Грибоедов овладел искусством раскрывать содержание человеческих образов в самой динамике драматического действия, согласованного во всех сюжетных перипетиях с внутренним развитием характера. Грибоедовские герои (исключая разве одну Лизу) уже не вмещались в обычные комедийные амплуа, закрепленные драматургической традицией классицизма. Характеры их многосторонни. Содержание образа Фамусова, например, вовсе не исчерпывается тем, что он сварливый и мракобесный старик. Он также и любящий отец, и строгий начальник, и покровитель бедных родственников, и заправский волокита. До столкновения с Чацким он не больше как крикливый, но довольно добродушный и даже не лишенный известной привлекательности «старовер», и только в процессе самого действия образ Фамусова раскрывается полностью, вырастает в обобщенный образ-символ, вобравший громадное общественное содержание.

Проблема психологического единства разнообразных страстей в многостороннем и противоречивом характере решалась Грибоедовым прежде всего в образе центрального героя комедии, изображенного в противоборстве своего гнева и своего страдания. У Чацкого «ум с сердцем не в ладу». Он наделен множеством чувств: одновременно зол и чувствителен, насмешлив и нежен, вспыльчив и сдержан, весел и брюзглив и т. д. «Ум» и благородство Чацкого, владеющие им чувства гражданского негодования, общественного

долга и человеческого достоинства вступают в острый конфликт с его «сердцем», с его страстной любовью к Софье. В образе Чацкого Грибоедов раскрывает трагическую коллизию «долга» и «страсти» или шире — общественных и личных страстей (если пользоваться современной Грибоедову терминологией).

Обе драмы Чацкого — и общественная, и личная — развертываются в комедии во внутренней связи и взаимной обусловленности. Они слиты нераздельно. Общественное негодование Чацкого приобретает особый лирически-эмоциональный характер в связи с постепенным крушением его надежд на личное счастье. И обратно: чувство неразделенной любви обостряет конфликт Чацкого с обществом, завершающийся окончательным разрывом. Все поведение Чацкого — его поступки и речи — проникнуто внутренней логикой подъема и угасания его личного чувства. Негодование Чацкого растет по мере того, как неуклонно растет его любовная тревога. При всем том личная драма Чацкого обусловлена социально, дана, как следствие общественных условий, определивших судьбу одинокого мечтателя и протестанта. Софья целиком принадлежит фамусовскому миру. Она не может полюбить Чацкого, который всем складом ума и души противостоит этому миру. Именно потому любовный конфликт Чацкого с Софьей разрастается до масштабов поднятого им общественного бунта. Именно потому личная и социальная драмы Чацкого не противоречат одна другой, но взаимно дополняют одна другую, воплощая в себе владевшую сознанием Грибоедова идею трагической обреченности умного и благородного человека в неразумном и подлом обществе.

Вообще возникает вопрос, в какой мере «Горе от ума» является комедией? Важно отметить, что самому Грибоедову первоначальный замысел «Горя от ума» рисовался в иной форме. В заметке, служившей, очевидно, наброском предисловия к комедии, он сказал: «Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я вынужден был облечь его». Не подлежит сомнению, что Грибоедов имел в виду в данном случае не только и не столько внешние, в частности цензурные, причины, но и более глубокие, чисто художественные обстоятельства, связанные с природой комедийного жанра и сузившие его первоначальный замысел.

Нельзя сказать, что в комедии ничего не осталось от этого замысла. В ней есть философский центр, и центр этот — в проблеме ума, которую Грибоедов ставит и решает в духе западно-европейских и русских просветителей. Говоря в общей форме, философская

идея «Горя от ума» может быть определена, как идея активного, жизнетворческого и жизнедеятельного разума, руководимого волей и освобождающего человека от индивидуалистических страстей, владеющих его сознанием. Сама по себе эта идея имеет отчетливо выраженное просветительское происхождение, отсылая в первую очередь к концепциям Гельвеция. Вместе с тем, Грибоедов выдвинул в своей комедии громадную и новую для русской литературы тему противоречия ума и неразумной действительности. Его комедия — пьеса о горе человека, и горе это проистекает от его ума. Грибоедов задался целью показать трагедию пытливого, деятельного, творческого человеческого разума в условиях неразумного мира. Тем самым, учитывая опыт истории и постигая реальные общественные противоречия своего времени, он разрушал абстрактно-рационалистические иллюзии, характерные для просветительской мысли XVIII века.

Иное дело, что первоначальный «высокий» замысел Грибоедова получил в комедии частичное осуществление. Однако, сама коллизия страсти и долга, нашедшая выражение в личной драме Чацкого, вносит в памфлетно-сатирическую комедию быта и нравов подлинно трагическое начало. Оно не ощутимо в первом акте, вся экспозиция которого, как будто, предполагает достаточно заурядный комедийный сюжет (герой возвращается на родину; любимая им девушка встречает его равнодушно, потому что увлечена другим; герой заблуждается и т. д.). Но по мере развития действия из обычной комедийной ситуации вырастает тема горестной судьбы Чацкого, полная драматического напряжения и исключающая возможность благополучной развязки. «Горе от ума» — драма «пылкой юности» и несбывшихся надежд Чацкого — «нового человека» двадцатых годов, освобождающегося от ветхозаветных понятий и представлений, и как таковая, она охватывает всю сферу его житейских отношений, в том числе и интимно-любовных. Глубочайший смысл пьесы заключается в том, что она показывает, как в условиях крепостнического общества гибнут ум, любовь, всякая живая страсть, всякая независимая мысль, всякое искреннее чувство. Интимная драма героя силою обстоятельств разрастается в общественную драму целого поколения носителей передового мировоззрения декабристской эпохи.

Грибоедов смело и радикально разрушил канон классической комедии, преодолев ее условность и схематичность, вместив в ее формы широкую общественную тему столкновения двух поколений. Великой удачей «Горя от ума» Грибоедов был обязан свободе своего творческого сознания, независимости своих художественных

представлений от нормативных теорий и школьных правил. Когда П. А. Катенин, хранивший верность заветам классицизма, педантически заметил, что в «Горе от ума» «дарования более, нежели искусства», Грибоедов отозвался, что для него это «самая лестная похвала», и с замечательной прямотою следующим образом обосновал свой ответ: «Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного пóтом и сидением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, — тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко... Я как живу, так и пишу — свободно и свободно».

Именно на примере «Горя от ума» можно с особенной ясностью проследить процесс вызревания реалистического стиля из распадавшейся и отмиравшей художественной системы классицизма. «Натура событий» — таков был эстетический критерий Грибоедова, наделенного громадной способностью жизненной наблюдательности. Живая жизнь, реальная действительность была одновременно и источником и объектом его искусства. Отказавшись от закрепленных классической традицией рационалистических приемов однолинейного построения драматического характера, научившись так изображать своих героев, что мы видим как бы стоящие за ними социальные законы, формирующие их психику и определяющие их поведение, Грибоедов создал обширную галлерею реалистических, художественно цельных типов. Имена его героев стали нарицательными, до сих пор служат обозначением целых комплексов социально-бытовых явлений, стали синонимами бюрократизма, подхалимства, дешевого либерального пустословия, солдафонства. Известная гиперболизация типических черт превращает образы Грибоедова в «образы-символы», обладающие огромной силой жизненности. Быт стародворянской Москвы, изображенный Грибоедовым, давно уже ушел в безвозвратное прошлое, а типы, неразрывно связанные с этим бытом, понятные только в условиях своего исторического времени, остались бессмертными.

Однако, обобщал Грибоедов через конкретное и индивидуальное, или, если пользоваться его терминологией, типизировал через «портретное». Каждый человеческий образ он наделял не только четкой социально-бытовой характеристикой, но и вносил в него конкретное индивидуальное и психологическое содержание, воплощая устойчивые типические черты в неповторимо-индивидуальном

«портретном» облике персонажа. Под «портретностью» Грибоедов понимал вовсе не мелочное копирование реально существующих лиц (это он называл «карикатурою»), а именно принцип типического обобщения образа без ущерба для его индивидуальной выразительности. Свои «портреты» он равно противопоставлял и плоским, прямолинейным натуралистическим «карикатурам», и «антропосам собственной фабрики», т. е. образам, искусственно созданным воображением художника без проникновения в природу конкретной действительности. «Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика» — писал он Катенину.

Это была поэтика художника-реалиста, не рабски копирующего действительность, но силою искусства преображающего «натуру», раскрывающего самую суть ее, создающего художественный образ действительности, — образ, который не является простым отражением явлений жизни в их статике и разобщенности, но воссоздает их в движении, взаимосвязи и реальных противоречиях.

Таким же художником-реалистом был Грибоедов и в сфере литературного языка. Вопросы языка вообще имели для него исключительно важное значение и в решении их он далеко опередил большинство своих современников. Можно сказать, что, наряду с Крыловым и Пушкиным, Грибоедов был подлинным создателем нашего литературного языка. Современники единодушно отмечали необыкновенное богатство, чистоту и гибкость стихотворного языка грибоедовской комедии, его «непринужденность», «разговорность» и «русский колорит». В. Ф. Одоевский с полным основанием назвал Грибоедова «единственным писателем, который постиг тайну перевести на бумагу наш разговорный язык». Пушкин предсказал, что половина стихов «Горя от ума» войдет в пословицы. И, действительно, десятки грибоедовских словечек и выражений прочно вошли в повседневный речевой обиход. Говоря словами Гончарова, «грамотная масса... развела всю соль и мудрость пьесы в разговорной речи, испестрила грибоедовскими поговорками разговор». Другого примера подобной языковой жизненности и влиятельности в русской литературе, пожалуй, не найти.

Так, прокладывая по всем направлениям новые пути в искусстве, Грибоедов своим «Горем от ума» внес громадный вклад в дело обновления нашей художественной культуры, как один из основоположников русского реализма и создателей русского литературного языка.

Грибоедов вложил в «Горе от ума» свой личный опыт переживания действительности, свой пытливый ум, свою гуманную душу. Однако, комедия не исчерпала ни творческих возможностей поэта, ни увлекавших его новых социальных и исторических тем. Современники ждали от Грибоедова новой комедии, но его творческая мысль была устремлена в ином направлении. Уже в 1824 г., перерабатывая свою комедию, он писал о ней, как о «мелочной задаче, вовсе несообразной с ненасытностью души, с пламенной страстью к новым вымыслам, к новым познаниям, к людям и делам необыкновенным», и тут же признавался, что гораздо охотнее написал бы трагедию. И в последние четыре года своей жизни он настойчиво пытался сделать это.

Проблематика «Горя от ума» была углублена и расширена в замечательных трагедийных замыслах Грибоедова, из которых до нас дошло очень не много — начерно записанные «планы», разрозненные фрагменты. Однако и по этим случайным и отрывочным наброскам можно составить достаточно точное представление о масштабах и направлении творческой работы зрелого Грибоедова. Отныне его внимание привлекают судьбы народов и государств, социальная героика, культурный мир Востока — в древности и в современности. Самое обращение Грибоедова к трагедийному жанру было вполне естественным и закономерным. Только в трагедии он мог поставить и разрешить волновавшие его вопросы, поскольку именно трагедия, в ее исторически сложившихся формах, являлась в русской литературе единственным жанром, стремившимся выйти за пределы личной и частной проблематики — к широкому изображению народных и государственных судеб.

Особенно интересовали зрелого Грибоедова темы, связанные с историей и борьбой русского народа. Именно на национально-историческом, по преимуществу, материале Грибоедов пытался решить проблему создания героического характера, предварительно поставленную им в «Горе от ума», в образе Чацкого.

Писатели декабристского направления выдвинули в русской литературе двадцатых годов национально-историческую тему, как тему героическую и революционную. Они искали в истории примеры, которые отчетливо выражали бы дух свободолюбия, свойственный русскому народу. В условиях эпохи тема национальной борьбы за великие и благородные цели, ассоциируясь с конкретными явлениями действительности, приобретала полногласное политическое звучание и острую актуальность. В этом направле-

нии шел и Грибоедов. Темами своими он избирает судьбу Ломоносова — самородного гения, выдвинутого из самых глубин народной России («Юность вещего»), полную драматического напряжения борьбу Руси с половцами («Серчак и Итляр»), другие героические события русской истории (замыслы трагедий о Владимире Киевском и Федоре Рязанском, о которых до нас дошли лишь глухие упоминания) и, наконец, Отечественную войну 1812 г.

Однако Грибоедов в своем решении национально-героической темы шел значительно дальше, нежели декабристские поэты. То неверие в реальные политические перспективы декабристского движения, которое было присуще Грибоедову, в конечном счете определило и характер его творческой работы после поражения декабристов. Богатый личный опыт помог Грибоедову глубже и шире раскрыть природу исторического процесса и социальных катастроф. Раньше других осознав слабость дворянских революционеров, не имевших опоры в народе, Грибоедов раньше других пришел и к постижению исторических закономерностей жизни народов. Его критический взгляд помог ему правильно понять и оценить роль и значение народа, как главной движущей силы истории. После катастрофы 14 декабря Грибоедов проникается идеей народа, творящего свою историю. И в самом обращении его к историческим темам сказалась тенденция переоценить трагический опыт декабристов, понять их ошибки и объяснить их поражение в свете грандиозного исторического опыта широких народных движений. Так в сознании Грибоедова рождается новая, уже последекабристская философия истории, нашедшая отражение (к сожалению, весьма неполное) в его трагедийных замыслах.

Большой интерес в этой связи представляет план трагедии «Родамист и Зенобия», позволяющий в общих чертах установить содержание одного из грибоедовских замыслов, хотя в плане намечена, по существу, лишь завязка трагедии (два акта из предполагавшихся, повидимому, пяти). Тема трагедии, взятая из древней истории Грузии и Армении, — заговор вельмож против царя-тирана. Заговор терпит крушение — потому что заговорщиками владеют «мелкие страсти» (тогда как Родамист — сильный, волевой характер, с душой, «алчущей великих дел»), потому что они «ссорятся о будущей власти», потому, наконец, что «народ не имеет участия в их деле, — он как будто не существует». В третьем акте трагедии «возмущение делается народным, но совсем не по тем причинам, которыми движимы вельможи». Трагедия была задумана Грибоедовым, по всем данным, после 1825 г. Тема крушения политического заговора против тирании, в котором народ «не имеет участия»,

после разгрома декабристов приобретала исключительно актуальное значение и полностью соответствовала убежденности Грибоедова в обреченности декабристского движения, изолированного от народных масс. Так, на далеком историческом материале Грибоедов решал злободневнейшую в эпоху двадцатых годов проблему соотношения народа и царской власти.

Именно вопрос о закономерностях истории, как он решался Грибоедовым, позволяет констатировать, что, подобно Пушкину, он преодолел узость философско-исторических представлений, сложившихся на почве рационализма, и в стихии романтического историзма обрел путь к реалистическому пониманию законов, управляющих жизнью и судьбами человечества. В плоскости такого понимания сформировался русский реализм, и в этом смысле Грибоедов, наряду с Пушкиным, стоит в начале столбовой дороги русской литературы XIX века. Декабристы мыслили еще внеисторически, обосновывая свою программу в понятиях абстрактного и, по существу, антиисторического «естественного права», доставшегося им в наследство от просветителей XVIII века. Хотя они и апеллировали к «общему благу», в центре их сознания стоял индивидуальный герой, вступающий в единоборство с противостоящими ему злыми, враждебными силами. В искусстве декабристской формации герой этот изображался вне связи с конкретной исторической эпохой, неповторимой в своем социальном, культурном и бытовом своеобразии (типичный пример — исторические герои-маски в «думах» Рылеева).

Грибоедов преодолевал эту свойственную декабристам внеисторичность мышления, наново решая проблему взаимоотношений личности и общества, взаимодействия героя и народа, и придя к убеждению, что только народ творит историю и родит героев. Отсюда понятным становится напряженный интерес зрелого Грибоедова к темам народных движений, социальных катастроф и массового героизма. Если в «Горе от ума» заданная современностью задача создания положительного героя получила, в образе Чацкого, лишь ограничительное решение (и все же частная тема судьбы Чацкого разрушила канон классической комедии), то в драме о 1812 г. Грибоедов уже органически связывал тему личной судьбы героя с общей темой народа, как творца и движущей силы истории.

Уцелевшие план и фрагмент этой драмы представляют собою явление единственное в литературе двадцатых годов. Отечественная война, служившая в официозной литературе источником казенных ложно-патриотических восторгов и сводившаяся к «истории генералов двенадцатого года», предстает в драме Грибоедова, как

освободительная народная война. Судя по плану, Грибоедов в полной мере уяснил громадную роль Отечественной войны в становлении национального самосознания русского народа. Его замысел проникнут идеей творческой силы народа («Сам себе преданный, — что бы он мог произвести?»). Он всячески подчеркивает «народные черты» войны, центральным героем драмы избирает крепостного.

Герой остается в Москве при вступлении в нее неприятеля, после — бежит из Москвы и сражается с французами во «всеобщем ополчении без дворян» (тут же «трусость служителей правительства»). Эта тема измены дворянства своему патриотическому долгу защиты отечества затронута и в дошедшей до нас сцене, в монологе Петра Андреевича («А ныне знать, вельможи — где они?..»). Дальнейшая судьба героя окончательно раскрывает идейный, антикрепостнический смысл драмы. М., совершивший отважные подвиги, попадает в Вильну, где дворянство пожинает плоды победы: «Отличия, искательства; вся поэзия военных подвигов исчезает. М. в пренебрежении у начальников. Отпускается по-свояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию». И в итоге — «прежние мерзости. М. возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду», и в отчаянии кончает самоубийством. Здесь Грибоедов задался целью художественно реализовать мысль декабристов о трагической судьбе народа-героя, народа-победителя, спасшего Россию в час грозной опасности и после одержанной им великой победы снова ввергнутого в цепи рабства и бесправия.

Конкретно-историческое мышление Грибоедова позволило ему объединить в едином драматургическом замысле две темы — героическую и «гражданственную». Драма должна была не только прославить бессмертный подвиг народа, но и разоблачить своекорыстие, лживость и деспотизм правящего класса. Такое совмещение героического и разоблачительного начал было новым для русской литературы и могло возникнуть лишь в результате реально-критического осмысления национальной истории. Вместе с тем, частная тема личной судьбы героя в замысле Грибоедова органически связана с общей темой народного движения и борьбы различных социальных сил. Герой Грибоедова уже не живет автономной жизнью вне исторических закономерностей. Он как бы «вставлен» в действительность, в эпоху, в историю, и судьба его — прообраз судьбы народной. Все мысли и поступки героя определяются действительностью, историей, и сам он меняется в процессе действия соответственно тем изменениям, которые происходят в действительности. Он приходит в драму крепостным рабом, но разгорается народная,

национальная война, и в грозной стихии этой войны вчерашний раб вырастает в героя. Он преображается в борьбе за родину; поэзия народной войны поднимает его на высоту нравственного подвига. Герой и история здесь взаимодействуют: война рождает героя, герой движет историю. Это — крупнейшее достижение грибоедовского реализма.

В своем опыте создания национальной народной драмы Грибоедов решительно сломал все нормы классической поэтики. Центральный герой — не только не исторический деятель, но «заурядеи» по самому своему социальному положению, и тем не менее сделан участником величайшего исторического события. Наряду с вымышленными героями в драме действуют и исторические лица (Наполеон, Александр I), причем они выведены на сцене прямо, без каких-либо обиняков и условностей. Народ сделан активным участником драматического действия. Установка на реалистическую верность изображения действительности свободно совмещается с введенной в драму фантастической сценой в Архангельском соборе. Резкое нарушение правил классической поэтики сказывается и в полном игнорировании единства времени и места. Грибоедов отказался от традиционного деления пьесы на акты; действие развертывается «по Шекспиру», как историческая хроника со свободным чередованием сцен, перемещаясь с московской площади во дворец Наполеона, в деревню, в Вильну. Конечно, трудно гадать на основании отрывочных наметок Грибоедова, как строилась бы его драма сюжетно и композиционно, но можно говорить о том, что он в данном случае отказывался и от единства действия в том смысле, какой придавала этому понятию классическая теория. Здесь, повидимому, не было бы единства драматической интриги, но зато было бы иное, более важное единство — идейное, единство исторического события, изображенного во всей сложности его обстоятельств и развития.

На линии высокой стиховой трагедии стоит и «Грузинская ночь» (очевидно, последнее произведение Грибоедова). Написанная с целью изобразить «характер и нравы грузин», с широким использованием материала грузинских народных сказок и поверий, трагедия отличается напряжением и бурным разрешением драматических ситуаций и эмоциональной насыщенностью образов. В уцелевших отрывках трагедии с полной очевидностью выявлена ее антикрепостническая направленность. В центре трагедии — героический образ матери-мстительницы.

Трагедийные замыслы Грибоедова решительно противоречат традиционному пониманию его, как «литературного однодума» и вообще без учета их нельзя решить проблему художественного

мировоззрения Грибоедова во всем ее объеме. Направление творческого пути Грибоедова — от его ранних салонных комедий, скроенных по французской мерке, до самобытной народно-исторической драмы о 1812 г. — в общем плане может быть определено достаточно точно. Это был путь поэта, возросшего на почве просветительской философии и рационалистической эстетики позднего классицизма, преодолевшего их механистичность, абстрактность и внеисторичность и с силой подлинной гениальности воплотившего тенденции реалистического постижения объективной действительности. Но при этом нельзя забывать, что конденсатором реалистических тенденций в русском искусстве начала XIX века был романтизм, служивший формой нового, прогрессивного миропонимания. В понятиях и категориях именно романтического миропонимания перед Грибоедовым возникали проблемы народности искусства, его самобытности и правдоподобия, проблемы взаимоотношений личности и общества, героя и истории — все центральные проблемы его творческого сознания.

Обширные замыслы и начинания Грибоедова либо остались неосуществленными, либо не дошли до потомства. Гениальный поэт остался в истории автором одного произведения. Но Пушкин сказал: «Грибоедов сделал свое: он уже написал «Горе от ума». В этих словах — признание великой исторической заслуги Грибоедова. Он заложил основы реализма на русской сцене. Средствами искусства он сумел показать человека в движении, во всем многообразии типических и индивидуальных черт его характера. Пользуясь материалом слова, он создал верный художественный образ своей эпохи — объективный, реалистический тип современной ему русской жизни в ее национальных формах. Он, наконец, глубоко проник в природу социальных и идеологических противоречий своего времени.

Этим обстоятельством и определяется, в первую очередь, значение творчества Грибоедова в истории русской культуры. В этом — секрет исключительной жизненности и влиятельности «Горя от ума». Творчество Грибоедова, замечательное своим идейным накалом, служило отражением реальных исторических конфликтов его кризисной и переломной эпохи. Он выдвинул в своей комедии такие темы, которые оставались центральными для русской общественной мысли и литературы в течение всего XIX столетия и даже позже. К примеру, вряд ли мы ошибемся, если скажем, что Ал. Блок, говоря о «трагических прозрениях» Грибоедова, имел в виду его мысль о «разрозненности» народа и интеллигенции. А ведь это была «вечная» тема русской литературы.

Величайшим заблуждением было бы, основываясь на биографических фактах, воображать Грибоедова человеком, прожившим жизнь в одиночку, оторванным от среды, от народа, от эпохи. Как раз напротив: зоркий наблюдатель, он необычайно остро воспринимал современность, жил всеми интересами своего века, начавшегося под знаком «разлома» умов и нравов. Французская буржуазная революция была исходной точкой того исторического процесса, свидетелем и участником которого являлся Грибоедов. Наполеоновские войны, эпическая борьба русского народа за национальную честь и независимость, романтизм и декабризм, революционное движение на Западе, новая философия природы и истории, новые открытия, обогатившие познавательный и культурный опыт человечества — все темы этой эпохи, клокотавшей драматическими событиями и кипением умов, в той или иной мере воспринял могучий гений Грибоедова и все они стали темами его душевных переживаний.

Два события современной истории имели для Грибоедова особенно важное значение — Двенадцатый год и декабризм. Это — как бы две стихии его творчества. «Горе от ума» рождено атмосферой 1812 г. Победа русского народа в Отечественной войне всему миру показала национальный облик русского человека, подвела итог целой полосе русской жизни, разрушила иллюзии «времен очаковских» и имела великое революционное значение. 1812 год — первый проблеск русского национального самосознания (что Грибоедов и хотел показать в своей драме о крепостном) и закваска всей русской национальной культуры нового времени. 1812 год разбудил в России независимую общественную мысль, — гораздо больше, нежели впечатления Запада, на которые ссылались, чрезмерно преувеличивая их значение, участники и историки декабристского движения. Бунтующий Чацкий с его мечтой о «свободной жизни», как и все декабристы, непонятен вне атмосферы и проблематики 1812 года.

Отечественная война, с новой силой пробудившая в русском народе чувство достоинства, энергии и уверенности, сыграла исключительно важную роль в формировании русского национального самосознания. Патриотизм людей, переживших великие испытания и победы этой войны, приобрел новое качество: для просвещенного и передового человека эпохи, смело и прямо взглянувшего на жизнь, любовь к родине органически совмещалась с ненавистью к самодержавию и крепостничеству, унижавшим национальное достоинство России. Декабризм и стал той идеологической сферой, в которой оформлялось русское национальное самосознание, неотделимое от

общенародной борьбы за духовное и социальное освобождение. И творчество Грибоедова, проникнутое пафосом утверждения личной свободы и достоинства человека, отразило главные, ведущие тенденции этого революционно оформлявшегося национального самосознания. «Горе от ума», безусловно, самое национальное произведение русской литературы двадцатых годов, и Белинский был прав, называя его «первой русской комедией», в которой все — и сюжет, и характеры, и страсти, и мнения, и язык — «все насквозь проникнуто глубокою истиной русской действительности».

Грибоедов недаром был устремлен вперед, в будущее. Он не прекратил своего существования на той точке, на которой застигла его смерть, но продолжал жить в народном сознании. Творчество Грибоедова — не только факт русской культуры, но и ее динамическая сила, в свою очередь формировавшая новые явления культурной истории. Комедия Грибоедова, поистине, стала бессмертной. В течение века она активно служила делу общественно-морального и художественного воспитания многих поколений русских людей.

Это бессмертие началось сразу же, как только Россия узнала «Горе от ума». Декабристская литературная критика, в лице А. Бестужева, тогда же заявила, что «будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в числе первых творений народных». Декабристы утверждали, что рукописное «Горе от ума», наряду с сочинениями Вольтера, Руссо, Гельвеция и Радищева, «наиболее способствовало развитию либеральных понятий» и что пламенные монологи Чацкого — «приводили в ярость». Декабристы стремились использовать «Горе от ума» в целях революционной агитации: весной 1825 г. они в несколько рук списывали комедию под диктовку, — с тем, чтобы распространить ее по России.

Велико было и непосредственно литературное влияние комедии, сказавшееся в бытовых сценах VII и VIII глав «Евгения Онегина», оплодотворившее бытовую сатиру в романе Д. Бегичева («Семейство Холмских», 1832), в повестях Марлинского и В. Одоевского.

Комедия Грибоедова сыграла громадную роль в формировании русской театральной культуры. В течение века она неизменно служила не только украшением нашей сцены, но и школой актерского мастерства. Пожалуй, не было ни одного большого русского актера, который бы не связал свое имя с богатой сценической историей «Горя от ума». Среди них мы встречаем выдающихся представителей романтического театра —

В. А. Каратыгина и П. С. Мочалова, крупнейших комических артистов своего времени — И. И. Сосницкого и А. Е. Мартынова. Великий Щепкин свыше тридцати лет (с 1831 по 1863 г.) работал над созданием и усовершенствованием роли Фамусова. Замечательные актеры щепкинской школы — И. В. Самарин (по преданию, лучший Чацкий из всех, которых знала русская сцена), С. В. Шумский, А. П. Ленский, Садовские, Г. Н. Федотова, а позже В. В. Стрельская, К. Н. Рыбаков, М. П. Ермолова, А. И. Южин, К. С. Станиславский, В. В. Лужский, В. И. Качалов, И. М. Москвин и многие другие — несли в народ слово и мысль Грибоедова, создавая различные аспекты сценического воплощения его образов.

Громадная взрывчатая сила и революционная энергия комедии обусловили ее дальнейшую судьбу. Она никогда не воспринималась только как памятник художественной истории, но всегда жила напряженной с о в р е м е н н о й жизнью, обновляя свои краски и приобретая все более полногласное звучание. Каждая эпоха читала ее по-своему. Люди разных поколений и судеб, каждый на свой слух, находили в ней ответ на свои собственные вопросы и раздумья. Они «до-мысливали» то, что сказал Грибоедов, и идейный смысл его комедии с течением времени неуклонно расширялся.

Чацкий с его революционно-патриотическим воодушевлением, гражданским негодованием и думой об «умном, бодром» народе — продолжал свое историческое существование, как полный жизненной правды художественный образ типического представителя тех людей грибоедовского времени, которые на целую голову переросли свое поколение. Чацкий, действительно, начинал новый век. Декабрист, единственное истинно героическое лицо русской литературы двадцатых годов, он был непосредственным предшественником гражданского героя лирики Лермонтова. Далее эта линия героического «нового человека» — протестанта и борца, воплощавшего деятельные, творческие, революционные начала русской жизни — шла через Герцена на шестидесятников, минуя «лишних людей», ведущих свое родословие от второго центрального героя литературы двадцатых годов — Онегина.

Русские просветители XIX века неслучайно чувствовали глубокую внутреннюю связь и родство с Грибоедовым. Самый «просветительский» из писателей двадцатых годов, поднявший голос в защиту жизнедеятельного, творческого разума, он явился как бы мостом, пролегавшим между Радищевым и Чернышевским.

Герцен и Огарев, Аполлон Григорьев и Достоевский писали о Чацком-декабристе, молодой Добролюбов мечтал походить на Чацкого.

Заново ожила грибоедовская комедия в сатире Щедрина («В среде умеренности и аккуратности»), где дана глубокая и исторически конкретная расшифровка «молчалинства», как социально-психологического явления, характеризующего вырождение русского либерализма.

Серго Орджоникидзе в каземате Шлиссельбургской крепости заносил в дневник свои мысли о Чацком, как о «воплощении сложившегося передового деятеля 20-х гг. и представителя новых идей» («Литературная газета» 1940, № 9).

Разоблачительная сила грибоедовской сатиры была многократна использована Лениным в его борьбе с самодержавием, буржуазным либерализмом и всяческими искажениями большевистской теории (по количеству литературных цитат в сочинениях Ленина Грибоедов занимает третье место — после Щедрина и Гоголя). В ленинских статьях и речах мы находим целую гамму разнообразных и тончайших оттенков политического звучания грибоедовского текста. Гневную реплику Чацкого: «А судьи кто?» Ленин делает заглавием статьи, разоблачающей буржуазный либерализм (Соч., т. XII, стр. 116). «Кадетская Марья Алексевна» служит для Ленина олицетворением либерального общественного мнения (XI, 26). Использован Лениным и образ Фамусова («Наши партийные Фамусовы» — XII, 310). «Таланты» Молчалина — умеренность и аккуратность — часто применялись Лениным при характеристике либерализма и социал-оппортунизма («Идеально-умеренный и аккуратный г. Струве» — VIII, 74; «Умеренная и аккуратная буржуазная мерка» — VIII, 103). Именем Молчалина Ленин пользуется, как синонимом политической покорности и подобострастия: «... верхи мелкобуржуазных политиков несомненно заражены... кадетским духом предательства, молчалинства и самодовольства» (III, 13). Репетиловщина служит Ленину для обозначения либерального фразерства и политического авантюризма: «„Шумим, братец, шумим“ — таков лозунг многих революционно настроенных личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев» (V, 145). Образ Скалозуба появляется у Ленина в связи с вопросом об отдаче студентов в солдаты: «Расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! „Фельдфебеля в Вольтеры дать!“ — эта формула нисколько не устарела. Напротив, XX-му веку суждено увидеть ее настоящее осуществление» (IV, 70).

И в наше, советское, время великая комедия полностью со
хранила всю свою сатирическую силу, все свое художественно
очарование. Она продолжает свое триумфальное шествие по сцена
наших театров. На ней учатся наши дети. Правда и злость Грибое
дова, любовь и ненависть Чацкого — близки и дороги нам. Создан
ные Грибоедовым образы, умное, гневное и острое слово Грибое
дова — живут в народе, вошли в его повседневный речевой обиход
Они служат оружием в руках людей социалистической эпохи
помогая разоблачать гнездящуюся еще в кое-каких закоулка
нечисть старого мира, вооружая на борьбу с пошлостью, мракобе
сием, спесью, подхалимством, — со всем, что противоречит движе
нию человечества вперед — к новым, лучшим формам жизни, позна
ния и культуры.

Не только беспощадный гнев Грибоедова дорог нам, но и ег
горячая патриотическая страсть. Всем своим творчеством он ут
верждал идею национального величия русской культуры — само
бытной, имеющей глубокие народные корни и проверенной исто
рией. За пошлостью и подлостью фамусовского мира мы види
в творчестве Грибоедова образ иной России, — юной, благород
ной, могучей и устремленной в будущее России героев 1812 год
и декабристов.

Ныне мы чествуем славную память Грибоедова в велики
и грозные дни, накануне окончательной победы над черными си
лами, угрожавшими свободе, уму и достоинству человека. То
что предсказывал Ленин, сбылось: XX веку суждено было увидет
страшное осуществление грибоедовской формулы «фельдфебел
в Вольтерах». Немецкие фашисты во главе со своим обер
фельдфебелем посягнули на культуру русского народа, сов
данную им в трудах и борьбе. Лучшие люди испытали неслыхан
ное горе и пошли на гибель — во имя ума, культуры, свободы
правды на земле. Но культура бессмертна, как и народ, создавши
ее. И сейчас, еще выше поднимая победоносное знамя нашей бес
смертной культуры, мы с законным чувством гордости вспоминае
великого Грибоедова, которого Белинский справедливо назва
одним из самых могучих проявлений русского духа.

Вл. Орлов

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ А. С. ГРИБОЕДОВА *

1795—1805

4 января 1795 г. в Москве, у отставного секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова (род. в 1760 г., ум. около 1815 г.) и жены его Настасьи Федоровны, урожд. Грибоедовой же (1768—1834), родился сын Александр. — Первоначальное воспитание Грибоедов получил дома, под руководством гувернеров-иностранцев. В *1802 или 1803 г.* он был определен в Московский университетский Благородный пансион, где учился до конца 1805 г.

1806

30 января. Грибоедов поступает в Московский университет на словесное отделение философского факультета.

1808

3 июня. Произведен в кандидаты словесных наук, но не оставляет университета, а переходит на этико-политическое (юридическое) отделение философского факультета.

1810

15 июня. Произведен в кандидаты прав, но снова остается в университете для изучения математики и естественных наук.

1812

26 июня. Зачислен корнетом в Московский гусарский полк.

17 декабря. За расформированием Московского полка переведен в Иркутский гусарский полк.

---

* Все даты приводятся по старому стилю.

1813

Май. Прибывает в Иркутский полк, расположенный в г. Кобрине Гродненской губ.

Август — сентябрь. Зачислен адъютантом командира резервного кавалерийского корпуса генерала А. С. Кологривова (в Брест-Литовске). Знакомство с С. Н. Бегичевым и А. А. Шаховским.

1814

Август. Первое выступление в печати с «Письмом из Брест-Литовска к издателю Вестника Европы» («Вестник Европы», ч. 76, № 15).

Конец года. Приезжает в Петербург в отпуск. Знакомство с Н. И. Хмельницким, Н. И. Гречем, А. А. Жандром и П. А. Катениным. Написана комедия «Молодые супруги».

1815

18 июня. Цензурное разрешение комедии «Молодые супруги».

29 сентября. Первое представление комедии «Молодые супруги» в Петербурге.

20 декабря. Подает прошение об увольнении из военной службы в статскую (отставка принята 25 марта 1816 г.).

1816

4 июля. Первое представление комедии «Молодые супруги» в Москве.

1817

9 июня. Зачислен в Коллегию иностранных дел.

Середина июня. Знакомство с А. С. Пушкиным и В. К. Кюхельбекером.

Первая половина года. Написана (сообща с П. А. Катениным) комедия «Студент».

Конец августа — начало сентября. Написаны пять сцен в комедии «Своя семья».

Октябрь. Грибоедов выполняет для А. А. Жандра подстрочный перевод «Семелы» Шиллера.

12 ноября. Дуэль В. В. Шереметева с А. П. Завадовским, с участием Грибоедова в роли секунданта А. П. Завадовского.

Конец 1817 — январь 1818 г. Переведена (сообща с А. А. Жандром) комедия «Притворная неверность».

1818

24 января. Первое представление комедии «Свои семья» в Петербурге.

7 февраля. Цензурное разрешение комедии «Притворная неверность».

11 февраля. Первое представление комедии «Притворная неверность» в Петербурге.

16 февраля. Цензурное разрешение «Пробы интермедии».

Середина июля. Грибоедов назначен секретарем русской дипломатической миссии в Персии.

Около 28 августа. Выезжает из Петербурга в Персию.

3 сентября. Приезжает в Москву. Первое представление комедии «Притворная неверность» в Москве.

10 сентября. Выезжает из Москвы.

21 октября. Приезжает в Тифлис и принимает дуэльный вызов А. И. Якубовича.

23 октября. Дуэль Грибоедова с А. И. Якубовичем.

1819

28 января. Выезжает из Тифлиса в Персию.

3 февраля. Приезжает в Эривань.

7 февраля. Выезжает из Эривани.

21 февраля. Выезжает из Тавриза.

Около 10 марта. Приезжает в Тегеран.

8 июля. Отправляется с шахом в путешествие по Персии.

22 августа. Возвращается в Тавриз.

4 сентября. Выступает из Тавриза в Грузию с партией русских военнопленных.

2 октября. Прибывает в Тифлис, откуда отправляется в Чечню к А. П. Ермолову.

10 ноября. Первое представление «Пробы интермедии» в Петербурге.

1820

10 января. Выезжает из Тифлиса в Персию.

Конец января. Приезжает в Тавриз.

1821

Ноябрь. Приезжает в Тифлис с донесениями А. П. Ермолову.

Декабрь. Сближение Грибоедова с В. К. Кюхельбекером (находившимся в Тифлисе с декабря 1821 по май 1822 г.).

1822

19 февраля. Грибоедов назначен чиновником «по дипломатической части» при А. П. Ермолове.

1823

5 марта. Получает четырехмесячный отпуск в Москву и Петербург.

Конец марта. Приезжает в Москву и привозит с собой I и II акты «Горя от ума» в первоначальной редакции.

Апрель. Знакомство с П. А. Вяземским и В. Ф. Одоевским.

Май. Поездка в Петербург.

29 июля. Грибоедов уезжает в тульское поместье С. Н. Бегичева, где работает над III и IV актами «Горя от ума».

30 сентября. Возвращается в Москву.

Ноябрь — декабрь. Написан (сообща с П. А. Вяземским) водевиль «Кто брат, кто сестра».

1824

10 января. Цензурное разрешение водевиля «Кто брат, кто сестра».

24 января. Первое представление водевиля «Кто брат, кто сестра» в Москве.

1 июня. Грибоедов приезжает в Петербург.

23 июня. Знакомство с А. А. Бестужевым.

Лето и осень. Переработка «Горя от ума»; хлопоты в цензуре по продвижению комедии в печать и на сцену.

Август — сентябрь. Проект перевода «Ромео и Джульетты» Шекспира.

11 сентября. Первое представление водевиля «Кто брат, кто сестра» в Петербурге.

15 ноября. Цензурное разрешение альманаха «Русская Талия», где были напечатаны отрывки из «Горя от ума» (альманах вышел в свет в январе 1825 г.).

1825

18 мая. Запрещено представление «Горя от ума» в Петербургской театральной школе.

После 20 мая. Грибоедов уезжает из Петербурга на юг.

Конец мая. Приезжает в Киев.

Середина июня. Уезжает из Киева в Крым.

Июнь — август. Путешествует по Крыму.

12 сентября. Приезжает в Феодосию; оттуда едет на Кавказ (через Керчь и Тамань, вдоль Кубани по Кавказской линии до Горячих Вод).

4 октября. Приезжает в укрепление Каменный Мост на р. Малке.

Середина октября. Выезжает из Каменного Моста в Пальчик.

27 октября. Приезжает в станицу Екатериноградскую.

22 декабря. Выезжает из Екатериноградской с А. П. Ермоловым в станицу Червленную на Тереке.

26 декабря. Следственный комитет по делу декабристов выносит постановление об аресте Грибоедова.

1826

22 января. Грибоедов арестован в крепости Грозной. Присланный за Грибоедовым из Петербурга фельдъегерь 23 января увозит его в Екатериноградскую, а оттуда — 30 января — в Петербург.

11 февраля. Грибоедов с фельдъегерем приезжает в Петербург и помещается в ордонансгауз Главного штаба.

2 июня. Грибоедов освобожден из-под ареста с очистительным аттестатом.

16 июля. Начинается русско-персидская война.

Середина августа. Грибоедов выезжает из Москвы на Кавказ.

3 сентября. Приезжает в Тифлис.

1827

28 марта. И. Ф. Паскевич назначен командующим Отдельным кавказским корпусом и главноуправляющим Грузией.

4 апреля. Грибоедову предписано принять в свое ведение дела по дипломатическим сношениям с Турцией и Персией.

12 мая. Грибоедов выступает из Тифлиса в Эриванский поход.

20 июля. Отправляется в персидский лагерь для переговоров с Аббас-Мирзою.

25 июля. Возвращается в русский лагерь.

Октябрь. В Эривани в присутствии Грибоедова было представлено, в любительском исполнении, «Горе от ума».

21 ноября. При участии Грибоедова в Дей-Каргане заключена мирная конвенция с Персией.

1828

10 февраля. Подписан Туркменчайский мирный договор с Персией, в заключении которого Грибоедов принимал ближайшее участие.

14 марта. Грибоедов привез в Петербург текст Туркменчайского договора.

15 апреля. Грибоедов назначен министром-резидентом в Персию.

6 июня. Выезжает из Петербурга в Тифлис.

12 июня. Выезжает из Москвы.

5 июля. Приезжает в Тифлис.

16 июля. Делает предложение Нине Александровне Чавчавадзе.

17 июля. Грибоедов и П. Д. Завилейский подписали «Вступление» к проекту устава Российской Закавказской компании.

18 июля. Грибоедов выезжает из Тифлиса в главную квартиру Паскевича.

6 августа. Возвращается в Тифлис.

22 августа. Венчание Грибоедова с Н. А. Чавчавадзе.

7 сентября. Представлена Паскевичу записка о Российской Закавказской компании.

9 сентября. Грибоедов с женой и свитой выезжает из Тифлиса в Персию.

7 октября. Приезжает в Тавриз.

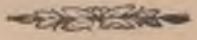
9 декабря. Оставив жену в Тавризе, выезжает в Тегеран.

1829

30 января. Разгром русского посольства в Тегеране. Убийство Грибоедова.

ГОРЕ ОТ УМА

КОМЕДІЯ
В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВІЯХ
В СТИХАХ

ДЕЙСТВУЮЩІЕ:

Павел Афанасьевич Фамусов, Управляющий в казенном месте.
Софья Павловна, дочь его.
Лизанька, служанка.
Алексей Степанович Молчалин, Секретарь Фамусова, живущий у него в доме.
Александр Андреевич Чацкий.
Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.
Наталья Дмитриевна, молодая дама } Горичи.
Платон Михайлович, муж ее }
Князь Тугоуховский и
Княгиня, жена его, с шестью дочерями
Графиня бабушка } Хрюмины.
Графиня внучка }
Антон Антонович Загорецкий.
Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.
Г. N.*
Г. D.*
Репетилов.
Петрушка и несколько говорящих слуг.
Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.
Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откудова слышно фортопияно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька середи комнаты спит, свесившись с кресел.

(Утро, чуть день брежжится)

Лизанька *(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)*

Светает!... Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказ.
«Ждем друга». — Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!... сказать им...

(Стучится к Софии)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда:
Зашла беседа ваша за ночь;
Вы глухи? — Алексей Степаныч!
Сударыня!... — И страх их не берет!

(Отходит от дверей)

Ну, гость неприглашенный,
Быть может батюшка войдет!
Прошу служить у барышни влюбленной!

(Опять к дверям)

Да расходитесь. Утро. — Что-с?

(Голос Софии)

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София *(из своей комнаты)*

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София *(оттуда же)*

Неправда.

Лизанька *(прочь от дверей)*

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю: будет гонка,
Заставлю их играть.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют)

ЯВЛЕНИЕ 2

Лиза и Фамусов

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку)

Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопьяно;
Для Софьи слишком было б рано??...

Лиза

Нет, сударь, я... лишь невзначай....

Фамусов

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так верно с умыслом.

(Жмется к ней и заигрывает)

Ой! зелье, баловница.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

Фамусов

Скромна, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветренники сами,
Опомнитесь, вы старики....

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну, кто придет, куда мы с вами?

Фамусов

Кому сюда притти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же итти; разбудите, боюсь,

Фамусов

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза (*как можно громче*)

Да полноте-с!

Фамусов (*зажимает ей рот*)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь?

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того — — — — —

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Всё слышат....

Фамусов

Всё ты лжешь.

(Голос Софии)

Эй, Лиза!

Фамусов (*торопливо*)

Тс!

(*Крадется вон из комнаты на цыпочках*)

Лиза (*одна*)

Ушел. — — —Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

ЯВЛЕНИЕ 3

Лиза, София со свечкою, за ней Молчалин

София

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь....

Лиза

Конечно вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София

Ах, в самом деле рассвело!
(Тушит свечу)
И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашёл, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню что врала;
Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София *(Молчалину)*

Идите; целый день еще потерпим скуку.

Лиза

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым)

ЯВЛЕНИЕ 4

Софья, Лиза, Молчалин, Фамусов

Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

Софья

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок! —

Софья

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я. —

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристает, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут...

София *(сквозь слезы)*

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин....
Монашеским известен поведеньем!....

Лиза

Осмелюсь я, сударь....

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по летам,

А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему,
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? ты здесь, судáрь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин ассесора и взял в секретари;
В Москву переведен через мое содейство;
И будь не я, котел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть!
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.—

София

Вот в чем однако случай весь:
Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног.— — — — —

Фамусов

Пожалуй на меня всю суматоху сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог! —

Софија

По смутном сне безделица тревожит;
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

Софија

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится)

София

Позвольте.... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умён,
Но робок.... Знаете, кто в бедности рождён....

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

Софпя

Потом пропало всё: луга и небеса. —
Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол — и вы оттуда
Бледны, как смерть, и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врознь — и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему — вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!.... —
Проснулась. — Кто-то говорит, —
Ваш голос был; что, думаю, так рано?
Бегу сюда — и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон; как погляжу,
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш,

Фамусов

Забавно.
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится, и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, за чем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их не доставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!
(Встает)
Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее;
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее;
Повыкинь вздор из головы;
Где чудеса, там мало складу. —
Поди-ка, ляг, усни опять.
(Молчалину)
Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только пес их для докладу,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных;
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.
(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед)

ГОРОДСКАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. Н. РУБАКИНА
28201

ЯВЛЕНИЕ 5

Софья, Лиза

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва не хороша.

Софья

Что мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор....
Ты можешь посудить...

Лиза

Сужу-с не по рассказам;
Запрет он вас; — добро еще со мной;
А то, помилуй бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

Софья

Подумаешь, как счастье своенравно!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда ж печальное ничто на ум нейдет,
Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья...
А горе ждет из-за угла.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами, да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;

Ну разумеется к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он ба́лы;
Вот например полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду, —
Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать речист, а больно не хитёр;
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится....

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? — Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался. —
Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь...
А он в ответ: — «Не даром, Лиза, плачу,
«Кому известно, что найду я воротясь?
«И сколько может быть утрачу!» —
Бедняжка будто знал, что года через три....

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
Я очень ветрено быть может поступила,
И знаю, и винюсь; но где же изменила?
Кому? чтоб укорять неверностью могли.
Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно

Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!!...
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко — — — — —
Охота странствовать напала на него,
Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать, и ездить так далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на кислых он водах,
Не от болезни чай, от скуки, — повольнее.

София

И верно счастлив там, где люди посмешнее.
Кого люблю я — не таков:
Молчалин за других себя забыть готов,
Враг дерзости, — всегда застенчиво, несмело
Ночь целую с кем можно так провесть!
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет,
Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит. —
Смеешься! можно ли! чем повод подала
Тебе я к хохоту такому!

Лиза

Мне-с?.... ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодой француз сбежал у ней из дому.

Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить,
И через три дни поседела.

(Продолжает хохотать)

София *(с огорчением)*

Вот так же обо мне потом заговорят. —

Лиза

Простите, право, как бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

ЯВЛЕНИЕ 6

София, Лиза, Слуга, за ним Чацкий

Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 7

София, Лиза, Чацкий

Чацкий

Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног.

(С жаром целует руку)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж ради? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели,
Ни на волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся, — ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы ради? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется эдак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами. —

София

Всегда, не только что теперь. —
Не можете мне сделать вы упрёка.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из далёка —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете! —
Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом;
Мы в темном уголке и, кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик, дверь....

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В седьмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд....

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался — успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гонение на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут,
Куда ни сунься: тут, как тут,
В столовых и в гостиных.
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем

За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воротишься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем.
Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки;
Числом поболее, ценою подешевле?
Не то, чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,
Нам каждого признать велят
Историком и географом!
Наш ментор, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья! —
А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще? —

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине,
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж, он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме!.. — Здесь нынче тон каков
На съездах, на больших, по праздникам приходским?
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским? —

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

София

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере не надутый.
Вот новости! — я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее. Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристает: пожалуйте списать.
А впрочем он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных*.

София *(в сторону)*

Не человек, змея!

(Громко и принужденно)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве может быть.

Чацкий

Когда всё мягко так, и нежно, и незрело?
На что же так давно? вот доброе вам дело:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам, голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки!... —
И всё-таки я вас без памяти люблю. —

(Минутное молчание)

Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду:
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

ЯВЛЕНИЕ 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов

Фамусов

Вот и другой.

София

Ах, батюшка, сон в руку.

(Уходит)

Фамусов *(ей вслед вполголоса)*

Проклятый сон.

ЯВЛЕНИЕ 9

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла)

Фамусов

Ну выкинул ты штуку!

Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

(Обнимаются)

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

(Садятся)

Чацкий *(рассеянно)*

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, людям молодым, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдован.

Чацкий

Ах! нет, надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал....

Чацкий

Я? — Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам,
Что б было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он всё свое. Да расскажи подробно,
Где был? Скитался столько лет!
Откудова теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно)

Простите; я спешил скорее вилеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях)

Как хороша!

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 10

Фамусов (*один*)

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввел меня.
Теперь.... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом! —

(Уходит)

Конец I действия

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Фамусов, Слуга

ФАМУСОВ

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь;
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же. — На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй — ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день.... Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный каммергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить;
Богат, и на богатой был женат;
Переженил детей, внучат;
Скончался; все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему! —
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши: в четверг, одно уж к одному,
А может в пятницу, а может и в субботу,
Я должен у вдовы, у докторши, крестить,
Она не родила, по по расчету
По моему: должна родить. —

ЯВЛЕНИЕ 2

Фамусов, Слуга, Чацкий

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садись-ка.

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов *(Слуге)*

Поди.

(Слуга уходит)

Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди. —

Чацкий

Вы что-то не весёлы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я!.... В мои лета
Не можно же пускаться мне в присядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только, что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может нездорова?

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься.
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере искони
Отцом не даром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся — тупеем не кивнут.
Вельможа в случае — тем паче:
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался в перегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой:
Был высочайшею пожалован улыбкой;

Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь — уж нарочно —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по вашему? по нашему — смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
За то бывало в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние, — шутка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век покорности и страха,
Всё под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю;
Его не возмутим мы праха:
Но между тем кого охота заберёт,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок,
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай приговаривал: — Ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде;
Не даром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит,
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подстарить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живет....

Фамусов

Да он властей не признает!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам....

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам....

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,

Хоть нашим временам в придачу;
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю. —

Фамусов *(скороговоркой)*

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

Чацкий

Я перестал....

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не мое желанье.

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье! —

ЯВЛЕНИЕ 3

Слуга *(входит)*

Полковник Скалозуб.

Фамусов *(ничего не видит и не слышит)*

Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.

Чацкий

Пожаловал к вам кто-то на дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чацкий

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд! под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов *(оборачивается)*

А? бунт? ну так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалозуб. Прикажите принять?

Фамусов *(встает)*

Ослы! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.
(Слуга уходит)
Пожало-ста, сударь, при нем остерегись:
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал;
Не по летам и чин завидный,
Не нынче завтра генерал.
Пожало-ста при нем веди себя скромненько...
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько;
Я всякому, ты знаешь, рад;
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое!
Он может быть и рад бы был душой,
Да надобности сам не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Ведь Софья молода. А, впрочем, власть господня.

Пожало-ста при нем не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину....
А! знать ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно уходит)

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий

Как суетится! что за прыть!
А Софья? — Нет ли впрямь тут жениха какого?
С которых пор меня дичатся как чужого!
Как здесь бы ей не быть!!...
Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,
А может быть не только, что отец....
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничек отвернем поскорее.

Скалозуб *(густым басом)*

Зачем же лазить например
Самим!... Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
Сергей Сергеич дорогой!
Кладите шляпу, оденьте шпагу;
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

(Садятся все трое, Чацкий поодаль)

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счесться;
Хоть дальними, наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно, —
Спасибо научил двоюродный ваш брат, —
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служащие чужие очень редки;
Всё больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье у кого есть эдакий сынок!
Имеет, кажется, в петличке орденок? —

Скалозуб

За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть — так хват,
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!.. — читать!.... а после хвать!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

ФАНТОМАС

Да, чем кого господь поищет, вознесет!

Скалозуб

Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилуйте, а вам чего не достает?

Скалозуб

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полком два года поводили. —

Фамусов

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, старее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу:
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам перевода;
Чего? плодятся год от года;
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера;
На всё свои законы есть:
Вот например у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых, —
Тот и жених.
Другой хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в семью не включат. На нас не подиви.
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать, — изволь;
Дверь отперта для званных и незванных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.

Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и внучат,
Журим мы их, а, если разберешь, —
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор, —
Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их.... беда!
Не то, чтоб новизны вводили, — никогда,
Спаси нас боже! Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и.... разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке — по уму!
Я вам скажу, знать время не приспело,
Но что без них не обойдется дело. —
А дамы? — сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение, — ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом!
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал, — всяк голову повесь...
Его величество король был прусский здесь,
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам;
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой,
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью
Пожар способствовал ей много к украшенью.

Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, —
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов *(про себя)*

Уж втянет он меня в беду.

(Громко)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 6

Скалозуб, Чацкий

Скалозуб

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам;
Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!
А в Первой армии когда отстали? в чем?
Всё так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтём,
Что даже говорят, иные, по-французски. —

ЯВЛЕНИЕ 7

Скалозуб, Чацкий, София, Лиза

София *(бежит к окну)*

Ах! боже мой! упал, убился! —

(Теряет чувства)

Чацкий

Кто?
Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудова?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза *(хлопочет около барышни)*

Кому назначено-с, не миновать судьбы:
Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул. Ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он — грудью или в бок?
(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же без Скалозуба

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.
(Чацкий бежит и приносит. Всё следующее — вполголоса, — до того, как Софья очнется)
Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит.
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,

Опрыскивай водой. — Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав:
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София *(с глубоким вздохом)*

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.
(Торопко и громко)
Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды — для вас забавы,
Отец родной убейся — всё равно.
(Лизе)
Пойдем туда, бежим.

Лиза *(отводит ее в сторону)*

Опомнитесь! куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.
(София в окошко высовывается)

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять. —

Чацкий

Желал бы с ним убиться....

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНИЕ 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин
(с подвязанною рукою)

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушиблена слегка,
И впрочем всё фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опрометью вбежали. —
Мы вздрогнули! — Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София *(не глядя ни на кого)*

Ах! очень вижу: из пустого,
А вся еще теперь дрожу.

Чацкий *(про себя)*

С Молчалиным ни слова!

София

Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так, бывает,
Карета свалится, — подымут: я опять
Готова сызнова скакать;
Но всё малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья от того,
Хоть незнакомый мне, — до этого нет дела.

Чацкий *(про себя)*

Прощенья просит у него,
Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух, —
Жоке́ не поддержал, считал он видно мух. —
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах, Александр Андреич, вот —
Явитесь; вы вполне великодушны,
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем;
Не знаю для кого, но вас я воскресил.

(Берет шляпу и уходит)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же кроме Чацкого

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

Как рано?

София

Пораньше; съедутся домашние друзья
Потанцовать под фортопияно, —
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Скалозуб

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

Скалозуб

(жмет руку Молчалину)

Ваш слуга.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 11

София, Лиза, Молчалин

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?

Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор;
И если б не к лицу, не нужно перевязки;
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чацкий вас;
И Скалозуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

София

А кем из них я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.
Молчалин! будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть. —

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко к вам прыгнуть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? — пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,

Вот кабы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим —
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, — с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах:
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен — на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ей руку)

София

Хотите вы?... Пойду любезничать сквозь слез;
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда бог Чацкого принес!

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 12

Молчалин, Лиза

Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее
По должности, тебя....

(Хочет ее обнять)

Лиза

От скуки,
Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа, —
Снаружи зеркальцо, и зеркальцо внутри,
Кругом всё прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор;
И перламутровый прибор —
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ, и для других причин,
С духами стклянночки: резеда и жасмин. —

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сниму;
Приди в обед, побудь со мною;
Я правду всю тебе открою.
(Уходит в боковую дверь)

ЯВЛЕНИЕ 13

София, Лиза

София

Была у батюшки, там нету никого.
Сегодня я больна, и не пойду обедать,
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.
(Уходит к себе)

ЯВЛЕНИЕ 14

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я.... одна лишь я любви до смерти трушу. —
А как не полюбить буфетчика Петрушу!

Конец II действия

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Чацкий, потом София

Чацкий

Дождусь ее, и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?... А тот —
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!
Судьба любви — играть ей в жмурки,
А мне....

(Входит София)

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

София *(про себя)*

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, ну́жды нет:
Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы....

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин например....

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий *(держит ее)*

Постойте же.

(В сторону)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко)

Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может он не то, что три года назад:

Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов;
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иной по армии, иной плохим поэтом,
Иной.... Боюсь назвать, но признаны всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
Но есть ли в нем та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем, и всем его делам
Душою — вы, вам угожденье?....
Сам это чувствую, сказать я не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он?... смолчит и голову повесит.
Конечно смирен, все такие не резвы;
Бог знает, в нем какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
Но вас он стóит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату,
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подалее простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться пó свету, забыться и развлечься.

С о ф и я *(про себя)*
Вот нехотя с ума свела!
(Вслух)
Что притворяться?

Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но может истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презреньи к людям так нескрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. чего?
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас па это станет! —

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни — смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий *(с жаром)*

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел;
При батюшке три года служит,
Тот часто без толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И между прочим
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков не ступит за порог;
Мы резвимся, хохочем,
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет....

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!
(В сторону)
Она его не уважает.

София

Конечно нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль — смысл этого всего?
(В сторону)
Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит, —
Вот я за что его люблю.

Чацкий *(в сторону)*

Шалит, она его не любит.
(Вслух)
Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой....

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

ЯВЛЕНИЕ 2

Чацкий, София, Лиза

Лиза *(шопотом)*

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.

София

Простите, надобно итти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пускай себе...

София

Нельзя, ждем на вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там стены, воздух — всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом, подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

(София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза)

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий, потом Молчалин

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума не доставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

(Входит Молчалин)

Вон он на цыпочках, и не богат словами;
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы не
встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная, — притом
Чиновные и должностные —
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче,
От рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах — я от веселий прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Переведен сюда.

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других,

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий *(почти громко)*

С такими чувствами, с такой душою
Любим!... Обманщица смеялась надо мною!

ЯВЛЕНИЕ 4

Вечер. Все двери настеж, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат, слуги суетятся, один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и свечей!
(Стучится к Софии в дверь)
Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.
(Расходятся, остается один Чацкий)

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Наталья Дмитриевна, молодая дама

Наталья Дмитриевна

Не ошибаюсь ли!... он точно, по лицу....
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужли так меня три года изменили?

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.
Однако, кто, смотря на вас, не подивится?
Полнее прежнего, похорошели страх;
Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж — прелестный муж, вот он сейчас войдет,
Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните и судите!

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитриевна

О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлыч мой единственный, бесценный
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

ЯВЛЕНИЕ 6

Чацкий, Наталья Дмитриевна, Платон Михайлович

Наталья Дмитриевна

Вот мой Платон Михайлыч.

Чацкий

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат!

Чацкий

Платон любезный, славно.
Похвальный лист тебе: ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:
Московский житель и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть таки занятья,
На флейте я твержу дуэт
А-мольный....

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус в мужьях всего дороже!

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь!
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь — к ученьям и смотрам,
К манéжу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом — рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч город любит,
Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город.... Ты чудак!
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так....

Наталья Дмитриевна

Ах! мой дружочек!
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь, и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот....

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ *(хладнокровно)*

Сейчас.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА

Да отойди подальше от дверей,
Сквозной там ветер дует сзади!

ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ

Теперь, брат, я не тот....

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА

Мой ангел, бога ради
От двери дальше отойди.

ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ *(глаза к небу)*

Ах! матушка!

ЧАЦКИЙ

Ну, бог тебя суди;
Уж, точно, стал не тот в короткое ты время;
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй, хоть спереди, хоть с тыла.

ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ *(со вздохом)*

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, КНЯЗЬ ТУГОУХОВСКИЙ и КНЯГИНЯ с шестью дочерьми

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА *(тоненьким голоском)*

Князь Петр Ильич, княгиня! боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

(Громкие лобызания, потом усаживаются и осматривают одна другую с головы до ног)

1-я княжна

Какой фасон прекрасный!

2-я княжна

Какие складочки!

1-я княжна

Обшито бахрамой.

Наталья Дмитриевна

Нет, если б видели мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна

Какой эшарп cousin мне подарил!

4-я княжна

Ах! да, барежевый!

5-я княжна

Ах! прелесть!

6-я княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! — Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

Наталья Дмитриевна

Приезжий Чацкий.

Княгиня

От-став-ной?

Наталья Дмитриевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитриевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда. — Живее.

Князь *(к ней оборачивает слуховую трубку)*

О-хм!

Княгиня

К нам на́ вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитревны знакомого: вон он!

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает)

Княгиня

Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!...
Он камер-юнкер?

Наталья Дмитриевна

Нет.

Княгиня

Бо-гат?

Наталья Дмитриевна

О, нет!

Княгиня *(громко, что есть мочи)*

Князь, князь! Назад!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Графини Хрюмины: бабушка и внучка

Графиня внучка

Ах! grand'maman! Ну, кто так рано приезжает,
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату)

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая, и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка *(вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет)*

Мсьё Чацкий! вы в Москве! как были, всё такие?

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком?
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и множество других гостей. Между прочим Загорецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. София от себя выходит, все к ней навстречу

Графиня внучка

Eh! bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente. *

* А, добрый вечер! Наконец-то вы! Вы не торопитесь и всегда доставляете нам удовольствие ожидания. — *Ред.*

Загорецкий

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

Загорецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другой вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору — всё взято,
К директору, — он мне приятель, —
С зарей в шестом часу, и кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног,
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он хилый,
Мне друг, известный домосед;
Пусть дома просидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

(Являются еще кое-какие, тем временем Загорецкий отходит к мужчинам)

Загорецкий

Платон Михайлыч...

Платон Михайлович

Прочь!
Поди ты к женщинам, лги им, и их морочь;
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чацкому)

рекомендую!
Как эдаких людей учтивее зовут?
Нежнее? — человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоныч Загорецкий.
При нем остерегись: переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох. нет, братец! у нас ругают
Везде, а вюду принимают.
(Загорецкий мешается в толпу)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Хлёстова

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница? — Мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь — светапреставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку; —
Вели их накормить, ужо, дружочек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!
(Села)
Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг:
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Чорт сущий; в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их как зверей выводят напоказ....
Я слышала, там.... город есть турецкий....

А знаешь ли, кто мне припас? —
Антон Антоныч Загорецкий.

(Загорецкий выставляется вперед)

Лгунишка он, картежник, вор.

(Загорецкий исчезает)

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих арапченков на ярмарке достал;
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай бог ему здоровье!

Чацкий *(с хохотом Платону Михайловичу)*

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлёстова

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? Какой тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто танцовала,
Я за уши его дирала, только мало.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Фамусов

Фамусов *(громогласно)*

Ждем князя Петра Ильича,
А князь уж здесь! А я забился там, в портретной.
Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет, кажется, что нет. — Он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлёстова

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб!

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и Скалозуб, потом Молчалин

ФАМУСОВ

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.
(Подводит к Хлёстовой)
Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

ХЛЁСТОВА *(сидя)*

Вы прежде были здесь.... в полку... в том...
в гренадерском?

СКАЛОЗУБ *(басом)*

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-земляпском мушкетерском.

ХЛЁСТОВА

Не мастерица я полки-та различать.

СКАЛОЗУБ

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

ФАМУСОВ

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьёзный вист у нас. За нами, князь! прошу. —
(Его и князя уводит с собою)

ХЛЁСТОВА *(Софии)*

Ух! я точнёхонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец:
Дался ему трех сажень удалец, —
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

МОЛЧАЛИН *(подает ей карту)*

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

ХЛЁСТОВА

Спасибо, мой дружок.
(Встает)

Молчалин

Ваш шпиц—прелестный шпиц, не более наперстка,
Я гладил всё его: как шелковая шерстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(Уходит, за ней Молчалин и многие другие)

ЯВЛЕНИЕ 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все — народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! — Кто другой так мирно всё уладит!
Там моську во-время погладит!
Тут в пору карточку вотрет!
В нем Загорецкий не умрет!...
Вы давиче его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? — да?

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 11

София, потом Г. N.

София *(про себя)*

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол!

Г. N. *(подходит)*

Вы в размышленьи.

София

Об Чацком.

Г. N.

Как его нашли по возвращеньи?

София

Он не в своем уме.

Г. N.

Ужли с ума сошел?

София *(помолчавши)*

Не то, чтобы совсем....

Г. N.

Однако есть приметы?

София *(смотрит на него пристально)*

Мне кажется.

Г. N.

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!
(В сторону)
Готов он верить!

А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 15

Г. N., потом Г. D.

Г. N.

С ума сошел!.. Ей кажется!.. вот на!
Не даром!.. Стало быть.... с чего б взяла она!
Ты слышал?

Г. D.

Что?

Г. N.

Об Чацком?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

С ума сошел!

Г. D.

Пустое.

Г. N.

Не я сказал, другие говорят.

Г. D.

А ты расславить рад?

Г. N.

Пойду, осведомлюсь; чай кто-нибудь да знает.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 16

Г. D., потом Загорецкий

Г. D.

Верь болтуну!
Услышит вздор, и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий

Ну?

Г. D.

С ума сошел!

Загорецкий

А знаю, помню, слышал,
Как мне не знать? примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя-плут....
Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили.

Г. D.

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи стало быть спустили.

Г. D.

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако чур! секрет.

ЯВЛЕНИЕ 17

Загорецкий, потом Графиня внучка

Загорецкий

Который Чацкий тут? — Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком. —
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком? —

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня внучка

Знаю.
Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший....

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума.

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

ЯВЛЕНИЕ 18

Те же и Графиня бабушка

Графиня внучка

Ah! grand'maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед? —
Послушайте. Вот прелести! вот мило!...

Графиня бабушка

Мой *т*руг, мне уши зало*ш*ило;
Ска*ш*и покромче...

Графиня внучка

Время нет!
(Указывает на Загорецкого)
Il vous dira toute l'histoire.... *
Пойду, спрошу....
(Уходит)

* Он расскажет вам всю историю. — *Ред.*

ЯВЛЕНИЕ 19

Загорецкий, Графиня бабушка

ГРАФИНЯ БАБУШКА

Что? что? уж нет ли здесь пожара?

ЗАГОРЕЦКИЙ

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

ГРАФИНЯ БАБУШКА

Как, Чацкого? кто свёл в тюрьму?

ЗАГОРЕЦКИЙ

В горах изранен в лоб, сошел с ума от раны.

ГРАФИНЯ БАБУШКА

Что? к фармазонам в клоб? Пошел он в пусурманы?

ЗАГОРЕЦКИЙ

Ее не вразумишь.

(Уходит)

ГРАФИНЯ БАБУШКА

Антон Антоныч! Ах!
И он пошит, все в страхе, впопыхах.

ЯВЛЕНИЕ 20

Графиня бабушка и Князь Тугоуховский

ГРАФИНЯ БАБУШКА

Князь, князь; ох, этот князь, по палам, сам чуть тышит!
Князь, слышали? —

КНЯЗЬ

А-хм?

ГРАФИНЯ БАБУШКА

Он ничего не слышит!
Хоть, мошет, видели, здесь полицмейстер пыл?

Князь

Э-хм?

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм?

Графиня бабушка

Тесак ему да ранец,
В солдаты! Шутка ли! переменил закон!

Князь

У-хм?

Графиня бабушка

Да!.. в *п*усурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

ЯВЛЕНИЕ 21

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб, потом Фамусов и многие другие

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов *(входя)*

О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, — и ни весть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршим лицом,
Так назовет он подлецом!...

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я — он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно....

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий *(с жаром)*

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от Ланкартачных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге Институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! — у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэкт насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы, да сжечь.

Загорецкий *(с кротостию)*

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а всё-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин:
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре. —

Хлёстова

Три, сударь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Хлёстова

Всё врут календари.

Фамусов

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова

Нет! триста! — уж чужих имений мне не знать!

ФАМУСОВ

Четыреста, прошу понять.

ХЛЁСТОВА

Нет! триста, триста, триста.

ЯВЛЕНИЕ 22

Те же все и Чацкий

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА

Вот он.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА

Шш!

ВСЕ

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону)

ХЛЁСТОВА

Ну, как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

ФАМУСОВ

О господи! помилуй грешных нас!
(Опасливо)
Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

ЧАЦКИЙ

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.
(Подходит к Софье)
Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.

(Делает знак Софии)

Гм, Софья! — Не глядит!

София *(Чацкому)*

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначущая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча,
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. — Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, но мы не рады.
Умолк. И тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон.
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержен.
Куда деваться от княжен! —
Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою возжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад —

И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
«С национальным, странно что-то!
«Ну как перевести *Мадам* и *Мадмуазель?*
«Ужли *сударыня!!*» — забормотал мне кто-то...
Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«*Сударыня!* Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
«*Сударыня!* Ха! ха! ха! ха! ужасно!!» —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург — во всей России то,
Что человек из города Богдо,
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжён вселять участье;
И в Петербурге и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять, —
Глядь....

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам)

Конец III действия

ДЕЙСТВИЕ IV

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева на одном же плане комната Молчалина.
Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих

ЯВЛЕНИЕ 1

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка *(покуда ее укутывают)*

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцовать.

Графиня бабушка

Постем, матушка, мне прафо не под силу,
Когда-нибуть я с пала та в могилу.
(Обе уезжают)

ЯВЛЕНИЕ 2

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна. Один Лакей около их хлопочет, другой у подъезда кричит:

Карета Горича.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попошь, что так уныло?
(Целует мужа в лоб)
Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на балах я,
До них смертельный неохотник,

А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходит с лакеем)

Платон Михайлович *(хладнокровно)*

Бал вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж, иному на роду....

Лакей *(с крыльца)*

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович *(со вздохом)*

Иду, иду.

(Уезжает)

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий и Лакей его впереди

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

(Лакей уходит)

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! — Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый; вот резво
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,

Всё та же гладь и степь, и пусто и мертво!..
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

(Лакей возвращается)

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи, не ночевать же тут.

(Лакей опять уходит)

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется)

Репетилов

Тьфу! оплошал. — Ах, мой создатель!
Дай протереть глаза; откудова? приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher! *
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою
И растянулся во весь рост.
Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
И разразит меня господь....

---

* Мой милый. — *Ред.*

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Но любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье! —

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час? —

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга....

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье притти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! — всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче например?

Репетилов

Что ночь одна, — не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?

Репетилов

В Английском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.
Пожало-ста молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество, и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз....

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взашеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;

Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало,
Поедем-ка сейчас, мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!!... уж на меня нисколько не похожи,
Что за люди, mon cher! Сок умной молодежи! —

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас.... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим — подумаешь, что сотни голосов!...

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со смеху морит!
Век с англичанами, вся английская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой — Воркулов Евдоким;
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо

Есть у него любимое одно:
«Ah! non lasciar mi, no, no, no». *
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелыч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты однако отыскать
Его *отрывок*, *взгляд* и *нечто*.
Об чем бишь *нечто?* — обо всем;
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд...
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру — простят...

---

* «Ah! non lasciar mi, no, no, no» — «Ах, не оставь меня, нет, нет, нет!» — *Ред.*

Лакей *(у подъезда)*

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы

Репетилов *(к нему навстречу)*

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.
(Душит его в объятиях)

Чацкий

Куда деваться мне от них!
(Входит в швейцарскую)

Репетилов *(Скалозубу)*

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу,
Знакомы вы?
(Ищет Чацкого глазами)
Упрямец! ускакал!
Нет нужды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас, без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых напоят шампанским на убой,
А во-вторых таким вещам научат,
Каких конечно нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит.

Репетилов

Всё служба на уме! Mon cher, гляди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как может быть никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку? —
Боялся, видишь, он упрёку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в Адрес-Календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты — души мытарства,
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покудова уехал)

ЯВЛЕНИЕ 6

Репетилов, Загорецкий

Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такой же я, как вы, ужасный либерал!
И от того, что прям и смело объясняюсь,
Куда как много потерял!..

Репетилов *(с досадой)*

Все врозь, не говоря ни слова;
Чуть из виду один, гляди уж нет другого.
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы, тут всякие турусы,
И дельный разговор зашел про водевиль.
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним.... у нас.... одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загорецкий

А кстати вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

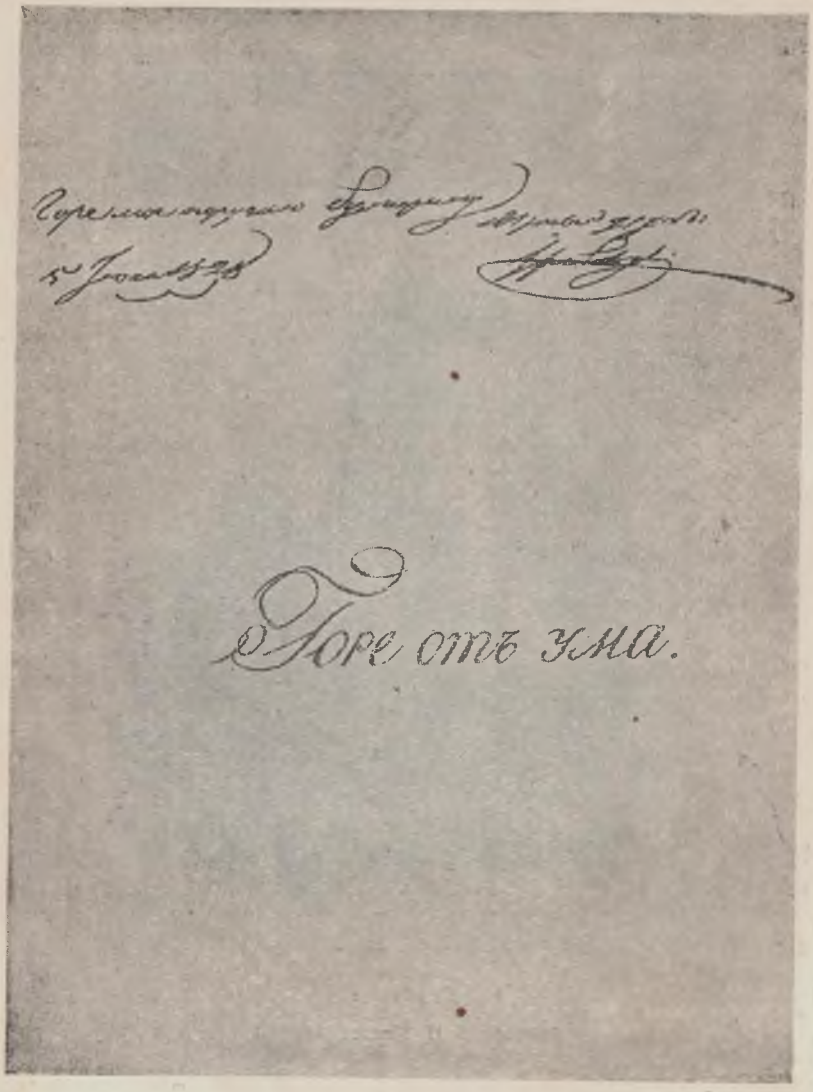
Репетилов

Дичь.

Грибоедов

Гравюра Н. И. Уткина (1829 г.)

Первый лист Булгаринского списка комедии «Горе от ума»
с дарственной надписью Грибоедова

ЯВЛЕНИЕ 7

Репетилов, Загорецкий, Князь и Княгиня с шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах

Загорецкий

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы. —

4-я княжна

Ах! вести старые, кому они новы?

5-я княжна

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит...

6-я княжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов *(затыкает себе уши)*

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора,

ГОРОДСКАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЧИТ.-ЗАЛ им. Пушкина

Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец
Ваш Чацкий!!!.. Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова *(с лестницы)*

Княгиня, карточный должок.

Княгиня

За мною, матушка.

Все *(друг к другу)*

Прощайте.

(Княжеская фамилия уезжает и Загорецкий тоже)

ЯВЛЕНИЕ 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил; а впрочем
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Изволил во время явиться! —
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы, поди, господь с тобой.

(Молчалин уходит к себе в комнату)

Прощайте, батюшка; пора перебеситься.

(Уезжает)

ЯВЛЕНИЕ 9

Репетилов с своим лакеем

Репетилов

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает)

ЯВЛЕНИЕ 10

(Последняя лампа гаснет)

Чацкий *(выходит из швейцарской)*

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами,
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чье это сочиненье!
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют —
И вот общественное мненье!
И вот та родина.... Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? — Конечно рассказали,
Она не то, чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет —
Ей всё равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок, беспамятство откуда?? —
Нерв избалованность, причуда, —
Возбудит малость их, и малость утишит...
Я признаком почел живых страстей. — Ни крошки:
Она конечно бы лишилась так же сил,

Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София *(над лестницей во втором этаже, со свечкою)*

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась! нет ее! неужели в виденьи?
Не впрямь ли я сошел с ума?
К необычайности я точно приготовлен;
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его *(с крыльца)*

Каре....

Чацкий

Сс!

(Выталкивает его вон)

Буду здесь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить,—а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну)

ЯВЛЕНИЕ 11

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой

Лиза

Ах! мочи нет! робею:
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, бог с нею,

И Чацкий, как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то, здесь внизу.
(Осматривается)
Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.
(Стучится к Молчалину)
Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

ЯВЛЕНИЕ 12

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает), София (крадется сверху)

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках?

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто недоест
И недоспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволочим.

Лиза

Что вы, сударь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянёт!... Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.
Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь и простыну.

София *(в сторону)*

Какие низости!

Чацкий *(за колонною)*

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых угождать всем людям без изъятья —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,

Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, сударь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека....

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали.
Дай, обниму тебя от сердца полноты.
(Лиза не дается)
Зачем она не ты!
(Хочет итти, София не пускает)

София *(почти шопотом, вся сцена вполголоса)*

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна....

София

Ни слова, ради бога,
Молчите, я на всё решусь.

Молчалин *(бросается на колена, София отталкивает его)*

Ах! вспомните! не гневайтеся, взгляньте!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин *(ползает у ног ее)*

Помилуйте....

София

Не подличайте, встаньте.
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжете....

Молчалин

Сделайте мне милость....

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего, окро́ме...

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме,
И погублю себя и вас.

(Молчалин встает)

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке, с досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. — Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днем, и при людя́х, и в яве;
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.

Сама довольна тем; что ночью всё узнала,
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давиче, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был....

Чацкий *(бросается между ими)*

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!..

(Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату)

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же кроме Молчалина

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд,—
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София *(вся в слезах)*

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом.
Ваш батюшка вот будет благодарен.

ЯВЛЕНИЕ 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать, ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало я с дражайшей половиной
Чуть врознь: — уж где-нибудь с мужчиной!
Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий *(Софии)*

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, — не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
В работу вас, на поселенье вас:
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в избу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,
Еще дни два терпение возьми:

Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что чай ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я прикажу,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий *(после некоторого молчания)*

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями.... чего-то ожидаю.

(С жаром)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки — всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек,
И перед тем, как навсегда расстаться,

Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?...

(Насмешливо)

Вы помиритесь с ним, по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из женихих пажей —
Высокий идеал московских всех мужей. —
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором, —
Безумным вы меня прославили всем хором!
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!...
Карету мне, карету!

(Уезжает)

ЯВЛЕНИЕ 15

Кроме Чацкого

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец

ОТРЫВКИ ИЗ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ «ГОРЯ ОТ УМА»

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 4

(Рассказ Софьи о сне)

София

В саду была, цветы бессчетно там пестрели,
Искала я, мне чудилось, траву
Какую-то, не вспомню наяву.
В ирисах, в бархатцах, в левкоях и в синели,
Да где их всех назвать?
Из сил я выбилась и бросила искать,
Приподнялась — вдруг кем-то поневоле
Из саду выхвачена в поле.
Передо мной, откуда ни взялся,
Премилый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы.
Был робок он сперва, потом в любви клялся,
Потом.... не взвидела я света.

Фамусов

Какая небылица эта!
И милый человек, кто он?

София

Я вам докладываю: сон.
Вот после этого: сад, поле, всё пропало.
Мы в комнате, в пустой, вдвоем,
Нам очень грустно, горько стало,
Тужили мы, бог ведает о чем,
И тут, к приумноженью скуки,
От фортопиян и флейты издали
Печальные к нам прорывались звуки,
От них унынье...

Фамусов

Неужли?
Я тоже слышал, и как ярко,
(указывает на Лизу)
К рассвету, я не спал, а всё она — штукарка.

София

Так будто бы середь тюрьмы
И я, и друг мой новый,
Грустили долго, долго мы.
Он всё роптал на жребий свой суровый,
Что не к добру любовь его манит,
Что не богат, и вам не угодит.

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара,
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Всё это сон. Дослушайте каков.
Как между дум и между слов
Забылись мы, и шли часы покуда, —
Пол вскрылся, встали вы оттуда:
Смерть на щеках, и дыбом волоса.
Тут разное смешенье! Чудеса!...
Полк всяких лиц, раздался шум побоищ,
Свирепые друг друга рвали, жгли,

Вы в пропасть за собой меня влекли,
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!.... —
Проснулась. — Вот здесь кто-то говорит...
Прислушалась: — ваш голос, что так рано!
Бегу сюда, и вас обоих нахожу.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 5

(Разговор Софьи с Лизой)

Софья

Куда хорош! Толкует всё про честь,
Про шпаги и кресты, крестов не перечесть,
А слова умного не выговорил с роду,
Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, правду молвить — не хитер.
Но будь военный, будь он статский,
Кто ж весел и умен, и ловок и остёр,
Как Александр Андреич Чадский? *
Теперь другой вам больше мил,
А, помнится, он не противен был.

Софья

Не потому ли, что так славно
Зло говорить умеет обо всех?
А мне оно забавно?
Делить со всяким можно смех.

Лиза

А чем был плох ваш прежний вкус-то?

Софья

Чем? Прежде я не знала никого,
С кем сердце не бывает пусто.
Теперь... Молчалин мой! как не любить его?
Как будто свыклись с малолетства. —
Грустна:—он без ума помочь мне ищет средства,

* Транскрипция Грибоедова.—*Ред.*

Смеюсь, тужу ни по чему:
Посмотришь — в том и жизнь и смерть ему.
Беспечна я — он за меня боится,
Задумаюсь — он прослезится.

Лиза

Что ж? Александр Андреич, нет?
Не та ж любовь, хоть разного покроя?
Вот с ним-то прямо с малых лет
Росли, резвились, вечно двое.

София

Спроси его, привязан он к чему,
Окроме шутки, вздора?
Всем в прихоть жертвует уму,
Что встреча с ним у нас, то ссора.

Лиза

Где носится, из края в край?
Лечился на водах от гру́ди,
От скуки, чай...

София

И, верно, рад, где посмешнее люди.
Кого люблю я — не таков,
Не оскорбит, враг острых слов,
Без хитрости, он промолчит день целый,
И, словно девушка, несмелый.
Мы ночи с ним, как ни на есть,
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 7

(Разговор Чацкого с Софьей)

Чацкий

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
С ней доктор Фациус? Он вам не рассказал?

Его прилипчивой болезнью я пугал,
Что будто бы Смоленск опустошает,
Мы в Вязьме съехались, вот он и рассуждает:
Хотелось бы в Бреслау, да вряд ли попадет,
Когда на пол-пути умрет,
Сюда назад давай бог ноги.

София

Смеялись мы, хоть мнимую чуму
Другой дорогою объехать бы ему.

Чацкий

Как будто есть у немца две дороги!
А Гильоме? француз, подбитый ветерком?
Он не женился ли?

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Ну он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме, куда глаза ни обратит,
Кто против легкости волшебной устоит?
Живем мы так давно, так дружно, так семейно
Со всяким вертуном залётным из-за Рейна.
Чтоб не забыть. Здесь нынче тон каков?
На съездах на больших по праздникам
приходским
Господствует еще смешенье языков
Французского с Нижегородским?

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

(Первый монолог Фамусова)

Пофилософствуй — ум вскружится,
Великий пост и вдруг обед!
Ешь три часа, и в три дни не сварится!
Грибки, да кисельки, щи, кашки в ста горшках.
Отметь: *в четверг я зван на погребенье,*
А вынос у Николы в сапожках.

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 2

(Реплика Чацкого на стр. 33: «Нет, нынче свет уж не таков»)

Нет! нынче дурно для Дворов.

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 5

(Монолог Чацкого)

Скалозуб

По моему сужденью
Пожар как на заказ пылал,
Способствовал к градскому украшенью,
И образ жизни лучше стал.

Фамусов

Ох! от пожара нам пришлося было туго.

Чадский* *(не обращаясь ни к кому)*

Да, был нам черный год, не послужило в прок.

Фамусов

Позвольте-с.... Чадского, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок,

* Транскрипция Грибоедова. — *Ред.*

На месте не сидит, всё по миру он бродит
И славно пишет, переводит.

Чадский

Как истинно в Москве всему своя печать:
Есть добродетели, которые хоть стары,
А продолжают вековать,
Преодолев и моды и пожары.
Чтоб не трудить себе ума,
Мы скажемте: всё нынче, как бывало,
И прежде были те ж открытые дома,
Входило всё что ни попало
Есть, пить и предавать на суд
Столов убранство, роскошь блюд,
А путешественник не раз середь обеда
Тишком разгадывал на лбу
Иного земляка-соседа,
Что был привинчен он к позорному столбу.
Вам нравится в сынках отцовское наследство,
И прежде им плелись победные венки:
Людьми считались с малолетства
Патрициев дворянские сынки,
В заслуги ставили им души родовые,
Любили их, ласкали их,
И причитались к ним в родные. —
Коли теперь соборы всех седых
Бранят, чего не разумеют,
А редко путное затеют,
Всегда готовые к журьбе, —
Певали прежде песню ту же,
Не замечая о себе:
Что старее, то хуже.
Теперь гром сабель, шпор, султан,
И камер-юнкерский кафтан
Узорчатый — красавицам прельщенье.
Не то ли ж было искушенье,
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали:
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали.

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 3

(Разговор Чацкого с Молчалиным)

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Дмитревна!!! — Ее известен дом,
Живет по старине, и рождена в боярстве,
Муж занимает пост из первых в государстве,
Любезен, лакомка до вкусных блюд и вин,
При том отличный семьянин:
С женой в ладу, по службе ею дышит,
Она прикажет — он подпишет.
К Татьяне Дмитревне вы съездите.

Чацкий

Зачем!

Молчалин

Затем,
Что часто пользу мы находим, где не метим.

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 22

(Заключительный монолог Чацкого)

В той комнате простейший случай;
Французик из Бордо был окружен зевак
И слушательниц кучей:
К своим приравнивал он нас, что точно так:
На всё готовы мы, нет дела до последствий,
Всё только бы шутя, резвясь,
От наших гладеньких он фраз,
От наших кругленьких приветствий
Воображает быть в отечестве своем,
И прочее... — утих, и тут по нем

Об южной Франции, о берегах Гароны
Заохали, урок из детства натвержен,
Особенно две, три княжны пускали стопы
(Куда деваться от княжён!).
Я к небу воссылал смиренные желанья,
Однако вслух,
Чтоб удалил господь нечистый этот дух
Слепого, жалкого, пустого подражанья,
Чтоб воздержал нас крепкою возжой
От слез и тошноты по стороне чужой.
Неужли у себя для наших нет желаний
Семейных прелестей, родных воспоминаний!
И чем наш Север лучше стал,
Что всё заветное наследье променял?
И нравы, и язык, и старину святую,

— в дальнейшем тексте отличия от окончательной редакции незначительны; вместо 5-го с конца стиха («Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых») первоначально было:

Когда воспитан кто в отечественных нравах.

ДЕЙСТВИЕ IV

ЯВЛЕНИЕ 5

(Реплика Скалозуба)

Избавь, с ученостью вы много взяли все-то,
Бог вам премудрость ниспошли,
Дают ли ордена за это?
Давай ученье нам, чтоб люди в ногу шли.
Я школы Фридриха, в команде — гренадеры.
Фельдфебеля — мои Волтеры.

(Заключительные стихи монолога Репетилова)

Тьфу! служба и чины, кресты — душе надсада,
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что за правительство путем бы взяться надо,
Желудок дольше не варит.

ДЕЙСТВИЕ IV

ЯВЛЕНИЕ 8

(Разговор Репетилова с Хлёстовой)

Хлёстова

Так бог ему судил, а впрочем
Полечат, вылечат авось,
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Ночные шатуны! вишь, говорят, женате!
Зачем пожаловал? Чтоб посмотреть, небось,
Красив ли Фамусов в халате?
Все, все разъехались.

Репетилов

Браните, бейте, ах!
Амфиса Карповна, я сам себя гнушаюсь,
Пустой я человек, шалун я, вертопрах,
Чистосердечно, слезно каюсь:
Несчастье Чацкого — разительный урок,
Что в небольшом уме нам прок.
Детьми займусь, и будет дело глаже,
Вселю в них божий страх, и с завтрашнего дня же
Остепенюсь, моя жена
Уж более не ляжет спать одна.

Хлёстова

Так, видно, никогда бедняжке не ложиться.
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы, поди, Христос с тобой.

(Молчалин уходит к себе в комнату)

Прощайте, батюшка, пора перебеситься.

(Уезжает)

ДЕЙСТВИЕ IV

ЯВЛЕНИЕ 10

(Монолог Чацкого, после 6-го стиха: «Другие будто сострадают»)

О, праздный! жалкий! мелкий свет!
Не надо пищи, сказку, бред
Им лжец отпустит в угожденье,
Глупец поверит, передаст,
Старухи — кто во что горазд —
Тревогу бьют.... и вот общественное мненье!
И вот Москва! — Я был в краях,
Где с гор верхов ком снега ветер скатит,
Вдруг глыба этот снег, в паденьи всё охватит.
С собой влечет, дробит, стирает камни в прах,
Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность,
И что оно в сравненьи с быстротой,
С которой, чуть возник, уж приобрел известность
Московской фабрики слух вредный и пустой.
А Софья? знает ли? Конечно рассказали...

—далее как в окончательном тексте, с незначительными отличиями.

ДЕЙСТВИЕ IV

ЯВЛЕНИЕ 14

(Монолог Чацкого)

Чацкий *(Софье)*

Я перед вами виноват.
Не знаю, почему вас с теми ставил в ряд,
Которым, впрочем, здесь найдутся сотни
ровных,
Искательниц фортун и женихов чиновных,
Которым, красотой едва дано расцвесть, —
Уж глубоко натвержено искусство
Не сердцем поискать, а взвесить и расчесть.

И продавать себя в замужство.
Вы свыше этого. По вас такой, чтоб был
Немножко прост, и очень мил,
Чтоб вы могли его и в возрасте бы зрелом
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом,
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей:
Высокий идеал московских всех мужей!
Но боже мой! кого вы поискали!
Когда размыслю я, кого вы предпочли!
За что меня вы завлекли,
Повергли в бездну зол, мученья и печали!
Я сам, где я искал награду всех трудов?
Спешил, летел, дрожал, вот счастье, думал,
близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!!
Не верьте, с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, сударь, отец, вы, страстные к чинам:
В дворянской спеси вам желаю быть
счастливым.
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой тут есть спокойный, благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна
От слепоты своей, от смутнейшего сна,
Теперь мне кстати б было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю
досаду.
Вон из Москвы! Сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пущусь искать по свету,
Где для рассудка есть и чувства уголок...
Карету мне, карету.

(Уезжает)

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ, В СТИХАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Арист
Эльмира
Сафир

Гостиная в Аристовом доме

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арист, *входит*

Сегодня завернул некстати я домой:
Придется утро всё беседовать с женой.
Какие странности! люблю ее по чести,
Меж тем приятнее, когда мы с ней не вместе.
Однако, впервые не мною найдено,
Что вскоре надоест одно и всё одно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арист и Эльмира, в простом утреннем платье

Эльмира

Ах! здравствуй, милый мой, здоров ли?

Арист

Понемногу.
А ты здорова ли, мой друг?

Эльмира

Я слава богу.

Арист, *в сторону*

Веселый разговор. *(Вслух)* Скажи, ужли опять
Ты не намерена сегодня выезжать?
Как взаперти пробыть весь день — не понимаю.

Эльмира

Свой дом всем прочим я домам предпочитаю.

Арист

Но прежде отчего езжала всюду ты?
И ныне способы к тому не отняты.

Эльмира

Весёлость светская меня к себе манила,
Когда я дней моих тебе не посвятила;
Большой же ныне свет мне стал казаться мал.

Арист

Но отчего же я от света не отстал,
А дорожу тобой всё более и боле?

Эльмира

Пожалуй, выезжать я буду поневоле.

Арист

Притом и не видать в тебе талантов тех,
Которыми сперва обворожала всех.
Поверь, со стороны об этом думать можно,

Что светских девушек образованье ложно,
Невинный вымысел, уловка матерей,
Чтобы избавиться от зрелых дочерей;
Без мыслей матушка проронит два, три слова,
Что дочка будто ей дарит рисунок новый;
Едва льзя выпросить на диво посмотреть.
Выносят наконец ландшафт или портрет,
С восторгом все кричат: возможно ль, как вы
скро́мны! —
А, чай, работали художники наемны.
Потом красавица захочет слух прельщать, —
За фортопьяны; тут не смеют и дышать,
Дивятся, ахают руке столь беглой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлаживает скрыпкой;
Потом влюбленного как в сети завлекли,
В загоне живопись, а инструмент в пыли.
Всё это сказано меж нами не для ссоры.

Эльмира

Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, к пенью прошла моя пора;
В угодность же тебе я буду петь с утра,
На бале проведу всю ночь.

Арист

Забудем это,
Помыслим о другом. — Уже подходит лето,
Какие меры брать располагаешь ты?

Эльмира

Какие могут быть тобою приняты.

Арист

Оставим городской шум вечный, пыль и сплетни.
На даче проведем мы ясные дни летни.

Эльмира

Пожалуй.

Арист

Но боюсь, нескромен сей приют:
Непрошеные нас близь города найдут;
При том соседство там ужасно как наскучит.

Эльмира

Куда ж поедем мы?

Арист

Меня страх это мучит.
В скитаньях провести нам лето как-нибудь.

Эльмира

На всё согласна я.

Арист

Куда ж направим путь, —
В Крым или на Кавказ?

Эльмира

Куда тебе угодно.

Арист

Куда угодно мне — вот это бесподобно!
Я мнение твое желаю знать давно,
Чего б хотела ты?

Эльмира

Мне, право, всё равно.

Арист

Так, видно, далее не ехать нам заставы.

Эльмира

Везде, где вместе мы, мне радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Всё то, что мысленно ты можешь пожелать.

Арист

И я признателен.

Эльмира

Нет! я так замечала,
Что скучно всё тебе.

Арист

Мне скучно?

Эльмира

Да.

Арист

Нимало.

Эльмира

По крайней мере мне казалось иногда,
Что, сидя ты со мной, не в духе....

Арист

Никогда.

Эльмира

О, если б ложные мне виделись приметы!

Арист

Я рад с тобою быть.... однако, где газеты?
(В сторону)
Над ними всё-таки пристойнее зевать.

Эльмира

Он занят чтением, — мне тоже книгу взять.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Прежние и Сафир

Сафир

За чтеньем муж с женой, — вид важный и степенный!
Примерная чета! божусь, неоцененно.

Арист

Ах! как ты мил, Сафир, что вспомнил обо мне:
Мы утро целое с женой наедине.

Сафир

Не позволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, с супругой молодою.

Эльмира

Мой муж ведомостьми был занят, а не мной.

Арист

Что рано с балу так уехал ты домой?
Досадно, по тебе мы поздно спохватились.

Сафир

Я крепко задремал.

Арист

А мы так всё резвились.
В Аглаю, знаешь, как Сердаликов влюблен?
Я настоял на том, чтобы взбесился он:
С Аглаей всё шептал и танцовал нарочно;
А он краснел, бледнел, дрожал, ворчал, ну точно
Не раз обманутый ревнивый на часах.

Сафир

С Аглаей всякому легко быть в дураках.

Арист

Везде, где только бал, она необходима.

Эльмира, *в сторону*

А я здесь лишняя.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арист и Сафир

Сафир

Теперь об этом мимо;
В присутствии жены поосторожней будь.
Ба! да она ушла.

Арист

Бог с ней, счастливый путь.

Сафир

Не совестно ль тебе с женою столько нежной
Вести себя, как ты, так сухо, так небрежно?

Арист

Да, очень совестно, пожалуй побрани.

САФИР

В уединении она проводит дни,
До у́тра твоего ждет с бала возвращенья.

АРИСТ

А мне что за нужда? Какие утешенья!
Что с ней я, что один, не всё ли мне равно?
Хожу по комнате, глазею с час в окно;
Скажу ей что-нибудь, — она мне потакает,
И речь в устах моих, не кончась, зампрает.
У нас с Эльмирою эмблемой приняты
Не розовы, мой друг, а маковы цветы.

САФИР

И тягостно тебе согласие домашне?

АРИСТ

Да, сударь, тягостно согласие всегдашне.
Зачем она молчит и убегает свет?
Причиной спесь, иль лень; ума в ней что ли нет?
О! пропасть в ней ума; но кто про это знает?
И дарований тьма, — она их все скрывает;
Прекрасная собой, — одета не к лицу!....
Я впрямь был вне себя, когда мы шли к венцу,
Как в первый раз меня Эльмира обнимала!....
Немые ласки те божественны сначала,
А в продолжении весьма надоедят.

САФИР

Иной подумает, что ты давно женат.

АРИСТ

По справедливости, три месяца — три века!...
С Эльмирой можно близь тенистого просека,
Под свесом липовым, на бархатном лужку
Любиться, нежиться, как надо пастушку,
И таять весь свой век в безмолвьи неразлучно.
Всё это весело в стихах, а в прочем скучно.

САФИР

Ты прав, на что она скромна, тиха, мила;
Нет, лучше, чтоб она кокеткою была.

Арист

Кокетка, знаешь ли, ужасно только слово.

Сафир

Кроме значения нет ничего худого.

Арист

Пусть ищет нравиться моя Эльмира всем,
Но любит лишь меня, и я доволен тем.

Сафир

Ах! убегая раз она домашней сени,
Тобою занята гораздо будет менеи;
Потом, как врозь она привыкнет быть с тобой,
Не мудрено, что ей понравится другой.
Потом — как раза два она тебя обманет,
Глядь, в очередь свою виновной охать станет.

Арист

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе через год
Берет любовника; — единобразье скушно,
И муж на то глядеть обязан равнодушно.
Всё это сбыточно, всё это быть должно
Со мною, как с другим, — так раз заведено.
Однако до тех пор хотел бы я в Эльмире
Все видеть способы искусства, средства в мире,
Рядиться, нравиться, приятной, ловкой быть,
А более еще чтоб таковой прослыть;
Чтоб рой любовников при ней был ежечасно,
Но ею презренный, рой жалкий и несчастный!
А я бы думать мог, на этот рой смотря:
Старайтесь круг ее, а наслаждаюсь я!

Сафир

Ребячество, мой друг, ребячество большое;
И скрашивать на что суждение пустое?
Скажи, что молод ты супругом путным быть,
Не в силах качества жены своей ценить.

439.

Грибоедов

Литография А. Э. Мюнстера с рисунка П. А. Каратыгина (по копии худ. Бореля)

Грибоедов

Рисунок Горюнова (?)

Арист

Любовь моя к жене род страсти, обожанье!....
Постой, да ныне мне назначено свиданье.
Прощай, любезный мой.

Сафир

С Аглаей?

Арист

Точно так.

Сафир

Ну можно ль предпочесть ее жене?

Арист

Никак.
Я знаю, что жене супруги должность свята,
А у вертушки той я может быть десятый;
Но с нею в забытьи я время провожу,
С женою ж разговор едва ли нахожу;
И наконец тебе доверить можно смело,
Что ныне, как в суде мое решают дело
И может приберут имение к рукам,
Я, вместо чтоб скакать по стряпчим, по судам,
Платить и кланяться, — к прелестнице поеду,
А ты покуда здесь останься, проповедуй!

(Уходит)

Сафир

Поди, сударь, к жене. — Вот сущий ветрогон!
Чему ж дивиться нам, что мало верных жен.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сафир и Эльмира, одетая с бо́льшим вкусом, чем прежде

Эльмира

Мне споры ваши все из спальней были слышны.
К увещеванию слова, труды излишни,
И горести мои известны вам одним.
Я опасалась в них довериться родным,
Чтоб не доставить тем худой Аристу славы.

Сафир

Он виноват кругом, но вовсе ли вы правы?

Эльмира

Уж вы всё знаете, судите вы меня.
С тех пор, как я за ним, доселе, несмотря
На частые его отсутствия, холодность,
Я делаю ли что Аристу в неугодность?
Противуречу ли, мешаю ль в чем-нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу? Ах! нет, отнюдь:
Я одобряю всё, что нужным он находит,
Не спрашиваю, где он дни свои проводит;
Что б ни задумал он, я перед ним молчу
И воли собственной иметь я не хочу.
Вот все вины мои.

Сафир

И что же? очень худо.
Где нет взаимности, рождается остуда;
Ее же претворит один мертвящий взор
Любовь в раскаянье, согласие в раздор
И цепь цветочную в железные оковы;
Примеры этому и многи и не новы.

Эльмира

Итак, не должно мне покорной мужу быть?

Сафир

Нет, дайте мне сполна вам это объяснить.
Тот муж, мы, например, каким Ариста знаем,
Уверенный, что он женою обожаем,
Что ясных дней его ничто не помрачит,
В беспечности благой живет как сибарит;
Вседневны ласки он с холодностью приемлет;
Взаимность райская утихнет и задремлет;
Ему ничто не впрок, и чужд сердечный страх.
Нет! постарайтесь быть хотя в его глазах
Вы легкомысленней и больше прихотливы;
Увидите, какой он будет боязливый.
Едва опомнится, что может потерять
Блаженство, коим стал он так пренебрегать,
С супругой-ангелом в любви минутах тайных,
Он в заблуждениях раскается случайных
И, образумясь, вам покорен будет вновь.

Эльмира

Не послушание мне нужно, а любовь.

Сафир

Но возвратить ее нет способа другого.

Эльмира

Хоть ныне умереть я за него готова.

Сафир

Не надо умирать; приличней средство есть,
Чтоб чувства прежние Ариста вам обресть.

Эльмира

И способ случай мне давно к тому доставил:
Мой муж в рассеяньи, дела свои оставил,
Но я за них взялась, радела как могла,
У должностных людей по целым дням была,
На малу опытность мою с прискорбьем глядя,
Мне руку помощи в том подавал мой дядя.
У мужа тяжба есть по делу одному,
И производится неведомо ему.
Хотя на стороне его и справедливость,
В неправоту ему вменили б нерадивость.
Я не щадила просьб, подарков и хлопот.
Сегодня жданный день решенья настает.
Я еду, чтоб узнать, успешно ль окончанье;
Увидит пусть Арист мое об нем старанье.

Сафир

Возможно ль, чтоб он был неблагодарен вам?
Вы более об нем печетесь, чем он сам,
Но, ах!....

Эльмира

Докончите, я вам охотно верю.

Сафир

Вы возвратите ль сим любви его потерю?
Конечно, скажет он, и скажет целый свет:
Что дивных качеств вы, что вам подобной нет,
Что делаете честь вы редких жен сословью.
Почтенье не всегда сопряжено с любовью.

Эльмира

Или намерены меня вы убедить,
Что нет возможности мне мужу угодить;
Что сердца я его лишаюсь невозвратно.
Так! должно верить мне сему, хоть неприятно.
Он вовсе действует тем чувствам вопреки,
Являл которые, искав моей руки.
В те дни, что для меня так памятны, так
сладки,
Он всё любил во мне — и даже недостатки.

Сафир

О! в этом нечего меня вам уверять!
Как вас не полюбить? вам суждено пленять.
Но узников своих чтоб приучить к неволе,
На то потребно средств еще гораздо боле;
Они, сударыня, для вас не мудрены;
Зачем отбросили свои таланты вы?
Искусством нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и без наряда,
Но что́ вы, как теперь, одеты не всегда?
Зачем не ездите в собранья иногда,
Которых можете быть первым украшеньем?
Там возбужденныя правдивым восхищеньем
Хвалы, с которыми к вам всякий поспешит, —
Ручаюсь, что Арист их дорого ценит.

Эльмира

Ужели кисея, надетая удачно,
Ему заменит взор мой ласковый, безмрачный?
Ужель неискренний восторг, похвальный бред,
Который так легко всем уделяет свет,
Захочет он сравнять с горячностию тою,
С которой может он быть мной любим одною?

Сафир

О, нет! конечно, нет; но видя каждый раз
Везде угодников, вздыхателей круг вас,
Сам будет угождать, к свому привыкнет дому,
Чтоб сердца вашего не уступить другому.

Эльмира

Довольно; верьте мне, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась от людей
Не для того, чтоб быть мне от других отличной, —
Любить веселье мне подобно всем прилично:
Утехи, счастие, всех радостей собор,
В Аристе мне одном мечтались до сих пор.
Он насмехается над чувствами моими.
С теперешней поры и я прощаюсь с ними:
Род жизни я моей переменяю весь;
И съездов ежели у нас не будет здесь,
То целый день и ночь искать их буду в чуже.

Сафир

Вот удивите вы весь свет!

Эльмира

Так удивлю же.

Сафир

И сим поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинам нет легче ничего,
Как променять свой вид, и даже свойства, мненья....
Но, кстати, вы теперь начните превращенья:
Сыграйте что-нибудь и спойте в добрый час;
Пусть Музы, Аполлон и, словом, весь Парнас
Благоприятствуют успешному началу.

Эльмира

Давно не пела я.

Сафир

Попробуйте.

Эльмира

Пожалуй.

(Садится за фортопиано и поет)

1

Боги! Лида, унывая,
В грусти вопиет своей;
Ах! красавица какая

В мирной есть долине сей,
Что, от жалкой Лиды кроясь,
Разлучает с милым нас!
Иль она Венерин пояс
Получила в дар от вас?

*

Пристойнее бы мне совсем не начинать.

САФИР

И таковой талант вы можете скрывать?
Как дурно скромничать не к месту!—Продолжайте.

ЭЛЬМИРА

Смотрите ж, за глаза меня не осуждайте.

2

Вдруг, как ветерок привея,
Лель ей на ушко шепнул:
Ты пастушек всех милее!
Но Филон, едва вздохнул, —
От тебя всё получает;
Для того не ищет вновь:
Где желанье умолкает,
Умолкает и любовь.

*

Что, ежели Арист пришел бы сей порой?

САФИР

Не знаю, что бы он, а я уж сам не свой!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

ЭЛЬМИРА, САФИР и АРИСТ входит и останавливается в дверях

3

И подшед Филон к прекрасной,
Ей не встречен в первый раз;
Просит поцелуй напрасно:
За отказом вслед отказ;
В просьбах и сопротивленьи
Длится неги сладкий час,

И любовник в упоеньи
Счастлив — будто в первый раз.

*

Ей богу, ваше мне суждение опасно.

Арист

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Эльмира

Я не заметила тебя; давно ль ты здесь?

Арист

Что ж делать: где талант, бывает также спесь.
Но чьим обязан я всесильным убежденьям?
Кто приманил тебя к забытым упражненьям?
Ты думала ль меня приятно удивить?

Эльмира

О! благодарностью ты можешь не спешить:
Вот упросил меня.

Арист

Сафир?

Эльмира

Да, он.

Арист

Измена!
Я сколько приставал и падал на колена,
И всё не мог тебя на это преклонить.

Эльмира

Как будто бы мужья умеют попросить;
Их просьба на приказ ужасно как походит,
А повеление до сердца не доходит.

Сафир

Арист! тебе урок.

Арист

Старательный убор;
А принуждения не замечает взор;
Платочек на груди как ветерок навеян.

Эльмира

Я ехать собралась.

Арист

Ты едешь?

Эльмира

В магазейн.

Арист

И в магазейн?

Эльмира

Да.

Арист

Не верю я ушам.

Эльмира

Тьму разных мелочей я заказала там,
И надо кое-что для нынешнего балу.

Арист

Для балу?

Эльмира

Точно так.

Арист

Но объяснись пожалуй,
Пустыннический дух ужели впрямь исчез?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небес
Уединение ты мне превозносила?

Эльмира

И это помнишь ты? я право позабыла.

Арист

Забыла правила любимы через час?
И вот, о женщины! не обижая вас,
Вот та, которая из самых постоянных!

Эльмира

Ты первый недруг был всех этих правил странных;
Сафир противу их меня охолодил.

Арист

И всё-таки Сафир.

Эльмира

Тебе он угодил:
Он сделал, что твои уважила я мненья;
Ты верно очень рад?

Арист, *сухо*

Я нем от восхищенья.
Да как послушалась Сафировых ты слов
Так скоро, — невзначай?

Эльмира

И без больших трудов.
Мне перестали быть те общества противны,
Где предвещает он весселья непрерывны;
Где можно нравиться легко в моих летах.
Нет! больше не сижу я в четырех стенах.
Пускай к рассеянью кто нову страсть осудит:
Сафир ее внушил и отвечать он будет.

Сафир

За что такая честь! Я, право, уж боюсь,
Что красноречием невольно возгоржусь.

Эльмира

Не даром — в полчаса вы совершить умели
То, в чем бы во сто лет другие не успели.

Арист

Завиден тот, кому дар слова дан такой.
Так вместе на вечер поедем мы с тобой.

Эльмира

И нет! там многие, в сужденьи торопливы,
Безвинно посвятят тебя в мужья ревнивы,
Или найдут, что мы как пара голубков;

Я ж от двусмысленных шептаний, полуслов
Старалась до сих пор быть сколько можно дале.

Арист

Как! если вместе мы покажемся на бале,
Двусмысленно о том свет будет говорить?
Мне всё двусмысленным уж начинает быть.

Эльмира

Сафир! еще совет: какого лучше цвету
Купить бы шляпку мне?

Сафир

Малинового.

Арист

Нету,
По мне небесного.

Эльмира

Нет, нет!

Арист

А почему?

Эльмира

Не верю иногда я вкусу твоему.

Арист

Подписан приговор! мой вкус уже порочен!

Эльмира

Порочен не скажу, а переменчив очень.
Но с вами нехотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафир! желайте мне успеха.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Арист и Сафир

Арист

Что за диво!

Сафир

Каков с Аглаей ты? — Она тебя нашла,
Иль ты ее сыскал?

Арист, *не внимая ему*

При всем том как мила!

Сафир

Надеюсь, для тебя всего милее света.
Увы! на долго ли?

Арист

Как хорошо одета!

Сафир

О! этим славится не без причин она;
Что более в ней есть?

Арист

Жива, ловка, умна!

Сафир

Приятно сладостных часов воспоминанье!
А где произошло с любезною свиданье?
Что сделалось с тобой! как ты задумчив.

Арист

Да,
Я таковой ее не видел никогда!

Сафир

Вскружила голову тебе совсем Аглая,
Скажи по совести?

Арист

Ох, братец, нет, другая.

САФИР

Другая уже? я как вкопанный стою!

АРИСТ

Да, я влюбился вновь.

САФИР

В кого?

АРИСТ

В жену мою.

САФИР

Вот новости еще!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Прежние и Эльмира

ЭЛЬМИРА

Как будто это надо,
Чтоб именно со мной тут встретилась досада.

АРИСТ

А что случилось?

ЭЛЬМИРА

Что? вы б это не снесли.

АРИСТ

Быть может; но скажи....

ЭЛЬМИРА

Вы бы с ума сошли.

АРИСТ

Я верю, но скажи, в чем происходит дело?

ЭЛЬМИРА

Ужели о пустом я так бы зашумела?

АРИСТ

Печальное пришло известье?

Эльмира

Ох, не то!
Мне плакать хочется.

Арист

Не умер ли уж кто?

Эльмира

Не может разве быть несчастия иного?

Арист

Да что же сделалось?

Эльмира

Карета не готова.

Арист

Загадки этой я не разрешил бы в век.

Эльмира

Вас это веселит, счастливый человек!
В забаву для себя всё обратить умеет.
Но если новое мне платье не поспеет,
То я не знаю в чем уже на бале быть.

Арист

Уже? так перестань, мой друг, себя крушить:
Едва ты явишься, и, позабыв наряды,
На красоту твою все обратятся взгляды.

Эльмира

Удачно мадригал вы, сударь, мне сплели;
Аглае лучше бы его поберегли.

Арист

Как! что это?

Эльмира

Сафир! пожалуй подойдите.

САФИР

Чего изволите?

ЭЛЬМИРА

Рукавчик завяжите.
Послушайте меня. *(Тихо ему)* Арист не должен знать,
Что по его делам я еду хлопотать.

САФИР

Я умолчал о том.

ЭЛЬМИРА

Я этого страшилась,
И только для того сюда к вам воротилась.

АРИСТ, *в сторону*

Они с ней шепчутся.

ЭЛЬМИРА, *громко*

Благодарю.

САФИР

За что ж?

АРИСТ

У вас таинственность; а я на что похож?

ЭЛЬМИРА

И тайну чтоб узнать, догадки надо много.

АРИСТ

Сафир! прошу сказать.

ЭЛЬМИРА

Сафир! ах! ради бога!

САФИР

Не бойтесь, не скажу.

АРИСТ

Я угадаю сам.

Эльмира

Ломайте голову, я позволяю вам;
А вы не делайте, Сафир, ему рассказы.
Пора уж отомстить мне за его проказы.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Арист и Сафир

Арист

Конечно, ежели сего лишь захотят,
И ангела с пути прямого совратят,
Не правда ли, Сафир?

Сафир

Мне это непонятно.

Арист

Не ждал от дружбы я услуги столь приятной.

Сафир

Пожалуй объяснись.

Арист

Иль славно поступил
Ты, что жене мою с Аглаей связь открыл?

Сафир

Кто, я?

Арист

Да, ты.

Сафир

Арист!

Арист

Сознайся, что некстати
Уведомлять жену о мужнином разврате?
Коль ветренность мою так можно называть.

САФИР

Арист!

АРИСТ

Когда же мнишь любовь ее снискать,
То лучше отложи все ковы в долгий ящик.
Такой ли женщине приятен пересказчик?

САФИР

Уж это чересчур! — Вот на — рука моя,
Что ей не говорил о том ни слова я.

АРИСТ

Да кто же ей сказал?

САФИР

Кто! — мне какое дело!
Но только что не я, могу уверить смело.

АРИСТ

Ужели у меня есть скрытные враги,
Привыкшие мои изведывать шаги?....

САФИР

Ты всё колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о том сказал, даю честное слово.

АРИСТ

Довольно; извини, прости меня, Сафир.

САФИР

Как мог подумать ты?

АРИСТ

Ну, мир.

САФИР

Пожалуй, мир.

АРИСТ

Я очень чувствую, что это быть не может.
Не знаю, ныне что весь день меня тревожит?

САФИР

А повод к этому?

АРИСТ

Эльмира. — Посуди:
Блаженство обретал я на ее груди;
Смиренный, тихий нрав, испытанный во многом,
Любви достаточным казался мне залогом.
Я так уверен был, беспечен, что ей-ей,
В объятиях ее не помышлял об ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору;
Эльмира вне себя от шляпки, от убору:
Она сбирается на бал, а я — сказать стыжусь! —
И в провожатые уж боле не гожусь.

САФИР

Ну, что ж? ей может быть единобразье скушно,
И ты на то глядеть обязан равнодушно.

АРИСТ

Я это говорил, я точно не был прав:
Еще не знал тогда я ревности отрав.

САФИР

А ныне чувствуешь?

АРИСТ

Не точно ревность....

САФИР

Что же?

АРИСТ

А что-то, на нее ужасно как похоже.

САФИР

Мой друг, не вовсе ль ты рассудок потерял?
Когда жена твоя, чего ты сам желал,
К приманкам светскости не столько хладнокровна,
Уже ты вне себя, уже она виновна.

Арист

Пременчивости тень убийственна тому,
Кто вверился, как я, блаженству своему.—
Постой, что давича она тебе шептала?

Сафир

Вот, видно, на меня опять сомненье пало.
Весь толк о шляпке был; ты верно слышал сам?

Арист

Неправда, выдумка, я вижу по глазам.
Скажи мне истину сейчас — или ни слова.

Сафир

По крайней мере нет тут ничего такого,
Что неприятность бы могло тебе подать.

Арист

К чему ж таинственность?

Сафир

Я обещал молчать.

Арист

Довольно.

Сафир

Что с тобой, в лице весь изменился.

Арист

Тебе, знать, чудится.

Сафир

Ну, право, рассердился.

Арист

Я.... ничего.

Сафир

Постой, куда же ты пошел?

Арист

Я так....

САФИР

Куда, скажи?

АРИСТ

Здесь воздух мне тяжел.
(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сафир, один

САФИР

И это был Арист! он может быть ревнивым!
Так! вертопрахам он пример велеречивым;
Блаженства сущностью они не дорожат:
Его утративши, по нем же загрустят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сафир и Эльмира

САФИР

Вы скоро съездили.

ЭЛЬМИРА

Неправда ль, торопливо?
Не менее того мой выезд пресчастливый;
И в сей записочке еще подтверждено,
Что в пользу дело всё Ариста решено.
Прочтите, — с сим письмом слуга мне повстречался.
Успехом наконец мой поиск увенчался.

САФИР

Я поздравляю вас.

ЭЛЬМИРА

А что Арист?

САФИР

Пропал.
Отчаянно брюзглив и недоверчив стал;
Любезные черты ревнивца он являет.

Эльмира

Что неожиданно его переменяет?

Сафир

Что хочет женщина, то сбудется всегда.

Эльмира

Какие случаи бывают иногда:
Я радуюсь тому, о чем иная плачет;
Мой муж ревнив!

Сафир

И как!

Эльмира

Сафир! что это значит?

Сафир

То значит, что ему досталось унывать.

Эльмира

О! я берусь его достойно наказать:
От дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

Сафир

Ах! как жестоко!

Эльмира

Мной чувства жалости совсем отдалены;
С ума его сведу.

Сафир

По милости жены,
Не первый попадет в число он сумасшедших.

Эльмира

Нет! а раскается он в шалостях прошедших,
Ручаюсь вам за то.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Прежние и Арист в дверях

САФИР

Признаться, что Арист
Пред вами совестью своей не очень чист,
И наказания примерного достоин.

ЭЛЬМИРА

И накажу его, он может быть покоен.

САФИР

А чем? не этим ли письмом?

ЭЛЬМИРА

Чем бог послал.
Отдайте мне его, чтоб он не увидал.

АРИСТ

И так сбылись мои правдивые сомненья!
Скажи, бессовестный, еще в недоуменьи
Не знаю как судить мне по твоим словам:
Помощник что ли ты, иль обольститель сам?

САФИР

К кому такая речь?

ЭЛЬМИРА

Замешаны мы оба.

АРИСТ

Уж боле не к лицу невинною особой
Прикидываться вам: сей день вас обличил;
Довольно времени я легковерен был.

САФИР

Обдумайся, Арист.

Эльмира

Он в полном ли рассудке?

Арист

О! бросьте наконец безвременные шутки.
Скажи, судáрь!.... Иль нет, оставь покуда нас;
Мы лучше свидимся с тобою через час,
Тогда произойдет короче объясненье.

Сафир

Но что ввело тебя в такое исступленье,
Скажи причину нам?

Арист

Оно у ней в руках.

Сафир и Эльмира

Письмо!

Арист

Неужели вы ощутили страх?

Сафир

Дай мне тебе сказать....

Арист

Мне слушать не досужно.

Сафир

Одно....

Арист

Не надобно.

Сафир

Лишь слово дай....

Арист

Не нужно.

Эльмира

Вы видите, Сафир, он кажется в бреду;
Подите, пусть его упрямится.

САФИР

Иду.
Он, право, жалок мне!

АРИСТ

Ужимки бросьте эти:
Еще ль вам повторять, что нам не нужен третий?
(Сафир уходит)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Арист и Эльмира

ЭЛЬМИРА

Чего хотите вы? вот мы наедине.

АРИСТ

Не вам расспрашивать, сударыня, а мне.

ЭЛЬМИРА

Чего хотите вы?

АРИСТ

Чего? вопрос забавный!
Подайте мне письмо, где я увижу явно,
Как женской честности вы презрели закон,
Как вами я забыт, поруган, оскорблен!

ЭЛЬМИРА

Поруган! оскорблен! — какие выраженья!
Но ваши не хочу я разрешать сомненья,
И не отдам письма.

АРИСТ

Должны его отдать,
Иль бешенство мое хотите испытать?

ЭЛЬМИРА

Подумайте — читать письмо чужое низко,
И хлопотен надзор над женской перепиской.

АРИСТ

Я, кажется, вам муж,

Эльмира

Я, сударь, вам жена;
И любопытством я большим одарена,
Но ваши тайны мне всегда казались святы.

Арист

Вам свято что-нибудь! не я ль уж виноватый?
Подайте мне письмо.

Эльмира

Нет, право, не отдам.
Читаю ль я когда, что пишет часто вам
Любезная для вас, прелестная Аглая,
И может быть еще прелестница другая?

Арист

Как заблуждения дерзаете равнять
Мои вы с вашими? Иль вам растолковать:
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

Эльмира

Где эти ветхие нашли вы наставленья?

Арист

Но и погрешности мои вам не покров;
Я вам не верен был на несколько часов;
А в доказательство, здесь для моей очистки,
Вот как я берегу любовные записки.

(Вынимает записки из бумажника и рвет)

Эльмира

Ах! доказательства не служат ни к чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И бесполезнее, когда я к вам остыла.

Арист

В глаза мне говорит, что точно изменила!
Простительно ль сему бесстыдству мне внимать?
Не думайте, чтоб я вас мог подозревать
По недостаточной какой-нибудь причине;

Нет! повод вы к сему мне подали не ныне,
А перемену в вас заметил я давно.

Эльмира

Что вы заметили?

Арист

То, что.... Но всё равно,
Я тысячу могу вам случаев исчислить,
По коим должен был об вас я худо мыслить;
Довольно бы смешно не замечать
Мне на лице у вас уныния печать,
Когда наедине мы оставались с вами;
И часто думал я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вам выезжать со мной. —
Сегодня поутру, на что искать мне дале,
В смятеньи были вы, погружены в печали,
Когда напомянул я об деревне вам;
Конечно скоро бы прибегнули к слезам,
К упрекам, жалобам! — на дело не похоже!....
Является Сафир, я ухожу — и что же?
Откуда всё взялось на бедствие мое:
Веселость, острота, наряды и пеньё,
Все, словом, женские чертовские приманки.
Я в дверь, вы со двора, и очень спозаранки.
Не ведаю, какой злой дух в меня вдохнул,
Чтобы Сафиру я об этом намекнул?
Изменник! над моим ругался как несчастьем!
Как утешал меня притворным соучастьем!
Непринужденно как смеялся, ободрял!
От горькой истины как хитро отвращал!
Как другом и женой жестоко я обманут!
Но более меня обманывать не станут.
Что вы потупили глаза? вы смущены?
Подайте ж мне письмо.

Эльмира

Мой бог! как вы смешны!

Арист

Я очень чувствую; однако непристойно
Вам это замечать.

Эльмира

Нрав самый беспокойный.
Мне, право, кажется, что вы больны — в жару.
Не сами ль ныне вы твердили поутру,
Чтоб одевалась я нарядней, выезжала,
Чтоб дарованьями не столь пренебрегала?
По воле вашей я за это принялась,
И вышло невпопад; — как угодить на вас?
Откуда прихотей вы набрались?

Арист

Откуда?
Я впрямь несправедлив, и был, и есмь, и буду!
Подайте мне письмо.

Эльмира

Пора об нем забыть.

Арист

Как можете еще такой спокойной быть?

Эльмира

Да это оттого, что нрав имею ровный.

Арист

Пожалуй, говорить я стану хладнокровно.
Письмо я требую; прошу его от вас
Не для того, чтобы с сей вывеской тотчас
Повсюду разглашать ваш стыд, мое бесчестье,
И вскоре без меня о том пройдет известье;
Над этим случаем свет едкость изострит,
Печальну истину раскрасит, распестрит;
Еще похвалит вас, что мужа обманули.
Нет! лучше припасу две роковые пули:
Одну бездельнику, другую для себя.

Эльмира

Как хладнокровно!

Арист

Нет! вас сверх всего любя,
Скажите, — я могу ль так вдруг возненавидеть?

Подайте мне письмо, — ах! дайте мне увидеть,
Вам точно ли всегда другой казался мил,
Всё притворялись вы, я всё обманут был.
Вы усмехаетесь; — кто смеху здесь предметом?

Эльмира

Я думала теперь, ей богу, не об этом.

Арист

Не будем долее комедию играть;
Подайте мне письмо, — ведь надобно ж отдать?
Подайте, — право, я за вас боюсь.

Эльмира

Не бойтесь.

Арист

Подайте.

Эльмира

Полноте.

Арист

Подайте.

Эльмира

Успокойтесь;
Возьмите, вот оно.

Арист

Что буду я читать?

(Читает)

«Не надлежало б так Ариста баловáть,
«Эльмира, милый друг! но так и быть; и дело
«Он ныне выиграл, — ты этого хотела.
«Прощай, я остаюсь усердный дядя твой».
N.

Эльмира! я дурак! прости мне, ангел мой!

Эльмира

Насилу сделались опять вы справедливы.

Арист

Я недоверчивый, неистовый, строптивый!
Какие клеветы произносил с сердцов?
Для оправдания мне не достанет слов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Прежние и Сафир

Сафир

Вот неожиданность! хоть бы в волшебных тенях;
Супруга нежная в слезах, муж на коленях!
Раскаянье, любовь, согласие! — что, брат?

Арист

Пред ней я, пред тобой, пред всеми виноват.
Прости, Эльмира, мне сомненье безрассудно;
Конечно, мне к тебе его питать бы трудно;
Но мой неправый гнев.... но и проступок сей —
Не есть ли верный знак к тебе любви моей?

Эльмира

Нет, беспорочной мне была холодность платой,
И ревность, я когда казалась виноватой.

Арист

Что требуешь, скажи: чтоб удалился я
В леса дремучие, в безлюдные края?
Мой друг, изволь, и там забуду я с тобою
Веселья бурные, утраченные мною.

Эльмира

Такие жертвы, я конечно, откажу:
Приятность в городе сама я нахожу.

Арист

Как хочешь; но теперь в столице иль в пустыне
С тобою дома я всегда сижу отныне —
Днем, утром, вечером и в полдень, и в полночь;
Все вертопрашества и суетности прочь!

Эльмира

Но дома не всегда меня ты видеть будешь.

Арист

Иль долго ты мою вину не позабудешь?....

Сафир

Или прикажете мне к вашим пасть ногам?

Эльмира

Прощаю — пусть он всем обязан будет вам.
(Аристу)

Так, если несколько тебя сей день исправил,
Его благодаря: он и меня наставил,
Чтоб вкусам я твоим старалась снисходить,
Затем, чтоб от других приманок отвратить,
Чтоб иногда твоей противилась я воле
Затем, чтоб ты ценил мое смиренство боле.
Так! он любовь твою мне возвратить хотел,
Старался, сколько мог — и, может быть, успел.

Конец

СТУДЕНТ

КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Евлампий Аристархович Беневольский, студент из Казани.
Федька, его слуга.
Звёздов.
Звёздова, жена его.
Саблин, брат ее, гусарский ротмистр.
Вариньк а, воспитанница Звёздовых.
Полюбин, влюбленный в Вариньку.
Прохоров.
Иван, слуга.
Швейцар.
Трое слуг.
Мальчик из ресторации.

Действие в Петербурге, в доме Звёздова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Беневольский, Федька, Иван

Иван. Кого вам надобно-с?

Беневольский. Я уж отвечал на этот вопрос неоднократно внизу человеку, вооруженному длинным жезлом, так называемому швейцару, а тебе повторяю: мне надобно господина здешнего дому.

Иван. Барина самого?

Беневольский. Да, да, барина твоего, Звёздова, его превосходительство Александра Петровича Звёздова. Ведь это дом его?

Иван. Его-с.

Беневольский. А я его гость.

Иван. Разумею-с. Да ваши пожитки и повозку куда же девать? Штукарев, что за домом смотрит, вышел куда-то, барин во дворце, барыня еще почивает, а если изволит проснуться, как прикажете доложить о себе?

Беневольский. Без доклада, любезный, без доклада. А впрочем, имя мое Беневольский: я здесь свой человек, меня ждут давно. Его превосходительство в бытность свою в Казани познакомился с покойным моим отцом, который предложил ему свои услуги, имел хождение за его делами; с тех пор они друг другу дали клятву в дружбе неизменной и утвердили между прочим вот что... Барин твой сказывал, что его супруга воспитывает прелюбезную девицу.

Иван. Варвару Николаевну? Красавица, нечего сказать.

Беневольский. Невинность, ангел, существо небесное, так ли? И мне назначил он ее сопутницею жизни: это было положено между им и покойным батюшкой, также и то, чтоб мне, когда приеду в Петербург, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрастал еще в Минервином храме, в университете. С тех пор батюшка скончался, и я, сказав прости казанскому рассаднику просвещения, поскакал сюда, чтоб воспользоваться приглашением твоего барина. В нем, конечно, найду я друга, отца, покровителя, одним словом всё. Ну, понял ли?

Иван. Понял-с. Так вашей повозке с пожитками постоять покамест на улице?

Беневольский. Всё равно. Вели ей стоять на улице или въезжать на двор. Мне не до того: в голове моей, в сердце такое что-то неизъяснимое, мир незнаемый, смутная будущность!

Иван *(отходя, говорит Федьке)*. Барин-то у тебя, видно, большой искусник.

ЯВЛЕНИЕ 2

Беневольский, Федька

Беневольский. Что он тебе сказал?

Федька. Барин-де твой, видно, большой искусник.

Беневольский. Искусник... Так простолюдины называют артистов. Да, я артист; где мой журнал дорожный? *(Федька вынимает из сумки, что у него за плечами, кучу бумаг и медный карандаш)* Подавай сюда! Записать, непременно записать первые чувства при въезде в столицу. *(Пишет)* Мирюсь с Тобою, Провидение! я в желанной пристани...

Федька. Ох, кабы перекусить что-нибудь! Да у кого здесь попросишь? все и люди-то смотрят на тебя такими тузами, как будто сами господа; а позывает, ой! позывает: кибитчонка-то всё вытрясла, проклятая.

Беневольский. Вступаю в новый для меня свет. — Ну, однако, какой же новый? Я его знаю, очень хорошо знаю: я прилежал особенно к наблюдениям практической философии, читал Мармонтеля, Жанлис, пленительные повести новых наших журналов; и кто их не читал? кто не восхищался Эльмирой и Вольнисом, Бедной Молочницей? Они будут водители мои в этом блуждалище, которое называют большим светом.

Федька. Посидел бы он шесть дней да шесть ночей на облучке, не взбрела бы всякая всячина на ум; попросил бы съестного да завалился бы спать. Правду сказать, ведь и ему не малина была: сидячей частью об книжный сундук, головой об плетеную будку простукался, сердечный, во всю дорогу. Ну, да что им, грамотеям, делается? не давай ни пить, ни есть, дай перо да бумаги, — и сытехоньки, и горя половина.

Беневольский. Не говори вслух, ты мне мешаешь.

Федька. Неужто вы впрямь с дороги да и за дело?

Беневольский *(не слушая его)*. Здесь увижу я эти блестящие собрания, где вкус дружится с роскошью; в них найду женщин милых, любительниц талантов, какую-нибудь Нинону, Севинье, им стану посвящать стишки маленькие, легкие; их окружают вертопрахи, модники —

я их устрашу сатирами, они станут уважать меня; тут же встретятся мне авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себе громкую славу, признаны бессмертными в двадцати, в тридцати из лучших домов; я к ним буду писать послания, они ко мне, мы будем хвалить друг друга. О, бесподобно! Звёздов ездит во дворец, — он будет моим Меценатом, мне дают пенсию, как всем подобным мне талантам, я наживусь, разбогатею. Федька! Федька! поди сюда, обойми меня.

Ф е д ь к а. Что с вами, сударь?

Б е н е в о л ь с к и й. Сколько ты от меня получаешь жалованья?

Ф е д ь к а. Да вашей милости, я чай, самим известно.

Б е н е в о л ь с к и й. Жалкий человек! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

Ф е д ь к а. Ну вот видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а как нанимали в Казани, еще торговались: всего сорок рублей на месяц.

Б е н е в о л ь с к и й. Ты будешь получать пятьсот, тысячу.

Ф е д ь к а. С нами крестная сила! рехнулся он. Попросите-ко, сударь, чтоб вам отвели комнату в стороне, да ляг-те-ка отдохнуть.

Б е н е в о л ь с к и й. Тысячу, тысячу.

Ф е д ь к а. Да где же вы, сударь, возьмете? Вы, помнится, говорили, что у вас всего на всё тысяча рублей взято из Казани, да вышло на прогоны двести сорок рублей с полтиною, да покупок в разных городах на восемьдесят рублей, да мне изволили выдать в зачет жалованья два целковых: вот у меня здесь всё записано.

Б е н е в о л ь с к и й. Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мне разбогатеть.

Ф е д ь к а. Вот оно что; ну, барин, так богатейте же скорее.

Б е н е в о л ь с к и й. Эту тысячу, что я взял с собой, получил я в награду дарований от преосвященного, от вице-губернатора, от самого губернатора за стихи поздравительные в разные времена; если в губернском городе дали тысячу, здесь дадут десять, здесь могу я напечатать все мои творения, а как их все раскупят... Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупят? Врешь: у Звёздова тьма знакомых, он человек знатный, из угождения к

нему все подпишутся: чего это стоит? один экземпляр дрянь, а за всё придется важная сумма.

Федька *(смотря в окно)*. Кто-то, сударь, подъехал в коляске.

Беневольский. Сюда взойдут. Выйди в переднюю.

Федька. Да там народ такой неласковый, к тому же, право, я голоден, быка бы съел. Пожалуйте, сударь, полтинник: я схожу в харчевню.

Беневольский. На, убирайся. Ах! досадно, на мне дорожная куртка. Еще подумают: новичок, смешной, необразованный... Воротись, Федор! Федька! вынь из чемодана платье, поновее которое.

Федька. Да там всего, сударь, фрак лиловый, да жилет пике, и то, чай, дорогой поизмялось.

Беневольский. Подавай его.

Федька. К чему вам переодеваться!

Беневольский. Какое тебе дело?

Федька. С вас не взыщут: вы человек приезжий.

Беневольский. Молчи!

Федька. Образумьтесь, где теперь выкладывать из чемодана: вам и комнаты еще не отвели.

Беневольский. Не умничай!

Федька. Притом власть ваша: есть хочется, ей богу! мочи нет.

Беневольский. Прозаик!

Федька. Вот еще ругаетесь... Нет, барин, мне таким способом служить будет не в охоту.

Беневольский. Олух! прибери эту тетрадь и карандаш, да ступай за мной: я сам вытащу чемодан и выну платье. Скорей! Скорей! *(Уходит с Федькой и в дверях встречается с Полюбиным)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Полюбин и Иван

Полюбин. Стало, никого нельзя видеть; а это кто вышел?

Иван. Приезжий, сударь, из Казани.

Полюбин. Из Казани! и зовут его?

Иван. Беневольский.

Полюбин. Ах! Боже мой!

ЯВЛЕНИЕ 4

Полюбин и Варинька

Варинька. Здравствуйте, Полюбин; как умно сделали вы, что приехали! Знаете ли, кто здесь?

Полюбин. Да, этот жених из Казани, выбранный Звёздовым, и который, натурально, никогда не будет вашим мужем.

Варинька. О, конечно нет. Представьте, я давича сижу перед окном у себя в комнате, только что встала, вижу: подъезжает к крыльцу повозка, из нее выходит... вы еще его не видали?

Полюбин. Он мелькнул в дверь, только что я вошел.

Варинька. Ни на что не похож; я вскочила со стула, послала спросить, кто? Говорят, Беневольский; я онемела от испугу. Ведь это может только Александру Петровичу притти в голову назначить мне женихом человека, которого хуже, по крайней мере на взгляд, сыскать нельзя.

Полюбин. Поверьте, он об нем давно забыл.

Варинька. Нет нужды: он конечно ни об чем не помнит, но за вас меня не выдает потому, что его жена этого хочет; он в пятьдесят лет настоящий ребенок, всё любит делать наперекор всем и, вы увидите, начнет меня принуждать, чтоб я вышла за этого шута, которого он давно забыл, но вспомнит, коль скоро он ему попадется на глаза. Боже мой! как тяжко зависеть от таких людей, которые за свои благодеяния располагают вами, как собственностию! Теперь я чувствую, каково быть сиротой.

Полюбин. Я еще надеюсь: если Звёздов не совсем так поступает, как бы должно, жена его женщина редкая; пришявши вас в дом, полюбила и продолжает любить, как дочь. Ей, как нежной матери, обязаны вы всеми приятностями, которые всех заставляют вас любить.

Варинька. Ах, перестаньте! до того ли мне?

Полюбин. Хотя муж ее всегда хочет поступать в противность другим, всё-таки жена его, милая, ловкая, наконец ставит на своем; и не мудрено: ему пятьдесят лет, а ей с небольшим двадцать.

Варинька. Пойду, брошусь перед ней на колени; пусть что хотят со мной делают, а я ни за кого, кроме вас, не выйду. *(Полюбин целует у нее руку)* Она еще спит, а то я бы сейчас пошла, пока муж ее не воротился из дворца.

Полюбин. Вы напрасно огорчаетесь: у вас нет родителей, — кто вас может приневолить? Вы выбрали человека по сердцу, от вас зависит его счастие.

Варинька. Без согласия моих покровителей! чтоб меня после называли неблагодарной! ни за что в свете. *(Подходя к окну)* Посмотрите, посмотрите, он же на улице переодевается.

Полюбин. Кто? Беневольский? *(Смотрит в окно и хохочет)*

Варинька. Нет, не только теперь, — если б я и вас не знала, ни под каким видом не вышла бы замуж за этого безумного. Хорошо вам смеяться: вы сами себе господин. Ах! он сюда идет; прощайте! пойду в спальню к Настасье Ивановне. Может быть, она встала. Приезжайте ужо, простите. *(В дверях)* Будьте же здесь ужо непременно, а то мы нынче съезжаем на дачу. Бог знает, когда увидимся.

ЯВЛЕНИЕ 5

Полюбин, вскоре после Беневольский

Полюбин *(смотря на часы)*. Теперь половина одиннадцатого, во дворце еще не вышли к обедне, — Звёздов не так скоро воротится. Можно полюбопытствовать, что за человек этот Беневольский. Вот он сам и в пух расфранчен.

Беневольский *(шаркая)*. Ваш покорнейший слуга-с.

Полюбин. Здравствуйте!

Беневольский. Позвольте с вами познакомиться.

Полюбин. Очень рад вас видеть.

Беневольский. Что-с? так точно-с. *(В сторону)* Непостижимо. Я верно в сорок раз его умнее: отчего я робею, а он нет?

Полюбин *(в сторону)*. Бесценный. И это мой соперник.

Беневольский. Позвольте спросить: я кажется, если не ошибаюсь, имею честь говорить с вами?

Полюбин. Вы не ошибаетесь.

Беневольский *(в сторону)*. Как краткословен! Он меня убивает.

Полюбин. Вы недавно сюда приехали?

Беневольский. С час будет.

Полюбин. Из Казани?

Беневольский. Я сын волжских берегов.

Полюбин. Вам здесь всё должно быть ново?

Беневольский. Ничто не ново под солнцем.

Полюбин. Но приезжего из Казани многое кое-что должно здесь удивить.

Беневольский. Меня ничего. Признаюсь вам, я столько читал, что ничем не удивлен. Это мое несчастие.

Полюбин. Может, не успели еще видеть ничего удивительного?

Беневольский. Помилуйте. Эти воды, пересекающие во всех местах прекраснейшую из столиц и вогражденные в берега гранитные, эта спокойная неизмеримость Невы, эти бесчисленные мачты, как молнией опаленный лес — вы это называете неудивительным?

Полюбин. Не я, а вы: вы сказали, что ничем уже не удивляетесь.

Беневольский. Я разумел моральные явления.

Полюбин. Когда ж вы могли их видеть? Вы сейчас из повозки. — Что ж вы располагаете вдаль? Какой род жизни вы намерены выбрать?

Беневольский *(приосанившись)*. Вы знаете, как меня зовут?

Полюбин. Беневольский, кажется.

Беневольский. Да-с.

Полюбин. Так что ж?

Беневольский. Вы, конечно, читали «Сына Отечества»? там эти безделицы, я их, сй богу, полагаю безделицами, так... опыты, конечно, часто счастливые, удачные, они подписаны литерами Е. А. Б. и несколько точек, вместо имени — Евлампий Аристархович Беневольский.

Полюбин. Имени вашего не забуду; но я не читаю «Сына Отечества».

Беневольский. Нет! ну, так «Вестника Европы»?

Полюбин. Тоже нет.

Беневольский. Помилуйте, а «Музеум»? Вы, конечно, любите «Музеум»? Московский «Музеум»?

Полюбин. Я даже не знаю, есть ли он на свете.

Беневольский. Нет, его уж нет больше, но он был. Помилуйте, что ж вы читаете?

Полюбин. Мало ли что? Только не то именно, что вы назвали, и не то, что на это похоже.

Беневольский *(смотрит на него с презрением и отходит в сторону)*. Не читал ни «*Сына Отечества*», ни «Музеума», ха! ха! ха! Этакое невежество в девятнадцатом столетии! в Петербурге! — Я перед ним робел! и я перед ним скромничал! *(Садится на стул)* Вы, сударь, спрашивали, какие мои виды вдаль? Вот они: жизнь свободная, усмешка Музы — вот все мои желанья... Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они в сравнении с поэзиею?

Полюбин *(в сторону)*. Каков же! Однако, вы дурно делаете, что не хотите служить. С вашими способностями, с вашими познаниями, не мудрено, что вы современем попадете...

Беневольский *(с восторгом)*. В чины?

Полюбин. В государственные люди... каких, конечно, у нас немного.

Беневольский *(вскакивая со стула)*. Ась? Возможно ли! Быть полезным государству! Это превосходно, это именно мое дело. Я прошел полный курс этико-политических наук, политическую историю, политическую экономию, политику в строгом смысле, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право...

Полюбин. Право, не надобно столько прав, ни столько политики; я, как видите, ничего этого не проходил, а статский советник.

Беневольский. В ваши лета?

Полюбин. Представьте, чем вы можете сделаться!

Беневольский. Как вы благородно судите! Жаль только, что слишком пренебрегаете изящной словесностью.

Полюбин. Я? нисколько!

Беневольский. Как же? не читаете «Сына Отечества».

Полюбин. Что ж делать?

Беневольский. Зачните его читать, сделайте одолженье, зачните; право это вам не будет бесполезно, особливо при вашем здравом рассудке. — Но быть государственным человеком, министром, чрезвычайно приятно! Не почести, с этим сопряженные: это дым, мечта; но слава прочная, незыблемый памятник в потомстве! — О, поприще государственного человека завидно; да как бы на него попасть?

Полюбин. А поэзия?

Беневольский. Прелестная игра воображения, отрада в скуке; но дело министра существеннее, решает задачи народов. Я себе представляю не для того, чтоб я в этом был уверен; но если бы оно случилось, чтобы я был министром... *(Задумывается)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Беневольский, Полюбин, Саблин

Саблин. Здорово, Полюбин! как ты рано здесь нынче дежуришь! *(Взглянув на Беневольского, отводит Полюбина в сторону)* Скажи, пожалуй, давно ли сестра пускает к себе в дом таких куриозов? Это, чорт знает, что такое!

Полюбин. Это тот жених, об котором, помнишь, Звёздов прожужжал Вариньке.

Саблин. Казанский?

Полюбин. Как видишь, на лицо.

Саблин. Чудо!

Полюбин. Хочешь ли, я вас познакомлю. *(Саблин делает знак согласия)* Евлампий Аристархович! позвольте представить вам моего друга, Евгения Ивановича Саблина. *(Беневольский раскланивается)*

Саблин *(Беневольскому)*. Для первого знакомства, скажите-ко, батюшка, чем вы на белом свету промышляете?

Беневольский. Как ваш вопрос? извините. *(Тихо Полюбину)* Я не понимаю его.

Полюбин *(тихо Беневольскому)*. Человек военный, говорит просто; хотите ли, я за вас ему отвечу?

Беневольский *(Полюбину)*. Вы меня обяжете.

Полюбин *(Саблину)*. Господин Беневольский, честь и краса казанского Парнаса, доныне занимался только изящной словесностью, и с таким успехом, что стихи его печатались даже в «Сыне Отечества».

Беневольский *(Полюбину)*. Помилуйте, вы меня в краску вводите вашей похвалою.

Полюбин. В ней нет ничего лишнего.

Беневольский. Вы так думаете?

Полюбин. Присягнуть готов. *(Саблину)* И сверх того в «Вестнике Европы».

Беневольский. Пощадите скромность поэта.

Полюбин. И где бишь еще?

Беневольский. В «Музеуме». — Да перестаньте. Хоть это всё очень лестно, но может показаться, что я самолюбив; а я ничьих похвал не ищу.

Саблин. И хорошо делаете. Кто вас так похвалит, как вы сами себя?

Полюбин. Везде рассыпаны счастливые опыты Евлампия Аристарховича Беневольского: после этого подумай...

Саблин. Я об этом никогда ничего не думаю и сочинителей терпеть не могу. *(Беневольскому)* Это до вас не касается.

Полюбин. Кроме, что сочинитель, господин Беневольский ужасный законник, и метит вдаль. Я его уговаривал, а он почти согласен сделаться современем государственным человеком.

Саблин. Чем чорт не шутит! — Так вы метите в министры? а?

Беневольский. Отчего ж не стремиться вслед за Сюллиями, за Кольбертами, за Питтами, за боярином Матвеевым?

Саблин. Послушайте, подите-ка к нам, в полк, в юнкера. Смотри, пожалуй! он еще дуется!.. Ведь я не виноват, что вас иначе не примут; мне бы, напротив, во сто раз было веселее, кабы вы попали прямо в полковники: вы так сухощавы, по всему судить, проживете не долго, скорей бы вакансия очистилась.

Беневольский *(в сторону)*. Житель Виотии в Афинах! ни малейшего колорита воспитания!

Саблин *(Полюбину)*. Неужели ты полагаешь, что есть возможность этому шуту жениться на Варинькe?

Полюбин. Э, братец! от твоего зятя всё возможно.

Саблин. Я за это в состоянии сказать ему дурака в глаза, хоть он и думает, что вдвое меня умнее от того, что вдвое старее. Здесь неловко говорить: идем завтракать на бульвар.

Полюбин. Пойдем.

Саблин. А ужо как вернемся, настроим хорошенько сестру, чтоб она мужа на ум навела. Я, право, люблю тебя как душу, и Варинькy тоже, смерть досадно, если она достанется этому уроду... Ха! ха! ха! как можно этаким выродиться! Я бы сам себя на его месте обраковал и пристрелил. *(Беневольскому)* Мы, сударь, оставляем вас одних: рассуждайте на досуге. Вот вам, как Ивану Царевичу, три пути: на одном лошадь ваша будет сыта, а вы голодны, — это наш полк; на другом и лошадь, коли она у вас есть, и сами вы умрете с голоду, — это стихотворство; а на третьем и вы, и лошадь ваша, и за вами еще куча людей и скотов будут сыты и жирны, — это статская служба. Во всяком случае вы пойдете далеко; а мы, брат, пойдем к Бордерону, вели своей коляске за собой ехать.

ЯВЛЕНИЕ 7

Беневольский *(один)*. Ха! ха! ха! Какой сюжет для комедии богатый! Как они смешны. Тот статский советник, в порядочных людях, и не читал ни «Сына Отечества», ни «Музеума»; но, по крайней мере, видно, что ему это совестно, больно: он мне после угождал взорами, речьми, нарочно, чтоб изгладить дурное впечатление, которое надо мной сделало его невежество. А этот гусар, об котором Виргилий говорит: Barbarus has segetes, * — еще храбрится своею глупостью. Однако он мне дал мысль: ступайте к нам в полк... Нет, не в их полк, а в военную: отчего мне не быть военным? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Быть вождем полмиллиона героев! Самому воспевать свои победы! воин-поэт! Но быть министром! тоже значительно, завидно. Ну, что ж?

* Варвар эти нивы... (Виргилий. Эклога первая, ст. 70–71). — *Ред.*

разве нельзя всё это сдружить вместе? Так, я буду законодателем-полководцем и стихотворцем, и вы меня одобрите, существа кротости!.. Существа очаровательные! всё в жертву вам!.. Но, боже мой! как здесь долго таятся в неге! Я так давно снедаем ожиданием. Ах! если б теперь мог увидеть ту, которая давно живет здесь, в моем сердце, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мне в сновидениях, светла, как Ора, легка, как Ириса, — величественный стан, сафирные глаза, русые, льну подобные, волосы, черты... Кто-то идет — две женщины!.. Сердце, ты вещун! — это она с субретною... Мой идеал!.. Она!..

ЯВЛЕНИЕ 8

Звёздова, Варинька, Беневольский

Звёздова. Я теперь только узнала, что вы приехали, и очень жалею, что не могла прежде... Что с вами сделалось? Не дурно ли вам?

Беневольский *(кланяясь)*. Нет-с, ничего-с. Честь имею себя рекомендовать.

Звёздова. Вы долго ехали из Казани?

Беневольский. Счетом времени только неделю, а счетом сердца целый век.

Звёздова. Видно, что-нибудь вас сюда торопило?

Беневольский. Ах! сударыня, вы не знаете любви!

Звёздова. Это очень лестно для вашей невесты. Но вы ее видите в первый раз.

Беневольский. В первый раз! Нет, я ее вижу не в первый раз.

Звёздова. Разве вы бывали прежде в Петербурге?

Беневольский. Никак нет-с.

Звёздова. Когда ж вы могли ее видеть?

Беневольский. Всегда: в часы уединенного труда, в минуты деятельной чувствительности, досуга шутливого, крылатой фантазии.

Звёздова. Да где же?

Беневольский. Везде: образ ее носился в облаках воздушных, выглядывал из ручейка долинного, отражался в каплях росы на листочках утренних...

Звёздова. Теперь я понимаю: вы шутите.

Беневольский. Одни сердца холодные могут шутить.

Звёздова *(тихо Вариньке)*. Он говорит так странно...

Варинька *(тихо Звёздовой)*. Странно, просто вздор; и за него хотят меня выдать. Ах! сжальтесь хоть вы.

Беневольский *(в сторону)*. Она в смущении! Еще слово, и я счастлив.

Звёздова. Вы, кажется, поэт?

Беневольский. Так! Я не ошибся! Я счастлив! Я любим!

Звёздова. Что такое?

Беневольский. Вы меня узнали?

Звёздова. Узнала ли я?..

Беневольский. Вы меня поняли?

Звёздова. Нет, право...

Беневольский. Трепещут ли в вас те струны, которые издали голос в моем сердце?

Звёздова *(Вариньке)*. Он с ума сходит.

Варинька *(Звёздовой)*. Помилуйте, с чего ему сойти?

Беневольский. Я желал, и свершилось; я искал бессмертия в любви, божества в природе, — и ангел возвышенных мыслей предстал мне во всем велелепии.

Звёздова. Что вы говорите? опомнитесь.

Беневольский. Сердце имеет свою память. Вы приметили тот восторг, который не в силах был я удержать при первой нашей встрече? — в нем слышали вы голос пиитической совести.

Звёздова. Я, сударь, в жизнь мою ничего подобного не видала и не слыхала. *(Вариньке)* Побудь с ним, ради бога, мне сил не достает его слушать. *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 9

Беневольский, Варинька (она все время печальна и сердита)

Беневольский *(не примечая, что Звёздова ушла)*. Не удивляйтесь моим словам, в языке любви запасся я жатвою слов... Боже мой! Она ушла?

Варинька. Ушла.

Беневольский. Краска стыдливой скромности, конечно, взыграла на лице невинности. Она, верно, хотела скрыть смятение первой любви. Зачем я не удержал ее? не досказал всего того, что теснится здесь, в этой груди?

Варинька. Нужды нет; вообразите себе, что я ваша невеста, и доканчивайте, как начали. Оно в своем роде, право, хорошо.

Беневольский. Верю, милая.

Варинька. Милая! Как он смеет!..

Беневольский. Но ты не моя невеста, ты не она.

Варинька. Дай бог!

Беневольский. Что, красавица?

Варинька. Я думала, каково вашей невесте!

Беневольский. Положение ее должно быть...

Варинька. Несносно.

Беневольский. Стрелы любви, конечно, язвительны, богатыри могучие по три дня не едали и не спали от них. Илья Муромец... Но ты не читала, ты не поймешь. Стрелы любви, подобно копью Ахиллову, исцеляют собственную рану... Ох! я опять забыл, что ты не поймешь.

Варинька. Авось, пойму: продолжайте.

Беневольский. Если б ты, красавица, взялась мне помочь, поговорить своей барышне...

Варинька *(в сторону)*. А! я служанка.

Беневольский. Если б ты растолковала ей, как выгодно быть подругою стихотворца!..

Варинька. К чему это? Невеста ваша всё сама от вас слышала.

Беневольский. В самом деле! С каким жаром я изъяснялся! Как ты думаешь?

Варинька. О! чрезвычайно... Только жаль...

Беневольский. Что жаль?

Варинька. Вы трудились понапрасну.

Беневольский. Понапрасну! Поверь, что нет. Я примечал всё время, и приметил, что она...

Варинька. А кто она?

Беневольский. Вот вопрос забавный: она, что вдруг явилась и наполнила душу радостью, а потом исчезла как призрак, невеста, избранная мне рукою тайного Провидения, словом, она.

Варинька. Ах, сударь, она — не она.

Беневольский. Как не она?

Варинька. Вы говорили не с нею.

Беневольский. Не с нею! С кем же?

Варинька. С хозяйкою здешнего дома, с женою вашего покровителя.

Беневольский. С женою... Невозможно! Нет, нет... Какое тут правдоподобие!

ЯВЛЕНИЕ 10

Варинька, Беневольский, Иван

Иван *(Вариньке)*. Барыня вас спрашивает.

Варинька. Слава богу! *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 11

Беневольский, Иван

Беневольский *(ей вслед)*. Минуту! Одну минуту!.. Никакого правдоподобия, это шутливый вымысел субретки. *(Ивану)* Постой хоть ты.

Иван. Что прикажете?

Беневольский. Представьте себе, что мне сказала горничная.

Иван. Какая, сударь, горничная?

Беневольский. Ну, вот, что сейчас отсюда вышла.

Иван. Помилуйте, сударь, что это за горничная? Это барышня, здесь в доме воспитывается, Варвара Николаевна.

Беневольский. Моя невеста! Я погиб. Зловещий человек! Что ты сказал?

Иван. Сущую правду-с.

Беневольский. Но как же мне не ошибиться? Входит женщина молодая, ни дать, ни взять мой идеал. Кому же взойдет в голову, что она жена старика Александра Петровича Звёздова? С ней другая должна была показаться мне горничною.

Иван. Станет ли, сударь, горничная растабарывать с молодым незнакомым господином, глаз на глаз, середи бела дня, где все люди ходят? Довольно, что и урывкою пошаливают.

Беневольский. Полно, братец, нынче горничные везде, всегда и со всеми разговаривают. Я это читал во всех новых комедиях, а комедия зеркало света.

Иван. Как вам угодно.

Беневольский *(в размышлении)*. Из тысячи книг собирал я познания о свете, и вдруг одна нечаянность всё превращает в ничто. О fatum! — Нет, не виню тебя, ученье! Так, догадываюсь, понимаю, я сам виноват, я читал же... как забыть? как не вспомнить? Это одно и то же положение; они хотели испытать меня: одна притворилась горничной, другая моей невестой, а я не угадал. Но — не дам им торжествовать, оборочу́ им же в обиду, скажу им, что я знал всё, и нарочно притворялся, чтоб помучить хитрую. Эту развязку я читал, очень помню.

Иван. Еще ничего не прикажете?

Беневольский *(в сторону)*. Этот человек может мне послужить. Он так хорошо одет; верно много значит в доме. Я читал, что у знатных есть слуги, которые в доме всё делают и даже управляют господами. *(Громко)* Послушай, мой друг, полюби меня, делай, что я тебе скажу.

Иван. Что будет угодно?

Беневольский *(дает ему деньги)*. Вот тебе для знакомства. Не откажись...

Иван. Кто, сударь, от денег отказывается?

Беневольский. Не откажись подать мне те сведения, что я от тебя потребую. Ты верно всё в доме знаешь до утонченности... все тайны тебе известны.

Иван. Виноват, сударь, я вчера только поступил сюда в услужение. Александр Петрович изволил меня выпросить у своей тетушки, княжны Дарьи Савишны Невкушаевой. Про нее расскажу вам, что хотите; почтенная, целомудренная девица, шестидесяти лет; я у ней исправлял должность буфетчика.

Беневольский. Какое мне до нее дело? — Судьба меня преследует. По крайней мере впредь, братец, старайся всё видеть, всё слышать, всё знать, что здесь происходит.

Иван. О! вперед, сударь, будьте уверены, всю подноготную выведаю.

Беневольский. Под завесой тайны слушай всё: где, что, кто кому тихо станет шептать.

Иван. Да, сударь, коли очень тихо будут шептаться, и не услышишь.

Беневольский. Лови малейшие намеки, наблюдай за телодвижениями, за выражением лиц, из того выводи свои заключения, сшей себе тетрадку, всё записывай; вот тебе карандаш.

ЯВЛЕНИЕ 12

Звёздов, Беневольский, Иван
(Звёздов вбегает в мундире)

Звёздов. Фрак! поскорее фрак! Ох! устал до смерти. — А! Иван, ты здесь! Целое утро тебя давеча искали, и говорят, ночью был бог знает где... Нет, брат, у меня своих шатунов куча; поди, откуда пришел, живи опять у своей княжны, ты мне не надобен. *(Садится перед зеркалом, задом к Беневольскому и не примечая его)*

Иван. Да ваше превосходительство сами меня изволили услать с вечера на дачу.

Звёздов. Ты мне не надобен.

Иван. Власть ваша, а я с тех пор как воротился, один только и сидел в передней. *(Показывая на Беневольского)* Вот извольте спросить.

Беневольский. Я действительно могу засвидетельствовать...

Звёздов *(не слушаясь и не оборачиваясь)*. Чтоб его духу здесь не было. — Фрак! поскорее фрак! — А! хорошо. — Да отнести назад картины этому шельме итальянцу, вот что всегда ко мне ходит, сказать ему, что он плут, вор; я кому ни показывал картины, все говорят — мерзость, а он с меня сдул вексель в двенадцать тысяч. Чтоб взял назад свою дрянь хоть за половинную цену, а то подождет же денег лет десять, не у него одного есть вексель на мне. — Да отправить старосту из женина деревни, наказать ему крепко-накрепко, чтоб Фомка плотник не отлынивал от оброку и внес бы 25 рублей, непременно, слышите ль: 25 рублей до копейки. Какое мне дело, что у него сын в рекруты отдан, — то рекрут для царя, а оброк для господина: так чтоб 25 рублей были наготове. Он, видно, шутит 25-ю рублями; прошу по-

корно, да где их сыщешь? Кто мне их подарит? на улице что ли валяются? 25 рублей очень делают счет в нынешнее время, очень, очень... Говорят всё подешевеет, а между тем всё вздорожало; так чтоб Фомка внес 25 рублей, слышите ль, сполна 25 рублей; хоть роди, да подай.

Беневольский *(подкрадывается униженно)*. Ваше превосходительство...

Звёздов *(вскакивая со стула)*. Ах! извините, откуда вы? как? с кем я имею честь говорить?

Беневольский. Моя фамилия Беневольский.

Звёздов. А чем я могу вам служить?

Беневольский. Я сюда приехал... вы изволили обещать...

Звёздов. А! да, да, помню, помню; будьте покойны, всё будет исполнено. — Какая толкотня была нынче во дворце! Какая куча народу! Я ужасно устал, насилу хожу: пойду, немножко прилягу. Не взыщите, пожалуйста, я человек старый, во всякое другое время вы мой гость, и я буду вам очень рад. *(Хочет уйти)*

Беневольский. Ваше превосходительство, верно изволили забыть...

Звёздов. Нет, батюшка, всё помню, всё; я вам сказал, что всё будет исполнено. А между тем напишите мне в четырех строках об вашем деле, да воткните здесь к зеркалу.

Беневольский. Мне-с ничего такого не надобно...

Звёздов *(в дверях)*. Помилуйте, батюшка, да коли вам ничего не надобно, так что ж вам надобно?

Беневольский. Я из Казани.

Звёздов *(возвращаясь)*. Как из Казани?

Беневольский. Так точно-с. Я сейчас приехал сюда из Казани: вы там очень знакомы были с моим батюшкой, он имел хождения по вашим делам.

Звёздов. А помню, помню... Какое было я сделал дурачество! Извини, дружище, здесь такая путаница, себя забудешь; зато и еду скорее в деревню на покой. — Да как тебя узнать? вырос, постарел, помолодел. — Ну, здравствуй в Петербурге. Что твой делает отец? здоров ли?

Беневольский. Его уж нет на свете, он отошел к лучшей жизни.

З в ё з д о в. Умер! Ах, какое несчастие! Давно ли? от какой болезни? какой был толстый! Да в этой Казани, чай, доктора дурные, хоть кого так уморят. — Ходи ко мне почаще, мой милый, обедай, сиди здесь по целым дням, у меня народу бывает много всякого: можешь сделать знакомство. — Где ты остановился?

Б е н е в о л ь с к и й. Покамест под синевой небесной. — Ваше превосходительство обещали покойному батюшке, что по приезде моем в Петербург...

З в ё з д о в. Пристрою тебя к месту? помню, помню, не заботься, всё сделаем.

Б е н е в о л ь с к и й. Ваше превосходительство обещали также мне дать приют в вашем доме.

З в ё з д о в. Точно! помню, помню, и ты очень умен, что это помнишь. Погоди немного, я пошлю за дворецким, тотчас отведут комнату; ничего не мудрено, дом большой, весь к твоим услугам, располагай им, как своим.

Б е н е в о л ь с к и й. Ваше превосходительство обещали мне также в сердце моем заместить ту пустоту, которая...

З в ё з д о в. Что такое, батюшка? переведи пожалуй на простонародный язык. Ты, я вижу, человек ученый, говоришь всё фигурно; а я простой человек, люблю, чтоб было всё ясно.

Б е н е в о л ь с к и й. У вас воспитывается прелестное создание.

З в ё з д о в. А! да, да, помню: я тебе обещал Вариньку. Ну, брат, я сдержал слово, ни за кого не выдал, она еще теперь в девушках; а сватались многие, и теперь еще сватается... да я люблю держаться своих слов. Всё ждал тебя.

(Беневольский всё время кланяется)

1-й с л у г а *(входит)*. Анна Васильевна Растабарова прислала напомнить вашему превосходительству о том, о чем она вас просила.

З в ё з д о в. Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й с л у г а *(входит)*. Княгиня Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться об ее деле.

З в ё з д о в. Какое дело? когда она мне говорила?

2-й с л у г а. Вчерашний день.

З в ё з д о в. Всё будет исполнено; вели ей доложить, что всё будет исполнено.

З-й с л у г а *(входит)*. Лев Иванович Недосугов прислал просить ваше превосходительство...

З в ё з д о в. Чего у меня просить! Убирайся к чорту. Мне ни до кого нет дела, а до меня всем; вели отвечать, что всё будет сделано, непременно всё, всё, всё.

З-й с л у г а. Да он сам приказал вам сказать, что он всё уж сделал по вашему делу, только просит вас к себе.

З в ё з д о в. А!.. ну так вели благодарить: очень-де, батюшка, благодарен. Да никого ко мне не пускать; слышите ль? меня нет дома, я как уехал во дворец, так еще не воротился и не ворочусь во весь день. Слышишь ли? — Тоска в этом городе; нет, скорее в деревню от здешней суматохи. Пойдем, брат, ко мне в кабинет; я немного посплю, а ты мне расскажешь кое-что об Казани. *(Уходят оба)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

П о л ю б и н, С а б л и н.

С а б л и н. Говорят тебе: дай волю и не мешайся не в свое дело.

П о л ю б и н. Как не в свое дело! чье же оно? кто же из нас хочет жениться?

С а б л и н. С чем приступил! верно не я. Вот тебе рука моя, что я женюсь разве лет в шестьдесят на какой-нибудь богатой купчихе.

П о л ю б и н. Которая заплатит долги твои, повеса!

С а б л и н. Как догадлив и мил! Однако, убирайся!

П о л ю б и н. Не хочу, мне надобно самому повидаться с Настасией Ивановной и попросить ее.

С а б л и н. Вздор. Звёздов узнает, что ты просил его жену, и нарочно пойдет наперекор, а я, как брат родной, могу с ней говорить, что хочу, и взялся за это.

П о л ю б и н. Хорош ходатай!

С а б л и н. Ничуть не дурен.

П о л ю б и н. Ты всё забудешь.

С а б л и н. Не забуду, коли обещал.

П о л ю б и н. Ничего не скажешь путем.

Саблин. Всё скажу лучше тебя.

Полюбин. Например, что?

Саблин. То, что ты славный малый, что Беневольский скот, что его надобно вытолкать взашей, а тебя женить на Вариньке.

Полюбин. А там?

Саблин. Чего тебе еще?

Полюбин. Нет, братец, это совсем не то; я сам поговорю, я скажу сестре твоей...

Саблин. Ну, говори.

Полюбин. Я докажу сестре твоей, что она погубит свою воспитанницу, если откажет мне. Мы друг друга любим и, верно, будем счастливы; состояние мое хоть небольшое, но достаточное; служба моя дает мне право надеяться вдаль, — ты знаешь, что я заслужил несколько отличий; что же касается до счастия домашнего, и сестра твоя, к горю своему, должна знать его цену, — я уверен, что доставлю его жене моей; ты знаешь меня и скажешь сам...

Саблин. Ну да, ты славный малый.

Полюбин. С другой стороны, я постараюсь усовестить Настасью Ивановну. Ей стыдно будет выдать Вариньку за студента, в котором нет ни ума, ни души, словом ничего; недоученный педант, одет как шут, говорит как дурная книга, ничего не знает, думает о себе, что он осьмое чудо.

Саблин. Скот, одним словом.

Полюбин. И что они в нем нашли? Если Звёздов, как приятель отца, взялся ему что-нибудь доставить, неужели кроме Вариньки у него ничего нет? Надобно ему приискать по способностям место переписчика у Глазуновых или учителя в уездном городе, — и отправить с богом.

Саблин. Его надо прогнать к чорту.

Полюбин. Коль скоро его не будет здесь, и Звёздов о нем забудет, я уверен, что мне не откажут, и теперь я знаю, почему...

Саблин. Ха! ха! ха!

Полювин. Что ж так смешного?

Савлин. Прямой ты шут, наговорил с три короба, и сказал всё то же.

Полюбин *(смеясь)*. В самом деле.

Саблин. Ну, прощай же.

Полюбин. Разве лучше?

Саблин. Гораздо лучше, если ты уйдешь.

Полюбин. Знаешь ли что? Я пойду и постараюсь как-нибудь поладить с Звёздовым: авось он...

Саблин. Ступай и подличай.

Полюбин. Я надеюсь, что ты хоть этот раз сделаешь дело и поговоришь благоразумнее обыкновенного; полно тебе ветренничать.

Саблин. Полно тебе проповедывать, надоел; ступай: вот и сестра.

ЯВЛЕНИЕ 2

Звёздова, Саблин

Звёздова. Куда же Полюбин убежал? Мне сказали, что он хочет со мной поговорить. Я насилу отделалась от хлопот: ведь мы сегодня переезжаем, пришла будто за делом, а он исчез.

Саблин. Я его услал в кабинет растабарывать, и всё тебе за него скажу. Да наперед растолкуй мне, что с тобой сделалось?

Звёздова. Со мной ничего не сделалось.

Саблин. Помилуй, матушка: ты мне век свой читаешь проповеди за всё про всё, а сама сегодня изволила спать до полудни. Я тебя и дождаться не мог.

Звёздова. Я вчера поздно приехала, часу в четвертом; у княжны Дарьи Савишны на даче был детский бал.

Саблин. Ты что за дитя?

Звёздова. Нельзя же не ехать, если зовут.

Саблин. Слыханное ли дело! и ты тут же с ребятишками расплясалась! Жаль, что меня не было, нахохотался бы.

Звёздова. Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться с детьми, нежели делать то, что вы все, господа военные. Со стороны смотреть и смешно, и стыдно: приедут на вечер, обойдут все комнаты, иной тут же и уедет. И как ему остаться: он зван еще в три дома, куда тоже гораздо бы лучше совсем не ехать, если только за тем же; другие рассядутся стариками, кто за бостон, кто за крепс, толкуют об лошадях, об мундирах, спорят

в игре, кричат во всё горло, или, что еще хуже, при людях шепчутся. Хозяйка хочет занять гостей, музыканты целый час играют по пустому, никто и не встает: тот не танцует, у того нога болит, а всё вздор; наконец иного упросят, он удостоит выбором какую-нибудь счастливую девушку, прокружится раз по зале — и устал до ужина; тут, правда, усталых нет; наедятся, напьются, и уедут спать.

Саблин. А я тебе коротко скажу, что кроме ужина нет ничего хорошего ни на одном бале; я их терпеть не могу еще с десяти лет: как дядюшка заставлял меня насильно прыгать со всеми уродами.

Звёздова. Боже мой! как вы разборчивы!

Саблин. Нет, вы не разбираете... Ты ведь никому не отказывала: подослал бы я к тебе какого-нибудь Евлампия Аристарховича, да...

Кстати, что вы с ума сошли с мужем вдвоем? неужели вы в самом деле хотите выдать Вариньку за эту чучелу?

Звёздова. Я вовсе не хочу, да Александр Петрович обещал его отцу.

Саблин. Вольно ему было дурачиться!.. Я тебе напрямки говорю, что если ты не выдашь ее за Полюбина, моя нога у вас в доме не будет. Это срам сравнивать честного человека, каков Полюбин, с Евлампом Аристарховичем.

Звёздова. Я бы рада всей душой...

Саблин. Это будет курам на смех.

Звёздова. Я, право, не знаю, что делать.

Саблин. Хочешь ли, я дело сделаю? Скажу просто этому студенту, чтоб он со своей кибиткой, с чемоданом и с лиловым фраком убирался вон, пока без греха.

Звёздова. Хуже этого нельзя придумать: Александр Петрович рассердится, и тогда его никак не уговоришь.

Саблин. Пусть его сердится, что мне за дело?

Звёздова. Тебе ничего, но Вариньке тогда не бывать за Полюбиным. А я не хочу заводить шуму в доме. Я придумала гораздо лучше: соглашусь притворно на свадьбу Беневольского, и так напугаю моего мужа приятным обществом казанского студента, что тогда он на всё согласится.

ЯВЛЕНИЕ 3

Звёздова, Саблин, Беневольский

Беневольский. Что я вижу! tête-à-tête!

Саблин. Выдумка хороша.

Беневольский. Выдумка!

Саблин. И ты думаешь, что твой муж не догадается?

Беневольский. Муж! и ты! Это так, точно так.

Звёздова. Мы постараемся от него скрыть.

Беневольский. O tempora! o mores! *

Саблин. Смотри же, надеюсь на твое обещание.

Беневольский. Мармонтель, ты прав! вот свет!

Звёздова. Ты можешь быть во мне уверен.

Беневольский. Надобно воспользоваться открытием. Я столько читал об этих вещах...

Саблин. Как я тебя люблю за это!

Беневольский. Он любим; всё ясно, вот причина ее равнодушия, когда сегодня утром...

Саблин *(приметив Беневольского, Звёздовой)*. Смотри пожалуй, оглянись.

Звёздова. Уж не слыхал ли он? *(шепчется с Саблиным)*

Беневольский. Они меня приметили. Нечего делать: успокою их, сделаюсь их поверенным, наперсником; они за то постараются о моей женитьбе. Благодарность...

Саблин *(Звёздовой)*. Э! что за беда?

Беневольский *(Звёздовой)*. Не опасайтесь ничего, сударыня; вы меня извините: нечаянный случай заставил меня вам помешать.

Саблин. Догадался, батюшка!

Беневольский. Но поверьте, что я знаю свет, и моя скромность...

Саблин. Что тут скромничать?

Беневольский. Времена патриархальные были почтенны, но они были.

Звёздова. Что вы хотите сказать?

---

* О времена! о нравы! — *Ред.*

Беневольский. С успехами просвещения, с развитием людкости, всё пришло в новый порядок, природа должна бороться с предрассудками; но предрассудки временны, а природа вечна.

Звёздова. Я вас прошу, сударь, объяснить мне, что вы хотите сказать?

Беневольский. Я проник вашу тайну, но я сам имею сердце; законы вас осуждают, но какой закон святее любви?

Звёздова. Если б это я слышала от другого... но на вас я не должна и не могу сердиться. *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Саблин, Беневольский

Саблин. Скажите, батюшка, что вы наговорили?

Беневольский. Вы меня поняли, довольно.

Саблин. Я человек военный, и к стыду моему признаюсь, в стихах ничего не понимаю.

Беневольский. Он думает, что это стихи, ха! ха! ха!

Саблин *(в сторону)*. Дурак меня взбесит. *(Беневольскому)* Нельзя ли, шутки в сторону, сказать мне просто, что вы ей такое сказали?

Беневольский. Поверьте, слова мои были столько же невинны, как и мое намерение.

Саблин. За что же она как будто рассердилась?

Беневольский. Или вы не знаете женщин?

Саблин. Знаю или не знаю, это не ваше дело. Я спрашиваю, чем вы ее рассердили?

Беневольский. Может быть, ей показалось неприятно, что незнакомец узнал то, что она хотела бы скрыть от всех, от самой себя. Она слаба, но добродетельна. Мне даже жаль, что это случилось. В наше время как быть иначе. Одна ли взаимность располагает сердцами? Родители жертвуют судьбой детей своему корыстолюбию, выдают молодую девушку за человека знатного и богатого, но старого и немилого, в оковы супружества вплетает она розы любви, ищет друга, и счастлива, если найдет достойного.

Саблин. Как вы смеете думать о почтенной женщине?

Беневольский. Помилуйте, разве маркиза дю-Шателе не была другом Вольтера, разве Жан-Жак?..

Саблин. Знаете ли вы, господин студент, что вы мне надоели до смерти? Я слушал ваш вздор целый час и думал, авось, уймётесь; но вижу, что молчать, то хуже, и теперь скажу вам наотрез: вы целый час бредили как во сне, и только помешали мне с сестрой об деле говорить.

Беневольский. Ваша сестрица! Нет, скажите, вы не шутите?

Саблин. Стану я с ним шутить.

Беневольский. Сделайте милость, извините. *(В сторону)* Ну, в чем я виноват?

Саблин. Мне, батюшка, ваши извинения, право, не нужны.

Беневольский. Я пойду к вашей сестрице, и оправдаюсь перед ней...

Саблин. Прошу не беспокоиться; слышите ли? я вам говорю, оставьте ее в покое.

Беневольский. Она может подумать обо мне...

Саблин. Она об вас и думать не хочет.

Беневольский. Я надеюсь, что вы никому не скажете.

Саблин. Молчите только сами, слышите ли вы?.. Да вот и все.

ЯВЛЕНИЕ 5

Звёздов, Звёздова, Варинька, Полюбин, Саблин, Беневольский

Звёздова. Не езди, Александр Петрович, останься с нами.

Звёздов. Э, матушка, и рад бы остаться, да нельзя: дел беремя, а на кого положиться? всё сам езди, да хлопочи.

Звёздова. И дома дела не меньше, ничто не устроено.

Звёздов. Ну, матушка, сама потрудись, не всё же мне одному. В старину, право, живали лучше нашего, а хозяйка сама всем домом заведывала и не ходила к мужу за всякой дрянью.

Звёздова. Ты сам запретил, чтоб без тебя ничего не делали.

Звёздов. Поневоле запретишь, как никто ни за что взяться не умеет. Да что я заговорился? женщин не переспоришь, потерянный труд и время. — Не правда ли, Полюбин?

Полюбин. Я с вами согласен, с ними спорить не должно.

Звёздова. Давно ли вы против нас?

Варинька *(тихо Звёздовой)*. Не мешайте ему.

Саблин *(тихо Звёздовой)*. Из чего вступилась?

Звёздов. Что вы там все плечьми пожимаете? Вам досадно, что он со мной согласен, а он прав, совершенно прав. Мы с ним целый час разговаривали обо всем, и он обо многом так судит, как нельзя лучше.

Полюбин. Я только придерживался вашего мнения.

Звёздов. Нет, не в том сила; а что дело, то дело. Который час?

Полюбин. Третий в начале.

Звёздов. Ну вот, а я еще никуда не поспел. — Кто там! готова ли карета?

Слуга *(входит)*. Подана уж, у крыльца-с.

Звёздов. Ну, тотчас; что ты торопишь? — Прошу покорно пятнадцать мест объездить: тетка хочет определить бедняка в корпус — надобно просить директора; Взяткин векселя не переписывает за то, что я ему за год не отдал процентов. Дерет кожу, проценты безбожные, да я еще их стану платить! — пусть припишет. Итальянец-плут надавал дрянных картин, я впотьмах не разглядел, всё копии, и назад не берет; а я нарочно взял на уговоре отдать за половинную цену, если не понравятся: всё же лучше. — А визитов на прощаньи сколько!.. да у меня и карточки все вышли, куплю мимоездом... Скука смертная в свете жить! И что это все на меня навязались? чего они хотят? — Однако прощайте, пора.

Беневольский. Ваше превосходительство...

Звёздов. А! любезный, что ты в углу притаился? каково дела идут?

Беневольский. Ваше превосходительство, я надеюсь на вас, не изволите ли заехать и обо мне...

Звёздов. Будь уверен, всё сделается. *(К прочим, кланяясь)* До свиданья, господа.

Беневольский. Если б вы позволили поговорить...

Звёздов. Поговорю... Да что я! чуть не забыл: я уж говорил одному человеку, он обещался прийти ужо, так вы с ним и перемолвите. *(Кличет)* Человек! если без меня приедет Прохоров, доложить тотчас *(показывает на Беневольского)*. Слышишь ли?

Слуга. Слушаю-с.

Беневольский. Но позвольте узнать, с кем?..

Звёздов. Ты его разве не знаешь? Прохоров? его все знают. Человек очень умный, со всеми авторами знаком, славный человек, вот сам увидишь.

Беневольский. Но, ваше превосходительство...

Звёздов. Извини, любезный, ей! ей! теперь некогда; еще успеем, время не ушло, всё будет. — Да я еще тебя и домашним своим не отрекомендовал, голова кружится от забот. Вот жена моя; прошу любить и жаловать.

Звёздова. Твой гость меня давно знает и любит.

Звёздов. Что за вздор! разве ты с ним виделась?

Звёздова. Он меня видел всегда и везде.

Звёздов. Помилуй, матушка, что ты загадками говоришь?

Звёздова. Он на мне жениться хочет.

Звёздов. Как, на тебе жениться!

Звёздова. Он во мне узнал свою невесту, открылся в любви и так хорошо, что я почти сама влюбилась.

Звёздов *(помирая со смеху)*. Ха, ха, ха, Евлампий Аристархович! Что это на тебя выдумывают? — Неужели в самом деле?.. *(Общий смех)*

Беневольский. Позвольте изъяснить...

Звёздов *(хохочет)*. Извини, милый, я с природы смешлив... И что ты против меня затеял? ха! ха! ха! легко ли бедному мужу? ха! ха! ха!

Беневольский. Смею уверить...

Звёздов. Верю, верю, что за беда? Не смотри на них, пусть себе смеются, ошибка в грех не ставится. Чтоб в другой раз то же не случилось, — вот твоя невеста *(подводит его к Вариньке)*. Знакомьтесь, как бы ни в чем не бывало.

Варинька. Мы тоже знакомы и очень коротко; господин Беневольский меня иначе не зовет, как милая.

Звёздов. Вот еще! какой бойкий! — Однако я уж ничего не понимаю, в пень стал да и только. *(Звёздовой)* Тебе он изъяснялся в любви?

Звёздова. В любви.

Звёздов *(Вариньке)*. А тебе говорил: милая?

Варинька. Милая.

Звёздов *(Беневольскому)*. Как же это, любезный? растолкуй, ради бога, в кого ты влюблен? на ком хочешь жениться? неужели на обеих? *(Продолжает смеяться)*

Варинька. Он не захочет жениться на служанке.

Звёздов. На служанке!

Варинька. Да, меня он счел за служанку, оттого только мы и знакомы.

Звёздов. Ну, Евлампий Аристархович, от-часу не легче. Этого бы я в век не выдумал. — Да как ты, человек умный, человек ученый, а свою невесту счел за служанку. Ха! ха! ха! *(Все смеются)*

Беневольский. Одно слово...

Звёздов. Да взгляни, братец, похожа ли она хоть чем-нибудь на горничную?

Варинька *(с досадой)*. Может быть, в глазах господина Беневольского я и в самом деле на это похожа.

Звёздов *(Вариньке)*. Ну, вот и сердится. Как тебе не стыдно! ты бы смеялась этому.

Варинька. Хорошо вам смеяться.

Звёздов. Будто я смеюсь! — Полноте, господа, я вижу, что вы все сговорились против одного, и меня, старика, засмешили. Вот нынче свет каков! рады придраться ко всему, чтоб на чужой счет позабавиться, а, право, не хорошо.

Полюбин. Нельзя с вами не согласиться.

Звёздов. И зачем было рассказывать? к чему мне это знать? женщины не утерпят, если что смешно.

Звёздова. Кажется, ты смеялся больше всех.

Звёздов. Поневоле, когда все хохочут.

Варинька. Я и не улыбнулась.

Звёздов. Ведь ты здесь не одна: вот, например, первый мой шурин любезный, — ему уж не житье, а масляница.

Саблин *(в сторону)*. Несносный человек! сам затевает, а складывает на других.

Звёздов *(Саблину)*. Не сердись, милый, у всякого свой нрав: я насмешек терпеть не могу, а ты охотник. Скажи по совести, многим ли сегодня расскажешь? я, чай, ни встречному, ни поперечному спуску не будет, всем проблаговестишь.

Саблин. Вы очень ошиблись, я даже вам не расскажу ничего, что еще знаю о вашем... приятеле.

Звёздов. А есть еще?.. ха! ха! ха!

Беневольский *(Саблину)*. Будьте скромны.

Саблин *(Беневольскому)*. Теперь уж верно не скажу. *(В сторону)* Звёздов как на огне горит.

Звёздов. Что уж греха таить? Евлампий Аристархович, признавайся.

Саблин. Зачем вам это знать?

Звёздов. Зачем! так, хочется, право; если ты что знаешь, и мне сказать можно, я уж верно поскромнее тебя.

Саблин. Бог весть.

Звёздов. Без шуток, что еще?

Звёздова. И я знаю...

Беневольский *(Звёздовой)*. Ради бога!

Звёздова. Но тоже не скажу, чтоб ты не укорял беспрестанно женщин в болтливости.

Звёздов. Коли раз начала, зачем после скромничать?

Звёздова. Ты насмешек терпеть не можешь.

Звёздов *(с досадой)*. А всё мой шурин дорогой, всё он; изволил рассердиться, что я ему шутя правду сказал, и вышло по пословице: говорить правду — терять дружбу. Только в этом, брат, извини, я на правду чорт, и хоть ты сердись, хоть нет, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотреть побольше за собой, а поменьше за другими. Право, будет труда довольно, никто не без греха; то лишь плохо, что в чужом глазу иглу видим, а в своем нам и бревна не видать. — Не так ли, Полюбин?

Полюбин. Ваши слова могут служить наставленьем.

Звёздов *(Саблину)*. Видишь ли, милый? и друг твой так же думает. Правда, он гораздо порассудительнее тебя. — Стало, ты не скажешь?

Саблин. Не скажу.

Звёздов *(Звёздовой)*. А ты?

Звёздова. Не скажу.

Звёздов. Дети вы оба: и брат, и сестра. Они, право, думают, что мне очень жаль будет, если я не узнаю; а я и знать не хотел. — Беневольский! ты тоже не скажешь, разумеется?

Беневольский. Я прошу вас...

Звёздов. Бог с тобой, братец, твоя воля; беды нет, а не хочешь, как хочешь. Мне же ехать пора, и то заговорился. Который час?

Полюбин. Без четверти три.

Звёздов. Ну куда же я поспею? всюду опоздал: а кто виноват? всё вы с пустыми рассказами, да еще и не договаривают.

Звёздова. Ты, стало быть, остаешься дома?

Звёздов. Нечего делать, а нужда крайняя была. Пойду хоть к себе, напишу письмо по делу к прокурору; я было и то забыл.

Звёздова. Так мы пойдем в сад до обеда. А гостя своего взял бы ты с собой, он бы помог тебе написать получше; ты же сам признаешься, что на это ленив.

Звёздов *(в сторону)*. Она к нему что-то благоволит. Как ни говори, а женщине любовное признание, чье бы ни было, всегда хорошо.

Варинька *(Звёздову)*. Господин Беневольский, может быть, сам откроет вам наедине то, чего другие не хотят говорить.

Звёздов *(в сторону)*. А Варинька его сживает с рук. Сделаю же обеим на зло. *(Звёздовой)* Нет, матушка, я не хочу приезжего гостя беспокоить своими делами, как-нибудь сам справлюсь. Ему надобно познакомиться с невестой, так вот мы так и сделаем: вы себе гуляйте, коли хотите, я пойду письмо писать, а их мы оставим вдвоем, пусть попривыкнут друг к дружке.

Варинька *(Полюбину)*. Ради бога! не уходите далеко, не оставьте меня наедине с несносным человеком. *(Она садится с досадой к стороне. Звёздова, Саблин и Полюбин уходят. Звёздов, смотря на них, улыбается)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Звёздов, Варинька, Беневольский

Звёздов *(подходя к Беневольскому)*. Что ты, братец, не весел? чем огорчился? Полно, милый, не крушись; молодежь веселится, вот и всё.

Беневольский. Однако, ваше превосходительство...

Звёздов. Да, да, да, всё неприятно, правда, я этого сам не люблю. Ты видел, как я за тебя заступился? Все перестали: у меня чтоб этого не было, у меня кто гость, тот гость, кто друг, тот друг, а ты у меня первый.

Беневольский. Вы слишком изволите...

Звёздов. Первый, я тебе говорю: уж коли я тебя, а не другого женю на Вариньке, стало всё тут. *(Беневольский кланяется)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Федька

Федька *(Беневольскому)*. Поговорите же, сударь, поскорее, а то вашу повозку совсем угонят.

Звёздов. С чем он пришел?

Беневольский. Я не смею сказать...

Звёздов *(Федьке)*. Говори, братец, говори, что тебе надобно?

Федька. А вот сами видеть изволите, ваше превосходительство, что случилась оказия.

Звёздов. Смелее говори, что такое?

Федька. Повозка моего барина стояла с приезду на улице, так по той самой причине ее и гонят.

Звёздов. Как гонят! кто гонят? куда гонят?

Федька. Да вот... как их?.. Господь знает, бутошники что ли, али полиция, говорят-де, не велено на больших улицах дорожным становиться.

Звёздов. Ну, брат, я не полицеймейстер, это не мое дело.

Беневольский. Если бы вы приказали назначить мне небольшой приют...

Федька. Кабы милость была повозку хоть на двор, а для пожитков чулан опростать.

Звёздов. Как! что это я слышу? разве еще ни комнаты, ни сарая, ничего вам не отведено?

Беневольский. Еще нет.

Звёздов. Э, братец! что ж ты давно не скажешь? возьми комнату, две, что хочешь.

Беневольский. Но где?

Звёздов. Где хочешь, любую. — Это твой что ли человек?

Федька. Ихний-с. *(Во все время разговора Звёздова с Федькой Беневольский ухаживает за Варинькой, которая от него отворачивается)*

Звёздов. Сходи же, приятель; ты знаешь здесь Штукарева?

Федька. Как не знать-с.

Звёздов. Скажи ему от меня, чтоб он вам сейчас отвел, что надобно, да комнату бы выбрал где получше; слышишь, я-де приказал.

Федька. Я к нему уж и толкнулся было, изволите видеть; да смею доложить, он не дает.

Звёздов. Какой вздор! не дает! — даст, коли я приказываю.

Федька. Смею доложить, он говорит так: что, мол, у нас все-де покои теперь заняты, а пустопорожних не имеется.

Звёздов. Врет он; как не быть пустой комнаты? верно есть. Скажи ему, что он врет.

Федька. Слушаю-с. Да смею доложить, коли он опосле комнаты всё не отведет, а повозку не в гнев милости вашей... то бишь вашего превосходительства, сгонят на съезжую.

Звёздов. Не угонят из моего дома. Делай, что тебе говорят, и не бойся ничего.

Федька. Смею доложить...

Звёздов. Тьфу, пропасть! какой неотвязчивый! Не дают тебе что ли комнаты?

Федька. Так истинно, что не дают-с.

Звёздов. Позови сюда Штукарева; его, кажется, дома нет.

Федька. Никак нет-с, он дома, я его как раз кликну.

Звёздов. Постой! не бегай! ну, что его звать? всё то же. *(В сторону)* Как быть, чем бы отвязаться?

(Громко) Беневольский! да ты, брат, уж и приволакиваешься, а по мне твой... *(указывая на Федьку)* как его?..

Федька. Федор Емельянов, смею доложить.

Звёздов. Ну вот, он с ножом к горлу пристал, а всё за тебя.

Беневольский. Простодушное усердие...

Звёздов. А я не знаю, что делать. Теперь я вспомнил, комнаты у нас теперь, точно, ни одной нет, разве вот эту возьмешь.

Беневольский. Но как же в зале, где все ходят?

Звёздов. Никого не пускай, да и только. Ведь у тебя есть чемодан, сундук, что-нибудь такое?

Федька. Чемодан с бельем-с и сундук с книгами-с.

Звёздов. Ну вот, чего тебе лучше? и загородись со всех сторон, никто не войдет. — Доволен ли теперь? всё сделано? прощай, пойду письмо писать. *(Уходит)*

Федька *(Беневольскому)*. Прикажете что ли нести пожитки?

Беневольский *(Федьке)*. Внеси в переднюю, да подожди, я тебя позову, когда следует; видишь, здесь люди. *(Федька уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Беневольский, Варинька.

Беневольский. Давно сердце мое билось желанием изъяснить вам, как единственной своей владычице...

Варинька. Я удивляюсь, как вы можете со мной говорить!

Беневольский. Милый гнев! как ты драгоценен влюбленному!

Варинька *(в сторону)*. Что это Полюбин нейдет!

Беневольский. Выслушай меня, прелестная, и тогда, если можешь, скажи... *(Полюбин входит)*

Варинька *(увидя Полюбина)*. Я ни слушать вас, ни говорить с вами не намерена. Вот кто вам за меня всё скажет. *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 9

Беневольский, Полюбин

Полюбин. Я намерен вам сказать два слова.

Беневольский. Два слова! и в них заключается всё мое блаженство! слова красноречивые! слова бесценные! говорите, прошу вас, говорите.

Полюбин. Вы любите Варвару Николаевну!..

Беневольский. Ах! кто может видеть и не любить ее!

Полюбин. И так как я сам ее люблю...

Беневольский. И вы ее любите! Вы, конечно, ее брат или друг с младенчества: полюбите же и счастливца, кому суждена рука ее, обоймите его, как друга, как брата...

Полюбин. Потише, господин Беневольский, не горячитесь. Варвара Николаевна с первого разу, как вас увидела...

Беневольский. Предалась чувству симпатии, которое от мест отдаленных невольно увлекало нас друг к другу?..

Полюбин. Напротив, она вас терпеть не может.

Беневольский. Ха! ха! ха!

Полюбин. Чего вы смеетесь без пути?

Беневольский. Кто вам сказал, что она меня терпеть не может?

Полюбин Она сама.

Беневольский. Она! и просила вас мне это сказать?

Полюбин. Да, она поручила мне поговорить с вами, и я...

Беневольский. Не трудитесь понапрасну, я давно всё знаю, всё понял.

Полюбин. Вы ничего не понимаете.

Беневольский. Всё, я говорю вам, всё; вот в чем дело...

Полюбин. Совсем нет, дайте мне сказать одно слово.

Беневольский. Нет, позвольте уж мне наперед, и вы согласитесь, что я всё знаю.

Полюбин *(в сторону)*. Что делать с дураком, который свое несет?

Беневольский. Вот изволите видеть: Варинька...

Полюбин. Прошу вас: Варвара Николаевна.

Беневольский. Помилуйте, не всё ли равно? мы можем...

Полюбин. Вы никак не можете.

Беневольский. Пожалуй, хоть Варвара Николаевна, — слышала, как я при ней изъяснялся в любви ее превосходительству...

Полюбин. Что ж вы твердите о своих проказах? их без того все знают.

Беневольский. Как вы это назвали?

Полюбин. Проказы.

Беневольский. Вы сказали точно так, как оно и есть, и увидите почему. — Ей, напротив, не говорил я ни слова о любви, обошелся с нею, как со служанкою...

Полюбин. Какая дерзость!

Беневольский. Терпенье, прошу вас, терпенье. Всё это вместе должно было поразить сердце юное, нежное, едва начинающее любить; она на меня рассердилась и, верно, называет меня чудовищем...

Полюбин. Уродом.

Беневольский. Так должно быть, я это всё знаю. Вы видите ли теперь, что вам нечего было мне говорить?

Полюбин. С вами точно говорить напрасно.

Беневольский. И так, слушайте: я догадался, что они нарочно взяли на себя каждая не свою роль, и я притворился, будто обманут; но меня обмануть трудно, я всё приметил и внутренно смеялся, смотря на смущение одной и досаду другой. — Вам самим смешно?

Полюбин. Вы имеете дар всякого рассмешить.

Беневольский. Но сделайте одолженье, выведите ее из заблужденья; я ее довольно помучил, пора перестать, не правда ли?

Полюбин. Давно пора. *(В сторону)* С ним говорить нечего.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Саблин

(Во время разговора Саблина с Полюбиным, Беневольский отворяет дверь. Федька вносит пожитки, они расставляют их по местам)

Саблин *(Полюбину)*. А, ты здесь! а там по тебе стосковались. Уж я сжалился, да пришел за тобой. Ты с приятелем о стихах что ли толкуешь?

Полюбин. Какие, братец, стихи! я целые полчаса бьюсь с ним понапрасну, хочу ему сказать, чтоб он Вариньку оставил в покое, если не хочет, чтоб я его самого обеспокоил.

Саблин. Ну что ж он? когда вы деретесь? я секундант, что ли?

Полюбин. Чего, братец! он ни слова не понимает, либо не хочет понять. Возьмись хоть ты его вразумить.

Саблин. Я? Нет, брат, я стихами говорить не мастер. — Да что ты к нему приступил, из чего бьешься? разве тебе честь будет убить студента? Оставь это, и положись во всем на Настасью Ивановну.

Полюбин. Пожалуй; мне, право, его смерти не хочется.

Саблин. Ступай же туда, тебя ждут к обеду.

Полюбин. А ты?

Саблин. Нет, я иду в ресторацию: Звёздов мне надоел, как собака.

Полюбин. Уведи с собой Беневольского, если можно.

Саблин. Хорошо.

Полюбин. Прощай.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 11

Беневольский, Саблин

Беневольский *(любуясь на пожитки)*

О Лары и Пенаты!
Вы пестуны мои!
Вы златом не богаты;
Но любите свои

Углы и темны кельи,
Где я на новоселье
Вас мирно тут и там
Расставил по местам.

Саблин. Полно возиться с чемоданом, хорошо и так. Скажи мне, где ты обедаешь сегодня?

Беневольский. Я думал, что здесь.

Саблин. Нет, что здесь? скука: Звёздов еще пустится хохотать да расспрашивать.

Беневольский. Это правда; но где же?

Саблин. Душа моя, мы кажется в Петербурге, — здесь ресторации тьма; жаль только, что все никуда не годятся. Всё же вино есть. Ты любишь вино?

Беневольский. Кто не любит его? О, всемогущее вино! веселие героя!

Саблин. Мы с тобой хоть не герои, а выпьем по стакану, я тебя попотчиваю.

Беневольский. Нет, уж позвольте мне: я столько виноват, что хоть чем-нибудь хочу изгладить ту ошибку...

Саблин. С уговором: ни об ней, ни об стихах не говорить ни слова.

Беневольский. Ни слова.

И стукнем в чашу чашей
И выпьем всё до дна:
Будь верной дружбе нашей
Дань первого вина.

(Уходят вместе)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Звёздова, Варинька, Полюбин

Варинька. Насилу отобедали. Я как на иголках была во весь стол. Александр Петрович нарочно всё хвалил своего несносного студента, а сам, верно, иначе думает; так только, чтоб огорчить других, знает, как это всем противно.

Звёздова. Всё бы ничего, да как быть таким ветренником в пятьдесят лет: теперь вдруг без всякой

нужды, не подумавши хорошенько ни одной секунды, послал за подорожной, за лошадьми, скачет в деревню бог знает зачем.

Полюбин. Неужели это ему сегодня только пришло в голову?

Звёздова. Нет, он и прежде говорил, да нерешительно. Я всегда полагала, что коли это сбудется, так через два-три года или и никогда, как все другие его замыслы; у него их тысяча. — Любя вас, меня его отъезд не очень огорчает. Без него Беневольского можно будет уговорить, достать ему место где-нибудь в дальнем университете, отправить его туда, и даже женить, если сыщется ему подобная.

Варинька. Ах, как бы счастливо! Какие вы добрые!

Звёздова. Хорошо, милая, да надо подумать и о себе. Муж мой едет в деревню, а я с чем здесь останусь? в доме расстройка ужасная, денег нет, всем должны, всё по его милости.

Полюбин. Ах, сударыня, пусть он едет, и позвольте мне быть вам полезным.

Звёздова. Я в вас всегда была уверена, Полюбин. Итак, вашему попечению препоручаю себя, мое хозяйство и всех домашних. Между ними есть кое-кто, об ком вы и без того давно печетесь. Знаете ли что? нельзя ли бы как-нибудь сделать, чтоб муж мой сам собою захотел Вариньку за вас выдать? Сперва я хотела было напугать его тем, чтоб Беневольский после женитьбы остался у нас в доме, но теперь он едет и, пожалуй, еще мне его навяжет: это уж не годится.

Полюбин. Теперь я никак не смею надеяться.

Звёздова. Есть способ очень простой: уверить его, что я вашей свадьбы не хочу, и вы уж больше не хотите, и Варинька не хочет, вот три причины, чтобы ему того захотеть. Вам известно, что он любит делать всё по-своему.

Полюбин. Но не всегда ему удастся.

Звёздова. Со мною всегда: есть ли кто меня сговорчивее? Теперь только в первый раз желаю поставить на своем, пускаюсь на тонкости, и то, чтоб составить ваше счастье. — Однако, ведь он в состоянии уехать не простившись. Пойду, посмотрю; дождитесь меня здесь. *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Варинька и Полюбин

Полюбин. Когда бы она успела!.. Но чего не сделает умная женщина, если примется хорошенько, особливо где надобно хитрить!

Варинька. Не знаю, может быть я не умна, а ручаюсь, что век свой проживу без хитростей.

Полюбин. Не ручайтесь, все так говорят до замужества. Впрочем, вы на других не похожи. — И надобно отдать справедливость, вас воспитала женщина редкая; какой пример! на ее месте всякая другая с меньшим умом и с бо́льшим лукавством делала бы из своего мужа, что хотела, а она пять лет замужем, и в первый раз намерена поступать с ним нечистосердечно, и то не для себя.

Варинька. В первый! Вольно ей говорить, — в сотый раз! Да какое нам дело? лишь бы теперь ей удалось.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Звёздова

Звёздова. Он внизу, торопится, распоряжается, велит укладываться. Я послала его звать сюда. — Вы не будете при нашем разговоре; однако, Полюбин, не уезжайте: вам надо же знать, чем это кончится. Да если Беневольский придет, нельзя ли брату поручить, чтоб он его опять увел куда-нибудь: без него всё ловчее может обделаться.

Полюбин. Не беспокойтесь: братец ваш с ним, так не скоро воротятся.

Варинька. Ах! как я стану дрожать, пока вы будете за нас стараться. Дай бог, чтоб вам удалось! боюсь до смерти. *(Звёздова ее целует)* Пойдемте, пойдемте. *(Уводит с собою Полюбина)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Звёздова *(одна)*. Боится, что я не успею; я никак не боюсь. Эти мужчины уморительны: мой муж, например, дожил до пятидесяти лет, и, кажется, насмотрелся, наслышался всего того, что обыкновенно говорят насчет лукав-

ства нашего пола, сам поминутно о нем твердит, и никак от него не отделается, когда надобно. Он еще должен образ мой выменять, что я так бережно на это отваживаюсь.

ЯВЛЕНИЕ 5

Звёздова, Звёздов

(Он вбегает через боковую дверь и чуть не падает, наткнувшись на сундук и чемодан Беневольского)

Звёздов. Ох! чорт возьми! лоб было расшиб! Люди! люди! *(Входит слуга)* Есть ли в вас смысл человеческий? что вы за беспутные? про что вас держат в доме, такую ораву? подлый народ! зачем эта дрянь тут стоит?

Слуга. Ваше превосходительство сами приказали тут поставить; это добро Евлампия Аристарховича Беневольского.

Звёздов. Провались ты и со своим дураком Аристарховичем! зачем перед дверью?

Слуга. Вы приказали никому в нее не ходить.

Звёздов. Я! чего? когда? все на меня, как на мертвого, клепают. Отставь это к стороне, да пошел вон. *(Слуга, исполнив приказание, уходит)*

Звёздова. И что за мысль поселить этого студента в зале, где все ходят?

Звёздов. А зачем тут ходить? разве мало других комнат?

Звёздова. Да вот ты первый взошел.

Звёздов. Ты же позвала. Тебе всегда до меня дело, когда у меня другие дела. Ну, что надобно?

Звёздова. А вот что. Неужли ты в самом деле отправляешься в деревню?

Звёздов. Неужли!.. Сейчас лошадей приведут.

Звёздова. А я здесь остаюсь?

Звёздов. Здесь.

Звёздова. Как же я останусь?

Звёздов. Так же, как останешься.

Звёздова. С чем?

Звёздов. Как с чем?

Звёздова. Да у меня ничего нет.

Звёздов. Как ничего? всё есть.

Звёздова. Ничего.

Звёздов. Всё.

Звёздова. Ах, бог мой! ничего, говорят тебе.

Звёздов. Да чего ничего? например?

Звёздова. Первое, у меня нет денег.

Звёздов. У тебя нет, у других есть, можно занять.

Звёздова. Коли дадут.

Звёздов. Еще мы кажется не совсем обеднели, в состоянии заплатить.

Звёздова. Ты платить в состоянии, да не платишь, — оттого мало верят. Впрочем, это еще не всё; у меня на руках остается твой Беневольский: что мне с ним делать?

Звёздов. А вот еще стану я много об нем думать! Дурак этакой! ставит свои сундуки перед дверьми; того гляди рассержусь, велю всё на двор выкинуть.

Звёздова *(в сторону)*. Счастливая минута! он на него сердит. *(Громко)* Знаешь ли что? перед твоим отъездом выдадим Ваниньку замуж.

Звёздов. За кого?

Звёздова. За Беневольского, разумеется.

Звёздов. Как, разумеется? я думал, что ты этого не хотела.

Звёздова. Я не хотела прежде, мне казалось, что это Ваниньке противно.

Звёздов. Так стало, Варинька не против этого?

Звёздова. Нисколько: на зло Полюбину.

Звёздов. Отчего же на зло ему?

Звёздова. Разве ты не знаешь, что он женится?

Звёздов. Откуда мне знать?

Звёздова. Да, намерен жениться на другой с тех пор, как заметил, что здесь в доме ищет понапрасну.

Звёздов. Почему понапрасну? ведь еще он не сватался настоящим образом.

Звёздова. Избегал явного отказа, который не мудрено было ему предвидеть: ты при нем Ваниньку обещал другому; а впрочем видно, он не очень был влюблен.

Звёздов. На ком же он женится?

Звёздова. Как бишь ее?

Звёздов *(в сторону)*. Что за бестолочь! сейчас я шел коридором, а Полюбин у Ваниньки руку целует.

Звёздова. Варинька очень умно рассуждает: коли Беневольский смешон и очень смешон, так это не беда, его можно будет исправить.

Звёздов *(в сторону)*. Да зачем же она дает Полюбину руку целовать?

Звёздова. Для молодой девушки главное выйти замуж, а там, если муж только странен, а не совсем дурак, ее дело иным его странностям снисходить, насчет других стараться вразумить его.

Звёздов *(в сторону)*. Тут есть какие-нибудь плутни.

Звёздова. Притом страстное желание отплатить Полюбину, показать, что она им больше не дорожит, всё это вовсе переменило ее мысли.

Звёздов *(в сторону)*. Плутни, чистые плутни; да к чему бы это?

Звёздова. Я с моей стороны страх рада, за кого бы она ни вышла: надзор над осемнадцатилетней девушкой очень трудная обязанность.

Звёздов *(в сторону)*. Из чего она бьется?

Звёздова *(в сторону)*. Ничего не отвечает, верно раздумал. *(Громко)* Право, Александр Петрович, послушайся меня хоть раз в жизни, погоди ездить в деревню, и выдадим Варинькуза Беневольского.

Звёздов *(в сторону)*. А! а! насилу-то понял: не хочет, чтоб я ехал в деревню и выдумывает разные тонкости. Постой-ка, госпожа хитрая особа. *(Громко)* Стало, ты хочешь, чтоб Варинька вышла за этого студента?

Звёздова. Очень хочу.

Звёздов. И она тоже?

Звёздова. Тоже.

Звёздов. А Полюбин женится на другой?

Звёздова. На другой.

Звёздов. Жаль, очень жаль.

Звёздова. Что?

Звёздов. Беневольский этот не по мне. Как Полюбина с ним сравнять? — я бы охотно передумал.

Звёздова *(в сторону)*. Попался.

Звёздов. Ну, да если нельзя иначе, так пусть останется все попрежнему.

Звёздова. Как?

Звёздов. Нельзя же насильно женить Полюбина на той, об которой он перестал думать.

Звёздова. Но ведь он больше от того перестал думать, что ты, казалось, никогда не согласишься.

З в ё з д о в. Нет, нет, ты очень умно делаешь, что советуешь Вариньку выдать за Беневольского.

З в ё з д о в а. Мне, право, всё равно, за кого бы она ни вышла, ведь не я замуж выхожу.

З в ё з д о в. Нет, против этого нечего спорить; Беневольский, конечно, шут, ни на что не похож, безалаберная голова; ну да если муж только странен, а не совсем дурак... как бишь ты говорила? точно дело. Пусть он женится на Вариньке: быть по твоему. Человек! человек! *(Слуга входит)* Позвать Вариньку да Полюбина, коли еще здесь. *(Слуга уходит)*

З в ё з д о в а. Зачем?

З в ё з д о в. Вариньке объявить, чтоб она была готова нынешний же день к свадьбе.

З в ё з д о в а. Помилуй, ведь она не крепостная твоя; что за презрение ко всему роду человеческому? надо же сделать помолвку, подумать о приданом, как везде водится.

З в ё з д о в. Ты же меня торопила.

З в ё з д о в а *(в сторону)*. Какой сумасбродный! *(Громко)* Зачем же ты послал за Полюбиным?

З в ё з д о в. Хочется узнать, на ком он женится. — Ну, матушка, ты должна быть предовольна: чего хотела, то и сбудется. Не говори вперед, что я люблю всё делать всем наперекор.

З в ё з д о в а *(в сторону)*. Надо же быть такому несчастью! в первый раз от роду соглашается со мною без отговорок и на мою же беду.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, П о л ю б и н, В а р и н ь к а

П о л ю б и н. Вы меня звали?

З в ё з д о в. Да, любезный; ты, говорят, женишься?

П о л ю б и н. Я, ваше превосходительство? как вы это разумеете?

З в ё з д о в. Ах, батюшка, да ты, я чай, знаешь, как женятся, — все на один манер. Хорошо, что ты за ум взялся, право, славно; а я ведь выдаю Вариньку сегодня же, если можно, поскорее, перед моим отъездом.

В а р и н ь к а. Сегодня? меня? за кого же-с?

Звёздов. За того, за кого ты хочешь, милая.

Варинька. Ах! как вы милостивы!

Звёздов. Жаль только, что жених твой запропал. Этот повеса, шурин мой, хоть кого так развратит, затащил его бог знает куда. Ну! да воротится, и тогда по рукам и к венцу; я вправду думал, что этому не бывать так скоро, авось ли, мол, как приеду назад из деревни; да вот Настасья Ивановна поторопила: ее благодари.

Варинька *(Звёздовой)*. Ах! растолкуйте, что это значит?

Звёздов *(в сторону)*. Какие у всех длинные лица! *(Полюбину)* Ну, любезный, на ком же ты женишься?

Полюбин. Вы слишком жестоко шутите.

Звёздов. Бог с тобой! не только не жестоко, вовсе не шучу. Я признаюсь, всегда полагал, что ты ищешь в Вариньке; да вот жена разуверила, говорит, что ты на какой-то другой намерен жениться. Спроси у нее.

Полюбин *(Звёздовой)*. Неужли, сударыня?

Варинька. Воля ваша, а я за Беневольского ни за что не выйду.

Звёздов. Это что за новость?

Варинька. Зачем же вы сейчас сказали, что выдадите меня за того, за кого я хочу?

Звёздов. А разве ты за него не хочешь?

Варинька. Будто вы не знаете, что он мне противнее смерти!

Звёздов. Кто ж вас поймет! Вот она мне сказала, что ты только и думаешь о Беневольском и радехонька за него выйти оттого, видишь ты, чтоб отплатить вот ему. Вольно ж ей было всё это говорить. — Что? разве ты мне этого не говорила?

Звёздова. Я тебе всегда говорила, и теперь повторяю, что ты несносен.

Звёздов. Прошу покорно! она же разгневалась! Сама бог знает что сочинила, никакого толку не доберешься; теперь она же изволит сердиться. Ха! ха! ха! что? каков урок? хорошо? будешь помнить вперед, не станешь хитрить со мной? Нет, моя душа, молода меня проводить, я уж пятьдесят лет на свете живу, все твои умыслы

тотчас смекнул. Вы ничего не понимаете? слушайте: ей смерть хочется, чтоб я не ездил в деревню, вот она и затеяла. Он-де, то-есть я, очень желает Вариньку выдать за Беневольского, сем уверю его, что Варинька на это согласна, что Полюбин от нее отказался. Вот, мол, — как он увидит, что всё близко к тому, чего ему хочется, авось ли останется, потом дело-то продлится и вовсе может не сбудется, а он покамест раздумает ехать в деревню. — Не так ли?

Звёздова *(обрадовавшись)*. Ах! как ты догадлив!

Звёздов. Ан вышло всё напротив. Об Беневольском я и думать не хочу. Вариньку отдаю за Полюбина, да, да; а в деревню еду сейчас.

Полюбин и Варинька. Как счастливо!

Звёздов. Ну, любезный, я давича как шел сюда коридором, вы меня не видали, ты у нее украдкой руку целовал.

Звёздова *(в сторону)*. Вот что!

Звёздов *(берет у Вариньки руку)*. Теперь дай сюда. Можешь ее целовать при всех и не совеститься. Живите-ко счастливо. Ты, душенька, с будущим твоим мужем, пожалуйста, не хитри, поступай по-нашему просто, реже будешь промаха давать; а ты, брат, бери пример с меня, в обман не вдавайся. *(Жене)* Ты что, моя душа! не сердишься? а? неужели еще сердишься? Дай щечку.

Звёздова. С твоей легкостью в нраве недостает одного, чтоб ты имел не более двадцати лет, — ты был бы бесценный человек.

Звёздов. О! я понимаю, что для тебя это в ином случае гораздо было бы приятнее; ну, да что ж делать, мой ангел! Будь довольна, чем бог послал. — Однако нечего из пустого в порожнее переливать. — Готовы ли лошади?

Слуга *(входит)*. Вприжены-с.

Звёздова. Постой! как же нам быть с Беневольским?

Варинька. Ах! не поминайте об нем.

Звёздов. Я об нем уж говорил одному, Прохорову, давича со мной встретился. Ну! да что об нем много думать! дураки в Петербурге не бывают без места. Кабы поскорее поспеть в деревню! Шутка ли, я там не был с тех

пор, как женился, и мне оттуда пишут такие небылицы, доходов не высылают. Прощайте, прощайте, прощайте. Свадьбу сыграйте без меня. Эй! коляску подавать скорее! дорожный колпак! трость! *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Звёздова, Варинька, Полюбин, немного погодя Федька

Звёздова. Поедемте его провожать, и кстати сейчас можем переехать на дачу, я почти всё туда отправила. Полюбин, вы с нами?

Федька *(вбегает)*. Ох! прости, господи! какая тяжелая рука!

Звёздова. Что ты?

Федька. Попался его превосходительству навстречу, он мне второпях дать изволил такого толчка, что в голове завертелось.

Звёздова. Кто ты таков?

Федька. Я слуга-с Евлампия Аристарховича.

Звёздова. А! кланяйся ему от меня, скажи, что я уехала на дачу за двадцать верст отсюда на всё лето. *(Уходит)*

Варинька. И от меня поклонись своему барину; я бывшая его невеста, и выхожу замуж, только не за него, — скажи ему это. *(Уходит)*

Полюбин. И от меня поклонись ему; я Полюбин, и женюсь на его невесте, — можешь ему донести об этом. *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Федька *(один)*. Эк, что поклонов! знать мы с барином-то у праздника! видно ему здесь житье от господ, что мне от своей братьи! За что, подумаешь, превосходительный на меня приокрысился! У этих больших бар, кто им первый пырь в глаза, да не во время, тот и виноват. Хорошо, что мой-то барин не великий господин; будет ли только исправно платить? — Ну, да что! Я ведь в Питере понавострился: за месяц вперед, а не то прощай. Денег нет, — слуги нет, сам себе сапоги чисти!

ЯВЛЕНИЕ 9

Федька, Беневольский, Саблин (входят рука об руку, оба несколько шатаются; Саблин поет песню)

Федька. Видно, наши-то навеселе.

Саблин. Вот мы и у тебя в комнате. Ну что? по твоему, каково едят у этого француза?

Беневольский. Амброзия! *(Садится в кресло и задумывается)*

Саблин. Мерзость! избаловался, прежде лучше кормил.

Федька. Вам, барин, приказано сказать...

Саблин. Поди вон, после скажешь.

Федька. Чего после, сударь! нужда прекрайняя. Ее превосходительство...

Саблин. Убирайся, знаешь куда. — Беневольский! выгони его.

Беневольский. Оставь нас.

Саблин. Кстати, там пришел с нами мальчик из ресторации, у него за пазухой бутылка; подавай сюда штопор и стаканов достань в буфете, да чтоб никто в доме не видал, слышишь ли?

Федька. Позвольте наперед вымолвить два словца... мне приказано...

Саблин. Вон! сейчас! не то пятьсот палок! *(Выталкивает его и ложится на сундук)* Пришли его ко мне в эскадрон, братец, я его научу послушанию. — Ну, что задумался? деньги проиграл! я бы тебе охотно помог, да, ей богу! никогда копейки нет за душой. То уж здесь, брат, на это хваты, лучше не принимайся за карты; кабы не сестра, я бы от них давно без мундира шатался. Да и ты что за простяк! читал, читал, учился, пишешь стихи, а на четвертую ставишь! ну где это видано?

Беневольский. Своенравие судьбы! ее железная рука...

Саблин. Нет, брат, разве у того, кто банк метал, лоб железный! Жаль, что не знаю довольно игры, не к чему придраться.

Беневольский. Как его имя?

Саблин. Кто его знает? я сам впервые от роду его вижу.

Б е н е в о л ь с к и й. Но я по вашему приглашению зашел к нему.

С а б л и н. Он обедал подле той комнаты, где мы с тобой сидели; я зачем-то вышел, он стал со мной говорить, познакомился, позвал к себе, — а меня куда хочешь позови, я всюду пойду. — Хорошо живет; какая куча народу к нему нашла! я чай, такие же плуты, как он сам.

Б е н е в о л ь с к и й. Музы! я изменил вам, погнался за окрыленной фортуной...

С а б л и н *(зевает)*. Полно бредить.

Б е н е в о л ь с к и й. Я опять ваш, я опять с вами, мечты уединенья!

С а б л и н. Шутишь, брат; когда со мной, так не один. Куда глупо, что здесь в доме не позволяют трубок курить! я умно делаю, что к сестре не переезжаю жить.

Б е н е в о л ь с к и й *(вынимает бумагу и читает)*

Дружись, мой друг, с мечтой...

С а б л и н *(вырывает бумагу и кидает на пол)*. Брось свой вздор, и без того скучно. *(Федька входит с бутылкой и стаканами)* А! вот оно! повеселее будет, ставь сюда. Э! Санхо-Панса! ты вензеля пишешь.

Ф е д ь к а. С горя, право с горя; сходил не-одаль, дай-де поравняюсь с господами. *(Прислоняясь к стенке, поет)* Ах ты козлик, мой козлик! дедюли мои! гей!

Б е н е в о л ь с к и й. Ш-ш! что ты, с ума сошел?

С а б л и н *(трудясь за бутылкой)*. Экой пьяница!

Ф е д ь к а. А сами-то что? лежу в грязи, кричу: не брызжи.

С а б л и н *(наливает и поет)*.

Vive Henri quatre!
Vive ce roi vaillant! *

Б е н е в о л ь с к и й. О! умолчите! что за охота петь французскую песню? У нас столько своих пленительных мелодий певцов своей печали.

С а б л и н. Пусть они сами свою печаль поют, а я стану петь «Vive Henri IV», оттого именно, что это вовсе не печально.

---

* Да здравствует Генрих Четвертый!
Да здравствует храбрый король!—*Ред.*

Беневольский. Но есть ли тут хоть малейшее воспоминание для души русского?

Саблин. Преславное: наш вход в Париж, мы первые заставили петь эту песню. Вот было житье! Выпьем скорее в память этого счастливого дня! Пей же, ну, без гримас!

Беневольский *(с стаканом в руке)*. Вакх!.. тебе!

Саблин *(вливает в него весь стакан)*. Без росказней!

Федька. Пей, да про себя разумей.

Саблин *(выпивши)*. Что за Бургонское! стакан было проглотил.

Беневольский *(сморщившись)*. Нектар.

Саблин. Беневольский! душа моя! выпьем еще по стаканчику.

Беневольский. Нет, никак; я еще с обеда отуманен этими парами.

Саблин. Беневольский! не будь хоть теперь Беневольский: выпей, не заставляй себя просить. Беневольский, знаешь? я тоже когда-то учился по-латыни и очень помню одну пословицу... постой! кажется: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Беневольский. In vino veritas. *

Саблин. Ну, а ведь ты теперь не трезвый. — Скажи мне, любишь ли ты меня?

Беневольский. Люблю.

Саблин. А я тебя не люблю, да всё равно: ты любишь, так докажи, выпей! на! Да полно, я не в шутку рассержусь; бери же, вот так, поцелуй меня! стукнем!

Беневольский. Чашу в чашу.

Федька *(подкрадывается)*. Подойду поближе хоть понюхать. *(Саблин пьет, а Беневольский ловит эту минуту, чтоб вылить стакан и попадает прямо Федьке в лицо и на платье)* Что за обливанье, сударь? еще я покамест свое платье ношу, когда-то сошьете!

Саблин. Выплеснул! не выпил! Поделом не терплю я этих марателей: всякий из них, последний, презирает всех, думает, что он всех умнее, ничем не дорожит.

Беневольский. Именем дружбы...

---

*В вине — истина. — *Ред.*

Саблин. Плевать я хотел на твою дружбу и знаться с тобой не хочу. — Поеду домой. *(Смотрится в зеркало)* Раскраснелся, досадно! никуда нельзя показаться: про меня и так бог знает что говорят. *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 10

Беневольский, Федька

Беневольский *(не вставая с кресел)*. Презрение буйным чадам Арея! бесчувственные враги изящного! — Федька! стань сюда! На каждой черте лица твоего дикая природа наложила печать свою; но ты имеешь душу!.. И не обделана душа твоя резцом образованности, и закоснела она в коре невежества; но ты имеешь душу!.. подыми! *(Федька подымает бумагу, брошенную Саблиным на пол)* Слушай! *(Читает)*

Дружись, о друг, с мечтой.

Федька. Ах! барин, только было я подружился с Алексеем лакеем, да вишь и увезли его.

Беневольский. Ш-ш.

Дружись, о друг, с мечтой.
Таинственный покой
Сопутствует нам с нею:
И Грация — печаль,
И сумрачная даль,
И будущность зарею
С ней будут нам сиять!

Счастливое вступление! эта неопределенность будущего, сумрак дальний приготовляют сердце к тихому, сладостному мечтанью. *(Федьке)* А? что ты думаешь?

Федька. Ничего-с.

Беневольский. Ты врешь.

С ней будут нам сиять,
Дни мирны ублажать
Души и чувств прельщеньем,
Как легким сновиденьем...

(Федьке) Понимаешь ли ты? сновиденье?

Федька. А кто их поймет? мне давича такая дурь во сне привиделась! что ваши вирши!

Беневольский. Хочешь ты слушать или нет?

Федька. Как вы приказать изволите.

Беневольский. Так слушай же и молчи! *(Продолжает читать)*

И мрачных мыслей сын
С мечтою не один;
Он преплывает море
Туманных бурных дум.
От коих взор и ум
Смущеньем цепенеют.

(Федьке) Скажи правду: страшно ли это?

Федька. Страшно-с.

Беневольский. Ты понял что-нибудь?

Федька. Ничего не понял-с.

Беневольский *(с радостью)*. И этот дар возбуждать ужас самой незначущей, часто непонятной мыслию, — он неизвестен был доныне: это свежий листок, вплетенный в венец поэзии. *(Продолжает)*

Ах! скоро ли приспеют
Те дни, златой тот час,
Когда любовь отрадой
Появится для нас
С надеждою — усладой?

Надежда! ты осталась со мною, прелестная!

Федька. Нет, барин, надежда плоха. Дайте рассказать, что здесь без вас приключилось.

Беневольский. Молчанье, повторяю я, не раскрывай рта, пока тебя не спросят. *(Продолжает)*

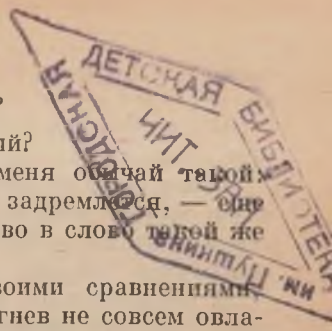
Как обновленный свет
Собой украсит роза?
Гвоздика, милый цвет,
Тюльпан и тубероза
Узорчатым ковром
Блеснут пред томным взором?

(Федьке) Сколько цветов поэзии! А?

Федька. Нечего сказать, что много цветов-с.

Беневольский. Цветы поэзии! Кто вас не чувствует? *(Федьке)* Не прерывай же меня. Где бишь я остановился? да... «пред томным взором...»

Как чистых Муз собором
Восторженный в эфир,

Я беспредельный мир
Слию с непостижимым?

(Федьке) Ты зеваешь, бесчувственный?

Ф е д ь к а. Виноват, сударь, у меня обычай такой: как мне зачнут сказки читать, так и задремлется, — оно бывало смолода, как наш дьячок, слово в слово такой же мастер, как и ваша милость...

Б е н е в о л ь с к и й. Прочь со своими сравнениями! в пыли таящаяся душа! прочь, пока гнев не совсем овладел мною. *(Федька отходит, садится на сундук и засыпает. Беневольский продолжает читать)*

Дотоль, рука с рукой,
Мы по стезям незримым
Спешим, о друг! с тобой
К бессмертью, в бесконечность!
А там! — награда... вечность!

И это я написал! это излилось из моего пера! — Федька!.. Он спит, жалкий человек! вместилище физических потребностей!.. И все люди почти таковы! с кем я ни встречался здесь в столице, ни один не чувствует этого стремленья, этого позыва души — туда! к чему-то высшему, незнаемому! — Но тем лучше: как велик между ими всеми тот один, кто, как я, вознесен ввысь из среды обыкновенности! — Рука фортуны отяготела надо мною, я проиграл мои деньги, — но дары фантазии всегда при мне, они всё поправят. Вельможи, цари будут внимать строю моей лиры, и золото и почести рекою польются на певца. Но я ими не дорожу, я доволен одною славою, уделом великим.

ЯВЛЕНИЕ 11

Ш в е й ц а р. Скоро ли, сударь, опростаете квартиру?

Б е н е в о л ь с к и й. Что такое?

Ш в е й ц а р. Скоро ли вы изволите отселе выбраться!

Б е н е в о л ь с к и й. Пожар? неужли пожар? Федька! мои бумаги! спаси мои бумаги! в них всё мое богатство.

Ш в е й ц а р. Нет, сударь, бог милостив, еще ничто не горит.

Б е н е в о л ь с к и й. Нет? что ж ты сказал?

Швейцар. Я спрашивал, скоро ли вы отселе съезжаете?

Беневольский. Разве тебе Александр Петрович велел?

Швейцар. Нет, он об вас ничего не приказывал; а уж как он изволил отправиться в деревню, а барыня съехала на дачу, так когда вы опростаете комнату? я бы запер.

Беневольский. Не может быть. Как это? давно ли? так скоро? будто Александр Петрович уехал?

Швейцар. Изволил уехать.

Беневольский. В деревню? далеко ли?

Швейцар. Вотчина его Прилиповка в Костромской губернии, верст отселе девятьсот с десятком, да в Рязанской село Потешное, верст будет побольше тысячи, да около Нижнего барынина деревня Березовка, деревня большая, тоже душ тысячи с полторы.

Беневольский. В которую же он теперь уехал?

Швейцар. Да бог весть, люди на-двое говорили.

Беневольский. Неужли он ничего не приказывал перед отъездом?

Швейцар. Изволил крепко наказывать, чтоб штучные полы везде починить, где расклеились, да люстру из галдареи вынести...

Беневольский. Да обо мне что?

Швейцар. Об вас он ничего не приказывал.

Беневольский. Верно ты не знаешь; кто еще в доме есть, кроме тебя?

Швейцар. Ни одного живого человека: барыня шестерых людей забрала с собою на дачу, а остальные кое-куда разбрелись.

Беневольский. Что ж мне делать?

Швейцар. Как станете перевозиться, дайте мне знать с вашим человеком: надо будет здесь убрать после вас.

Беневольский. Зачем же мне переезжать?

Швейцар. Барин крепко наказывал, чтоб здесь никому не оставаться, что де комнаты все станут заново расписывать.

Беневольский. И мне велел переезжать?

Швейцар. Об вас он ничего не приказывал. *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 12

Беневольский, Федька

Беневольский. Федька! Федька! беспросыпный! негодяй!.. вставай! проснись!

Федька *(впросонках)*. Левей, Алёха...

Беневольский. Несносная тварь! вставай! вставай!

Федька *(протягиваясь)*. Что, сударь? ась?

Беневольский. Ты спишь, мерзавец! и не говоришь мне, что все отсюда уехали, и мы с тобою одни остались в опустелом доме!..

Федька. Вишь, сударь, я не раз принимался вам докладывать, да поди-ко вы с вашими виршами не давали слова вымолвить.

Беневольский. Говори, что здесь без меня было? что ты видел? Александр Петрович не приказывал ли тебе чего-нибудь?

Федька. Он второпях дал мне толчка, что в ушах зазвенело; только я от него добра и видел.

Беневольский. Но другие что? жена его?

Федька. Барыня и барышня велели вам кланяться.

Беневольский. Только?

Федька. Нет-с; еще что бишь они велели вам сказать?

Беневольский. Почему я знаю, мучитель? Не мори меня, договаривай.

Федька. Да, право, всё из головы вон вышло. — Что бишь они велели вам сказать?

Беневольский. Терпенья! дайте мне терпенья!

Федька. Да, что барышня то, ваша невеста, — уж не ваша невеста, а выходит замуж за его милость, забыл, как зовут.

Беневольский. О судьба! ужасны твои потаенные громы! За что схватиться мне в этом кораблекрушении? — Ты не знаешь всех моих бедствий: у меня ни копейки нет денег.

Федька. Ах, создатель! ужли потеряли?

Беневольский. Проиграл.

Федька. В картёж! вот те благодарствуй!

Беневольский. Без денег! без друзей!

Ф е д ь к а. А еще разумник! грамотник! вот-те разживусь, да разбогатею. — «Что ты от меня получаешь жалованья? малость! будешь получать тысячу, слышишь? тысячу!» — Ан вышел сам без гроша: я видел, что тебе не сдоброват.

Б е н е в о л ь с к и й. Как ты смеешь говорить со мною во втором лице единственного числа?

Ф е д ь к а. Вишь, всё хорохорится: «я де всех разумнее, мне здесь дадут денег с три пропасти!» — ан, лучше бы помнить пословицу: еду — не свищу, а наеду — не спущу. *(Треплет Беневольского по плечу, тот его отталкивает)* Эка дворянска амбиць! без денег, а спесивится! Пойду, возьму свои пожитки, да уберусь, поищу себе барина потолковее. *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 13

Б е н е в о л ь с к и й, П р о х о р о в

П р о х о р о в *(читает записку)*. Евлампий Аристархович Беневольский, недавно приехавший в Санктпетербург, обучался в Казанском университете разным языкам и наукам, знает грамматику.

Б е н е в о л ь с к и й. Это я. Что вам нужды до меня, вам, чуждым моей скорби?

П р о х о р о в. Вы без места, как мне довелось слышать, находитесь?

Б е н е в о л ь с к и й. Я всеми отвержен, душа моя подавлена под гнетом огорчений.

П р о х о р о в *(садится)*. Позвольте присесть. Я некоторое такое место имею, недавно упразднившееся, вам особенно свойственное.

Б е н е в о л ь с к и й *(в сторону)*. Он для меня имеет место! стало, слышал обо мне, я здесь известен. *(Громко)* Что побудило вас подать мне руку помощи? кого я в вас вижу?

П р о х о р о в. Мое прозвание Прохоров, говорил мне об вас его превосходительство Александр Петрович, у которого вы жительство имеете.

Б е н е в о л ь с к и й. Ах, сударь! я об вас от него столько наслышался, — вы, кажется, близки его сердцу.

П р о х о р о в. Я только с давишней поры имею честь быть включенным в число его знакомых.

Беневольский. Как, сударь! не прежде?

Прохоров. Действительно так. Мы встретились в милютинских лавках, в 9 номере. Его превосходительство кушать изволили фрукты, а я кое к чему приторговывался.

Беневольский. Он мне сказывал, что ваше имя пользуется большой известностью.

Прохоров. Справедливо так. Вы мое имя на заглавных листках многих книг помещенным видеть можете.

Беневольский *(в сторону)*. Ему посвящают книги! *(Громко)* Позвольте, сударь, и мне поднести вам мои опыты в прозе и стихах, досуги моей беспечной музы; они, конечно, будут приняты публикою с большею благосклоннюстию, если украсятся вашим именем.

Прохоров. О! государь мой, сие для меня слишком много, я не более, как честный содержатель типографии; но вы хорошо сделаете, если оные ваши труды нашему директору посвятите, он человек достопочтенный и надворный советник.

Беневольский. Как! вы содержатель типографии?

Прохоров. Истинно так. Не соизвольно ли вам будет дать мне на образец ваше некакое рукописание? — Сие весьма необходимо.

Беневольский. К чему ж это? Если вы хотите видеть мой почерк, то я уверяю вас, что он самый плохой, — отрисовка моих идей обнаруживается не в красивых литерах. Если же вы хотите знать мой слог, то можете найти кучу моих произведений во многих известных наших журналах, в «Сыне Отечества», например.

Прохоров. Сие периодическое издание из лучших, нумера выходят всегда аккуратно, буквы отменно четкие, бумага вообще хорошая.

Беневольский. О! сударь, с какой точки зрения вы смотрите на вещи!

Прохоров. Вы вероятно переводите?

Беневольский. И сочиняю.

Прохоров. Весьма похвально. Знаете ли вы правописание?

Беневольский. Помилуйте, я кажется сказал вам, что многие мои сочинения помещены в журналах.

Прохоров. Бесспорно так. Но я скажу вам, государь мой, что многие из наших, впрочем весьма почтенных словесников, коих сочинениями журналы наполняются. удостаивают меня своими посещениями: из них большая часть не весьма тверды в правописании. Оно же, правописание, разумею я, главное есть для той должности, которую я предлагаю вашему благоуважению.

Беневольский. Какая ж это должность?

Прохоров. Должность сия в том состоит, дабы с неусыпным бденьем за ошибками, встречаться могущими при книгопечатании, надсматривать.

Беневольский *(в сторону)*. Скорее влачить за собою котомку нищеты, чем взять на себя эту прозаическую, неблагодарную должность.

Прохоров. Вы имеете ежегодно получать в определенные сроки четыреста пятьдесят рублей, и за прочтение печатаемых книг задельная плата с каждого листа по пяти копеек вам без задержки производиться будет.

Беневольский *(в сторону)*. Он мне душу раздирает.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и Мальчик

Мальчик. Мне, сударь, пора домой итти.

Беневольский. Что тебе надобно?

Мальчик. Я за вами бутылку с вином давича принес, этот офицер сказал, что вы заплатите, а меня хозяин наш мусье побьет, коли я промешкаю.

Беневольский. Ах, братец! у меня человек вышел, унес ключ от шкатулки. Милостивый государь! я согласен быть у вас корректором; между тем заплатите за меня небольшой этот долг.

Прохоров. С превеликим удовольствием, в зачет будущего вашего жалованья.

Беневольский. Мечты моей юности! мечты, сопровождавшие меня из Казани сюда! сопутницы неизменные! куда вы исчезли, заманчивые?..

Конец комедии

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ <«СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА»>

Любим, молодой человек, в бытность свою в Петербурге, женился по страсти, без согласия своих родственников. Он привозит жену в тот город, где живут все его тетки и дяди: Мавра Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карп Савич, Максим Меркулович. Все думают, что он сговорен; никто не знает, что он женат, кроме Варвары Савишны, которая всех добрее, и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тем Наташа, жена его, под чужим именем, знакомится со всею мужниною роднею, старается каждому из них угодить и понравиться, и в том успевает. — Это содержание одной комедии кн. А. А. Шаховского, в которой я взялся сделать несколько сцен из второго акта. Вот они.

<ЯВЛЕНИЕ 1>

Варвара Савишна, Любим, Наташа

Любим

Да! я обегал всю почтенную родню,
И счастья своего покамест не виню:
Где ни был, никого найти не удавалось,
Кроме одной. — За то уж от нее досталось!
К Раисе Савишне, как следует, зашел;
Глядь, у себя. Слуга тотчас меня повел
К ней в образную, — там в очках она читала,
Вспрыгнула, ахнула и в обморок упала.
Оттерли. — Боже мой! тут только-что держись:
Увещевания рекою полились;
И всё печатное, что только вышло внове,
Всё знает наизусть, не ошибется в слове;

Ну, так и сыплет вздор. Речь о тебе зашла:
Тут длинную она статью о том прочла,
Как верно в девушке, вертушке новомодной,
Нет пламенной души, ни нежности природной,
Ни сердца простоты... А я без дальних слов,
Не выслушав всего, взял шляпу, был таков.
Наташа, как я глуп! зачем, не понимаю,
Привез тебя сюда?

Варвара Савишна

Вот так-то! поздравляю!
Все виноваты мы...

Любим

Ах, нет! всегда жене
Твердил я, что у нас порядочных в родне
Есть двое: вы, да я.

Варвара Савишна

Поверь мне: помаленьку
На свой поставишь лад ты всю свою роденьку.
Наш опыт удался с секунд-маиором. Ну,
Полюбят также все они твою жену, —
Дай срок.

Наташа

А с дядюшкой сдружились мы
случайно!...
Он на тебя похож, Любим, да чрезвычайно!
И видно по всему, что смолоду он был
Такой же ветреный, и так же добр и мил.
Максим Меркулович — тот не того разбора,
Да и две тетушки! Не сладишь с ними скоро!
Ну, если не пойдут никак они на лад,
Я, пусть они меня расценят, как хотят,
Скажу им наотрез: пожалуй, мной гнушайтесь,
Для мужа всё стерплю.

Любим *(обращаясь к Варваре Савишне)*

А! какова! признайтесь,
Что будьте сами вы мужчиной... вы как раз
Женились бы на ней. — Все перед нею пас.

Варвара Савишна *(посмотрев в окошко)*

Ах! Мавра Савишна сюда идет!

Наташа

Какая?

Что сварливая?

Варвара Савишна

Да, крикуша!

Любим

И скупая,
И тем упрямее, что денег тьма у ней.

Наташа

Ах! нет ли, тетушка, здесь в доме попростей
Какого платьица, чтоб мне пришлось по тальи?

Варвара Савишна

У Груньки в девичьей спросить... Нет! у Натальи
Передничек ее, да шемизетку взять,
Что в праздничные дни велю ей надевать.
Уйдите же... она уж подошла к порогу.

Наташа *(уходя)*

Любим!

Любим

Я за тобой.

(Уходят вместе)

<ЯВЛЕНИЕ 2>

Мавра Савишна, Варвара Савишна

Мавра Савишна

Скажи-ка: слава богу!
Ведь наш Любим сюда изволил прикатить!
Хоть, правда, поспешил меня он навестить,
Да вишь пожаловал в тот самый час, в который
К вечерне я хожу. Ох! эти мне проворы!

Я чай, разведывал, когда-де побывать?
Когда потрафить так, чтоб дома не застать?

Варвара Савишна

Ну, можно ли...

Мавра Савишна

Чего? Он разве малый путный?
Я одному дивлюсь, что карточкой визитной
Меня не наградил; а то ведь таковой
Обычай водится в столицах, об Святой
И в Рождество. Да что? там вечно наглость та же;
Знатнейшие дома — и родственников даже —
Вот посещают как: сам барин дома спит,
Карету и пошлет, а в ней холоп сидит,
Как будто господин; обрыскает край света,
Швыряет карточки!.. Спасибо! мерзость эта
Что не дошла до нас: помиловал господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть,
Не подражает в том столичному он краю,
А всё-таки спесив! увижу — разругаю.
Ведь, нет, чтоб подождать полчасика... беда,
Никак нельзя: спешит. Спроси его: куда?
Небось не думает угодность сделать тетке;
А кабы в Питере, к какой-нибудь красотке...

<ЯВЛЕНИЕ 3>

Мавра Савишна, Варвара Савишна, Наташа

Наташа

Ах, вы здесь не одни! простите!

Варвара Савишна

Ничего.

Мавра Савишна

Кто это? здешняя?

Варвара Савишна

Нет! мужа моего
Покойного родня, приехала недавно.
Знакома вам была Федосья Николавна?

МАВРА САВИШНА

Твоя золовка?

ВАРВАРА САВИШНА

Да, ее в живых уж нет.
Вот дочь ее.

МАВРА САВИШНА

Она? — Прошу! каких уж лет!
Невеста хоть куда! — Мы вместе выростали
С твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка в Москве к нам часто в дом ходил.
При мне он сватался, при мне помолвлен был.
Ах, на сем свете я куды давно таскаюсь!
Ты с нами долго ли пробудешь? а?

НАТАША

Не знаю-с.
Как будет тетушке угодно...

ВАРВАРА САВИШНА

Мне, друг мой?
Весь век радехонька я вместе жить с тобой.

(Обращаясь к Мавре Савишне)

В глаза и за глаза скажу: неприхотлива
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь иметь.

НАТАША

Угодно, тетушка, вам будет посмотреть?
Там приготовила для вас одно я блюдо.

ВАРВАРА САВИШНА

А! знаю, хорошо. — Останься здесь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у нас,
Не взыщете, а я назад приду сейчас.

(Уходит)

<явление 1>

Мавра Савишна, Наташа

Мавра Савишна

Что это, матушка? неслыханное дело!
Кто стряпает теперь?

Наташа

К обеду не поспело;
Хватились поздно мы; так, как-то не пришлось.

Мавра Савишна

Какое ж кушанье?

Наташа

Пирожное одно-с,
И выдумки моей.

Мавра Савишна

Твоей? — Оно б не худо,
Да, ведь, пирожное затейливое блюдо.
Насущный хлеб теперь один составит счет,
Так лакомство, ей-ей! на ум уж не пойдет.

Наташа

Да-с, у меня за то всё снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимонного чуть-чуть.

Мавра Савишна

Ну, сахар входит же?

(Наташа качает голову)

Хоть крошечка?

Наташа

Отнюдь!
Как, сахар? шутка ли? что вы? побойтесь бога!
Нет! и без сахару расходов нынче много.

МАВРА САВИШНА

Да! согрешили мы, крутые времена!

НАТАША

Я как-то с малых лет к тому приучена,
Что дорогой кусок мне видеть даже грустно:
Я так люблю поесть, чтоб дешево и вкусно.

МАВРА САВИШНА

Как судишь ты умно! не по летам, мой свет;
В иной и в пожилой такого смысла нет.

НАТАША

Помилуйте...

МАВРА САВИШНА

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь век, не нажила ума?
Расчету ни на грош, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней, — зачем? кому на диво?

НАТАША

А будто трудно жить, как надо, бережливо?
Я вот и не в нужде воспитана была,
Хоть матушка моя покойница жила
Куда не роскошно, я чай, и вам известно.

МАВРА САВИШНА

Умна была, — дай бог ей царствие небесно!

НАТАША

Однако странность я одну вам расскажу.

МАВРА САВИШНА

Как, друг мой? что? — Садись.

НАТАША

Вот что...

МАВРА САВИШНА

Да сядь!

НАТАША *(сев на краешке стула)*

Сижу.
Вот что... спросить у вас позвольте: вы давно ли
Расстались с матушкой?

МАВРА САВИШНА

Лет двадцать пять, поболе;
Мы молоды тогда, невесты были с ней,
(со вздохом)
И схоронила я с тех пор уж трех мужей!

НАТАША

Так, может, никогда вам слышать не случалось
Об том, что к Ладовой, к графине, я попалась
На воспитание?

МАВРА САВИШНА

Нет, не слыхала я.

НАТАША

Уж странность подлинно! — Она и мать моя
Век были по всему противных свойств и правил.
Не знаю, между их как случай связь составил,
А только матушка с ней так дружна была,
Что на руки меня к ней вовсе отдала!
Представьте же себе: я в дом попала знатный,
У Ладовой на всё расход невероятный!
И шляпкам, и шалям, и платьям счету нет,
И собирается у ней весь модный свет:
Вчера концертный день, а нынче танцовальный,
А завтра что-нибудь другое. — Натурально,
Вы можете судить, что в этаком дому
До бережливости нет дела никому.

МАВРА САВИШНА

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортит жизнь такая.

НАТАША

Позвольте досказать. Мне скоро щегольство
И весь графинин быт: шум, пышность, мотовство

И давка вечная в передней за долгами —
Так опротивели, что рада, между нами,
Была я убежать бог ведает куда!
Так опротивели! что лучше бы всегда
Я ела черный хлеб, в серпянке бы ходила,
Да лишь бы суетно так время не губила.

МАВРА САВИШНА

Ужли, голубушка! да как же это ты?
Я, я свертелась бы от этой суеты!
Вот ум не девичий! — К чему ты наклонилась?
Что потеряла?

НАТАША

Здесь булавочка светилась,
Сейчас я видела. Вот тут она была,
На этом месте, здесь. — А! вот она! нашла.
(Поднявши, прикалывает к косынке)
Ведь, и булавочка нам может пригодиться.

МАВРА САВИШНА

Как? из булавки ты изволила трудиться?
Чем больше думаю и на тебя гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.
Диковина, мой свет! Уж ты ли не водилась
С большими барами? а всё с пути не сбилась!

НАТАША

Напротив, многим я обязана тому,
Что столько времени жила в большом дому.
Когда к француженкам поедем мы бывало,
Графине только бы купить что ни попало;
А я тихохонько высматриваю всё,
Как там работают, кроят и то, и сё,
И выпрошу себе остатков, лоскуточков,
Отрезочков от лент, матерьицы кусочков,
И дома, запершись, крою себе, крою.
Теперь же, верите ль, я что угодно шью,
Вы не увидите на мне чужой работы —
Вот ни на эстолько.
(Показывает на кончик шемизетки или фартука)

МАВРА САВИШНА

Помилуй, друг мой, что ты?
Клад сущий, — и тебе подобной не сыскать!

НАТАША

Я шелком, золотом умею вышивать.
Бывало, прочие лишь заняты весельем,
На ба́лах день и ночь, а я за рукодельем;
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконец до тысячи рублей.

МАВРА САВИШНА

Теперь на свете нет вещей невероятных.
Скопила! — Чем? — Трудом! воспитана у знатных!
Свершилась над тобой господня благодать.
Дай, радость, дай скорей себя расцеловать! —
(Обнимаются)

Вот, если б был Любим степенный и толковый,
Вот счастье! вот оно! вот! случай здесь готовый!
И услужил бы всем, родным бы и себе,
Когда женился бы он, друг мой, на тебе.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, слышь, в Питере он сватанье завел!
Там русскую мамзель какую-то нашел!
Преаккуратная головушка, я чаю.

НАТАША

А почему же знать?

МАВРА САВИШНА

Как почему? — Я знаю.

НАТАША

Конечно, это вам известнее, чем мне.

МАВРА САВИШНА

Вот то-то, видишь ли, что всей его родне
Она не по нутру. — Не может, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные все свалятся,
Чтоб поскорей по них наследство получить;

Того не думает, чтобы самой нажить.
Хоть об себе скажу: не без труда скопила
Я кое-что. Нет! трем мужьям, трем угодила!
Легко ли вытерпеть от них мне довелось —
При жизни что хлопот! по смерти сколько слез!

(Останавливается от избытка чувств)

Я, друг мой, кажется, в тебе не обманулась.
По воле божией, когда б ты приглянулась
Любиму нашему и вышла б за него,
Не расточила бы наследства моего.
Да и полюбишься ему ты, вероятно:
Свежа как маков цвет, ведешь себя опрятно,
А франтов нынешних не мудрено прельстить.
Ты по французскому умеешь говорить?

Наташа

Умею несколько.

Мавра Савишна

И! верно мастерица.
Им только надобно...

<ЯВЛЕНИЕ 5>

Варвара Савишна, Мавра Савишна, Наташа

Мавра Савишна

Послушай-ка, сестрица!
Вот толк об чем у нас: не правда ли, она
Любиму нашему ведь по всему жена?

Варвара Савишна

Я то же говорю.

Мавра Савишна

Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этом настою. Как хочет он, Любим,
Я вразумлю его, и, по словам моим,
Он Петербургские все шашни позабудет.
Пожалуй-ка, сестра, когда к тебе он будет,

Пришли его ко мне. — А между тем, прощай!
К тебе, признаться, я попала невзначай;
Шла к тетке Звонкиной, с ней перемолвить нужно
Так кой об чем. — Прости!

(Обращаясь к Наташе)

Ах! жаль,что
недосужно,
А то бы мы с тобой... прошу нас навещать.
Ты говорила мне, что любишь вышивать;
На это мастерство у нас есть заведенье,
Туда свожу тебя, увидишь: загляденье
Отцу Пафнутию какие ризы шьют!

(Варваре Савишне)

Скажи ж Любимушке, чтоб на себя взял труд,
Заехал бы ко мне. — Быть может, и без брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заране.
Авось!.. не ведает никто, что впереди.
Сестра! без проводов! останься! не ходи!

ПРИТВОРНАЯ НЕВЕРНОСТЬ

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ В СТИХАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Э л е д и н а, молодая вдова
Л и з а, сестра ее
Р о с л а в л е в
Л е н с к и й
Б л ё с т о в

Комната в доме Элединой

ЯВЛЕНИЕ I

Л е н с к и й, Р о с л а в л е в

Л е н с к и й

Ну, нет! любить, как ты, на бешенство похоже.

Р о с л а в л е в

А так любить, как ты, и не любить — всё то же.

Л е н с к и й

Кто с Лизою твои все ссоры перечтет?

Р о с л а в л е в

За то с ее сестрой ты холоден, как лед.

Л е н с к и й

Подумай, как вчера ты с нею обходился.
Ты дулся и молчал, бесился и бранился;
Бог знает из чего, кричал, уж так кричал,

Что я со стороны, куда уйти, не знал.
Как Лиза ни добра, ей это надоело,
Она рассорилась с тобою, — и за дело.

Рославлев

Она же ссорится! и я же виноват!
И мне приятели признаться в том велят!
От этих женщин мы чего не переносим?
А кончится одним: что мы прощенья просим.

Ленский

При всяком случае готов ты их бранить.
Они несносны? — Да? — Зачем же их любить?
Нет, право, за тебя становится мне стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивым незавидно;
А многие куда как резко говорят
И громко...

Рославлев

На мой счет?

Ленский

На твой.

Рославлев

Я очень рад!

Ленский

Всем кажется, что ты брюзглив и своенравен,
И нежностью смешон, и ревностью забавен;
А в свете толковать о странностях других
Везде охотники.

Рославлев

Кто ж говорит об них?
Прелестницы, с толпой вздыхателей послушных,
И общество мужей, к измене равнодушных,
И те любезники, которых нынче тьма:
Без правил, без стыда, без чувств и без ума,
И в дружбе, и в любви равно непостоянны.
Вот люди!.. И для них мои поступки странны,
Я не похож на них, так чуден всем кажусь.

Да, я пустых людей насмешками горжусь;
А ты б, я чай, хотел, чтоб им я был угодным,
Чтоб также следовал сужденьям новомодным
И переделался на их бы образец,
Или на твой; — ведь ты таков же наконец!

Ленский

Ты хочешь, чтоб и я на женщин воружился;
Однако ж я пока на это не решился.
Мне с ними весело, им весело со мной,
А сверх того еще, вот веры я какой,
Что в добродетелях нам должно брать уроки
У них. — Мы сами же заводим их в пороки.
Немножко ветрены, неверны иногда, —
Ну что ж?

Рославлев

Как иногда! — Всегда, сударь, всегда!

Ленский

Всегда, ты говоришь, и нет невиноватых?
Как это мнение приятно для женатых!
А, впрочем, нас с тобой никто не согласит:
Меня, вот, например, всё в свете веселит,
А ты не можешь жить без горести и муки.

Рославлев

Ты рассудителен! и если бы от скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.

Ленский

А ты как думаешь? мне надо бы терзаться?
Ни день, ни ночь не спать? С любезною расстаться,
И всё-таки потом везде ее следить
И всех бояться?

Рославлев

Всех. — Все могут милы быть.

Ленский

А пуще, кто умом и прелестьми украшен.
Я признаюсь тебе, мне Блёстов очень страшен.

Рославлев

Шути, а этот франт — я не терплю его!

Ленский

И дельно; он собой затмит хоть бы кого.

Рославлев

Пустая голова! Что шаг, то принужденье!
А здесь, у двух сестриц, об нем иное мненье.
Вчера же с ними он весь вечер проболтал:
Ты видел... Я сперва совсем не ревновал,
Да Блёстовым они так много занимались,
Что нас забыли. — С ним всё время просмеялись.

Ленский

Они смеялися и слушали его.
Не равнодушно же смотреть им на того,
Кто в обществах всегда всех женщин забавляет.
И как ты думать мог, что он их завлекает?
Кто ж Блёстов? Старый франт! Он слишком в сорок лет
Везде волочится, прельщает целый свет,
Острится надо всем, а сам всего смешнее;
Не вовсе без ума, и от того глупее;
Охотно в дураки отца бы посвятил,
Лишь бы с улыбкою сказали: как он мил!

Рославлев

И несмотря на то, как это мне ни больно,
Я бьюся об заклад, что женщин есть довольно,
Кому он нравится.

Ленский

Конечно, для иных
Не без достоинства такой, как он, жених:
Богат и всем родня.

Рославлев *(с досадой)*

Ну, так они и правы!

Ленский

Э, полно! здесь его лишь любят для забавы.

Рославлев

Насмешки их над ним — уловки против нас!
Видал насмешниц я, как ладили под час
С людьми, которые казались им противны.
Да что и говорить? — Мне в женщинах не
дивны
Увертки, хитрости, лукавство против всех,
Обманы вечные, притворный плач и смех;
И только одному нельзя не подивиться,
Как люди до сих пор имеют дух жениться!

Ленский

Да успокойся.

Рославлев *(с сердцем)*

Я спокоен.

Ленский

Так поди
К своей возлюбленной. — Клянися ей, тверди,
Что ты навек у ней в слепом повиновеньи.

Рославлев

Я? к ней пойду?

Ленский

Да, ты.

Рославлев

Хорош! — я в огорченьи, —
А ты... Из дружбы он смеется надо мной.

Ленский *(хохочет)*

Тебе же в пользу я стараюсь...

Рославлев

Бог с тобой!
Вот каковы друзья: — хоть плачь я, хоть бесися,
Он будет хохотать!

Ленский

Эй, с Лизой помирися.
Поди! у ног ее ты должен обещать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

(Рославлев, увидя Блёстова, отворачивается и поспешно уходит)

ЯВЛЕНИЕ II

Ленский, Блёстов

Блёстов *(вслед Рославлеву)*

Эк он заторопился!
Я в двери, он бежать, — ушел, не поклонился.
Ах, Ленский, здравствуйте! — Ваш друг не в духе?

Ленский

Да.
Престранный человек. Заметьте, что всегда
Он тотчас убежит, где только вас завидит.

Блёстов

Скажите мне, за что меня он ненавидит?

Ленский

Причина ясная; он вас боится.

Блёстов

Что?
Вот вздор!

Ленский

Вы женщинам так милы, как никто;
И милы так давно.

Блёстов

Зло! очень зло! — Однако,
Кто ж нынче им не мил? без исключенья всякой:
Сначала все они как будто далеки,
А после...

Ленский

Да, для вас успехи в них легки.
Назвать до дюжины... до сотни можно смело...
Да что и называть? — победы ваше дело.

Блёстов

Помилуйте!

Ленский

И вот, не далеко искать:
Рослáвлеву и мне нельзя не ревновать;
У вас с обеими на что-то уж похоже.

Блёстов

Вы думаете?

Ленский

Да.

Блёстов

Вы друг ему?

Ленский

Ну, что же?

Блёстов

Скажите искренно, как поступил бы он,
Когда бы кто ему был Лизой предпочтен?

Ленский

А разве?

Блёстов

Ничего, — одно предположенье;
Клянусь вам, ничего. — Ну, вот и подозренье!

Ленский

Я и не думал.

Блёстов

Нет? — Где вам меня провесть! —
(Рассеянно)
А впрочем, хоть и я пленяю как ни есть,
Хоть Лизе нравиться и нет большого чуда,

Но всё, я вам божусь, что с ней еще покуда
Мы на учтивостях — и более никак.

Ленский

Я верю без божбы.

Блёстов *(значительно)*

А если бы не так,
На что б решился он?

Ленский

Он с Лизой бы простился;
А там и с вами бы, конечно, объяснился.

Блёстов

Стреляться бы он стал? — Стреляться не беда!
Но быть ревнивым? — о! в нем вовсе нет стыда.
Отстаньте от него и будемте друзьями:
Давно заметил я тьму сходства между нами.

Ленский

Я не таков, как он, а вас боюсь; — ужли
Вы баловнем любви невинно прослыли?

Блёстов

Кто счастлив не бывал? — Но я вам дам присягу,
Что в жизнь для этого не делывал ни шагу.

Ленский

Бесчувственный! и вот пленяете вы чем!

Блёстов

Ба! — Не пленяется в наш век никто, никем, —
Всё дело прихоти и случая слепого;
А люди есть еще: не скажут вам ни слова,
Чтобы удач своих в любви не приплести.
Признаться, этого я не могу снести!
И как рассказывать о том, что так ничтожно?
С одной я, например, едва поверить можно,
Совсем не думавши, не знаю как успел;
Я даже говорить с ней вовсе не хотел;

И всячески она завлечь меня старалась,
Чтоб только отомстить — и ах! сама попалась.
Другой понравился с таким же я трудом,
Ну, отгадайте, чем? — любезностью, умом?
Нет! — бледностью лица! — Я был жестоко
болен. —
За то болезнию потом как был доволен!
Одну имел я связь серьезную, — в нее
Вмешалось несколько достоинство мое;
Вот это было как...

Ленский

Простите, поневоле
Я с вами расстаюсь, — мне здесь нельзя быть боле;
Хозяйки милые так долго никогда
Не заставляли ждать. — Вы остаетесь?..

Блёстов

Да.

Ленский

Так дружбу мне свою на деле докажите,
И хоть Элединy, жестокий, пощадите.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ III

Блёстов *(один)*

Шути, мой друг, острись! — Я, в очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Рослáвлев твой порядочной ценою
За неучтивости поплатится со мною,
И дельно. — В дураки попасть им легче всех:
Один всё хмурится, другому же всё смех.
Нет! женщин надо знать, — так знать, как я их
знаю.
Однако ж я и сам неловко поступаю:
К обеим вдруг сестрáм я письма написал;
К обеим об любви? — Ну, как в беду попал?
Да что? — Развязка тут не самая ль плохая,
Что от одной отказ, — не та, так всё другая;

Вот дурно, ежели они одна другой
Хвалиться вздумают короткостью со мной?
Да нет! не может быть: они не разболтают,
В любви и женщины, что надобно, скрывают.
А вот они идут! — Однако ж не могу
С обеими теперь быть вместе, — убегу!

ЯВЛЕНИЕ IV

Эледина, Лиза

Лиза

Как можно целый час смеяться до упада?

Эледина *(хохочет)*

Нет сил!

Лиза

Да что с тобой? Скажи, чему ты рада?

Эледина *(хохочет)*

Ах, что за милое письмо мне принесли!

Лиза

Письмо?

Эледина

От Блёстова. — Как нежно!

Лиза

Неужли!
Он и ко мне писал сегодня же.

Эледина

Забавно!
Да где ж твое письмо? — Дай посмотреть... Вот славно!
Прочти, пожалуйста: он любит нас равно,
Из слова в слово в них написано одно.
Каков?

Лиза *(прочитав)*

Ну что ж, так нам обеим незавидно.

Эледина

Уж Блёстов вздумал нас обманывать; обидно!
Нет, баловать его не надо, — и к чему?
Садись, пиши.

Лиза

Зачем?

Эледина

Чтоб отомстить ему.
Повеса в сорок лет! — Ах, друг мой! как счастливо!
Тебе нередко ведь скучает твой ревнивый;
А мой возлюбленный, что б он ни говорил,
Своей холодностью ни мало мне не мил;
Твой слишком любит, мой почти любви не знает;
А это нам в мужьях добра не обещает.

Лиза

Ну что же?

Эледина

К Блёстову напишешь ты ответ,
Для шутки, так, чтобы он был ни да, ни нет.

Лиза

Как можно?

Эледина

Напиши; ты страх меня обяжешь!

Лиза

А если все потом узнают, что ты скажешь?

Эледина

Пусть знают. Я сама хочу к нему писать,
Вот тут-то он начнет мечтать, мечтать, мечтать,
Зазнается, — и вдруг глаза ему откроем.
Представь себе, как мы Рослáвлева расстроим?
Услышит, взбесится, взревнует, а потом,
Как ты сама ему признаешься во всем,
Немного надобно иметь ему рассудка,
Чтобы увериться, что это просто шутка.

Ну, если шалостью исправим мы его?
А мне не сделать уж ревнивым своего,
Так я хочу его заставить рассердиться,
Чтоб он хоть раз узнал, как весело мириться.
Ну, милая, решись, — пиши; я пособлю.

Лиза

Нет, я не напишу, что я его люблю.

Эледина

Вот, как теперь гляжу, как Блёстов будет славить.

Лиза

Ревнивца обмануть?

Эледина

Да, чтоб его исправить;
Теперь же случай есть... Пиши, не будь дитя.

Лиза

Да как?

Эледина

Ах! полно.

Лиза

Я боюся не шутя.

Эледина

А время между тем уходит. — Ну, скорее!

Лиза

Что будет?

Эледина

Ничего. *(Лиза садится)*. Вот так, начни смелее.

Лиза

Ах! что я делаю!

Эледина

Поверь мне, не тужи.

Лиза

Что он подумает?

Эледина

Пусть думает. — Пиши:
(Диктует)
«Не знаю, хорошо ль, что я вам отвечаю...»

Лиза

Уж как не хорошо, я это очень знаю.

Эледина *(продолжая)*

«И не решилась бы я долго, — но со мной
«Рослáвлев, как на зло, несносный стал такой...»

Лиза

Несносный, что за вздор?

Эледина

Ну, беспокойный...

Лиза

Точно.

Эледина

Пиши: *«Он ревностью, как будто бы нарочно,*
«Надоедает мне».

Лиза

И всё не надоест!

Эледина

«Надоедает мне. — Пусть ищет же невест
«Потерпеливее; а я не в силах боле
«Сносить все странности его; — я век в неволе;
«Его мученья...» (Лиза бросает перо). Ну?

Лиза

Помилуй, отчего
Ты рада выдумать всё злое на него?

Эледина

А не сама ли ты сто раз мне повторяла,
Что даже часто с ним терпение теряла?

Лиза

Какая разница! то было на словах;
А это я пишу к другому.

Эледина

Дурно страх!
Ну, да пожалуй я смягчу из сожаленья;
Прочти, что у тебя?

Лиза

Сейчас. *(Читает)* «*Его мученья...*»

Эледина *(диктует)*

«*Так надоели мне, что, словом, хоть кого*
«*Готова я любить, да только не его...*»

Лиза

Нет! Этого писать я век не соглашуся.

Эледина

Что за ребячество!

Лиза

Ну, право, не решуся.

Эледина

Ты шутишь; — да скажи, чего бояться тут?
Ведь этого письма лишь двое не поймут,
Рослáвлев с Блёстовым, Рослáвлев как ревнивый,
А Блёстов как дурак.

Лиза *(дописавши)*

Ответ красноречивый.
Неужли он теперь поверит, что в него
Влюбилась я!

Эледина

Кто? — он? Он верил до того.
Как знаю я мужчин! Ах, все без исключенья

Какого об себе они большого мненья!
Самолюбивы как! почти не меньше нас!
Давай свое письмо, я отошлю сейчас.
А между тем тебе уж надо притворяться,
Что ты с Рославлевым не хочешь вовсе знаться. —
Пусти ж меня. *(Садится)* Теперь мне очередь писать.
Представь, как будем мы над ними хохотать!
Ах! вдруг троих мужчин помучить так приятно!

Лиза

Что тут приятного, мне, право, не понятно!

ЯВЛЕНИЕ V

Ленский, Рославлев, Элединa, Лиза

Лиза

Ах! вот они! — Куда всё это нам девать?
Спрячь эти глупости.

Элединa *(нарочно громко)*

Вот стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всем я скрытность ненавижу.

Рославлев

Смотри, что так она прилежно пишет!

Ленский

Вижу.

Рославлев *(Лизе)*

Я ждал вас давича до половины дня;
Или решилися вы бегать от меня?

Лиза

Да, сударь, с вами я все ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись; я — вас точно убегаю.

Рославлев

Не убежите же: я вас везде найду.

(Лиза перебегает и становится за Элединою)

Э л е д и н а *(в сторону)*

Вот любит истинно! а на мою беду
Мой Ленский самая холодная особа.
(Ленскому)
Ах! да вы здесь. Давно?

Л е н с к и й

Сейчас вошли мы оба.
Не помешаю ли я вам?

Э л е д и н а *(продолжая писать)*

Нет, ничего.

Р о с л а в л е в

Конечно, нечего бояться вам его.
Вы можете при нем всегда писать свободно,
Хоть бы к соперникам его, — к кому угодно;
Он из учтивости не будет вам мешать.

Э л е д и н а

Хоть бы к соперникам его, — почем же знать?
Я точно нежное письмо пишу.

Л е н с к и й

Прекрасно!
Да я скажу, к кому.

Э л е д и н а

К кому ж?

Л е н с к и й

Ко мне.

Э л е д и н а

Напрасно.
(В сторону)
Как можно столько быть уверенным в себе!

Л е н с к и й

Ах! позавидует весь свет того судьбе,
(показывая на письмо)

Кто нежности от вас такие получает!
Я вижу по глазам, что чувство вам внушает.

(Элединa складывает письмо)

И будто кончили! не лучше ль продолжать?
Расположения такого долго ждать.

Э л е д и н а *(в сторону)*

Смеется? — Если б я в сердцах не рассуждала,
Любовное письмо не в шутку б написала.

(Кличет)

Кто тут? *(Лакей входит)* На, вот письмо; поди, отдай тому,
Кому надписано...

Л е н с к и й

Куда ж итти ему?
Я здесь покамест.

Э л е д и н а

Нет; уж вы домой подите;
Там лучше прочитать.

(Уходит)

Л е н с к и й *(с улыбкой)*

Вы этого хотите.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ VI

Л и з а, Р о с л а в л е в
(Лиза хочет уйти)

Р о с л а в л е в

И вы?

Л и з а

Позвольте.

Р о с л а в л е в

Нет.

Лиза

Я вздоров не терплю.

Рославлев

Вы сердитесь за то, что я вас так люблю!

Лиза

Всё это лишнее; на что нам объясняться!
Конечно, прежде в вас могла я ошибаться;
Я всё надеялась ваш нрав переменить;
Но больше не хочу игрушкой вашей быть.
Вчера еще...

Рославлев

Вчера... да будьте беспристрастны!
Я жду, вы входите: вы были так прекрасны!
Я видел вас одних; — опять, какой же след
Вам замечать меня, где тьма народу? — нет!
Вы милы! веселы! — для всякого другого;
Со всеми ласковы, со мною — ни полслова.
Вдруг Блёстов с значущей улыбкой к вам пристал,
Болтал, болтал, и так собою заслонял,
Что долго я за ним не мог вас видеть после.
Макао начался; вы сели, Блёстов возле. —
Меня упрятали покамест за бостон:
Бостон ли на уме! я без того взбешон;
Играю скверно; все другие, что играют,
Кричат и сердятся, бранят меня, ругают;
А вы хохочете — и вы, и ваш чудак.

Лиза

Да не одна я, все смеялись.

Рославлев

Точно так!
Не вы одни, весь свет смеется из пустого.
Зато же сыщете вы где меня другого?
Кто чувствует, как я? Кто нынче есть с душой?
Кто любит истинно?.. Я, право, сам не свой:
Твержу в наш век, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтоб женщины не женщинами были.

Лиза

Вот оправдание ревнивца! — Признаюсь!
Нет, как хотите вы, я с вами расстаюсь.
Да и чего мне ждать? При вас неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;
Нельзя ни встать, ни сесть, ни выйти, ни войти;
Всему вы толк иной умеете найти.
Письмо читаю я... тотчас уж подозренье;
Танцую ли с другим... и тут вам огорченье;
Получше ли к кому оденусь... всё беда!
Всё виновата я, — и с вами брань всегда;
Хоть с Блёстовым когда я говорю учтиво,
Уж слышу там ногой стучат нетерпеливо;
Нет, лучше вовсе бы меня вам не любить.
Вот радость! замужем невольницей мне быть.

Рославлев

Невольницей! — Тогда! — Ах! нет! избави боже,
Чтоб я осмелился...

Лиза

Тогда всё будет то же,
И точно то терпеть я буду, что терплю:
Мы не поладим век.

Рославлев

Зачем я вас люблю?
Без этой глупости я вас бы ненавидел!
Мы не поладим век! — Да, я давно уж видел,
Что есть другой, с кем вы поладите скорей!
Ну, что ж? так я пойду дорогою своей:
Знакомы с Вельской вы? — добра, умна, прекрасна.
Так знайте ж: за меня итти она согласна;
А с нею век могу я счастливо прожить.
И — вы принудите меня ее любить.

Лиза

Извольте ж к ней сейчас отправиться, — подите!

Рославлев *(хочет итти)*

Я вас послушаюсь, — иду сейчас. *(Воротясь)* Скажите,
Кто этот сча́стливый, что вами предпочтен?

Лиза

Зачем вам имя знать его?

Рославлев

Затем, что он

Заплатит дорого... да!

Лиза

Что вы? успокойтесь;
Вы что-то стра́шны.

Рославлев

Как?

Лиза

Я вас боюсь... *(Убегает)*

Рославлев

Не бойтесь!
Какая мне нужда до вас и до него,
И как его зовут...

ЯВЛЕНИЕ VII

Рославлев *(один)*

Вот, взбесит хоть кого!
Да и меня ж потом ревнивым называют!
(Ходит взад и вперед)
Но в самом деле, мне кого предпочитают?
(В это время Блёстов показывается)
Кто знает, может быть, и он соперник мой?
И точно! — нынче он доволен так собой!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Рославлев, Блёстов

Блёстов

Вы здесь, Рослáвлев? — Ну, опять сердит? Скажите:
За что? — Вы влюблены, любимы.

Рославлев

Извините!
Вы шутите, а я... я вовсе не шучу.
Да кстати, я давно просить у вас хочу;
Прошу покорно мне сказать чистосердечно,
Как честный человек.

Блёстов

Вы спросите, конечно,
Что не намерен ли у вас я перебить?

Рославлев

Однажды навсегда прошу мне объявить,
С какими видами так часто, постоянно
Сюда вы ездите?

Блёстов

С какими? — Очень странно!
Я видов не имел ни на кого отнюдь;
А если...

Рославлев

Их на вас имеет кто-нибудь...
Ну, кто ж?

Блёстов

Когда б от вас хотели допытаться,
Вы не сказали бы конечно?

Рославлев

Может статься.
Но вы? вы скажете? — не правда ли?

Блёстов

Бог мой!
Как этак приставать? Вот человек какой!
И даже помолчать он не дает свободы!
Пусть так; вы смущены, я — жалостлив с природы.

Рославлев

Без предисловия.

Блёстов

Прошу же скромным быть.
(Забавляется вниманием его)
Однако, этого не должно б говорить.

Рославлев *(с бешенством)*

Теперь всё говорят, — ну, говорите ж.

Блёстов

Милый!
Вы слишком горячи! А если б что и было,
И если даже есть, так вам нет нужды в том;
Ну, понимаете, что вы тут ни при чем.

Рославлев

Ужли Элединa? — Вот это будет ново!

Блёстов

А что ж?

Рославлев

Вы шутите.

Блёстов

Да нет.

Рославлев

Честно́е слово?

Блёстов

Честно́е слово. — Вот: всегда бедам чужим
Смеялся Ленский ваш! Ну, смейтесь же над ним.
Я от Элединой давно терплю нападки;
Да, да!

Рославлев

Но, может быть, всё это лишь догадки,
Без основания.

Блёстов

Одни догадки? Вот!
А если дело-то серьезнее пойдет,
На доказательства... Что? это вас тревожит?

Рославлев

Нет! потому что их и быть у вас не может.

Блёстов

Не может, точно так. Да как у нас и быть?

(Вынимает бумажник и ищет в нем)

А если, например, здесь можем мы найтить,
Между такими же другими письмецами...
Оно? — Нет, не оно. — А, вот! — прочтите сами.

(Показывает Рославлеву письмо. Тот хочет схватить его, но Блёстов не дает, и Рославлев читает с жадностию)

Заметьте, что Амур лукавое дитя:
Всё это писано как будто бы шутя;
Всегда ведь женщины с насмешек начинают,
А там привяжутся, а там и обожают,
А там...

(Хохочет)

Ну, мочи нет, как Ленский мне смешон!
Я рад до крайности, что так обманут он!
Нет вы — вы смотрите за Лизой осторожно,
Вы очень знаете, что женщине всё можно.

(Хохочет)

А он без милости уверен был в себе.

Рославлев

Что ж? Все мы этой же подвержены судьбе.
Вот, Ленский! наконец слова мои сбылися!
Я говорил тебе...

Блёстов

Когда? — как завелися
У нас свидания почаще с нею?

Рославлев *(сердито)*

Нет!
Гораздо прежде. — Ах! и мне таких же бед
От Лизы можно ждать.

Блёстов

Да, да, — я уверяю.

Рославлев

Прошу не уверять...

Блёстов *(с значущей гримасой)*

Нельзя; когда я знаю...
И в том, что к грусти вам причину подает,
Никто участия такого не берет,
Как я... Прощай же.

(Уходя, поет из Жоконда)

«В печали, в огорченьи,
«Всегда любовники грустят в уединеньи».

ЯВЛЕНИЕ IX

Рославлев *(один)*

Он весел и поет! он счастлив и любим!
А Ленский между тем смиряйся перед ним!
А с Лизой в ссоре я? — Хоть тем могу я льститься,
Что Лизе вряд ли он успеет полюбиться.
Вот женщины, мой друг! — Что?..

ЯВЛЕНИЕ X

Рославлев, Ленский

Рославлев *(увидя Ленского)*

А! да вот и он
И что-то невесёл!

Ленский *(увидя Рославлева)*

Опять уж рассержон!

Рославлев *(помолчав)*

Ну, Ленский, в женщинах ничто мне не понятно!

Ленский

Мне тоже, признаюсь.

Рославлев

Они... невероятно!
Как хитры, скрытны! — в них обманется хоть кто.

Ленский

Как ветрены!

Рославлев *(в сторону)*

Да он заговорил не то; —
Неужли угадал?

Ленский *(в сторону)*

Таить немного прока;
Узнает без меня, — а рассказать жестоко.

(Оба сходятся с двух сторон)

Рославлев *(подходя к Ленскому)*

С чего бы мне начать? *(Ленскому)* Послушай, милый мой!
Мы с Лизой разговор имели преживой,
Да с ней не сговоришь: совсем другая стала!
И неуступчива, как сроду не бывала!
Тут что-нибудь да есть. — Так! бог уж ей судья,
А что душой кривит Элединa твоя.

Ленский

Нет! за Элединy, как за себя ручаюсь;
А в Лизе, виноват, я что-то сомневаюсь;
Однако ж, не сердись, ведь это ни к чему;
Будь рассудителен. — А видно по всему,
Что вряд ли ты любим.

Рославлев

Так! обо мне заботы;
А об самом себе подумать нет охоты?

Ленский

А что?

Рославлев

Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя в кого-то влюблена,
Что пишет к этому кому-то; — это мало,
Что он письмо ее везде, где ни попало,
Показывает всем; и, словом, что ты сам
Письмо ее читал?

Ленский

Да по твоим словам
Тебе известно всё, — а я сказать боялся.
Так точно: Блёстов здесь со мною повстречался;
И тотчас показал мне, к горю твоему,
Письмо руки ее; и писано к нему.
Теперь, прошу сказать, у женщин что же прочно?

Рославлев

Письмо от Лизы?

Ленский

Да.

Рославлев

Сам видел ты?

Ленский

Сам точно...
У Блёстова... Его он носит на показ.

Рославлев

Ты сам читал его?

Ленский

И перечел не раз;
Я верить не хотел.

Рославлев

Возможно ли? Так, стало,
Всё кончено теперь! Всё для меня пропало!
Как глупо вверился и как обманут я!
И кем же? — Решена судьба теперь моя.
Утешимся, мой друг. — Оставим их в покое —
Откажемся навек от женщин, будем двое,
Как братья, жить.

Ленский

Оно всё так, я очень рад!
Однако ж, посуди и то, любезный брат,
Что мне моя верна.

Рославлев

Верна? — да, дожидайся!
Верна! — Нет, женщинам ты лучше удивляйся,
Твоей, моей и всем! — Все верны, хоть куда!
Да что я? Для тебя не велика беда;
И станешь ли тужить ты об своей потере?

Ленский *(очень хладнокровно)*

В чем дело, расскажи?

Рославлев

Она... По крайней мере,
Ты это заслужил холодностью своей.

Ленский

Да что же?

Рославлев

Ничего. От верной-то твоей
Показывал письмо мне Блёстов, — в оба глаза
Смотрел я и читал, и перечел два раза.

Ленский *(особо)*

От каждой по письму! *(Ему)* Как ты сказал? — моя?

Рославлев

Писала к Блёстову письмо, — сам видел я.

Ленский

Ты шутишь?

Рославлев *(усиливая голос)*

Не шучу.

Ленский

Она к нему писала?

Рославлев

Да, сударь!

Ленский

К Блёстову?

Рославлев

Да, сударь.

Ленский

Изъясняла
В письме любовь свою без всякого стыда?

Рославлев

Да, су́дарь, да, суда́рь, я говорю вам: да!
К чему расспрашивать? для вас ведь это малость.

Ленский *(в сторону)*

Так обе к Блёстову они писали? — Шалость!

Рославлев

Никак не вслушались, — велите повторить?

Ленский *(с улыбкой)*

Нет, вслушался, и вас хотел благодарить.

Рославлев

Что? женщин я не знал? — «Нам брать у них уроки?
И только сами мы заводим их в пороки?»
Что? прав ты?

Ленский

Может быть.

Рославлев

Как? Лиза мне верна?
И в шу́та, в Блёстова, покамест влюблена!

Ленский

Я думаю, теперь он должен восхищаться.

Рославлев

Вот думает об чем!

Ленский

Нельзя ль тебе дождаться?
Я в миг приду назад.

Рославлев

Их надо в стыд привесть;
Пойдем.

Ленский

Что мне до них? другое дело есть.
(Хочет итти)

Рославлев *(его держит)*

Элединa сама, ты помнишь, нам сказала,
Что нежности она к кому-то сочиняла...
Да что? при нас самих записка послана.

Ленский

Хоть то в ней хорошо, что искренна она.

Рославлев

Как входит в голову такое рассужденье!
Подумай хоть об том, холодное творенье:
Письмо Элединой мне Блёстов показал,
Письмо от Лизы он тебе читать давал. —
Неужли позволять над нами так ругаться?

Ленский

У всякого свой вкус; он любит забавляться.

Рославлев

Ах, Лиза! Ах! на что от Вельской я отстал?
Послушай, ты письмо... проклятое читал,
Не помнишь ли, что в нем? Сказать ты можешь смело;—
Уж я не рассержусь.

Ленский

Зачем? не к спеху дело;
Мне Блёстов обещал их письма выдать в свет.

Рославлев

Прощай же, коли так; в тебе надежды нет;
Я Блёстова сыщу. *(Хочет итти)*

Ленский *(удерживает его)*

Постой; какой ты вздорный!
Ну, есть ли из чего шуметь?

Рославлев *(хочет уйти)*

Слуга покорный!

Ленский *(держит его)*

Постой; — поверь же мне, что Блёстов не любим.

Рославлев

Как?

Ленский

Забавляются над нами и над ним.

Рославлев

С чего ты взял?

Ленский

С того, что я наверно знаю.

Рославлев

А письма?

Ленский

Их себе я очень объясняю.
Вдруг обе к Блёстову послали два письма?
Нельзя, чтоб обе вдруг сошли они с ума,
Ну, сам ты рассуди.

Рославлев

Так точно. — Нет! вернее
Узнать бы. Растолкуй всё это мне яснее.

Ленский

Да всё объяснено. Одна из них скромна,
Другая меньше, но... обманщица ль она?
Ты веришь письмам их, а я их чувствам верю.
Лишь Блёстов сделал тут неважную потерю,
Рассудок потерял, и то не нынче...

Рославлев

Так!
Ты жизнь мне возвратил! — Какой же я дурак!
Я сомневаться мог! — Что значит быть ревнивым!

Сто раз уж перед ней я был несправедливым!
Как до сих пор не знать ума ее, души?
Однако ж ведь они и сами хороши:
Сидят и про себя, чай, думают: авось ли
Над легковерьем их мы похохочем, — после.
Нет! не умели мы их хитрость угадать?
Нет! очередь не нам над ними хохотать?
Тебе обязан я всем, друг мой! *(Обнимает его)*

Ленский

И, как другу,
Мне окажи теперь бездельную услугу.

Рославлев *(с живостью)*

Вели; приказывай; что хочешь ты, чего?

Ленский

Дай Блёстову пожить, не вызывай его.

Рославлев

Не вызову.

Ленский

Ну вот, насилу усмирился.

Рославлев

Однако ж, если ты судить поторопился?

Ленский

Опять за ревность!

Рославлев

Нет; да ты подумай сам;
Без доказательства нельзя же верить нам.

Ленский

Всё та же песня.

Рославлев

Мне хотелось бы покуда...

Ленский

Покуда надобно уйти тебе отсюда;
Отчаянного роль я стану здесь играть;
Ты только не мешай.

Рославлев

Да надо бы узнать.

Ленский

Я всё узнаю, *(почти толкает его)* всё; ну, что же, убирайся.

Рославлев

А если...

Ленский

Ах, поди! *(толкает его)*

Рославлев

Смотри, в обман не вдайся.

Ленский *(выталкивает)*

Да, ну, поди скорей!

(Рославлев тихонько входит опять и, не быв примечен Ленским, прячется через другие двери в кабинет)

ЯВЛЕНИЕ XI

Ленский *(один)*

Довольно покричал!
Не мудрено: я сам уж верить начинал!
А Блёстову его соперники достались
В поверенные! — Как? все трое мы попались,
Чтобы Элединy и Лизу забавлять?
Пустое! — Не люблю я женщин баловáть.
Нет хуже, как прощать насмешки их над нами;
Их поздно в руки брать, как будут нам женáми...
Они? я очень рад!

ЯВЛЕНИЕ XII

Ленский, Эледи на, Лиза

Эледи на *(Лизе в глубине комнаты)*

Печален! — Неужли
Уж Блёстов рассказал?

Лиза

Спроси.

Эледи на *(Ленскому)*

Куда вы шли?

Ленский *(печально)*

Не знаю.

Эледи на

Что за грусть? — Ведь вы смеетесь вечно.

Ленский *(ходя взад и вперед)*

Когда обманывал кто так бесчеловечно!
Мужчину завести, уверить, уловить,
Дать слово, — и потом, как на смех, изменить.
В досаде этакой от смерти недалеко!

Эледи на

Зачем же от меня так мучиться жестоко?

Ленский *(остановясь)*

Поступок ваш меня конечно оскорбил;
Однако ж не об нем теперь я говорил.
Отчаянный мой друг мне в голове вертится...
(Лизе)
Представьте, он совсем хотел уж застрелиться.
Всё проклинал: любовь, друзей и целый свет;
Решил, что для него ни в ком надежды нет.
Что в свете всё обман, что женщины все ровно
Лукавы, злы....

Эледи на *(перебивая)*

А вы, как должно, хладнокровно,
Утешили его?

Ленский

Как тут попали вы.
Я, правда, ждал всего от этой головы;
Он застрелился бы; но выдумкой счастливой
Я спас его.

Лива *(испугавшись)*

Какой?

Ленский

Известно, что ревнивый,
В любви обманутый, тотчас на всё готов;
Так убедить его мне стоило двух слов:
Наталью Вельскую вы знаете?

Эледина

Ну, что же?

Ленский *(Лизе)*

Так точно; вас она немного помоложе. —
(Элединой)
Брюнетка! острая! живая!.. Словом он...

Эледина *(перебивая и показывая на Лизу)*

С досады на нее уж в Вельскую влюблен.

Ленский

Вхожу я: в комнате почти не видно света;
Он в горе; на столе лежат два пистолета;
Я начал утешать, он слушать не хотел;
Об Вельской речь зашла...

Эледина *(перебивая)*

И к ней он полетел.

Ленский

Нет, я отвез его. — А, впрочем, долго бился;
Он спорил, ссорился, но после — согласился.

Эледина *(в сторону)*

Злодей!

Л и з а *(в сторону)*

Ах!

Л е н с к и й *(Элединой)*

И теперь они в глазах моих!
Представьте в нежности и в восхищенье их!
Не могут говорить, хоть говорить хотели,
За то с каким огнем друг на друга глядели!

(Лизе)

А более меня ее пленял восторг!
Скажите! я без слез смотреть на них не мог.

(Элединой)

И что ж приятнее, как видеть двух счастливых?

(Лизе)

В желаниях любви, всегда нетерпеливых,
При мне клялись они друг друга обожать;
И... скоро свадьба их. *(Элединой)* А мне пришлось искать
Такую милую (хоть, правда, это странно),
Чтоб одного меня любила постоянно;
Не то, чтоб Блёстову я подражать хотел,
Сегодня двух невест он вдруг сыскать умел.

(Ленский смеется и раскланивается с ними; они с досады на него не смотрят, и он уходит)

ЯВЛЕНИЕ XIII

Э л е д и н а, Л и з а

Э л е д и н а *(долго молчит, не смея взглянуть на Лизу; наконец говорит)*

Какой же человек! — и я его любила!

Л и з а

А я себя, скажи! за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтоб письма нам писать!
И подлинно умно, уж нечего сказать! —
Ах! я от этого Рославлева теряю.

Р о с л а в л е в *(выходя из кабинета, в котором он прятался)*

Дай их послушаю.

(В этой сцене он несколько раз хочет подойти к Лизе)

Эледина.

Да, я еще не знаю,
Печалиться ли нам? И есть ли из чего?
Хоть Ленский мой? Скажи, ну где ж любовь его?
Ведь он же не шутя любить меня божился.
А твой? — С отчаянья почти что уж женился.
Они...

Лиза

То сделали, что должно было им,
Что сделала бы я, с терпением моим.
Как? на дурацкие мы письма отвечаем!
Кого же? Блёстова мы им предпочитаем.

Эледина

Что ж? Из учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать каких-нибудь два дни.
Я видела, как здесь ревнивец твой божился,
Что в миг бы умер он, когда б тебя лишился.
Зачем же не сдержал он слова своего?

Лиза

Зачем? — Ах, боже мой!

Эледина

Да, это роль его.
Роль Ленского теперь веселым притворяться,
А наша, им на зло, ничуть не огорчаться.
Поддержим честь свою и позабудем их.

Лиза *(почти плачет)*

Честь? — Разве честь велит обманывать других?

Рославлев *(тихо в глубине комнаты)*

Прелестна! *(Хочет к ней подойти)*

Лиза *(плачет)*

Как любил! Как думал быть счастливым!
Ну вот! ты Ленского не сделала ревнивым,
А я с Рославлевым лишаюся всего;
Мне даже жаль теперь и ревности его!
Ах! если б слышал он, как я себе пеняю!
Когда бы знал...

ЯВЛЕНИЕ XIV

Рославлев, Эледи́на, Ли́за

Рославлев *(с радостию)*

Я здесь: всё слышал и всё знаю.

Ли́за

Рослáвлев, это вы?

Рославлев

Так я еще любим?
И сказкам обо мне вы верите пустым?

Эледи́на

Так вздор он нам сказал про Вельскую Наташу?
Обманщик Ленский!

Рославлев

Да, он понял шутку вашу,
И отплатить хотел.

Ли́за

А вы с ним заодно!

Рославлев

Кто?.. я?.. Нет, не совсем... Ведь было мудрено
Не усомниться мне — такой я сумасшедший.
Да что уж толковать о глупости прошедшей?
(Элединой)
Не ссорьтесь с Ленским; он бесценен! — Без него
Не знал бы никогда я счастья своего.
(Лизе)
Когда бы удалось услышать мне, как мило
Жалели обо мне? — Как мне приятно было!
За это вы меня решитесь ли простить?

Ли́за

Вы сами слышали, так что тут говорить.

Рославлев

Ах! сроду никогда я так не восхищался!

Элединa *(увидя Ленского)*

Тс! — тише!

ЯВЛЕНИЕ XV

Ленский, Рославлев, Элединa, Лизa

Ленский *(будто ищет кого-то)*

Точно здесь. — Что если б догадался
И он помучить их? *(Посмотрев на всех)*
Нет, всё известно...

Элединa

Да!
Известно всем, что в вас нет совести, стыда;
Всех рады осмеять вы для своей забавы,
И непростительно как злы и как лукавы.
Ужасный человек!

Ленский

Что ж делать? — виноват!
А вот несносен кто, всё выболтать он рад!
Нет, милый мой, теперь мы сговорились двое;
А если что-нибудь вперед затею злое,
Так верно без тебя.

Рославлев *(с довольным видом)*

Пожалуй.

Элединa

Боже мой!
Вот извиняется он как передо мной!

Ленский

Что ж, хитрость мне моя, — признаться я обязан, —
Не вовсе удалась; довольно я наказан.

(Рославлев целует руку у Лизы; Ленский с тем же подходит к Элединой; она от него отворачивается. В эту минуту является Блёстов и помирает со смеху)

ЯВЛЕНИЕ XVI

Блёстов, Элединa, Ленский, Рославлев, Лиза

Блёстов *(в сторону)*

Забавны взапуски один перед другим!
(На ухо Элединой)
Зачем обходитесь вы так жестоко с ним?
Он догадается.

(Элединa смеется. Блёстов становится между Ленским и Рославлевым)

(Ленскому)

Ваш друг в веселом нраве.
Что, если б он узнал? Нет, боже нас избави!
(Ленский смеется)
(Рославлеву)
Каков вам кажется ваш Ленский? — право, клад!
Ведь за Элединy он побожиться рад,
Что всё ему верна! *(Все смеются)*
Да кто ж над кем смеется?

Ленский

Над вами, сударь, все; мне так оно сдается.
(Элединой)
А чтоб уверился он в торжестве своем,
День нашей свадьбы мы назначимте при нем.

Элединa

Ты понял мастерски, хитрец, мою науку;
За это за одно мою получишь руку.

Ленский

Вы шутки не должны так к сердцу принимать:
Я вас в неверности не смел подозревать,
Хоть Блёстов, слова нет, соперник преопасный...
Рослáвлев ревновал... Ну! он любовник страстный,
А я, почтительный, — тут нет других причин;
И несогласиям конец теперь один.
(Показывая на Блёстова)
За наши ссоры он пусть богу отвечает.

Рославлев *(самым насмешливым тоном)*

Вот Блёстов разом как двух женщин обольщает!

(Каждый в свою очередь подходит к Блёстову с ироническим поклоном и потом все уходят)

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Блёстов *(один)*

Красавицы мои! Кто растолкует вас?
Да правда, ведь и мы не лучше в добрый час;
Сегодня любим их, а завтра ненавидим.

(Подумавши)

Как будут замужем они, — тогда увидим!

Конец

ПРОБА ИНТЕРМЕДИИ

ИНТЕРМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фёколков
Алегрин
Резвушков
Припрыжкин — актеры
Свисталова
Бемольская
Машинист
Суфлер
Актеры и актрисы

Действие происходит в провинциальном театре. — Театр представляет сцену в беспорядке.

Фёколков

Много вас, актеров и актрис.
Батюшки, мне нужен бенефис!
Матушки, мне нужен бенефис!

Прочие актеры и актрисы

Расскажите,
Что хотите
Вы от нас?

Фёколков

Вот как раз:
В бенефис меня вы не оставьте,
Мне чтоб не попасть в просак,
Публику вы позабавьте
Кое-чем и кое-как.

Прочие

Вам помочь
Мы не прочь.

Фёколков

Вас, друзья мои, так много, —
Помолчите, ради бога!

Прочие

Правда, много нас числом.
Да какая польза в том?

Фёколков

Надо, чтоб скорей поспело.

Алегрин

Поскорее? — Так за дело!
Взяться надлежит с умом!

Фёколков

В этом затрудненья мало,
Делайте, как ни попало.

Прочие

Хорошо, — да должно знать,
Что мы будем представлять?
Оперу?

Фёколков

О, нет!

Алегрин

Балет?

Фёколков

Нет! Нет!

Припрыжкин

Комедью?

Фёколков

Интермедью!

Все *(кроме его)*

Интермедью! — Боже сохрани!
Интермедью! — Нет, уж искони
Солоны достались нам они!
И какая вам охота?
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота!

Фёколков. Неужто, господа, мне быть без бенефису?

Алегрин. Дайте в свой бенефис, что́ хотите, да только не интермедию.

Все *(повторяют)*

И какая вам охота? —
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота.

Фёколков. Да, господа, дело праздничное; сериозное надоест, не худо бы затеять какую-нибудь потеху, ярмонку.

Резвушков *(обращаясь к прочим)*. Ну, уж выведемте его из хлопот; делать так делать. Здесь, однако, не Петербург, автора не скоро сыщешь; разве наш суфлер примется, — человек он грамотный. Нутка, батюшка, вылезай из своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вот и случай есть, отличись.

Фёколков. Вылезай, отец родной, я сам услужу в другое время.

Суфлер. Извольте, располагайте моим умом, моим пером и моим языком.

Все *(кроме его)*

Браво! Фора!
У суфлера
Всё кипит!
Кто коль скоро
Что́ проспит,
Не затвердит,
Кто собьется,
Заикнется,
Наш суфлер лишь встрепенется,
И лишь голос он подаст,
Всякий кто во что́ горазд.

Суфлер. Смейтесь, смейтесь, господа, а без меня иному бы из вас плохо пришлось. Да не о том речь. — Вам нужна новая пиеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декорации, актеры, слова, музыка и танцы... танцы и пляски.

Резвушков. Верховой, спускай декорацию. Вот тебе лес и вода.

Свисталова. Актеры все на лицо, в костюмах и без костюма.

Бемольская. Слов чем меньше, тем лучше.

Алегрин. Музыки у нас вволю, выбирай любую.

Припрыжкин. За танцами дело не станет.

Фёколков. Так стало самое нужное есть, стоит только к нему присочинить кое-что.

Суфлер. Это ничего не составляет...

Свисталова. Особливо для суфлера.

Бемольская. Он всякую всячину наизусть знает.

Резвушков. Он весь свой век чужое говорит.

Алегрин. Пусть его крадет, откуда хочет, была бы пиеса готова.

Свисталова. Не беспокойтесь, он на нашу беду пожалуй столько сочинит, что нам ввек не выучить.

Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала
Писать охоту и уменье!
Его ж такие сочиненья,
Что сам едва ль он их поймет,
Да и никто не разберет;
А дело всё на лад идет.

Суфлер

Прошу вас, господа,
Не говорить ни слова!
Вот лес и вот вода, —
Так главное готово.
На завесе река...
Пусть будет же: *Ока*.
Готово и названье,
Благодаря реке:
Пирушка на Оке,
Иль: *За Окой гулянье;*

И песнями начать,
И плясками кончать!

Алегрин. Что же нам петь?

Припрыжкин. Какие пляски?

Суфлер. Пойте и скачите, сколько душе угодно, только не все вдруг.

Фёколков. Однако, нельзя без пробы.

Суфлер. Ну, так пробуйте. — Г[осподин] певец, выступайте. Что потверже, то и пойте. А прочих прошу изготовиться для последующего; я же между тем займусь сочинением куплетов, которые пропоет наша певица тогда, как будут готовы. — За дело! скорей! а не то я перестану сочинять.

Все. Хорошо, хорошо.

Пение и танцы. (По окончании суфлер говорит)

Суфлер. Довольно, довольно. Куплеты готовы! Угодно ли мне сделать честь их пропеть в заключенье?

Фёколков. Неужли заключенье?

Бемольская. Что ж вы еще хотите?

(Берет куплеты и поет их)

Куплеты

Довольно все плясали, пели!
Покуда вам не надоели,
Всего умнее разойтись.
Кто хочет, тот пускай сердись,
Над нашей шалостью острись.
А мы не с авторским умишком —
Хоть пошалили, да не слишком.
Притом, кто осуждать нас станет,
Не худо, ежели вспомянет,
Что позабавиться насчет
Кто интермедии идет,
Не много умного он ждет.
И в этой вздору много тоже,
Да всё на прочих не похоже.
На свете же всегда водилось:
Как зрителям что полюбилось,
Никто не спросит: как оно —
Бессмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смешно?
Лишь только бы новее было;
Всегда что ново, то и мило.

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

НОВАЯ ОПЕРА—ВОДЕВИЛЬ В 1 ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пан Чижевский, содержатель почтового двора
Антося } его дочери
Лудвися }
Рославлев младший, гусарский офицер
Юлия, жена его
Рославлев старший
Андрей, слуга его
Вациус — писарж почтовый
Передовой Рославлева старшего
Слуга проезжающих
Жиды

Действие происходит в польском местечке в почтовом доме. Комната, справа от зрителя стол, на нем шнуровые книги, бумага и проч., с левой клавикорды, на стене гитара, в средине открытый вид в цветник

ЯВЛЕНИЕ 1

Рославлев младший, Юлия (сидят за столом в цветнике и пьют чай), Антося и Лудвися (одна за клавикордами, а другая с гитарой, и поют). Рославлевы слуги (увязывают чемодан и проч.), Писарж (пишет за столом). Пан Чижевский (читает Варшавскую газету)

[Краковяк]

Антося и Лудвися

Молодость, как струйка! Молодость, как цвет!
Пробежит украдкой, процветет — и нет!
«Милая Магдуся!»
Янек говорил:
«Злых людей не труся,

Молви: ты мне мил!»
Что ж на то Магдуся
Молвила ему? —
«Сердцем отдаюся
Другу моему!»
Завтра — гость неверный! прошлый гость — вчера,
На любовь и радость нам одна пора.
Слышу ли, как зыбкий
Крадется ручей,
Как на ветке гибкой
Стонет соловей,
В розу ли всмотрюся,
Что цветет на срок,
Вспомнится Магдуся
И ее урок.
Завтра — гость неверный! прошлый гость — вчера!
На любовь и радость нам одна пора!

Рославлев младший и Юлия входят в комнату

Рославлев младший. В дороге чай и песни всегда кстати, но и лошади не лишнее. Мы теперь отдохнули, освежились; отправьте нас скорее, пан почтмистрж!

Пан Чижевский. Зáраз, яснеосвещенный! кони готовы.

Писарж *(между тем показывает ему подорожную и тихо говорит)*. Позвольте только расспросить о имени вашем: мы никак не разберем. *(Читает)* «Следующему из Санкт-Петербурга в Варшаву»...

Рославлев младший. «Гвардии ротмистру Рославлеву».

Пан Чижевский *(читает про себя)*. «...С будущими»...

Рославлев младший. И славу богу! не только с будущими, но и с настоящею *(показывая на жену)* на зло всем препятствиям.

Пан Чижевский. А, понимаю, понимаю.

Жизнь скучным трактом вам казалась!
Так, взяв любовь в проводники,
Желали вы, чтобы досталась
И радость с легкой вам руки!
Так! к счастью пристани надёжной
Всем мил открытый лист в жене...

Антося

Ах! как хотелось бы и мне
Скорей быть также подорожной. } bis

Пан Чижевский

Любовь и брак!

Рославлев младший

Одно и то же.
Они родные брат с сестрой!

Пан Чижевский

Согласен! но сестра моложе.
Ах, братец — барин пожилой, —
В дороге спутник ненадёжный:
Сестра на вольных навострит,
А брат отстанет и сидит
Один, с законной подорожной. } bis

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Передовой старшего Рославлева

Передовой. Скорее! скорее! восемь лошадей! две мне, а шесть его высокородию, который скачет по пятам моим.

Пан Чижевский *(читает подорожную)*. «Из Варшавы в Санкт-Петербург маиору Рославлеву». *(Отходит к письменному столу)*

Рославлев младший. Вот неожиданный гость! Это брат мой!

Юлия. Куда нам деваться?

Пан Чижевский. Рославлев из Петербурга в Варшаву — Рославлев из Варшавы в Петербург.

Рославлев младший *(отводя его в сторону)*. Тс! Ни слова обо мне! нам надо с тобою уговориться, любезный, драгоценный пан почтмистрж.

Передовой *(Писаржу)*. Пока нельзя ли мне с дороги и на дорогу выпить стакан вина?

Писарж. Хоть два, только вместе со мною. *(Слуга и он уходят)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Рославлев младший, Юлия, Пан Чижевский, Антося и Лудвися

Юлия. Сделайте одолжение, пан почтмистрж, не давайте лошадей проезжающему!

Пан Чижевский. Да не беспокойтесь! вас не обидим! В лошадях, благодаря бога, здесь недостатка нет. Моя станция первая по всему тракту...

Рославлев младший. Верю, но не в том дело! мы и сами останемся здесь, да и его нужно нам задержать.

Пан Чижевский. Змилуйтесь, ясновельможный пане! За кого вы нас принимаете! Я знаю всю важность своей обязанности, облеченный доверенностью правительства, — как пойду против постановлений!..

Рославлев младший. За другими... дорога наезжена.

Пан Чижевский. Что скажут обо мне начальники?

Рославлев младший. Что говорят о других.

Пан Чижевский

Знать ложен толк в вас о почтмистрже польском:
Кривнуть душой нас бог оборони!
Ввек не споткнутся в месте скользком
Ни гонор мой, ни лошади мои!
Пет! польских почт историю прочтите
И с норовом почтмистржа в Посполитей
Не сыщите, ручаюсь вам!
Присяга в нас непобедима,
И Нарушевич скажет сам,
Что наша честь ненарушима!

Юлия. Троньтесь хоть тем, что Нарушевич как вам, так и мне земляк, что и я полька...

Рославлев младший *(впуская в руку несколько червонцев)*. Да троньтесь хоть этим... За упокой Нарушевича.

Юлия *(снимает с себя цепочку и кольцо и отдает сестрам)*. Вот, мои милые, носите это на память обо мне.

Антося

Какая милая цепочка,
Какой пленительный наряд!
И самого́ маршалка дочка
Такой имеет ли навряд.

Лудвися

Колечко, я тебя в гостинец
Дружку готовлю своему,
А кто дружок? *(надевая кольцо)* Смотри ж, мизинец,
Не проболтайся никому!

Пан Чижевский. Делать нечего! Вы побеждаете мою непреклонность! добрый поляк умеет сострадать ясновельможному ближнему и сам готов страдать за ясновельможную ближнюю. Что ни было бы, а кому вы не прикажете, тому лошадей и не будет.

Кровь польская сказалась в сердце польском!
Не устою на роковой черте!
И, спотыкаясь в месте скользком,
Я падаю, но в ноги красоте!
Я не легко пускаюсь на измену,
Нет, ваших просьб признал и вес и цену,
Вы заглушили ложный стыд,
В мою прокралися вы душу,
И Нарушевич мне простит,
Что клятву раз свою нарушу.

Юлия. Как мы вам благодарны!

Пан Чижевский. Оно благодарности не стоит!

Рославлев младший. Нет, стоит-то стоит, да не в счете дело.

Пан Чижевский. Но растолкуйте мне теперь, зачем вы непременно хотите задержать однофамильца. Тут есть тайна, а я недаром почтмистрж: много тайн перебывает у меня в руках.

Рославлев младший. Не мало и останется!

Юлия. Муж мой всё вам расскажет. *(Сестрам)* А вы, милые, подите со мною. Надобно нам обдумать и привести в исполнение план нашей комедии на скорую руку. *(Они уходят)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Рославлев младший и Пан Чижевский

Рославлев младший. Узнайте же, что едущий из Варшавы в Петербург Рославлев — мой родной брат. Лишившись родителя своего в ребячестве, видел я в брате другого отца; выросши, вижу в нем лучшего своего друга. Долго не имели мы между собою ни тайного поступка, ни тайной мысли; нравы скромности, образ мыслей — всё сближало нас день ото дня более и более. Но вдруг согласие наше разрывается. Я начинаю признавать власть любви: он, любви постоянный данник, как нарочно, отрекается от нее. Я полюбил одну женщину, — он всех женщин возненавидел. Я пишу к нему, что хочу жениться и прошу его согласия, — он отвечает, что если не обещаюсь остаться с ним холостым на всю жизнь, то он отказывается от меня навсегда. — Я женился и еду к нему с женою: он скачет, чтобы помешать нашей свадьбе и докончить лично то, что без успеха начал письменно. Вот наша история.

Пан Чижевский. Но каким способом надеетесь вы переупрямить его и довести до согласия?

Рославлев младший. Я сам еще порядочно не знаю, но есть надежда; брат — человек пламенный, и вообще постоянства в любви к женщинам мало, но постоянства в ненависти к ним еще менее.

Пан Чижевский. И то правда! Я смолоду и сам не охотник был до женщин, но покойная жена однако же принудила меня обвенчаться с нею. Помнится мне, читал и в Красицком, что богачей и барынь все злословят, и все в них ищут.

Бар и барынь все бранят
Под рукою,
Презирать их каждый рад
За спиною;
Но столкнися с мудрецом
Барин знатный,
Иль красотка брось тайком
Взор приятный:
Вдруг начнет иное петь
Наш Сенека,

Переменится медведь
В человека;
Смотришь, — он, как и другой,
Гибок, тонок,
Мастер кстати делать свой
Падам-дд-ног.

Рославлев младший. Стук! коляска подъехала. Прощай, благодетель, и смотри же скромнее и осторожнее. *(Уходит в боковую комнату)*

Пан Чижевский *(пересчитывая деньги из руки в руку)*. Скромнее и осторожнее!

ЯВЛЕНИЕ 5

Пан Чижевский, Рославлев старший (в фуражке и не снимает ее)

Рославлев старший. Лошади готовы? Впрягать скорее!

Пан Чижевский. Ясновельможный...

Рославлев старший. Готовы, я спрашиваю?

Пан Чижевский. Ясноосвещенный, извольте взять терпенье.

Рославлев старший. Терпенье? — Лошадей, я говорю. Где ж мой передовой?

Пан Чижевский. Гм! Здесь!

Рославлев старший. А лошади?

Пан Чижевский *(нерешительно и боязливо)*. Будут.

Рославлев старший. Ну, сейчас, сию минуту!

Пан Чижевский *(приободряется и откланивается, не трогается и начинает петь, Рославлев с первого стиха зажимает ему рот)*

Могу сказать вам о почтмистрже польском...

Рославлев старший. До песней ли мне теперь! Тьфу, какой безмозглый народ! послать ко мне курьера! Сам беги, вели, кричи! Живо! мигом! *(Выталкивает его)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Рославлев старший *(один)*. Петь хочет! Сумасшедший! Теперь, может быть, у брата на свадьбе поют и пляшут... Странная судьба! Скачу сломя голову, чтобы брата отговорить от дурачества, которое сам хотел было сделать три месяца тому назад; но вы, красавицы, меня вылечили от залетного воображения, от всяких попыток на супружеское счастье, от веры в вашу любовь, — вы, которые никого, кроме себя, не любите. Я долго гонялся по следам вашим, долго; но поумнеть никогда не поздно. *(Берет гитару, прислоняется к фортепьяно, пробует несколько аккордов и напевает куплет)*

Антося. Ах, как вы приятно поете!

[Рондо]

Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам,
И на обман не дался вновь.
Из ваших рук довольно пил отраву,
Довольно я, красавицы! страдал;
Моя тоска была вам на забаву,
Смеялись вы, — я слезы проливал, —
Но слез моих вам более не видеть,
Я в школе был и с горя поумнел.
Как я вас обожать умел —
Так вас умею ненавидеть!
Готовьте другим
Оковы и розы,
Обеты, угрозы,
Улыбки и слезы, —
Я стал невредим.
Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам,
И на обман не дался вновь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Рославлев старший, Антося и Лудвися.

Антося. Ах, как вы приятно поете!

Лудвися. С каким выражением вы арпеджио делаете на гитаре!

Антося. Продолжайте, сударь. *(Рославлев старший бросает гитару)*

Антося. Вы не хотите, чтоб мы вас слышали?

Лудвися. Мы вам помешали?

Антося. Пожалуй, мы уйдем.

Рославлев старший. Уйдите, или оставайтесь: мне решительно всё равно.

Антося. Может быть, вам угодно нас послушать?

Рославлев старший. Я терпеть не могу женского голоса!

Антося. Как? Неприятно вам, когда женщины поют?

Рославлев старший. И даже когда говорят!

Лудвися. Это почти что очень неучтиво!

Рославлев старший. Я предупреждаю вас, я ужасный грубиян.

Лудвися. Сестрица, он шутит.

Антося. Вы шутите, сударь, мне кажется: вам наш пол не так противен.

Лудвися. И я тоже думаю, что он вам мил!

Антося. Вы еще, того гляди, здесь влюбитесь.

Рославлев старший. В вас?

Антося. Коли не в нас, так у нас по крайней мере!

Рославлев старший. В здешнем городе?

Лудвися. Хоть п в здешнем доме, как узнать?

Рославлев старший. Не худо на дорогу.

Антося. Ни за что не ручайтесь! кто истинно до женщин неохотник, тот не говорит им этого в глаза и вовсе с ними в разговор не вступает, берет шляпу и уходит.

Рославлев старший. Именно так, прощайте. *(Кричит при выходе)* Что ж, готово? Нет еще? Это разбойство! Это неслыханно, что за мешкотня! *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Антося, Лудвися, Юлия (в мужском платье, приделанные бакенбарды, сапоги со шпорами)

Юлия. Ну, каков наш нелюдим?

Антося. Очень забавен!

Чудак он, право, своенравный!
Его ввести не можно в толк:

На разговор он рыбе равный,
А вежлив, как сердитый волк.

* * *

На шутки гневом отвечает
И дуется...

Лудвися

Нет дива тут:
Предчувствием он, верно, знает,
Что нами будет он надут.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, Рославлев старший, Пан Чижевский, Писарж, курьер и слуга Рославлева

Рославлев старший *(держит Пана Чижевского за ворот)*. Ты, бездельник! Не может быть, чтобы все лошади были в разгоне.

(Рославлев старший и курьер с одной стороны, Юлия с другой тормошат Пана Чижевского)

Рославлев старший, Антося и Лудвися

Скорей, скорей
Лошадей, лошадей.

Смелей, смелей
Вы откажите лошадей.

Пан Чижевский

Я рад вам дать бы лошадей,
Но с час последня пара вышла.

Рославлев старший. Как вышла!

Пан Чижевский

Есть лошади, да не для вас!
Здесь сверхкомплектных пять у нас;
Из них не ходят две у дышла,
А три не ходят уж никак!

Рославлев старший

Я не терплю докучных врак!
Твоей я спеси поубавлю,
И, если станешь врать пустяк,
Тебя — тебя ходить заставлю!

Антося и Лудвися

Вы забываетесь никак —
Наш папенька и сам из шляхты.
Прошу понизить голосок.

Рославлев старший

Мне дела нет до вашей шляхты!
Скачи от Питера до Кяхты,
От Кяхты поскачи в Моздок,
Но верно хуже этой почты
Нигде по трактам не найдешь.

Антося и Лудвися

Как дела нет до нашей шляхты!
Наш герб — подкова и рожок.

Пан Чижевский

Да говорят же вам не ложь!
Всех подорожных не сочтешь!
Коляска скачет за каретой!
За городскою эстафетой
Летит из армии курьер,
Тут подкоморжий за курьером,
Тут арендарж и офицер!
Тут панна вслед за офицером!

Антося и Лудвися

И день и ночь, судите вы,
Мы не выходим из упряжки;
И наши лошади, бедняжки,
И мы — совсем без головы.

Юлия *(вслух)*. Несносный упрямец! с ним не сговоришь; я уже моих людей разослал, чтобы как-нибудь на вольных убраться. Представьте, с самого утра он меня проводит. То лошадей вовсе нет, а когда сказывают ему, что есть точно, видели их в стойлах, отговоркам конца нет: одна будто бы охромела, другая крива, третья вовсе бессильна, при последнем издыхании, упряжки не в порядке, почтари в разброде! Между тем дочери его оглушают страстными плаксивыми песнями... Верьте мне, он с ними в заговоре. Нас здесь женить хотят.

Рославлев старший *(расхохотавшись)*. Какая мысль! а что? может быть. — Тесть любезный, не быть бы тебе...

(Антося и Лудвися, будто обиженные, подходят к нему и, приседая, поют)

Антося

Нет, это слишком, признаюсь,
И оставаться здесь напрасно.
(Уходит, приседая)

Лудвися

Я бешеных, сударь, боюсь!
И с вами быть, ей-ей, опасно.
(Также уходит)

Пан Чижевский

Сердитесь вы наедине,
Но гнев сносить ваш нет мне следу!
(Уходит)

Рославлев старший

Иль тотчас дайте ехать мне,
Иль всех я вас путем доеду!

ЯВЛЕНИЕ 10

Рославлев и Юлия

Юлия. Успокойтесь! мои люди всё сделают, всё достанут мне и вам. Я рад, что могу служить собрату в равном горе, и через полчаса мы покатимся каждый по своей дороге, а, может быть, по одной и той же. — Вы куда?

Рославлев старший. В Петербург.

Юлия. А я оттуда.

Рославлев старший. Тамошний житель? Всегда или временно?

Юлия. Я там служу в гусарах.

Рославлев старший. Ах, боже мой, так вы знаете Александра Рославлева, — он в них же служит?

Юлия. Товарищ, друг мой неразлучный, мы с ним живем в одной комнате.

Рославлев старший. Он мой брат родной.

Ю л и я. Неужели? как счастливо! Следовательно, вы и мне родной, — дайте обнять себя. — А знаете, какую было он глупость сделал? мой друг, ваш братец чуть было не женился.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Чуть было? стало, миновалась опасность?

Ю л и я. Совершенно. Он уже вовсе об этом не думает!

Р о с л а в л е в с т а р ш и й *(в сторону)*. Мои письма подействовали. *(Громко)* Как я рад встрече с вами, и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержал меня. Эй! Кто-нибудь!

А н т о с я и Л у д в и с я. Что вам надобно? *(Сестры входят)*

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Шампанского!

А н т о с я. И! Какие прихоти! в нашем местечке этакого вина не водится. Венгерского, коли угодно?

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Чего-нибудь! Что душу располагает к веселью! Скорее!

Ю л и я. Туда, в цветничок.

(Сестры уходят)

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Расскажите мне о брате, пожалуйста, всё, что знаете.

Ю л и я. Представьте себе — в его лета жениться.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. И на польке, это всего опаснее.

Ю л и я. Почему же! Я сам поляк.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Нет! будьте справедливы, любовь к отечеству в сторону. Наши кокетки — ученицы перед здешними.

Ю л и я. Быть так, но братец ваш... ему совсем, было, голову вскружили, подговорили, заговорили, он уже готов был под венец, но я заклинал именем вашим, не зная вас, и моею дружбою... он образумился; вы видите во мне закоренелого мизогина.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Закоренелого! Вы еще очень молоды!

Ю л и я. Со дня моего рождения тверд, как кремень, и не изменяю моим правилам. Враг отъявленный свадеб и волокитства, томных вздохов и нежных поцелуев. Если бы все женщины какой-нибудь благодетельной чумою исчезли с лица земли...

Рославлев старший. Я бы не охнул.

Юлия. Я также.

Рославлев старший. Я их терпеть не могу!

Юлия. Я их ненавижу!

Рославлев старший. Вечные прихотницы без толку, ни капли здравого смысла, ни шагу без видов, любезны сначала, но под конец докучливы.

Юлия. Самые ничтожные, бесполезные! Дайте мне руку, передадим такие же правила нашим детям.

Рославлев старший. Я надеюсь, что у меня их никогда не будет!

Юлия. Тем лучше, забот меньше.

(Антося и Лудвися входят и подносят налитые стаканы)

Юлия

Стократ счастлив, кто разум свой
Не помрачил еще любовью,
Но век проводит холостой, —
Я выпью за его здоровье.

Поверьте мне, жена для нас
Есть вечное почти мученье.
Женись лишь только — и как раз
Родятся ревность, подозренье.

Ах, то ли дело одному:
Его не мучит неизвестность,
Душе покой, простор уму,
И вечная почти беспечность!

Нрав женщины имеют злой,
Капризны, что не сладишь с ними.
Чтоб избежать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!

(Антося и Лудвися устанавливают поднос с бутылками в цветнике и уходят)

Юлия. Одна есть женщина в свете, которую я люблю по самой родственной связи.

Рославлев старший. Одна уже нашлась; найдутся и более!

Юлия. Нет! двух таких не бывает; она — сердца ангельского, примерной добродетели.

Рославлев старший. О! они все ангелы! все чудесно добродетельны! где же твердость ваша? правила неизменные?

Юлия. Не ошибайтесь. Речь идет об моей сестре. Кроткое, невинное существо, и так же мало заботится об нас, как мы с вами об их. Брат, отец, мать — вот кто ей наполняют душу. Здесь, например, давно ли мы остановились, и то неохотно, она уже отыскала какого-то безгласного, разбитого параличом, дряхлого старика, всеми брошенного, ухаживает за ним, бережет его и благословляет случай, который задержал нас здесь, подавая ей добро творить, между тем как мы с вами от этого случая готовы лопнуть с досады.

(Антося вбегает)

Антося. Вас сестрица зовет, крайняя нужда!

Юлия. Сейчас.

Антося *(ей на ухо)*. Ваш муж что-то по вас беспокоится.

Юлия. Иду, я скоро ворочусь к вам.

ЯВЛЕНИЕ 11

Рославлев старший *(один)*. Брат сестру хвалит, видит в ней совершенство! Почтенное чувство! Но кто ручается, что тут нет пристрастия? Однако, он поселил во мне сильное любопытство... Что, кабы попытаться познакомиться с пригожей незнакомкой?.. Пригожею? — это еще неизвестно, но то верно, что между мною и старым паралитиком она бы не долго колебалась. Разумеется, всё бы кончилось шуткою, потому что я отныне впредь и навсегда, благодаря принятому намерению, об женщинах слышать не хочу. Спешить некуда, повеса Александр не женится, что ж — попробуем. И я многим нравился... *(охорашивается перед зеркалом)* конечно не столько, сколько бы хотелось, а пуще всего недолго!

Зачем теперь не вспомнить мне,
Как резво, счастливо и смело
Сердечны шалости одне
Имел за главное я дело.
Я у красавиц был в чести!
Шутил собой, шутил и ими,

Как быть!.. был проведен иным, —
За то, отмщаясь над другими,
Успел я многих провести.

ЯВЛЕНИЕ 12

Рославлев старший и Юлия (в женском платье)

Юлия. Пан почтмистрж, пан почтмистрж!

Рославлев старший. Это она! прехорошенькая! и как на брата похожа!

Юлия *(между тем бегает к дверям, в цветник и в окно смотрит)*. Пан почтмистрж!

Рославлев старший. Кого вы ищете? кого вам надобно? Хотите, я позову?

Юлия. Здешний хозяин обещал мне достать шалфея, и не идет до сих пор.

Рославлев старший. Лекарство для вас? чем вы нездоровы?

Юлия. Нет-с, не для меня, здесь больной есть, и опасно больной.

Рославлев старший. Ближний вашему сердцу?

Юлия. Ах, сударь, помогите ему, — вы, верно, лекарь.

Рославлев старший. Почему вы это думаете?

Юлия. Вы с таким участием расспрашиваете о болезни и больном.

Рославлев старший. Признаюсь, на этот раз я в отчаянии, что неискусен в медицине.

Юлия. Так я ошиблась, извините. *(Уходит)*

Рославлев старший. Ошиблась, и не любопытствует знать, кто я! В самом деле это редко... Молоденькая, личико миленькое, чувствительное — и не любопытна! *(Юлия возвращается)*

Рославлев старший. Нашли, кого искали?

Юлия *(среди комнаты, печально)*. Нет-с, не нашла.

Рославлев старший. Позвольте же, я за вас пойду, разведаю, отыщу и приведу.

Юлия. Пожалуйста, я вам много обязана буду.

Рославлев старший. Сию минуту. *(Ворочается)* Какое в вас небесное добродушие и как непри-

творно! Как вы для других себя забываете! Клянусь вам... что я не видывал ничего подобного.

Ю л и я. Перестаньте, сударь!

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Вы рассердились?

Ю л и я. Нет-с, я вам благодарна, я, право, не сержусь, вы мне говорите приятные вещи, только, простите мне, они не у места. Вспомните, что ваши услуги, помощь ваша нужна бедному старику, изнеможенному страданиями. Идите, спешите и пуще всего не думайте, чтобы я была сердита.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Бегу, лечу. *(В дверях)* Не оскорбляется похвалами, а не любит их. *(Ворочается)* Ах! ах! кстати вспомнил, что со мною есть маленькая дорожная аптека — я вам сейчас принесу ее.

Ю л и я. Очень кстати! пожалуйста, скорее!

Р о с л а в л е в с т а р ш и й *(ворочается)*. Боже мой! Печатное наставление, как употреблять ее, на английском языке!

Ю л и я. Я умею по-английски.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. А название составов и способов составления и мера приемов по-латыни.

Ю л и я. Я умею по-латыни.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. А драхмы, унции и их дроби?

Ю л и я. Вес, как вес, я по необходимости его знаю: матушка целый год была больна; впрочем, это знание так не трудно, что нечем хвастать. Пожалуйста, пришлите ваш ящик.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Сию минуту. *(В дверях)* Сколько познаний и не выказывает их и не дорожит ими! *(Ворочается)* Я готов не только быть у вас в полном подданстве на услугах, рассыпаться всюду и за всякой всячиной вам в угодность, только...

Ю л и я. Что вы хотите сказать?

Р о с л а в л е в с т а р ш и й *(в сторону)*. Куда девалась моя дерзость? *(Вслух)* Не теперь, но когда удастся мне вам сделать угодное, когда вы убедитесь, что и я не без добродушия, не без сострадания; осмелюсь ли я просить у вас...

Ю л и я. Чего? скажите!

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Поцеловать вас в знак дружбы.

Восторгов бурных и непрочных
Во мне простыл горячий след,
И поцелуев непорочных
Теперь мне сладостнее нет.
Меня не страсти пыл волнует —
Умел я чувства обуздать,
И вас хочу поцеловать,
Как брат сестру свою целует.

Ю л и я. На такой поцелуй и я согласна. Идите, сударь, торопитесь, не теряйте времени... почему мне не поцеловать вас? Я готова обнять доброго человека, только не мешкайте, бегите, принесите. Почему не обнять вас за доброе дело!

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Невинна как ребенок! *(Уходит)*

Ю л и я *(смотрит вслед ему, потом в окно)*. Ушел! Войдите!

ЯВЛЕНИЕ 13

Ю л и я, А н т о с я и Л у д в и с я (ведут Юлии мужа, укутанного в виде больного, зонтик на глазах, все лицо почти закрыто полотенцами, жена около его старается, поправляет и любуется)

А н т о с я

Каков, скажите, наш больной?
Больной он нового покроя!

Л у д в и с я

Кто в этой смерти подвижной
Найдет гусарского героя?

А н т о с я

Болезней всех образчик он!

Л у д в и с я

Вот предисловье похорон!

А н т о с я

Слепой, расслабленный, недужный,
Он дышит будто сгоряча...

Л у д в и с я

Но тем болезнь ему с плеча,
Что в ней врачи ему не нужны.

Р о с л а в л е в м л а д ш и й *(слабеющим голосом)*. Капель, микстуру, сироп! Смотрите на часы, не пора ли принимать?

Ю л и я. Шалун, ты ужо не забудься при любезном братце! Пожалуйста, будь смирен, и не подавай ни малейшего знака жизни.

Р о с л а в л е в м л а д ш и й. Уговор лучше денег: я не гожусь в параличные; хочешь лучше напущу на себя белую горячку, выскочу, зарублю, развоююсь, брата в сторону, тебя в другую, сам на стену...

Ю л и я. Не дурачься, мой милый, ты всё испортишь, а коли тебе непременно движение нужно, видел ты здесь креслицы? Хочешь я тебя усажу в них и стану прокатывать из комнаты в комнату?

Р о с л а в л е в м л а д ш и й. Сажай, вези!

Ю л и я. Ну, пойдем. *(Уводит его)*

ЯВЛЕНИЕ 14

А н т о с я, Л у д в и с я, Р о с л а в л е в с т а р ш и й и П а н Ч и ж е в с к и й

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. А, милые, вы здесь, как я рад, что вас вижу!

А н т о с я *(в сторону)*. Наш дикарь становится, кажется, обходительнее.

Л у д в и с я. Мы от вас бегали, боялись вам в глаза попасть; вы такие сердитые!

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. А уж вы и приняли за строгую истину мои тогдашние шутки! Как вам не стыдно? а скажите мне, где проезжая дама?

А н т о с я. Она тотчас будет.

П а н Ч и ж е в с к и й. У нее нет минуты свободной! всё время посвящено у нее на разумные дела.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Да, кажется мне, что вы об ней знаете: известны ль вам обстоятельства ее жизни?

Л у д в и с я. Мы и сами много сказать вам не можем о ней. Всё, что знаем, слушайте!

Она друг сирым и убогим

А н т о с я

Она благотворит шутя!

Л у д в и с я

Она мудрец рассудком строгим!

Антося
Она невинностью дитя!

Пан Чижевский
Она благое существо,
В ней человеческого мало...

Рославлев старший
Да, в этом женском диве, стало,
Уж женского нет ничего!

ЯВЛЕНИЕ 15

Те же и Юлия (в мужском костюме)

Рославлев старший. А! любезный мизогин, откуда? а я без вас сделал здесь приятнейшее знакомство!

Юлия. Поздравляю с доброй вестью: мало-по-малу лошади собираются, и мы скоро отправимся.

Рославлев старший. Поздравьте лучше меня с тем, что я видел вашу сестрицу и говорил с ней.

Юлия. Правду сказать, слуга у меня препроворный и в дороге — клад: в минуту избегал местечко, переколотил всех жидов...

Рославлев старший. Как сестрица ваша похожа на вас; но признаюсь, не сердитесь — черты одни, а миловидности в ней гораздо более.

Юлия. Уступаю охотно! Я право не приревную к ней! Пан Чижевский, посмотрите, верно уже всё изготовлено?

Пан Чижевский. Зараз, ясновельможный капитане! *(Уходит)*

Юлия. Что у вас за ларчик? не казна ли ваша?

Рославлев старший. Нет! но на эту пору дороже всякого сокровища: сестре вашей нужны лекарства, и я принес ей свою дорожную аптеку. *(Хочет итти)* Нельзя ли мне с вами пойти к ней и отнести.

Юлия. О, нет, подождите. Вы знаете, что к молодым барышням и знатным барам входить без докладу не можно; дайте мне предварить ее. *(В сторону)* Победа наша!

Рославлев старший *(отпирает ящик и осматривает его снутри)*.

Антося

Как любовь бывала лекарь,
Свет уж видывал не раз, —
А теперь она аптекарь:
Часа нет ей без проказ!

Лудвися

Но от нас он не уйдет;
Мы, его подкарауля,
Скажем также в свой черед:
Вот и вам, судáрь, пилюля?

(Обе уходят)

ЯВЛЕНИЕ 16

Рославлев старший *(один)*. Однако я с своим ларчиком в ожидании ее прихода очень похож становлюсь на дамского угодника. Было время, и это не так давно, прежде, нежели я отказался от любви навсегда... но, признаюсь, три месяца тому назад встреча с нею могла бы сильно на меня подействовать. Теперь я безопасен, хладнокровен, решился ничего не чувствовать. Но где же она и что так долго медлит? и отчего мне так хочется опять ее видеть? Это ничего не значит; заманчивость, новость, приключение. — Ах! Вот она!

ЯВЛЕНИЕ 17

Рославлев старший, Рославлев младший (в виде больного в тележке), Юлия (развозит его по цветнику)

Рославлев старший. Какие заботы! Как она усердно хлопочет около этого бездушного, недвижимого старика. *(Обращаясь к ней)* Я принес обещанное, и давно жду вас.

Юлия *(прибегая к нему из цветника)*. Дайте сюда, разберемте вместе, я вам много обязана, я вам очень много благодарна.

Рославлев старший. Я вам во сто раз более... Нынешний день, например, думал ли быть на что-нибудь годным, но вы вдохнули в меня ту же страсть к добру, которая вас одушевляет, и я на всё хорошее способен.

Ю л и я. Коли так, повозите больного, сударь, я устала, привезите его сюда.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. О! хоть отсюда до Петербурга на себе, на моих плечах. *(Идет и останавливается; задумавшись)*

Ручаться можно ли за что?
Наш ум — ужасный своенравец;
Давно ль мной было принято
Намеренье — не знать красавиц?
Нельзя ручаться ни за что!
Нельзя ручаться ни за что!

(Бежит в цветник и ввезет тележку с больным)

Ю л и я *(смотря на него)*. Чего ж мы с мужем пугались! Он очень послушлив, возит и не жалуется.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й *(довезши до Юлии, останавливается; она отпирает аптеку, он поет)*

Ваш лазарет я прикатил;
Пущусь опять, коли то надо,
Лишь только бы уверен был,
Что не замедлите наградой!
Что не замедлите наградой!
Лишь только б я вам угодил!
Лишь только б я вам угодил!

Ю л и я. Лишь только... что вы говорите?

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Лишь только б я вам угодил. Скажите, что вам нужно, я достаточно имею навык в этих травах, порошках, элексирах, и может быть скорее выберу то, что требуется.

Ю л и я. Какое-нибудь легкое средство к возбуждению испарины.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Дайте, примусь за дело. *(Что-то высыпает, растворяет водою, мешает ложкою в стакане, между тем продолжает разговор)* Давно ли вы посвятили ваши нежные старания этому старику?

Ю л и я. Недавно.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Он вам родственник?

Ю л и я. Несколько.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Нет, от меня не кройтесь, я всё знаю, он вам чужой, совершенно чужой.

Вы нынче в первый раз его увидели, здесь нашли нечаянно, и ваши заботы об нем тем более заставляют удивляться.

Ю л и я. Не дивитесь, это делается не по рассудку, но по быстрому чувству сострадания; оно скоро вспыхнет, и скорей того остывает. Завтра, может быть, я не с таким рвением попекусь об этом недужном, и, видите ли, нынешний мой подвиг превратится в ничто. Изведайте постоянство в добрых делах, и тогда только называйте человека добродетельным. *(Между тем оправляет больного)*

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Как мило она отклоняет от себя всё, что на лесть похоже. Вот раствор, он готов, мне всегда был целебен. Ужасно противен вкусу, но во всяком случае безвреден. *(Подносит Рославлеву младшему, тот рукой машет, что не хочет)*

Ю л и я. Не понуждайте его, он не хочет, будет время после.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Как вам угодно; однако, какая у него здоровая жилистая рука!

Ю л и я. Это идропическая пухлость, в лице он совершенно иссох.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Лицо его слишком увязано, ему душно, я его немного освобожу от этих свивальников.

Ю л и я *(торопливо удерживая его)*. Оборони боже, не делайте того; малейшее неосторожное прикосновение произведет в нем жестокую боль. Один луч дневного света, как острие ножа, глаза ему колет.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й *(отшедши, смотрит на больного издали)*. Передвижная мумия, одною ногою уже в гробе, а придется позавидовать жребию подобных ему жалких существ! Для них только вы имеете душу пламенную, все прочие вам чужды.

Когда в вас сердце признает
Права священные несчастья,
Когда к страдальцу вас влечет
Порыв нежнейшего участья, —
Ужель могли б вы не внимать
Души тоскующей взыванью?
Ужель могли б не сострадать
От вас рожденному страданью?

Ах нет! Несчастливей не тот,
Кто бедность получил в наследство,
Недужным помощь подает
Искусства быстрое посредство;
Но нам дано мученье знать,
Где след один есть к упованью,
Где тот лишь может сострадать,
Кто сам виною был страданью.

Будьте искренны, — если бы человек, не старик, не тягчимый болезнями, но бодрый, в цвете лет, полюбил вас всем сердцем, преданный во власть вашу безусловно, в вас бы поставил одну свою отраду, цель жизни и всё свое блаженство, неужли бы вы ему в пользу не склонились ниже к малейшей взаимности?

Юлия. Отчего же нет; но во-первых, он бы не должен быть русским!

Рославлев старший. Не русским? кем же, ради бога!

Юлия. Нас, выезжих из Польши, не любят в вашей России!

Рославлев старший. Напротив: мужчины, мы все боготворим вас.

Юлия. Свет не из одних мужчин составлен, ваши дамы...

Рославлев старший. О! Не думайте об них. Разумеется, вы у нас явитесь, и участь их будет из-за угла вам завидовать! Вы единственны, не бойтесь моих слов, верьте им, дайте им полную веру, они отсюда, из глубины сердца невольно вырвались; но бесполезно вам высказать всё то, что я теперь чувствую! *(Осыпает ее поцелуями)*

Рославлев младший. Он не путем пристает!

Рославлев старший. Больной простонал что-то.

Юлия. Он просится к себе, ему назад пора. *(Юлия идет к больному)*

Рославлев старший. Неужели мы расстаемся? О! я за вами всюду! Не правда ли, вы позволите мне за вами следовать?

Юлия. Я вам не запрещаю!

Рославлев старший *(отнимает у нее ко-*

лясочку). Нет, уж это мое дело; покуда мы вместе, я буду возить больного; любовь села на козлы и правит.

(За кулисами слышен хор)

Любит обновы
Мальчик Эрот!

(В цветнике появляются дочери почтмейстера, писарь, люди графские и сам хозяин. Шумят, поют и пляшут, все бегут навстречу везущему графу)

Рославлев старший. Какая ярмонка! Что вы с ума сошли?

Юлия. Пусть их тешатся, оставьте их повольничать, пожалуйста, для меня! — У них нынче праздник!

Рославлев старший *(уходит с Юлией и увозит больного).* Веселитесь, и я весел.

ЯВЛЕНИЕ 18

Пан Чижевский, писарж, Антося, Людвися, Андрей — слуга Рославлева старшего (и прочие)

Хор

Мазурка краковска́я

Любит обновы
Мальчик Эрот,
Стрелке перёной
Знать, не черед, —
Вожжи шелко́вы,
В руки берет,
Плеткой ременной
Хлещет и бьет.

Андрей. Эк, барин-та у меня не путем развозился!

Пан Чижевский. Не он первый, не он последний!

Судьба проказница в насмешку
Дает нам часто напрегай,
Чему ж дивиться, что в тележку
Впряжен твой барин невзначай? (2)
Имея счастье на примете,
Век целый возится народ, (2)
Везде возня на этом свете:
Кто возит, а кому везет! (3)

Антося и Лудвися

Пускай шумиху с возу счастья
Глупец хватает, вздернув нос,
И после с лихвой, в день ненастья,
Он, плача, платит за провоз! (2)
Фортуна нас и на запятки
В свою повозку не берет, (2)
Но и без ней пути нам гладки,
Пока нас молодость везет! } (3)

ЯВЛЕНИЕ 19

Те же и Рославлев старший (Андрей между тем заснул на столе)

Рославлев старший. Сделайте милость, уплетайтесь куда-нибудь подальше с вашею веселостью: у меня и без того голова кругом идет! *(Они уходят. Он будит Андрея, который просыпается, зевая, и потягивается)* Так и есть, только и умеешь пить и спать без просыпа, а в промежутках зевать!

Андрей *(зевая и шатаясь)*. Да помилуйте! что же другое делать?

Жизнь наша сон...

Рославлев старший. Молчать, пьяница! куда девался тот, — как его зовут!..

Андрей. Как его зовут? *(Опять принимается петь)*

Жизнь наша сон...

Рославлев старший. Дурак! не разевай мне никогда так широко глупого своего рта. *(Про себя)* Куда девался брат ее? мне непременно нужно видеться и объясниться с ним. Пойду, отыщу его. *(Андрею)* А тебя я знаю, как протрезвить. *(Уходит)*

ЯВЛЕНИЕ 20

Андрей *(один)*. В песне-то не то сказано, как бишь я ее наладил:

Жизнь наша сон! всё песнь одна:
Или ко сну, или со сна!

Одно всё водится издавна:
Родятся люди, люди мрут,
И кое-как пока живут;
Куда как это всё забавно!
Как не зевать? всё — песнь одна:
Или ко сну или со сна.

Иной зевает от безделья,
Зевают многие от дел,
Иной зевает, что не ел,
Другой зевает, что с похмелья!
Как не зевать *и проч.*

Актер в своей зевает роле,
Зевотой зритель давит свист,
Зевая пишет журналист,
А сускрибент зевает боле!
Как не зевать *и проч.*

Я холост был, зевал без счета,
Подумал завестись домком
И взял жену, чтоб жить вдвоем,
И вдвое забрала зевота!
Как не зевать *и проч.*

ЯВЛЕНИЕ 21

Андрей и Юлия в мужском платье

Юлия. Где твой барин?
Андрей. Мой барин... а вот он!

ЯВЛЕНИЕ 22

Рославлев старший и Юлия, потом вся компания

Рославлев старший *(входя, толкает Андрея вон)*. Прочь! Ах, любезный, новый знакомец, я вас ждал с невероятным желанием.

(Андрей уходит)

Юлия. Я пришел проститься с вами.
Рославлев старший. Куда вы? как, уже в дорогу?

Ю л и я. У нас всё готово, итти сестру кликнуть, потом пожать вам дружески руку и скорее отсель во всю конскую мочь.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Ваша сестрица... постойте, погодите... у вас сестра — существо необыкновенное!

Ю л и я. Я вам сказывал.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Вы мне ничего не сказали, она свыше всего, что об ней сказать можно!

Ю л и я. Это для меня очень лестно; однако хорошо, что мы с вами оградились против нежных впечатлений пылких страстей.

Любви туман и сумасбродство
Не посетят меня и вас!
Признавших красоты господство
Мильон страдают и без нас.
Они нас не прельстят собою,
Их красота пред нами дым, —
Мы, дорожа своей душою,
Поклон прелестным отдадим.

Смеюсь я над Амуром смело
И рад уверить целый свет,
Что сердце наше будет цело,
Хоть стрел его опасней нет!
Пускай летает он, где хочет,
Чтобы поранить как-нибудь,
Для нас напрасно он хлопочет —
Ему мы скажем: добрый путь!

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Стойте, я ни за что не отвечаю. Добрый путь! Вы великий импровизатор! Я ни за что не ручаюсь, полчаса бывают иногда важнее года в судьбе человека, решают ее на всю жизнь, и самые твердые, неломкие намерения разбиваются вдребезги, как детские игрушки. Прах и дым — всё наше мужество. Еще два слова об вашей сестре!

Неужели никогда в ней кровь
В час мысли не была в волненьи?
Ужель не знает, что́ любовь,
Что́ сердца трепет, восхищенье?

Или в невинной простоте
Любовь по слуху только знает,
И в полной блеска красоте,
Как нежна роза, расцветает?

Ах, точно ль для ее души
Еще счастливец не сыскался,
Который счастия б в тиши
Любви блаженством наслаждался?

Ах! нет, — он верно, верно есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нет, не моей душе процвесть:
Любовь, блаженство, радость с вами!

Ю л и я. Давеча я с первого свидания с вами не мог предаться совершенной искренности. Теперь выведу вас из заблуждения: сердце сестры моей давно уже неравнодушно.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. К кому? как? неравнодушно! и уже давно? Почтмейстер, лошадей!.. во всем обман и неудача! Под каким рожден я несчастным созвездием!

Ю л и я. Будьте терпеливы, дайте всё до конца открыть вам; но пуще не перебивайте меня ни в одном слове.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Ах, чем вы меня успокоите? Говорите!

Ю л и я. Не знаю, с чего начать вам рассказ, истинный, но едва вероятный; не знаю, как он на вас подействует, с трудом решаюсь; конечно, судьба этого хотела: мы не даром с вами здесь встретились.

Р о с л а в л е в с т а р ш и й. Какое таинственное начало!

Ю л и я. На пути от Люблина в Краков стоит замок ветхий, брошенный богатыми владельцами; Юлия, девушка им сродни, оставалась дома с пожилою наставницею; здесь она провождала бо́льшую часть времени: посещала хижины поселян, пользовала недужных, утешала скорбных. Она сама рано познала сиротство, и своею печалию научилась разделять ее вчуже. Так текли годы, наступила пора непреодолимого любопытства, желанья видеть свет; родственники, друзья покойных отца

и матери, приглашали ее в Варшаву; она к ним отправилась. Столица королевства закипела тогда новою жизнию: в ней толпилось множество ваших соотечественников. Один из них по крайней мере для приезжей Юлии казался заметнее прочих, она его слишком заметила, он был приятен, имел очаровательный голос. Он искусно играл на гитаре, а объяснялся еще лучше.

Рославлев старший. Ах, боже мой! уж это не я ли?

Юлия *(в сторону)*. Вот не самолюбив! *(Громко)* Вы, конечно.

Рославлев старший. Продолжайте, продолжайте, да как же я об этом ничего не знал.

Юлия. И как вам знать! Зачем, однако, вы меня перебили? я просил вас дотерпеть до развязки.

Рославлев старший. Мог ли я выдержать? Продолжайте ради бога, продолжайте!

Юлия *(в сторону)*. Потеряла всю нить, как сведу, сама не знаю. *(Громко)* Вы тогда кружились в шумных веселостях, могли ли заметить смиренную провинциальную девушку, и которая, может быть, не смела равняться красотой с вашими знакомыми, в обществах старалась отдаляться, боялась быть отличной? Вы предпочитали тех, которые вперед себя выставляли, — она была стыдлива, следственно, по вашему, робкая невинность вас бы самих обробеть заставила. Наконец, она вас любила, а вы без примечания проходили мимо той, в чьей груди единственно вами билось сердце живейшим бескорыстнейшим чувством.

Рославлев старший. Ах! это самая истина; я только теми и занимался, которые обманывали меня. — Но почему всё это вам известно, неужели эта Юлия, ангел на земле, сестра ваша?

Юлия *(сбрасывает с себя конфедератку и шинель)*. Я сама.

Рославлев старший. Боже мой! Какое превращение!

Юлия. Вот уже месяц, как я из Варшавы от вас и от самой себя бежала. Здесь мне понравилось, здесь, где я никому не известна, старалась припомнить то время, когда душевное свое спокойствие употребляла на успокоение других. — Ах! другим хорошо; но мне где найти

утешение? Прочих тайн моих вам, кажется, открывать нечего: я от вашего передового узнала, что вы сюда будете, схватилась за первый способ, который мне вообразился, чтобы видеть вас и говорить с вами под чужим именем. Теперь я всё объяснила, что сердце мое обременяло; прощайте и помните, это был — последний наш разговор, последнее свидание.

Рославлев старший. Как! чтоб мне с вами расстаться! едва верю всему, что слышу... иногда в романах начитывал что-то подобное... Я вне себя, я в восторге; нет, нет, я вас не пущу, сударыня!

Слуга *(входит)*. Лошади готовы.

Рославлев старший. Убирайся! пошел вон! Ах! повторите... мне еще раз об любви вашей, мною вовсе не заслуженной, и не говорите о расставаньи.

Пан Чижевский *(входит)*. Ясновельможный...

Рославлев старший. Будь проклят, и оставь нас одних!

Юлия. Я вам повторяю: мы более не увидимся. Иначе, какое же вам ручательство, что я не одна из тех кокеток, которые на всё отваживаются для достижения цели?

Рославлев старший. Я... чтоб смел приравнять вас... *(Входят жиды-музыканты и гудят какой-то танец)* Тс! Вот вам деньги; после, после я вас позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю! *(Бросает им червонец)* Нет, прекрасная Юлия, мы теперь соединимся навсегда. *(Юлия старается от него освободиться. Он бросается на колени и в таком положении следует за нею до самого цветника)*

Юлия. Или вы поезжайте, или я скроюсь отсюдова туда, где никто меня не сыщет.

Рославлев старший. Нет! нет!

(Антося и Лудвися входят)

Антося. Этакое презрение к нашему полу!

Лудвися. На коленях всю комнату изъездил!

Рославлев старший. Оставьте нас; вам будет праздник, только после, идите! *(Рославлев младший, в виде больного, треплет его сзади по плечу)*

Рославлев старший *(вскрикивает)*. Что это! больной на ногах! мертвецы воскресают.

Рославлев младший *(сбрасывает с себя одежду)*. Узнаешь ли?

Рославлев старший. Брат?

Рославлев младший. Как видишь, и вот моя жена, рекомендую!

Рославлев старший. Какое дьявольское сплетение!

Антося

Что, каково свели концы?
Вот с поляками быть в ссоре!

Людвися

Напрашиваясь в мудрецы,
Вы назвались на смех и горе.

Пан Чижевский *(кланялся)*

Позволите ль и мне при том
Сказать, ясновельможный, слово:
Как вас доехали путем, —
И вам в путь ехать всё готово!

ГОРОДСКАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЧИТ.-ЗАЛ ВНИМАНИЕ
439.

Рославлев старший. Как я глуп был! о, как я был глуп! Однако, если дался ей в обман на полчаса, любезный брат, тебе эта участь предоставлена на всю жизнь, мужайся.

Рославлев младший. Не беспокойся, я сам хотел, сам и отвечаю. Куда же мы? В Варшаву? или в Петербург?

Рославлев старший. К вам и как можно скорей, с прекрасной Юлией!.. А может быть, имя вымышленное, всё равно: с твоей женой! Знакомиться нам нечего, мы, кажется, довольно подружились.

Пан Чижевский. Ясновельможный! позвольте нам позвать наших музыкантов и плясунов, которых вы давеча прогнали? Мы хотим окончить наше веселье.

Рославлев старший. Делайте, что хотите, теперь я готов ждать лошадей хоть трое суток!

Рославлев младший. Прекрасно: теперь мы все довольны, виват!

Рославлев младший

Наши замыслы все шатки,
Наша мудрость всё туман,

Вечно люди будут падки
И к обманам и в обман,
Если ж и с женой моею
Мне обман в участок дан,
То признайтесь, что имею
В ней хорошенький обман. } (bis)

Л у д в и с я

Бойтесь, — нам твердят из детства, —
Бойтесь вы сердечных ран,
От мужчины ждите бедства, —
Он обманщик и тиран!
Знать обманы — жребий жалкий!
Но влачить девичий сан
Для стареющей весталки —
Вот несноснейший обман! } (bis)

П а н Ч и ж е в с к и й

Ян, как брат наш, без таланa
Стал спесив, как богдыхан;
Если верить басням Яна,
То с умом и с деньгой Ян!
Но поверь его заране,
Взвесь и мозг в нем, и жупан,
То в болване и кармане
Ты найдешь пустой обман. } (bis)

А н д р е й

Я в зевалах мастер ловкий,
Я зеваю трезв и пьян;
Но, зевая без сноровки,
Можно вызевать изъян.
Раз на винах и на жлудях
Прозевал я свой карман...
Зазевайся в добрых людях —
И тотчас попал в обман. } (bis)

Р о с л а в л е в с т а р ш и й

«Заживо гляжу в потомки!
Я на пир бессмертья зван!».
Во́пит Вралькин, так же громкий
И пустой, как барабан,

Счастлив он, пока с ним бродит
Самолюбия дурман;
Но вралей одних ли вводит
Самолюбие в обман? } (bis)

Ю л и я *(к зрителям)*

Хоть невинный и безвредный
Мною выдуман роман,
Но сколь часто — автор бедный
Для ушей чужих тиран!
Вечно горд, самолюбивый,
Всем доволен шарлатан! —
Суд же публики правдивый
Не впадет никак в обман. } (bis)

А н т о с я

Бедным авторам к успеху
Путь ухабист и песчан,
С публикою не до смеху;
С ней пропал ты, или пан!
Что как скажет зритель едкий,
Мненья общего орган:
«Нас поддели, но напредки
Не заманите в обман!» } (bis)

(Входят музыканты — жиды, мазуры, поляки и русские, и начинается дивертисмент)

НАБРОСКИ
И
ПЛАНЫ

ЮНОСТЬ ВЕЩЕГО

(Куростров. Ищут Михаила. Находят его. Ночь перед отплытием в дальний путь.)

Орел, едва лишь пухом оперенный,
Едва в себе почуял дерзость сил,
Рассек эфир, с размаху воспарил;
Хор птиц, его явленьем изумленный,
Неспорный крик ему навстречу шлет.
Нет! Дерзость тех очей и тот полет
Не зрит себе ни равных, ни преслушных
И властвует в селеньях он воздушных.
Не так между людьми: ах! от пелён
Томится столько лет ревнитель славы!
Еще томится возмужалый он,
Отвержен и не признан, угнетен...
Судьба! О, как тверды твои уставы!
Великим средь Австралии зыбей,
Иль в Севера снегах, везде одно ли
Присуждено? — Искать желанной доли
Путем вражды, препятствий и скорбей!
И тот певец, кому никто не смеет
Вослед ступить из бардов сих времен,
Пред кем святая Русь благоговеет,
Он отроком, безвестен и презрен,
Сын рыбаря, чудовищ земноводных
Ловитвой жил; в пучинах ледяных,
Душой алкая стран и дел иных,
Изнемогал в усилиях бесплодных!...

Океан, пустынный остров. Любопытство юноши.
Скорбь отца. Вновь отъезд.
Нелюбовь.
Соловцы. Неведомый муж, богомолец. Весть о вечерних странах.
Возвращение домой. Побег. Тот же таинственный спутник.

⟨СЕРЧАК И ИТЛЯР⟩

Серчак

Ты помнишь ли, как мы с тобой, Итляр,
На поиски счастливые дерзали,
С коней три дня, три ночи не слезали;
Им тяжко: градом пот и клубом пар,
А мы на них — то вихрями в пустыне,
То вплавь по быстринам сердитых рек...
Кручины, горя не было вовек,
И мощь руки не та была, что ныне.
Зачем стареют люди и живут,
Когда по жилам кровь едва струится!
Когда подъять бессильны ратный труд,
И темя их снегами убелится!
Смотри на степь, — что день, то шумный бой,
Дух ветреный, другого превозмогший,
И сам гоним... сшибутся меж собой,
И завивают пыль и злак иссохший:
Так человек рожден гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканом.
Кто на путях не рыщет алчным враном,
Кому уже конь прыткий не слуга,
В осенней мгле, с дрожаньем молодецким,
Он, притаясь, добычи не блюдет, —
Тот ляг в сыру землю: он не живет!
Не называйся сыном Половецким!

Итляр

Мы дряхлы, друг, но ожили в сынах,
И отроки у нас для битвы зрелы.
Не празднен лук, — натянут в их руках;

Не даром мещут копья, сыплют стрелы.
Давно ль они несчетный лов в полон
Добыли нам, ценою лютых браней,
Блестящих сбруй и разноцветных тканей,
И тучных стад, и белолицых жен.
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ее полки и в наших рубежах
Корысть делят. Теперь не то настало!
Огни ночной порою в камышах
Не так разлитым заревом пугают,
Как пламя русских сел, — еще пылают
По берегам Трубе́жа и Десны...
Там бранные пожары засвечают
В честь нам, отцам, любезные сыны.

Серчак

В твоих сынах твой дух отцовский вне́дрен!
Гордись, Итляр! Тебя их мужественный вид,
Как в зимний день луч солнечный, живит.
Я от небес лишь дочерью ущедрен,
И тою счастлив... Верь, когда с утра
Зову ее и к гру́ди прижимаю, —
Всю тяжесть лет с согбенных плеч стрясаю.
Но ей отбыть из отчего шатра:
Наступит день, когда пришельцу руку
Должна подать на брачное житье;
Душой скорбя, я провожу ее,
И, может быть, на вечную разлуку...
Тогда приди всем людям общий рок!
Закройтесь, очи, — не в семье чад милых...
Наездник горький: всех и одинок,
Я доживу остаток дней постылых!
Где лягут кости? В землю их вселят
Чужие руки, свежий дерн настелят,
Чужие меж собой броню, булат
И всё мое заветное разделят!...

РОДАМИСТ И ЗЕНОБИЯ

АКТ I

Дебрь, лай, звук рогов, гром бубен. Несколько охотников, потом Родамист и за ним приближенный оруженосец Семпад, которому он доверяет беспокойство души, алчущей великих дел и ныне принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и серн. Ему ненавистны и Фарасман, и римляне, и парфы, но он сперва ополчится на сих, а Рим страшен царю, едва твердому на собственном престоле. Велит пригласить к себе посланца от римских восточных легионов, который тут же тешится охотою. Семпад идет, Родамист раскаивается, что был с ним слишком чистосердечен.

Является Касперий. Переговоры, хвастовство с обеих сторон. Римлянин кичится свободою и славою отечества. Родамист дает ему чувствовать, что то и другое живо только в памяти, по преданиям. Рим рабствует и сила его оружия давно уже не испытана, власть царя восточного народа вернее и чистосердечнее, — велит, и любой из дружины его пожертвует жизнию. Касперий не удивляется, упоминает о Деции и о многих других опытах самопожертвования, но для благороднейшей цели. — Родамист велит удалиться прочим, а Семпаду готовиться к бою с тигром. Наедине с Касперием пытается подкупить его притворною приязнью, корыстию, честолюбием. Касперий непоколебим. Родамист отпускает его прежде себя на зрелище. Сам остается один и рассуждает: к чему такой человек, как Касперий, в самовластной империи, — опасен правительству, и сам себе бремя. ибо иного века гражданин. — Коня! Коня! отправляется за Касперием на ту же травлю.

2-я сцена в царском теремном саду. По восточному прямолинейная аллея чинаров, миндальных деревьев, которые все примыкают к большой пурпурной ставке. Около нее главные чины в раболепном ожидании властителя, — Ярванд, Мирван, Бахрат, Аспрух, Армасил и проч.

Аспрух сидящий, все около него стоят. Он грузинин, албанского происхождения, взят в плен Фарасманом, им

вскормлен, дрался против соотечественников и тем гордится. Арфаксат первый по Родамисте, все перед ним преклоняются; он кичится тем, что знает только царево слово, которое ему вместо совести и славы. Толки о близком возвращении царя с охоты, об отправлении римского посла и о том, чтобы никто из жителей не имел сообщения с чужеземцами — парфы они, или римляне. Все соглашаются на всё, что он ни говорит, потом он уходит. Долго никто не смеет сказать своего мнения, наконец Армасил. славный воин, воспитанный в Риме, где он был при Митридате, во время его заточения, прерывает молчание и своею откровенностию и убеждением невольно исторгает у каждого одно желание: смерть утеснителя. В Бахрате, Ярванде и Мирване видны мелкие страсти. Жалобы, что все главнейшие места воинские и все поборы поручены грузинам, иноземцам. Один жалуется, что уже не он орлоносец, которого важное преимущество, но наследственное, по закону Вагаршака, о котором все вспоминают с энтузиазмом, как и с преувеличенною ненавистию к нынешнему царю, — при венчании царя на него возлагать корону; другой, что евнуху поручена царская сокровищница, которой он по наследству был хранителем; третий, что Аспрух первый в доверенности царя, когда по роду и богатству ему принадлежит сей сан. Иные даже попрекают царя, что он воздержен с женщинами, почти не имеет наложниц и в пиршествах мало участвует, что он более похож на простолюдина, нежели на царя. Армасил упрекает их в малодушии. Вбегает Ассюд, его остерегаются. Он объявляет о насильственной смерти брата, о мщении, которым пылает за сие злодейство против Родамиста. Армасил недоверчив. — «Отчего же ты равнодушием его отбиваешь от нашего сообщества?» — «Он вскормлен в царедворцах, вчера еще дышал милостию царевой, ныне мгновенно возбужден против него одним внезапным случаем, — но кто поручится: завтра не обратится ли опять слабодушием в ревностного ласкателя?» — «Мне ли, юноше, быть опытнее вас, старцев? Но помните: не во множестве сила, когда дело правое, но в испытанном, надежном, несомненном мужестве участников». Является юродивый, пророчит. Он нищий скиталец, просит милостыню или соглядатай царев? Притворно ли проповедует, или точно безумный? Но многие, в том числе Ба-

храт, его знают. Все в него веруют, он давно уже стяжал славу святости; пещера его в утесе, на берегу Аракса. — Здесь он тайными словами из Зендавесты прорицает успех заговорщикам. Сперва тоже нем, не отваживается говорить. Армасил: «я знаю, отчего он немствует, — сей юноша, бывший ласкатель царев, ему заграждает уста». Армасил убеждает ему верить и он религиею истинного армянина еще более их воспламеняет к скорейшему взрыву, назначает им ночное, решительное сходбище в склепе царей армянских. Заговорщики назначают ночь к тайному сходбищу в капище за южными вратами города. Потом пустынник исчезает. Ассюд удаляется с растерзанным сердцем, что никто не принимает участия в его скорби. Он армянин, но армяне к нему холоднее иверов. — «Я дебри оглашу моими справедливыми проклятьями за жестокость царя к несчастному брату». — Целый полк прислужников, за ними Родамист. Аспрух всех раболепнее. — Противуположность аспруховой спеси с низшими и унижения перед властителем. — Родамист иных дарит дичью с охоты, кому благоволение, кому грозный суд. — Армасилу попрек, что не был на охоте. Говорит об отъезде римлянина, с которым он заключил союз, и о мире с парфами. Ждет от отца подкрепления. Все под его державою благоденствуют. «Тот день потерян, в который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивых. Идите, покойтесь в мирных семейственных упражнениях, но не дремлет царево око. Врагов я имею и благодарю за них небо: они поощряют меня на безленостную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги».

АКТ II

Женский терем

Зенобия, Перизада и прочие прислужницы. Зенобия — дочь убиенного Родамистом Митридата, его дяди, но выданная замуж еще прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное для чувственного наслаждения супруга, и потому Перизада напрасно хочет возбудить в ней ненависть, желание мести, — страсти, ее невинному сердцу вовсе чуждые. Перизада ей напоминает

о удавлении отца и кто его убийца, Зенобия едва этому верит. Отца она мало видала, почти не знала, муж ближе к ее сердцу, и ее долг его любить, угождать ему во всем и трепетать его гнева. Что приобретает она бесплодною местию? Успех невероятен, способы к тому превыше женских ее сил. Но, если бы и удалось, — какое от того счастие? Перизада трогает ее совесть гневом небесным. * Зенобия впадает в грусть, Перизада предлагает ей ворожбу для развлечения и святого пустынножителя, который давно управляет ее собственным суеверием. Его вводят сенные девушки потаенно. Он еще более подкрепляет слова Перизады. Наконец Зенобия совершенно расстроена его таинственными прорицаниями. Он с нее берет слово, что она ночью, в сопровождении Перизады, придет в капище вне города, где склеп царей армянских, и мертвых зовет во свидетели, что там открост ей тайну, от которой зависит будущее безмятежное течение ее жизни. Зенобия говорит ему, что Родамист всеми любим и злодеям страшен; кто покусится восстать против него? Юродивый пустынник уверяет ее в противном.

Евнух возвещает приход Родамиста. Пустынник скрыт толпою женщин. Сцена Родамиста с Зенобиею наедине: она печальна; воспоминания, которыми ей сейчас возмутили душу, препятствуют ей предаться иному чувству. Родамист недоволен ею, подозревает в ней притворство, нелюбовь. Ни в ком не уверенный, окруженный трепещущими рабами, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами... неужели в лоне супружеской любви нет ему успокоения!! Оставляет ее расстроенную и сам в волнении.

Бахрат входит с Ассюдом, который уже включен совершенно в тайное умышление против Родамиста. Армасил скорбит при самом Ассюде о сей неосторожности. Ассюд горит нетерпением отомстить царю, Армасил об одном его просит, — о совершенном бездействии и о скромном сохранении тайны. Ассюд обещает более: он на себя

---

* Сбоку, на поле листа, в подлиннике было приписано: «Это должно быть отнесено в I действие, между 1-ой и 2-ой сценой». — *Ред.*

берет убить царя. Армасил всем в свете заклинает его не предаваться сему нетерпению, что он прочих тем губит, не совершив ничего; наконец говорит, что их дело слишком зрело, еще несколько мгновений, и кто поручится, что они не будут преданы — участников слишком много, в которых он не уверен, и потому надобна решимость; последнее слово — сходбище ночью и потом за оружие. (NB. Характер Армасила самый основательный: он не скор, но тверд в поступках и более молчалив; опасность его не пугает, но неосторожности не простит себе. В 3-м действии совершенное развитие его характера, которому Ассюд во всем противоположен). Некоторые из заговорщиков присоединяются к сей беседе. Вообще надобно заметить, что народ не имеет участия в их деле, — он будто не существует. В 3-м уже действии возмущение делается народным, но совсем не по тем причинам, которыми движимы вельможи: восстав сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищениями у граждан жен и имуществ восстановляет их против себя.

Аспрух велит через евнуха, чтобы все удалились; ему повинуются. Входит Родамист, несколько слов с Аспрухом о порядке дружины. Аспрух доносит о содружестве между собою многих сомнительных царедворцев, Ярванда, Бахрата и проч. Родамист презирает слишком людей, чтобы от них бояться чего-нибудь важного. Он желает какого-нибудь важного происшествия, чтобы в полной мере предаться своей деятельности, измерить себя, людей и силу обстоятельств, насколько он их превысить может, — враги нужны великому человеку. Но скрытно и прилежно велит за ними наблюдать, при первом двусмысленном движении донести ему вновь; если требуется спеха, — схватить их без доклада ему и ввергнуть в оковы; если опасность неминуема, — без исследования предать смерти. Отпускает Аспруха с евнухом; несколько слов о Зенобии, о гареме; евнуху поручает насчет женщин, как Аспруху о вельможах. Родамист один. Смутное предчувствие, недоволен своим положением.

Но кто этот, бродит вокруг ставки, в часы царского отдохновения, когда никто сюда не смеет приближаться? Боязлив, озирается.... Родамист готовится к обороне, но делает вид, будто не замечает скрытного врага. Ассюд сперва медленно подступает, потом устремляется на царя, обезоружен им и ранен в руку.

В 2-м ⟨акте⟩ Ассюд хочет заколоть Родамиста, тот удерживает его, притворное соучастие, выманивает у него тайну, потом свирепствует.

В 3-м ⟨акте⟩ заговорщики ссорятся о будущей власти, в эту минуту устремляется на них Родамист.

⟨1812 ГОД⟩

⟨ПЛАН ДРАМЫ⟩

ОТДЕЛЕНИЕ 1

Красная площадь

История начала войны, взятие Смоленска, народные черты, приезд государя, обоз раненых, рассказ о битве Бородинской. М* с первого стиха до последнего на сцене. Очертание его характера.

Собор Архангельский

Трубный глас архангела; на его призыв возникают тени давно усопших исполинов — Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч., из разных стихий сложенные и с познанием всего, от начала века до днесь, как будто во всех делах после их смерти были участниками, но вместе с тем исчезла у них память о том, что́ было с ними за пределами сей жизни, и где были и откудова ныне вновь призваны к бытию. Пророчествуют о године искупления для России, если не для современников, то сии повествуя сынам, возбудят в них огнь неугасимый, рвение к славе и свободе отечества. Хор бесплотных провожает их и живописным строем представляет их отшествие из храма; своды расступаются, герои поднимаются выпорь и исчезают.

Терем царей в Кремле

Наполеон с сподвижниками. Картина взятия Москвы. Н[аполеон] один. Высокие воспоминания. Открывает окно, лунная ночь. Видение — или нет, как случится. Размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный, — что́ бы он мог произвести?

ОТДЕЛЕНИЕ 2

Галлерея в доме Познякова

Входит офицер R. из приближенных к Наполеону (см. сц[ена] 3-я, 1-го отд[еления]), исполненный жизни, славы и блестящих надежд. Один поседелый воин с горьким предчувствием опытности остерегает насчет будущих бедствий. Ему не верят. Хохот. Из театра несутся звуки пляски и отголоски веселых песен. Между тем зарево обнимает повременно окна галлереи; более и более устрашающий ветер. Об опустошениях огня.

Улицы, пылающие дома. Ночь. Сцены зверского распутства, святотатства и всех пороков. — R* и M* в разных случаях.

Село под Москвой

Сельская картина. Является M *. Всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства — выставлена или нет, как случится).

ОТДЕЛЕНИЕ 3

Зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей. Истязание R* и поседелого воина. Сей юноша показывает пример, и оба умирают героями. Подвиги M*, Множество других сцен.

ЭПИЛОГ

Вильна

Отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов исчезает. M* в пренебрежении у военачальников. Отпускается во-свояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию.

Село или развалины Москвы

Прежние мерзости. М* возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние,.... .....* самоубийство.

⟨СЦЕНА ИЗ ДРАМЫ⟩

Петр Ан[дреевич]

Дитя мое любезное, ⟨Наташа⟩! **
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебе красы своей
На светлых праздниках. Не выезжать
С боярами, князьями. Было время:
Ласкают и манят тебя с собой
И мчат в богато-убранной карете.
А ныне знать, вельможи — где они?...
Тот князь, твой восприемник от купели?
Его жена? Родня? Исчезли все!
Их пышные хоромы опустели.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились в ней. Палаты их
Блистали разноцветными огнями...
Теперь, когда у стен ее враги,
Бесчастные рассыпалися дети,
Напрасно ждет защитников; сыны,
Как ласточки, вспорхнули с теплых гнезд,
И предали их бурям в расхищенье.
Ты из житья роскошного обратно
В убогий дом отцовский отдана,
А мне куда с тобой?... Куда укрыться?
И если б мог бежать отселе я,
Нет! нет!... Не оторвался б от тебя,
О матерь наша, мать России всей,
Кормилица моя, моих детей!
В тебе я мирно по́жил, видел счастье,
В тебе и гроб найду. Мой друг, ⟨Наташа⟩,**
Гроза над нами носится, — потерпим.
И с верою вдадимся той судьбе,

---

* Многоточие — в первопечатном тексте. — *Ред.*
** В первопечатном тексте — Надежда. — *Ред.*

Которую господь нам уготовил.
Грустна, грустна!... О ком же плачешь ты?
О прежних ли подругах и забавах?

Наташа

Ах, батюшка! Я плачу не о том!
Теперь не та пора...
(Рыдает)

Петр Ан[дреевич]

И те ли времена? О брате что ли?
Наш Алексей... Даруй ему господь
Со славой устоять на ратном поле.
Мне всё твердит: он будет жив.

Наташа

Нет, батюшка, я плачу не об нем.
(Рыдает пуще прежнего)

Петр Ан[дреевич]

Когда же ты о родине печальна,
Рыдай, мое дитя, — и для тебя
Отрадного я слова не имею.
Бывало, на душе кручинно, — посох в руки,
С тобою сердцу легче, всё забыто...
Утешенный я приходил домой.
Бывало, посетишь и ты меня, отца.
Обнимешь, всё осмотришь... угол мой
На полгода весельем просветится...
А ныне вместе мы, и нам не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожил!....
(Растворяет окно)

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ

I

К.

Но сам я разве рад твоей печали?
Вини себя и старость лет своих.
Давно с тебя и платы не бирали...

Т.

Ругаться старостью — то в лютых ваших правах.
Стара я, да, — но не от лет одних!
Состарелась не в играх, не в забавах,
Твой дом блюла, тебя, детей твоих.
Как ринулся в мятеж ты против русской силы,
Укрыла я тебя живого от могилы,
Моим же рубищем от тысячи смертей.
Когда ж был многие годины в заточеньи,
Бесславью преданный в отеческом краю,
И ветер здесь свистал в хоромах опустелых,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Так знай же повесть ты волос сих поседелых,
Колен моих согбенных и морщин,
Которые в щеках моих изрыты
Трудами о тебе. Виною ты один.
Вот в подвигах каких младые дни убиты.
А ты? Ты, совести и богу вопреки,
Полсердца вырвал из утробы!
Что мне твой гнев? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнем несправедливой злобы....
И кочет, если взять его птенца,
Кричит, крылами бьет с свирепостью борца,
Он похитителя зовет на бой неравный;
А мне перед тобой не можно умолчать. —
О сыне я скорблю: я человек, я мать...
Где гром твой, власть твоя, о, боже вседержавный!

К.

Творец, пошли мне вновь изгнанье, нищету,
И на главу мою все ужасы природы:
Скорее в том ущельи пропаду,
Где бурный Ксан крутит седые воды,
Терпеть разбойником гоненья, голод, страх,
От стужи, непогод не быв укрытым,
Чем этой фурии присутствие сносить,
И злость души, и яд ее упрёков.

Т.

Ничем тебя не можно умилить!
Ни памятью добра, ни силой слезных токов!
Подумай, — сам отец, и сына ты лишен.

Когда, застреленный, к тебе он был внесен
И ты в последний раз прощался с трупом милым,
Без памяти приник к очам застылым
И оживить хотел потухший взор,
Весь воздух потрясал детей и жен вой дикий,
И вторили раскаты этих гор
С утра до вечера пронзительные крики, —
Ты сам хотел зарыться в землю с ним.
Но взятый смертию вовек невозвратим!
Когда же б искупить ты мог его из плена,
Какой тогда казны бы пожалел?
На чей бы гнев суровый не посмел?
Ты чьи тогда не обнял бы колена?

К.

И нет еще к тебе вражды!...
Я помню о людях, о боге,
И сына твоего не дал бы без нужды,
Но честь моя была в залоге:
Его ценой я выкупил коня,
Который подо мной в боях меня прославил,
Из жарких битв он выносил меня....
Тот подл, кто бы его в чужих руках оставил.

Т.

Ни конь твой боевой всей крепостию жил,
Никто, из слуг твоих любимых,
Так верой-правдою тебе не послужил,
Как я в трудах неисчислимых.
Мой отрок, если б возмужал,
За славу твоего он княжеского дома
Сто раз бы притупил и саблю и кинжал,
Не убоялся бы он язв и пушек грома.
Как матерью его ты был не раз спасен,
Так на плечах своих тебя бы вынес он.

К.

Прочь от меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнев,
И не терзай мне жалобами слуха....
Безвременен кому твой вопль, и стон, и рев.
Уж сын твой — раб другого господина,

И нет его, он мой оставил дом,
Он продан мной, и я был волен в том, —
Он был мой крепостной....

Т.

(падает на колени)

Он сын мой! Дай мне сына!
И я твоя раба, — зачем же мать
От детища ты разлучил родного?
Дай раз еще к груди его прижать!....
Ах, ради бога имени святого,
Чтоб не видать кровавых слез моих,
Соедини ты снова нас двоих.

К.

Не повторяй мне горькие упреки!
В поля и в горы — вот пути широки,
Там мчится шумная река,
Садись над пропастью, беседуй свысока
О сыне с мраками ночными,
И степь буди стенаньями своими,
Но в дом не возвращайся мой....
Уймись, или исчезни с глаз долой.

Т.

Достойное заслугам воздаянье!
Так будь же проклят ты и весь твой род,
И дочь твоя, и всё твое стяжанье!
Как ловчие, — ни быстриною вод,
Ни крутизною скал не удержимы,
Но скачут по ветрам носимы,
Покуда зверь от их ударов не падет,
Истекший кровию и пеной, —
Пускай истерзана так будет жизнь твоя,
Пускай преследуют тебя ножом, изменой,
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности в награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Как продал сына моего.
Отступник, сам себя карая,

В безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днем дрожи,
На церковь божию взирая.
Твой прах земле не предадут!
Лишь путники произнесут
Ругательства над трупом хладным,
И будь добычею чекалам плотоядным....
А там, — перед судом всевышнего творца, —
Ты обречен уже на муки без конца!

2

Т.

О, люди! Кто назвал людьми исчадий зла,
Которых от кровей утробных
Судьба на то произвела,
Чтоб были гибелью, бичом себе подобных!
Но силы свыше есть! Прочь совесть и боязнь!....
Ночные чуда! Али! Али!
Явите мне свою приязнь,
Как вы всегда являли
Предавшим веру и закон,
Душой преступным и бессильным,
Светите мне огнем могильным,
Несите ветер, свист и стон,
Дружины Али! Знак условный —
Вот пять волос
От вас унес
Ваш хитрый, смелый враг, мой брат единокровный,
Когда в ⟨. . . . . .⟩ * он блуждал
На мшистых высотáх уединенных скал.
Я крестным знаменьем от вас оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А ныне кинутой быть горько сиротой!
Равны страдания в сей жизни или в той?
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколе в темну ночь исходят привиденья,
Из снежных гор,
Из диких нор,

* Несколько слов остались неразобранными. — *Ред.*

Из груды тли и разрушенья,
Из сонных тинистых выбей,
Из тех пустыней многогробных,
Где служат пиршествам червей
Останки праведных и злобных.
Но нет их! Непокорны мне!
На мой привет не отзовутся!
Лишь тучи на́ небе несутся
И воет ветр.... Ах, вот оне!

(Прислоняется к утесу и не глядит на них)

А л и

(плавают в тумане у подошвы гор)

В пара́х вечерних, пред всходом
Печальной девственной луны,
Мы выступаем хороводом
Из недозримой глубины.

Т.

Робеет дух, язык прикован мой!
Земля, не расступайся подо мной....

А л и

Таятся в мрачной глубине
Непримиримых оскорбленья
И созревают в тишине
До дня решительного мщенья;
Но тот, чей замысел не скрыт,
Как темная гробов обитель,
Вражды во век не утолит,
Нетерпеливый мститель.

Р.

. . . . . .
. . . . . *
Настанет день и час пробьет.

А л и

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обретет
И ближний ближнего лишится.

(Молчание)

* Две строки точек — в подлиннике. — *Ред.*

Куда мы, Али? В эту ночь
Бежит от глаз успокоенье.

Одна из них

Спешу родильнице помочь,
Чтоб задушить греха рожденье.

Другие

А мы в за-горские края,
Где пир пируют кровопийцы.

Последняя

Там замок есть... Там сяду я
На смертный одр отцеубийцы.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОТ АПОЛЛОНА

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

(Ноябрь 1815)

Comptable de l'ennui, dont sa muse
m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut
qu'on le nomme?

*Gilbert**

Эй! Господа!
Сюда! сюда!
Для деловых людей и праздных
Есть тьма у нас оказий разных:
Есть дикий человек, безрукая мадам!
Взойдите к нам!
Добро пожаловать, кто барин тароватый,
Извольте видеть — вот
Рогатый, нерогатый
И всякий скот:
Вот господин Загоскин,
Вот весь его причет:
Княгини и
Княжны,
Князь Фольгин и
Князь Блёсткин;
Они хоть не смешны, да сам за то уж он
Куда смешон! —
С ним вместе быть, ей богу! праздник.
Вот вам его *Проказник;*
Спроказил он не ловко: раз упал
Да и не встал.
Но автор таковым примером
Не научен — грешит перед партером,
Проказит до сих пор.
Что видит и что слышит,
Он обо всем исправно вздор
И говорит и пишет.
Вот *Богатонов* вам: особенно он мил,
Богат чужим добром — всё крадет, что находит,
С *Транжирина* кафтан стащил,

---

* Беря в расчет скуку, которою он меня убивает, спрашивается, зачем он назвал себя, если не хочет быть названным? *Жильбер. — Ред.*

Да в нем и ходит.
А светский тон
Не только он —
И вся его беседа
Переняли у *Буйного Соседа.*
Что ж вы?... Неужто по домам?
Уж надоело вам?
И кстати ль?
Вот вам Загоскин — *Наблюдатель;*
Вот *Сын Отечества*, с ним вечный
состязатель
Один напишет вздор,
Другой на то разбор;
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее.
Что вы смеетесь, господа?
Писцу насмешка не беда.
Он знает многое смешное за собою,
Да уж давно махнул рукою.
Махнул пером — отдал сыграть,
А вы, пожалуй, рассуждайте!
Махнул пером — отдал в печать,
А вы читайте!

16 октября 1817

⟨ЭПИТАФИИ ДОКТОРУ КАСТАЛЬДИ⟩

I

Из стран Италии — отчизны
Рок неведомый сюда его привел.
Скиталец, здесь искал он лучшей жизни...
Далеко от своих смерть близкую обрел!

II

Брыкну́ла лошадь вдруг, скользнула
и упала, —
И доктора Кастальдия не стало!...

⟨Апрель — май 1820⟩

⟨Н. А. КАХОВСКОМУ⟩

Как же вас взносили на неприступный status, quo ad praesentem и как

Полком окружали
Военных теней?
В присошках пищали
Курки без кремней?
Как ханы и беки
Пролили вам реки
Хвалы круговой?
С преклонной главой
Ньюкеры и дусты!
И головы их,
При шапках больших,
Под шапками пусты.

⟨*3 мая 1820*⟩

ДАВИД

Не славен в братиях измлада,
Юнейший у отца я был,
Пастух родительского стада;
И се! внезапно богу сил
Орга́н мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О! кто до горней высоты
Ко господу воскрилит звуки!
Услышал сам господь творец!
Шлет ангела: и светлозрачный
С высот летит на долы злачны;
Взял от родительских овец;
Елеем благости небесной
Меня помазал. — Что ж сии
Велики братии мои?
Кичливы крепостью телесной!
Но в них дух божий, бога сил,
Господень дух не препочил!
Иноплеменнику не с ними,
Далече страх я отженя,

Во сретенье исшел: меня
Он проклял идолми своими;
Но я мечом над ним взыграл,
Сразил его и обезглавил
И стыд отечества отъял,
Сынов Израеля прославил!

РОМАНС

Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?

Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях ее? в них негой упивался,
Роскошствовал и обмирал?...

Нет! Нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный: он где-нибудь, он есть.
Любви волшебство! рай! восторги! трепет! — Вами,
Нет! — не моей душе процвесть.

(Декабрь 1823 — январь 1824)

* * *

Крылами порхая, стрелами звеня,
Любовь вопрошала кого-то:
Ах! есть ли что легче на свете меня?
Решите задачу Эрота.

Любовь и любовь, решу я как раз,
Сама себя легче бывает подчас.
Есть песня такая:
Легко себе друга сыскала Аглая
И легче того
Забыла его.

(Декабрь 1823 — январь 1824)

ЭПИГРАММА

И сочиняют — врут, и переводят — врут!
Зачем же врете вы, о дети? Детям прут!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, — но вы ругаться удальцы!
Студенческая кровь, казенные бойцы!
Холопы «Вестника Европы»!

(1824)

ОТРЫВОК ИЗ ГЁТЕ

ДИРЕКТОР ТЕАТРА

По дружбе мне вы, господа,
При случае посильно, иногда
И деятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображению дать смелый вам полет?
Парите вверх и вниз спускайтесь произвольно,
Чтоб большинство людей осталось мной
довольно,
Которое живет и жить дает.
Дом зрелища устроен пребогатый,
И бревяной накат, и пол дощатый,
И всё по зву: один свисток —
Храм взыдет до небес, раскинется лесок.
Лишь то беда: ума нам где добиться?
Смотрите вы на брови знатоков,
Они, и всякий кто̀ каков,
Чему-нибудь хотели б удивиться;
А я испуган, стал втупик;
Не то, чтобы у нас к хорошему привыкли,
Да начитались столько книг!
Всю подноготную проникли!
Увы!
И слушают, и ловят всё так жадно!
Чтоб были вещи им новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящийся народ
Я, при раздаче лож и кресел;

Кому терпенье — труден вход,
Тот получил себе — и весел,
Но вот ему возврата нет!
Стеной густеют непроломной,
Толпа растет, и рокот громный,
И голоса: билет! билет!
Как будто их рождает преисподня.
А это чудо кто творит? — Поэт!
Нельзя ли, милый друг, сегодня?

Поэт

О, не тревожь, не мучь сует картиной.
Задерни, скрой от глаз народ,
Толпу, которая пестреющей пучиной
С собой противувольно нас влечет.
Туда веди, где под небес равниной
Поэту радость чистая цветет;
Где дружба и любовь его к покою
Обвеют, освежат божественной рукою.
Ах! часто, что отраду в душу льет,
Что робко нам уста пролепетали,
Мечты неспелые... и вот
Их крылья бурного мгновения умчали.
Едва искупленных трудами многих лет,
Их в полноте красы увидит свет.
Обманчив блеск: он не продлится;
Но истинный потомству сохранится.

Весельчак

Потомству? да; и слышно только то,
Что духом все парят к потомкам отдаленным;
Неужто, наконец, никто
Не порадеет современным?
Неужто холодом мертвит, как чародей,
Присутствие порядочных людей!
Кто бредит лаврами на сцене и в печати,
Кому ниспосланы кисть, лира иль резец
Изгибы обнажать сердец,
Тот поробеет ли? — Толпа ему и кстати;
Желает он побольше круг,
Чтоб действовать на многих вдруг.
Скорей Фантазию, глас скорби безотрадной,

Движенье, пыл страстей, весь хор ее нарядный
К себе зовите на чердак.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настежь, вполовину, так,
Чтоб всякому пришло по сердцу.

Директор

Побольше действия! — Что зрителей манит?
Им видеть хочется, — ну живо
Представить им дела на вид!
Как хочешь, жар души излей красноречиво;
Иной уловкою успех себе упрочь;
Побольше действия, сплетений и развитий!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей — числом событий.
Где приключений тьма — никто не перечтет,
На каждого по нескольку придется;
Народ доволен разойдется,
И всякий что-нибудь с собою понесет.
Слияние частей измучит вас смертельно;
Давайте нам подробности отдельно.
Что целое? какая прибыль вам?
И ваше целое вниманье в ком пробудит?
Его расхитят по долям,
И публика по мелочи осудит.

Поэт

Ах! это ли иметь художнику в виду!
Обречь себя в веках укорам и стыду! —
Не чувствует, как душу мне терзает.

Директор

Размыслите вы сами наперед:
Кто сильно потрясти людей желает,
Способнее оружье изберет;
Но время ваши призраки развеять,
О, гордые искатели молвы!
Опомнитесь! — кому творите вы?
Влечется к нам иной, чтоб скуку порассеять,
И скука вместе с ним ввалилась — дремлет он;
Другой явился отягчен
Парами пенистых бокалов;

Иной небрежный ловит стих, —
Сотрудник глупых он журналов.
На святочные игры их
Чистейшее желанье окриляет,
Невежество им зренье затемняет,
И на устах бездушия печать;
Красавицы под бременем уборов
Тишком желают расточать
Обман улыбки, негу взоров.
Что возмечтали вы на вашей высоте?
Смотрите им в лицо! — вот те
Окременевшие толпы живым утёсом;
Здесь озираются во мраке подлецы,
Чтоб слово подстеречь и погубить доносом;
Там мыслят дань обресть картежные ловцы;
Тот буйно ночь провесть в объятиях
бесчестных;
И для кого хотите вы, слепцы,
Вымучивать внушенье Муз прелестных!
Побольше пестроты, побольше новизны, —
Вот правило, и непреложно.
Легко мы всем изумлены,
Но угодить на нас не можно.
Что? гордости порыв утих?
Рассудок превозмог...

Поэт

Нет! нет! — негодованье.
Поди, ищи услужников других.
Тебе ль отдам святейшее стяжанье,
Свободу, в жертву прихотей твоих?
Чем равны небожителям Поэты?
Что силой неудержною влечет
К их жребию сердца́ и всех обеты,
Стихии все во власть им предает?
Не сладкозвучие ль? — которое теснится
Из их груди, вливает ту любовь,
И к ним она отзывная стремится
И в них восторг рождает вновь и
вновь.
Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь,

Кому она так делится послушно?
Когда созданья все, слаба их мысль обнять,
Одни другим звучат противугласно,
Кто съединяет их в приятный слуху гром
Так величаво! так прекрасно!
И кто виновник их потом
Спокойного и пышного теченья?
Кто стройно размеряет их движенья,
И бури, вопли, крик страстей
Меняет вдруг на дивные аккорды?
Кем славны имена и памятники тверды?
Превыше всех земных и суетных честей,
Из бренных листвиев кто чудно соплетает
С веками более нетленно и свежей
То знаменье величия мужей,
Которым он их чёла украшает?
Пред чьей возлюбленной весна не увядает?
Цветы роскошные родит пред нею перст
Того, кто спутник ей отрад любви стезею;
По смерти им Олимп отверст,
И невечернею венчается зарею
Кто не коснел в бездействии немом,
Но в гимн единый слил красу небес с землею.
Ты постигаешь ли умом
Создавшего миры и лета?
Его престол — душа Поэта.

(1824)

ТЕЛЕШОВОЙ

В БАЛЕТЕ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА», ГДЕ ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ОБОЛЬЩАТЬ ВИТЯЗЯ

О, кто она? — Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?
И вдруг — как ветр ее полет!
Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснет, исчезнет, воздух вьет

Стопою, свыше окриленной...
Не так ли наш лелеет дух
Отрадное во сне виденье,
Когда задремлет взор и слух,
Но бодро в нас воображенье! —
Улыбка впятная без слов,
Небрежно спущенный покров,
Как будто влаги облиянье;
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полон взор:
Созданье выспреннего мира
Скользит, как по зыбям эфира
Несется легкий метеор.
Зачем манишь рукою нежной?
Зачем влечешь из дальних стран
Пришельца в плен твой неизбежный,
К страданью неисцельных ран?
Уже не тверды заклинаньем
Броня, и щит его, и шлем;
Не истомляй его желаньем,
Не сожигай его огнем
В лице, в груди горящей страсти,
И негой распаленных чувств!
Ах, этих игр, утех, искусств
Один ли не признает власти!
Изнеможенный он в борьбе,
До капли в душу влил отраву,
Себя, и честь, и долг, и славу, —
Всё в жертву он отдал тебе.
Но сердце! Кто твой восхищенный
Внушает отзыв? для кого
Порыв восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южных стран,
Чье царство — роз и пальм обитель,
Которым Эльф обворожитель
В сопутники природой дан,
О, нимфы, девы легкокрилы!
Здесь жаждут прелестей иных:
Рабы корыстных польз унылы
И безрассветны души их.
Певцу красавиц что в награду?

Пожнет он скуку и досаду,
Роптаньем струн не пробудив
Любви в пустыне сей печальной,
Где сном покрыто лоно нив,
И небо ризой погребальной.

(Декабрь 1824)

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ

Окопайтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плен —
Блеском ружей, тверже стен!
Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами,
Будто быстрые орлы,
Над челом крутой скалы.

Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь и мгла, и вихрей спор.
На угон коней табунных,
На овец золоторунных,
Где витают вепрь и волк,
Наш залег отважный полк.

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева!
Те же льдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

Наши — камни; наши — кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли? — Вон над тучей —
Двувершинный и могучий *
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

* Эльбрус.

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам;
Вот невидим он очам!..
Той же тканию свиенной
Так же скрыты мы мгновенно,
Вмиг явились, мигом нет,
Выстрел, два, и сгинул след.

Двиньтесь узкою тропою!
Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес: — берите с бою.
Камень, сорванный стопою,
В глубь летит, разбитый в прах;
Риньтесь с ним, откиньте страх!

Ждем. — Готовы к новой сече,..
Но и слух о них исчез!...
Загорайся, древний лес!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядем в дружном вече,
И по ряду, дележом,
Делим взятое ножом.

Доли лучшие отложим
Нашим панцырным князьям,
И джигитам, узденям
Юных пленниц приумножим,
И кадиям, людям божьим,
Красных отроков дадим
(Верой стан наш невредим).

Узникам удел обычный, —
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы — жребий им приличный;
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома — цепи! в чуже — плен!

Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрусталя!
Пьем *бузу!* Стони, земля!
Кликом огласись, ущелье!

Падшим мир, живым веселье.
Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!

Кам[енный] мост на Малке
Октябрь 1825

* * *

— По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...
— За то попался в главный штаб
И был притянут к Иисусу!..

— Ему не свято ничего...
— Он враг царю!.. — Он друг сестрицын!..
— Скажите правду, князь Голицын,
Уж не повесят ли его?..

⟨1826⟩

ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Луг шелкóвый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистой
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг?... но я один!...
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

⟨Июнь 1826⟩

А. О[ДОЕВСКОМУ]

Я дружбу пел... Когда струнам касался,
Твой гений над главой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил
И призывал, и о тебе терзался!...
О, мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?...

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО!

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь.
О! не обманывайся, сердце.
О! призраки, не увлекайте!..
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок проник
Свет счастья на единый миг,
Как неожиданно! как дивно! —

Мы молоды и верим в рай, —
И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брежжущим виденьем.
Постой! и нет его! угасло! —
Обмануты, утомлены.
И что ж с тех пор? — Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб,
И в нем живых себя заклали.

Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу,
И веру в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!! —
Займемся былью стародавной,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой
Что так обманчиво и славно!

* * *

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах сбирают дань
Пурпурного винограда,
Светло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга...
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,
Вечно-юная блестит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами?...
Странник, знаешь ли любовь,
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?
Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Так Самумы с юга пышат,
Раскаляют степь...
Что судьба, разлука, смерть!...

КАЛЬЯНЧИ

(отрывок из поэмы)

Путешественник в Персии встречает прекрасного отрока, который подает ему кальян. Странник спрашивает, кто он, откуда. Отрок рассказывает ему свои похождения, объясняет, что он грузин, некогда житель Кахетии.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
Эйзедом ли ты светлым порожден,
Питомец Пери, или Джиннием взлелеян?
Когда заботам вверенный твоим
Приносишь ты сосуд водовмещальный
И сквозь него проводишь легкий дым, —
Воздушной пеною темнеет ток кристальный,
И ропотом манит к забвенью, как ручья

Гремучего поток в зеленой чаще!
Чинара трость творит жасминной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимого Ширазского листа
Глотают чрез нее мглу алые уста,
Густеет воздух, напоенный
Алоэ запахом и амброй драгоценной!

Когда ж чарующей наружностью своей
Собрание ты осветишь людей —
Во всех любовь!... Дервиш отбросил чотки,
Примрачный вид на радость обменил:
Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?
Не от твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на лице,
И заиграла жизнь на бывшем мертвеце?
Властитель твой — он стал лишь самозванцем,
Он уловлен стыдливости румянцем,
И кудрей кольцами, по высоте рамен
Влекущихся, связавших душу в плен,
И груди нежной белизною,
И жилок, шелком свитых, бирюзою,
Твоими взглядами, под свесом темных вежд,
Движеньем уст твоих невинным, миловидным,
Твоей, нескрытою покровами одежд,
Джейрана легкостью, и станом пальмовидным.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?
Скажи: или от Пери ты рожден,
Иль благодатным Джиннием взлелеян?

«На Риона берегах,
В дальних я рожден пределах,
Где горит огонь в сердцах,
Тверже скал окаменелых;
Рос — едва не из пелен,
Матерью, отцом, безвинный,
В чужу продан, обменен
За сосуд ценинный! *

* В первопечатном тексте опечатка: «цепенный». — *Ред.*

«Чужой человек! скажи: ты отец?
Имел ли ты чадо от милой подруги?
Корысть ли дороже нам с сыном разлуки?
Отвержен ли враном невинный птенец?

«Караван с шелками шел,
С ним ага мой. Я, рабочий,
Глаз я долго не отвел
С мест, виднелся где кров отчий;
С кровом он слился небес;
Вечерело. Сном боримы,
Стали станом. Темен лес.
Вкруг огня легли мы.

«Курись, огонек! светись, огонек!
Так светит надежда огнем нам горящим!
Пылай ты весельем окрест приседящим,
Покуда спалишь ты последний пенек!

«Спал я. Вдруг взывают: «бой!»
В ста местах сверкает зелье;
Сечей, свистом пуль, пальбой
Огласилось всё ущелье.
Притаился вглубь межи
Я, и все туда ж влекутся.
Слышно — кинулись в ножи —
Безотвязно бьются!

«Затихло смятенье — сече конец.
Вблизи огня брошен был труп, обезглавлен,
На взор его мертвый был взор мой уставлен,
И чья же глава та?... О, горе!... Отец!...

«Но могучею рукой
Был оторван я от тела.
«Будь он проклят, кровный твой!» —
В слух мне клятва загремела —
«Твой отец разбойник был...»
И в бодце, ремнем увитом,
Казнь сулят, чтоб слез не лил
По отце убитом!

«Заря занялася. Я в путь увлечен.
Родитель, ударом погибший бесславным,
Лежать остается — он вепрям дубравным,
Орлам плотоядным на снедь обречен!

«Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета...»

ДОМОВОЙ

Детушки матушке жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожит нас дед-непосед,
Зла творит много и множество бед,
Ступней топочет, столами ворочит,
Душит, навалится, щиплет, щекочит.

DUBIA

⟨М. Н. ЗАГОСКИНУ⟩

Бич пороков и блинов!
Ныне Щепкин угощает
И приятельский свой зов
Чрез меня он посылает.
Приезжай нас позабавить,
Аппетиту нам прибавить
И съестного поубавить!

⟨1824⟩

ДУША

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное виденье!
Надзвездный дом,
Зари кругом,
Рождало мир мое веленье!
И вот от сна
Привлечена
К земле ветшающей и тесной.
Где рой подруг,
Тьма резвых слуг?
О, хор воздушный и прелестный!
Нет, поживу
И наяву
Я лучшей жизнию, беспечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Где надышусь свободой вечной!

ВОСТОК

Из Заволжья, из родного края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая;
На конях ретивых посадились,
На отъезд перекрестились,
Выезжали на широкий путь.
Что замолкли? в тишине
Что волнует молодецку грудь?
Мысль о дальней стороне?
Ах, не там ли воздух чудотворный,
Тот Восток и те сады,
Где не тихнет ветерок проворный,
Бьют ключи живой воды;
Рай-весна цветет, не увядает,
Нега, роскошь, пир в лесах,
Солнышко горит, не догорает
На высоких небесах!
Терем злат, а в нем душа-девица,
Красота, княжая дочь;
Блещет взор, как яркая зарница,
Раздирает черну ночь;
Если ж кровь ее зажжется,
Если вспыхнет на лице, —
То забудь о матери, отце,
С кем душой она сольется.
Станом гибким, гибкими руками
Друга мила обвивает,
Крепко жмет, румяными устами
Жизнь до капли испивает!
Путники! от дочери княжой
Отбегите неоглядкой!
Молодые! к стороне чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародейных снов!
Тех земель неправославных
Дивна прелесть и краса лугов,
Сладки капли роз медвяных,
Злак шелковый, жемчуги в зерне.
Что же видно в стороне?

Столб белеет на степи широкой,
Будто сторож одинокой,
Камень! Он без надписи стоит:
Темная под ним могила,
Сирый им зашельца прах покрыт.
И его любовь манила;
Чаял: «Тут весельем разольюсь,
Дни на веки удолжатся!»
Грешный позабыл святую Русь...
Дни темнеют, вновь зарятся;
Но ему лучом не позлатятся
Из-за утренних паров
Божьи церкви, град родимый, отчий дом!
Буйно пóжил век, а ныне —
Мир ему! один лежит в пустыне,
И никто не поискал,
Не нарезал имени, прозванья
На отломке диких скал;
Не творят молитвы, поминанья;
Персть забвенью предана;
У одра больного пожилая
Не корпела мать родная,
Не рыдала молода жена...

СТАТЬИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

ПИСЬМО ИЗ БРЕСТА ЛИТОВСКА К ИЗДАТЕЛЮ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

Июня 26-го дня 1814 г. Брест

Позвольте доставить вам некоторое сведение о празднике, который давали командующему кавалерийскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель «Вестника Европы» должен в нем принять участие; ибо ручаюсь, что в Европе немного начальников, которых столько любят, сколько здешние кавалеристы своего.

Поводом к празднеству было награждение, полученное генералом Кологривовым: ему пожалован орден святого Владимира I степени. Неподражаемый государь наш на высочайшей степени славы, среди торжества своего в Париже, среди восторгов удивленного света, среди бесчисленных и беспримерных трофеев, помнит о ревностных, достойных чиновниках и щедро их награждает. При первом объявлении о монаршей милости любимому начальнику, приближенные генерала условились торжествовать радостное происшествие, и назначили на то день 22 июня. День был прекрасный, утро, смею сказать, пиитическое.

Так день желанный воссиял,
И к генералу строй предстал
Пиитов всякого сословья;
Один стихи ему кладет

В карман, другой под изголовье;
А он — о доброта! какой примеров нет —
Все оды принимает,
Читает их, и не зевает. —

Нет; он был тронут до глубины сердца, и подобно всем дивился, сколько стихотворцев образовала искренняя радость. Вот приглашение, которое он получил ото всего дежурства:

Вождь, избранный царем
К трудам, Отечеству полезным!
Се новым грудь твою лучем
Монарх наш озаряет звездным.
Державный сей герой,
Смирив крамолу
И меч склоняя долу,
Являет благость над тобой,
Воспомянув твои заслуги неисчетны:
Тогда, как разрушал он замыслы наветны,
И ты перуны закалял,
От коих мир весь трепетал;
Тобою внушены кентавры,
Что ныне пожинали лавры,
И в вихре смерть несли врагам.
Царь помнит то — и радость нам!
Скорее осушим, друзья, заздравны чаши!
А ты приди, узри, вкуси веселья наши
Меж окружающих сподвижников твоих,
Не подчиненных зри, — друзей, сынов родных.
В кругу приверженцев, в кругу необозримом,
Ты радость обретешь в сердцах,
Во взорах, на устах.
Блаженно славным быть, блаженней быть любимым!

Всё это происходило в версте от Бреста, на даче, где генерал имеет обыкновенное пребывание. Множество офицерства явилось с поздравлениями; потом поехали на место, где давали праздник, — одни, чтобы посмотреть, другие, чтоб докончить нужные приуготовления.

Есть в Буге остров одинокой;
Его восточный мыс
Горою над рекой навис,
Заглох в траве высокой
(Преданья глас такой,
Что взрыты нашими отцами
Окопы, видные там нынешней порой;
Преданье кажется мне сказкой, между нами,
Хоть верю набожно я древности седой;
Нет, для окопов сих отцы не знали места,

Сражались, били, шли вперед,
А впрочем, летописи Бреста
Пусть ⟨Качановский⟩ * разберет);
Усадьбы, города и села
И возвышенности и долы
С горы рисуются округ,
И стелется внизу меж вод прекрасный луг.
На сем избранном месте,
При первой ликованья вести,
Подъялись сотни рук;
Секир и заступов везде был слышен стук.
Едва-ль румянила два раза свод небесный
Аврора утренней порой—
Все восприяло вид иной,
Вид новый, вид прелестный,
Творенье феиной руки.
Где были насыпи — пестрелись цветники,
А где темнелись кущи —
Явились просеки, к веселию ведущи,
К красивым убранным шатрам,
Раскинутым небрежно по холмам.
В средине их, на возвышенье,
Стояли светлые чертоги угощенья;
Из окон виден их
В лугу разбитый стан для воинов простых.
На теме острова был к небу флаг возвышен,
Чтоб знак веселия узреть со всех сторон,
И жерлов ряд постановлён,
Чтоб радости отзыв везде был слышен.
На скате ж, где приступен вал,
Один лишь вход удобный,
И город где являл
Картине вид подобный,
Воздвигнули врата искусною рукой
Из копий, связанных цветами,
И укрепили их в полкруге над столпами,
Унизанными осокой.
Любовь врата соорудила;
Сама природа убрала;
Подзорами оружие снабдило;
Потом веселость в них вошла.

В три часа пополудни все приглашенные на праздник офицеры съехались; все с нетерпением ожидали прибытия генерала. Наконец вздернутый кверху флаг и пушечные залпы возвестили приближение его. Он ехал верхом, сопровождаемый более 50 офицеров. Мне, было, весьма

* В первопечатном тексте вместо фамилии стоит многоточие, к которому относится следующее примечание издателя «Вестника Европы»: «Мы выпустили здесь нечто, не хотев оскорбить одного собрата нашего журналиста. И[здатель]». — *Ред.*

хотелось описать вам в стихах блеск сего шествия, блес воинских нарядов; к несчастью никак не мог прибрать рифмы для лядунок и киверов, и так пусть будет это в прозе. Но того, чего не в силах выразить никакая поэзия, была встреча генерала на мосту, нарочно для сего дня наведенном, где он, при громе пушек и нескольких оркестров, при радостных восклицаниях, с восторгом был принят военными хозяевами и гостями. Слезы душевного удовольствия полились из глаз его и всех предстоящих. Он несколько времени стоял безмолвен, удивлен, обрадован, растроган, потом взошел, или лучше сказать внесен был окружающею толпою в триумфальные врата.

Сей вход отличиям условным был рубёж;
Но случай подшутил, и что-ж? —
Кто чином высшим украшался,
И доблестями тот отличней всех являлся. —

Взошед в галлерею, он был еще приветствуем стихами; но я их здесь не помещу оттого, что не спросился у кавалериста — сочинителя. Потом генерал пошел на возвышение и несколько времени восхищался редкими живописными видами. — На валу шатры, кои белелись между березками; у подошвы горы луг, где разбит был лагерь; река Буг, обтекающая всё место празднества; местечко Тересполь и другие селения в отдаленности; толпа народа на мостах и на берегу, взирающего с удивлением на пышный, невиданный им праздник: всё пленяло взор наблюдателя, всё приводило в изумление. Вдруг запели на сей случай сочиненную солдатскую песнь, и разгласилось на лугу троекратно ура! После чего все были созваны к обеду: столы в галлерее и в палатках были накрыты на 300 кувертов.

Уж запахом к себе манили яства,
Литавры грянули! — и новые приятства,
Обед сближает всех,
С ним водворяется в собранье сто утех,
Веселость, откровенность,
Любезность, острота, приязнь, непринужденность.
И, словом вам сказать,
Все радости сошлись нас угощать.
Когда-ж при трубах, барабанах,
Заискрилось шампанское в стаканах,
Венгерское густое полилось,
Бургонское зарделось, —
У всякого лицо от нектара краснелось;
Но стихотворец тут перо свое хоть брось.

Признаться, моя логика велит лучше пить вино, чем описывать, как пьют, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вам говорить о различных сластях и пышностях стола, который, само собою разумеется, был весьма великолепен; 300 человек генералов, штаб и обер-офицеров были угощены нельзя лучше, нельзя роскошнее, нельзя веселее.

И гости все едва-ли
Из-за обеда встали,
Взялись за песни, остроты;
Тут излияния сердечны
Рекою полились: все в радости беспечны!
Болтливость пьяного есть признак доброты;
Пииты-же, как искони доселе,
Всех более шумели,
Не от вина, нет; — на беду
Всегда они в чаду:
Им голову кружит другое упоенье —
Сестер Парнасских вдохновенье.

Не думайте, однако-ж, чтоб забвение всего овладело шумным обществом; нет, забывали важные дела, скуку, горести, неприятности, но не забывали добродетель; она сопутница чистой радости; и в сии часы, когда сердце всякого было на языке, и душа отверзта для добрых впечатлений, открылась подписка в пользу гошпиталя и бедных всякого звания. На сей предмет собрано 6.500 рублей.

Так посвящали мы — честь нашему собранью! —
Забавам час, другой же состраданью.

Время было тихое, благоприятное для прогулки. Серая мгла, нависшая на небе, предохранила от летнего жара; все рассыпались по валу. Между тем пушечная пальба, хоры музыкантов и песельников не умолкали ни на пять минут. Мало-по-малу стало смеркаться, и под вечер пригласили всех на противоположную сторону острова; зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое расстояние, всё в глазах их переменилось: исчезли за кустами и пригорками шатры, галлерея и всё место празднества; явилась природа в дикости: грозные утесы, глубокие рвы, по ту сторону реки сельская картина, луга и рощи возбуждали приятное удивление, прежние сцены казались призраком. К общей

радости нашли там множество дам, которых присутствие, конечно, есть первое украшение всякого праздника.

Их взоры нежные шумливость укрощают
И грустные сердца к веселью возбуждают.

Несколько ракет известили начало фейерверка. Он был прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразностями искусственного огня горело вензелевое имя генерала и владимирская звезда. Амфитеатр, где сидели зрители, сделан был из уступов горы. При выходе оттуда весь остров был уже иллюминован. Дамы и офицеры смешались вместе; в галлерее начались танцы; в полночь был ужин. Генерал до рассвета принимал участие в празднике; потом возвратился домой, сопровождаемый теми же чувствами, теми же отголосками любви и приверженности, с какими был встречен. Он в сей день являл любезного начальника, приятного гостя и чувствительного человека. Есть праздники, которые на другой же день забывают оттого, что даются без цели, или цель их пустая. В столицах виден блеск, в городах п о л у б о я р с к и е затеи; но праздник, в коем участвует сердце, который украшали приязнь, благотворительность и другие душевные наслаждения, — такой праздник оставляет по себе надолго неизгладимые воспоминания.

Философы в ученом заточеньи,
Защитники уединенья,
Наш посетите стан, когда вам есть досуг
Здесь узрите вы дружный, братский круг.
Начальника, отца обширного семейства.
Коль надобно — на смерть идут;
Не нужно — праздники дают.
У вас как-будто чародейство:
От книг нейдете вы на час,
Минута дорога для вас;
А мы на дней не ропщем скоротечность;
Они не истекут, доколе мы живем;
А там настанет вечность.
Так дней не перечтем.

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Нам стоит 10.000 рублей кроме фейерверка. Кончая мою реляцию, желаю вам также веселиться, как я веселился 22-го июня.

С истинным почтением честь имею и проч.

Александр Грибоедов.

P. S. Посылаю вам 1.000 рублей для бедных, которых так много после пожара Москвы. В отдаленности от любезного отечественного края, нам неизвестно, какие частные лица наиболее терпят от бедности. Полагаемся на вас. Конечно заступник неимущих лучше всех знает, кому нужна помощь.

О КАВАЛЕРИЙСКИХ РЕЗЕРВАХ *

Блистательные события прошедшей войны обращали на себя всеобщее внимание и не давали публике времени для наблюдений побочных, но между тем важных причин, кои способствовали к успехам нашего оружия. К оным, конечно, принадлежат резервы, сие мудрое учреждение венценосного нашего героя, сей рассадник юных воинов, которой единственно делал, что войско наше, после кровопролитных кампаний 1812 и 1813 годов, после дорогокупленных побед, как феникс, восставало из пепла своего, дабы пожать новые, неувядаемые лавры на зарейнских полях и явить грозное лицо свое в столице неприятеля. Буду говорить только о формировании кавалерии; ибо сам был очевидцем, дивился быстроте хода его, трудностям, с коими оно сопряжено, и неусыпным стараниям командующего сею частию, который в точности оправдал слова великого нашего государя, изъявившего ему во всемилостивейшем рескрипте **, что не нашел иного, коему бы можно было вверить столь важную часть. Все сие усмотрит читатель из обозрения кавалерийских резервов, которое я постараюсь сделать как можно внятнее и короче, не входя в излишние подробности.

18 октября 1812 года получил генерал от кавалерии Кологривов рескрипт о принятии его в службу и повеле-

* *〈Примечание издателя «Вестника Европы»:〉* Мы получили сию статью из Бреста-Литовского при следующем письме:

«Прошу вас покорно, милостивый государь, поместить следующую статью о кавалерийских резервах в вашем журнале. Чем скорее вы это сделаете, тем более обяжете меня и всех моих здешних сослуживцев. Кажется, что это не против плана вашего издания; не думаю также, чтобы читатели меня упрекали в сухости. Они находили в Вестнике известия о доходах, расходах и долгах Франции и других наций; неужели государственная экономия их отечества менее стоит внимания. Честь имею пребыть и проч... *Грибоедов*».

** 14 июня 1813 года из деревни Петерсвальде, в Силезии.

ние приготовить в Муроме 9.000 кавалерии и по два эскадрона для каждого гвардейского полку. Формирование, возложенное прежде на генерала графа Толстого, не было еще начато по многим важным причинам. — Ни людей, ни лошадей, ни материалов для обмундировки, ниже каких необходимых пособий не было. Едва начали собираться толпы рекрут, как был сказан поход в Новгород-Северск, а не доходя до места, получено повеление идти на Могилев Белорусский. Между тем план формирования переменен и сделан гораздо обширнее. — Повелено было сформировать для каждого армейского полку по два эскадрона из 200 нижних чинов. В Могилеве однако всё более и более приходило в устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начали съезжаться офицеры, которые все, подстрекаемые духом достойного их начальника, пылали благородным соревнованием, чтобы споспешествовать к славе действующей армии, и доказательство сему не двусмысленно. В начале марта 813 года зачали поступать рекруты и лошади, в исходе того же месяца седла и ружья, а в начале апреля выступили в армию 14-ть и вслед за сими 32 эскадрона, готовые в строгом смысле. Потом вся резервная кавалерия двинулась к Слониму, и едва успела туда вступить, как уже выслано 10 гвардейских эскадронов, являющих вид всадников испытанных, закоснелых в военном ремесле, и кои вскоре сделались ужасными неприятелю. Так! в толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусник не был бы в праве ничего требовать, кроме некоторого навыка в обращении с лошадьми, возникли сии с блестящей наружностью искусные в построениях и всем отличные, достойные телохранители великого! — Но что? одобрение его величества по прибытии их во Франкфурт есть несомненный знак их достоинства.

Из Слонима перешли все кавалерийские резервы в Брест-Литовский, и оттоле отправлялись ежемесячно в действующую армию по десяти, двенадцати, двадцати, а в разные времена от августа до января пошло в армию 113, ныне же в готовности 150 эскадронов. И так в пятнадцать, а с настоящего формирования в двенадцать месяцев, образовалось 65.000 кавалерии.

Кто когда-либо служил в кавалерии, кто хоть малейшее имеет понятие о трудностях сей службы; кто приведет

себе на память, что прежде сего один конный полк формировался целыми годами; кто вспомнит, в какое смутное время кавалерийские резервы восприяли свое начало; кто расчислит, какие запутанности встречаются при начале всякого важного и огромного государственного дела; кто взвесит обстоятельства, коих не в силах отвратить никакая предусмотрительность, например: отдаленность губерний, из коих приводятся лошади, порча их на дороге, неопытность иных гражданских чиновников, коим поручено было в губерниях принимать, разбирать, отводить ремонты и так далее; кто притом знает, чего стоит в кроткого земледельца внушить дух бранный, чего стоит заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы приучить к непреклонным воинским уставам, — тот, конечно, подивится многочисленной и отборной коннице, образованной в столь короткое время, в беспрестанных переменах места, на походе от Оки до Буга (2.000 верст) по краям, опустошенным неприятелем; подивится войску, ополченному в случайностях войны, как бы в тишине мира, под сению которого редко что требуется к спеху, и дается времени столько, сколько потребно для совершения нужного дела.

К вящщему доказательству, как успешно формировалась кавалерия, служит конница Польской армии, стоявшая под Гамбургом, равно как и большая часть бывшей во Франции, которая вся составлена генералом Кологривовым; притом эскадроны из новообразованных, которые принимали участие в военных действиях, почти все отличились. Для примера упомянем о Павлоградском гусарском, который, составленный весь из рекрут, и не доходя еще до своего назначения, в одной сшибке с неприятелем разбил его на-голову и взял 200 нижних чинов в плен; также и Сумской ударил один на два эскадрона и обратил их в бегство, имея в виду сильное неприятельское подкрепление. Теперь, обозрев быстрое и успешное формирование, займемся другим не менее важным предметом.

Утихла буря на политическом горизонте; уже не отзываются громы ее, и мир, как благотворный луч солнца, озаряет гражданскую деятельность; истинный патриот, не помышлявший о своем стяжании тогда, когда отечество, удрученное бедствиями, взывало к нему, ныне в мирном досуге рассчитывает убытки, претерпенные госу-

дарством. Убытки сии неизбежны в военное время. Но скажем, к успокоению людей, пекущихся о народном благосостоянии, что кавалерийские резервы, относительно к огромности сего учреждения, весьма мало стоили казне не по одному только бескорыстию командующего сею частию (я не хочу верить, чтобы какой-нибудь российский чиновник помыслил о личных своих выгодах, особенно в то время, как дымилась еще кровь его собратий на отеческих полях); нет! не мудрено * было бы ему, единственно занятому важным поручением, и простительно даже не иметь внимания к экономическим расчетам, повидимому несовместным с пылким духом ревностного военачальника. Отдадим справедливость генералу Кологривову, что он во всякое время умел сливать воинскую деятельность с соблюдением государственной экономии, и покажем это на опыте.

В Муроме делались заготовления провианта и фуража на 12.000 человек и 90.812 лошадей. Генерал Кологривов, по прибытии своем туда, прекратил сие, соображаясь, что таковое число людей и лошадей не могло придти в одно время и содержаться в одном месте. Последствия оправдали принятые им меры; ибо резервы переменили квартиры, а бесполезные заготовления продались бы с публичного торгу гораздо дешевле, чем стоили казне: таким образом сбережено более полумиллиона казенной суммы.

Военным министерством назначено было употребить вольных ремесленников для скорейшего обмундирования нижних чинов, и для делания конского прибора. Сие оказалось ненужным: хозяйственными распоряжениями, употреблением своих мастеров и приучением наиболее к ремеслу рекрут всё сделано равно поспешно, а казенные издержки уменьшены более, чем на 200.000 рублей.

С самого начала формирования приводились лошади не только в изнурении, но и в болезнях; должно было продавать их с публичного торгу. Но генерал Кологривов, почитая всегда священнейшею обязанностию пещись о сохранении государственной пользы, завел на свой счет конский лазарет, в коем лошади по большей части вылечиваются и обращаются на службу. Основание и содержание сего заведения не стоит казне ничего, кроме корма лошадям.

---

* В первопечатном тексте явная опечатка: «Но мудрено». — *Ред.*

Скажу еще одно слово о продовольствии войска, об этой необозримой части государственных расходов. Везде, где только стояла резервная кавалерия, не только не допускали возвышаться справочным ценам, но и значительно понижали их, даже в местах, где после неприятеля сами жители во всем нуждались. Польза, проистекавшая от того для казны, можно сказать неисчисляема; ибо только во время пребывания кавалерийских резервов в Брестском и соседственных поветах уменьшение казенных издержек простирается до нескольких миллионов.

Впрочем нельзя упомнить всех случаев, в коих генерал Кологривов отвращал по возможности ущерб, который могла претерпеть казна. Конечно, должно бы более сказать о ревности его к службе, об известной опытности, о невероятных его стараниях и о чудесной деятельности; но он, сколько я знаю, не любит небрежные, хотя правдивые, хвалы; касательно-ж до читателей, верно всякий благоразумный человек, который приложил внимание к сей статье, со мною вместе скажет: хвала чиновнику, точному исполнителю своих должностей, радеющему о благе общем, заслуживающему признательность соотечественников и милость государя! Хвала мудрому государю, умеющему избирать и ценить достойных чиновников!

(1814)

О РАЗБОРЕ ВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ВЮРГЕРОВОЙ БАЛЛАДЫ «ЛЕНОРА»

Iniquitas partis adversae justum bellum ingerit. *

Я читал в «Сыне Отечества» балладу «Ольга» и на нее критику, на которую сделал свои замечания.

Г-ну рецензенту не понравилась «Ольга»: это еще не беда, но он находит в ней беспрестанные ошибки против грамматики и логики, — это очень важно, если только справедливо; сомневаюсь, подлинно ли оно так; дерзость меня увлекает еще далее: посмотрю, каков логик и грамотей сам сочинитель рецензии!

* Несправедливость противной стороны вызывает справедливую войну. — *Ред.*

Г. Жуковский, говорит он, пишет баллады, другие тоже, следовательно эти другие или подражатели его, или завистники. Вот образчик логики г. рецензента. Может быть, иные не одобрят оскорбительной личности его заключения; но в литературном быту то ли делается? Г. рецензент читает новое стихотворение; оно не так написано, как бы ему хотелось; за то он бранит автора, как ему хочется, называет его завистником и это печатает в журнале, и не подписывает своего имени. — Всё это очень обыкновенно и уже никого не удивляет.

Грамматика у г. рецензента своя, новая и сродни его логике; она, напр[имер], никак не допускает, чтоб

Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Вступать в город под звон колоколов, плясать под музыку. — Так говорится и пишется и утверждено постоянным употреблением, но г. рецензенту это не нравится: стало быть, грамматически неправильно.

Между тем уважим прихоти рецензента, рассмотрим по порядку всё, что ему не нравится.

Во-первых, он не жалует баллад и повторяет сказанное в одной комедии, что «одни только красоты поэзии могли до сих пор извинить в сем роде сочинений странный выбор предметов». Странный выбор предметов, т. е. чудесное, которым наполнены баллады — признаюсь в моем невежестве: я не знал до сих пор, что чудесное в поэзии требует извинения.

В «Ольге» г. рецензенту не нравится, между прочим, выражение рано поутру; он его ссылает в прозу: для стихов есть слова гораздо кудрявее. *

---

* Он вообще непримиримый враг простоты; не знаю, как ускользнули от его критики дышущие пиитическою простотою стихи:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

Также ему не по́-сердцу восклицание *ах!*, когда оно вырывается от души в стихах:

Изменил ли друг любезный!
Умер ли, ах! я умру.

В строфе, в которой так живо описано возвращение воинов-победителей в отеческую страну:

На сраженьи пали шведы,
Турк без брани побежден,
И желанный плод победы,
Мир России возвращен,
И на родину с венками,
С песньми, с бубнами, с трубами,
Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Слово т у р к, которое часто встречается и в образцовых одах Ломоносова и в простонародных песнях, несносно для верного слуха г. рецензента, также и сокращенное: с п е с н ь м и. Этому горю можно бы помочь, стоит только растянуть слова; но тогда должно будет растянуть и целое; тогда исчезнет краткость, чрез которую описание делается живее; и вот что нужно г. рецензенту: его длинная рецензия доказывает, что он не из краткости бьется. —

Далее он изволит забавляться над выражением: с л у ш а й, д о ч ь — «подумаешь, — замечает он, — что мать хочет бить дочь». Я так полагаю, и верно не один, что мать просто хочет говорить с дочерью. —

Еще не нравятся г. рецензенту стихи:

. . . . В Украйне дальной
Если клятв не чтя своих,
Обошел налой венчальной
Уж с другою твой жених.

Он находит, что проза его гораздо лучше:

Может быть неверный
В чужой земле Венгерской
Отрекся от своей веры
Для нового брака.

Так переводит он из Бюргера; не видно, между тем почему это хорошо, а русские стихи дурны. Притом г. ре-

ценженту никак не хочется, чтобы налой, при котором венчаются, назывался налоем венчальным. Но он час от часу прихотливее: в ином месте эпитет: с л е з н ы й ему кажется слишком с у х и м, в другом тон мертвеца слишком грубым. В этом, однако, и я с ним согласен: поэт не прав; в наш слезливый век и мертвецы должны говорить языком романическим. Nous avons tout changé, nous faisons maintenant la médécine d'une méthode toute nouvelle. *

Вот как в балладе любовник-мертвец говорит с Ольгой:

«Мы лишь ночью скачем в поле;
Я с Украйны за тобой:
Поздно выехал оттоле,
Чтобы взять тебя с собой».
— «Ах, войди, мой ненаглядный!
В поле свищет ветер хладный;
Здесь в объятиях моих
Обогрейся, мой жених!»

* * *

— «Пусть он свищет, пусть колышет,
Что до ветру мне? Пора!
Ворон конь мой к бегу пышет,
Мне нельзя здесь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Ворон конь домчит стрелою,
Нам сто верст еще: пора
В путь до брачного одра».

* * *

— «Где живешь? скажи нелестно:
Что твой дом? велик? высок?»
— «Дом землянка». — «Как в ней?» — «Тесно».
— «А кровать нам?» — «Шесть досок».
— «В ней уляжется ль невеста?» —
— «Нам двоим довольно места».

Стих: «в ней уляжется ль невеста?» заставил рецензента стыдливо потупить взоры; в ночном мраке, когда робость любви обыкновенно исчезает, Ольга не должна делать такого вопроса любовнику, с которым готовится разделить брачное ложе? — Что же ей? предаться тощим мечтаниям любви идеальной? — Бог с ними, с мечтаниями;

---

* Мы всё изменили, мы лечим теперь по совершенно новому методу. — *Ред.*

ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос.

Ольга встала, вышла, села
На коня за женихом,
Обвила ему вкруг тела
Руки белые кольцом.
Мчатся всадник и девица
Как стрела, как пращь, как птица,
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Эта прекрасная строфа, сверх чаяния, понравилась и г. рецензенту; он только замечает, что поэт дал слову п р а щ ь значение ему несвойственное: — наконец, исписав 17 страниц, г. р[ецензент] дописался до замечания справедливого. Скажу только, что слово п р а щ ь в таком смысле, как оно принято в «Ольге», находится также в одном месте у г. Ж у к о в с к о г о:

От стука палиц, свиста пращей,
Далече слышан гул дрожащий.

Стихотв[орения] Жуковск[ого], т. I, стр. 107.

Потом г. р[ецензент], от нечего делать, предлагает несколько вопросов для решенья, — от нечего делать, говорю я: потому что он мог легко бы сам себе на них отвечать, напр[имер], в стихах:

Наскакал в стремленьи яром
Конь на каменный забор.
С двери вдруг, хлыста ударом,
Спали петли и запор.

Он спрашивает: что такое н а с к а к а л н а з а б о р? Всякий грамотный и неграмотный русский человек знает, что наскакал на забор значит: примчался во всю прыть к забору. — «С какой двери (продолжает он) спали петли», и пр. — С той же, на которую в переводе у г. рецензента: с е д о к п о с к а к а л, о п у с т и в у з д у. Далее в стихах:

На дыбы конь ворон взвился
Диким голосом заржал,
Стукнул в землю — провалился
И навеки с глаз пропал.

Рецензент спрашивает: с чьих глаз? — Такие вопросы заставляют сомневаться, точно ли русский человек их делает. Он свою рецензию прислал из Тентелевой деревни С[анкт]-П[етер]-б[ургской] губернии; нет ли там колонистов? не колонист ли он сам? — В таком случае прошу сто раз извинения. — Для переселенца из Немечины он еще очень много знает наш язык. Но к концу рецензент делается чрезвычайно весел. Ему не нравится, что

Ольга в страхе, без ума,
Неподвижна и нема,

и он хочет ее уронить. — Да, да! — ведь у Бюргера, — говорит он, — могла же она упасть и лежать. Надобно ее непременно уронить. Куда девалась ваша стыдливость, г. рецензент.

Но за этим следует замечание, которое похоже на дело. В балладе адские духи припевают погибшей Ольге:

С богом в суд нейди крамольно,
Скорбь терпи, хоть сердцу больно,
Казнена ты во плоти.
Грешну душу бог прости.

Точно, не шло бы адским духам просить бога о помиловании грешной души, хотя это и у Бюргера так: однако три первые стиха по-моему более походят на злобные укоризны, на иронию, чем на проповедь, вопреки г. рецензенту: но видно участь моя ни в чем с ним не соглашаться. Его суждения мне не кажутся довольно основательными, а у меня есть маленький предрассудок, над которым он верно будет смеяться: напр[имер], я думаю, что тот, кто взял на себя труд сверять русский перевод с немецким подлинником, должен между прочим хорошо знать и тот и другой язык. Конечно, г. рецензент признает это излишним, ибо кто же сведущий в русском языке переведет с немецкого:

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Gings mit verhängtem Zügel,

т. е. «пустился во весь опор на железные решетчатые ворота».

Кто переведет это таким образом, как г. р[ецензент]: «быстро на железную решетчатую дверь

поскакал (седок), опустив узду». Так точно французское: ventre à terre* можно перевести брюхом по земле.

У Бюргера Ленора говорит:

Verloren ist verloren.**

А Ольга в русской балладе:

Нет надежды, нет, как нет!

Рецензент кричит: Нет! не то! не то! не то! Надлежало сказать: то, то, именно то, не может быть проще и вернее, не может быть иначе. Но если верить г. рецензенту, он сам по себе не вооружился бы против Ольги, взыскательные неотвязчивые читатели его окружают. Они заставили его написать длинную критику. Жалею я его читателей; но не клеплет ли он на них? — В противном случае, зачем было говорить с ними так темно: «Что касается до меня, то я право ничего бы не нашел сказать против этих стихов, кроме того, что, так сказать, не йдут в душу». Такой нескладный ответ, натурально, никого не удовлетворит: с неугомонными читателями надобно было поступить простее; надобно было сказать им однажды навсегда: «Государи мои! не будем толковать о поэзии! она для нас мудреная грамота, а примитесь за газеты». Читатели бы отстали, а бесполезная и оскорбительная критика в журнале не наполнила бы 22-х страниц.

Но нет! г. рецензент не мог отговориться: судить криво, бранить — какое невинное удовольствие! Как отказать себе в этом? притом же писать для того, чтобы находить одно дурное в каком-либо творении — подвиг немного-трудный: стоит только запастись бумагой, присесть и писать до тех пор, доколе не наскучит; надоело: кончить, и выйдет рецензия в роде той, которая сделана на «Ольгу». — Может быть, иные мне не вдруг поверят; для таких опыт — лучшее доказательство.

Переношусь в Тентелеву деревню и на минуту принимаю на себя вид рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои грехи. Около меня лежат разные сочинения в сти-

* Во весь опор. — *Ред.*
** Утрачено — значит утрачено. — *Ред.*

хах и в прозе, ко мне, будто невзначай, попалась в руки «Людмила». Читаю и на первом стихе второго куплета остановляюсь:

Пыль туманит *отдаленье.*

Можно сказать: пыль туманит даль, отдаленность, но и то слишком фигурно, а отдаление просто значит, что предмет удаляется; если принять, что пыль туманит отдаленье, можно будет сказать: что она туманит у д а л е н ь е и п р и б л и ж е н ь е. Но за сим следует:

Светит ратных ополченье.

Теперь я догадываюсь: о т д а л е н ь е поставлено для рифмы. О, рифма! * Далее:

Где ж, Людмила, твой герой?

Слишком напыщенно.

Где твоя, Людмила, радость!
Ах! прости *надежда-сладость.*

Н а д е ж д а - с л а д о с т ь. — Опять-таки для рифмы! Одно существительное сливают с другим, для того, чтоб придать ему понятие, которое не заключается в нем необходимо. Напр[имер], девица-краса, любовник-воин, но надежда — всегда сладость. — Далее мать говорит дочери:

Мертвых стон не воскресит.

А дочь отвечает:

. . . . . .
Не призвать минувших дней
. . . . . .
Что прошло, не возвратимо.
. . . . . .
Возвращу ль невозвратимых?

Мне кажется, что они говорят одно и то же, а намерение поэта — заставить одну говорить дело, а другую то, что ей внушает отчаяние. Вообще, как хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти все дышат кротостью и смирением, за что ж бы, кажется, ее так жестоко нака-

* Читатели не должны быть в заблуждении насчет сих резких замечаний: они сделаны только в подражание рецензенту «Ольги».

зывать? Должно думать, что за безрассудные слова, ибо под концом усопших хор ей завывает:

Смертных ропот безрассуден,
Час твой бил — и пр.

Но где же этот ужасный ропот, который навлек на нее гнев всевышнего? Самая богобоязненная девушка скажет то же, когда узнает о смерти своего любезного. Царь небесный нас забыл — вот самое сильное, что у ней вырывается в горести, но при первом призраке счастия, когда она мертвеца принимает за своего жениха, ее первое движение благодарить за то бога и вот ее слова:

Знать *тронулся* царь небесный
Бедной девицы тоской!

Неужели это так у Бюргера? Раскрываю «Ленору». Вот как она говорит с матерью:

O Mutter! Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sakrament.
Kein Sakrament mag Leben
Den Todten wieder geben. *

Извините, г-н Бюргер, вы не виноваты! Но возвратимся к нашей Людмиле. Она довольно погоревала, довольно поплакала, наступает вечер.

И зерцало зыбких вод
И небес далекий свод
В светлый сумрак *облеченны*.

Облеченны вместо облечены нельзя сказать; это маленькая ошибка против грамматики. О, грамматика, и ты тиранка поэтов! Но чу! бьет полночь! К Людмиле крадется мертвец на цыпочках, конечно, чтоб никого не испугать.

Тихо брякнуло кольцо,
Тихим шопотом сказали:
Все в ней жилки задрожали,
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:
«Спит иль нет моя Людмила,
Помнит друга, иль забыла?» и т[ак] далее.

---

* О, мать, мать! То, что жжет меня,
Никакая святыня не может утолить.
Никакая святыня не может жизнь
Вернуть мертвецу.—*Ред.*

Этот мертвец слишком мил; живому человеку нельзя быть любезнее.

После он спохватился и перестал говорить человеческим языком, но всё-таки говорит много лишнего, особливо когда подумаешь, что ему дан к р а т к и й, к р а т к и й с р о к и м и г с т р а ш е н з а м е д л е н ь я.

Мы коней своих *седлаем*,
Темны кельи *покидаем*,

Такие стихи:

Хотя и не варяго-росски,
Но истинно немного плоски.

И не прощаются в хорошем стихотворении.

Поздно я пустился в путь,
Ты моя — моею будь!

К чему приплетен последний стих?

Способ, который употребляет мертвец, чтоб уговорить Людмилу за собою следовать, очень оригинален:

Чу! совы пустынной крики!
. . . . . .
Едем, едем . . . . . .

Кажется, что крик сов вовсе не заманчив, и он должен бы удержать Людмилу от ночной поездки. И это *чу!* слишком часто повторяется:

Чу! совы пустынной крики!
. . . . . .
Чу! полночный час звучит.
. . . . . .
Чу! в лесу потрясся лист!
Чу! в глуши раздался свист!

Такие восклицания надобно употреблять гораздо бережнее; иначе они теряют всю силу. Но в «Людмиле» есть слова, которые преимущественно перед другими повторяются. Мертвец говорит:

Слышишь! пенье, брачны лики!
Слышишь! борзый конь заржал.
. . . . . .
Слышишь! конь грызет бразды!

А Людмила отвечает:

Слышишь? колокол гудит!

Наконец, когда они всего уже наслушались, мнимый жених Людмилы признается ей, что дом его гроб и путь к нему далек. Я бы, например, после этого ни минуты с ним не остался; но не все видят вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нежною рукой и помчалась с ним:

Скоком, лётом по долинам. —

Дорогой спутник ее ворчит сквозь зубы, что он мертвый и что:

Путь их к келье гробовой.

Эта несообразность замечена уже рецензентом «Ольги». Но что ж? Людмила верно вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвечает:

Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом — земли утроба.

Впрочем, дорогой Людмиле довольно весело: ей встречаются приятные тени, которые

Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились.

И вкруг ее:

Поют воздушны лики,
Будто в листьях повелики
Вьется легкий ветерок,
Будто плещет * ручеек.

Потом мертвец опять сбивается на тон аркадского пастушка и говорит своему коню:

Чую *ранний ветерок.*

Но пусть Людмила мчится на погибель; не будем далее за нею следовать.

Чтоб не нагнать скуки на себя, ни на читателя, сбрасываю с себя маску привязчивого рецензента и, в заключение, скажу два слова о критике вообще. Если разбирать

* В первопечатном тексте опечатка: «течет». — *Ред.*

творение для того, чтобы определить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать в нем красот. Если их нет — не стоит того, чтобы писать критику; если ж есть, то рассмотреть, какого они рода? много ли их или мало? Соображаясь с этим только, можно определить достоинство творения. Вот чего рецензент «Ольги» не знает, или знать не хочет.

⟨Июль 1816⟩

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ ⟨«СЫНА ОТЕЧЕСТВА»⟩ ИЗ ТИФЛИСА ОТ 21 ЯНВАРЯ ⟨1819 г.⟩

Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом; в несколько дней от севера перенесся к полуденным краям, прилежащим к Кавказу (не мысленно, а по почте: одно другого побеспокойнее!); вдоль по гремучему Тереку вступил в скопище громад, на которые, по словам Ломоносова, Россия локтем возлегла, но теперь его подвинула уже гораздо далее. Округ меня неплодные скалы, над головою царь птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя; впереди светлелись снежные верхи гор, куда я вскоре потом взобрался, и нашел сугробы, стужу, все признаки глубокой зимы; но на расстоянии нескольких верст суровость ее миновалась: крутой спуск с Кашаура ведет прямо к весенним берегам Арагвы; оттуда один шаг до Тифлиса, и я уже четвертый месяц как засел в нем, и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватится, всеми забыт, ни от кого ни строчки! Стало быть стоит только заехать за три тысячи верст, чтобы быть как мертвым для прежних друзей! Я не плачу́ им таким же равнодушием, тем, которых любил, бывши с ними в одном городе; люблю и теперь вспоминать проведенное с ними приятное время, всегда об них думаю, наведываюсь у приезжих обо всем, что происходит под вашим 60 градусом северной широты; всё, что оттуда здесь узнать можно, самые незначущие мелочи сильно действуют на меня, и даже газетные ваши вести я читаю с жадностью.

Теперь представьте мое удивление: между тем, как я воображал себя на краю света, в уголке, пренебреженном просвещенными жителями столицы, на днях, пере-

бирaвши листки Русского Инвалида, в № 284 прошедшего декабря, между важными известиями об американском жарком воскресенье, о бесконечном процессе Фуальдеса, о докторе Верлинге, Бонапартовом лейб-медике, вдруг попадаю на статью о Грузии: стало быть эта сторона не совсем еще забыта, думал я; иногда и сю занимаются, а следовательно и теми, которые в ней живут... И было порадовался, но что ж прочел? Пишут из Константинополя от 26 октября, будто бы в Грузии произошло возмущение, коего главным виновником почитают одного богатого татарского князя. Это меня и опечалило, и рассмешило.

Скажите, не печально ли видеть, как у нас о том, что полагают происшедшим в народе, нам подвластном, и о происшествии столько значущем, не затрудняются заимствовать известия из иностранных ведомостей, и не обинуясь выдают их по крайней мере за правдоподобные, потому что ни в малейшей отметке не изъявляют сомнения, а можно б было кажется усомниться, тем более, что этот слух вздорный, не имеет никакого основания: вероятно, что об истинном бунте узнали бы в Петербурге официально, не чрез Константинополь. Возмущение народа не то, что возмущение в театре против дирекции, когда она дает дурной спектакль: оно отзывается во всех концах империи, сколько впрочем ни обширна наша Россия. И какие есть татарские князья в Грузии? Их нет во первых, да если бы и были: здесь что татарский князь, что немецкий граф — одно и то же: ни тот, ни другой не имеют никакого голоса. Я, как очевидец и пребывая в Тифлисе уж с некоторого времени, могу вас смело уверить, что здесь не только давно уже не было и нет ничего похожего на бунт, но при твердых и мудрых мерах, принятых ныне Правительством, всё так спокойно и смирно, как бы в земле, издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Вместо прежнего самоуправства, ныне каждый по своей тяжбе идет покорно в дом суда и расправы, и русские гражданские чиновники, оберегатели частных прав, каждого удовлетворят сообразно с правосудием. На крытых улицах базара промышленность скопляет множество людей, одних для продажи, других для покупок; иные брадатые политики, окутанные бурками, в мехо-

вых шапках, под вечер сообщают друг другу р а м б а в и и (новости) о том, например, как недавно здешние войска в горах туда проложили себе путь, куда конечно из наших никто прежде не заходил. На плоских здешних кровлях красавицы выставляют перед прохожими свои нарумяненные лица, которые без того были бы гораздо красивее, и лениво греются на солнышке, нисколько не подозревая, что отцы их и мужья бунтуют в И н в а л и д е. В караван-сарай привозятся предметы трудолюбия, плоды роскоши, получаемые через Черное море, с которым ныне новое ближайшее открыто сообщение сквозь Имеретию. В окрестностях города виртембергские переселенцы бестревожно обстраиваются; зажиточные исчисляют, сколько веков, годов и месяцев составят время, времена и полвремени, проповедуют Ш[тиллингов] золотой Иерусалим с жемчужными вратами, недостаточные работают; дети их каждое утро являются на улицах и в домах с духовными виршами механика К***, которых никто не слушает, и с ковришками, которые все раскупают, и щедро платят себе за лакомство, им на пропитание. Вечером в порядочных домах танцуют, на с а к л я х (террасах) звучат бубны, и завывают песни, очень приятные для п о ю щ и х. Между тем город приметно украшается новыми зданиями. Всё это, согласитесь, не могло бы так быть в смутное время, когда богатым татарским князьям пришло бы в голову возмущать всеобщее спокойствие.

Не думаю, чтобы повод к распространению таких слухов подала прошлогодняя экспедиция командующего Грузинским отдельным корпусом генерала от инфантерии Е р м о л о в а. Вот что было: заложена крепость на Сунже с намерением пресечь шатания чеченцев, которые часто слезают с лесистых вершин своих, чтобы хищничать в низменной Кабарде. Крепостные работы окончены успешно и беспрепятственно. Имея при том в виду во всех направлениях расчистить пути среди гор, в которых многие места по сие время для нас были непроходимым блуждалищем, и разрыть во множестве сокровенные в них богатства природы, дано им было предписание генерал-майору П е с т е л ю занять Башлы в Дагестане. Акушинцы и другие народы, не уразумев истинных его намерений, испуганные, обсели соседственные высоты;

когда туда же приступил от крепости Грозной сам генерал Ермолов, они мгновенно рассеялись; возбудителям этого скопления дарована пощада, и одним словом никогда в тамошних странах державная власть нашего государя не опиралась столь надежно на покорстве народов, как ныне. Еще нужны труды и подвиги, подобные тем, которые подъяты здешним Главноначальствующим с тех пор, как он вступил в управление земель и народов, ему вверенных, — и необузданность горцев останется только в рассказах о прошедшем. Впрочем, если и принять в уважение, что экспедиция, о которой я сейчас упомянул, причиною толков о мнимом грузинском бунте, на что же нам даны ландкарты, коли в них никогда не заглядывать? Они ясно показывают, что события с Кавказской линии также не годится переносить в Грузию, как в Литву то, что случается в Финляндии.

Я бы впрочем не взял на себя неблагодарного труда исправлять газетные ошибки, если бы обстоятельство, о котором дело идет, не было чрезвычайно важно для меня собственно по месту, которое мне повелено занимать при одном азиатском дворе. Российская империя обхватила пространство земли в трех частях света. Что не сделает никакого впечатления на германских ее соседей, легко может взволновать сопредельную с нею восточную державу. Англичанин в Персии прочтет ту же новость, уже выписанную из русских официальных ведомостей, и очень невинно расскажет ее кому угодно в Тавризе или Тейране. Всякому предоставляю обсудить последствия, которые это за собою повлечь может.

А где настоящий источник таких вымыслов? Кто первый их выпускает в свет? Какой-нибудь армянин, недовольный своим торгом в Грузии, приезжает в Царьград и с пасмурным лицом говорит товарищу, что там плохо дела идут. Приятельское известие передается другому, который частный ропот толкует общим целому народу. Третьему не трудно мечтательный ропот превратить в возмущение! Такая догадка скоро приобретает газетную достоверность и доходит до «Г а м б у р г с к о г о К о р р е с п о н д е н т а», от которого ничто не укроется, а у нас привыкли его от доски до доски переводить, так как же не выписать оттуда статью из К о н с т а н т и н о п о л я?

Потрудитесь заметить почтенному редактору «Инвалида», что не всяким турецким слухам надлежит верить, что если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может назваться краем забвения, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно.

⟨ЗАМЕТКА ПО ПОВОДУ «ГОРЯ ОТ УМА»⟩

Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подвергались той же участи, — так мне ли роптать? — В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, — но его поняли, всё уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной — дар, искусство; с другой — восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственною личностью, нежели автором и его произведением? Притом, сколько привычек и условий, ни мало не связанных с эстетическою частью творения, — однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех — четырех сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге, — и все движутся, входят и выходят, и встают и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) — искусство угождать ей, то-есть, делать глупости.

⟨1824—1825⟩

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ПЕТЕРБУРГСКОГО НАВОДНЕНИЯ

Я проснулся за час перед полднем; говорят, что вода чрезвычайно велика, давно уже три раза выпалили с крепости, затопила всю нашу Коломну. Подхожу к окошку и вижу быстрый проток; волны пришибают к возвышенным троттуарам; скоро их захлеснуло; еще несколько минут и черные пристенные столбики исчезли в грозной новорожденной реке. Она посекундно прибывала. Я закричал, чтобы выносили что понужнее в верхние жилья (это было на Торговой, в доме В. В. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до нас не скоро дойдет; бегаю, распоряжаюсь — и вот уже из-под полу выступают ручьи, в одно мгновение все мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, в приспешную, которая на полтора аршина выше остальных покоев; еще полчаса — и тут воды со всех сторон нахлынули, люди с частию вещей перебрались на чердак; сам я нашел убежище во 2-м ярусе, у N. П. — Его спокойствие меня не обмануло: отцу семейства не хотелось показать домашним, чего надлежало страшиться от свирепой, беспощадной стихии. В окна вид ужасный: где за-час пролегала оживленная, проезжая улица, катились ярые волны с ревом и с пеною, вихри не умолкали. К театральной площади, от конца Торговой и со взморья, горизонт приметно понижается; оттуда бугры и холмы один на другом ложились в виде неудержимого водоската.

Свирепые ветры дули прямо по протяжению улицы, порывом коих скоро воздымается бурная река. Она мгновенно мелким дождем прыщет в воздухе, и выше растет и быстрее мчится. Между тем, в людях мертвое молчание; конопать и двойные рамы не допускают слышать дальних отголосков, а вблизи ни одного звука ежедневного человеческого; ни одна лодка не появилась, чтобы воскресить упадшую надежду. Первая — гобвахта какая-то, сорванная с места, пронеслась к Кашину мосту, который тоже был сломлен и опрокинут; лошадь с дрожками долго боролась со смертию, наконец уступила напору и увлечена была из виду вон; потом поплыли беспрерывно связи,

отломки от строений, дрова, бревна и доски — от судов ли разбитых, от домов ли разрушенных, различить было невозможно. Вид стеснен был противустоящими домами; я через смежную квартиру П. побежал и взобрался под самую кровлю, раскрыл все слуховые окна. Ветер сильнейший и в панораме пространное зрелище бедствий. С правой стороны (стоя задом к Торговой), поперечный рукав на место улицы между Офицерской и Торговой; далее часть площади в виде широкого залива, прямо и слева Офицерская и Английский проспект и множество перекрестков, где водоворот сносил громады мостовых развалин; они плотно спирались, их с троттуаров вскоре отбивало; в самой отдаленности хаос, океан, смутное смешение хлябей, которые отвсюду обтекали видимую часть города, а в соседних дворах примечал я, как вода приступала к дровяным запасам, разбирала по частям, по кускам и их, и бочки, ушаты, повозки и уносила в общую пучину, где ветры не давали им запружать каналы: всё изломанное в щепки неслось, влеклось неудержимым, неотразимым стремлением. Гибнущих людей я не видал, но, сошедши несколько ступеней, узнал, что пятнадцать детей, цепляясь, перелезли по кровлям и еще неопрокинутым загородам, спаслись в людскую, к хозяину дома, в форточку, также одна ⟨девушка⟩, * которая на этот раз одарена была необыкновенною упругостию членов. Всё это осиротело. Где отцы их, матери!!! Возвратясь в залу к С., я уже нашел, по сравнению с прежним наблюдением, что вода нижние этажи иные совершенно залила, а в других поднялась до вторых косяков 3-х стекольных больших окончин, вообще до 4-х аршин уличной поверхности. Был третий час пополудни; погода не утихала, но иногда солнце освещало влажное пространство, потом снова повлекалось тучами. Между тем вода с четверть часа остановилась на той же высоте, вдали появились два катера, наконец волны улеглись и потоп не далее простер смерть и опустошение: вода начала сбывать.

Между тем (и это узнали мы после), сама Нева против дворца и адмиралтейства горами скопившихся вод сдвинула и расчленила огромные мосты Исакиевский, Троиц-

* Слово «девушка» прочитано предположительно. — *Ред.*

кий и иные. Вихри буйно ими играли по широкому разливу, суда гибли и с ними люди, иные истощавшие последние силы поверх зыбей, другие на деревах бульвара висели над клокочущей бездною. В эту роковую минуту государь явился на балконе. Из окружавших его один сбросил с себя мундир, сбежал вниз, по-горло вошел в воду, потом на катере поплыл спасать несчастных. Это был генерал-адъютант Бенкендорф. Он многих избавил от потопления, но вскоре исчез из виду, и во весь этот день о нем не было вести. Граф Милорадович в начале наводнения проѣсся к Екатерингофу, но его поутру не было, и колеса его кареты, как пароходные крылья, рыли бездну и он едва мог добраться до дворца, откудова, взявши катер, спас нескольких.

Всё, по сю сторону Фонтанки до Литейной и Владимирской, было наводнено. Невский проспект превращен был в бурный пролив; все запасы в подвалах погибли; из нижних магазинов выписные изделия быстро поплыли к Аничкову мосту; набережные различных каналов исчезали и все каналы соединились в одно. Столетние деревья в Летнем саду лежали грядами, исторгнутые, вверх корнями. Ограда Ломбарда на Мещанской и другие, кирпичные и деревянные, подмытые в основании, обрушивались с треском и грохотом.

На другой день поутру я пошел осматривать следствия стихийного разрушения. Кашин и Поцелуев мосты были сдвинуты с места. Я поворотил вдоль Пряжки. Набережные, железные перилы и гранитные пиластры лежали лоском. Храповицкий * отторгнут от мостовых укреплений, неспособный к проезду. Я перешел через него и возле дома графини Бобринской, середи улицы очутился мост с Галерного канала; на Большой Галерной раздутые трупы коров и лошадей. Я воротился опять к Храповицкому мосту и вдоль Пряжки и ее изрытой набережной дошел до другого моста, который накануне отправило вдоль по Офицерской. Бертов мост тоже исчез. По пловучему лесу и по наваленным поленам, погружаясь

* Мост. — *Ред.*

в воду то одной ногою, то другою, добрался я до Матиловых тоней. Вид открыт был на Васильевский остров. Тут, в окрестности, не существовало уже нескольких сот домов; один, и то безобразная груда, в которой фундамент и крыша всё было перемешано; я подивился, как и это уцелело. — Это не здешние; отсюдова строения бог ведает куда унесло, а это прибило сюда с Ивановской гавани. — Между тем подошло несколько любопытных; иные, завлеченные сильным спиртовым запахом, начали разбирать кровельные доски; под ними скот домашний и люди мертвые и всякие вещи. Далее нельзя было итти по развалинам; я приговорил илик и пустился в Неву; мы поплыли в Галерную гавань; но сильный ветер прибил меня к Сальным буянам, где, на возвышенном гранитном берегу, стояло двух-мачтовое чухонское судно, необыкновенной силою так высоко взмощенное; кругом поврежденные огромные суда, издалека туда заброшенные. Я взобрался вверх; тут огромное кирпичное здание, вся его лицевая сторона была в нескольких местах проломлена, как бы десятком стенобитных орудий; бочки с салом разметало повсюду; у ног моих черепки, луковица, капуста и толстая связанная кипа бумаг с надписью: «№ 16. февр. 20. Дела казенные».

Возвращаясь по Мясной, во втором доме от Екатерингофского проспекта заглянул я в нижние окна. Три покойника лежало уже, обвитые простиралами, на трех столах. Я вошел во внутренний двор, — ни души живой. Проникнул в тот покой, где были усопшие, раскрыл лица двоих; пожилая женщина и девочка с открытыми глазами, с оскаленными белыми зубами; ни малейшего признака насильственной смерти. До третьего тела я не мог добраться от ужаснейшей наносной грязи. Не знаю, трупы ли это утопленников или скончавшихся иною смертию. На Торговой, недалеко от моей квартиры, стоял пароход на суше.

Необыкновенные события придают духу сильную внешнюю деятельность; я не мог оставаться на месте и поехал на Английскую набережную. Большая часть ее загромождена была частями развалившихся судов и их груза. На дрожках нельзя было пробраться; перешед с половину

версты, я воротился; вид стольких различных предметов, беспорядочно разметанных, становился однообразным; повсюду странная смесь раздробленных ⟨....⟩ *

Я наскоро собрал некоторые черты, поразившие меня наиболее в картине гнева рассвирепевшей природы и гибели человеков. Тут не было места ни краскам витийственности, от рассуждений я также воздерживался: дать им волю, значило бы поставить собственную личность на место великого события. Другие могут добавить несовершенство моего сказания тем, что сами знают; г-да Греч и Булгарин берутся его дополнить всем, что окажется истинно замечательным, при втором издании этой тетрадки, если первое скоро разойдется и меня здесь уже не будет.

Теперь прошло несколько времени со дня грозного происшествия. Река возвратилась в предписанные ей пределы; душевные силы не так скоро могут притти в спокойное равновесие. Но бедствия народа уже получают возможное уврачевание; впечатления ужаса мало-по-малу ослабевают, и я на сем останавливаюсь. В общественных скорбях утешен мыслию, что посредством сих листков друзья мои в отдаленной Грузии узнают о моем сохранении в минувшей опасности, и где ныне нахожусь, и чему был очевидцем.

⟨*Ноябрь 1824*⟩

ЗАГОРОДНАЯ ПОЕЗДКА

(ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ЮЖНОГО ЖИТЕЛЯ)

На высоты! на высоты! Подалее от шума, пыли, от душного однообразия наших площадей и улиц. Куда-нибудь, где воздух реже, откуда груды зданий в неясной дали слились бы в одну точку, весь бы город представил из себя центр отменно мелкой, ничтожной деятельности, кипящий муравейник. Но куда же вознестись так высоко, так свободно из Петербурга? — в Парголово.

---

* Недописано. — *Ред.*

В полдень, 21-го июня, мы пустились по известной дороге из Выборгской заставы. Не роскошные окрестности! Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели; жители их выжигают. Дымный запах, бледное небо, скрипучий песок, всё это не располагает странников к приятным впечатлениям. Подымаемся на пригорок, и на другой (кажется на шестой версте); лошадям тяжело, но душе легче, просторнее. Отсюда взор блуждает по бесконечной поверхности лесной чащи. Те же ели, но под скудною тенью их редких ветвей, в их тощей зелени, в бездушных иглах нет отрады, теперь же, с крутизны холма, пирамидальные верхи их сглажены, особенности исчезли; под нашими ногами засинелся лес одной полосой, далеко протяженною, и вид неизмеримости сообщает душе гордые помышления. — В сообществе равных нам, высших нас, так точно мы, ни ими, ни собою недовольные, возносимся иногда парением ума над целым человечеством, и как величественна эта зыбь вековых истин и заблуждений, которая отовсюду простирается далеко за горизонт нашего зрения!

Другого рода мысли и чувства возбуждает, несколько верст далее, влево от большой дороги, простота деревенского храма. Одинок, и построен на разложистом мысе, которого подножие омывает тихое озеро; справа ряд хижин, но в них не поселяне. Нежная белизна красавиц и торопливость их услужников напоминают... не знаю именно, о чем; но здесь они менее озабочены чинами всякого рода.

Вот и край наших желаний. Всё выше и выше, места картинные: мирные рощи, дубы, липы, красивые сосны, то по нескольку вместе стоят среди спеющей нивы, то над прудом, то опоясывают собою ряд холмов; под их густою сению дорога завивается до самой вершины, — доехали.

Тут всякий спешит на дерновую площадку, на которую взбегают уступами, со стороны сада. Сквозь расчищенный просек виднеются вдали верхи башен петербургских. Так рассказывают, но мы ничего не видали. Наше зрелище ограничивалось тем живописным озером, мимо которого сюда ехали; далее всё было подернуто сизыми парами; и вот одно ожидание рушилось, как идея поэта часто тускнеет при неудачном исполнении. В замену изящной

отдаленности, мы любовались тем, что было ближе. Под нами, на берегах тихих вод, в перелесках, в прямизнах аллей, мелькали группы девушек; мы пустились за ними, бродили час, два; вдруг послышались нам звучные, плясовые напевы, голоса женские и мужские, с того же возвышения, где мы прежде были. Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги? — Приходим назад: то место было уже наполнено белокурыми крестьяночками в лентах и бусах; другой хор из мальчиков; мне более всего понравились двух из них смелые черты и вольные движения. Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полу-европейцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико всё, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невнятны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами.

Песни не умолкали; затянули: Вниз по матушке по Волге; молодые певцы присели на дерн и дружно грянули в ладоши, подражая мерным ударам весел; двое на ногах оставались: Атаман и Есаул. Былые времена! как живо воскрешает вас в моей памяти эта народная игра: тот век необузданной вольности, в который несколько удальцов бросались в легкие струги, спускались вниз по протоку Ахтубе, по Бузан-реке, дерзали в открытое море, брали дань с прибрежных городов и селений, не щадили ни красоты девичьей, ни седины старческой, а, по словам Шардена, в роскошном Фируз-Абате, угрожали блестящему двору шаха Аббаса. Потом, обогатясь корыстями, несметным числом тканей узорчатых, серебра и золота, и жемчуга окатного, возвращались домой, где ожидали их любовь и дружба; их встречали с шумною радостью и славили в песнях.

Время длилось. Северное летнее солнце, как всегда перед закатом, казалось неподвижно; мой товарищ предложил мне пуститься верхом, еще подалее, к другой цепи возвышений. Сели на лошадей, которые здесь сродни горным мулам, но из нашей поездки ничего не вышло, кроме благотворного утомления для здоровья. Дым от выжженных и курившихся корней носился по дороге. Солнце в этом мраке походило на ночное светило. Возвратились опять в Парголово; оттуда в город. Прежнею дорогою, прежнее уныние. К тому же суровость климата! При спуске с одного пригорка мы разом погрузились в погребной, влажный воздух; сырость проникала нас до костей. И чем ближе к Петербургу, тем хуже: по сторонам предательская трава; если своротить туда, тинистые хляби вместо суши. На пути не было никакой встречи, кроме туземцев финнов; белые волосы, мертвые взгляды, сонные лица!

⟨Июнь 1826⟩

ХАРАКТЕР МОЕГО ДЯДИ

Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующим, характер моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэллировались, но всякий пылал непреодолимою страстью обманывать женщин в любви, мужчин в карты или иначе; по службе начальник уловлял подчиненного в разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанным ни на какой истине; но за то как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы-спутники до первого затмения! Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравоучений: «*я*, брат!..»

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

I. ⟨ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ МОЗДОКА ДО ТИФЛИСА⟩

⟨Октябрь 1818⟩

1-й переход

Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светлооблачный, перемешанный с лазурью. Быстрина Терека, переправа, караван ждет долго. Кусты. Убитый в виду главнокомандующего. Караван, описание, странствующие 600 (человек): ружейные армяне, пушки, пехота, конные рекогносцируют. Приближаемся к ландшафту: верхи в снегу, но еще не снежные горы, которые скрыты; слои, кустарники, вышины. Погода меняется, ветер, небо обложилось; вступаем в царство непогод. Взгляд назад — темно, смятение, обозы, барабанный бой для сбора, огни в редуте. Приезд в редут Кабардинский.

2-й переход

Свежее утро. Выступаем из редута. Он на нижнем склоне горы. Против ворот бивуаки, дым, греются. Поднимаемся в гору более и более, путь скользкий, грязный, излучистый, с крутизны на крутизну, час-от-часу теснее от густеющих кустов, которые наконец преобращаются в дубраву. Смешение времен года; тепло и я открываюсь; затем стужа, на верхних, замерзших листьях иней, смешение зелени. Пускаю лошадь наудачу в сторону; приятное одиночество; лошадь ушла, возвращается к верховым. Едем гусем, всё круче, зов товарища, скачу, прискакиваю, картина. Гальт. На ближнем холме расположим приют.

Отъезд далее. Мы вперед едем. Орлы и ястреба, потомки Прометеевых терзателей. Приезжаем к Кумбалеевке; редут. Вечером иллюминация.

3-й переход

Пускаемся вперед с десятью казаками. Пасмурно, разные виды на горах. Снег, как полотно, навешан в складки, золотистые холмы по временам. Шум от Терека,

от низвержений в горах. Едем по берегу, он течет между диких и зеленых круглых камушков; тьма обломков, которые за собой влечет из гор. Дубняк. Судбище птиц: как отца и мать не почтет — сослать. Владикавказ на плоском месте; красота долины. Контраст зеленых огород с седыми верхами гор. Ворота, надпись; оно тут не глупо. Фазаны, вепри, серны (различные названия), да негде их поесть в Владикавказе.

4-й переход

Аул на главе горы налево. Подробная история убитых на сенокосе. Редут направо. Замок осетинский. Кривизна дороги между утесов, которые более и более высятся и сближаются. Облака между гор. Замок и конические башни налево. Подъем на гору, направо оброшенный замок. Шум Терека. Нападение на Огарева. Извилистая дорога; не видать ни всхода, ни исхода. Пролом от пороха. Дариель. Копны, стога, лошаки на вершине. *

Ночь в Дариеле. Ужас от необычайно высоких утесов, шум от Терека, ночлег в казармах.

5-й переход

Руины на скале. Выезд из Дариеля. Непроходимость от множества каменьев; иные из них огромны, один разделен на двое, служит вратами, такой же перед въездом в Дариель. Под иными осетинцы варят, как в пещере. Тьма арбов и артиллерийский снаряд заграждают путь на завале. Остаток завала теперь необъятен, — каков же был прежде! Терек сквозь его промыл себе проток, будто искусственный. Большой объезд по причине завала: несколько переправ через Терек, множество селений, pittoresque.** Селение Казбек, вид огромного замка, тюрьма внутри, церковь из гранита, покрыта плитою, монастырь посреди горы Казбека. Сама гора в 25-ти верстах.

Сион. Множество других, будто висящих на скалах, башен и селений, иные руины, иные новопостроенные, точно руины. Поднимаемся выше и выше. Посте-

---

* Сбоку приписано: «Товарищи порываются вперед, я за ними не следую» — *Ред.*

** Живописное зрелище. — *Ред.*

пенность видов до снегов, холод, зима, снеговые горы внизу и сверху, между ними Коби в диком краю, подобном Дариелю. Множество народу встречается на дороге.

6-й переход

Ужасное положение Коби — ветер, снег кругом, вышина и пропасть. Идем всё по косогору; узкая, скользкая дорога, сбоку Терек; поминутно все падают, и всё камни и снега, солнца не видать. Всё вверх, часто проходим через быструю воду, верхом почти не можно, более пешком. Усталость, никакого селения, кроме трех, четырех осетинских лачужек, еще выше и выше, наконец добираемся до Крестовой горы. Немного не доходя дотудова истоки гор уже к югу. Вид с Крестовой, крутой спуск, слишком две версты. Встречаем персидский караван с лошадьми. От усталости падаю несколько раз.

Подъем на Гуд-гору по косогору преузкому; пропасть неизмеримая сбоку. По ту сторону ее горы превысокие, внизу речка, едва можно различать на крутой уединенной горке осетинские жилья. Дорога вьется через Гуд-гору кругом; несколько верховых встречаются. Не знаю, как не падают в пропасть кибитка и наши дрожки. Еще спуск большой и несколько других спусков. Башни обрушенные, на самом верху столб и руины. Наконец приходим в Кашаур, навьючиваем, берем других лошадей, отправляемся далее, снег мало-по-малу пропадает, всё начинает зеленеться, спускаемся с Кашаура, неожиданная веселая картина: Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат; селений, стад овец и коз (по камням всё ходят), руин замков, церквей и монастырей разнообразных, иные дики, как в американских плантациях, иные среди дерев, другие в лесу, которые как привешаны к горам, другие над Арагвой. Мостик. Арагва течет быстро и шумно, как Терек. Дорога как в саду — грушевые деревья, мелоны, яблони.

И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьев и речек из гор стремятся в Арагву. Смерклось; длинная тень монастыря на снежном верху. Чувствуем в темноте, что иногда по мостикам проез-

жаем. Утесы, воспоминания о прежних, — горы востока, а не страшны, как прежние. Впереди румяные облака. Посаканур.

Мы в дрожках; один из нас правит.

7-й переход

Вдоль по берегу Арагвы, которая вся в зелени. Бук, яблонь, груши, сливы, тополи, клен; на скале руины, много замков. Ананур, карантин. Удаляемся вправо от Ананура. Душет. Замок и замки. Наша квартира как ⟨.....⟩*

8-й переход

Отъезд вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя песнь грузинцев.

⟨ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ⟩

Я лег между обгорелым пнем и лесистым буком, позади меня речка под горою, кругом кустарник, между ними большие деревья. Холмы из-за дерев, фазан в роще; лошади, козлики мимо меня проходят. Товарищ на солнышке. Наши лошади кормятся.

Изгибистый Терек обсажен лесом от Моздока до Шелковаводска. В станицах старообрядцы и жены на службе у гребенцев, дети вооружены. От 15 — до 100 лет. Из 1600—1400 служат.

Даданнурт, Андреевская, окруженная лесом. Кумычка. Жиды, армяне, чеченцы. Там, на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, — нынче самих продавцов вешают.

Телава и Сигнах взбунтовались в 1812 г. В Сигнахе русских загнали в крепость. Потом они заперлись в монастырь. Их выпустили на переговорах, раздели голыми, пустили бежать в разные стороны и перестреляли, как дичь. Коменданту отрезали часть языка и дали ему же отведать. Потом искрошили всего в мелкие куски.

---

* Недописано. — *Ред.*

Исправник Соколовский не берет взяток и не имеет жены, которая, из низкого состояния вышедши в классные дамы, поощряла бы мужа к лихоимству.

Казаки бежали. Цицианов спросил подобно царю Ираклию: «Горы их на том же месте? Ну, так и они воротятся».

На мудрое уничтожение стряпчих Цициановым — мерзость провиантских комиссаров. Не скупают во-время хлеб, всё хотят дешевле. Время уходит и они, в зимнюю пору и в отдаленных местах, подряжают несколько тысяч арб; волы падают без корма. За отпуск пыли деньги вымаржают. Жители обременяются и войска не довольствуются во-время.

Амилахваров в башне.

Внизу сторожа, в среднем этаже он сам, в верхнем его казна. Вместо окон скважины. Начальствовал в Кахетии. Смененный получил 2000 руб. сереб[ром] пенсии, которую и сберегает. «Русские даром ничего не дают. Коли придерутся: вот им за 14-ть лет пенсия обратно». *

II. ⟨ПУТЕВЫЕ ПИСЬМА К С. Н. БЕГИЧЕВУ⟩

⟨29 января — середина февраля 1819⟩

29-го января ⟨1819⟩

Прелюбезный Степан Никитич!

Ты ко мне пишешь слишком мало, я к тебе вовсе не пишу, что того хуже. С нынешнего дня не то будет. Однако, не постигаю, как вы все меня хорошо знаете, еще бы ты один, что бы очень естественно, а то все, все. Неужели я такой обыкновенный человек! И Катенин, и даже князь, который почти не живет в вещественном мире и всё с своими идеальными Холминскими и Ольгиными, — и угадали, что я вряд ли в Тифлисе найду время писать; и точно, временем моим завладели слишком важные вещи: дуэль, карты и болезнь.

Теперь на втором переходе от Тифлиса я как-то опять сошелся с здравым смыслом и берусь за перо, чтобы пере-

* Сбоку приписано: «Детям ничего не дает». — *Ред.*

дать тебе два дня моей верховой езды. Журнал из Моздока в Тифлис получишь после, потому что он еще не существует, а воспоминаний много; жаль, что я ленился, рассеялся или просто никуда не годился в Тифлисе. Представь себе, что и Алексей Петрович, прощавшись со мною, объявил, что я повеса, однако прибавил, что со всем тем прекрасный человек. Увы, ни в том, ни в другом [не] сомневаюсь. Кажется, что он меня полюбил, а впрочем в этих тризвездных особах не трудно ошибиться; в глазах у них всякому хорошо, кто им сказками прогоняет скуку; что-то вперед будет! Есть одно обстоятельство, которое покажет, дорожит ли он людьми. Я перед тем, как садиться на лошадь, сказал ему: «Ne nous sacrifiez pas, Exellence, si jamais vous faites la guerre à la Perse».* Он рассмеялся, ⟨сказал⟩ ** что это странная мысль. Ничуть не странная! Ему дано право объявлять войну и мир заключать; вдруг придет в голову, что наши границы не довольно определены со стороны Персии, и пойдет их расширять по Аракс! — А с нами что тогда будет? Кстати об нем, — что это за славный человек! Мало того, что умен, нынче все умны, но совершенно по-русски, на всё годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи, заметь это. Притом тьма красноречия, и не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство, его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить; однако, позволяет говорить и другим; иногда (кто без греха?) много толкует о вещах, которые мало понимает, однако и тогда, если не убедиться, всё-таки заставляет себя слушать. Эти случаи мне очень памятны, потому что я с ним часто спорил, разумеется, о том, в чем я твердо был уверен, иначе бы так не было; однако ни разу не переспорил; может быть исправил. Я его видел каждый день, по нескольку часов проводил с ним вместе, и в удобное время ⟨его отдыха⟩, *** чтобы его несколько узнать. Он в Тифлис приехал отдохнуть после своей экспедиции против горцев, которую в марте снова предпринимает, следовательно — менее был озабочен трудами.

---

* Не обрекайте нас в жертву, ваше превосходительство, если когда-либо будете воевать в Персии. — *Ред.*

** Зачеркнуто. — *Ред.*

*** Зачеркнуто. — *Ред.*

Что ты читал или прочтешь до сих пор, мною было писано давича, в два часа пополудни, но червадар, как у нас называют, а по вашему подводчик, с обозом тогда пришел, стали развьючивать, шуметь и не дали быть пристальным; теперь, в глубокую ночь, когда все улеглись, я хоть очень устал, а не спится. Стану опять с тобой беседовать.

Об Ермолове мы говорили. В нем нет этой глупости, которую нынче выдают за что-то умное, а именно, что поутру или как говорится по ⟨....⟩ * неприступен, а впрочем готов к услугам; он всегда одинаков, всегда приятен, и вот странность: тех даже, кого не уважает, умеет к себе привлечь... Я[кубович], на которого он сердит за меня и на глаза к себе не пускает, без ума от него. Об бунте писали в Инвалиде вздор, на который я в С[ыне] О[течества] отвечал таким же вздором. Нет, не при нем здесь быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села — что же делать? — По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, — здесь ребенок хватается за нож. А, право, добр; сколько мне кажется, премягких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а, кажется, меня в этом нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писал стихов. **

В последний раз на бале у Мадатова я ему рассказывал петербургские слухи о том, что горцы у нас вырезали полк. И он, впрочем, рад, чтобы это так случилось: «Чего, братец, им хочется от меня? Я забрался в такую даль и глушь; предоставляю им все почести, себе одни труды, никому не мешаю, никому не завидую. Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser». ***

---

* Не разобрано. — *Ред.*
** Далее в рукописи — пробел. — *Ред.*
*** Укажите мне моего победителя, и я брошусь его обнимать. — *Ред.*

Однако, свечка догорает, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; все храпят, а секретарь странствующей миссии по Азии на полу, в безобразной хате, на ковре, однако возле огонька, который более дымит, чем греет: кругом воронье и ястреба с погремушками привязаны к столбам; того-гляди шинели расклюют. Вчера мы ночевали вместе с лошадьми: по крайней мере ночлег был.

31-го января (1819)

Мой милый, я третьего дня принялся писать с намерением исправно уведомлять тебя о моем быту, но Е[рмолов] еще так живо представляется перед моими глазами, я только накануне с ним распростился, это увлекло меня говорить об нем; теперь обратить внимание от такого отличного человека к ничтожному странствователю было бы нисколько не занимательно для читателей, если бы я хотел их иметь, но я пишу к другу и сужу по себе: ты для меня занимательнее всех плутарховых героев.

28-го, после приятельского завтрака, мы оставили Тифлис; я везде нахожу приятелей, или воображаю себе это; дело в том, что многие нас провожали, в том числе Я[кубович], и жалели, кажется, о моем отъезде. Мы расстались. Не доезжая до первого поста, Саганлука, где только третья доля была предлежавшего нам переезда, солнце светило очень ярко, снег слепил еще более, по левую руку, со стороны, Дагестанские горы, перемешанные с облаками, образовали прекрасную даль, притом же не суховидную. Путь здесь не ровный, как в наших плоских краях; каждый всход, каждый спуск дарит новой картиной. Впрочем, зимние пути самые лучшие; по крайней мере воздух кроткий, а во всякое другое время года зной и пыль утомили бы едущих; итак, в замену изящного, мы наслаждаемся покойною ездою. Но первый переход был для меня ужасно труден: мы считаем 7-мь агачей, по вашему 40 слишком верст; я поутру обскакал весь город, прощальные визиты и весь перегон сделал на дурном грузинском седле, и к вечеру уморился; не доходя до ночлега, отстал от всех, несколько раз сходил с лошади и падал на снег, ел его; к счастию у конвойного казака нашлась граната, я ей освежился. Так мы дошли

до Демурчизама. Сон и не в мои лета обновляет ослабшие силы. На другой день, кроме головной боли, я еще кое-чем недомогал, не сильно однако. Тот же путь, что накануне, но день был пасмурен. На середине перехода дорога вилась вокруг горы и привела нас к реке Храме. Мы ехали по ее течению, а на склоне гора подалась влево и очистила нам вид на мост великолепный!.. В диких, снегом занесенных, степях вдруг наехали на таксе прекрасное произведение архитектуры, ей богу. Утешно! и удивляет!.. Я долго им любовался, обозревал со всех сторон; он из кирпича; как искусно сведен и огромен. Река обмывает только половину его, в другой половине каравансарай, верно — пристройка к полуразрушенному; меня в этом мнении укрепляет то, что остальная часть состоит из четырех арок, которые все сведены чрезвычайно легко и с отличным вкусом, — нельзя, чтобы строитель не знал симметрии; верхи остры; первая от каравансарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шагов в диаметре: я ее мерил шедши и параллельно там, где течение реки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Каравансарай велик, но лучше бы его не было; при мне большой зал был занят овцами; не знаю — куда их гонит верховой, который с конем своим расположился в ближайшем покое. С середины моста сход по круглой, витой, ветхой и заледеневшей лестнице, по которой я было себе шею сломил; это ведет в открытую галлерею, которая висит над рекой. Тут путешественники, кто углем, кто карандашом, записывают свои имена, или врезывают их в камень. Людское самолюбие любит марать бумаги и стены; однако и я, сошедши под большую арку, где эхо громогласное, учил его повторять мое имя. В нескольких саженях от этого моста заложен был другой; начатки из плиты много обещали; не знаю — почему так близко к этому, почему не кончен, почему так роскошно пеклись о переправе через незначительную речку, между тем на Куре, древней Цирусе * Страбона, нет ничего подобного этому. Как бы то ни было, Сенак-кюрпи, или, как русские его называют, «Красный мост», свидетельствует в пользу лучшего времени, если не для просвещения, по-

* В первопечатном тексте, вероятно, опечатка: «Цируге». — *Ред.*

тому что Бетанкур мог быть выписной, то по крайней мере царствования какого-нибудь из здешних царей, или одного из Софиев, любителя изящного.

Съехавши с мосту, я долго об нем думал; возле меня трясся рысцой наш переводчик Шемир-Бек. Я принужден был ему признаться, что Петербург ничего такого в себе не вмещает, как он, впрочем, ни красив и ни великолепен, даже в описании П[авла] Петр[овича] Свиньина. «Представьте», сказал он мне, «8 раз побывать в Персии и не видать Петербурга, это не ужасно ли!» — «Не той дорогой мы взяли», — отвечал я ему. Эта глупость меня рассмешила, не знаю — рассмешит ли тебя? Впрочем, такие ничтожности я часто буду позволять себе, потому что пишу для тебя собственно и для тех, которым позволишь заглянуть в нашу переписку, а не для печати, а не для препумерантов С[ына] Отечества, куда, впрочем, это марание по дурному слогу и пустоте мыслей принадлежит. Извини, что делаю тебе это замечание: ты скромен и любишь мое дарование, не уступишь меня критике людей, которых я презираю; но письма мои к другим я нарочно наполняю личностями, чтобы они как-нибудь со столика нашего любезного князя не попали на станок театральной типографии. Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет, даром что Катенин жалеет об этом и поощряет меня делать замечания, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умею разбалтывать ученость; книги мои в чемоданах и некогда их разрывать; жмусь, когда холодно, расстегиваюсь, когда тепло, не справляюсь с термометром и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю к земле, чтобы распознать ее свойство, не придумываю по обнаженным кустам — к какому роду принадлежит их зелень.

Зовут обедать, прощай покудова. Если бы я мог перенести тебя на то место, где пишу теперь! Над рекою, возле остатков каравансарая, куда мы прибыли после трудного пути, однако довольно рано, потому что встал давича в 4 часа утра. Погода теплая, как уже в конце весны. В виду у меня скала с уступами, точно как та, к которой, по описанию, примыкают развалины Персеполя; я через ветхий мост, что у меня под ногами, ходил туда; взлетел и, опершись на повисший мшистый камень, долго стоял подобно Грееву Барду; не доставало только бороды.

Хочешь ли знать, как и с кем я странствую, то по каменным кручам, * то по пушистому снегу? Не жалей меня, однако: мне хорошо, могло бы быть скучнее. Нас человек 25, лошадей с вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Ранним утром поднимаемся; шествие наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, как знаю, французские куплеты и наши плясовые песни, все мне вторят, и даже азиатские толмачи; доедешь до сухого места, до пригорка, оттуда вид отменный, отдыхаем, едим закуску, мимо нас тянутся наши вьюки с позвонками. Потом опять в путь. Народ веселый: при нас борзые собаки; пустимся за зайцем или за призраком зайца, потому что я ни одного еще не видал. Этим случаем наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство, — свернут вбок, по полянам несутся во всю прыть, по рвам, кустам, доскакивают до горы, стреляют вверх и исчезают в тумане, как царевич в 1001 ночи, когда он невесту кашемирского султана взмахнул себе на коня и так взвился к облакам. А я, думаешь, назади остаюсь? Нет, это не в Бресте, где я был в «кавалерийском», — здесь скачу, сломя голову; вчера купил себе нового жеребца; я так свыкся с лошадью, что по скользкому спуску, по гололедице, беззаботно курю из длинной трубки. Таков я во всем: в Петербурге, где всякий приглашал, поощрял меня писать и много было охотников до моей музы, я молчал, а здесь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знают по-русски, я не выпускаю пера из рук. Странность свойственна человекам. Одна беда: скудность познаний об этом крае бесит меня на каждом шагу. Но думал ли я, что поеду на восток? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда делаю непростительные или невежественные ошибки, давича, напр[имер] сколько верст сряду вижу кусты в хлопчатой бумаге и принял их за бамбак, между тем как это отброски от караванов, — в тесных излучинах здешние колючие отрост[к]и цепляют за хлопчатую бумагу и ее бы с них можно собрать до нескольких пудов.

---

* В первопечатном тексте очевидная опечатка: «кругам». — *Ред.*

Дорого бы я дал за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашних паров, которые во всё утро круг горы стлались; солнце их позлащало и они тогда, как кипящее огненное море... * потом свились в облака и улеглись у подножия дальних гор. Между ними черная скала Пепис плавала в виде башни; долго она то скрывалась от наших глаз, то появлялась по мере того, как мы переменяли направление; наконец подошли к ней, — нет приступу и в середине замок; не понимаю — как туда всходят. Мы ночевали в ***, но не имели в виду страшилища (....) **

Ночлег здесь обыкновенно в хате, довольно высоко освещенной маленьким отверстием над входом, против которого в задней стене камин; по обеим сторонам сплочены доски на пол-аршина от земли и устланы коврами; около них стойла, ничем не заслоненные, не заставленные. Между этими норами у нас обыкновенно ставится круглый стол дорожный, повар наш славный, кормит хорошо. Мазарович покуда очень мил, много о нас заботится; и увлекателен, и весел.

Нынче мы с трудом проработывались между камней, по гололедице, в царстве Жуковского, над пропастями; туманы, туманы над горами. ***

Вчера я весь день как сурок проспал. Четыре дня как мы из Тифлиса, три остается до Эривани; нас очень пугают Делижанским ущельем.

2-го февраля (1819)

От Каравансарая мы отправились по течению Автафы, встречь ее течению, и пошли ущельем, где около нас повторялись кавказские места, — скалы лесистые, у их подножия, между ними шумит река, то делится на тонкие струи. Только то разница, что в прежних ущельях порохом и ломом боролись с преградными твержами, а здесь руками человеков ничего не приспособлено к удобному проезду. Груды камней на каждом шагу как

---

* В рукописи оставлен пробел для одного слова. — *Ред.*

** Строка осталась недописанной. — *Ред.*

*** Далее в рукописи — пробел. Сбоку приписано: «Ребята и взрослые глазеют на приезжих». — *Ред.*

будто нарастают; отростки деревьев бьют в глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое место, тут сильный ветер поднялся навстречу и не переставал нас продувать и после, когда уже горы сузились, и мы возле, в лесу, выбрали себе у склона горы, упершись в речку, местечко для отдыха и ночлега. Тут мы расположились на временную пастырскую жизнь, склали себе из вьюков булаганы, обвешали их коврами, развели огни, около них иные согревались, другие, насадив на лучину куски сырого мяса, готовили себе кебаб. Лучше всех курился огонек на острове, поодаль от нас, около которого обсело странствующее купечество; лошади наши паслись на пригорках.

А хорошо было ночевать Мафусаилам и Ламехам; первый, кто молотом сгибал железо, первый, кто изобретал цевницу и гусли, — славой и любовью награждался в обширном своем семействе. С тех пор, как есть города и граждане, едем, едем от Финского залива дотудова, куда сын Товитов ходил за десятью талантами, а всё в надежде добыть похвальную знаменитость, и, может, век до нее не доедем... *

Эривань. 4-го февраля (1819)

Вот другой день пребываем в армянской столице, любезный друг. Худо ли, хорошо ли мы ехали, можешь судить по маршруту, но, для верности, на каждый переход прикладывай верст по пяти, на иной и десять придется лишних, которые, если не домерены межевщиками, то от того не менее ощутительны для усталых путешественников:

От Тифлиса

	Версты
Демунчихассанлу	42
Инджа	24
Джогас	24
Каравансарай	30
Биваки: Богас	42
Каравансарай	36
Эривань	50
	248 = 41 1/3 агачам

* Далее в рукописи — пробел. — *Ред.*

Не стану утомлять тебя описанием последнего нашего перехода до здешнего города; довольно того, что я сам чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верст по глубоким снегам проехали мы в шесть часов, — разумеется, порядочной рысью. Вот действительная служба: сочинение канцелярских бумаг не есть труд, особливо для того, кому письмо сделалось любимым упражнением. Вам, гиперборейцам, невероятно покажется, что есть другие края, и на юге, где можно себе отморозить щеки; однако, это сбылось на одном из наших людей и все мыознобили себе лица. Еще теперь слышу, как хрупкий снег хрустит под ногами наших лошадей; во всякое другое время быстрая Занга в иных местах застыла, в других медленно пробивается сквозь льды и снега под стены Эривани. Земля здесь гораздо возвышенней Грузии, и гораздо жарче; один хребет гор, уже от Тифлиса, или еще прежде, отделился влево, с другим мы расстаемся, — он уклоняется к западу; всё вместе составляет ту цепь, которую древние называли Тавром. Но здешние равнины скучнее тех скатов и подъемов, которые мы позади себя оставили, — пустынное однообразие. Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих:

Du centre des deserts de l'antique Arménie. *

Въехавши на один пригорок, над мглою, которая носилась по необозримой долине, вдруг предстали перед нами в отдалении две горы, — первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефан-Цминд, ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностью; обе вместе завладели большею частию горизонта, — это двухолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижен; мой златокопыт, повидимому, не разделял чувств своего седока, двинулся, понесся и мигом погрузил меня с собою в влажную стихию; меня всего обдало сыростью, которая до костей проникает. Основа-

* Из средины пустынь древней Армении. — *Ред.*

ние Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, как туча, висела над нами до Эривани.

Уже в нескольких верстах, в нескольких саженях от города, догадались мы, что доезжаем до обетованного приюта; туман долго застилал его от наших глаз, наконец, на низком месте, между кустами, влево от дороги, по которой и мы своротили, прояснились две части зданий, одна с другой ничем не соединенные. Мы въехали в пригородок. Но представь себе удар человеку, который в жестокую стужу протрясся полдня в надежде приютиться в укромной горнице; навстречу нам ни души; стало быть, не радели о нашем успокоении, не отвели еще квартир. Я бесился; притом, неуважение к русским чиновникам всякого на моем месте, и с меньшим самолюбием, так же бы оскорбило. Миновали сады, высокие трикровные кладбища, длинные каменные ограды, за которыми стоят дома, башни и куполы мечетей, а навстречу нет никого! Мазарович кричит, что прямо ворвется к сардарю и сделает суматоху. Наконец, выступаем на поле, что между крепостию и городом, и тут несется к нам посланный от сардаря чиновник в драгоценной шубе, на богато-убранном коне, и просит извинения, что адъютант, посланный нас принять, не по той поехал дороге; в самом деле, мы избрали путь кратчайший, но не тот, которым обыкновенно сюда прибывают. В ту же минуту фараш в высокой шапке, в желтом чекмене, в синем кафтане, с висячими на спине рукавами, длинным шестом своим указывал нам путь и бил без милосердия всякого, кто ему под руку попадался, мужчин и женщин. Женщины становились к нам задом — это меня огорчало, но впереди хамы несли стулья в отведенный нам дом — это меня веселило. Такое особенное предпочтение нам, русским, — между тем, как англичане смиренно сгибают колена и садятся на пол, как бог велит и разутые, — мы, на возвышенных седалищах, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчем персидские многоценные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уважения, на которой они справедливо удерживаются в здешнем народе.

Однако, прежде чем итти далее, позволь сообщить тебе замечание. Для дамской нежной разборчивости оно бы не годилось, но ты, военный человек, не взыщешь. При первом появлении посланного от сардаря и с ним двух

фарашей, нашего обоняния коснулся самый чудный, тяжелый, неприятный запах. Не поверишь: избыток ассафетиды в наших аптеках — резеда в сравнении с этим. Не понимаю, как они, три злодея, так сильно и скоро умели заразить собою воздух!

Вслед за действующим посохом фарана, за толпою народа, им гонимого, мы въехали чрез широкие наружные ворота в дом Мегмет-бея; в круглом, крытом и немощеном подъезде слезли с лошадей и через другие ворота, над которыми возвышается большая надстройка, вступили во внутренний двор, обнесенный с одной стороны теремом, с другой высокой и фигурной стеною; в нем замерзшие фонтаны и водометы; взошли на крыльцо, для входа перед нами отдернули тяжелую запону, которою здесь завешивают все двери, и вступили в переднюю комнату. Справа зал, слева зал; и один, как другой; множество впадин и простынь, и потолок лепной всякой всячиной; окна косящатые с резьбой, тьма симметрически расположенных четвероугольничков из разноцветной слюды; однако свету достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились в обоих залах. Вмиг запылали камины, на небольших амвонах расставили жаровни, подали кальяны. Вскоре нагрянула к нам тьма посетителей и затерянный адъютант. Нас очень забавляло это европейское наименование, которое придают человеку, тем только отличающемуся от прочих, что он ближе к особе сардаря и следовательно чаще подвергается палочным ударам. Хозяин наш отбыл на охоту, брат заступал его место и изъяснял, что дом, услуга и даже собственная его особа нам принадлежат. Тут же мы нашли английского указателя, не книжку, а человека. Во всё мешается, всё указывает; природа, кажется, обрекла его хлопать бичем возле кюррикеля или работать веслами в Темзе, — здесь он переводит альбионское строевое ученье на фарсийский язык, который для этого довольно плохо знает; ему вверяют целый баталион, или меньше, по крайней мере он так говорит. Сарбазы порядочные выйдут балансеры, если по нем образуются. Между тем, он сам смерть надоедает; вот другой день не знаем — как от него отделаться; вообще, неугомонное любопытство и неотвязчивость здесь в большом употреблении. Каждую минуту незнакомые лица наполняют комнату, смотрят в глаза,

в бумагу, если пишешь, и в [э]ту самую минуту какая-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась в мое письмо. Мне страшная охота припадает за это проучить ее.

Сардарь прислал нам дикого барана с своей охоты; пребольшой зверь, рога с оленьи, передняя часть преимущественно обросла тучным руном; за эти гостинцы надобно отдаривать; Мазарович щедро отплачивается калейдоскопами, которым пора прельщать Азию, потому что нам уже приглянулись.

Вечером озарило наши покои красное солнышко Эривани — лысый, приветливый, веселый старик, любитель русских, почитатель Ермолова, хозяин наш Мегмед-бек, сарапг, полковник, — не в том значении, что за этим чином следует генерал-маиор и проч., а просто военный начальник. Перед ним, за ним несли увесистые подсвечники, подносы с сластями и лакомства, которыми, если бы их описать, вряд ли бы я разлакомил твое воображение. Но, в каком бы виде оно ни было, гостеприимство должно притупить стрелы насмешливых наблюдателей; лучше познакомить тебя с персидскою учтивостью. Вот образчик: Мазаровичу сказал Мегмед-бек, что он до того обрадован его приездом, что если бы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсечь голову всем его слугам и даже брату, он бы чрез то великое удовольствие принес хозяину; а мне, первостепенному мирзе, когда я просил его велеть унести жаровни, чтобы от жару не переменить место и не отсесть от него далее, объявил, что место мое у него под правым глазом. Карамзин бы заплакал, Жуковский стукнул бы чашей в чашу, я отблагодарил янтарным грозным соком, нектаром Эривани, и пурпурным кахетинским. Беседа наша продолжалась далеко за полночь. Разгоряченный тем, что видел и проглотил, я перенесся за двести лет назад в нашу родину. Хозяин представился мне в виде добродушного москвитянина, угощающего приезжих из немцев, фараша — его домочадцами, сам я — Олеарий. Крепкие напитки, сырые овощи и блюдца с сахарными бруснями — всё это способствовало к переселению моих мыслей в нашу седую старину, и даже увертливый красный человечек, который хотя и называется англичанином, а право, нельзя ручаться — из каких он, этот аноним, только рассыпался в нелепых

рассказах о том, что делается за морем, — я видел в нем Маржерета, выходца при Дмитрии, прозванном Самозванцем, и всякого другого бродящего иностранца того времени, который в наших теремах пил, ел, разживался и, возвратясь к своим, ругательством платил русским за русское хлебосольство. И эриванский Маржерет или Дурьгильбред язвительно отзывается на счет персиян, которые не допускают его умереть с голоду.

Эривань. 5-го февраля ⟨*1819*⟩

На утро, после нашей вечерней беседы, я встал с жестокою головною болью; надо было приодеться и ехать к сардарю. В передней ждал нас иасскул его в красном длинном платье, при ужасной палке с позолоченным набалдашником для известного употребления.

Сардарь Гуссейн-хан (из царствующего ныне поколения Каджаров) в здешнем краю первый по боге, третий человек в государстве; власть его надежнее, чем турецких пашей; он давно уже на этом месте; платит ежегодно в бейрам не всегда одинаково, в виде подарка, а не государственных доходов, несколько тысяч червонцев, за которые имеет право взимать третию долю со всего, что земля производит, а расшутится, так и все три доли его. Разумеется, что продавцы ждут, покудова он свою часть не сбудет с рук. Не только внутренняя торговля, — им часто стесняется и внешняя, несмотря на трактаты, которые, так как и Адам Смитова система, не при нем писаны. От себя содержит войско, но в военное время требует денег от двора. В судных делах его словесное приказание — закон, если истцы или ответчики не отнесутся к Шар, кодексу великого пророка, которого уставы неизменны. Одевшись, мы отправились к его высокостепенству. Нам предшествовал иасскул и также исправно отправлял свою должность, как фараш накануне. Дома здесь испещрены внутри, снаружи удерживают цвет природы, свойственный материалам, из которых выстроены, по большей части дикие. В нашем отечестве роскошь гостиные и залы убирает с изящною простотою, а извне любит раскрашивать стены и приставлять к ним столбики.

Мы доехали до зубчатой крепостной ограды, потом, через несколько скважень, которые называются улицами, протеснились до последнего двора сардаря. Не знаю —

что тебе сказать об его хоромах? Нет ничего целого, притом столько кривизны, поворотов, переулков, пристроек, надстроек, входов, проходов, узких, сумрачных и вовсе мрачных, что толку не доберешься. В преддверии, род кануры, и на площадке перед ним толпилась тьма любопытных; их наружность, ужимки, платья — всё это похоже на вход в маскарад. Взошли в приемную; она должна быть очень хороша для персидских глаз: велика, пол устлан дорогими, узорчатыми коврами, и потолок, и весь зал расписан многими японскими узорами; слева ставни занимают всю продолговатую стену: в них цветная слюда перемешана с резьбою и с наклейными коймами — это окна. Прямо против входа камин; в правой, тоже длинной, стене выемка в полукружие, в котором выпуклый потолок представляет хаос из зеркальных кусков, и там камин. На всех стенах, в два ряда, один над другим, картины, — похождения Ростома, персидского великана сумраков, которого Малькольм вклеил в свою историю. Я имел время на всё это уставить мой лорнет, потому что нашего сардаря еще не было. Хан, сын его, в красной шубе, подогнувшимися коленами сидел на отцовском особенном ковре возле камина, что против входа. Он делал нам обыкновенные вопросы о здоровьи высоких особ. Потом все в пояс поклонились входящему сардарю. Тьма народу высыпала за ним. Он, взявши за руку Мазаровича, сказал ему, что познакомился с нами, его мирзами, потом с тремя детками уселся в угол на своем месте. Сын его стал у притолки с прочими приближенными чиновниками, брат сардаря сидел по другую сторону камина, мы к окну на приготовленных для нас стульях, всё прочее благоговело, стоя в глубоком молчании. Он сделал те же вопросы, что сын его; подали кальян, чай с кардамоном. На головах несли огромные серебряные подносы с конфектами; несколько подносов со множеством сластей поставили перед нами. Сардарю прислуживали на коленах. Конфекты совсем для меня нового рода, однако превкусные; я около них постарался. Между тем разговор происходил о походе Алексея Петровича в Чечню и в Дагестан, о путешествиях нашего государя по Европе для утверждения повсеместного мира. Не помню, право, при каком случае он Вену перепутал с Венециею ⟨....⟩ *

* Не дописано; далее в рукописи — пробел. — *Ред.*

Нахичевань. 9-го февраля (1819)

Третьего дня, 7-го, мы отправились из Эривани, сегодня прибыли сюда; всего 133½ версты. Не усталость меня губит, — свирепость зимы нестерпимая; никто здесь не запомнит такой стужи, все южные растения померзли. Притом, как мне надоели все и всё! Прав Шаховской, — скука водит моим пером; не мудрено, что я тебе сообщу ее же! Нет! нынешний день не опасайся ничего: ложусь спать с одним воспоминанием о тебе!

10—13 февраля (1819)

Сейчас думал, что бы со мною было, если бы я беседой с тобою * не сокращал мучительных часов в темных, закоптелых ночлегах! Твоя приязнь и в отдалении для меня благодеяние. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь в то, что сам для себя не стал бы замечать, но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будет в руках, делает меня внимательным и всё в глазах моих украшает надежда, что бог-даст свидимся, прочтем это вместе, много добавлю словесно — и тогда сколько удовольствия! Право, мы счастливо созданы.

Как я тебе сказал, мы выехали из Эривани 7-го. Обстоятельно не могу изобразить его. Мы там всего пробыли три дня с половиной, и то задержали некоторые дела с сардарем. Думали также переждать холод, но напрасно: он не переставал свирепствовать. Я даже не отважился съездить в древний Эчмядзинский монастырь, в 18-ти верстах от Эривани в сторону, и вообще, кроме как для церемониального посещения сатрапу, не отходил от мангала и от камина, который, по недостатку дров, довольно скудно отапливался. Сколько я мог видеть, при въезде и выезде, город пространен, а некрасив, и длинные заборы и развалины, следы последней осады русскими, дают ему вид печального запустения. Об обычаях здешних и нравах мне еще труднее сказать мое мнение от недостатка времени и случая к наблюдениям. Если по одному позволено судить о многих, вот что я видел в доме богатого и знатного эриванца. Фараши его в 18 градусов по Реомюру — с раскрытой шеей, без зипунов, не согре-

* В рукописи над словом «тобою» надписано: «Бегичевым». — *Ред.*

ваются даже достаточною пищею, но господин иногда ущедряет: разделяет им подачки со своего стола из собственных рук, по кусочку пирожного, наиболее приближенным. Это домашние дела; в делах государственных здесь, кажется, не любят сокровенности кабинетов: они производятся в присутствии многочисленных слушателей. Я, в простоте моего сердца, сперва подумал, что, стало быть, редко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здешние высшие чиновники, но в том, в чем наш поверенный в делах объяснялся с сардарем, наприм[ер]: о переманке и поселении у себя наших бродящих татар, о притеснении наших купцов, высокостепенный был кругом неправ, притом изложил, составленную им самим, такую теорию налогов, которая, не думаю, чтобы самая сносная для шахских подданных, вверенных его управлению. И всё это говорилось при многолюдном сборище, чье расстроенное достояние ясно доказывает, что польза сардаря не есть польза общая. — Рабы, мой любезный! И поделом им! Смеют ли они осуждать верховного их обладателя? Кто их боится? У них и историки панегиристы. И эта лествица слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит до бега, хана, беглер-бега и каймакама, и таким образом выше и выше. Недавно одного областного начальника, не взирая на его 30-ти-летнюю службу, седую голову и алкоран в руках, били по пятам, — разумеется, без суда. В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе конституции, общее мнение по крайней мере требует суда виноватому, который всегда наряжают. Криво ли, прямо ли судят, иногда не как хотят, а как велят, — подсудимый хоть имеет право предлагать свое оправдание. Всего несколько суток, как я переступил границу, и еще не в настоящей Персии, а имел случай видеть уже не один самовольный поступок. Ты это в свое время узнаешь. В заключение скажу тебе об эриванских жителях, что они летом может быть очень приятные люди, а зимой вымораживают своих гостей; это никуда не годится; я продрог у сардаря и окостенел у Мегмед-бега.

День нашего отъезда из Эривани был пасмурный и ненастный. Щедро осыпанный снегом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня наудачу и не принимал участия ни в чем, что вокруг меня проис-

ходило. Потеря не большая; сторона, благословенная летом, в рассказах и в описаниях, в это время и в эту погоду ничего не представляет изящного. Арарат, по здешней дороге, пять дней сряду в виду у путешественников, но теперь скрылся от нас за снегом, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не сметь раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простуде. И между пог беспрестанное движение животного, которое не дает ни о чем постоянно задуматься! Часто мы скользим по оледенелым протокам; иные живее прочих; не замерзшие проезжали в брод. Их множество прошают здешние поля; вода нарочно проведена из горных источников и весною, усыряя пшеничные борозды, долго на них держится посредством ископанных для этого гряд, с которых мы каждый раз обрывались и вязнули в зыбучих глубях.

Нет! я не путешественник! Судьба, нужда, необходимость может меня современем преобразить в исправника, в таможенные смотрители; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года. С таким ропотом я добрался до Дувалу, большого татарского селения, в 8 ¼ агача от Эривани, бросился к камельку, не раздевался, не пил, не ел и спал как убитый.

На другой день, для перемены, опять в поле снег, опять тошное странствие! К счастию, отъехав с полагача, поровнялись с персидским барином, ханом каким-то, который на поклон отправлялся с шах-зиде! За ним фараши, — один вез кальян, у другого к седлу прикреплена жаровня со всегда готовыми углями для господской курьбы, у третьего огромная киса с табаком для той же потребности. Если бы вместо этой пустой роскоши собрать всех кальянщиков, подкальянщиков и самих страстных курителей кальяна и заставить их расчистить, утоптать, умять снег на дороге, чтоб как-нибудь можно было ехать в повозках, не гораздо ли бы лучше! Новый наш спутник в восхищении, что нашел случай познакомиться с российским поверенным в делах, начал отпускать ужасную нелепицу! Что за гиперболы! В Европе,

которую моралисты вечно упрекают порчею нравов, никто не льстит так бесстыдно! Слова: д у ш а, с е р д ц е, ч у в с т в а повторялись чаще, нежели в покойных розовых книжечках «Для милых»! Любовь, будто бы от одного слова, от одного взора нового почтенного знакомца заронила искру в сердце его (персидского хана) и раздула неутушимый пожар, и проч. Во всякое другое время я бы заткнул уши; но теперь этот восточный каталакеус пришелся очень кстати: едва заметно было, как мы сделали 6 агачей до ночлега. Мне пришло в голову, — что кабы воскресить древних спартанцев и послать к ним одного нынешнего перспянина велеречивого, — как бы они ему внимали, как бы приняли, как бы проводили?⟨....⟩*

⟨*Тавриз Февраль 1819*

Ты мне пеняешь, зачем я не уведомляю тебя о простреленной моей руке. Стоит ли того, друг мой! Еще бы мне удалось раздробить ему плечо, в которое метил! А то я же заплатил за свое дурачество. Судьба... В тот самый день, в который... Ну, да бог с ним! Пусть стреляют в других, моя прошла очередь.

Иные славят Александра,
Иных прельщает Геркулес,
И храбрость Конона, Лизандра.
Еще других Мильтиадес. —
Есть мужества пример,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британский гренадер.

Князю напоминай обо мне почаще. Это одно из самых приятных для меня созданий. Не могу довольно нарадоваться, что он в числе тех, которые меня любят и к кому я сам душевно привязан. Его статура, чтенье, сочинения, горячность в спорах о стопах и рифмах, кротость с Катериною Ивановной, — не поверишь, как память об этом обо всем иногда развеселяет меня в одиночестве, в котором теперь нахожусь. Досадно, что на этот раз некогда к нему писать. Матушке сказать два слова я еще не принимался, а Осип Мазарович торопит; это брат нашего поверенного, отправляется в Россию. Товарищ Амбургер тоже не выдержал, поехал к водам, а мо-

* Далее в рукописи — пробел. — *Ред.*

жет быть не воротится. Что ж ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здесь два года?

А начальная причина всё-таки ты. Вечно попрекаешь меня малодушием. Не попрекнешь же вперед, право нет: музам я уже не ленивый служитель. Пишу, мой друг, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть. Прощай, не расстался бы с тобой! Обнимаю тебя крепко-на-крепко. Однако, как мне горько бывает!..

III. ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ ТАВРИЗА ДО ТЕГЕРАНА

(Февраль — март 1819)

Таврис с его базаром и караван-сараями. Встреча, почести. Фетхалихан боится каймакама. Обед у англичан, визит каймакаму. Сир Роберт Портер. Приезд шах-зиды, церемониальное посещение, англичане, мое мнение на счет их и наших сношений с Персией. Бани и климат в сравнении с тифлисскими. Мерзлые плоды. Пляска и музыка.

21-го [февраля?] выезд из Тавриса. Лошади шах-зиды славные; день кроткий, бессолнечный; с обеих сторон пригорки, слои белые, глинистые, из которой дома строятся. Возле самого Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды под малым снегом похожи на овощные огороды. Место довольно гористое, $2\frac{1}{2}$ станции. Раскинутые сады, тополи, славные квартиры в деревнях, лучше чем в прежних.

Второй день. Путь внизу, возле гор; справа долина, за которой другая цепь гор. Возле караван-сарая много отдыхающих путешественников, верблюдов и ослов; и мы отдыхаем. Скидаю маску, новый свет для меня просиял. Из караван-сарая поднимаемся в гору по глубокому и рыхлому снегу, и так до самых Уджан. В виду летний замок. После обеда отправляемся; тьма лисиц на дороге, пьют, играют по снегу и, при нашем приближении, убегают в горы. Юг, 20 ветров, красные облака и между ними синева; черные тучи сзади; между этим всем звезды, как палительные свечи.

Третий переход трудный, крутизны и страх-снежно. Съезд на ка́терах. Долго еду, спускаюсь в селение, где

ночлег. Вьюки падают, чуть не убивают людей каждый раз, когда объезжают их верховые стороной, где снег глубокий.

Четвертый переход приятный, однако много подъемов. Река Миана. Часто переезжаем в брод около красных утесов, которые похожи на обыкновенные здания. Приезд в Миану. Опасное насекомое, ковры.

Пятый. Туманы. Вступаем в ущелья самые узкие, пещеры, туман. Мост на Кизиль-агаче; оттуда же по горам, на каждом шагу падают лошади; тьма селений, но всё не те, где ночевать. Блужданье по полям, где нет дороги и снег преглубокий. Так застигает ночь. Приезд в замок.

Шестой. Трудный путь по зимней дороге; где проталины, там скользко и камни. Устаю. Солнышко садится чрезвычайно живописно и золотит верхи гор, которые, как волны, зыблются от переменчивого отлива. Местечко, славный замок. Хан. Много деревень.

Седьмой. Бесснежный путь. Славный издали Занган красиво представляется. Встреча. Перед Зинганом в деревне — встреча. Множество народу. Сходим возле огромного дома. Описание его. Славные плоды. Явление весны. Музыка вечером.

Восьмой день там же. Накануне батоги и 5 туманов за лошадь.

Девятый. Горы простираются справа и слева. Между ними долина необозримая. Вот до которых пор доходило посольство. На кургане, окруженном деревьями, беседка приемная, другая тоже, башня четвероугольная, как в Зингане гарем, треугольник для евнухов, беседка для бани. Ямы на поле, замок, далее руины Султании. Тьма верблюдов, ширванские купцы. Мечеть вся внутри изложена двойными изразцами. История Кодабенде. Лепные слова как кружево. 37 шагов в диаметре, 43 шага до 3-го этажа, от 2-го до 5-го 22; потом 60 шагов без ступеней, сход на платформу, где купол, 8 минаретов, в одном 40 шагов. Вид оттудова.

Десятый день холодный и дождливый. Целый день в маске и в тюрьме. Заезжаем в деревню, где хозяин желает прихода русских. Вечером прояснилось. Дождь смыл снег, даже на горах. Скачем до Абгара. Сады в Абгаре, мечети; выезжаем из ворот, славная дорога, скачем

друг перед другом и доскакиваем до ночлега. Уже горы чрезвычайно расширились. На другой день в $3^1/_2$ часа поспеваем в Казбин.

Казбин, древняя метрополия поэтов и ученых. Фисташковые деревья. Хозяин жалуется богу на Каджаров. Остатки древнего великолепия — мечети, майданы и проч. Перед Казбином много деревень в стороне, принадлежат сардарю Эриванскому; им же выстроены училища в Казбине.

Из Казбина едем к юго-востоку; широкая равнина продолжается. Ночлег. На другой день большой переход; я отстаю. Утро славное; мальчик с ослом плачет, что он вперед нейдет. Встреча с ханом, религиозное прение. Издали увеселительный замок шахов в местечке, стоит на терассах; большой двор, вправо жилья, конюшни, влево два царские жилья и башня. С другой стороны замок Алия и горы. И теперь хороши, а летом еще лучше должно быть.

Переход похож на прогулку; много народу встречается на дороге. Мы то въезжаем на пригорки у склона горы, то опускаемся, но вскоре горы нас сами оставляют и уклоняются schreck überrüks влево; открываются Негиристанские горы. Подъезжаем к руинам, направо Раги Мидийские, мечеть и там возвышается Тагирань. Наш дом.

Тагирань

Негиристанские горы влево. Девамепд за облаками, впереди равнина, справа развалины Рагов Мидийских и мечеть. Стены с башнями, вороты выложены изразцами, неуклюжие улицы (грязные и узкие) — это Тагирань.

Визит седеразаму, бодрый старичок. Накануне бейрама, по знаку астронома, пушечный выстрел, подарки, форма принимания.

В навруз мы, как революционные офицеры, перед нами церемонимейстер, проезжаем несколько улиц, въезжаем через крытые вороты; на обширной площади много народу; чисто, род бульвара. Слева башни разноцветные и стены; впереди мечеть, справа новая мечеть, первый позлащенный купол. Поворачиваем влево, через вороты в крытую улицу; еще площадь, усеяна народом, разные

костюмы, песни, бимбаши, огромные пушки на помостах, фальконеты; доезжаем до внутреннего двора, где настоящий праздник. Ждем в комнате возле тронной. Потом и англичане. Перед окошками множество чиновников в богатых шалевых платьях, суетятся в промежуточных аллеях; перед троном бассейн с водометами, в ширину трона; уставлен искусственными цветами, как у нас вербы; сорбеты подносятся; далее, в продолговатости, другой такой же бассейн.

Взводят на наши места. Три залпа фальконетов. Журавль. Шах-зиды, большие и малые. Царь в богатом убранстве и с лорнетом. Амлихово замечание. Муллы, стихи, God save the king, * трубы, стихи, слон, деньги, представления, телодвижения короля. Как длинна борода царя. Он также в гареме празднует бейрам.

Накануне ночью и во весь день всё варварская музыка.

Наш дипломатический монастырь.

IV. ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

⟨8—28 июля 1819⟩

8-го июля целую ночь не сплю. изготовляемся в путь. Толпа женщин; раскрываются на последях. Прощальное посещение седер-азаму. Он в холодке сидит во внутренних воротах, жалуется, что должен ехать по ночам с шахом, в его лета; упоминает об Румянцеве. — Откланиваемся. — Остановка за вьюками. Отправляемся в самый полдневный жар. Бесплодный вид Тегеранских окрестностей. Сады, как острова, уединенно зеленеются среди тощей равнины. Между гор Деваменд с снежным челом. Вдоль гор доходим до Кенда. Тьма разнообразных дерев, черешень, шелковиц, орешников грецких, абрикосов и проч. Роскошествуем в свежей квартире под пологом, объедаемся фруктами.

9 го ⟨июля⟩ встаем в глубокую полночь; ни зги не видать, смятение. Спускаемся с горы, камни хрустят, вода плещет под ногами. Мы всё ⟨едем⟩ ** вдоль гор. К утру слышатся позвонки. Звезда. Небо проясняется. Выезжаем

* «Боже, спаси короля». — *Ред.*

** Вставлено по смыслу предложения. — *Ред.*

на большую дорогу. Тьма верблюдов, лошаков, коней. Уклоняемся в сторону. Завтракаем. Шах и всякие шахзиды позади. «Откуда эти господа?» — «Со страхом повергаюсь в прах перед вашим величеством». — «Усердие всегда водит нас истинным путем». Зали в Сулеймание. Моя встреча с дочерью хана в трахтараване. — За Сулеймангой три деревни: самая последняя Сункур-Абид. Насилу доезжаем.

Высокий свесистый дуб, под ним помост. Тут мы располагаемся.

10-го ⟨июля⟩ ночью же встаем, перед утром свежо и приятно. Я часто отдаляюсь от других и сажусь отдыхать возле воды, где тьма черепах. Поля кругом в хлебах; вообще вид обработанного и плодородного края. Несколько деревень. Наконец Сефир-Ходжа; кругом аллея, где располагаюсь спать. Ветер ужасный и знойный. Укрываюсь в деревню.

11-го ⟨июля⟩ жар и утром печет немилосердно, всё с себя скидаю, скачу стремглав. Много колесил округ Касбина, срывал молодые фисташки. Наконец, на квартире тьма фруктов и отдых. Молитва хана на рассвете. Pittoresque. *

Июля 11-го. Видим шахов стан круг его дворца. Приезжаем, разбиваем наши палатки. Луна не показывается, нет бейрама.

Июля 12. Бейрам. Жар. Барабаны, трубы, дудочки, красное знамя, фальконетные залпы... но что делает эффект на параде, не всегда еще полезно в деле, в сражении. Внутренность палатки вся в коврах, а внешняя ⟨сторона⟩** так и поливается. Касбин. Посылается Эйвас к Хозров-Хану.

⟨Июля⟩ 13. Шахский дворец, как скотный двор, полуразрушенный. Сам он очень приветлив, только много томошится на своей подушке. Разговор о маскарадах, театрах и вообще о наших увеселениях. Шах дарит государю Аббас-Мирзу.

⟨Июля⟩ 14. Возле нашей палатки факир с утра до вечера кланяется к востоку и произносит: «Ей Али!» и, обратившись в другую сторону, — «Имам-Риза» Поэт Фехт-Али-Хан, лет около 60, кротость в обращении, прият-

* Живописное зрелище. — *Ред.*
** Вставлено по смыслу предложения. — *Ред.*

ность лица, тихий голос, любит рассказывать. Шах за одну оду положил ему горсть бриллиантов в рот.

〈Июля〉 15. Бунт в Реште, осажденный Хозров-Ханом. Эйвас не возвращается, Абдул-Вагиб посылается в Решт.

〈Июля〉 17. Шах с избранными из гарема отъезжает к прохладному роднику возле гор, где разбивает свой шатер и пользуется жизнию.

〈Июля〉 19. Юсуф-Хан-Спадар делал учение с пальбою.

〈Июля〉 20. Шах его потребовал к себе.

— К чему была вчерашняя пальба?

— Для обучения войск вашего величества.

— Что она стоила?

— 2000 р. из моих собственных.

— Заплатить столько же шаху за то, что палили без его спросу.

Утром мы едем за агач от орды, в горы, к югу. Вдоль ручья дикий сад. Ручей проведен водоскатами. Всё это местечко включено между гор полукружием. Живописный вид в Султанейскую долину. На дороге три арки — развалины моста. На возвратном пути между ними свистнула пуля по неосторожности персидского стрелка. Заезжаем в мечеть (остаток от древнего города); круглая, внутри стихи, между прочим: «да погубит бог того, кто выдумал сарбазов, а особенно... * Пословица о Каджарах.

〈Июля〉 25. Дожди беспрестанные; бумажные палатки протекают.

〈Июля〉 26. Приезд Аббас-Мирзы.

〈Июля〉 27. Вхожу на одну из дворцовых террас. Дальний вид Султанейского лагеря.

〈Июля〉 28. 10,000 отправляются к Багдату против турков.

Разговор с нагиб-султаном. Его видимая преданность нашему государю.

Зарю играют; каждый вечер дудочкам, пищалкам и литаврам созвучала вестовая.

Мирза потерял значительную сумму. Нашли воров и деньги, которые шах себе взял.

---

* Так в рукописи. — *Ред.*

РАССКАЗ ВАГИНА

Шах меня подарил Гаджи-Мирзе-Магмед-Агвари.* В их бога он не веровал, и в какого веровал, неизвестно, всё ворожил; бывало запрется у себя, сделает вощеного человека, произносит над ним что, и перерубит надвое, туловище в одну сторону, а исподнюю часть в другую. Так он в 40 дней доставил голову Цицианова. Шах ему писал неправду, что повоевал Россию, а мой хозяин ему отписал, что, коли так, иди, возьми Тифлис; шах рассердился, хотел его порубить, а он, узнавши это, бежал с сыном, с женою и со всем домом, и я с ним, в Багдат. Там владел Гассад-паша. Мой хозяин ему несколько раз предлагал шахскую и Мегмед-Али-Мирзы голову, коли они на него пойдут войною. Шах по нем посла послал, его не выдали. Другой на место Гассад-паши был назначен из Царьграда, Давуд-Эффенди, и подступил к Багдату. Мой хозяин поднял такой ветер в его лагере, что свету божьего не видать, и качал несколько дней верблюжью голову; потом верблюжьи, лошачьи, собачьи головы зарывали возле Давудова лагеря, ночью. Этих людей поймали. Давуд-Эффенди спросил: по чьему приказанию? кто у вас ворожит? Ему отвечали: Гаджи-Мирза etc. Потом мой хозяин назначает, в который день еще вихрю подняться и ставке Давуд-Эффендия на-двое разорваться. Так и вышло, и всё его войско побежало. Наконец Давуд-Эффенди с помощью М[егмед]-А[ли]-М[ирзы] опять воротился к Багдату. Несколькие в городе узнали, что он при себе ферман имеет владеть ему в Багдате, и без драки отворили ворота. Гассад-пашу казнили и моего хозяина с сыном, дом разграбили и после разломали. Несметное множество народу собралось и всяких степных арабов, когда кувшин с нефтью принесли к деревянным воротам дома, чтобы их поджечь, ни капли не нашли, из ⟨....⟩ ** его искры посыпались ⟨....⟩ ***

Обмакнул в чернилы.

Вали Курдистанский; молитвы Фетали-Шаха. В деспотическом правлении старшие всех подлее.

---

* Сбоку написано: «духовный». — *Ред.*
** Не разобрано. — *Ред.*
*** Не дописано. — *Ред.*

⟨17—24 августа 1819⟩

17 ⟨августа⟩. Жар в саду. Амлих плечо сжег. Миансские ковры, клопы. Хан с сарбазами, который к нам ушел. Отправляемся перед закатом солнца. Груды утесов, река Миначай излучисто пересекает тесные ущелья; разные формы камней, особливо при месячном свете; спуски, всходы, один спуск ближе к Тюркменчаю, прекрутой.

18 ⟨августа⟩. Ночью переезжаем к Тюркменчаю; не сплю; вьюк потерян. Походный декламатор. Тьма куропаток. В 4 часа пополудни отправляемся. Тьма куропаток; гористая дорога, снопы, арбузы с приветствием от жнецов и собирателей. Спуски, всходы, 2 караван-сарая; прежние разбои, ныне безопасно.

19 ⟨августа⟩. Под вечер в Уждапах, в палатках, в виду дворец.

20 ⟨августа⟩. Поутру едем во дворец, — двукровный, весь открытый, по персидскому зодчеству; обсажен ветлами, между которыми трилиственник. Эриванское сражение, смотр войскам. Русские головы, как маковые, летят. В другой комнате красавицы, азиатки и мадамы: принадлежности — собачка, куропатка, утка.

22 ⟨августа⟩. Ханский сынок умница. Песчаная, каменистая и холмистая дорога. Встреча. Тавриз. Ханский певец. Ханский мирза.

23 ⟨августа⟩. Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль.

24 ⟨августа⟩. Idem. Подметные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников. Мое положение. Два пути, куда бог поведет... Верещагин и шах-зида Ширазский. Поутру тысячу туман чрезвычайной подати... забит до смерти, 4-м человекам руки переломали, 60 захватили. Резанные уши и батоги при мне.

30-е августа ⟨1819⟩

Во второй раз привожу солдат к шах-зиде, он их берет на исповедь по одиночке, подкупает, не имеет ни в чем успеха и бесится.

Наиб-султан. Зачем вы не делаете, как другие чиновники русские, которые сюда приезжали? Они мне просто объявляли свои порученности.

Я. Мы поступаем по трактату, и оттого его вам не объявляем, что вы лучше нас должны его знать: он подписан вашим родителем.

Н[а и б] - с[у л т а н]. Если Мазарович будет так продолжать, поезжайте в Тейран.

Я. Мы не по доброй воле в Таврисе, а по вашему приказанию.

Н[а и б] - с[у л т а н]. Видите ли этот водоем? Он полон и ущерб ему не велик, если разольют из него несколько капель. Так и мои русские для России.

Я. Но если бы эти капли могли желать возвратиться в бассейн, зачем им мешать?

Н[а и б] - с[у л т а н]. Я не мешаю русским возвратиться в отечество.

Я. Я это очень вижу; между тем их запирают, мучат, до нас не допускают.

Н[а и б] - с[у л т а н]. Что им у вас делать? Пусть мне скажут, и я желающих возвращу там.

Я. Может быть в[аше] высочество] так чувствуете, но ваши окружающие совсем иначе: они и тех, которые уже у нас во власти, снова приманивают в свои сети, обещают золото, подкидывают письма.

Н[а и б] - с[у л т а н]. Неправда; вы бунтуете мой народ, а у меня все поступают порядочно.

Я. Угодно вашему высочеству видеть? Я подметные письма ваших чиновников имею при себе.

Н[а и б] - с[у л т а н]. Это не тайна; это было сделано по моему приказанию.

Я. Очень жаль. Я думал, что так было делано без вашего ведения. Впрочем, вы нами недовольны за нашу неправду: где, какая, в чем она? Удостойте объявить.

Н[а и б] - с[у л т а н]. Вы даете деньги, нашептываете всякие небылицы.

Я. Спросите, дали ли мы хоть червонец этим людям: нашептывать же им ни под каким видом не можем, потому что во всех переулках, примыкающих к нашим квартирам, расставлены караулы, которые нас взаперти содержат и не только нашептывать, но и громко ни с кем не дают говорить.

Н[а и б] - с[у л т а н]. Зачем вы не делаете, как англичане? Они тихи, смирны. Я ими очень доволен.

Я. Англичане нам не пример и никто не пример. Поверенный в делах желает действовать так, чтобы вы были им довольны, но главное, чтобы быть правым перед нашим законным государем-императором. Однако, в[аше] в[ысочество], позвольте мне подойти к солдатам, чтобы я слышал, как ваши чиновники их расспрашивают.

Н[а и б] - с[у л т а н]. Мои чиновники дело делают и вам до них нужды нет.

Я. Я имею большое подозрение, что они свое дело делают не чисто, как обыкновенно. Они, когда были от вас посланы в нашем присутствии расспрашивать русских об их желании, только что проповедывали им разврат, девками и пьянством их обольщали; когда же мы подошли, то убежали со стыдом. Между тем нам не позволено было ехать на мейдан и отобрать просящихся итти в отечество. Потом, когда вы велели, чтобы я своих людей привел сюда и чтобы прочих солдат привели из баталиона, которые по выходе из моей квартиры были захвачены, я сделал вам в угодность, своих привел третьего дня, их тщательно расспрашивали, никто из них обратно не перешел к вам; но людей, которых имена у меня записаны, которые объявили мне свое желание быть посланными в Россию, которые были захвачены и вы приказали их мне представить налицо, мне их вовсе не показали. Ныне я опять пришел согласно с вашею волею; вот — мои люди, а прочих, мною требуемых, нет. Притом же ваши четыре чиновника по одиночке каждого из солдат, что я привел, берут на-сторону, уговаривают, и бог-знает как уговаривают, а мне вы даже не позволяете быть к ним ближе.

Пришли доложить, что из 70-ти человек, мною приведенных, один только снова перешел на службу к его высочеству, но и этот ушел от них, бросился ко мне в ноги, просил, чтобы я его в куски изрубил, что он обеспамятовал, сам не знает, как его отсунули от своих и проч.

Шах-зида поручал солдатам служить вперед верою и правдою их государю, также, как они ему служили, между тем мне давал наставления о будущем их благе, чтобы им в России хорошо было.

Я. Я буду иметь честь донести вашему высочеству о поступлении с ними нашим правительством, когда,

отведя их в Тифлис, ворочусь сюда. Между тем чрезвычайно приятно видеть, как вы, Наиб-султан, об их участи заботитесь. Ваше высочество, конечно, не знаете, что их уже за давнее время не удовольствовали жалованьем в вашей службе, и верно, прикажете выдать столько, сколько им следует.

Н а и б - с у л т а н. Нет, нет, нет. За что это? Если бы они меня не покидали, продолжали бы мне служить, это бы разница.

Я. Я думал, что за прошедшую службу их ваше высочество не захотите их лишить платы.

Н[а и б] - с[у л т а н]. Пусть Мазарович дает, они теперь его.

Я. Да у него в руках будущая их участь. Впрочем, и за прошлое время, коли вы отказываетесь, Поверенный в делах этот долг ваш им заплатит. Ожидаю от вашего высочества, что сдержите ваше слово и велите привести сюда прочих, желающих с товарищами птти в родину, тех, об которых я имел честь подать вам список.

Тут он позвал нашего беглеца С[амсона] М[акинцева]; я не вытерпел и объявил, что не только стыдно должно бы быть иметь этого шельму между своими окружающими, но еще стыднее показывать его благородному русскому офицеру и что бы Наиб-султан сказал, кабы государь прислал с ним трактовать беглого из Персии армянина? — «Он мой ньюкер». «Хоть будь он вашим генералом, для меня он подлец, каналья и я не должен его видеть». — Тут он рассердился, зачал мне говорить всякий вздор, я ему вдвое, он не захотел иметь больше со мною дела — и мы расстались.

⟨4—7 сентября 1819⟩

4-го сентября

По многим хлопотам выступление.

5-го сентября

Ночь, поустаю,* днем нахожу своих. Брошенный больной. Дыни, хлопчатая бумага. Возле Софияи у мельницы водопад, холодок, кусты, маленький вал, завтра-

* Очевидно, неправильно прочитанное слово или опечатка в первопечатном тексте; по смыслу предложения следует: поотстаю. — *Ред.*

каем. — Идем в ущельи, соляные воды и горы. Взби раемся на высочайшую гору, крутую; узкая тропинка между камнями. Вид оттудова. Вышли в 2 пополуночи пришли в Маранд в 7-мь пополудни. Виноградная бе седка.

6-го сентябр

Днюем в Маранде. Назаров, его положение. Известие о милостях государя к Маман-Хану. Шум, брань, деньги Отправляемся; камнями в нас швыряют, трех человек зашибли. Песни: «Как за реченькой слободушка». «В поле дороженька». «Солдатская душечька, задушевный друг» Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза.

«Певались ли вы в баталионе?» — «Какие, ваше бла городие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые о России тужат». — Сказка о Василье-царевиче, — шелко вые повода, конь золотогривый, золотохвостый, золота сбруя, золотые кисти по земле волочатся, сам богатыр с молодецким посвистом, с богатырским покриком, в виц мундире, с двумя кавалериями, генерал-стряпчий, ни роги собирает, и проч. и проч. «Слышал, сказывает — кто?» «Так сказывает Скворцов, что в книжке не сло жится, человек письмянный».

Успокоение у разрушенного каравансарая; оттудов равниной идем до ущелья; земля везде оголилась; пото сквозь ущелье, трещины, расселины. Водопроводы с шу мом извергаются из ущельев. Около горы сворачивае вправо до Гаргар.

Разнообразные группы моего племени, я Авраам

Выступили из Маранда в 8 $^1/_2$ часов вечера, в караван сарае 4 часа утра; оттудова в 7-м часу, в 11 часов в Гар гарах.

V. АНАНУРСКИЙ КАРАНТИН

29-го ноября (181

Вползываем в странноприимную хату, где действи тельно очень странно принимают. Холод, спрашивае дров. Нет, а кругом лес. У ветхого инвалида покупае дорого охапку. Затапливаем, от дыму задыхаемся. Ист

* Справа приписано: «Каменисто». — *Ред.*

Пушкин по пути в Арзрум встречает гроб с телом Грибоедова (11 июня 1829 г.)

Рисунок Бореля

Могила Грибоедова на горе Мтацминда в Тбилиси

Рисунок 1830-х гг.

пили, угар смертельный и морозно по прежнему. Спрашиваем корму для себя и для лошадей, — ничего съестного. Наконец, является маленький, глупенький доктор, с хлыстиком, вертится на одной ножке и объявляет, что мы в «политическом госпитале» (в мефитическом: от сырости запах претяжелый), что нашу комнату, иногда, заливает вода по колено, что срок сиденья зависит от комисара. Докторишка исчез, и я от угара проболел 24 часа. Явился комисар, как смерть курносый.

— «Спасите. Карантин ваш очень мудро устроен, чтобы чумы далее не пропускать: потому что она с теми, которых постигнет здесь, непременно похоронится, потому что от холоду смерть, от дыму смерть, от угару смерть (да и сам комисар, как смерть, курносый, — мы его, наконец, видели), но Беб[утов] и я не чумные, не прикажите морить...»

VI. ⟨ДНЕВНИК ВОЗВРАТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ В ПЕРСИЮ⟩

⟨Январь — февраль 1820⟩

10 января. Сады, влево Кура. Едем по склону горы, влево крепость Саганлук; поворачиваем вправо, кряж гор остается к северу. К югу Меднозаводская гора и хребет. Озеро. От Код Квеши на возвышении. Перед этим развалины на утесе, который как-будто руками человеков сложен из различных камней.

12-го ⟨января⟩. Через гору в Гергер. Казармы. Оттудова высочайший Безобдал...

1801. Омар-Хан разбит шевцами, хевсурцами, в кольчугах, в шишаках, в числе 5000. Русские только были зрителями.

Ad mem. — При князе Цицианове Гуляков взял Чары и Беликаны и убит в Чарах в сражении против лезгин: обнадеялся на 15-й Егерский полк, который побежал и смял прочих.

Цицианов армянам: «я и об живых об вас небрегу, стану ли возиться с вашими мертвыми».

Возится с солдатами, бьёт одного и после уверяет,

что поссорились, награждает деньгами. Рубли превращает в медали после приказа, что гвардии за развод, а его солдатам за штурм дано по рублю. *

17-го ⟨января⟩. В монастыре хорошая гостинница, услуга. Бедственное положение патриарха.

18 января, понедельник. Осматриваю монастырь. Рука св. Георгия, копье, кусок от креста. Место, — 4 столпа мраморные, — где было сошествие Христа по представлении, тому назад 1500 лет. Ризница скрыта. Ковры. Типография на 3 станка. Патриарх ветхий, сетует о судьбе погибших монетчиков в Царьграде. Сам поплачивается за русских приезжих.

До Эривани 12 верст. Летняя беседка с витыми галлереями в три этажа. Сам сардарь на балконе. Вода на улицах. Ad mem: Mehmour.

Патриаршее сравнение: Эчмедзин как роза между терниями. Портрет шахов гравирован в Париже.

---

19 ⟨января⟩. Вода ночью замерзла в комнате. Отправляюсь. Арарат вправе, как преогромный белый шатер. Много деревень, садов, речек. Маленькое ущелье Девалу.**

---

22 ⟨января⟩. Медление в Нахичевани. Армяне живут хуже татар, — окно для света и дыму, без камина. Мирза Мамиш, персидская лесть. Чем к ней кто доступнее, тем ее покрывало более редеет. ***

Февраль. От Гаргар к юго-западу, влево, через ущелье, занесенное снегом. Выехавши на широту — равнина до каравансарая. — По пригоркам до Маранда. Маранд виднеется на высоте за три агача. — Из Маранда в горы подъем трудный. От каравансарая спуск до Софиянки, ровно до Тавриза; влево и вправо делятся горы.

---

* Далее в первопечатном тексте опущены записи о горе близ Гумри (Алагезе), «где часто замерзают, хотя высота обыкновенная», об Арарате (16 января), о приезде в Эчмиадзин (17 января). — *Ред.*

** Далее в первопечатном тексте опущена запись от 20 января о том, как Грибоедов дважды тонул в какой-то речке, которая «вздулась и нигде нет проезду». — *Ред.*

*** Далее в первопечатном тексте опущена запись от 24 января о приезде в Гаргары. — *Ред.*

28 томов книг получил каймакам из Италии, однако говорит, что там еще много осталось хороших.

Визирь, битый по условию каймакама с шах-зидою, за финансы.

Где только персиянин может на словах отделаться без письма, — он очень рад. В важнейших делах обсылаются через фарашей, которые словесно их производят, и это много способствует к усовершенствованию их природного витийства. В Москве тоже обычай есть с людьми многое приказывать, что гораздо заходит за сферу их деятельности.

Вертилище женщин. Мусульманов обличают в любви с христианками.

5-го марта 1822. Тифлис

Прихожу к Полю; биче его, который тарелки чистит, принимает депутацию от крепостных своих мужиков. Они жалуются, что им есть нечего; он, князь, им уделяет рубль из своего жалованья. И мой биче, конюх Иван — князь, сын маиорский. Прихожу домой, у моего Амлиха гости. «Кто у тебя?» — Цари. — «Как цари?» — Да-с, царевнины сыновья, царевичи, нам соседи.

VII. 〈КРЫМ〉

〈24 июня — 12 июля 1825〉

Июня 24. Середа, Иванов день. Вверх по Салгиру верхом. Сады, минареты, Перовского дачка — приятной, легкой архитектуры домик. Облако столбом над Чатыр-дагом, будто курится. Ручьи падают справа от нашей дороги в Салгир. Тополи, надгробные камни с чалмами. — Аянь, на восток от него в полуверсте источник Салгира в известковой каменной котловине. Пещера, вход с двух сторон; спереди с шумом извергается источник, слева род окошка; мы, разутые, лезем в него, цепляемся по голым камням, над нами свод, род пролома сверху, летучая мышь прилеплена к стене возле, и внутренняя

продолговатая пещера позади нас. Мы сидим над самым о[брыво]м. М. Ш. называет его глазом. Вода холодная, как лед.

После обеда из Аяна косогором к западу, направо лесистая впадина к дороге между Ч[атыр]-Д[агом] и Темирджи, склонение к северу Яйлы, под ним домик, тут дача Офрена, сзади подошва Чатыр-Дага, впереди ущелье Кизиль-Кобе, проезжаем чрез ущелье Альгар, деревня Чавки (станция к Алуште), влево малый Джанкой, вправо речка Кизиль-Кобе, ущелье входит клином в гору, там родник сперва наружу, потом отвесно под землею, потом снова широкою лентою падает на камни и течет в долину, которая позади нас; орлиные гнезда, орешник, кизиль, род ворот между двух самородных камней, пещеры, своды, коридоры, столбики, накипь.

Симферополь. Цыганская пышнейшая музыка в Крыму — смесь татарского с польским и малороссийским.

Июня 25. Дождливый день. Берем несколько назад, потом левее, по северной подошве Чат[ыр]-Д[ага] до Буюк Джанской, оттудова вверх довольно отлогая дорога, лесистая, справа овраги, тесные и глубокие долины, бездны лесные, там течет Альма (ее исток между Ч[атыр]-Д[агом] и С[инаб]-Г[орой)], белые холмы Саблы в отдалении, еще далее горы Бахчисарая. Поднимаемся на террасу каменную, инде поросшую лесом, убежище чобанов внизу, а далее в равнине всё еще туман. Шатаемся по овчарням.

После обеда. Наелись шашлыка, каймака, на круглом столике, поселившись в каменной яме к северу от овчарного хлева. Зелень и климат северные. Низменная даль всё еще подернута непроницаемою завесою, оттудова тучи поднимаются к нам, ползут по Чатыр-Дагу. Он совершенно дымится. Горизонт более и более сужается, наконец я весь увит облаками.

У здешних пастухов лица не монгольские и не турецкие. Паллас производит их от лигурийцев и греков, но они белокуры, черты северные, как у осетинов на Кавказе.

Гроты снеговые, стены покрыты мохом, над ними нависли дерева. Спускаюсь в глубь, вползываю в узкое отверстие и там снежное приятелище — родник замерз-

ший. Скатываем камень,—продолжительный грохот означает непомерную глубину. Выхожу оттудова,—синее небо.

Поднимаемся на самую вершину. Встреча зайца. На иных зубцах самого верхнего шатра и на полянах ясно, но у самого верхнего зубца нас захватывают облака, — ничего не видать, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваем пристанища. Розовая полоса над мрачными облаками, игра вечернего солнца; Судак виднеется вдали; корабль в Алуште будто на воздухе; море слито с небом. Попадаем в овчарню на восточной вершине, обращенной лицом к югу. Сыворотка, холод, греюсь, ложусь на попону, седло в головах, блеяние козлов и овец, нависших на стремнинах. Ночью встаю, луна плавает над морем между двух мысов. Звезда из-за черного облака. Другая скатилась надо мною. Какой гений подхватил ее?

Июня 26. Пятница. Кочуем в тумане и в облаках целое утро. Сажусь на восточный утес, вид на глубину к Темирджи. Два корабля в Алуште. Съезжаем до лучшей погоды в Корбек, лесом ручьи. На квартире (крайней к верху) с балкона вид на море. Справа из-за Салтан-горы высовывается Кастель. Балкон под сливою и грецким орешником. — Под вечер пешком в Алушту средними возвышениями, подошвою Чатыр-дага. Замок Алустон в развалинах, налево Шумы, деревня Темирджи на воздухе; возвращаюсь низом, сперва садами, потом тропою, которая ведет в Бешмы, ногами растираю душистые травы, от которых весь воздух окурен. Татары любят земные плоды.

Ночью встаю, месячно.

27 ⟨июня⟩. Опять в гору; сперва лесом, потом голые вершины уступами. Круча.

Панорама с Чатыр-дага.

Впереди под ногами площадь, терраса Чатыр-дага, первая под самым темем, шатром (чадирь), все негладкости будто стесаны, пониже дичь, густой лес, в нем источник Альмы между С[ипаб]-Г[орой] и Ч[атыр]-Д[агом]. Далее дугою Севастополь, Бахчисарай, Саблы, белые меловые горы, правее Салгир, Акмечеть, еще далее Козлов и море, между всем этим; ближе к месту, с которого смотрю, волнистые холмы, по ним солнце играет. — Справа Зуя, Карасубазар, над ним дымок, задняя пологая часть восточной Яйлы, часть Азовского моря голубою полосою

окружает с востока степь и дол до Перекопа. — Слева западная часть задней Яйлы, св. Нос к Балаклаве чернеется. — Обратясь назад — море, даль непомерная, с запада спускается к нему Яйла, из-за ней Кастель, прямо Алушта, к востоку берег изгибом до Судака, выдавшегося далеко в море, точно между Обсерваторией и Горным Корпусом. За Судаком Карадаг и проч. 3 корабля. На вершине (западном зубце, где мы стоим) между двух углов, шагов 50 стремительный спуск к югу, пологий к северу, обрыв к Альме, дебрь. — За Темирджи несколько слоев гор еще ее возвышеннее. — От Чатырь-дага к северу площадь, терраса, будто укрепление с исходящими углами, с бойницами, из них иные красные, желтые, серые, и между ними зелень. Белизна меловых гор, которые тянутся как лагерь.

Несколько орлов с закрюченными крыльями; их плавный и быстрый полет. Дождь, словно занавесь, постепенно закрывает предметы и близится к нам, наконец сечет нас. Прячемся. Новая картина. Улитки. Я над стремниной. Опять ведренно, выхожу из засады. Противуположность, — спереди был мрак, сзади ясно, теперь наоборот. — Следую направлению верхнего обреза от з[апада] к востоку, смотрю на дольные картины из-за промежутков скал, как из-за зубцов Кремля. — Сперва Салгир был вправо, потом прямо против меня, теперь влево, по мере моего шествия. К западу картина становится уже и расширяется к востоку. С восточной оконечности вид на дебрь между Кизиль-кобе (вчера казался так высок, а нынче через него гляжу). Темирджи и Ч[атыр]-Д[аг]. Ветер переменился, облака назад пошли и, после дождя, разодранные, как после битвы, тянутся от Султан-горы серединою Чатыр-дага в Темирджинское ущелье, словно оттудова пар воскуривают; позади всего море, пропасти под ногами и зубцы. Не понимаю, как меня ветер не снес! Прихожу к пастухам, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь в Корбек.

После обеда в Шуму; плутаю по оврагам; лошадь мне ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью в Алушту.

Алушта; древние развалины замка, около которого домики с плоскими кровлями прислонены к холму, образующему со многими другими подошву Чатыр-дага; около него ручьи и сады в яминах. Всё место окружено

амфитеатром, к морю отрогами обоих Яйл и Чатыр-дага, которого вершины господствуют над сей долиною. Корабль нагружается лесом; другой от флота зашел за пресной водою. Разговор с офицерами о Чатыр-даге. Морские ванны. Эфенди хвастает крепкою черешнею.

28 июня. Едем берегом. Узенькая тропа. Жар несносный. Вправо то голые утесы, то лес. Кастель. Иногда крутой въезд, потом опять спуск к морю. Мыс. Проехав из-за него выказался Кучук-Ламбат. С одной стороны голый и не самый высокий утес, с другой возвышенный и лесистый Аюдаг, далее выдавшийся в море, окружают приятнейший залив; волны дробятся о берег. Фонтан под фигою; вид благосостояния в селении. Дом. Воскресный день. Бороздин называет это «пользоваться премиею природы, не выезжая из отечества». Сад, размарины, lauriers-roses, маслины, смоковницы, лилеи, дева утеса в Кизильташе. — Еще родник в саду; беседка к морю, затишие от бури, напоминает такую же в Выдубеце. Подводные камни, не доезжая до деревни. Бакланы, дельфины. Venite adoremu. *

29 ⟨июня⟩. Парфенит, вправо Кизильташ, ** шелковицы, смоковницы, за Аюдагом дикие каменистые места, участок Олизара, шумное, однообразное плескание волн, мрачная погода, утес Юрзуфский, вид с галереи, кипарисники возле балкона; в мнимом саду гранатники, вправо море беспредельное, прямо против галереи Аю и впереди его два голые белые камня.

Отобедав у Манто *** (у жены его прекрасное греческое, задумчивое лицо и глаза черные, восточные), еду далее; Аю скрывается позади, сосны на Яйле, лесистые высокие места, впереди Гаспринский мыс ограничивает горизонт.

Подъезд к Ник[итскому] саду лучше самого сада. Заглохшая тенистая тропа посреди одичалых остатков греческого садоводства, под гору, плющем увитые, ясени и клен, грецкий орешник, акация, дикий виноград, смоковницы, плачущие ивы. В саду rus delphinus, которого я давно домогался названия в Ширване.

Всегда ли лето бывает так прохладно? Дорога более возвышена. Род часовни, где лошадь привязана. Выезжая

---

* Пригидите, поклонимся. — *Ред.*

** В первопечатном тексте опечатка: Кизильтам. — *Ред.*

*** В первой публикации фамилия была прочитана неверно: Монта. — *Ред.*

из саду и поднявшись кверху, в перелеске руины греческой церкви. Вообще до сих пор развалины не живописны, исключая алустонских торчащих трех обломанных башен.

Приятный запах листьев грецкого орешника, когда его в руках растираешь.

NB. Отъехав от Юрзуфа и посмотреть назад, вид берега расширяется через передовые отроги Яйлы, вид на долины к Ялте тоже пространен и пожелтевшие нивы разнообразят темную, многотенную картину.

Ночую в Дерекое. Кладовая хозяина. Один каштанник во всем краю. Сад Мордвинова в Ялте.

Округ Никиты. Запущенные и оброшенные сады греков, выведенных в Мариуполь.

30 июня. Пространная долина, и плодоносная. Горы почти так же высоки, как около Алушты, и окружают до пристани. Аутка — греческое селение в сторону от дороги, но в ней всё по-татарски. От Аутки лесом прямо в гору, справа с Яйлы водопады Ялты. Оборотясь назад, вид расширяется от верха Яйлы до Никиты-буруна; прелестная темная (foncée) долина, усаженная лесом; пестрота нив, садов и деревень, часть моря у Яйлы. Спустясь на большую дорогу опять лесом до Кушелева сада в Урьянда. Нос Айтодор каменистый выдается в море; тут развалины монастыря. Выезжая из леса и поднявшись на высоту — пространный вид. Яйла, голая, дикою стеною господствует над Гаспри, Хурсис, Мускор и Алупкою. С пригорка над Гаспрою опять виден Аюдаг, который было исчез за Никитинским мысом. — Чрезвычайно каменисто; земляничный лес на Яйле, как кровь красный. Вчера высота Яйлы была осенена соснами, а ныне безлесна.

В Алупке обедаю, сижу под кровлею, которая с одной стороны опирается на стену, а с другой на камень; пол выходит на плоскую кровлю другого хозяина, из-за нее выглядывает башенка мечети, Муэдзин Селами-Эфенди, шелковицы, виноградные лозы, сюда впереди два кипарисника тонкие и высокие, возле них гранатовый куст; вообще здесь везде оливы, лавры и гранатники рдеют. Паллас говорит, что у Айтодора устрицы, но пора рабочая, теперь не ловят. Греки в Аутке.

После обеда. Из Алупки в Симеис, оливы, гранаты; Коурмé; роскошь прозябения в Симеисе; оттудова утес,

обрушенный в море торчма, на нем развалины замка; проезжаем сквозь теснины частию нависших и в море обрушенных громад, другая на суше, над нею прямо обломанный утес, повсюду разрушение. Дождь, укрываемся к казакам (береговой кордон, далее содержит его балаклавский полк), от дождя быстрые потоки и водопады. Яйла совершенно обнажилась из-за передовых гор. Кукунейс; между ним и Кучук-коем обвал от землетрясения, будто свеже-вспаханная земля; оттудова вид на крайний мыс южного берега Форус, темный, зубцы и округлости отрисовываются позади светящим вечерним заревом. (На другой день я увидел, что это только зубчатая поперечная скала между Пшеткою и Кучук-коем).

Лень и бедность татар. Нет народа, который бы так легко завоевывал и так плохо умел пользоваться завоеваниями, как русские.

1 июля. Из Кучук-коя косогором. Я задумался и не примечал местоположения; впрочем те же обвалы, скалы справа, море слева, поперечные зубчатые скалы. Поднимаемся близ форусского утеса вверх лесом, похоже на подъем с моря на Чатыр-даг, красноречивые страницы Муравьева, перевалясь через Мердвень. Паллас прав насчет лицеочертаний приморских татар трех последних деревень.

Байдарская долина — возвышенная плоскость, приятная, похожая на Куткашинскую. Кровли черепичные; кажется хозяйство в лучшем порядке; хозяйский сын хорошенький. Тут я видел, что во всей Азии, как хлеб молотят: подсыпают под ноги лошадям, которых гоняют на корде.

После обеда в лес до Мискомии. Оттудова две трети долины заслонены выступающею с севера горою, так что тут делается особенная долина; отсюдова в гору извивистой тропою спускаемся к хуторку, к морю (bergerie), где была разбита палатка для Екатерины во время ее путешествия; справа из-за плетня белеются меловые горы, между Узеном и Бельбеком. Поднимаюсь на гору. Панорама: вправо долина Узеня, под пригорком Комара или Карловка, слева море разными бухтами входит, врезывается в берега. Прямо впереди тоже море окружает полуостров, которого две оконечности — Севастополь и Балаклава. Влево, в море флот из 9-ти кораблей; под

ногами два мыса, как клавиши. Еще ниже островерхий пригорок, на нем замок и башни древнего Чемболо; на втором мысе (из двух параллельных) сады и обработанная поляна.

Объезжаем ближайшую гору, к северу Кадикой, бухта тихая, как пруд и местечко балаклавское на подошве западной горы; бухта сжата продолговатыми мысами, на вид безвыходными. Школа, дом Ревельота, церковь, мечеть упраздненная, балконы на улицу. Ночью мало видно. Дежурный капитан. Готовится мне ялик для прогулки по бухте, на другой день, на рассвете. Комната моя в трактире с бильярдом. Морская рыба макрель, кефала.

2 июля. Поутру, бухтою, вниз к устью, — не видать никакого выхода; на протяжение до открытого моря на $1\,^1/_2$ версты заслонено утесами с обеих сторон; слева замок, полукруглый залив по выходе в море. Дельфины и бакланы. Плывем в оба направления, к востоку Святой-нос, где будто развалины монастыря. Воротясь назад, приятный вид местечка, — в церковной ограде кипарис, мечеть внизу, старая церковь в горе, школа — самое чистенькое здание. Настоящий грек, слуга в трактире, пылает желанием сразиться с греками и сдирает с меня втридорога за квартиру.

Уезжаем из Балаклавы назад к верху бухты, налево в гору, вправо внизу Кадикой, церковь беленькая, приятный вид после запачканных мечетей, еще в гору, мимо Корани (все 4 деревни греческие). Хорошо отстроенные домики.

Возвышение, с которого Гераклиевский полуостров как на ладони; окружен морем. Панорама: мы лицом прямо на запад, вправо белеются дома Севастополя и большая бухта, корабельные мачты, далее с е в е р н а я к о с а и еще далее козловский берег, впереди маяк и две бухты, как на чертеже. Хутор монастырский и другие, налево новая колокольня св. Георгия (напрасно выстроенная.) Позади гористый вид, мыс Ай-Дак, Св[ятая] гора, отвсюду виден; говорят, что он первый в Крыму представляется плывущим из Царь-града. Не это ли К р и у м е т о п о н? Это похожее на дело, нежели «баранья голова» Муравьева. Долина Узеня, слева белый кряж гор известковых новейшего образования: вглубь всей картины верх Чатыр-дага, нависшего как облако.

NB. Воспоминание о в[еликом] к[нязе] Владимире. Едем в монастырь. Крутизна по входе в ворота; внезапности для меня нет, потому что слишком часто описано (так же как и Байдарская долина: если бы безъимянная, она бы мне более понравилась; слишком прославлена). Спускаюсь к морю, глаз меня обманул: гораздо глубочайший спуск, чем я думал. От церкви глядеть наверх, к колокольне, похоже на Киевскую Лавру, но вид из Лавры несравненно лучше. — В море справа два камня, как башни, между ними утес вогнутою дугою, слева скалы; под их тенью раздеваюсь и бросаюсь в море. Вода холодная, как лед. Красивые разноцветные камушки, прекрасно округленные. Назад подъем тяжел. Змея. Митрополит из Кефалоники.

Едем в Севастополь; жарко, сухо, мерзко и никакого виду. Город красив. Сначала виден с Артиллерийской бухты дом Спаксарева. Мы берем вправо, в заставу. Подвечер гуляю. Лучшее строение города — гошпиталь над южной, самой пространной бухтою. Огибаю Артиллерийскую бухту, базар, живопись, купаются, скверные испарения. Батарея, закат солнца, иду на Графскую пристань, оттуда большою улицею вверх, мимо двух церквей, домой. Ночь звездная, прекрасная, но безлунная. Маяки светятся в стороне к Инкерману.

3 июля. Севастополь лежит лицом к Ктенусу, одною стороною на южную военную (или Корабельную) бухту, а другою на Артиллерийскую. Несколько батарей на северной косе и на мысе военной гавани. Ктенусом плывем 7-мь верст; лес истреблен (жаль, а то бы прелестное гулянье по воде). В Балках справа казенный сад, где гулянье 1-го мая, пороховой магазин, слева сухарный завод, справа и слева хутора. Выезжаем в камышевый Узень, струйка пресной воды, ясени и другие деревья; направо гора двойная, изрытая пещерами, корридор, полуразрушенная внутренность церкви (живопись: святой с ликом, стертый), точно арки Гостинного двора или Каравансарая. Древний мост слывет Ханским; перейдя через него, насупротив прежних и выше их две другие горы, тоже пробитые пещерами, иные застроены и вымазаны, с окошечками, нашими артиллеристами, рабочими на селитренном заводе. Здесь церковь целее, фигурные украшения, горнее седалище. Из придела церкви обломан-

ный свод без лестницы; Александр туда и я за ним. Вверху ступени в крепость, идет к южной крутизне, там пещеры ярусов в десять, иные раскрашенные, иные клетчатые, выдолбленные украшения.

Вид на луг и долину Узеня прелестный. Также, оборотясь вправо, на залив. Вероятно, когда нападали на жителей, то они спасались на верхние жилья; если подламывали пилястры, то бросались в крепость. С севера и востока стены и башни довольно целы, так как эти обе стороны здесь приступнее и положе, то и был тут он укреплен тверже, двойною стеною. На север башня круглая и далее четырех-сторонняя; на восток зубчатая стена, башня круглая, опять стена, четырех-угольная башня и еще стены и круглая башня угловая.

Инкерман самый фантастический город; представляю себе его снизу доверху освещенным вечером. — Но где брали воду? — Отчего монахи? — Во всяком случае ариане, ибо готфы сперва были ариане; таков был и переводчик их библии епископ Ульфила.

С севера сход, крыльцо к роднику. Приятно умываться, когда сам божок или нимфа ручья подает воду из рукомойника. Панорама с крепости: к западу Ктенус и горы такие же, как та, на которой крепость и которые отделяют полуостровок. К югу, за долиною Узеня, Байдарские горы; с востока и севера протяжение тех гор, на которых крепость.

После обеда. Часов в 5-ть после обеда еду к карантину. Стена, в которой пролом, прилежит к нынешним зданиям и тянется к заливу направо и по возвышениям югом, где обращается вдавшимися углами многоугольника к западу, возле песчаной бухты упирается в море и тут пролом и части стен и башен. К сей стороне, внутри, насыпной холм. Не здесь ли Владимир построил церковь? («Корсуняне подкопавше стену градскую крадяху сыплемую персть и ношаху себе в град, сыплюще посреде града и воины Владимировы присыпаху более». Нестор.) — Может, великий князь стоял на том самом месте, где я теперь, между Песочной и Стрелецкой бухты. Тут, теперь, наравне с землею основание круглой башни и четверо-

сторонней площади к Стр[елецкой] бухте. — Впереди всё видно, что происходит в древнем Корсуне и приступ легок. Через город видны холмы Инкермана и два его маяка и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонт, как по обрезу; Чатыр-даг левее и почти на одной черте с городом особится от всех, как облако, но фигура его явственна и правильна. Смотрящему назад видны два кургана, один прибрежный, другой среди-земной. Я на этом был, — груда камней и около него два основания древних зданий. Солнце заходит в море и черное облако застеняет часть его; остальная в виде багрового серпа месяца. Худое знамение для варягов. С насыпного холма, внутри города, виден маяк, а далее, по морю и кругом, не видать. — Пещеры к югу; их множество. Проводник уверяет, что они ведут к Инкерману, обложены огромными дикими квадратными камнями. — Колодезь, водопровод.— Лисица. — Два корабля и флот.

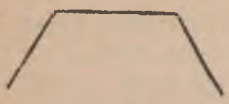
4 июля. Поутру однообразною дорогою, тою же заставою, в которую въехал. Надоело, велел своротить вправо, чтобы сблизиться с морем; едем рвом, множество четвероугольников; поля разделены на клетки каменными основаниями; палево, над рвом возвышение, на нем [_____] из огромных, грубообтесанных камней, сложенных одни над другими в два ряда, к югу два круглые основания, в них ямины, далее параллелограм; тут и кончится возвышение.

Подъехав к морю: позади осталась Стрелецкая бухта, круглая впереди; те же клетки и фундаменты параллельных оград. Паллас предоставил себе современем внимательнее осмотреть остатки древностей около бухт Казацкой, Круглой и Стрелецкой, но при том и остался. Вот, что я видел. В конце загиба Камышевой бухты два хутора, второй купца Сергеева «Екима Сергеевича покойного; сын его Левушка махынький, 22-й годочик». В одном из его огородов: [_____] один бок 16, другой 24 шага, с одной стороны, в 4 ряда камни, и еще надделан неполный ряд; иной камень в $2\frac{1}{2}$ аршина длины и $\frac{3}{4}$ ширины; другие бока в три ряда. Обойдя загиб бухты и перевалясь через пригорок такой же [_____] и тут на холме, до самого маячного перешейка, груды огромных и средственных.

Маяк в 12 саженей вышины. Панорамный вид полуострова не так хорош, как с горы Карани: кроме двух возвышенных мысов с правой стороны ничего не видать. Флот в море, идет к Николаеву на всех парусах. У берега свинки (дельфины) кувыркаются, фонтаном пущают воду из головных отдушин; столпили в стадо рыбу салтанку, которая от них не может отбиться, море наполнили кровью и насыщаются. Стая чаек реет округ их и подхватывает объедки трапезы. Бакланы, уже сытые, плывут впереди.

На возвратном пути, перейдя ров Стрелецкой бухты, на пологом возвышении к древнему Корсуню древние фундаменты, круглые огромные камни и площади. Не здесь ли витийствовали херсонцы, живали на дачах и сюда сходились на совещания? А нынешний остаток стен может быть только Акрополь. Впрочем, я ужасный варвар насчет этих безмолвных свидетелей былых времен; не позволяю себе даже догадок. Что такое bâtisses cyclopéennes? * Похоже на турок и персиян, у которых Тезеев храм в Афинах и Персеполь приписываются построению Дивов. — С маяка и на здешнем полуострове видно то же направление земли, как во всем Крыму, — северные берега пологи, южные круты и обрывисты.

5 июля. Через Ахтиарский залив на северную косу; оттуда вид на Севастополь. Корсунь и маяк. Едем вдоль берега, поворачиваем, миновав Учкуй, вдоль Бельбека. Берега в садах; справа горы положе и в зелени, слева крутые и голые, меловые. Вероятно на Каче и на Альме тоже. Дуван-кой, долина расширяется, справа восточная часть Мангупской горы, прямо срезана, выглядывает из-за протяжения гор, что с правой стороны от дороги.

Сворачиваем еще правее, переезжаем через Бельбек и продолжаем путь вдоль речки Кара-Илаза. Примечательный и оригинальный вид гор, чрез которые прорывается Бельбек, — сахарные головы, верхушки бисквитные. Иной бок закруглен вперед или назад, наверху род теремов и замков, или бельведеров разноцветных от смешения зелени со слоями камней. Гора над Кара-Илазом тоже как будто сверху укреплена исходящими башенками.

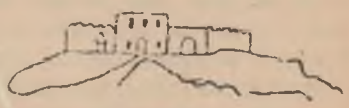
---

* Циклопические кладки. — *Ред.*

Оттуда уступами тополи высочайшие. Мельница, дом, гарем (желтенький, в ограде). Гостинница, прекрасное угощение.

Гроза великолепная.

Поднимаемся в верхний Кара-Илаз, ущельем вдоль Суук-су, потом в Ходжа-сала, влево в ущелье, плутаем заглохшею тропою, въезд на Мангупскую гору с севера, вороты, стены, часть замка, окна с готическими украшениями.

В утесе высечены комнаты. Ходы, лестницы, галереи к с[еверо]-в[остоку] вне крепости. На самом конце площадка, под нею вторым уступом острый зубец утеса, направо долина, налево под ногами голое ущелье, где Ходжа-сала; далее море. Спуски, сходни в круглый зал, шесть комнат к западу, к востоку три, узкий ход по парапету, множество других развалин.

Башни и стены к востоку в маленьком промежутке, где не так отвесно. Большая, местами довольно целая, стена западная. Спускаемся заросшею стремниною. Жидовское кладбище. Не худо бы разобрать надписи. Вид прямо на Кара-Илаз. Ночью в Бахчисарай. Музыка, кофейная, журчание фонтанов, мечети, тополи. Татарин мимо нас скачет вон из города, искры сыплятся из трубки.

6 июля. Хан-сарай полуразвалившийся. Вид с минарета. Иду пешком вверх по нашему переулку, оттуда к мавзолею грузинки, от него вверх и опять вниз к мостику. В перспективе гаремная беседка, вид города: тополи, трубы, минареты. Азис, вниз по Чурук-Су базарною улицею, деревня, 6 мавзолеев, один осьмиугольный, карнизы обложены мрамором. Опять в Бахчисарай; от него на восток ущельем вверх по Чурук-Су. Дома под навесом утесов. Минареты, куполы развалившихся баней. Вправо лощина врезана в ту же гору, которая с юга господствует над Бахчисараем. Сворачиваем туда; проехав немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен в горе; лестница и церковь и корридоры высечены в камне, балкон пристроен снаружи и келейка, где старик со старушкою. Внизу надгробный памятник неизвестного, надпись русская сглажена. Оттуда ложбиною вверх, везде

фонтаны, дорога влево, клином на верху Иосафатова долина в дубовой роще. Налево отвесная гора Чуфут-Кале, туда ведет лестница. Та же система укрепления, что в Мангупе. Оленье поле; на стремнине против монастыря остатки башни и стены.

Местоположение Чуфут-Кале: к северу ущелье, где протекает Чурук-Су и где Бахчисарайские горы; к з[ападу] ложбина монастырская; к ю[гу] лощина кладбищная; к в[остоку] долина глубокая и лесистая между гор, где изменная дорога от Альмы к Каче. Тут вид горный до самой Яйлы-западной. Промежуточные возвышения, холмы и долина погружены в тени, над ними природа разбила шатер, он светозарен от заходящего солнца, которое прямо в него ударяет; всё прочее от нашедших с запада облаков покрыто темнотою. Эту картину я видел, проехав Иосафатову долину; к югу от нее и выше, над стремниною, за которой внезапно выставляется Тепе-Кермен с пещерным его венцом, — точно вышка, крепостца наверху. Тут я увидел почти всё течение Качи, как она вьется из гор, а позади нас впадение ее в море, которое светится. Впадение в Качу Чурук-Су. Дождь в Бахчисарайском ущелье. Вправо горы Кара-Илаза. На Каче Татар-кой. Возвращаюсь к мавзолею грузинки.

Чуфут-гора одна из меловых белых гор между Салгиром и Касили-Узенем, подобно как Тепе-Черкес-Инкерман и Мангуп и все они пещеристы. Кто этот народ и против кого окапывался к югу? Раббин говорит: хазары, которые прежде назывались готфами.

9 июля. По двух-дневном странствовании еду к M-me Hoffrène в Татар-кой. Из Ахмечета дорога влево от кладбища, вправо остается Лангов хутор и еще далее его же деревенька. Верстах в шести от города с высоты вид моря. Во всем Крыму, как бы долина глубока ни была, — подняться на ближайшую гору, и откуда-нибудь море непременно видно. Спуск к Саблам, где всё зелено, между тем как в степи, позади меня, всё желто. Чатыр-даг. Сенные покосы. Крестьяне в Саблах выведенцы из России. Султан. Ирландский проповедник Джемс в Саблах, увидавши меня, рад, как медный грош. Школа плодовых деревьев; коли слишком растут в вышину, то это плохо для плодов. Столетнее алое. Переезжаем Алму у Карагача; ниже сад Чернова на Алме же; далее лесом, низеньким. Переезжаем

Бодрак, налево Мангуп. Вступление вправо в ущелье Бахчисарайское с востока, наполнено садами, строениями, развалины дворца, влево, сверху, торчит Чуфут-Кале, ложбина вправо. — Баня в Бахчисарае хуже тифлисской; прежде я там не был, потому что, когда прочел Муравьева, — как будто сам водою окатился.

10 июля. Утром в Татар-кой. Крутизна к Каче; прекрасная Качинская долина, милые хозяйки. Султан о религии толковал очень порядочно в Бахчисарае, свое и чужое, но премудрость изливается иногда из уст юродивых.

11 июля. Кавалькада в Тепе-Кермен. Гора, нависшая над Татар-коем, верх которой в виде стены, стойма поставленной. Ораторство султана. Ходим по пещерам.

12 июля. Лунная ночь. Пускаюсь в путь между верхнею и нижнею дорогою. Приезжаю в Саблы, ночую там и остаюсь утро. Теряюсь по садовым извитым и темным дорожкам. Один и счастлив. Джемс кормит, поит, пляшет и, от избытка усердия, лакомит лошадью, которая ему руку сломила. Возвращаюсь в город...

VIII. ⟨ЭРИВАНСКИЙ ПОХОД⟩

⟨12 мая — 1 июня 1827⟩

12 мая. Четверток. Прибытие Семптер-аги из Карса. Новости от Бенкендорфа, Нахичеванцев переселяют. В виду у нас вход в пустыни знойные и беспищные. Выезжаем из Тифлиса, Вознесенье. В Сейд-Абаде многолюдно и весело. Толпа музыкантов на дереве, при проезде генерала гремят в бубны. Обогнув последнюю оконечность мыса, вид к югу туманного Акзибеюка; вершина его поливается дождем. По дороге запоздалый инженерный инструмент и сломанные арбы с дребезгами искусственного моста, разметанные по дороге, производят на генерала дурное впечатление. Минуем Коди, верстах в двух от большой дороги сворачиваем в Серван, вдали лагерь у храма. Услужливость мусульман. Речь муллы.

13 ⟨мая⟩. Пятница. Поутру прибыли к храму. Быстрота чрезвычайная, новое направление реки, мост снесен. Ночью Шулаверы, живописные ставки в садах. Казак

линейский по-чеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скажет, какой конь будет убит в сражении.

14 ⟨мая⟩. Суббота. Драгунский полк проходит. Лошади навьючены продовольствием и фуражом; люди пешие.

15 мая. Воскресенье. Ущелье вверх по Шулаверке чрезвычайно похоже на Салгирскую долину. Лесистые, разнообразные горы; позади всего высовывается Лалавер, как Чатыр-даг с каменистым, обнаженным челом.

Лагерь в приятном месте. Бабий мост. 4 версты от Самийского погоста, где расширение вида необыкновенно приятное. Генерал делается опасно болен. Беспокойная ночь.

16 мая. Понедельник. Вверх поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дороге. Теснина иногда расширяется; вид с Акзибеюка обратно в Самийскую долину, на Кавказ и проч. Климат русский, Волчьи ворота. Пишу на лугу и, забывшись, не чувствую сырости, похожей как на Крестовском острову, покудова чернила не разлились по отсыревшей бумаге и сам я промок до костей. Ночую с генералом; он всё болен. Тут и доктор, и блохи.

17 мая. Днёвка.

18 мая. В 4 часа меня будят; тащат с меня халат; сырость, холод, Лапландия, все больны. Еду вперед по верховой дороге; несколько руин справа и слева и селения. Крутой спуск в овраг каменной речки. Вся помпа воинственная, с которой ожидают прибытия главнокомандующего.

19, 20 мая. Днёвка. Карапапахцы поселились на турецкой границе, перехватывают и режут наших посланных. Как бы их оттудова вытеснить? Заботы о транспортах.

21 мая. Там же. Принятие турецкого посланца с музыкою. Толст, глуп и важен.

22 мая. Там же. Чем свет сажусь на жеребца, который ужасно упрямится. Пускаюсь к развалинам Лори в 3-х верстах от лагеря. Деревня, беру проводника. Слезаю в овраг каменистый и крутобрегий, где протекает Тебеде с шумом, с ревом и с пеной. Чистый водопад дробится о камни справа. Смелая арка из крупного, тесаного камня через него перекинута. Развалина другого моста через Тебеде. Стены и бойницы в несколько ярусов по противулежащему утесу; вползаю через малое отверстие в широ-

кую зубчатую башню, где был водоем; вероятно вода под землю была проведена из реки. Тут с в[остока] вытекает другая речка и в виду по сему новому ущелью водопад крутит пену, как будто млечный проток. Из тайника крутая и узкая стежка вьется над пропастью. Духом взбираюсь вверх. Развалины двух церквей, бань, замка с бойницами, к с[еверу] оттудова ворота, много резной работы; вообще положение развалин род Трапезонда. К югу два мыса над Тебедою, к з[ападу] бок над нею же, к в[остоку] над другою речкою, к с[еверу] замок и ров оборонял его от нападений с луговой плоскости. Прежде здесь царствовала сильная династия Таи, от 8 до 12-го столетия; храбрые, умные цари много обращались с византийцами, от которых заняли зодчество и другие искусства.

Ныне на развалинах в недавнем времени поселились бамбакские выходцы в малом количестве. *

— Письмо Игурлехана. Лишение надежды есть тоже покой. Просьба, адрес поздравительный карабахцев. Роза расцвела в роще, с ее появлением все цветы получили новую жизнь.

Отъезд турецкого посланца. — Приезд Обрескова. Полная ночь. — Поход.

Июнь 1. Середа. В Гергеры, вдоль Тебеде. Налево руины Лори. Попы армянские на дороге в ризах подносят бога главнокомандующему, который его от них как рапорт принимает.

К востоку синеются дальние горы; один конус похож на Тепе-Кермен.

Приходим к лесистой подошве Безобдала; мой шатер над ручьем, приятное журчание.

2-го ⟨июня⟩. Днёвка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верх горы над лагерем. Ароматический воздух лесной и луговой. Теряю лошадь.

3-го ⟨июня⟩. Подъем на Безобдал. Трудность обозам. Я боковой стежкой дохожу до самого верха, где ветр порывистый. Спуск грязный на Кишлаки. Гвардейский лагерь прелестен.

---

* Далее в рукописи — перерыв; следующий текст — на других листах. — *Ред.*

Палатка Аббас-Кули над рекою. Заглохшие тропы к опустелым саклям.

Ночью от блох житья нет; в дождь ложусь на дворе.

4-го ⟨*июня*⟩. Приезд грузинского ополчения. Свалка на дороге. Пещеры. Мавзолей Монтрезора. Дурной лагерь в Амамлах.

5-го ⟨*июня*⟩. *Воскресенье*. Вдоль южной цепи гор переваливаемся через Памву. Вид Бамбахской долины в роде котловины. — Прекрасное лагерное место. Алагез к ю[го]-з[ападу].

Иду на пикет казачий. Табуны. Боюсь за них.

6-го ⟨*июня*⟩. Завтрак у Раевского. Лагерное место у руины церкви в Судогенте.

Алагез к з[ападу]. Гром, убита лошадь. Арарат открывается.

7-го ⟨*июня*⟩. Алагез к с[еверо]-в[остоку]. Хорошо до привала. До сих пор в полдень жар несносный, ночью холод жестокий. Кормы тучные. Артемий Араратский.

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса. Арарат бесподобен. Множество селений.

С привала места, сожженные солнцем. Лагерь за версту от деревни Аштарак. Скорпионы, фаланги. Купол Арарата.

Прелестное селение Аштараки, — мост в три яруса на трех арках, под них река Абарень дробится о камни. Сады, город. Селение принадлежит матери Хосро-Хана. Жара.

Ночью головы сняты с двух людей, солдат(а) и маркитанта.

8-го ⟨*июня*⟩. Приезд в Эчмядзин. Клир, духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном.

Разбиваю палатку между двух деревьев; цветы, водопроводы. Большой обед у архиерея.

Гассан-хан — враг монастыря. Багдатский паша принял к себе жителей.

Султан Шадимский на нашей стороне и его 4 племени. Мехти-Кули-Хан перешел к нам с 3000 семействами.

9-го ⟨*июня*⟩. *Четверг*. Поездка в лагерь под Эриванью. После обеда генерал ходит рекогносцировать крепость. Где только завидят белые шапки, туда и целят. Шадимский султан и ему подвластные народы нам сдались.

В четверг известие о замысле Гассан-хана с 3000

кутали и карапапахами напасть на наши транспорты. Вечером гвардия отправляется в экспедицию; радость молодежи.

Вальховский с колокольни видит пыль вдали.

10-е (июня). Пятница. 11-е (июня). Суббота. Приезд посланного от Аббас-Мирзы.

12-е (июня). Воскресенье. У обедни в монастыре. Под вечером едем к Эривани. Арарат безоблачный возвышается до синевы во всей красе.

Ночь звездная на Гераклеевой горе. Генерал сходит в траншею. Выстрелы. Перепалка. Освещение крепости фальшфейером.

13 (июня). Из Эривани скачу обратно в Эчмядзин. Арарат опять прекрасен. Жар под Эриванью, в Эчмядзине прохладно.

С этого дня жары от 43 до 45°; в тени 37°. В 5-м часу поднимается регулярно ветер и пыль и продолжается до глубокой ночи.

18 (июня). Кто хочет истинно быть другом людей, должен сократить свои связи, как Адриан изрезал границы Римской империи, чтобы лучше охранять их.

Вот задачи моей жизни в главной квартире.

C'est encore une folie de vouloir étudier le monde en simple spectateur. Celui qui ne pretend qu'observer, n'observe rien, parcequ'étant inutile dans les affaires et importun dans les plaisirs, il n'est admis nulle part. On ne voit agire les autres, qu'autant, qu'on agit soi même, dans l'école du monde, comme dans celle de l'amour. Il faut commencer par pratiquer ce qu'on veut apprendre. *

Поэтический вечер в галерее Эчмядзинской; в окна светит луна; архиерей как тень бродит. Известие о вырезанных лорийских жителях с 150 арбами транспортными, которые ушли не сказавшись.

19-е (июня). В Эривань. Переправа через Зангу. Обед у Красовского; спор генералов о бреше. Посылают Кольбелей-султана, чтобы способствовал Курганову к выгону скота.

---

* Вот еще одна нелепость — изучать свет в качестве простого зрителя. Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает, так как его никуда не пускают, как человека бесполезного в делах и докучливого в удовольствиях. Наблюдать деятельность других можно не иначе, как лично участвуя в делах — одинаково при изучении света или любви. Нужно самому упражняться в том, что хочешь изучить. — *Ред.*

Каменисто, скверно, вечером ужасные ветер и пыль. Лагерь на Гарнычае, тону в реке. Ночлег у Раевского. André Chénier.

20 (июня). Днёвка. Являются с покорностию племянник и сын Вели-аги. Вечером переносим лагерь на противуположный берег реки. Степь ожила при свете огней. Месяц. Арарат. Ущелье Гарнычая.

Курганов, ложное о нем известие. Сакен в моей палатке.

21 (июня). Поутру известия опровергаются. Обработанный край: куда ни кинешь глазом, все деревни; яркая зелень у подошвы вечных снегов Арарата. Лагерь на Ведичае, куда выгнан скот. Являются Аслан-Султан и другие. Курганов со скотом. Карапапахцы.

Чудесная ночь. Известие о неприятеле за Араксом.

22 (июня). Идем через Девалу. Два аиста на мечете стерегут опустелую деревню. Край безводный. Деревень не видать. Привал без воды. Генерал, по слуху о неприятеле, отправляется в авангард. Прокламация садакцам и миллинцам. Садараки прекрасный ночлег.

23 (июня). Проходим версты 4 в малое ущелье, как ворота Шарурских гор. Прекрасная открывается обработанная страна; множество деревень и садов; хлеба поспели, некому снимать. Но осенью вид всего этого прескверный. Я бывал в сентябре, — всё сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачае.

24 июня. Днёвка. Термометр до 47°. Приезд карапапахцев, Мехмет-аги, Гумбет-аги бамбахского и других. Ночью не сплю. Рано, в 3 часа, поднимаемся.

25 июня. День хорошо начат, избавляем деревенских жителей от утеснения. Им платят на привале по 6-ти реалов лишних на быка; они благословляют неприятеля. Вообще, война самая человеколюбивая.

На привале отправление бумаги к Красовскому. Раздача знамов, подарков. Я открываю лавку царских милостей. Известие, что шарульцы и миллинцы гонят к нам скот. Безводно, но не чрезвычайно жарко.

Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные. Жатва не собрана, иные снопы начаты, но не довязаны; вид недавнего бегства. Прекрасная деревня над Араксом, Хоки. Заезжаю в авангард.

Лагерь не доезжая до Хок. Тучи и дождь, потом луна всходит. Огни бивуак в ночи производят действие прекрасное.

26 июня. Рано поднимаемся, жар ужасный. Рассказ Аббас-Кули, что Елисаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами.

8 верст от Нахичевани пригорок. Оттуда пространный вид к Аббас-Абаду и за Аракс. Вид Нахичеванской долины, к с[еверо]-в[остоку] Карабахские горы, каменистые, самого чудного очертания. Эйлан-дак и две другие ей подобные горы за Араксом, далее к з[ападу] Арарат. Сам Нахичеван стоит на длинном возвышении, которое также от Карабахских гор.

Вступление в Нахичеван. Ханский терем. Вид оттудова из моей комнаты.

Неприятель оставил город накануне. В Аббас-Абаде 4000 сарбазов и 500 конницы. Комендант сменен.

Змеиная гора — в увеличенном виде обожженный уродливый пень. Такие еще две.

27, 28 ⟨июня⟩. Известие о шахе от Мекти-Кули-Хана. Муравьев послан рекогносцировать крепость. С моего балкона следую в подзорную трубу за всеми его движениями.

29 ⟨июня⟩. В 4 $^1/_2$ часа кончаю почту, седлаю лошадь и еду к крепости, где 50 человек казаков в ста саженях от стен заманивают неприятеля. Засада в деревне с восточной стороны. К 10 часам сильная рекогносцировка — 2 полка уланских, 1 драгунский, 2 казачьих, 22 конных орудий обступают крепость. Канонируют. Бенкендорф перебрасывает 2000 человек через Аракс, которые на противуположных высотах гонят перед собою неприятеля. Из крепости стреляют на переправу. Парламентер из крепости. Али-Наги сыновья, Исмиль и Мустафа-ага, переговариваются с нами с гласиса.

30 ⟨июня⟩. Приезд иавера. Отпущен с угрозами. Вечером поездка к Раевскому в лагерь. Водопады.

Июль 1-ое. Переносится лагерь к крепости. Начало работ не производится за недостатком материалов.

ПИСЬМА

1. С. Н. Бегичеву

9 ноября 1816. Петербург

Любезный Степан! где нынче изволите обретаться, Ваше Флегмородие? Не знаю, что подумать об тебе; уверен, что меня любишь и следовательно помнишь, но как же таки ни строчки к твоему другу. С меня что ли пример берешь? и то неизвинительно: я не писал к тебе, потому что был болен, а теперь, что выздоровел, первое письмо к тебе. Если ты не намерен прежде месяца быть в С.-Петербург, то, пожалуй, потрудись не быть ленивым, обрадуй меня хотя двумя словами.

Признаюсь тебе, мой милый, я такой же, какой был и прежде, пасынок здравого рассудка; в Дерпт не поехал и засел здесь, и очень доволен своей судьбой, одного тебя не достает. — Квартира у меня славная; как приедешь, прямо у меня остановись, на Екатер[ининском] канале у Харламова мосту, угольный дом Валька. Да приезжай же скорее, неужели всё заводчика корчишь, перед кем, скажи, пожалуй, у тебя нет матери, которой ты обязан

казаться основательным. [1] Будь таким, каков есть. — Здесь круг друзей твоих увеличится; да и старые хороши, кроме того В-о-р-о-б-ь-е-в-а на днях спрашивала, скоро ли ты будешь, есть ли у тебя годовые кресла? — Было время, что я бы с завистию это слушал, но теперь прекрасный пол меня не занимает и по очень важной причине. Я ведаюсь с аптекой; какая занимательная часть фармакопия! Я на себе испытываю разные спасительные влияния мужжевеловых порошков, сасипареля, серных частиц и т. п.

Приезжай, приезжай, приезжай скорее. В воскресенье я с Истоминой и с Шереметевым еду в Шустерклуб; [2] кабы ты был здесь, и ты бы с нами дурачился. — Сколько здесь портеру, и как дешево! —

Прощай, мой друг, пиши, коли не так скоро будешь, что это за мерзость, ничего не знать друг об друге, это только позволительно двум дуракам, как мы с тобою.

Прощай.

Доставила ли тебе К. Алекс. [3] 500 р.?

Андр[ею] Семен[овичу] усерднейший поклон.

2. С. Н. Бегичеву

4 сентября 1817. Петербург

Любезный друг Степан. Вот почти месяц как мы с тобою расстались; я с тех пор в первый раз принимаюсь к тебе писать, и то второпях. — Прием на почте продолжается до 12 часов, теперь скоро одиннадцать. Нужды нет, если не узнаешь ничего подробного: по крайней мере не будешь на двое полагать, жив ли я или нет. Вот перечень всего того, что со мной происходило со дня, как мы распростились в Ижорах. [1] Прежде всего прошу Поливанову сказать свинью. Он до того меня исковеркал, что я на другой день не мог владеть руками, а спины вовсе не чувствовал. Вот каково водиться с буйными юношами. Как не вспомнить псалмопевца: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». — Знаешь ли, с кем я теперь живу? Через два дня после Ижор встречаюсь я у Ларены с Каверным. Он говорит мне: «Что? Бегичев уехал? Пошел с кавалергардами в Москву? Тебе верно скучно без него? Я к тебе переезжаю». — Мы разошлись, я поехал на-

турально к Шаховскому; ночью являюсь домой и нахожу у себя чужих Пенатов, Каверинских. Он всё такой же, любит с друзьями и наедине подвыпить, или, как он называет: т р и н к е н у з а д а т ь. —

Брат твой — Иркутский полковник; [2] поздравь его от меня, как увидишь. Неужто он явится в полк? Сделай одолжение, отговори его от этого. У него, кажется, перед глазами мой пример. Я в этой дружине всего побыл 4 месяца, а теперь 4-й год, как не могу попасть на путь истинный. Да нельзя ли тебе написать к Арсеньеву об Шмитовых деньгах? Ты бы через это большую пользу принес человечеству: для того что у меня нет ни копейки, а Шмит верно бы со мною поделился.

Прощай, бесценный друг мой, люби меня и помни; скоро ли свидимся, не знаю. — На днях ездил я к Кирховше гадать об том, что со мною будет; да она не больше меня об этом знает; такой вздор врет, хуже Загоскина комедий. — Кстати, Шаховский меня просит сделать несколько сцен стихами в комедии, которую он пишет для бенефиса Валберховой, и я их сделал довольно удачно. Спишу на днях и пришлю к тебе в Москву. [3]

Прощай, от души тебя целую. Пиши ко мне, непременно пиши. Стыдно тебе, коли меня забудешь. Поклонись Никите. [4]

Усердный поклон твоим спутникам Д. С. и А. С. Языковым, Кологривову и даже Поливанову — скамароху.

3. П. А. Катенину

19 октября ⟨1817. Петербург⟩

Что ты? душа моя Катенин, надеюсь, что не сердишься на меня за письмо, [1] а если сердишься, так сделай одолжение перестань. Ты знаешь, как я много, много тебя люблю. Согласись, что твои новости никак не могли мне быть по сердцу, а притом меня взбесило, что их читали те, кому бы вовсе не следовало про это знать. Впрочем я вообще был не в духе, как писал, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты может быть не знаешь, как сильно хорошее и дурное время надо мной действуют, спроси у Бегичева. Ах! поклонись Алексею Скуратову, да сажай его чаще за фортепьяно: по настоя-

щему эти вещи пишутся в конце письма; но уж у меня однажды навсегда никто не на своем месте. А самое первое голова. — И смешно сказать от чего? — Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахинею. [2] Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва, как прочел, рассмеялся, но после чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец не вытерпел, написал сам фасесию [3] и пустил по рукам, веришь ли? нынче четвертый день, как она сделана, а вчера в театре во всех углах ее читали, благодаря моим приятелям, которые очень усердно разносят и развозят копии этой шалости. Я тебе ее посылаю, покажи Бегичеву; — покажи кому хочешь впрочем. Воля твоя, нельзя же молчаньем отделываться, когда глупец жужжит об тебе дурачества. Этим ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вечно хранит благородное молчание, и вечно засыпан пасквилями. Ах! кстати он совершенно окончил свою комедию, [4] не достает только предисловия, развязка преакуратная: граф женится на княжне, князь с княжной уезжают в деревню, дядя и тетка изъясняют моральную цель всего происшедшего, Машу и Ваньку устыжают, они хотят — стыдятся, хотят — нет, Цаплин в полиции, Инквартус и многие другие в дураках, в числе их будут и зрители, я думаю, ну да это не мое дело, я буду хлопать. — Хочешь ли кое-что узнать об других твоих приятелях. Изволь. — Об Чепегове, однако, я ничего не могу сказать, потому что не видал его с тех пор, как ты отправился в Москву. — А Андрей Андреевич последний вторник является на вечер к Шишкову, слушает Тасса в прозе, [5] и благополучно спит, потом приходит ко мне и бодрствует до третьего часа ночи. Я его как душу люблю, и жалею, а сам я регулярно каждый вторник болен. Читал ты Жандров отрывок из Гофолии в Наблюдателе? — Бесподобная вещь, только одно слово и к тому же рифма пребогомерзкая: говяда. Видишь ты: в Библии это значит стадо, да какое мне дело? [6] . . . . . .
. . . . * Я теперь для него Семелу Шиллерову перевожу слово в слово, он из нее верно сделает прелестную вещь — это для бенефиса Семеновой. [7] А я ей же в бенефис отдаю

---

* Так в первопечатном тексте. — *Ред.*

Les fausses infidèlités. [8] Для Валберховой я сделал четыре сцены, которыми Жандр очень доволен. [9] На будущей почте пришлю тебе. Скажи Бегичеву, что это бесстыдное дело, он мне еще ни строчки не писал. — И я ему буду платить тем же. Прощай, сейчас еду со двора: куда ты думаешь? Учиться по гречески. Я от этого языка с ума схожу, каждый божий день с 12-го часа до 4-го учусь, и уж делаю большие успехи. По мне он вовсе не труден. *

Как ты думаешь? Вестник Европы не согласится у себя напечатать. Бегичев с ним приятель. — Я бы подписал свое имя (коли нельзя иначе).

Вместо Загоскина:

Вот вам *Михайло Моськин.*

А в другом месте:

Вот *Моськин-Наблюдатель.*

А стих:

Княгини и пр. и пр.

Вот как раздробить:

Княгини и
Княжны,
Князь Фольгин и
Князь Блёсткин.

Между тем обнимаю тебя.

4. С. Н. Бегичеву

15 апреля 1816. ⟨Петербург⟩

Христос воскрес, любезнейший Степан, а я со скуки умираю, и вряд ли воскресну. Сделай одолжение, не дурачься, не переходи в армию; там тебе бог знает когда достанется в полковники, а ты, надеюсь, как нынче всякий честный человек, служишь из чинов, а не из чести. —

Посылаю тебе Притворную неверность, два экземпляра, один перешли Катенину. Вот, видишь ли, отчего сделалось, что она переведена двумя. — При отъезде моем в Нарву, Семенова торопила меня, чтоб я не

* Далее в письме приводится текст стихотворения «Лубочный театр», помещенный на стр. 327 наст. издания. — *Ред.*

задержал ее бенефиса, а чтоб меня это не задержало в Петербурге, я с просьбой прибегнул к другу нашему Жандру. Возвратясь из Нарвы, я нашел, что у него только переведены сцены двенадцатая и XIII-я; остальное с того места, как Рославлев говорит: я здесь, всё слышал и всё знаю, я сам кончил. Впрочем и в его сценах есть иное мое, так как и в моих его перемены; ты знаешь, как я связно пишу; он без меня переписывал и многих стихов вовсе не мог разобрать и заменил их своими. Я иные уничтожил, а другие оставил: те, которые лучше моих. Эту комедийку собираются играть на домашних театрах; ко мне присылали рукописные экземпляры для поправки; много переврано, вот что заставило меня ее напечатать. Однако довольно поговорено о Притворной неверности; теперь объясню тебе непритворную мою печаль. Представь себе, что меня непременно хотят послать, куда бы ты думал? — В Персию, и чтоб жил там. Как я ни отнекиваюсь, ничто не помогает; однако я третьего дня, по приглашению нашего министра, [1] был у него и объявил, что не решусь иначе (и то не наверно), как если мне дадут два чина, тотчас при назначении меня в Тейеран. Он поморщился, а я представлял ему со всевозможным французским красноречием, что жестоко бы было мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиятцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен. * Словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя несколько соразмерного возмездия.

— Вы в уединении усовершенствуете ваши дарования.

— Нисколько, в[аше] с[иятельство]. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; их нет в Персии...

Мы еще с ним кое о чем поговорили; всего забавнее, что я ему твердил о том, как сроду не имел ни малейших видов честолюбия, а между тем за два чина предлагал себя в полное его распоряжение.

---

* Не смейся: я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор, чего же им еще надобно?

При лице шаха всего только будут два чиновника: Мазарович, любезное создание, умен и весел, а другой: я, либо NN. — Обещают тьму выгод, поощрений, знаков отличия по прибытии на место, да ведь дипломаты на посуле, как на стуле. Кажется однако, что не согласятся на мои требования. Как хотят, а я решился быть коллежским ассесором или ничем.[2] Степан, милый мой, ты хоть штаб-ротмистр кавалергардский, а умный малый, как ты об этом судишь?

5. С. И. Бегичеву

30 августа ⟨1818. Новгород⟩

На этот раз ты обманулся в моем сердце, любезный, истинный друг мой Степан, грусть моя не проходит, не уменьшается. Вот и я в Новгороде, а мысли всё в Петербурге. Там я многие имел огорчения, но иногда был и счастлив; теперь, как оттуда удаляюсь, кажется, что там всё хорошо было, всего жаль. — Представь себе, что я сделался преужасно слезлив, ничто веселое и в ум не входит, похоже ли это на меня? Нынче мои имянины: благоверный князь, по имени которого я назван, здесь прославился; ты помнишь, что он на возвратном пути из Азии скончался;[1] может и соименного ему секретаря посольства та же участь ожидает, только вряд ли я попаду в святые!

Прощай, мой друг; сейчас опять в дорогу, и от этого одного беспрестанного противувольного движения в коляске есть от чего с ума сойти! — Увидишь кого из друзей моих, из знакомых, напоминай им обо мне; в тебе самом слишком уверен, что никогда не забудешь верного тебе друга.

А. Г.

Коли случай будет заслать или заехать к Гречу, подпишись за меня на получение его журнала.[2] Ах! чуть было не забыл: подпишись на афишки,[3] присылай мне их, а когда уедешь из Петербурга, поручи кому-нибудь другому, Катенину или Жандру. — Прощай, от души тебя целую.

У вас нынче новый балет.[4]

В. С. Н. Бегичеву

5 сентября ⟨1818. Москва⟩

Мы сюда приехали третьего дни, а вчера я получил от тебя письмо, милый мой Степан; это меня утешило до крайности, и, однако, заставило опять вздохнуть по Петербурге. Здесь для меня всё ново, и, следовательно, всё еще приятно; соскучиться не успею, потому что через три дни отправляюсь; ты уже пиши ко мне в Тифлис. Павлова [1] я видел, и он у меня побывал, завтра познакомит с женою; Чебышева в тоске, Алексей Семенович Кологривов скоропостижно умер; мужа ее здесь нет. Чипягова ждем не дождемся; осведомься, выехал ли он из Петербурга; я справлялся на многих станциях, в смотрительских книгах, имени его нет нигде. Брата твоего [2] тоже здесь нет, за то есть монумент Минину и Пожарскому, [3] и Притворную Неверность играют, [4] и как играют! Кокошкин вчера передо мною униженно извинялся, что п р е л е с т н ы е мои стихи так терзают, что он не виноват: его не слушают. Было бы что слушать. Вчера меня залобызали в театре миллион знакомых, которых ни лиц, ни имен не знаю. — Кстати, коли увидишь Семенову (Мельпомену), [5] скажи, что ее неверный князь [6] здесь, и я его за нее осыпал упреками и говорил, что, если он еще будет ей делать детей, то она для сцены погибнет. Он уверяет, что Святый Дух за него старается, что он при рождении последнего ребенка не при чем. Медведева здесь — прехорошенькая, я ей вчера в С а н д р и л ь о н е [7] много хлопал, здешние готентоты ничему не аплодируют, как будто наперекор петербургским, которые рады, что бог им дал ужасные ладони, и, при всяком случае, готовы ими греметь; надо однако согласиться, что тот, кто у вас Льва играет, — Розсций в сравнении с первейшими здешними актерами. —

Ты жалуешься на домашних своих казарменных готентотов; это — участь умных людей, мой милый, бо́льшую часть жизни своей проводить с дураками, а какая их бездна у нас! чуть ли не больше, чем солдат; и этих тьма: здесь всё солдаты — и на дороге во всякой деревне, точно завоеванный край. Может и я скоро надену лямку: Павлов путем взялся похлопотать за меня при жене и при Ермол[ове], а если этот захочет перевести

меня в военную, я не прочь. Что ты об этом скажешь? Пиши ко мне, почаще и побольше! Я поминутно об тебе думаю, и последние увещевания очень помню, и ты можешь судить, сколько я сделался основателен; тотчас отрыл Павлова, и на другой день по приезде сюда отправился заказывать себе всё нужное для Персии. Эти благие намерения однако не исполнились: я заехал к приятелю, оттуда в ресторацию, плотно поел, выпил бутылку шампанского и после театра слег в постель с чрезвычайною головною болью. Матушка мне приложила какую-то патку с одеколонью, которой мне весь лоб сожгло; нынче я однако свежее, и что встал, пошел поглазеть на молоденькую старую знакомку, которая против нас живет, и уже успел с нею опять сдружиться, и, побеседовавши с тобой, к ней отправлюсь. Ах, Персия! дурацкая земля! Гейер приехал с Кавказу, говорит, что проезду нет: недавно еще на какой-то транспорт напало 5000 черкесов; с меня и одного довольно будет, приятное путешествие.

Прощай, любезный друг, пиши же и справься еще о пашпортах и об ⟨.....⟩; * благодарствуй, что позаботился об этом. Матушка тебе кланяется, сестра еще не приехала, Жандр у нас еще живет, только я не видал его, он спасается где-то с Варварой Семеновной.

Перо прескверное, и вздор пишу, да много ⟨.....⟩**

Верный друг твой.

Т. С. П. Бегичеву

18 сентября 1818. Воронеж

Сто раз благодарю тебя, любезнейший, дорогой мой Степан, и за что бы ты думал? Попробуй отгадай?... За походную чернильницу: она мне очень кстати пришлась, за то чаще всего буду ее выкладывать, чтоб к тебе писать. Получил ли ты письмо мое из Новагорода, другое из Москвы и несколько строк через Наумова? Сделай одолжение, уведомь; а пашпорты ко мне доставлены в самый день моего отъезда из Москвы, в которой я пробыл неделю долее, чем предполагал. Наконец однако оттуда

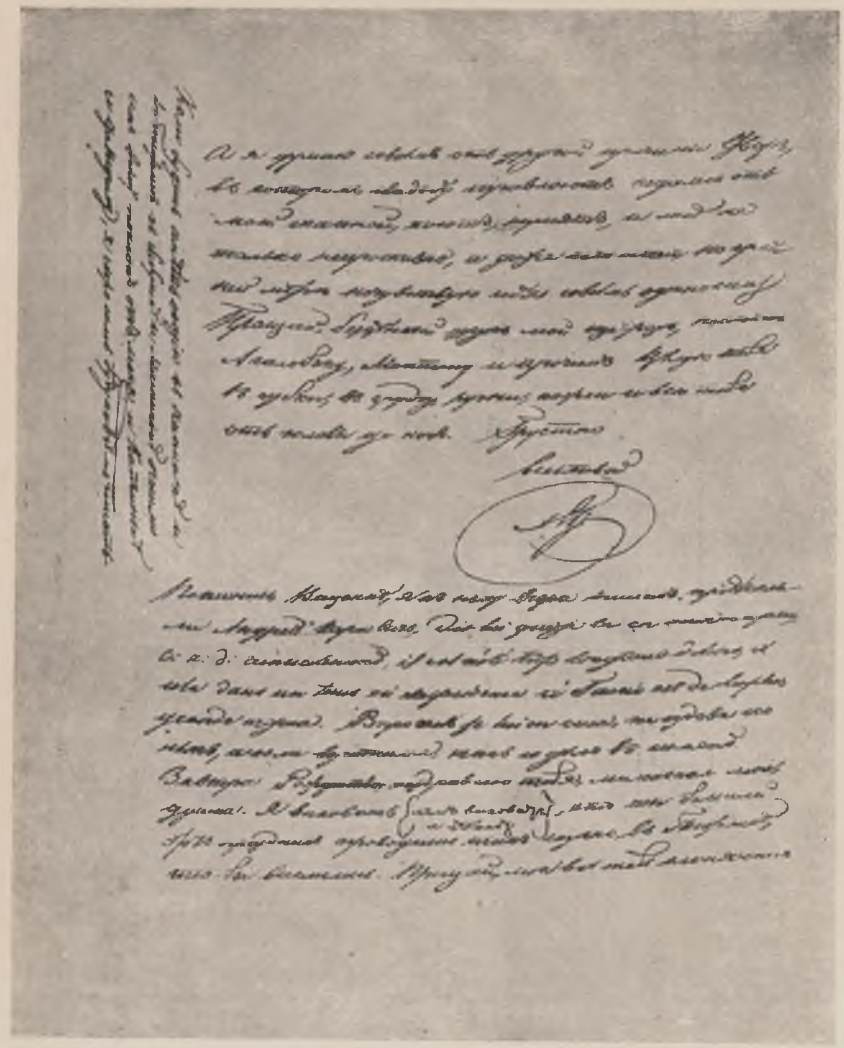
---

* Одно слово не разобрано. — *Ред.*
** Два слова не разобраны. — *Ред.*

9-е Письмо

Кишинев 27 Января. Воскресенье 1828

Душенька! Возвратились опять в Кишинев; до конторы отсюда только два часа. Вдруг я не найду тебя в Кишиневе, вдруг ты не получишь моего письма, вдруг ты не приедешь, вдруг ты заболеешь, вдруг ты разлюбишь меня, вдруг ты умрешь — Господи, Господи, сколько вдруг! Ангел мой, я с ума схожу, когда думаю, что ты можешь умереть. Ты — моя жизнь, моя душа, мое сердце, мое все. Я молюсь на тебя, как на икону, и ты меня любишь. Правда, ангел мой? Ты меня любишь? Ты не разлюбишь меня? Ты не будешь кокетничать с другими? Ты будешь моею женою? Ты будешь моею женою? Ты будешь моею женою

Письмо к Н. А. Грибоедовой от 24 декабря 1828 г.

вырвался. Там я должен был повторить ту же плачевную, прощальную сцену, которую с тобою имел при отъезде из Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра так ко мне привязаны, что я был бы извергом, если бы не платил им такою же любовью: они точно не представляют себе иного утешения, как то, чтоб жить вместе со мною. Нет! я не буду эгоистом; до сих пор я был только сыном и братом по названию; возвратясь из Персии, буду таковым на деле, стану жить для моего семейства, переведу их с собою в Петербург. В Москве всё не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему. Прежде там любили музыку, нынче она в пренебрежении; ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом «несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве и в дому своем». Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец становится к чему-то годен, определен в Миссию, и может современем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят. В Петербурге я по крайней мере имею несколько таких людей, которые, не знаю, на столько ли меня ценят, сколько я думаю что стою; но, по крайней мере, судят обо мне и смотрят с той стороны, с которой хочу, чтоб на меня смотрели. В Москве совсем другое: спроси у Жандра, как однажды, за ужином, матушка с презрением говорила об моих стихотворных занятиях, и еще заметила во мне зависть, свойственную мелким писателям, от того, что я не восхищаюсь Кокошкиным и ему подобными. Я это ей от души прощаю, но впредь себе никогда не прощу, если позволю себе чем-нибудь ее огорчить. Ты, мой друг, поселил в меня, или, лучше сказать, развернул свойства, любовь к добру, я с тех пор только начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души, с того времени, как с тобою познакомился и ей богу! когда с тобою побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сделаюсь хорошим сыном. Кстати об родных, или некстати, все равно. В Туле я справлялся об Яблочковых, посылал к Варваре Ивановне Кологривовой, но мне велели сказать, что они в деревне, а если от тебя есть письмо, то чтобы прислал. Жаль, что не удалось, а время было

с ними познакомиться: я в Туле пробыл целый день за недостатком в лошадях, и тем только разогнал скуку, что нашел в трактире на стенах тьму глупых стихов и прозы, целое годовое издание покойника Музеума. Вообще везде на станциях остановки; к счастию мой товарищ — особа прегорячая, бич на смотрителей, хороший малый; я уже уверил его, что быть немцем очень глупая роль на сем свете, и он уже подписывается Амбургев, а не — р, и вместе со мною немцев ругает наповал, а мне это с руки. Один том Петровых акций [1] у меня в бричке, и я зело на него и на его колбасников сержусь; коли найдешь что-нибудь чрезвычайно забавное в Деяниях, пожалуй напиши, я этим воспользуюсь. Еще моя к тебе просьба: справься через Аксинью, Амлихову любовницу, о моей Дидоне.[2] Илья Огарев пришлет ей из Костромы деньги на твое имя, а если уедешь в отпуск, препоручи это Жандру, да также заранее меня уведомь, куда к тебе адресовать письма. Прощай, мой милый, любезный друг; я уже от тебя за 1200 верст, скоро еще дальше буду; здесь однако пробудем два дни, ближе не берутся починить наших бричек. Катенина ты напрасно попрекаешь ко мне совершенною холодностию, он был у меня на квартире на другой день после того, как я исчез из Петербурга, и очень жалел обо мне и досадовал. Так по крайней мере рапортует Аксинья Амлиху.

8. Я. И. Толстому и Н. В. Всеволожскому

27 января ⟨1819⟩. Тифлис

Усердный поклон

любезным моим приятелям: Толстому, которому еще буду писать особенно из Тавриза, Никите Всеволожскому, коли они оба в Петербурге, двум Толстым Семеновским, [1] Тургеневу Борису, — Александру Евграфовичу, которого сто раз благодарю за присылку писем от людей, близких к моему сердцу. Фридриксу, au charmant capitaine Fridrichs, très chauve et très spirituel. * Сделайте

* Очаровательному капитану Фридриксу, очень лысому и очень остроумному. — *Ред.*

одолжение, не забывайте странствующего Грибоедова, который завтра опять садится на лошадь, чтобы трястись за 1500 верст. Я здесь обжился, и смерть не хочется ехать, а нечего делать. Коли кого жаль в Тифлисе, так это Алексея Петровича. Бог знаст, как этот человек умел всякого привязать к себе, и как умел...

Трубецкого целую от души.

Объявляю тем, которые во мне принимают участие, что меня здесь чуть было не лишили способности играть на фортепьяно, однако теперь вылечился и опять задаю рулады. [2]

Грибоедов.

Коли кто из вас часто бывает в театре, пускай посмотрит на 1-й бенуар с левой стороны и подарит меня воспоминанием, может быть это отзовется в моей душе, и заставит меня искать где-нибудь возле Арарата или на Араксе.

9. П. А. Катенину

26 марта 1819. Тегеран

Любезный Павел Александрович.

Благодарю тебя за письмо и за акт из Сплетен. Ты мне очень этим удружил. Продолжай, мой милый, писать, а я читать буду. [1]

Смертная лень и скука, ни за что приняться не хочется. Прощай.

Верный друг твой

Грибоедов.

Жандра поцелуй.

10. П. А. Катенину

Февраль 1820. Тавриз

Любезный Павел Александрович. Я очень давно не писал к тебе. Не извиняюсь: потому что знаю, как это неизвинительно. — Прости, не пеняй в уважение прежней и, даст бог, всегдашней нашей дружбы. Мне дали

известие о смерти Дарьи Андревны. Кому не жаль матери! Но, может статься, ты уже утешен. До меня известия из России доходят как лучи от Сириуса, через шесть лет; а потому не сообщу тебе своих размышлений, как бы я на твоем месте расположился в качестве помещика: ты вероятно давно уже зажил по своему. [1] Скажу об моем быту. Вот год с несколькими днями, как я сел на лошадь, из Тифлиса пустился в Иран, секретарь бродящей Миссии. [2] С тех пор не нахожу самого себя. Как это делается? Человек по 70-ти верст верхом скачет каждый день, весь день разумеется, и скачет по два месяца сряду, под знойным персидским небом, по снегам в Кавказе, и промежутки отдохновения, недели две, много три, на одном месте! — И этот человек будто я? Положим однако, что еще я не совсем с ума сошел, различаю людей и предметы, между которыми движусь: прошедшим годом, как я действовал, и что со мною судьба сшутила, опишу коротко.

Весною мы прибыли в Тейран. Я не успел обозреться, только, что раз поскитался в развалинах Рагов Мидийских, раза три в Касре-Каджаре, в Негиристане, и в других окрестностях Фетали-шаховой столицы... Жар выгнал нас в поле, на летнее кочевье в Султанейскую равнину, с Шаасн-Шаа, Царем-Царей и его двором. Ах! Царь государь! Не по длинной бороде, а впрочем во всем точь в точь Ломоносова государыня Елисавет, Дщерь Петрова. [3] Да вообще, что за люди вокруг его! что за нравы! Когда-нибудь от меня услышишь, коли не прочтешь. Теперь слишком запущено. Начать их обрисовывать, хоть слегка, завлекло бы слишком далеко: в год чего не насмотришься! Из Султании мы в конце августа попали в Табрис. Не всё еще. Перед Султанеей в Абгаре персехов в двадцати по сю сторону от Казбина пожили несколько во время Рамазана, смотрели восточную трилогию: Страсти господнего угодника Алия, слышали удары дланьми в перси, вопли: Ва Гуссейн! О! Фатмѐ! и пр. Я на это глядел, об тебе думал. В Ахенде (за переход от Римского мосту на Кизиль-Озане, в горах Кафланку) тоже на недолго остановились, с тем, что дальше ехать или на месте остановиться казалось одинаково скучным, но последнее менее тягостным. Из Табриса, в начале сентября, я отправился в Чечню к Алексею Петровичу за новыми наставлениями. Нашел его, как прежде, необыкновенно умным, хотя

недружелюбным. Он воюет, мы мир блюдем; если однако везде так мудро учреждены посольства от императора, как наше здесь: полки его опаснее, чем умы его дипломатов. Я наконец опять в Табризе. Владетельный Ша-Заде-Наиб-Султан-Абас-Мирза, при котором мы честь имеем находиться, и, в скобках сказать, великий мне недоброжелатель, вызвал из Лондона оружейных мастеров, шорников и всяких рабочих; сбирается заводить университеты. И у него есть министр духовных сил дервиш Каймакам Мирза Бюзюрк. Дайте нам Уварова. Ты видишь, что и здесь в умах потрясение. Землетрясение всего чаще. Хоть то хорошо, коли о здешнем городе сказать: провалились он совсем; — так точно иной раз провалится.

Не воображай меня однако слишком жалким. К моей скуке я умел примешать разнообразие, распределил часы; скучаю попеременно то с лугатом персидским, за который не принимался с сентября, то с деловыми безделыми, то в разговорах с т о в а р и щ а м и. Веселость утрачена, не пишу стихов, может и творились бы, да читать некому, сотрудники не русские.[4] О любезном моем фортепияно, где оно, я совершенно неизвестен. Книги, посланные мною из Петербурга тем же путем, теряются. Довольно о себе. Вы как? Что происходит в вашем ученом и неученом мире? В мое время, если бы возможность была массу сведений наших литтераторов, академиков, студиозов и профессоров разделить поровну нашим людям с т а л а н т о м, вряд ли бы на каждого пришлось постольку, чему Ланкастер учит: читать и писать, и то плохо. Ты не в счету. Играют ли твою Андромаху? Напечатана ли? Как ее достать? Коли не ex dono Auctoris, * намекни по крайней мере, куда отнестись? Да во всяком случае пиши ко мне. Сколько я удовольствия лишаюсь от лени! Если бы любезные мне люди от меня имели письма, верно бы отвечали. По крайней мере я люблю нежиться этим воображением.

Князю почтенному[5] низко поклонись за отсутствующего. Не могу довольно порадоваться, что и он в числе тех, которые хотят, не хотят, а должны меня помнить. Часто бывали вместе. Славный человек! Кроткий, ласковый нрав, приятный ум, статура его, чтенье, сочинения,

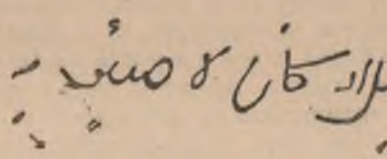
---

* В подарок от автора. — *Ред.*

горячность в спорах об стопах и рифме, наш ценсор всегдашний, и сам под ценсурою у Катерины Ивановны... Не поверишь, как память обо всем этом мне весела в одиночестве! Жандрик мой как живет? в 1820-м году прежним ли святым молится? Об Чепягове ты мне писал. Скажи, кто бы думал, что его в чем ни есть И о н у достанется заменить? Однако охота была нашему прозорливому другу петь свою Феогонию такому человеку, который богов знать не хочет? Чепягов и Чебышев! Не знаю почему при этих схожих именах мне пришли два другие: Гейнзиус и Гревиус!

Прощай, дружески тебя обнимаю, крепко. Мой Шерасмин [6] свидетельствует свое почтение...

Из всего надо пользу получать, и ты из моего письма научись чему-нибудь. Вот тебе арабский стих:

Шаруль-бело из кана ла садык. * [7]

NB. C'est un peu de l'instruction de la veille, car je ne sais pas encore un mot d'Arabe, aussi vous n'aurez pas le vers traduit. **

11. И. А. Каховскому

3 мая 1820. Тавриз

Любезный Николай Александрович! Благодарю за письмо с границы. Вы хорошо начали, дай вам бог стойкость в воспоминании о приятелях покинутых, это будет необычайно. Между тем от души радуюсь, что вы сохранны переступили за межу восточных абдеритов. Персияне пугали вас вооружением, всё не так страшно, как моя судьба жить с ними и, может статься, многие дни! Как же вас взносили на неприступный status, quo ad praesentum *** и как

---

* Худшая из стран — место, где нет друга. — *Ред.*

** Это немножко вчерашней учености; так как я еще не знаю ни слова по-арабски, то и вы не получите стиха в переводе. — *Ред.*

*** Положение, существующее в данное время. — *Ред.*

Полком окружали
Военных теней?
В присошках пищали
Курки без кремней?
Как ханы и беки
Пролили вам реки
Хвалы круговой?
С преклонной главой
Ньюкеры и дусты!
И головы их,
При шапках больших,
Под шапками пусты.

Этой порубежной фарсы недоставало, чтоб в мыслях ваших утвердить без того уже выгодное мнение, которое вы приобрели об их Иране. Бог с вами однако: вы теперь дома, или почти дома, с достойным Романом Ивановичем и с другими людьми, вам приятными. А мы! я! Со всем тем не воображайте меня зарытым в книгах; это остается до будущего времени. С вашего отъезда я дом мой верх дном поставил, расширил, надстроил, пристроил и, если бы вам воротиться, никак бы не узнали комнату, где так усердно упражнялись в бостон и асонас. И даже игре смена. Теперь в моде vingt-un * с Алларом и Джибелли. Я выигрываю: Мазарович ругает, и еще больше, когда слышит, что маленькую de la Fosse я непременно к себе беру. Резвая, милая! Воля Симона, добрейшего человека, но виноват ли я, что он ударился в набожность и мораль глубокую! Скука чего не творит? а я еще не поврежден в моем рассудке. Хочу веселости. Он мне промеж нравоучительных разговоров объясняет, что дом свой запрет, если я в новосельи сдружусь с любовью. Шутит! может, и дело говорит, но я верно знаю, что если только залучу к себе мою радость, сам во двор к себе никого не пущу, и что вы думаете? На две недели, по крайней мере, запрусь... В ту самую пору, как к вам мое письмо дойдет, это может так и сбудется.

У Мазаровича завелся поп, каплан, колдун домашний, римский епископ, халдей, потомок Балтазара. Где этакого миссионера открыли? Шахзада подарил его поверенному и братья конфоры [1] причащаются. На днях мы хоронили Кастальди, от которого Mme La Marinière овдовела. Вот вам чин погребения: покойник был неаполитанец, като-

* Двадцать одно. — *Ред.*

лик. Отпевали его на халдейском языке. Духовный клир: несториане, ариане, макарияне, махинейцы, преадамиты, а плачевники, хоронильщики, зрители, полуравнодушные, полурастроганные, мы были и наши товарищи европейцы, французы, англичане, итальянцы, и какое же разнообразие вер и безверия! Православные греки, реформаты, пресбитериане, сунни и шиа! А всего на всего лиц с двадцать! всякого зверя два, два.[2] Очень пестро, а право не лгу. М[азарович] сочинил эпитафию по латыни, я русскую:

Из стран Италии — отчизны
Рок неведомый сюда его привел.
Скиталец, здесь искал он лучшей жизни...
Далеко от своих смерть близкую обрел!

Длинно и дурно, но чтоб не вычеркивать, заменю ее другою, в ней же заключается историческая истина:

Брыкнула лошадь вдруг, скользнула и упала, —
И доктора Кастальдия не стало! — — —

Желаете ли государственных вестей? Аббас Мирза халат от отца получил; мы не ездили глазеть на эту помпу. Третьего дни на Фет-Али-хана петлю накинули, и уже фараши готовились затянуть, но пророчествующий в Магомете Пиш-Намаз спас будущего удавленника и укротил гнев Шахзады, который за то взбесился, что хлеб дорог. Скупщики всякого жита каймакам и визирь, а Фет-Али-хана давят. Фет-Али-хан в свою очередь, чтоб дешевле продавалась насущная пища, пошел всех бить на базаре, и именно тех, у которых ни ломтя нет хлеба. При таких обширных и мудрых мерах государственного хозяйства отдыхает наблюдатель, которому тошнит от их дел с нами, от наших с ними... резьба из вишневой косточки.

Разнесся слух о прибытии в Тифлис главнокомандующего.[3] Шахзада нам объявил и, если не бредит, думал я, так это новое доказательство, что он об Тифлисе больше нас знает, правда и мы лучше его смыслим о том, что в его собственном городе происходит, но утешенье ли? особенно для людей, которые различны языком, нравами, и физикою, и моралью. Все однако согласно уважают Алексея Петровича, а от него награда — пренебрежение! Слух подтвердился, и вы, умолча обо всем прочем, засвидетель-

ствуйте мою преданность eo, qui Caucasei fastigia montis sua sub juga mittet. *

Роману Ивановичу, Алексею Александровичу, Ивану Александровичу искреннее почтение, прочим по порядку тоже. Да вообще Кабардашке и другим придворным генерала низкий поклон.

Прощайте, мой любезный Николай Александрович. Удоволил я ваше терпение, жду 2-го номера от вас, а от меня еще то ли будет? Не извиняюсь, но где же позволено предаваться шутливости, коли не в том краю, где ее порывы так редки. Мои сотруженики обнимают вас приятельски.

Покорнейший
А. Грибоедов.

Фортопьян еще нет. Катоптрик Леташинский постоянно мешкает
№ 1.

12. Н. А. Каховскому

25 июня 1820. Таврия

Жду, не дождусь письма от вас. Что вы мне такое намекнули об отъезде в Петербург? Как это? Когда? Оффициально? Или по догадке вашей? Выведите из сомнения, любезный Николай Александрович. Либо воскресите, либо добейте умирающего. [1] Еще слушайте кое-что: было время, обольстил меня добрейший Роман Иванович и я в Андреевской просил у главнокомандующего [2] быть переведенным в Тифлис судьею, или учителем. Коли вздумают опечалить меня исполнением этой отчаянной просьбы, и зайдет речь об этом, вы уж как-нибудь отвратите от меня грозу: потому что я ни за сокровища Оранг-Зеба, нигде и никогда, ввек не жилец более по сю сторону Кавказа.

Lindsay и Mackintosch сперва много писали доброго о Грузии, потом жаловались на полицейский присмотр за ними. Мне непонятно, либо это собственно их неосновательное замечание, либо в самом деле неловкая шутка полицеймейстера. Кому два англичанина опасны? Они же разобиженные расстались с Персией. Что касается до политических разведок, так для этого нет нужды Аббасу

* Тому, кто поработил горные хребты Кавказа. — *Ред.*

отряжать европейцев: по бо́льшей части тифлисцы сами продали свои души персиянам. Кажется, нам должны быть выгодны посещения людей денежных, и честь делает нынешнему управлению такой землею, которая оглашена была непроходимою от лезгинских ножей, а ныне Монтис говорит, что его соотечественники без числа покушаются туда путешествовать.

Как жаль однако, что вас теперь нет здесь. Мазарович отстроил Palais de Russie * великолепнейший. Мой домик, кабы не колебался так часто от землетрясений, загляденье на Востоке. И каких бы вы женщин у меня нашли! Именно не одну, а многих, и одна прелестнее другой. Кто бы это предвидел месяца два тому назад! Пути любви неисповедимы.

Прощайте, любезный мой; не взыщите на скоропись и недостаток склада. Болен я жестоко и пишу с удивительным напряжением тела и души.

Алексею Александровичу мое почтение скажите.

Вам преданный и покорнейший
А. Грибоедов.

13. А. И. Рыхлевскому

25 июня 1820. Тавриз

Милостивый государь,
любезнейший Андрей Иванович,

где вы теперь? В последнем письме вашем, которому я обязан превеселыми минутами, вы у Поля в клубе людей искали. Перед кем потушили фонарь?[1] Скажите искренно. Или ваш поиск намерены перенести в Петербург? Что главнокомандующий намерен делать, я не спрашиваю: потому что он сфинкс новейших времен. Вы не поверите, как здесь двусмысленно наше положение. От Алексея Петровича в целый год разу не узнаем, где его пребывание, и каким оком он с высоты смотрит на дольную нашу деятельность. А в блуждалище персидских неправд и бессмыслицы едва лепится политическое существование Симона Мазаровича и его крестоно́сцев. Что за жизнь! В первый раз от роду вздумал подшутить, отведать стат-

* Русский дворец. — *Ред.*

ской службы. В огонь бы лучше бросился Нерчинских заводов и взываю с Иовом: Да погибнет день, в который я облекся мундиром Иностранной Коллегии, и утро, в которое рекли: Се титулярный советник. День тот да не взыщет его господь свыше, ниже да приидет на него свет, но да приимет его тьма, и сень смертная, и сумрак. — Об моих делах ни слова более, не губить же мне вас моею скукою. Про ваш быт желал бы знать.

Отчего на генералов у вас безвременье? Один с ума сошел (Эристов). Другой (Пузыревский) пал от изменнической руки; Ахвердов от рук мирных, благодетельных, докторских, жаль его семейства, племянница в Кизляре[2] всех жалчее.

Отчего великий ваш генерал[3] махнул рукою на нас жалких, и ниже одним чином не хочет вперед толкнуть на пространном поле государевой службы? Что бы сказал он с своим дарованием, кабы век оставался капитаном артиллерии? Я хотя не осмелил еще моего дмения до того, чтобы с ним смеряться в способностях, но право дороже стою моего звания.

Вероятно, что на мои вопросы ответу от вас не получу, ну так хоть о чем-нибудь о другом, только не забудьте: отпишите и заставьте себя любить более и более.

Вам преданны[й]
А. Грибоедов.

P. S. Семен Иванович несколько раз просил меня вам изъяснить постоянн[ы]е его к вам чувства дружества и уважения, но он же виноват, коли я этого до сих пор не исполнил. В тот раз при отправлении курьера не дал времени ни с кем письмами побеседовать.

14. Неизвестному

⟨Черновое⟩

17 ноября 1820, час пополуночи.
Тавриз

Вхожу в дом, в нем праздничный вечер; я в этом доме не бывал прежде. Хозяин и хозяйка, Поль с женою, меня принимают в двери. Пробегаю первый зал и еще несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то

просторно. Попадаются многие лица, одно как будто моего дяди, другие тоже знакомые; дохожу до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором; вы там же сидели в углу, наклонившись к кому-то, шептали и ваша возле вас. Необыкновенно приятное чувство и не новое, а по воспоминанию мелькнуло во мне, я повернулся и еще куда-то пошел, где-то был, воротился; вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. Первое ваше слово: вы ли это, А[лександр] С[ергеевич]? Как переменились! Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко от посторонних в уединенную, длинную, боковую комнату, к широкому окошку, головой приклонились к моей щеке, щека у меня разгорелась, и подивитесь! вам труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда был выше вас гораздо. Но во сне величины искажаются, а всё это сон, не забудьте.

Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет — вы досадовали. — Дайте мне обещание, что напишете. — Что же вам угодно? — Сами знасте. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно. — Обязываюсь. — Через год, клятву дайте... И я дал ее с трепетом. В эту минуту малорослый человек, в близком от нас расстоянии, но которого я, давно слепой, не довидел, внятно произнес эти слова: лень губит всякий талант... А вы, обернясь к человеку: посмотрите, кто здесь?.. Он поднял голову, ахнул, с визгом бросился мне на шею... дружески меня д у ш и т... Катенин!... Я пробудился.

Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звезды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минара звонким голосом возвещал ранний час молитвы (— * ч. пополуночи), ему вторили со всех мечетей, наконец ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла мое беспамятство, затеплил свечку в моей храмине, сажусь писать, и живо помню мое обещание; в о с н е д а н о, н а я в у и с п о л н и т с я.

---

* Так в первопечатном тексте. — *Ред.*

15. Неизвестному

(Отрывок чернового письма)

(Ноябрь 1820. Тавриз)

Les connaissances que je possède se réduisent à celles des langues: Slavone et Russe, Latine, Française, Anglaise, Allemande. Durant ma station en Perse je me suis appliqué au Persan ot à l'Arabe. Mais c'est encore peu de chose pour quiconque veut être utile à la société, que d'avoir plusieurs mots pour une idée, comme dit Rivarol, plus on a de lumières, mieux on sert son pays. C'est pour avoir le moyen de les acquérir, que je demande mon congé ou mon rappel d'un triste royaume, où loin d'apprendre quelque chose, on perd même le souvenir de se qu'on savait. J'ai préféré vous dire la vérité au lieu d'alléguer une santé ou une fortune dérangée, lieux communs, auxquels personne ne croit.

(Перевод)

Познания, которыми я владею, заключаются в знании языков: славянского и русского, латинского, французского, английского, немецкого. В бытность мою в Персии, я занялся персидским и арабским. Но для того, кто хочет быть полезен обществу, еще недостаточно иметь много выражений для одной и той же идеи, как говорит Ривароль; чем человек просвещеннее, тем он полезнее своему отечеству. Именно чтобы приобрести познания, я прошу об увольнении от службы или отозвании из печальной страны, где, вместо того чтобы чему-нибудь научиться, забываешь и то, что знаешь. Я предпочел сказать вам истину, вместо того чтобы выставлять причиной нездоровье или расстройство домашних обстоятельств — общие места, которым никто не верит.

16. В. К. Кюхельбекеру

〈1 октября 1822 — конец января 1823〉

〈Начало письма〉

1 октября 1822. Тифлис

Любезный Вильгельм. Пеняй на мою лень и прав будешь. Дивлюсь, коли сохранил ты ко мне хотя искру любви, признаю себя совершенно недостойным. Сколько времени утекло! [1] сколько всего накопилось! Сперва знай, что письмо из Харькова, об котором ты упоминаешь, до меня не дошло, следовательно, благодарю не читавши. Из последнего, от 22-го августа, [2] вижу, что у тебя опять голова кругом пошла. На которую наметил неудачно? Назови. А я, в отраду, научу тебя преданию из книги, прежде всех век изданной: Эрут и Мерут были два ангела, ниспосланные богом для отвращения человеков от соблазнов любви. Тогда же долу спустилась планета Венера в лице жены прелестной. Послы господни ее увидели, смутились в сердцах своих, к ней прилепились всею силою чувства...как вдруг взвилась она высоко от желателей и восприяла свое место в телах небесных. Два ангела — вслед за нею, но охватили мрак и пустоту. [3] Вымысел стоит Иксионова, а тебе дано их обоих оправдать своими опытами.

Согласись, мой друг, что, утративши теплое место в Тифлисе, где мы обогревали тебя дружбою, как умели, ты многого лишился для своего спокойствия. [4] По крайней мере, здесь не столько было искушений: женщины у нас, коли поблаговиднее, укрыты плотностию чадера, а наших одноземок природа не вооружила черными волшебствами, которые души губят: любезностию и красотою. Ей богу, тебе здесь хорошо было для себя. А для меня!... Теперь в поэтических моих занятиях доверяюсь одним стенам. Им кое-что читаю изредка свое, или чужое, а людям ничего, некому. Кабы мог я предложить тебе нельстивые надежды, силою бы вызвал обратно. Этому не сбыться; хочешь ли покудова слышать о приятелях обоего пола?

Гр[аф] Симонич женился на хорошенькой княгине Анне Атаровне. Грека, рыцаря промышленности, выгнали от Ахвердовых и я при этом острацизме был очень деятелен. [5]

Генеральша Крабе по прежнему родит детей, как печатает.

Умерли: Наумов, Юргенсон и мишхарбаш Бебутов, Шпренгель, etc., etc.

Только что было расписался, повестили мне об отъезде с г. Кленде в Кахетию; это третье путешествие с тех пор, как мы расстались... *

⟨Окончание письма⟩

⟨Конец января 1823. Тифлис⟩

И сколько раз потом я еще куда-то ездил. Целые месяцы прошли, или, лучше сказать, протянулись в мучительной долготе. Оставляю начатые строки в свидетельство, что не теперь только ты присутствен в моих мыслях. Однако, куда девалось то, что мне душу наполняло какою-то спокойною ясностью, когда, напитанный древними сказаниями, я терялся в развалинах Берд, Шамхора и в памятниках арабов в Шемахе? Это было во время Рамазана, и после, с тех пор, налегла на меня необъяснимая мрачность. А[лексей] П[етрович] смеялся, другие тоже, и напрасно. Пожалей обо мне, добрый мой друг! помяни Амлиха, верного моего спутника в течении 15-ти лет. Его уже нет на свете. Потом Щербаков приехал из Персии и страдал на руках у меня; вышел я на несколько часов, вернулся, его уже в гроб клали. Кого еще скоеит смерть из приятелей и знакомых? А весною, конечно, привлечется сюда cholera morbus, которую прошлого года зимний холод остановил на нашей границе. Трезвые умы, Коцебу, например, обвиняют меня в малодушии, как будто сам я боюсь в землю лечь; других жаль сторично пуще себя. Ах, эти избалованные дети тучности и пищеварения, которые заботятся только о разогретых кострюльках etc., etc. Переселил бы я их в сокровенность моей души, для нее ничего нет чужого, страдает болезнию ближнего, кипит при слухе о чьем-нибудь бедствии; чтоб раз потрясло их сильно, не от одних только собственных зол. Сокращу печальные мои выходки, а все легче, когда этак распишешься.

Объявляю тебе отъезд мой за тридевять земель, словно

* На этом письмо обрывается; закончено оно было лишь через четыре месяца. — *Ред.*

па мне отягчело пророчество: И будет ти всякое место в предвижение. Пиши ко мне в Москву, на Новинской площади, в мой дом. А там, авось ли еще хуже будет. Давиче, например, приносили шубы на выбор: я, года четыре, совсем позабыл об них. Но как же без того отважиться в любезное отечество! Тяжелые. Плечи к земле гнетут. Точно трупы, запахом заражают комнату всякие лисицы, чекалки, волки... И вот первый искус желающим в Россию: надобно непременно растерзать зверя и окутаться его кожею, чтоб потом роскошно черпать отечественный студеный воздух.

Прощай, мой друг.

17. Ю. К. Глинке

Tiflis, 26 janv. 1823

Madame. Après avoir tardé un temps infini de répondre à l'obligente lettre que vous avez bien voulu m'adresser, j'ai beau me creuser le cerveau pour inventer un biais, qui disculpât tant soit peu mon manque de procedé, vous n'en seriez pas dupe. Mais, Madame, veuillez songer aux distances d'abord qui nous séparent, des frequents voyages qui m'ont absorbé les cinq sixièmes de mon séjour dans ce pays, là dessus les plis de ceux qui me vouèrent quelque souvenir, languissant au bureau de poste un siècle avant que je puisse en accuser la réception. En tout ce qui me rassure, c'est la parfaite connaissance que possède mon ami et le vôtre de ce qui me caractérise personnellement. Il doit vous avoir prévenu que dans toutes mes deviations habituelles des usages et convenances ce n'est jamais mon coeur, ni un défaut de sentiment sur lesquels la faute doit être rejetée sans appel.

En recours à votre indulgence pour ce qui me regarde, je m'en vais vous entretenir un peu d'un homme qui vaut mieux que moi sous tous les rapports, qui vous est bien cher et qui me l'est également. Que fait-il notre bon Guillaume? en butte à une mauvaise fortune avant qu il ait pu jouir de ce peu d'agrément réel que nous offre la société, tracassé et mésentendu des hommes, tandis qu'il se livre à tout venant avec un abandon de franchise, de cordialité et d'amour... cela ne devrait-il pas lui attirer une bienveil-

lance générale? Toujours craignant d'être à charge aux autres et ne l'étant qu'à sa propre sensibilité. Je le présume maintenant avec vous (à la campagne, au Gouvernement de Smolensk) entouré d'aimables parents. Qui l'aurait dit, il y a une demi-année, que je finirai par lui envier jusqu'à l'inclémence de son étoile! Ah! si une partie de malheur est de quelque soulagement pour les malheureux, répetez lui, Madame, que tel qu'il m'a connu ici — insouciant, joyeux et même folâtre, aujourd'hui je me pèse à moi-même, isolé au milieu d'une population qui m'est parfaitement indifférente; encore quelques jours, et je vais abandonner cette ville, l'ennui et le dégout qui m'y persécutent, pour les aller trouver ailleurs peut-être. Dites lui qu'un autre nom est venu se placer à coté du sien sur la liste des prescrits, victimes de l'injustice humaine, K ***, un des amis dont le souvenir prêtait encore des charmes à mon pays, quand je songeais à y retourner un jour. Guillaume le connait, il saura de qui il s'agit. Engagez votre excellent frére de se résigner, de considérer nos maux comme un creuset pour le moral, d'où nous sortirons moins agités, plus froids, munis d'une petite morgue bien imposante, comme si l'on avait prospéré toute sa vie; et si le sort accorde un répit au terme de nos jours: une caducité quainteuse, une toux séche et des eternelles redittes à l'edification de la jeunesse, — voilà le bon port, où chacun arrive après tout; moi comme Guillaume, comme les heureux du jour.

Mais pardon, Madame, de vous épisodier ma lettre par un épanchement de mélancolie que j'aurais pu vous sauver: mon intention en prenant la plume était uniquement de me soulager par un sincère aveu du tort que je me sens avoir envers vous et que je ne cesse de me reprocher.

Agréez l'assurance des sentiments de la plus parfaite considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être Madame Votre tres dévoué serviteur *A. Griboyedof.*

<Перевод>

26 января 1823. Тифлис

Милостивая государыня. Замедля столь долгое время ответом на ваше обязательное письмо, — ломаю себе голову, придумывая какую-нибудь уловку в извинение моего дурного поступка; но ведь вас не проведешь. Поду-

майте о пространствах, нас разлучающих, о частых моих разъездах, поглощающих пять-шестых моего пребывания в этой стране; кроме того, письма тех, которые меня помнят, томятся целый век на почте, пока мне удастся их оттуда получить. Одно, что меня успокаивает, — это то, что мой, а равно и ваш друг превосходно знает свойства моего характера. Он, вероятно, предупредил вас, что во всех обычных мне уклонениях от обычаев и приличия не виновны ни мое сердце, ни недостаток во мне чувства.

Рассчитывая на ваше снисхождение к тому, что касается собственно меня, я хочу поговорить с вами о человеке, который во всех отношениях лучше меня и который одинаково дорог как вам, так и мне. Что он поделывает, наш добрый Вильгельм, подвергшийся несчастью, [1] прежде нежели успел воспользоваться теми немногими истинными удовольствиями, которые нам доставляет общество; мучимый, непонятый людьми, между тем как сам он отдается каждому встречному с непринужденной искренностью, чистосердечием и любовью... Не должно ли было всё это привлечь к нему общее расположение? Всегда опасаясь быть в тягость другим, он становится лишь в тягость своей собственной чувствительности. Я полагаю, что он теперь с вами (в деревне, в Смоленской губернии), окруженный любезными родными. Кто бы сказал полгода тому назад, что я кончу тем, что буду завидовать даже злополучной его звезде! Ах! ежели чье-либо несчастье может облегчить другого несчастного, то передайте ему, что если он знал меня здесь прежде — беззаботным, веселым и даже резвым, то зато теперь я в тягость самому себе и одинок среди населения, к которому совершенно равнодушен; еще несколько дней, и я покину этот город, оставив скуку и отвращение, которые меня здесь преследуют и которые, быть может, я найду и в другом месте. Скажите ему, что еще другое имя присоединилось к его имени в списке изгнанников, этих жертв человеческой несправедливости: это К[атенин], один из друзей, мысль о котором придавала еще прелесть моей родине, когда я мечтал в нее когда-нибудь возвратиться. [2] Вильгельм знает его и поймет, о ком идет речь. Убедите вашего милейшего брата покориться судьбе и смотреть на наши страдания как на нравственные испытания, из которых мы выйдем менее пылкими, более хладнокровными, запас-

шиеся твердостью, внушающей почтение и уверенность в том, будто мы всю жизнь благоденствовали; и если судьба отдалит конец наших дней, своенравная дряхлость, сухой кашель и вечное повторение наставлений молодости — вот приют, куда каждый из нас придет после всего — и я, и Вильгельм, и все счастливцы сих дней.

Виноват, милостивая государыня, что вставил в это письмо меланхолические излияния, от которых я мог бы вас избавить. Взявшись за перо, мое единственное намерение было облегчить себя искренним признанием вины, которую я чувствую перед вами и в которой не перестаю себя упрекать.

Примите уверения в чувствах совершенного к вам уважения, с которым я имею честь быть, милостивая государыня, вашим покорнейшим слугою.

А. Грибоедов.

18. А. В. Всеволожскому

8 августа ⟨1823⟩
Тульс[кой] губ. Ефремовского уезда
село Лакотцы

Любезный друг. Пишу тебе из какого-то оврага Тульской губернии, где лежит древнее господское обиталище приятеля моего Бегичева. Опоздавши выездом из Москвы, чтобы сюда перенестись, я уже предвидел, что не поспею к тебе в Нижний; [1] однако думал выгадать поспешностию в езде время, которое промедлил на месте. Ничуть не так. Отсюдова меня не пускают. И признаюсь: здесь мне очень покойно, очень хорошо. Для нелюдима шум ярмонки менее заманчив. Ты, мой друг, легко поверишь, что во всей этой неудаче на больших дорогах я одного жалею: не свидеться с тобою по предположению, которое сердечно меня утешало. Зато, по дольшей разлуке, в Москве дружнее обнимемся. А мне туда след будет непременно, коли скоро отсюдова не уберусь; близок сентябрь, какой же честный человек в осеннюю, суровую пору решится ехать в Тифлис? Коммерческие наши замыслы тоже рушились, за безденежием всей компании. [2] Сговоримся в Москве, склеим как-нибудь, коли взаимная польза соединит нас, право это хорошо, а если нет: утешимся, взаимная, добрая приязнь давно уже нас соединила, и это еще лучше.

Прощай, любезный Александр; не замешкайся, будь здоров, помни об своем милом семействе, а иногда и обо мне.

Верный твой *А. Грибоедов.*

P. S. Коли это письмо застанет тебя в Нижнем, потрудись велеть разведать, как деятелен обмен нынешнего года с персиянами, и на какие именно статьи более требования для выпуску и привозу?

19. В. Ф. Одоевскому

⟨Сентябрь 1823. Москва⟩

Любезнейший князь. Много благодарю вас за присылку приятных произведений вашего пера.[1] Знаю, что похвалою не угожу вам, хотя бы нечего возмущаться и самой щекотливой скромности от человека прямодушного, не кроителя пустых вежливостей, и который высоко ценит свойства ума вашего и дарования. В этих моих чувствах надеюсь еще более утвердиться по вторичном прочтении ваших остроумных памфлетов.

Верный ваш *А. Грибоедов.*

Суббота

20. С. Н. Бегичеву

⟨10 июня 1824. Петербург⟩

Степану Никитичу.

Брат любезный, бесценный друг мой. — Ты верно меньше всех готов был к неожиданной тайне моего отъезда, но, конечно, лучше всякого оценил его необходимость. Крепиться можно до некоторой степени, еще минута и сделаешься хуже бабы; я знал себя, и поступил как должно, помчался не оглядываясь, и вплоть до Клина каждый толчок служил мне лекарством, облегчением от бесполезной чувствительности, уныние превращал в досаду на дорогу, а потом в усталость, и пр. — На первой станции нашел я портрет Дениса В[асильевича] Давыдова, на второй картинку: игрока Реньяра[1] с подписью приличных стихов; какое сближение обстоятельств! Но, будь уверен, что я не улыбнулся, а подумал о человеке,

которого мы все любим *. [2] Два раза снег шел на дороге, 29 и 30 мая! Я продрог, принужден был ночевать, на четвертые сутки поспел сюда; здесь я уж осемь дней гуляю; коли дома, то верно один другого сменяет в моей комнате, когда же со двора выхожу, то повсюду рассыпаюсь, досуг и воля. Все просят у меня манускрипта [3] и надоедают. Шаховский, Жандр и Греч пристают, чтоб я у них жил, и Паскевич в лагерь тащит, [4] однако расчетвериться невозможно. Те трое об тебе часто вспоминают, я обещался дать тебе знать. А вот и Шмит сейчас вошел ко мне; ты не поверишь, как он с благодарностию относится об одолжениях, которые ты ему делал. С Самойловым видаюсь. Третьего дни сестры его, графини Бобринской, было рожденье; я у них пировал на даче, музыка, дамы, шампанское, и в старые годы меня бы оттуда не скоро вытащили, теперь другая пора, видаюсь по необходимости; только не могу еще тебе сказать ничего удовлетворительного насчет моего требования. Наумов каждый день у меня бывает. Я через него знаю об отпуске моем и позволении ехать в чужие краи, всё это давно уже послано к Ермолову, и здесь готов дубликат; хочу, завтра на корабль сяду. Друг сердечный, разреши от данного мною обещания. Свидеться на короткое время, значит, только снова растравить горькое чувство расставания. Впрочем знай, что для меня, во всяком случае, что скажешь, то и святое дело. — Павлов, Мадатов и еще одно лицо всех их поважнее гораздо чином [5] (с Трубецким получишь отгадку) — уморительные люди; я сколько нагляделся смешного, и сколько пизостей...

Теперь об важных людях кстати: Василий Серг[севич] Ланский — министр внутренних дел, ценсура от него зависит, мне по старому знакомству вероятно окажется благоприятен. Алекс[ан]др Сем[енович] тоже. [6] Частию это зависит от гр. Милорадовича; на днях он меня угощал обедом в Екатерингофе. Вчера я нашел у Паскевича велико[го] князя Никол[ая] Павл[овича]; это до ценсуры не касается, но чтоб дать понятие, где бываю и кого вижу.

С Трубецким буду писать тебе вторично и много. Анну Ивановну поцелуй за меня, и Софью Петровну, и Андрея Барышникова, и прочим всем кланяйся.

---

* Прошу покорно Льву этого не показывать.

Пиши: в Военно-счетную Экспедицию, Андрею Андреевичу Жандру; он уже доставит мне. Чепягов здесь; одним глазом ослеп, и другой у него чуть держится, каждый день ждет, что вовсе зрения лишится. —

Никита, брат Александра Всеволодского, Александр, брат Володи Одоевского, журналист Булгарин, Мухановы, и сотни других лиц, все у меня перед глазами. Прощай, голова вихрем идет. С горячностью тебя обнимаю, душевный, милый, несравненный друг.

10-го июня. Петербург. Живу я у Данцата, но адрес к Жандру.

Ужо еду в Царское.

21. С. Н. Бегичеву

(Июнь 1824. Петербург)

Душа, друг и брат. — Слава богу, нашел случай мимо почты писать к тебе. Чебышев взялся доставить. Он подговаривал меня вместе прокатиться в Москву, и признаюся, соблазнительно очень, да сборы его слишком скоры, я не поспел, или, лучше сказать, не могу в эту минуту оторваться от побрякушек авторского самолюбия. Надеюсь, жду, урезываю, меняю дело на вздор, так что во многих местах моей драматической картины яркие краски совсем пополовели, сержусь и восстановляю стертое, так что, кажется, работе конца не будет;... * будет же, добьюсь до чего-нибудь; терпение есть азбука всех прочих наук; посмотрим, что бог даст. [1] Кстати, прошу тебя моего манускрипта [2] никому не читать и предать его огню, коли решишься: он так несовершенен, так нечист; представь себе, что я слишком восемьдесят стихов, или, лучше сказать, рифм переменил, теперь гладко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда, и в этом виде читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому,

---

* Так в первопечатном тексте. — *Ред.*

Шаховскому, Гр[ечу] и Булг[арину], Колосовой, Каратыгину, дай счесть — 8 чтений. Нет обчелся, — двенадцать; третьего дня обед был у Сталыпина, и опять чтение, и еще слово дал на три в разных закоулках. Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет. Шаховс[кой] решительно признает себя побежденным (на этот раз). Замечанием Виельгорского [3] я тоже воспользовался. Но наконец мне так надоело всё одно и то же, что во многих местах импровизирую, да, это несколько раз случалося, потом я сам себя ловил, но другие не домекались. — Voilà ce qui s'appele sacrifier à l'intérêt du moment. * — Ты, бесценный друг мой, насквозь знаешь своего Александра, подивись гвоздю, который он вбил себе в голову, мелочной задаче, вовсе несообразной с ненасытностью души, с пламенной страстью к новым вымыслам, к новым познаниям, к перемене места и занятий, к людям и делам необыкновенным. И смею ли здесь думать и говорить об этом? Могу ли прилежать к чему-нибудь высшему? Как притом, с какой стати, сказать людям, что грошевые их одобрения, ничтожная славишка в их кругу не могут меня утешить? Ах! прилична ли спесь тому, кто хлопочет из дурацких рукоплесканий!!

Перебью себя, эта выходка не в пору, будет в пору, когда отсюда вырвусь. Теперь стану продолжать, как начал, кратко и складно, и опять об кулисах, и опять об актрисах. Колосова, по личностям с одним из членов Комитета, [4] еще не заключила нового условия и при мне не выходила на сцену, но у себя читала мне несколько Мольера и Мариво. Прекрасное дарование, иногда заметно, что копия, но местами забывается и всякого заставит забыться. Природа свое взяла, пальма в комедии принадлежит ей неотъемлемо. Разумеется, что она в свою очередь пленилась моим чтением; не знаю, искренно ли? Может быть и это восклицания из Мариво. — Но гениальная душа, дарование чудное, теперь еще грубое, само себе безотчетное, дай бог ему напитаться великими образцами, это Каратыгин; он часто у меня бывает, и как всякая сильная черта в словах и в мыслях, в чтении и в разговоре его поражает! Я ему читал в плохом французском переводе 5 акт и еще несколько мест из Ромео и Юлии

* Вот что называется приносить жертвы ради интересов минуты. — *Ред.*

Шекспира; он было с ума сошел, просит, в ногах валяется, чтоб перевести, коли поленюсь, так хоть последний акт, а прочие Жандру дать, который впрочем нисколько меня не прилежнее. Я бы с ним готов вместе трудиться, но не думаю, чтоб эти литературные товарищества могли произвести что-нибудь в целом хорошее; притом же я стану переводить с подлинника, а он с дурного списка, сладить трудно, перекраивать Шекспира дерзко, да и я бы гораздо охотнее написал собственную трагедию, и лишь бы отсюда вон, напишу непременно.

Однако заметь, что я поглупел здесь: три страницы исписал, а главное, об чем с первой строки хотел и теперь хочу наведаться, улетело на воздух за бесконечными толками о чтении и представлении, об шутах и шутовстве.

Что ты сам, мой друг? Как провел время у Бар[ы]ш-[никовых]? Ты мне об этом скромничаешь, об Анне Ивановне говоришь только, что на днях будет матерью, что я и без тебя знаю, а какова она? терпеливо ли ждет роковой минуты? Боже оборони, не страдает ли по прежнему? не боится ли? Может быть теперь уже всё решилось? Пиши мне тотчас. Да скажи ей, моему милому другу, что если монашеские, жаркие желания и обеты доходят до господа бога, так никому в свете легче не рожать. Я враг крикливого пола, но две женщины не выходят у меня из головы: твоя жена и моя сестра; я не разлучаю их ни в воспоминаниях, ни в молитвах. Да еще скажи ей, коли нам вчетвером с Соф[ьей] Петр[овной] бывало весело, так конечно во сто раз будет веселее, когда дитя ее станет переходить с рук на руки, от матери к отцу, а от отца (потому что не умеет быть нежным с детьми) тотчас ко мне. Постой, однако и пишу, и боюсь; лучше ничего не говори ей, до поры, до времени, а только кланяйся и поцелуй, а также и Софии Петровне дружеские объятия и поклон нижайший.

Прощай. Хотел бы еще писать тебе о Катенине и об его Андромахе, я лучшие места списал для тебя. Но каким оно дурным слогом в ухо бьет, кроме 4-го акта, конца 5-го и 3-го. И как третий акт превосходен, несмотря на дурной слог! Впрочем я дурное замечаю тебе для того только, что в печати это скорее всего заметят; на сцене оно скрадется хорошим чтением; вообще как бы мало это стоило выправить и сгладить, и не давать поводу к при-

диркам. Славный человек, ум превосходный, высокое дарованье, пламенная душа, и всё это гибнет втуне. Прощай, пожалуйста отпусти, не могу отвязаться, болтаю как 60-летняя старуха. Пуквиля [5] не мог еще достать, запрещен; есть он у Сталыпина и Дашкова, но, разумеется, они не продадут. Коли увидишь сестру Машу, дай ей мое письмо, пусть начитается досыта, а потом разорви на клочки. Я ничего об моих не знаю, в Москве ли они, в деревне ли? Дмитрия, красоту мою, расцелуй так, чтобы еще более зарделись пухлые щечки. Александру Васильевну тоже, Дениса и Льва и весь освященный собор. Верстовскому напомни обо мне, и пожми за меня руку. Представь, что я только сейчас вспомнил об «Мавpах»; бегу в цензуру.

NB. 1000 руб. я не получал, а нужда смертная, но похвали меня, приехал сюда ровно с тысячью рублями, три беленькие 25-рублевые и несколько синих ведутся, живу в трактире, сперва обедал каждый день в клубе, а теперь чаще всего дома. Прощай, прощай, прощай.

439

22. П. А. Вяземскому

11 июля ⟨1824.⟩ Петербуре

Любезный к[нязь] Петр Андреевич, одним письмом вы меня до сих пор вспомнили и обрадовали. Нельзя ли еще одним? Адрес мой: в Военно-счетную Экспедицию е[го] в[ысоко]бл[а]г[о]р[о]д[ию] Андр[ею] Андр[ееви]чу Жандру, для передачи А. С. Гр[ибоедову].

Эти строчки доставит вам Сосницкий. Примите его в число тех, кого любите. Коли сами в городе, согласите его сыграть Волтера, роль, в которой он необыкновенно хорош (во втором акте). [1] Вся портретная истина сохранена в точности. Это одушевленная бронза того бюста, что в Эрмитаже. [2] Я бы желал не столько остроты (которой, впрочем, эта комедия не изобилует), но чтобы картина неизбежной дряхлости и потухшего гения местами прояснялась памятью о протекшей жизни, громкой, деятельной, разнообразной. Кто век прожил с бо́льшим блеском? И как неравна судьба, так сам был неровен: решительно действовал на умы современников, вел их, куда хотел, но иногда, светильник робкий, блудящий

огонек, не смеет назвать себя; то опять ярко сверкает реформатор бичом сатиры; гонимый и гонитель, друг царей и враг их. Три поколения сменились перед глазами знаменитого человека; в виду их всю жизнь провел в борьбе с суеверием, богословским, политическим, школьным и светским, наконец ратовал с обманом в разных его видах. И не обманчива ли самая та цель, для которой подвизался? Какое благо? — колебание умов ни в чем не твердых??.. Теперь, на краю гроба, среди обожателей, их фимиама, их плесков... А где прежние сподвижники, в юности пылавшие также алчностию славы, ума, опасностей и торжеств? И где прежние противуборники? — отцы, деды тех, которые нынче его окружают??? —

Этого нет в комедии, но есть прозаическое сходство: удивление при встре[че] с любовницею после 60 лет разлуки; [3] самодовольствие Вольтера, что он первый познакомил французов с англичанами, первый был вызван и увенчан в театре: анекдот с перстнем, кофейная острота и проч. мелочь. Как бы то ни было, Сосницкий чрезвычайно хорош и добавляет автора. Не знаю, как вы его найдете?

Прощайте, меня перерывают.

NB. Пишите же ко мне. Вот я не ленюсь. А кабы теперь был в Москве, сыграл бы в деревне у вас роль старухи-маркизши, Волтеровой любовницы.

23. С. Н. Бегичеву

31 августа (1824). Стрельна

Брат любезный. Не еду к тебе, и не пишу тебе, совесть мучит. Слушай. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движение было к тебе лететь, поздравить и обнять крепко на крепко мать, отца и весь дом; право, ходя по комнате, я уже у вас был, нянчил ребенка, шалил с кормилицею, но проклятый недочет в прогонах всё испортил, взять было неоткуда, Лев и Солнце [1] давно уже покоятся в ломбарде, а Чебышеву задолжать — сохрани боже! Я от него сюда бежал, в Стрельну: представь себе, что он вздумал ко мне приписаться в самые нежные друзья, преследовал меня экстазами по улицам и театрам, и

наконец переехал в три номера Демутова трактира, и все три — возле моей комнаты; два по сторонам и один антресоли; каково же встречать везде Чебышева! По бокам Чебышев! над головой Чебышев! Я, не говоря ему ни слова, велел увязать чемоданы, сел в коляску, покатился вдоль помория, и пристал у Одоевского, [2] будто на перепутии; много верхом езжу, катаюсь по морю; дни прекрасны, жизнь свободная.

Не сердись, мой истинный друг, где бы я ни затерялся, первый ты на уме и на языке. Нет у меня ни жены, ни дочери. Душою принадлежу тебе одному. Прощай.

Верный друг

А. Г.

24. Ф. В. Булгарину

(Начало октября 1824. Петербург)

Милостивый государь, Фаддей Венедиктович.

Тон и содержание этого письма покажутся вам странны, что же делать?! — Вы сами этому причиною. Я долго думал, не решался, наконец принял твердое намерение объявить вам истину; il vaut mieux tard, que jamais. * Признаюсь, мне самому жаль: потому что с первого дня нашего знакомства вы мне оказали столько ласковостей; хорошее мнение обо мне я в вас почитаю искренним. Но, несмотря на всё это, не могу долее продолжать нашего знакомства. Лично не имею против вас ничего; знаю, что намерение ваше было чисто, когда вы меня, под именем Галантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тем оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственно к себе уважение не дозволяют мне быть предметом похвалы незаслуженной, или во всяком случае слишком предускоренной. Вы меня хвалили, как автора, а я именно как автор ничего еще не произвел истинно-изящного. Не думайте, чтобы какая-нибудь внешность, мнения других людей меня побудили к прерванию с вами знакомства. Верьте, что для меня моя совесть важнее чужих пересудов; и смешно бы было мне дорожить мне-

* Лучше поздно, чем никогда. — *Ред.*

нием людей, когда всемерно от них удаляюсь. Я просто в несогласии сам с собою: сближаясь с вами более и более, трудно самому увериться, что ваши похвалы были мне не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю ли я еще горсточку ладана!!

Расстанемтесь. — Я бегать от вас не буду, но коли где встретимся: то без приязни и без вражды. Мы друг друга более не знаем. Вы верно поймете, что, поступая, как я теперь, не сгоряча, а по в е с ь м а д о л г о м размышлении, не могу уже ни шагу назад отступить. Конечно, и вас чувство благородной гордости не допустит опять сойтись с человеком, который от вас отказывается. Гречу объясню это пространнее... а, может быть, и нет, как случится. Прощайте. Я об вас всегда буду хороших мыслей, даже почитаю долгом отзываться об вас с благодарностию. Вы обо мне думайте, как хотите. [1]

Милостивый государь,
ваш всепокорнейший
А. Грибоедов.

Октябрь

25. П. А. Катенину

17 октября ⟨1824. Петербург⟩

Любезный друг. Положим, что я уже извинился, как следует, и ты мне простил 5-ти летнее молчание, [1] А. А. [2] доскажет тебе остальное. Жаль, что не могу попасть к тебе в Кострому, [3] а так давно собираюсь! Но мне есть утешение, коли не с тобою, так о тебе беседую часто и с теми даже, с кем ты незнаком, и кто тебя не стоит. На днях всё как будто судьбою устроено, чтобы мне сердцем и мыслями перенестись к тебе, почтенный друг. Люди менее несправедливы на твой счет; стало и об них можно передать тебе вести. Чаще прежнего произносит твое имя Андромаха, которая должна явиться в альманахе; [4] в Париже вышли о тебе отзывы, исполненные уважения; [5] в театре превозносят Каратыгина, и тебе приписывают развитие его дарования. [6] Жоминьи и пр. его чрезвычайно хвалит, находит только, что не должно бы ноги ставить параллельно; car c'est donner dans le Drame.* Было бы о чем распи-

* Ибо это значит вдаваться в драму. — *Ред.*

саться, но мелочи, главные черты Петербурга и его глупцов, тебе более, чем мне, известны. Я по крайней мере всё нашел по старому; у Шаховского прежние погремушки, только имя новое, он вообразил себе, что перешел в романтики и с тех пор ни одна сказка, ни басня не минует его рук, всё перекраивает в пользу Дюр, Брянского и пр.: на днях, кажется, соорудил трилогию из Медведя и Пустынника Крылова. [7] Я у него бываю, оттого, что все другие его ругают, это в моих глазах придает ему некоторое достоинство. Жандр пробудился из усыпления, переводит Венцеслава необыкновенно хорошо, без рифм, и тем лучше выходит. [8] Сам не отстаю от толпы пишущих собратий. А. А. [2] везет к тебе мои рифмы, [9] прочти, рассмейся, заметь, что не по тебе, орфографию от себя дополни, переписывал кто-то в Преображенском полку.

Мы поменялись ролями. Бывало получу от тебя несколько строк, и куда Восток денется, не помню где, с кем, в Табризе воображу себя вдруг между прежними друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко, и предаю себя в волю божию, но я был добровольным изгнанником, а ты!... [10] Милый, любезнейший друг, не тужи, право не о чем и не об ком. Тебе грустить не должно, все мы здесь ужаснейшая дрянь. Боже мой! когда вырвусь из этого мертвого города! — Знай однако, что я здесь на перепутьи в чужие краи, попаду ли туда, не ручаюсь, но вот как располагаю собою: отсюдова в Париж, потом в южную Францию, коли денег и времени достанет, захвачу несколько приморских городов, Италию и Фракийским Воспором в Черное море и к берегам Колхиды. [11] Кстати о ней, вчера храпел я у немцев [12] при шуме, треске и грохоте диких ямб Грильпарцера. Давали его Золотое руно. Главный план соображен счастливо. В первой части Медея представлена в отечестве, куда прибывают аргонавты, царь кольхов желал бы освободиться от воинственных иноземцев, прибегает к чародейству дочери, она в первый раз познала, что сверх-естественные силы даны ей на пагубу, в борьбе между долгом и любовью, которою наконец совершенно побеждается, и для пришельца забывает отца и богов своих. Чудно, что немец, и следовательно ученый человек, не воспользовался лучше преданиями о зверских нравах древней Колхии, ни на минуту не пере-

носится туда воображением, притом если бы повел от Арна по всем мытарствам, Медея, мужественная его сопутница, гораздо бы более возбудила к себе соучастия. Французу это невозможно, но Грильпарцер какими стеснен был условиями! Вторая часть начинается прекрасно (так ли я только помню?). Медея перед тем, как вступить в Коринф, отрекается от всех волшебств, хочет пожить беспорочно с мужем и детьми, зарывает в землю фиал с зелием, руно, жезл и покров чародейный; жаль только, что поэт заставляет ее всю свою утварь укладывать в ч е м о д а н, а не прямо в землю! Во втором акте превосходное место, когда посланный от Амфиктионов требует ее изгнания из Коринфа, всё прочее глупо до крайности. Автор тонет в мелочных семейственных подробностях и трагические его лица спускаются ниже самых обыкновенных людей. Актриса м-ль Оредерюнь не без дарований, но подрядилась каждому стиху давать отдельное выражение, и утомляет, притом не имеет пламенной души, как наша Семенова. Сказать ли тебе два слова о Колосовой? в трагедии — обезьяна старшей своей соперницы, [13] которой средства ей однако не дались, в комедии могла бы быть превосходна, она и теперь разумеется лучше Валберховой и тому подобных ⟨.....⟩, только кривляет свое лицо непомерно, передразнивает кого-то, думаю, что Мариво; потому что пленилась ее игрою, как сама мне сказывала, собственную природу выпустила из виду, и редко на нее нападает, и как однообразна! Шаховской не признает в ней ни искры таланта; я не согласен с ним, конечно она еще не дошла и в половину до той степени совершенства, до которой могла бы достигнуть. В заключение скажу тебе, что для одного Каратыгина порядочные люди собираются в русский театр, несмотря на скудность трагического репертуара. Пиши, ради бога, долго ли нам слушать, что:

Едва луч утренний нам в мраке светит ночи,
В Авлиде лишь одни отверзты наши очи. [14]

Прощай, мое сокровище, комнатный товарищ Одоевский [11] сейчас воротился с бала и шумит в передней, два часа ночи; кабы А. А. [2] не завтра отправлялся, я бы не так торопился, и многое бы придумал, чтобы разбить

твои мысли. Еще раз прощай, и полюби меня по старому. Обнимаю тебя от души. Ей богу! готов бы сейчас в ссылку, лишь бы этим купить тебе облегчение жестокой и незаслуженной судьбы.

Верный твой
А. Грибоедов.

26. Н. И. Гречу

⟨Около 24 октября 1824. Петербург⟩

Напрасно, брат, всё напрасно. Я что приехал от Фока, то с помощию негодования своего и Одоевского изорвал в клочки не только эту статью, [1] но даже всякий писанный листок моей руки, который под рукою случился. Прощай. Крепко * твой *А. Г.*

Коли цензура ваша не пропустит ничего порядочного из моей комедии, нельзя ли вовсе не печатать? — Или пусть укажет на сомнительные места, я бы как-нибудь подделался к общепринятой глупости, урезал бы; и тогда весь 3-й акт можно поместить в альманахе. [2]

Еду. — Скажи Булгарину... да нет! Я сам скажу, он меня поймет! —

P. S. *24-го окт[ября]*. Представь себе, что я тотчас отвечал на твою записку, в тот же день, как получил, и уверен был, до сей минуты, что отослал этот самый листок. Vide supra. **

27. С. Н. Бегичеву

4 января ⟨1825. Петербург⟩

Друг и брат! Пишу тебе в пятом часу утра. Не спится.— Нынче день моего рождения, что же я? На полпути моей жизни, скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники.

---

* Слово «Крепко» прочитано предположительно. — *Ред.*
** Смотри выше. — *Ред.*

Вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов. Не могу пожаловаться, отовсюду коленопреклонения и фимиам, но вместе с этим сытость от их дурачества, их сплетен, их мишурных талантов и мелких душишек. Не отчаивайся, друг почтенный, я еще не совсем погряз в этом трясинном государстве. Скоро отправлюсь и надолго. Даже насчет любви моей будь беззаботен; я расхолодел, хотя моя Людмила [1] час от часу более ко мне жмется. 1 № Сын[а] Отечества разгадал тебе загадку. [2] Скажу тебе коротко, как это всё завязалось. Долго я жил уединен от всех, вдруг тоска выехала на белый свет, куда, как не к Шаховскому? Там, по крайней мере, можно гулять смелою рукою по лебяжьему пуху милых грудей etc. В три, четыре вечера Т[елешова] меня с ума свела, и тем легче, что в первый раз, и сама свыклась с тем чувством, от которого я в грешной моей жизни чернее угля выгорел. И что для меня заманчиво было, что соперником у меня — Милорадович, глуп, хвастлив, идол Шаховского, который ему подличает. Оба скоты! Я этого chevalier bayard * бесил ежедневно, возбуждал против себя негодование всего дома, потом стрелял каким-нибудь тряпичным подарком в Ежову, и опять мирился, и опять ссорился. Между тем Т[елешова] до такой степени в три недели нашей симпатии успела... в танцах, что здесь не могли ей надивиться, всякий спрашивал ее, от чего такая прелестная перемена? такое совершенство? А я, одаль стоя, торжествовал; наконец у меня зашлось рифмами, которые ты вероятно читал. Представь себе, с тех пор я остыл, реже вижусь, чтоб не разочароваться. Или то меня с ног сшибло, что теперь всё так открыто, завеса отдернута, сам целому городу пропечатал мою тайну, [2] и с тех пор радость мне не в радость. — Рассмейся. —

Брат. Ты меня зовешь в деревню. Коли не теперь, не нынешним летом, так верно современем у тебя поищу прибежища, не от бурей, не от угрызающих скорбей, но решительно от пустоты душевной. Какой мир! Кем населен! И какая дурацкая его история!

Прощай, мой друг; побывай у матушки. [3] Любовь во второй раз, вместо чужих краев, определила мне киснуть между своими финнами. В 15-м и 16-м году точно то же

---

* Болтливого рыцаря. — *Ред.*

было. Теперь я пропустил славный случай: Жоминьи хотел со мною путешествовать. Mais en attendant, qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour, * и он укатил один.

Получил ли ты мое письмо на днях? и каким образом не дошла до тебя моя и Шаховского эпистола, вскоре после наводнения? Пиши, брат, не ленись, поправь-ка черный колпак на голове, да примись за перо. Послушай: моя тысяча лежит дома еще за прошлый год; выручи ее, брат, в уплату 2,300-т, или подождешь? Ты ведь замышляешь о расширении своих владений, так монета нужна. Дениса Васильевича обнимай и души от моего имени. Нет, здесь нет эдакой буйной и умной головы, я это всем тверже; все они, сонливые меланхолики, не стоят выкурки из его трубки. Дмитрию, Александре Васильевне, Анне Ивановне, чадам и домочадцам

многие лета.

28. П. А. Катенину

(Январь — 14 февраля 1825)

(Начало письма)

(Январь 1825. Петербург)

Умнейший, любезнейший Павел Александрович! Вчера я получил твое письмо, [1] и знаешь ли, какое оно действие произвело на меня? Я заперся на целый день, и у огонька моей печки полсутки пожил с тобою, почтенный друг. Прежние года с такою полнотою оживились в моей памяти! Давно я не проводил времени так уединенно и, между тем, так приятно!... Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мне истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей; не уважая искренности их, негодуя на притворство, чорт ли мне в их мнении? Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас грешных был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего

---

*. Но в ожидании, пока он займется чемоданами, я занялся любовью. — *Ред.*

человека); и этот человек разумеется в противуречии с обществом его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел, и это порок: «Шутить и век шутить, как вас на это станет!» — Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки не язвительны, покуда его не вабесить, но всё-таки: «Нечеловек! змея!», а после, когда вмешивается личность, «наших затронули», предается анафеме: «Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!» Не терпит подлости: «ах! боже мой, он карбонарий». Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована на счет своего сахара медовича.[2] Что же может быть полнее этого? «Сцены связаны произвольно». Так же, как в натуре всяких событий, мелких и важных: чем внезапнее, тем более завлекают в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую: разеваюсь и вон бегу из театра. «Характеры портретны». Да! и я, коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них однако есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Каррикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика; ты волен просветить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаймусь от тебя с благодарностию. Вообще я ни перед кем не таился и сколько раз повторяю (свидетельствуюсь Жандром, Шаховским, Гречем, Булгариным etc. etc. etc.), что тебе обязан зрелостию, объемом и даже оригинальностию моего дарования, если оно есть во мне. Одно прибавлю о характерах Мольера: Мещанин во дворянстве, Мнимый больной — портреты, и превосходные; Скупец — антропос собственной фабрики, и несносен.

«Дарования более, нежели искусства». Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного потом и сидением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, — тот, если художник, разбей свою палитру, и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? nugae difficiles. * Я как живу, так и пишу свободно и свободно.

⟨Окончание письма⟩

14 февраля ⟨1825. Петербург⟩

Те две страницы посылаю тебе недописанные. Они уже месяц как начаты, и что я хотел прибавить, не помню, но вероятно о себе: и так благодарю мою память, что она мне на сей раз изменила. Ты говоришь, что замечания твои останутся между нами. Нет, мой друг, я уже давно от всяких тайн отказался, и письмо твое на другой же день сообщил с кем только встретился: Дельвигу, между прочим, которого два раза в жизни видел, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину, и тогда же вечером Варв[аре] Семен[овне], Жандру и всем, кто у них на ту пору случился. Вероятно еще многим, но кто же теперь всех их упомнит?

Брат твой [3] был у меня и очень обрадовался рассказами о тебе, как ты веселишься и танцуешь в Костроме.

Слушай, зачем ты не обратишься с просьбою прямо к государю? верно ему давно уже известно, что ты оклеветан, и конечно он бы воротил тебя из ссылки. Попытайся, сделай это для себя и для твоих искренних приятелей. [4]

Ответ твой подлецу P. B. G. напечатан. [5] Доволен ли ты? Все благомыслящие люди на твоей стороне, но издателям много труда стоило добиться позволения от мини-

* Замысловатые пустяки. — *Ред.*

стерства к напечатанию твоего картеля. Какой ты однако вздор пишешь Жандру о разговоре Булгарина в Талии. Этот человек подкапывается под рухлую славу Лобанова, также враг Гнедичева перевода Андромахи (сколько я знаю, хотя бы он не хотел знать литературных подлостей и сплетен), как же ты мог это взять на свой счет! [6] На сей раз я точно поскромничаю и письма твоего не оглашу всенародно, Гречу и Булгарину ничего не скажу из того, что было ты поручил, и... думается, ты сам видишь, как жестоко обманула тебя мрачное твое расположение... Ты требуешь моего мнения о твоих Сплетнях и Сиде. Сплетни, сколько я помню, не произвели на меня приятного впечатления, они не веселы, и слог не довольно натурален, хоть и есть иные стихи превосходные. В Сиде есть одна сцена (особенная), которая мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто раз, публично и про себя. Это встреча Диего с Родригом, в доме Химены, не помню в конце ли 3-го или 4-го акта, ее без слез читать нельзя, вообще весь перевод приносит тебе много чести, но также попадаются небрежности в слоге, жесткости и ошибки против языка (для тех, кто их замечать хочет), точно такие же погрешности повредили твоему напечатанному отрывку из Андромахи, не в мнении беспристрастных ценителей изящного, но тех, которые давно уже каждый шаг твой оспаривают на поприще трудов и славы. — Зачем ты не даешь сыграть Андромахи? Семенова душою этого желает, соединение таких двух талантов, как она с Каратыгиным, не всегда случается, может быть он в чужие краи отправится, и тогда трагедии твоей опять лежать в продолжении нескольких лет. [7]

Прощай, мой свет, пиши ко мне скорее на имя Жандра, но скорее: потому что я здесь еще не долго промедлю. А живу я точно, как ты в Кологриве, очень уединенно, редко с кем вижусь из старых моих знакомых, с большим числом из них не возобновил прежних коротких связей, вновь ни с кем не дружусь, лета не те, сердце холоднее. Прощай, обнимаю тебя от души.

Верный твой *А. Г.*

N. B. Сделай одолжение, решись обратиться с просьбою прямо к государю. Кроме собственной его души,

ни на чью здесь не надейся, никто за брата родного не похлопочет. Зачем ты Телешову дрянью называешь, не имея об ней никакого понятия? Как же на других пенять, когда *ты* так резко судишь о том, чего не знаешь?

29. С. Н. Бегичеву

18 мая 1825. Петербуре

Бесценнейший друг и брат! Ты не досадуй, что я до сих пор позамедлил ответом на милое твое письмо, с приложением антикритики против Дмитр[иева]. [1] Ты уже верно из газет знаешь, что Столыпин, с которым я в путь собирался, умер. Мы бы его похоронили и всё тут, но вдова его ангел, а не женщина; одно утешение находит быть со мною, это с ее стороны довольно мечтательно, но их пол не то, что мы; сама она же говорит, что всякая женщина, как плющ, должна обвиваться вокруг когонибудь, и без опоры погибнет. От меня слишком бы жестоко было лишить ее (хоть это и не может продлиться) моего присутствия в ту самую минуту, в которой оно необходимо, и я покудова остаюсь. Бедное человечество! Что наши радости и что печали! Как бы то ни было, я не долго замешкаюсь, ее со всем семейством отец, Н. С. Мордвинов, перевезет к себе на дачу; тогда и я свободно помчусь н а к о н е ц.

Ты с жаром вступился за меня, любезный мой Вовенарг. Благодарю тебя и за намерение и за исполнение. Я твою тетрадку читал многим приятелям, все ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ее печатать, так, конечно, не от того, чтобы в ней чего-нибудь не доставало. Но слушай: я привык тебя уважать; это чувство к тебе вселяю в каждого нового моего знакомца; как же ты мог думать, что допущу тебя до личной подлой и публичной схватки с Дмитр[иевым]: личной и подлой: потому что он одною выходкою в В[естнике] Е[вропы] не остановится, станет писать, пачкать, бесить тебя, и ты бы наконец его прибил. И всё это за человека, который бы хотел, чтобы все на тебя смотрели как на лицо высшего значения, неприкосновенное, друга, хранителя, которого я избрал себе с ранней молодости, коли отчасти по симпатии, так ровно столько же по до-

стоинству. Ты вспомни, что я себя совершенно поработил нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здравого рассудка и характера всегда стоял выше меня. Да! и коли я талантом и чем-нибудь сделаюсь известен свету, то и это глубокое, благоговейное чувство к тебе перелью во всякого моего почитателя. — Итак плюнь на марателя Дмитриева, в одном только случае возьмись за перо в мою защиту, если я буду в отдалении, или умру прежде тебя, и кто-нибудь, мой ненавистник, вздумает чернить мою душу и поступки. Теперешний твой манускрипт оставлю себе на память. —

Вильгельм третьего дни разбудил меня в четвертом часу ночи, я уже засыпал глубоким сном; на другой день — поутру в седьмом; оба раза испугал меня до смерти, и извинялся до бесконечности. Но дело н е ш у т о ч н о е!!! побранился с Львом Пушкиным, хочет драться; вероятно я их примирю, или сами уймутся. — Узнаешь ли ты нашего неугомонного рыцаря?

Прощай, нынешний вечер играют в школе, приватно без дозволенья цензуры, мою комедию.[2] Я весь день вероятно проведу у Мордвиновых, а часов в девять явлюсь посмотреть на мое чадо, как его коверкать станут. Журналисты[3] повысились в моих глазах 5-ю процентами, очень хлопочут за Кюхельбекера, приняли его в сотрудники,[4] и кажется удастся определить его к казенному месту. У Шишкова[5] не удалось, в почтамте тоже, и в Горном департаменте, но где-нибудь откроется щелка.

Сейчас помирил Вильгельма. С той минуты перебывало у меня 20 человек, голову вскружили. Прощай. Обнимаю тебя и любезную Анну Ивановну.

30. С. Н. Бегичеву

4 июня 1825. Киев

Друг и брат, описывать тебе Киева нечего, потому что ты здесь бывал; другим я передал в Петербург первые мои впечатления по приезде сюда,[1] тебя уведомляю, что я тут и через несколько дней помчусь на юг далее. — В Лавре я встретил Кологривову Д. А.: от нее узнал, что твоя сестра живет в уединенье недалеко от дому,

где я остановился, вероятно я ее не увижу, потому что несвятостию моего жития бурного и бестолкового не приобрел себе права быть знакомым с молчаливыми пустынницами; у меня в наружности гораздо более светского, чем на самом деле, но кто же ее об этом уведомит? Итак вряд ли я буду к ней допущен. Прощай покудова; перед отъездом может быть еще раз удастся написать к тебе. Поцелуй за меня дитя свое и Анну Ивановну.

Верный друг твой.

Пиши ко мне в Тифлис, на имя губернат[ора] Романа Ивановича Ховена.

31. В. Ф. Одоевскому

10 июня 1825. Киев

Благодарю тебя душевно за два письма, любезный друг, особенно за с е к р е т н у ю почту. С первой строки я угадал, в чем дело. Не хочу льстить тебе, я полагал, что ты, с чрезвычайно просвещенным умом, не деятелен, холоден, не довольно заботлив о вещественных нуждах друзей твоих. Я судил по моим опытам: презираю деньги, достаток, богатство и как это всё называется? Потом, когда случится друг или просто хороший знакомый в стесненном положении и требует помощи, смотришь: помочь нечем. — Я однако на твой счет грубо ошибся, и тем искреннее спешу в том признаться. Представь себе всю эту сложность обстоятельств. Письмо твое уже не застало меня в Петербурге, его распечатали Александр с Вильгельмом, уверенные, что нам с тобою от них таить нечего; сам брат твой мне это объявляет, теперь не знаю, оба ли они письма прочли, или одно только? Ты скорее меня известишься об этом: спроси Александра. — Как хочешь, а я от него не скрою твоего поступка; напрасно ты взял с меня честное слово, я тебе не давал его; притом же брат Александр мой питомец, l'enfant de mon choix, * я обязан не оставлять его в заблуждении насчет людей особенно ему близких, он же тебя более по мне знает, из моих описаний, вы слишком были молоды, когда вместе живали или виделись, и не могли составить себе

* Дитя моего выбора. — *Ред.*

решительного мнения друг о друге. Итак извини, мой милый Владимир, коли я со всею откровенностию передам ему изящную черту твоего характера. Сам я в древнем Киеве; надышался здешним воздухом и скоро еду далее. Здесь я пожил с умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладели моим воображением; за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение; как они мыслят и что творят — русские чиновники и польские помещики, бог их ведаст. Природа великолепная; с нагорного берега Днепра на каждом шагу виды изменяются; прибавь к этому святость развалин, мрак пещер. Как трепетно вступаешь в темноту Лавры или Софийского собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на белый свет: зелень, тополи и виноградники, чего нет у нас! Хорошо однако, что побывал здесь в начале июня; говорят, что зимою немногим лучше северной России. Посетителей у меня перебывало много, однако скромных, мало мешали. [1]

Верстовского обними за меня; здесь я узнал, что отец его перебрался на житье в Москву; что же, от того лучше или хуже для музыки? Я почти уверен, что истинный художник должен быть человек безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери в важных случаях жизни, но внимание к их требованиям, часто мелочным и нелепым, стесняет живое, свободное, смелое дарование. Как ты об этом думаешь?

За статью в Телеграфе [2] приношу тебе заранее мою благодарность; только вопрос теперь, где я наткнусь на нее? Здесь не найдешь; в Крыму, где буду слоняться недели с три, того менее; в Керче сяду на корабль и поплыву в Имеретию, оттудова в горы к Ермолову, итак прощайте, журналы, до Тифлиса. — Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра: там хотят познакомить с Ржевуцким; притом в Любаре семейство Муравьевых устраивает мне самый приятный прием; боюсь сдаться на их веру, не скоро вырвешься. — Прощай, милый мой мудрец, сердечно радуюсь твоим занятиям, не охлаждайся, они всякой жизни придают высокое значение, и даже в Москве (откуда вынеси тебя бог поскорее). Только я не разумею здесь полемических памфлетов, критик и антикритик. Виноват, хотя ты за меня подвизаешься, а мне за тебя

досадно. Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости; между тем тебе отвечать будут и самого вынудят за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тех, которые от души желают, чтобы отечество наше оставалось в вечном младенчестве!!!

Прощай, люби меня, и пиши прямо в Тифлис на имя военного губернатора е[го] п[ревосходительства] Романа Ивановича Ховена. Твой адрес пребеспутный: что такое ваш монастырь Георгиевский и Тверская, без означения дома, чей он?..

NB. Я сейчас перечел твое письмо, ты требуешь, чтобы К[юхельбекер] поспешил новым сочинением прежде выхода в свет 4 части Мн[емозины], но как же ему публиковать о новой книге, не исполнив своих условий с публикою насчет выхода той, за которую деньги уже заплочены? — Я уверен, что ты далее медлить не будешь.

32. С. Н. Бегичеву

9 июля 1825. Симферополь

Брат и друг! я объехал часть южную и восточную полуострова. Очень доволен моим путешествием, хотя здесь природа против Кавказа всё представляет словно в сокращении: нет таких гранитных громад, снеговых вершин Эльбруса и Казбека, ни ревущего Терека и Арагвы, душа не обмирает при виде бездонных пропастей, как там, в наших краях. Зато прелесть моря и иных долин, Качи, Бельбека, Касикли-Узеня и проч., ни с чем сравнить не можно. Я мои записки вел порядочно; коли не поленюсь, перепишу и пришлю тебе... [1]

33. С. Н. Бегичеву

9 сентября 1825. Симферополь

Друг и брат. Твои 1.500 р. я получил еще перед исходом прошедшего месяца. Объяснить тебе вполне благодарности не умею; без тебя мой корабль остался бы на мели, пришлось бы зимовать здесь. — Еще раз благо-

дарю тебя и не в последний, бог даст свидимся, и тогда сердечное объятие лучше всякого письма выразит тебе мое чувство. Я тотчас не писал к тебе по важной причине, ты хотел знать, что я с собою намерен делать, а я сам еще не знал, чуть было не попал в Одессу, потом подумал поселиться надолго в Соблах, неподалеку отсюдова. Наконец еду к Ермолову послезавтра непременно, всё уложено. Ну вот почти три месяца я провел в Тавриде, а результат нуль. Ничего не написал. Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? право, для меня всё еще загадка. — Что у меня с избытком найдется что сказать — за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем как гроб!!

Еще игра судьбы нестерпимая: весь век желаю где-нибудь найти уголок для уединения, и нет его для меня нигде. Приезжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжилось не далее суток, потому ли что фортопианная репутация моей сестры известна, [1] или чутьем открыли, что я умею играть вальсы и кадрили, ворвались ко мне, осыпали приветствиями, и маленький городок сделался мне тошнее Петербурга. Мало этого. Наехали путешественники, которые меня знают по журналам: сочинитель Фамусова и Скалозуба, следовательно веселый человек. Тьфу злодейство! да мне невесело, скучно, отвратительно, несносно!... И то неправда, иногда слишком ласкали мое самолюбие, знают наизусть мои рифмы, ожидают от меня, чего я может быть не в силах исполнить; таким образом я нажил кучу новых приятелей, а время потерял, и вообще утратил силу характера, которую начинал приобретать на перекладных. Верь мне, чудесно всю жизнь свою прокататься на 4-х колесах; кровь волнуется, высокие мысли бродят и мчат далеко за обыкновенные пределы пошлых опытов; воображенье свежо́, какой-то бурный огонь в душе пылает и не гаснет.... Но остановки, отдыхи двухнедельные, двухмесячные для меня пагубны, задремлю, либо завьюсь чужим вихрем, живу не в себе, а в тех людях, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые. Подожду, авось придут в равновесие мои замыслы беспредельные и ограниченные способности. Сделай одолжение, не показывай никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечел, но уверен, что тут много сумасшествия,

Прошу у тебя как милостыни: не прерывай со мною переписки, чтоб я знал где ты, потому что легко станется, что я по многом странствии прямо к тебе вернусь, и тем лучше, коли ты в деревне будешь. Адрес мой в главную квартиру г[енерала] Ерм[олова].

Отчего я туда пускаюсь, что-то скрепя сердце? Увидишь, что мне там не сдобровать, надо мною носятся какие-то тяжелые пары Кюхельбекеровой атмосферы, те, которые его отовсюду выживали, и присунули наконец к печатному станку Греча и Булгарина. [2] Прощай, поцелуй Анну Иван[овну] и ребенка и будущего на днях, когда родится.

О Чатырдаге и южном берегу после, современем. Прощай, мой бесценный Степан.

Володя пишет ко мне в Киев о полемической выходке за мою честь в Телеграфе, но мне никогда этого не случалось видеть. Ты вероятно читал; как находишь? Да получил ли ты мое письмо еще из Петербурга о твоей тогдашней статье в мою же защиту и как ты принял мое мнение? [3] Прав ли я был? Не слыхал ли чего-нибудь о Шатилове и Алябьеве? Чем кончилось их дело? [4] Пожалуйста, в первом письме ко мне поболтай о чем-нибудь, а то скуп стал на слова.

Давыдова памфлета [5] я не получил, и нет его на почте. Ты жалуешься на журналы; стало быть я счастлив, что с мая месяца их в глаза не видал.

Александр Одоевский будет в Москве; поручаю его твоему дружескому расположению, как самого себя. — Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию, таков он совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел.

Коли зимою ворочусь в Москву, и ты там будешь, так заберусь к Дмитрию в Якшино.

34. С. И. Бегичеву

12 сентября ⟨1825⟩. Феодосия

Третьего дня я вырвался наконец из дрянного городишка, [1] где однако всякое со мною случалось, и веселое и грустное. А Брест!! Литовский! вероятно нет хуже местечка на взгляд, но и там пожилось. В несколько ча-

сов я прокатился по солнышку до Карасубазара, и еще станцию далее; справа чернелись верхи Айл и Чатырдага, потом передовые холмы их заслонили в виду продолговатый Агер-мышь. Мы спустились в какую-то бесплодную ложбину, и долго тут ехали, наконец, повернули круто от селения Эльбузы в горные дикие места, где дорога просечена разными извивами, густые леса, кручи, скалы, хаос ужасный, всё смешано в этом искривленном направлении, спустились под вечер в роскошную Судацкую долину. Я не видал подобной, и она считается первою в полуострове по избытку виноградников, сады от Таракташа до моря на протяжении нескольких верст, веселые домики помещиков, странные верхи утесов, и к западу уединенные развалины генуэзского замка. Я ночевал у барона Боде. Люблицист из Духа Журналов etc., etc. —[2]

На другой день (вчера) рано побрел к мысу, на котором разметаны Сольдайские руины. Я был один. Александра [3] отправил по колясочной дороге в Кафу. Кто хочет посещать прах и камни славных усопших, не должен брать живых с собою. Это мною несколько раз испытано. Поспешная и громкая походка, равнодушные лица, и пуще всего глупые, ежедневные толки спутников часто не давали мне забыться, и сближение моей жизни, последнего пришельца, с судьбою давно отшедших — для меня было потеряно. Не так в Сольдае. Мирно и почтительно взошел я на пустырь, обнесенный стенами и обломками башен, цеплялся по утесу, нависшему круто в море, и бережно взобрался до самой вершины, и там башня и свод уцелели. С Чатырдага вид пространнее, но нет признака, чтобы там люди живали, ⟨чтобы⟩ усел город, чтобы стекались в него купцы и странники изо всех частей света, чтобы наконец он взят был на щит рассвирепевшим неприятелем, и груды камней одни бы свидетельствовали о прежней величавой его жизни. Здесь это всё есть. И не приморскими видами я любовался; перебирал мысленно многое, что слыхал и видел, потом вообразил себя на одной из ростральных колонн петербургской биржи. Оттуда я накануне моего отъезда любовался разноцветностию кровель, позолотою глав церковных, красотою Невы, множеством кораблей и мачт их. И туда взойдет некогда странник (когда один столб может быть переживет разрушение

дворцов и соборов) и посетует о прежнем блеске нашей северной столицы, наших купцов, наших царей и их прислужников. — Когда я сошел сверху к берегу, лошади были приведены с почты, и я поскакал. Скучные места, без зелени, без населения, солонец, истресканный палящим солнцем, местами полынь растет, таким образом до Козской долины, где природа щедрее и разнообразнее. То глубокие спуски в лесную чащу, дубы, осокори, дикие груши, дикий виноград, потом крутые подъемы, и с высоты виднеется море, которого синяя влага в ведреную пору всегда для глаз приятна; местами торчат обрушенные, ветхие стены италийцев, греков или готфов, судя по тому, кто какие книги читает и которым верит. Самая миловидная полоса этой части Крыма по мне О т т у з ы. — Сюда я прискакал поздно ночью, при лунном сиянии.

Нынче обегал весь город, чудная смесь вековых стен прежней Кафы и наших однодневных мазанок. Отчего однако воскресло имя Феодосии, едва известное из описаний древних географов и поглотило наименование Кафы, которая громка во стольких летописях европейских и восточных. На этом пепелище господствовали некогда готические нравы генуэзцев; их сменили пастырские обычаи мунгалов с примесью турецкого великолепия; за ними явились мы, всеобщие наследники, и с нами дух разрушения; ни одного здания не уцелело, ни одного участка древнего города не взрытого, не перекопанного. — Что ж? Сами указываем будущим народам, которые после нас придут, когда исчезнет русское племя, как им поступать с бренными остатками нашего бытия.

А мне между тем так скучно! так грустно! думал помочь себе, взялся за перо, но пишется нехотя, вот и кончил, а всё не легче. Прощай, милый мой. Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности.— Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная! воля твоя, если это долго меня промучит, я никак не намерен вооружиться терпением; пускай оно остается добродетелью тяглого скота. Представь себе, что со мною повторилась та ипохондрия, которая выгнала меня из Грузии, но теперь в такой усиленной степени, как еще никогда не бывало. Одоевскому [4]

я не пишу об этом; он меня страстно любит, и пуще моего будет несчастлив, коли узнает. Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старее, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

35. А. А. Бестужеву

22 ноября 1825
Станица Екатериноградская

Поверишь ли, любезный мой тезка, что я только нынче получил письмо твое? А доказательством, что боюсь остаться в долгу, пусть будет тебе поспешность, с которой отвечаю. Нынешний день у нас, линейских, [1] богат происшествиями, — сюда прибыл Алексей Петрович; кругом меня свисты, висты, бредни и пр.: не самая благоприятная пора, чтобы собраться с мыслями, но откладывать до завтра не хочу, — кто знает, где мы завтра будем, и скоро ли наживешь здесь хоть сутки спокойствия? Досугу не имею ни на секунду, окружен шумным сонмищем, даже сплю не один, в моей комнате гнездится Мазарович с латинским молитвенником и с дипломатическими замыслами; одно спасение — это из постели на лошадь и в поле. Кавказская степь ни откудова, от Тамани до Каспийского моря, не представляется так величественно, как здесь; не свожу глаз с нее; при ясной, солнечной погоде туда, за снежные вершины, в глубь этих ущелий погружаюсь воображением и не выхожу из забвения, покудова облака или мрак вечерний не скроют совершенно чудесного, единственного вида; тогда только возвращаюсь домой к друзьям и скоморохам. Климат необыкновенный! На Малке я начал что-то поэтическое, по крайней мере самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остыл, но при первой благоприятной перемене снова завьюсь в эфир. [2] — Что ты пишешь? скажи мне; одно знаю, что оргии Юсупова срисовал мастерскою кистию, [3] сделай одолжение, вклеи в повесть, нарочно составь для них какую-нибудь рамку. Я это еще не раз перечитаю себе и другим порядочным людям в утешение.

Эдакий старый придворный подлец!! Оржицкий передал ли тебе о нашей встрече в Крыму? Вспоминали о тебе и о Рылееве, которого обними за меня искренно, по республикански. Зовут меня, прощай. Не пеняй, что мало, не пеняй, что толку немного, но ей-ей! я сегодня в вихрях ужасных.

P. S. Любезнейший Александр, не поленись, напиши мне еще раз и побольше, что в голову взойдет; не поверишь, каким веселым расположением духа я тебе нынче обязан, а со мною это редко случается. Поклонись Булгарину. Ни Пчелы, ни С[еверного] А[рхива], ни С[ына] О[течества] не могу достать, — какие мы здесь безграмотные! Мой адрес: Начальнику Кавказ[ского] корпусного штаба г[енерал]-маиору Вельяминову, не забудь, а то письмо твое опять прокочует месяцев шесть.

36. В. К. Кюхельбекеру

27 ноября 1825
Станица Екатериноградская

Душа моя Вильгельм. Спешу уведомить тебя о моем житье, покудова не народился новый месяц, а с ним и новые приключения; еще несколько дней и, кажется, пущусь с А[лексеем] П[етровичем] в Чечню; если там скоро утишатся военные смуты, перейдем в Дагестан, а потом возвращусь к вам на север. Здесь многие или, лучше сказать, все о тебе вспоминают: Вельяминов, с которым я до сих пор слонялся по верхней Кабарде, Коцебу 2-ой, Цебриков, Талызин, Устимович, Павлов etc., etc., и даже старик наш, [1] несмотря на прежнюю вашу ссору, расспрашивал о тебе с большим участием. Аттестат вышлется к тебе на днях. Мазарович непременно бы наградил тебя длинною эпистолиею, да, по счастию, надумывается для важных депеш к Несельроду и Комп.; мы живем в одной комнате, я у него под носом то курю, то стреляю; впрочем скоро расстанемся, я в горы, а он через, обратно в Тифлис. Ты был в родах в тот раз, как приписал мне строчки две в письме Одоевского, что же произвел? Пришли прочесть, дай мне быть восприемником, несмотря, что мы в разлуке,

Меня слишком лениво посещает вдохновение, теперь о том и помышлять нечего, развлечение беспрестанное. Бегичев в последнем письме утешает меня законом упругости, что пружина на время сжатая, коль скоро исчезнет препятствие, с большим порывом отпрянет и на свободе сильнее будет действовать; а я полагаю, что у меня дарование вроде мельничного колеса, и коли дать ему волю, так оно вздор замелет; право, милый мой Вильгельм, не знаю, с кем я умом поделился, но на мою долю осталось немного. Помоги тебе бог, будь меня достойнее во мнении друзей и недругов. Кстати о достоинстве: какой наш старик чудесный, не взирая на все об нем кривые толки; вот уже несколько дней как я пристал к нему вроде тени; но ты не поверишь, как он занимателен, сколько свежих мыслей, глубокого познания людей всякого разбора, остроты рассыпаются полными горстями, ругатель безжалостный, но патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова. По долговременной отлучке я ему еще лучше узнал цену. Это не помешает мне когда-нибудь с ним рассориться, но уважения моего он ни в каком случае утратить не может.

Дела здешние были довольно плохи, и теперь на горизонте едва проясняется. Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа. Надолго ли это подействует? Но вот как происходило. Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец, от Чечни до Абазехов никто не коснется ни табунов его, ни подвластных ему ясырей, и нами поддержан, сам тоже считается из преданных русским. Сын его, любимец А[лексея] П[етровича], был при посольстве в Персии, но, не разделяя любви отца к России, в последнем вторжении закубанцев был на их стороне, и вообще храбрейший из всех молодых князей, первый стрелок и наездник и на всё готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам. Велено его схватить и арестовать. Он сам явился по приглашению в Нальчикскую крепость, в сопровождении отца и других князей. Имя его Джамбулат, в сокращении по-черкесски Джамбот. Я стоял у окна, когда они въезжали в крепость, старик Кучук, обвитый чалмою, в знак того, что посетил святые места Мекку и Медину,

другие не столько знатные владельцы ехали поодаль, впереди уздени и рабы пешие. Джамбот в великолепном убранстве, цветной тишлай сверх панцыря, кинжал, шашка, богатое седло и за плечами лук с колчаном. Спешились, вошли в приемную, тут объявлена им воля главнокомандующего. Здесь арест не то, что у нас, не скоро даст себя лишить оружия человек, который в нем всю честь полагает. Джамбот решительно отказался повиноваться. Отец убеждал его не губить себя и всех, но он был непреклонен; начались переговоры; старик и некоторые с ним пришли к Вельяминову с просьбою не употреблять насилия против несчастного смельчака, но уступить в сем случае было бы несогласно с пользою правительства. Солдатам велено окружить ту комнату, где засел ослушник; с ним был друг его Канамат Касаев; при малейшем покушении к побегу отдан был приказ, чтобы стрелять. Я, знавши это, заслонил собою окно, в которое старик отец мог бы всё видеть, что происходило в другом доме, где был сын его. Вдруг раздался выстрел. Кучук вздрогнул и поднял глаза к небу. Я оглянулся. Выстрелил Джамбот, из окна, которое вышиб ногою, потом высунул руку с кинжалом, чтобы отклонить окружающих, выставил голову и грудь, но в ту минуту ружейный выстрел и штык прямо в шею повергли его на землю, вслед за этим еще несколько пуль не дали ему долго бороться со смертию. Товарищ его прыгнул за ним, но середи двора также был встречен в упор несколькими выстрелами, пал на колена, но они были раздроблены, оперся на левую руку и правою успел еще взвести курок пистолета, дал промах и тут же лишился жизни. [2]

Прощай, мой друг; мне так мешали, что не дали порядочно досказать этой кровавой сцены; вот уже месяц, как она происходила, но у меня из головы не выходит. Мне было жаль не тех, которые так славно пали, но старца отца. Впрочем, он остался неподвижен и до сих пор не видно, чтобы смерть сына на него сильнее подействовала, чем на меня. Прощай еще раз. Кланяйся Гречу и Булгарину.

37. С. П. Бегичеву

7 декабря 1825
Станица Екатериноградская

На убедительные твои утешения и советы надобно бы мне отвечать не словами, а делами, дражайший мой Степан. Ты совершенно прав, но этого для меня не довольно, ибо, кроме голоса здравого рассудка, есть во мне какой-то внутренний распорядитель, наклоняет меня ко мрачности, скуке, и теперь я тот же, что в Феодосии, не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положение незавидно. — Ты говоришь мне о таланте; надобно бы вместе с тем иметь всегда охоту им пользоваться, но те промежутки, когда чувствуешь себя пустейшим головою и сердцем, чем прикажешь их наполнить? Люди не часы; кто всегда похож на себя и где найдется книга без противуречий? Чтобы больше не иовничать, пускаюсь в Чечню, А[лексей] П[етрович] не хотел, но я сам ему навязался. — Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещеньем, действие конгревов; будем вешать и прощать и плюем па историю. Насчет А[лексея] П[етровича] объявляю тебе, что он умнее и своеобычливее, чем когда-либо. Удовольствие быть с ним покупаю смертельною скукою во время виста, уйти некуда, все стеснены в одной комнате; но потом за ужином и после до глубокой ночи разговорчив, оригинален и необыкновенно приятен. Нынче, с тех пор как мы вместе, я еще более дивлюсь его сложению телесному и нравственному. Беспрестанно сидит и не знает почечуя, окружен глупцами и не глупеет.

Нужна оговорка: Вельяминов, его начальник штаба, чрезвычайно неглупый человек, твердых правил, прекраснейших сведений etc. Но он не был при нем всё время, что я находился в России, почти 3 года. С этим я в нынешний приезд в короткое время сблизился более, чем прежде. Глаз на глаз, судьба завела меня с ним на Малку, и оттудова к разным укреплениям новой линии; всё вместе и всё одни, я этому случаю благодарен за прекраснейшее открытие достойного человека. Что говорит

об нем Якубович? Коли ругает, так врет. Вообще многое, что ты слышал от меня прежде, я нынче переверил, во многом я сам ошибался. Напр[имер] насчет Давыдова, мне казалось, что Е[рмолов] не довольно настаивал о его определении сюда в дивизионные. Теперь имею неоспоримые доказательства, что он несколько раз настоятельно этого требовал, получал одни и те же отказы. Зная и Давыдова и здешние дела, нахожу, что это немаловажный промах правительства. Сталь был бескорыстен, а кроме того дурак. Лисаневич храбрейший человек, но опрометчив, умер геройски, жил без толку. Горчаков карточный генерал, Шульгин и не более. Здесь нужен военный человек, решительный и умный, не только исполнитель чужих предначертаний, сам творец своего поведения, недремлющий наблюдатель всего, что угрожает порядку и спокойствию от Усть-Лабы до Андреевской. Загляни на карту и суди о важности этого назначения. Давыдов здесь во многом поправил бы ошибки самого А[лексея] П[етровича], который притом не может быть сам повсюду. Эта краска рыцарства, какою судьба оттенила характер нашего приятеля, привязала бы к нему кабардинцев. Я теперь лично знаю многих князей и узденей. Двух при мне застрелили, [1] других заключили в колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьего дня набрел за рекою: висит, и ветер его медленно качает. Но действовать страхом и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы с знаменами победителей. Посмотрим, чем кончится поход против чеченцев; их взволновал не столько имам, пророк недавно вдохновенный, [2] как покойный Греков, способный человек, но грабитель. Войска точно мало, но хороших начальников вовсе нет. С успехами в Чечне сопряжена тишина здесь между кабардинцев и закубанцы не посмеют так часто вторгаться в наши границы, как прошлою осенью. Имя Е[рмолова] еще ужасает; дай бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! в Чечню! Здесь война особенного рода: главное затруднение — в дебрях и ущельях отыскать неприятеля; отыскавши, истребить его ничего не значит.

Прощай, я завлекся тем, что перед глазами, всё это нескладно, но ты добавишь собственным размышлением.

Целуй Анну Ивановну и Дмитрия. Мне бы хотелось из похода, т. е., месяца через два, прямо к вам воротиться, а впрочем что бог на душу положит. Пиши в главную квартиру на имя А[лексея] П[етровича].

38. А. А. Жандру и В. С. Миклашевич

18 декабря 1825
Станица Екатериноградская

Андрей любезнейший, я только нынче получил почту твою от 19-го окт[ября], а когда моя пойдет и через кого доставится в Георгиевск — не знаю, но досуг есть, и пишу. Философия твоя чуть было меня не прослезила, милый друг мой. «К чему ведет нас эта жизнь?» Оглянись, с тобою умнейшая, исполненная чувства и верная сопутница в этой жизни и как разнообразна и весела, когда не сердится. У тебя я, я и я, а наш Александр Одоевский? И когда мы не вместе, есть о ком думать. Avec ce cortège d'amis on ne s'ennuye pas mon coeur, * в том и счастие, чтобы сердце не оставалось пусто. Да хотя бы у нас только и назначения было, чтобы тебе ко мне писать, а мне любоваться твоею эпистолиею, так есть за что благодарить бога. Как ты решил? Всё равно, а я нынче весь день был занят твоими портретами. Вижу, что правда и огорчительная насчет Кат[енина] и Кандида. [1] Смерть государя причиною, что мы здесь запраздновали, и ни с места. Мне уже тошно становится, никакого толку. Мазарович с утра морит меня изломанным французским языком, снег петербургский, солнца давно нет, скучно в поле, дома еще скучнее, не дают призадуматься, всё это в роде арабесков, как об них говорит Алексей Петрович, что у человека из задницы дуб растет, с которого он зубами жолуди хватает. Глупо. —

Для развлечения бываю по вечерам в азиатской дружеской беседе Мирза-Джана, а у него певец, Алапер, мурлычит татарские эклоги; коли поход в Чечню не состоится, то я долее не выдержу; как ни люблю А[лексея] П[етровича], но по совести сказать, на что я ему надобен? Вот вам напр[имер] я точно необходим, теперь сам вижу,

* С такой свитой друзей не скучает мое сердце.—*Ред.*

испытал, что такое разлука, тянет обратно, уверен, что встретят меня с тою же горячностью, с которою провожали, а быть кому-нибудь в утешение куда приятно!!

Сделай милость объяви мне искренно или вы лучше скажите мне, милый друг Варвара Семеновна, отчего наш Александр так страстно отзывается мне о В. Н. Т.... * Ночью сидит у ней, и оттудова ко мне пишет, когда уже все дети спать улеглись... Не давайте ему слишком увлекаться этою дружбою, я по себе знаю, как оно бывает опасно. Но может быть я гадкими своими сомнениями оскорблю и ее, и Александра. Виноват, мне простительно в других предполагать несколько той слабости, которая испортила мне полжизни. Точно это вздор, она его гораздо старее, ни с чем несообразно, и вы утаите эту статью от нашего друга, кстати он теперь в Москве, по возвращении ради бога ему не показывайте. Не хочу от вас скрывать моих пятен, чтобы одним махом уничтожить всю эту подлость. Прощайте, милые мои бесценные существа. Какое у вас движение в Петербурге!! — А здесь... Подождем. Варвара Семеновна, понуждайте нашего ленивца, чтобы не отставал от Одоевского, я перед вами на колена становлюсь. Пишите к дальнему другу и родственнику вашего избранья. Сто раз благодарю вас, что няньчите Вильгельма, чур не заглядываться, тотчас треснется головою об пол. На днях прибыл сюда фельдъегерь Экунин и привез мне письмо из Театральной школы, стало быть, как я не далек от нее, а всё ближе вас, вы верно с нею не бываете в таких коротких сношениях. Шаховской таки сосватал сестру за полицейского Юпитера, чорт с ними со всеми. Скажите мне два слова об Аристофане, Фонтане, [2] Колосовой, Каратыгине, Григорьеве. Правда, я было позабыл, что не те времена.

От ужаса вся стынет кровь,
Лишь плачет тихая любовь.

На чей счет Булгарин нынче ветошничает, с кем в войне? Прощай, брат Андрей, когда-нибудь напишу тебе умнее, а ты всё-таки отвечай. Коли вы Вариньки не согнали, так поцелуй ее от меня, между тем мой Сашка почтительно вам кланяется.

Продолжение впредь твоя ли рука? [3]

* Фамилия тщательно зачеркнута. – *Ред.*

39. Императору Николаю I

15 февраля 1826. ⟨Петербург⟩

Всемилостивейший государь!

По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника мною любимого, [1] из крепости Грозной на Сундже, чрез три тысячи верст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных, здесь посажен под крепкий караул, потом был позван к генералу Левашову. Он обошелся со мною вежливо, я с ним совершенно откровенно, от него отправлен с обещанием скорого освобождения. Между тем дни проходят, а я заперт. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. В проезд мой из Кавказа сюда я тщательно скрывал мое имя, чтобы слух о печальной моей участи не достиг до моей матери, которая могла бы от того ума лишиться. [2] Но ежели продлится мое заточение, то конечно и от нее не укроется. Ваше императорское величество сами питаете благоговейнейшее чувство к вашей августейшей родительнице....

Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться я моим поведением никогда не заслуживал, или послать меня пред Тайный Комитет лицом к лицу с моими обвинителями, чтобы я мог обличить их во лжи и клевете.

Всемилостивейший государь!
Вашего императорского величества
верноподданный
Александр Грибоедов.

*40—49. Записки к Ф. В. Булгарину **

1

⟨17 февраля 1826⟩

С дозволения инквизиции. [1]

Друзья мои Греч или Булгарин, кто из вас в типографии? Пришлите мне газет каких-нибудь и журналов,

* Все десять записок были писаны в Петербурге, в здании Главного штаба, где Грибоедов находился под арестом. —*Ред.*

и нет ли у вас Чайльд-Гарольда? Меня здесь заперли, и я погибаю от скуки и невинности. Ч у р! М о л ч а т ь.

Грибоедов.

Главный штаб, 17 февр[аля]

D a s P a p i e r i n ' s F e u r. *

Фадей, мой друг, познакомься с капитаном здешним Жуковским, nous sommes camarades comme cochons, ** может быть удастся тебе и ко мне проникнуть. Я писал к государю, ничего не отвечает.

2

⟨Без даты⟩

Сто тысяч раз благодарю, что потешил заключенного; а то я сидел только и проклинал моих гонителей. Сделай одолжение не пугайся. Бояться людей — значит баловать их. — Пришли мне П у ш к и н а С т и х о т в о р е н и я на один сутки. Как бы я желал тебя видеть!!!

3

⟨Без даты⟩

Сделай одолжение, достань у Греча или у кого-нибудь атлас к Анахарсису, [2] или какую-нибудь карту Греции, да новых журналов пришли. О правосудие!!

4

⟨Без даты⟩

А т л а с к А н а х а р с и с у. Вчера я говорил Жуковскому, что ты у него был; он у меня спрашивал, видел ли ты меня? — Нет. Коли захочешь, он доставит тебе случай у меня побывать.

5

⟨Без даты⟩

Благодарю тебя за четвероногие Аппологи; [3] на днях дочитываю Degerando, коли еще нет продолжения, то достань мне старое издание, которое мне 15 лет тому назад подарил профессор Буле, оно доведено до Фихте и Шеллинга. [4] Также Анахарсиса скоро кончу и попрошу на ме-

* Бумагу в огонь. — *Ред.*
** Мы с ним закадычные приятели, — *Ред.*

сто его Шубертовы календарики. [5] Кажется, что мне воли еще долго не видать, и вероятно, буду отправлен с фельдъегерем, в таком случае, я матушке дам знать о деньгах, которыми ты меня одолжил.

6

〈Без даты〉

Дай, брат, пожалуйста длинных академических газет, [6] да еще каких-нибудь журналов — я тотчас пришлю назад.

Верный твой друг.

7

〈После 7 марта 1826〉

Любезный друг. С нами чудные происшествия. Краул приставлен строжайший, причина неизвестная. Между тем я Комитетом оправдан начисто, как стекло. Иваповский, благороднейший человек, в крепости говорил мне самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожден. Притом обхождение со мною, как его, так и прочих, было совсем не то, которое имеют с подсудимыми. Казалось, всё кончено. [7] Съезди к Ивановскому, он тебя очень любит и уважает, он член Вольного Общества Любителей Словесности, и много во мне принимал участия. Расскажи ему мое положение и наведайся, чего мне ожидать. [8] У меня желчь так скопляется, что боюсь слечь или с курка спрыгнуть. Да не будь трус, напиши мне, я записку твою сожгу, или передай сведения Ж[андру], а тот перескажет А[лексееву], а А[лексеев] найдет способ мне сообщить. Vale. *

8

19 марта 〈1826〉

Любезный друг. Одолжи меня 150 рублями, а коли у тебя нет, то извести о моем голодном положении Ж[андра] или Петр[а] Никол[аевича] Ч[ебышева]. В случае, что меня отправят куда-нибудь подалее, я чрез подателя этой же записки передам тебе мой адамантовый крест, а ты его по боку.

Прощай.

---

* Привет (будь здоров). — *Ред.*

⟨19 марта 1826⟩

Любезный друг, очень, очень благодарен тебе за присылку денег. Сделай одолжение, достань мне Таврида у Боброва, да ежели нельзя на подержание, то купи мне le Calcul Différentiel de Francoeur, * по французски или по русски.

10

⟨Около 18 апреля 1826⟩

Христос воскресе, любезный друг. Жуковский просил меня достать ему точно такое же парадное издание Крылова, как то, которое ты мне прислал. [9] Купи у Слёнина. Vous entendez bien, que je ne peux pas lui refuser un petit présent de ce genre. ** Да пришли, брат, газет. Друг мой, когда мы свидимся!!!

NB. Крылова он нынче же должен подарить в именины какой-то ему любезной дамочки.

50. С. Н. Бегичеву

9 декабря 1826. ⟨Тифлис⟩

Милый друг мой! Плохое мое житье здесь. На войну не попал: потому что и А[лексей] П[етрович] туда не попал. А теперь другого рода война. Два старшие генерала ссорятся, с подчиненных перья летят. [1] С А[лексеем] П[етровичем] у меня род прохлаждения прежней дружбы. Денис Васильевич этого не знает; я не намерен вообще давать это замечать, и ты держи про себя. Но старик наш человек прошедшего века. Несмотря на всё превосходство, данное ему от природы, подвержен страстям, соперник ему глаза колет, а отделаться от него он не может и не умеет. Упустил случай выставить себя с выгодной стороны в глазах соотечественников, слишком уважал неприятеля, который этого не стоил. Вообще война с персиянами самая несчастная, медленная и безотвязная. Погодим и посмотрим. [2]

---

* «Дифференциальное исчисление» Франкера. — *Ред.*

** Вы, конечно, понимаете, что я не могу отказать ему в маленьком подарке такого рода. — *Ред.*

Я на досуге кое-что пишу. [3] Жаль, что не в силах распространиться тебе о себе и о моих созданиях. Сейчас из обеда, а завтра Давыдов возвращается. [4] — Я принял твой совет; перестал умничать; достал себе молоденькую девочку ⟨. . . .⟩,* со всеми видаюсь, слушаю всякий вздор, и нахожу, что это очень хорошо. Как-нибудь дотяну до смерти, а там увидим, больше ли толку, тифлисского и петербургского. Тебя не браню за упорное молчание, угадываю причины; однако, коли в Москве будешь, схвати удобный случай и напиши. Мазаровичева получила нежные представления от сестры своей Зыбиной или Зубковой в пользу Дурнова, и намерена передать их моим. Что об этом знаешь? Кончено или вновь завязалось? [5]

Буду ли я когда-нибудь независим от людей? Зависимость от семейства, другая от службы, третья от цели в жизни, которую себе назначил, и может статься наперекор судьбы. Поэзия!! Люблю ее без памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхом рубище певца. [6]

Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов? Всё-таки Шереметев у нас затмил бы Омира, скот, но вельможа и крез. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает, равнодушие к людям с дарованием; но всех равнодушнее наш Сардар; [7] я думаю даже, что он их ненавидит. Voyons ce qui en sera. ** Если ты будешь иметь случай достать что-нибудь новое, пришли мне в рукописи. Не знаешь ли что-нибудь о судьбе Андромахи? [8] напиши мне. Я в ней так же ошибся, как и в А[лексее] П[етровиче]. Когда-нибудь и, может быть, скоро свидимся... Ты удивишься, когда узнаешь, как мелки люди. Вспомни наш разговор в Екатерининском. Теперь выкинь себе всё это из головы. Читай Плутарха, и будь доволен тем, что было в древности. Ныне эти характеры более не повторятся. — Когда будешь в Москве,

* Выпущено шесть слов. — *Ред.*
** Посмотрим, что будет. — *Ред.*

попроси Чадаева и Каверина, чтобы прислали мне трагедию Пушкина Борис Годунов.[9]

Прощай, целую Анну Ивановну и мою невесту.[10] Тебя, мой милый, люблю с каждым годом и месяцем более и более. — Но что проку. Мы не вместе. И жалеть надобно меня. Ты не один. —

Заставь Ермолова Петра Николаевича возвратить мне мой манускрипт Горя от ума. Дмитрия и Александру Васильевну обнимаю. В переписке ли ты с Андреем? Он от меня ни строчки не имеет. Невозможно.

51. Ф. В. Булгарину

16 апреля 1827. Тифлис

Любезный друг Фадей Венедиктович. Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потом уже благодарность за дружеское твое внимание к скитальцу в восточных краях. Пришли мне пожалуйста статистическое описание, самое подробнейшее, сделанное по лучшей, новейшей системе, какого-нибудь округа южной Франции, или Германии, или Италии (а именно Тосканской области, коли есть, как края, наиболее возделанного и благоустроенного), на каком хочешь языке, и адресуй в канцелярию Главноуправляющего на мое имя. Очень меня обяжешь. Я бы извлек из этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мере порядочную, которую бы разослал нашим окружным начальникам, с кадрами, которые им надлежит наполнить. А то с этим невежественным чиновным народом век ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будут. При Алексее Петровиче у меня много досуга было, и если я немного наслужил, так вдоволь начитался. Авось теперь с божиею помощию употреблю это в пользу.

Стихи Жандра в 1-м № я нигде не мог отыскать, ты не прислал мне, а другие — к Музе, я еще не зная, чьи они, читал здесь вслух у Ховена и уверен был, что это произведение человека с большим дарованием.[1] Поощряй, пришпоривай его. А я надеюсь, что, воротясь из похода, как-нибудь его сюда выпишу. Не могу довольно отблагодарить тебя за приятное твое письмо, и за присылку журналов. Желал бы иметь целого «Годунова». Повеса Лев Пушкин здесь, но не имел ко мне до-

статочно внимания, и не привез мне братнина манускрипта. За то я его принял по неприятельски, велел принести пистолеты и во всё время, что он у меня сидел, стрелял в дверь моей комнаты, пробил ее насквозь сверху до низу, и Льва с пальбой отпустил в полк на юнкерство. [2] В первой сцене «Бориса» мне нравится Пимен-старец, а юноша Григорий говорит, как сам автор, вовсе не языком тех времен. [3]

Не ожидай от меня стихов, горцы, персиане, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальника [4] поглощают всё мое внимание. Не надолго разумеется, кончится кампания и я откланяюсь. В обыкновенные времена никуда не гожусь: и не моя вина; люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща.

Разведай у П е т е р с а, моего портного, и Жандра попроси, что он пятый месяц не шлет мне платье, получивши деньги 600 р. от матушки. Скажи ему по французски, что он свинья. 1-я глава твоей «Сиротки» так с натуры списана, что (прости, душа моя) невольно подумаешь, что ты сам когда-нибудь валялся с кудлашкой. [5] Тьфу, пропасть! как это смешно, и жалко, и справедливо. Я несколько раз заставал моего Александра, [6] когда он это читал вслух своим приятелям. Многие просят, чтобы ты непременно продолжал и окончил эту повесть.

Länchen meiner liebenswürdiger Freundinn und Tante [7] meinen besten Gruss. *

Прощай; кланяйся друзьям и помни о добром приятеле, который тебя душевно любит.

А. Г.

52. П. П. Ахвердовой

28 июня 1827, перед рассветом. Нахичевань

Ma très chère et très estimable madame Akhverdof. Me voici à passer une nuit blanche en attendant qu'on ait transcrit mes papiers d'office, après quoi je dois aller réveiller le général pour les faire signer. Cela n'est-il pas très gai pour quelqu'un qui fait cas de son indépendance?

* Леночке, моей любезной приятельнице, и Танте — наилучший привет. — *Ред.*

Dites-moi, comment on devrait en finir avec toutes ces tracasseries? Par malheur on dirait, que l'ennemi est payé pour nous faire le moins de mal possible. Jusqu'ici il ne s'est amusé qu'à harceler une seule fois l'arrière-garde d'Eristof. Quels généraux nous avons ici, grand dieu! On dirait qu'ils ont été créés pour m'affermir de plus en plus dans le dégoût que je porte aux rangs et aux dignités. — Mouravief a été reconnaitre ce matin la forteresse d'Abbas-Abad. J'étais trop occupé pour me mettre à cheval. Mais comme je suis le mieux logé de toute la compagnie et que de mes fenêtres il y a une extension de vue magnifique, je soulevais souvent la tête de dessus mes papiers pour braquer ma lunette d'approche vers l'endroit, où se passait l'affaire. Je voyais la cavalerie ennemie, qui galopait en tous sens et passait l'Araxe pour couper Mouravief et ses deux cents cosaques. Il s'est très bien tiré d'afaire; il n'y a eu aucun engagement sérieux, et il nous est revenu sain et sauf, sans avoir pu rien observer de ce qu'il avait voulu voir. Le général en chef a beaucoup d'éstime et de confiance pour lui, mais quelque démon s'en mêle: ils ont souvent des brouilles très sérieuses, l'un crie, l'autre boude, et moi je suis là pour faire le sot rôle de concilliateur, sans que personne m'en sâche gré. Ceci entre nous. Voulez vous bien me dire merci pour votre beau-fils? Cependant je ne vous garantis pas qu'ils ne se désunissent un jour pour la vie, et cela me rend quelquefois très mélancolique. Ne lui en dites rien dans vos lettres, n'en parlez pas même à m-e Mouravief. Le fait est que le général est quelquefois d'une humeur intraitable, et votre beau-fils n'a rien de liant dans son caractère.

Avez vous reçu une réponse d'Héttier? La poste nous manque depuis quatre semaines; nous ne savons rien de ce qui se passe au delà de notre horizon actuel. Des chaleurs suffoquantes, à 47° de Réaumur, mauvaise chère, ce qui m'embarrasse le moins, pas de lecture, pas de piano. Тоmno до смерти. Bonne nuit, donnez un baiser bien tendre de ma part à Dachinka, et un autre à la petite Sophie Orbélian. Je m'endors, et pourtant il se passera bien une heure avant que j'aille me mettre au lit. Faites moi quelques deux pages bien amicales, sur ce qu'on fait chez vous à Tiflis. Je vous en serai bien reconnaissant, et songez quelquefois à celui qui vous est si franchement dévoué, et cela

depuis bien des années. Окна в комнате разбитые, ветер ужасный, поминутно свечи задувает, и я стоя пишу в какой-то стенной впадине. Передайте от меня целый акафист приветствий и поклонов Надежде Афанас[ьевне], Анне Андреевне, Софье Федоров[не], Марии Ивановне, Катерине А[какиевне] и всем моим знакомым принцессам.

С беспредельным почтением ваш усердный слуга

А. Грибоедов.

<Перевод>

Дорогая и глубокоуважаемая m-me Ахвердова. Я провожу бессонную ночь, ожидая окончания переписки служебных бумаг, после чего должен разбудить генерала, [1] чтобы он их подписал. Не очень это весело для человека, который ценит свою свободу. Скажите мне, как избавиться от всей этой суеты? К несчастью, можно сказать, что неприятель точно подкуплен для того, чтобы нас как можно меньше беспокоить. До сих пор он только однажды позабавился, потревожив арьергард Эристова. Боже, какие у нас здесь генералы! Они точно нарочно созданы для того, чтобы еще более укрепить мое отвращение к чинам и отличиям. Муравьев обозревал сегодня утром крепость Аббас-Абад. Я же был слишком занят, чтобы сесть на лошадь. Но так как у меня из всей нашей компании лучшее помещение и из окон открывается превосходный вид, то я часто отрывался от бумаг и наводил подзорную трубу туда, где происходило сражение. Я видел, как неприятельская кавалерия скакала по всем направлениям и переправлялась через Аракс, чтобы отрезать Муравьева и две сотни его казаков. Он отлично выпутался из беды, не было никакой серьезной стычки, и он вернулся к нам цел и невредим, хотя и не смог высмотреть того, что хотел. Главнокомандующий [1] относится к нему с большим уважением и доверием, но какая-то дьявольщина мешается тут: у них часто бывают серьезные размолвки. Один кричит, другой дуется, а я играю глупейшую роль примирителя, хотя ни тот, ни другой меня за это не благодарит. Это между нами. Поблагодарите же меня за вашего зятя. Однако я не поручусь вам, что в один прекрасный день они не рассорятся навсегда, и это иногда меня очень печалит. Не сообщайте ему об этом в своих письмах, а также

не рассказывайте и m-me Муравьевой. Дело в том, что генерал [1] бывает иногда очень несговорчив, а вашему зятю недостает в характере уступчивости.

Получили ли вы ответ от Этье? Уже четыре недели, как мы не получаем почты и ничего не знаем о том, что происходит вне нашего настоящего горизонта. Жара удушливая, 47° по Реомюру, плохая пища, — что, положим, мне нипочем, — нет ни чтения, ни фортепьяно. Тошно до смерти. Спокойной ночи. Нежно поцелуйте за меня Дашеньку и маленькую Соню Орбелиани. Я совсем засыпаю, а между тем только через час мне удастся лечь в постель. Дружески черкните мне страничку-другую о всем, что делается у вас в Тифлисе, за что буду вам очень признателен. Вспоминайте же иногда того, кто так искренно и уже столько лет предан вам. Окна в комнате разбитые, ветер ужасный, поминутно свечи задувает, и я стоя пишу в какой-то стенной впадине. Передайте от меня целый акафист приветствий и поклонов Надежде Афанас[ьевне], Анне Андреевне, Софье Федоров[не], Марии Ивановне, Катерине А[какиевне] и всем моим знакомым принцессам.

С беспредельным почтением ваш усердный слуга

А. Грибоедов.

53. П. И. Ахвердовой

Au quartier-g[énéra]l, sous les murs d' Abbas-Abad
3 Juillet 1827

Veuillez remarquer, ma très chère et très digne m-me Akhverdof, que j'ai mes époques pour faire une lettre après l'autre, tout comme pour mes visites, quand je suis sur place. Voici pour vous № 2. Je vous écris en plein air, sous le beau ciel de la Perse; il fait un vent d'enfer, une poussière énorme, et qui plus est, le jour tombe, et on voit à demi; mais je ne veux pas me refuser le plaisir de vous adresser quelques lignes.

L'autre jour, quand je vous fermais mon pli, il était $3^1/_2$ du matin, là dessus je fis seller mon cheval et je partis vers Abbas-Abad, sous les murs duquel on avait envoyé 50 cosaques pour harceler la garnison ou plutôt les cavaliers, qui se trouvaient dans la forteresse, et les attirer contre une

embuscade, * où était placé un gros de notre cavalerie. Je me joignis à notre petite troupe, toute la manoeuvre a été manquée, faute de complaisance de la part de l'ennemi, qui n'a pas voulu se laisser duper quelques amateurs vinrent pirouetter autour de nous, mais trop loin de l'endroit où on leur en voulait. Nous étions quittes pour quelques balles qui sifflèrent à nos oreilles sans blesser personne, cela dura ainsi jusqu'à 10 heures avant midi, quand le général en chef fit faire une forte reconnaissance par 2 régiments de lanciers, 2 de cosaques, 1 de dragons et 22 pièces d'artillerie volante. Je vins me placer à une portée de fusil d'une des faces de la forteresse, d'où on voyait défiler les nôtres comme si je me fusse trouvé en spectateur au centre même du fort. On se canonna longtemps de part et d'autre. C'était un beau spectacle, assez nul, je crois, comme résultat militaire, mais superbe à être vu, et je ne demande pas mieux, moi qui suis là pour m'amuser. Dans ce même moment le général Benkendorf fit plonger 2,000 cavaliers dans l'Araxe, qui le passèrent en moins de rien et ont chassé l'ennemi de toutes les hauteurs de l'autre côté de la rivière. Vous qui êtes peintre, j'aurais voulu que vous vissiez tout cela, et par dessus tout la plaine pittoresque où la scène se passait. De tous côtés nous avons ici des rangées de montagnes les plus bizarres que la nature ait pu former, entre autres le soi-disant rocher de Pompée, qui s'élève en tronc d'arbre qu'on croirait frappé et noirci par la foudre, mais d'une dimension gigantesque. C'est vers notre frontière du Karabagh, parmi ce dédale des mamelons, des différentes sommités et des chaines entières de montagnes les plus singulièrement conformées, la vallée riante, laborieusement cultivée qu'arrose l'Araxe, et vers le nord la cime neigeuse de l'Ararat. — J'ai déjà passé au gué cette fameuse rivière, dont le nom historique dit tant à l'imagination.

Avant-hier nous sommes venus camper auprès d'Abbas-Abad; hier on a ouvert la tranchée; cette nuit je vais un peu suivre le g[énéral] pour voir ce qui s'y passe. Ce matin Vlangali a manqué déserter notre société pour 7 malheureux boulets qui sont venus ébranler l'air au dessus de sa

* Votre beau-fils y a passé une nuit blanche, désappointé au delà de toute expression. Le général lui a dit, que si l'affaire se serait engagée, il l'aurait tout de suite présenté, pour être fait general, mais cela ne lui a pas rendu sa bonne humeur.

tente, ou plutôt par dessus tout le quartier-général, où ils sont tombés dans différents endroits sans tuer personne. Tout cela est fait pour m'égayer la vie, je commence à y trouver du goût jusqu'à un certain point: c'est mieux que de croupir dans les villes.

Bonsoir. Que vous dirai-je de votre beau-fils?!! Il est impossible de faire mieux son devoir, selon qu'il entend ses fonctions, et d'être plus mésentendu de son chef, qui pourtant est le meilleur des hommes à ses manières près. N'en dites rien à m-me Mouravief. Peut-être, avec des succès contre l'ennemi, les choses entre amis se concilièront au mieux, et alors je serai le premier à vous en faire part.

Mes hommages à toute votre maison, aux Tchavtchavadzé et à m-me Castello.

⟨Перевод⟩

3 июля 1827
Главная квартира под стенами Аббас-Абада

Извольте заметить, дорогая и глубокоуважаемая m-me Ахвердова, что на меня находит временами, когда я пишу письма одно за другим, точно так же, как я учащаю посещения, когда живу на месте. Вот вам уже № 2. Я пишу вам на открытом воздухе, под прекрасным небом Персии, дует адский ветер, пыль ужасная, а главное смеркается, плохо видно, но не хочу отказать себе в удовольствии написать вам несколько строк.

Когда я в прошлый раз запечатывал свое письмо к вам, было $3\,^1/_2$ часа утра. Тотчас же я приказал оседлать себе лошадь и поехал к Аббас-Абаду, к стенам которого было уже отправлено 50 казаков, чтобы тревожить гарнизон, или, вернее, кавалерию, которая находилась в крепости, привлечь ее в засаду, * где находились наши главные кавалерийские силы. Я присоединился к нашему маленькому отряду. План этот не удался, неприятелю не угодно было даться в обман. Несколько охотников скакало вокруг нас, но слишком далеко от места, где мы рассчитывали с ними встретиться. Мы отделались лишь не-

* Ваш зять [1] провел там бессонную ночь, совершенно обманутый в своих ожиданиях. Генерал [2] сказал ему, что если бы сражение началось, он тотчас бы представил его к генеральскому чину, но и это не вернуло ему хорошего расположения духа.

сколькими пулями, которые просвистели мимо наших ушей, не ранив никого. Это продолжалось до 10 часов утра, когда главнокомандующий [2] приказал сделать разведку с 2 полками улан, 2 казачьими, 1 драгунским и 22 орудиями легкой артиллерии. Я поместился на расстоянии выстрела от одного из фасов крепости; с этого места были видны проходившие наши войска, точно я был зрителем в самом центре крепости. Долго продолжалась пальба с обеих сторон. Зрелище было прекрасное, хотя и ничтожное, как мне кажется, в смысле военного успеха, но превосходное для глаз, а мне только это и нужно было, ведь я нахожусь здесь для собственного развлечения. В данный момент генерал Бенкендорф приказал кавалерии, в числе двух тысяч, переплыть Аракс. Они это мигом выполнили и прогнали неприятеля со всех высот по ту сторону реки. Мне хотелось, чтобы вы, как художница, увидели все это, а в особенности живописную равнину, где разыгралась эта сцена. У нас здесь, со всех сторон, ряды гор, с самыми причудливыми очертаниями, какие только создавала природа, в числе их так называемая Помпеева скала, которая возвышается точно ствол гигантского дерева, пораженного и обугленного молнией. Это по направлению к нашей Карабагской границе. Среди этого лабиринта холмов, различных возвышенностей и целых горных цепей самой странной формы — смеющаяся долина, тщательно обработанная, орошаемая Араксом, а к северу снежная вершина Арарата. Я уже переправлялся вброд через эту знаменитую реку, историческое имя которой так много говорит воображению.

Третьего дня мы стали лагерем близ Аббас-Абада, вчера открыта траншея, а в эту ночь я последую за генералом, [2] чтобы посмотреть, что там происходит. Поутру чуть не выбыл из нашего общества Влангали: семь несчастных ядер прогремели над его палаткой или, вернее, над всей главной квартирой и упали среди нее в разных местах, но никого не убили. Всё это меня развлекает, и до известной степени я к этому пристрастился; это гораздо лучше, чем киснуть в городах.

Добрый вечер. Что мне сказать вам о вашем зяте? [1] Невозможно лучше исполнять свой долг, соответственно тому, как он понимает свои служебные обязанности, и вместе с тем быть более непонятым своим начальником, [2]

который, однако, отличнейший человек во всем кроме обращения. Не говорите об этом m-me Муравьевой. Может быть, успех в действиях против неприятеля будет способствовать примирению друзей, и тогда я первый сообщу вам об этом.

Поклонитесь всей вашей семье, Чавчавадзе и m-me Кастелло.

54. Командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу-от-инфантерии, генерал-адъютанту и кавалеру Паскевичу Иностранной Коллегии надворного советника Грибоедова донесение

30 июля 1827. Лагерь при селении Карабабы

20-го числа июля я, по приказанию вашего высокопревосходительства, отправился из крепости Аббас-Абад в персидский лагерь, куда в тот же день прибыл перед вечером; 7-мь часов езды скорой, расстояние около 49 верст от Аракса до опустелой деревни Каразиадин, где я должен был ждать, когда позовет меня к себе Аббас-Мирза. Скудно-разбросанные палатки не означали присутствия многочисленного войска. Вечером прибыл ко мне Мирза-Измаил с приветствиями от Шахзады, который на ту пору прохлаждался в горах, и только на другой день намерен был спуститься к Каразиадину, или в Чорскую долину (так называется целый округ из 12-ти деревень). К моей палатке поставлен почетный караул, разумеется, чтоб иметь надо мною надзор; но все условия вежливости были соблюдены, даже до излишества.

21-го июля, поутру, подошва гор к югу, со стороны Хоя, запестрела вооруженными конными и сарбазами, — и вскоре был разбит лагерь на большом протяжении.

В час пополудни за мною прибыл наиб Эшик-Агаси от Аббас-Мирзы, к которому я отправился с толпою народа; при мне же были Мирза-Измаил и Мирза-Сале. Я был допущен к аудиенции тотчас без предварительных церемоний. Аббас-Мирза один был в обширной палатке; со мною взошли несколько человек из его приближенных.

После первых приветствий и вопросов о вашем здоровье, обо мне собственно, он начал мне вспоминать о прежнем моем пребывании в Тавризе и проч. Потом долго

и горько жаловался на генерала Ермолова, Мазаровича, Севаримидзева, как на главных, по его мнению, зачинщиков нынешней войны. Я ему отвечал, что неудовольствия были обоюдны, по случаю спора о границах, но с нашей стороны никогда бы не вызвали военных действий, если бы сам Шахзади не вторгнулся в наши области.

— «Моих и шаха послов не допускали до государя, писем не доставляли в Петербург, — сколько я их показывал князю Меншикову, мне обратно присланных, даже не распечатанных, сколько теперь у меня их сохраняется, в том же виде, для оправдания моего перед государем вашим».

Я ему напомнил о двукратном приезде в Россию Абуль-Гассан-хана, о Мекмед-Гассан-хане-Афшаре, о Мирза-Сале, бывших в Петербурге, чрез которых всегда можно было представить императорскому двору жалобы, если бы они основаны были на справедливости. Наконец, князь Меншиков для того был прислан в Персию от самого государя, чтобы устранить поспешно и навсегда возникшие тогда несогласия. Впрочем, когда кто лежит болен целый год, не отыскивают уже первых причин его болезни, а стараются уврачевать ее, — так и с настоящею войною.

Разговор в этом смысле продолжался более часу. Я вынужден был сказать, что не имею поручения разбирать то, что предшествовало войне, что это не мое дело...

— «Так все вы говорите: не мое дело, — по разве нет суда на этом свете!»

— Ваше высочество сами поставили себя судьею в собственном деле, и предпочли решить его оружием. Не отнимая у вас ни благоразумия, ни храбрости, ни силы, замечу одно только: кто первый начинает войну, никогда не может сказать, чем она кончится.

— «Правда», отвечал он.

— Прошлого года персидские войска внезапно и довольно далеко проникли в наши владения по сю сторону Кавказа. Нынче мы, пройдя Эриванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксе, овладели Аббас-Абадом, откуда я прислан...

— «Овладели! взяли! Вам сдал Аббас-Абад зять мой, трус, — он женщина, хуже женщины».

— Сделайте то, что мы сделали, против какой-либо крепости, и она сдастся вашему высочеству.

— «Нет, вы умрете на стене, ни один живой не останется; мои не умели этого сделать, иначе вам никогда бы не овладеть Аббас-Абадом».

— Как бы то ни было, при настоящем положении дел уже три раза, как генерал [1] получал от вас предложения о мире, и ни одно из ваших сообщений не сходно с условиями, мимо которых с нашей стороны не приступят ни к каким переговорам. Такова есть воля государя. Чтобы на этот счет не было более недоразумений, я сюда прислан. При том должен объявить вашему высочеству, что посланные ваши, если явятся с предложениями другого рода, несогласными с нашими, или для прений о том, кто первый был причиною войны, — они не только не получат удовлетворительного ответа, но главноначальствующий [1] не признает себя даже в праве их выслушивать. Условия же, если ваше высочество расположены их выслушать, я сейчас буду иметь честь изложить вам, — в этом именно состоит мое поручение.

— «Послушаем», сказал он; «но разве должно непременно трактовать, наступя на горло, и нельзя рассуждать о том, что было прежде?»

Тут он опять начал распространяться о безуспешных прежних его усилиях жить с нами в мире, под сению расположения к нему российского императора. Обвинения с жаром против пограничных начальников, не щадя и своих сардара и брата его; потом неистощимые уверения в преданности императору, — всё это быстро следовало одно за другим. Я из некоторых слов мог, однако, заметить, что личный характер государя императора сильно действует на него, как отпечаток твердости и постоянства в предприятиях; так, он отзывался, по свидетельству ли англичан, или по другим до него дошедшим сведениям, но повторил не раз, что он знает о решительных свойствах великого императора, что свидетельствуют все сыны и братья европейских царей и послы, приезжавшие поздравлять его со вступлением на престол. То же впечатление я потом заметил и в прочих лицах, с которыми имел дело в персидском лагере; они рассказывают множество анекдотов, — иные справедливые, бо́льшею частью вымышленные, но представляющие российского государя в каком-то могущественном виде, страшном и для его неприятелей. Я воспользовался этим, чтобы обратить

внимание Шахзады на неприличность прошлогодних поступков в Персии против кн. Меншикова.

— Как, с такими понятиями о могуществе нашего государя, вы решились оскорбить его, в лице посланника его величества, которого задержали против самых священных прав, признанных всеми государствами? Теперь, кроме убытков, нами понесенных при вашем впадении в наши области, кроме нарушений границ, оскорблена и личность самого императора, — а у нас честь государя есть честь народная!

При этих словах он как будто поражен был какою-то мыслью и так непринужденно, громко и красноречиво раскаивался в своем проступке, что мне самому ничего не оставалось к этому прибавить. Предоставляю вашему высокопревосходительству судить, насколько это раскаяние смиренно, по известному уже вам характеру персиян.

После того он всех выслал; остались: он, я и мой переводчик; но за занавесью выказывался человек, в котором я опять узнал Алаяр-хана. Аббас-Мирза, наконец, решился выслушать условия, говоря, однако, что он уже их знает от Мирзы-Сале.

Переводчик мой пространно объяснил ему, чего требует наше правительство; по данным ему от меня наставлениям, ни разу не уклонялся от должной учтивости и уважения к тому, с кем говорил, всячески щадя его самолюбие. Шахзади несколько раз покушался его прервать, но я с покорностью просил его быть терпеливее, иначе мое поручение останется не довершенным. Когда всё с нашей стороны было объяснено, он едва не вскочил с места.

— «Так вот ваши условия. Вы их предписываете шаху иранскому, как своему подданному! Уступка двух областей, дань деньгами! Но когда вы слыхали, чтобы шах персидский сделался подданным другого государя? Он сам раздавал короны. Персия еще не погибла».

— И Персия имела свои дни счастия и славы; но я осмелюсь напомнить вашему высочеству о Гуссейн-шахе-Софии, который лишился престола, побежденный авганцами. [2] Предоставляю собственному просвещенному уму вашему судить, насколько русские сильнее авганцев.

— «Кто же хвалит за это шаха Гуссейна? он поступил подло, — разве и нам следовать его примеру?»

— Я вам назову великого человека и государя, Наполеона, который внес войну в русские пределы и заплатил за это утратою престола.

— «И был истинный герой: он защищался до самой крайности. Но вы, как всемирные завоеватели, всё хотите захватить, — требуете областей, денег и не принимаете никаких отговорок».

— При окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаляем наши пределы и, вместе с тем, неприятеля, который бы отважился переступить их. Вот отчего в настоящих обстоятельствах требуется уступка областей Эриванской и Нахичеванской. Деньги — также род оружия, без которого нельзя вести войну. Это не торг, ваше высочество, даже не вознаграждение за претерпенные убытки: требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам на долгое время.

Не скрою от вашего высокопревосходительства, что эти слова показались очень неприятными Аббас-Мирзе. Может быть, я и несколько перешел за черту данного мне поручения; но смею вас уверить, что этим не только ничего не испорчено, но при будущих переговорах уполномоченные его императорского величества избавлены будут от труда исчислять персиянам итоги военных издержек, которые они оценяют, по-своему, довольно дешево, ибо армия их во время войны, даже в собственном краю, кормится сколько можно даром, на счет поселян беззащитных.

Аббас-Мирза подозвал меня, как можно ближе, и почти на ухо начал меня расспрашивать о степени власти, от государя вам вверенной, — можете ли вы от себя убавить некоторую часть своих требований; что есть два рода главнокомандующих: одни на всё уполномоченные, другие с правами ограниченными, — какова, наконец, власть генерала Паскевича?

— Большая, — отвечал я, — но чем она более, тем более ответственность.

Потом я объяснил ему, что у нас одна господствующая воля — самого государя императора, от которой никто уклониться не может, в какую бы власть облечен ни был; условия будущего мира начертаны по воле государя, и исполнитель — главноначальствующий, и проч. Это завлекло меня в сравнение с Персиею, где единовластие

в государстве нарушается по прихоти частных владетелей и разномыслием людей, имеющих голос в совете шахском, даже исступлением пустынника, который из Кербелая является с возмутительными проповедями и вовлекает государство в войну бедственную. Аббас-Мирза часто оборачивался к занавеске, за которой сидел Алаяр-хан, и сказал мне:

— «У вас тоже не одна воля: в Петербурге одно говорят, Ермолов — другое; у нас был Муштаид для музульман, вы тоже, для возбуждения против пас армян, выписали в Эчмеадзин христианского калифа Нерсеса», и так далее.

После многих отступлений, мы опять обратились к условиям будущего мира.

— «Итак, генерал Паскевич не может или не хочет сделать никакой отмены в объявленных вами предложениях? Мы заключим перемирие; это он может; тем временем я сам к нему прибуду в лагерь, скажу ему, чтобы он указал мне путь к императору, — сам отправлюсь в Петербург, или пошлю моего старшего сына, он наследник мой, как я — шахский. Будем целовать руку великого государя, престол его, — мы его оскорбили, будем просить прощения, он сам во всем властен, но великодушен; захочет областей, денег — и деньги, и весь Адзербидзам, и самого себя отдам ему в жертву; но чистосердечным сим поступком приобрету приязнь и покровительство российского императора».

Эту идею он развивал мне с различными изменениями, и при каждом разе я напоминал ему, что ваше высокопревосходительство не в праве, в нынешних обстоятельствах, дать ему или Эмир-заде пропуск в С.-Петербург; что это намерение гораздо удобнее было исполнить прошлого года, во время коронации императора; Шахзади предпочел тогда схватиться за оружие; и я не могу скрыть, что государь разгневан именно и лично самим Аббас-Мирзою.

Он снова говорил, что знает, чувствует это, — готов исправить вину свою, снискать утраченное им благоволение государя; эти уверения он повторял до бесконечности.

— «Скажите, г. Грибоедов, вы жили в Тавризе, — чего я ни делал, чтобы с вами остаться в дружбе? чем можете укорить меня, каким проступком против трактата?»[3]

Я привел ему на память рассеяние возмутительных фирманов в Дагестане, на которые во всё время жаловался генерал Ермолов.

— «Видели ли вы их? где они? Это нелепости, вымышленные моими врагами — Ермоловым и Мазаровичем, так же как и уши и носы убитых на Кавказе русских, которые будто бы привезены были лезгинами ко мне в Тавриз. Когда же это было? Вы свидетель, что это ложь; между тем император Александр выговаривал это Мехмед-Гуссейну-хану в Петербурге; такими клеветами возбуждали против меня покойного вашего императора и так же умели лишить меня благосклонности его преемника. С кн. Меншиковым можно было иметь дело — умный и не коварный человек; но он всегда отговаривался, что не имеет власти делать мне иных предложений, кроме тех, которые мне уже объявлены были генералом Ермоловым. Теперь, если мы вам отдадим области, заплатим требуемую сумму, что приобретем в замену? Новые предлоги к будущим распрям, которые со временем созреют и произведут опять войну. При заключении прежнего мира мы отказались в пользу вашу от обширнейших провинций, на всё согласились, что от нас хотели, — англичане тому свидетели; и что же приобрели, кроме новых притязаний с вашей стороны, обид нестерпимых! Мир во сто раз хуже войны! Нынче посланные мои принимаются ласковее генералом Паскевичем, сообщения его со мною вежливее, чем во время так называемого мира; я перечесть не могу всех оскорблений, мною претерпенных в течение десяти лет. Нет! Я, или сын мой — мы непременно должны ехать к императору...» и проч.

Я опять представлял ему невозможность вашему высокопревосходительству допустить этого; и в обыкновенное время приличие требует писать предварительно в Петербург и просить на то соизволения его императорского величества. Он начал рассчитывать, как скоро может прибыть ответ из С.-Петербурга; требовал от меня ручательства, что государь допустит его к себе; просил меня стараться об этом дружески и усердно при вашем высокопревосходительстве, а вас самих — ходатайствовать за него в С.-Петербурге, — в то самое время, как я неоднократно изъявлял ему мое сомнение о том, возможно ли такие предложения делать и принимать в военное время.

Способ трактовать — исключительно свойственный персиянам, которые разговор о деле государственном внезапно обращают в дружескую гаремную беседу, и поручают хлопотать в их пользу чиновнику воюющей с ними державы, как доброму их приятелю. Всё это, — я заметил самому Шахзади, — довольно бесполезно. Начались и продолжались толки о перемирии на то время, как пошлется донесение в С.-Петербург и получится желаемый ответ, т. е., от 4-х до 5-ти недель. Я не признал за нужное оспаривать далее надежд Аббас-Мирзы, не подкрепляя их, впрочем, ни малейшим уверением, и занялся условиями перемирия, как дела, для нас полезного. Предложение о том было с его стороны. Он хотел, чтобы мы отступили к Карабагу, а он — в Тавриз; Нахичеванскую область очистить и считать нейтральною, кроме Аббас-Абада, которого гарнизон он на себя брал продовольствовать. Во многом мы были согласны; я иное отвергал, — ни в чем не условились и я просил дать мне несколько часов досуга, чтобы обдумать и написать ему проэкт перемирия.

— «Нет! сейчас решить, я не хочу вашего письма. Ради бога, не пишите, — вы потом не отступитесь ни от одного слова».

Кончилось, однако, на том, что я у себя обделаю и потом представлю ему условия. Приветствия полились рекою, похвалы, лесть, более или менее сносные. Аббас-Мирза спрашивал, часто ли обо мне наведываются его окружающие? кто из них был у меня? чтобы утром явились ко мне, не оставляли меня скучать. В этом тумане я откланялся. Шесть часов продолжался разговор наш. Перед вечером я прибыл к себе.

Ночью я написал проэкт перемирия по данному наставлению мне от вашего высокопревосходительства, потом заставил его перевесть. Случай казался удобным привести к окончанию это дело: Аббас-Мирза сам подал тому первый повод. Притом я, в трехлетнее мое пребывание в Тавризе, никогда не видел его в таком расположении духа, с такою готовностью на всякого рода соглашения, в такой горячности раскаяния. Впоследствии, однако, подтвердились наблюдения, не одним мною сделанные, что у персиян слова с делами в вечном между собою раздоре.

22-го июля, рано поутру, я сверил подлинник с переводом бумаги, которую намерен был отправить к Аббас-Мирзе. Меня посетил Мирза-Мехмед-Али-Мустафа и проговорил целое утро. Дело шло о невыгодном положении Шахзади, отца его и вообще всей Персии в отношении к нам. Я изумлялся тому, что слышал: персидское высокомерие исчезло совершенно. Между прочим, я высказал Мирзе-Мехмед-Али то, что не договорил накануне самому Шахзаде, по той причине, что мы ни минуты вдвоем не оставались, о будущей незавидной судьбе его: когда весь Адзербидзам будет в руках наших, — какое лицо представит он из себя между братьями, лишась удела, ему от шаха пожалованного, и этим лишением обязанный сам себе, своей опрометливости. Все бедствия, которые потом постигнут Персию, если война продолжится, припишут ему же, — и это, конечно, не только не утвердит его наследственного права, но может отдалить его от престола.

Мирза-Мехмед-Али во всем соглашался, и передал мои слова Аббас-Мирзе, потому что он сам мне потом говорил об этом.

Бумагу мою я к нему отправил и должен был в тот же день вторично к нему явиться; но, вместо того, почувствовал в себе сильный жар во всем теле, боль головную и слег в постель со всеми признаками горячки, — действие губительного климата. Ртуть в полдень, возвысившись до 40 градусов теплоты, в предшествующей ночи понизилась до 8-ми от точки замерзания.

В этот же день я получил от Шахзади особенного рода лестный знак внимания, который дает верное понятие о персидском искательстве, и до чего они желают вкрасться в нашу приязнь, при настоящем положении их дел. Главный церемониймейстер Махмед-Гуссейн-хан, с многочисленною прислугою и с подносами всяких сластей, вручил мне поздравительный фирман, за печатью Аббас-Мирзы, по случаю дня ангела ее величества вдовствующей государыни императрицы. И в самое мирное время нельзя быть внимательнее. Причина же, я полагаю, Мирза-Сале, — мы накануне вспоминали с ним о торжестве в Петергофе, при котором он однажды находился.

23-го июля я чувствовал облегчение, но не мог еще встать с постели. Ко мне прибыл Мирза-Измаил с проэк-

том перемирия, сочиненного под сказанием Шахзади, и уже одобренного шахом, которого два фарсанга сблизили с Чурсом, — курьеры к нему и от него скакали беспрестанно.

С персидской стороны требовалось, чтобы мы, кроме Аббас-Абада, оставили Нахичеванскую область, также Эчмеадзин, в котором для охранения храма божия быть двум приставам: их и нашему, а войскам не находиться ни русским, ни персидским. Прения продолжались с утра. В 3 часа пополудни Мирза-Мехмед-Али прибыл и возобновил их, — продержали меня до глубокой ночи; на многое согласились; статья их об оставлении нами Эчмеадзина и Нахичеванской области была вычеркнута. Со всем тем, ничего не кончено.

24-го июля я еще был слаб; но, видя бесполезность переговоров, отдаляющих дело от истинной цели, я просил отпуска. Опять прибыли ко мне Мирза-Мехмед-Али-Мустафа, Мирза-Измаил и Мирза-Сале, — и я в течение целого дня должен был выдерживать диалектику XIII столетия. Возвращались к предложениям, в которых накануне условились. Главное разногласие состояло в том, что с персидской стороны требовалось перемирие на 10 месяцев. Мирза-Мехмед-Али откровенно мне объявил, что это необходимо для отдаления из Хоя шаха, двора его и войска, от которых обнищала вся провинция. Я ему дал почувствовать, что эти причины уважительны только для их пользы; но в настоящее время, когда мы одержали некоторую поверхность, кажется, можно беспристрастно соблюсти и нам свои выгоды.

Наконец, видя, что рассуждения о перемирии были только предлогом для продержания меня в их лагере, я объявил, что мы не имеем нужды в прекращении военных действий; первая мысль об этом принадлежит Шахзаде. Я представил ему условия, на которых оно с нашей стороны может быть допущено, — вольны принять их, или нет. Но мой Аббас-Мирзе усердный совет: для успокоения края, особы шаха в преклонности лет его и для собственной безопасности своей, принять просто мир, который даруется ему на известных условиях. Говорили очень долго; я, наконец, подействовал на воображение персидских чиновников тем, что мы, когда пойдем далее и завладеем Адзербидзамом, то, обеспечив независимость

этой обширной области, со стороны Персии на десять фарсангов никому не позволим селиться близ границы, — сама провинция прокормит 20 тысяч милиции, образованной из народа, известного духом неудовольствия против нынешнего своего правительства; нам стоит только поддержать ее в сем расположении, и, таким образом, мы навсегда прекратим наши политические сношения с Персиею, как с народом, не соблюдающим трактатов, — мы так же будем мало знать их, как авганцев и проч. отдаленные государства в глубине Азии.

— Этот план у нас, говорил я, очень известен, и полагается весьма сбыточным; но к исполнению его приступят в такой крайности, когда вы, упорствуя, продлите войну, вами самими начатую. Скажите его высочеству, что лучше принять условия, покуда их делают, более нежели угрозы.

С вечера и на другой день с рассветом я повторял настоятельно требование мое об отпуске. 25-го июля, поутру, за мной прибыл Гаджи-Мангус-Ага, чтобы проводить меня к Шахзади. При нем находились два его брата, Али-Нага-Мирза Казбинский, Мехмед-Канум-Мирза Урмийский и Асиф-ед-Даулет-Алаярхан, также несколько других, в числе которых, как мне потом сказали, был и Гассан-хан, брат сардаря Эриванского, но я не узнал его. Он, во всё время пребывания моего в лагере, сильно говорил против всякого с нами сближения, ездил к шаху и просил денег и войска для защиты Эриванской области.

Я полагал, что наши условия при последней аудиенции, при стольких значущих свидетелях, или торжественно будут отвергнуты, или станут рассуждать о них, — вышло ни то, ни другое. Тон Шахзади был самый униженный: он извинялся, что чиновники его столько беспокоили меня делами; сказал, что все мои мысли о нем, о будущем его положении ему известны. Но не это его озабочивает, а проступок против государя, утрата его доверенности, и просил перемирия на десять месяцев. Мирза-Мехмед-Али донес ему, что я не доверяю их чистосердечию, Алаярхан этому чрезвычайно удивился. Но я поспешил объяснить ему, что прошлого года также решались послать к императору Эмир-заде, и вместо того войска их напали на наши границы; несколько сорванных голов у наших фуражиров возбуждали надежды их до крайней дерзости, — характер

народа известен. Нет причины думать, чтобы нынче поступили иначе; и тогда русский главноначальствующий, потеряв время и остановясь среди успехов нашего оружия, какое оправдание представит государю императору в том, что так противуречит настоящему сношению между собою двух воюющих армий? Десятимесячное перемирие — тот же мир, а предполагаемая выгода заключается в темной надежде, что сам Шахзади или сын его отправится в Петербург, — но там подпишет ли он все статьи мира, согласно с пользою России, или, что гораздо вероятнее, будет стараться об уменьшении наших требований?

— «Нет! — сказал с жаром Аббас-Мирза, — мы всё подпишем, если император лично мне или моему сыну объявит свою волю и уверит нас в будущем его покровительстве. Я сына моего сейчас представлю генералу Паскевичу в залог, и еще двое из моих братьев к нему отправятся в лагерь...» и проч. и проч.

Потом опирался на продолжительное перемирие, им некогда заключенное с генералом Тормасовым. Спрашивал моего совета, и надеюсь ли я, что государь дозволит ему или сыну его прибыть к высочайшему двору. Такое униженное, убедительное настаивание отняло у меня возможность отвечать ему коротко и резко. Я более всего отговаривался неведением, сомнением и старался избегать, чтоб слова мои не утвердили в нем какой-либо надежды по сему предмету. Совет же подал ему чистосердечный, — представлял ему разорение, которому подвергаются его подданные, бережно говоря о неустройстве их нерегулярного войска; сравнивал характеры двух народов: персиян — смелых при счастии, но теряющих бодрость и даже подчиненность при продолжительных неудачах, — с другой стороны указывал на наших, которые во всех обстоятельствах одинаковы, повинуются и умирают. Наконец, с возможною учтивостью доказывал, что лучше разом принести жертву необходимости, нежели длить время и, с тем вместе, претерпеть гораздо важнейшие потери. Это не помогло; Шахзади не отступал от любимой своей мысли — самому или через сына прибегнуть к великодушию государя императора.

Сим заключается всё то, что идет к делу; посторонних разговоров было много, ибо Шахзади продержал еще

долее, нежели в первый раз. Я заметил, между прочим, что переход к нам Мехти-Кули-хана много озаботил персиян насчет доверия, которое это происшествие внушает всякому, кто пожелает поискать российского покровительства. Аббас-Мирза сказал мне, между прочим:

— «Самым опасным оружием генерала Паскевича я почитаю то человеколюбие и справедливость, которые он оказывает мусульманам своим и нашим. Мы все знаем, как он вел себя против кочевых племен от Эривани до Нахичевани, — солдаты никого не обижали и он всех принимал дружелюбно. Этот способ приобрести доверие в чужом народе и мне известен, — жаль, что я один это понимаю во всей Персии; так я действовал против турок, так и в Карабахе, и прошлого года. С другой стороны, Гассан-хан усердствовал вам, сколько мог, и ожесточил против себя всю Грузию. Генерал Ермолов, как новый Чингисхан, отомстил бы мне опустошением несчастных областей, велел бы умерщвлять всякого, кто ни попадется, — и тогда, об эту пору, у меня две трети адзербиджан стали бы в ружье, не требуя от казны ни жалованья, ни прокормленья».

Я отвечал ему, что генерал Ермолов также, как нынешний главноначальствующий, наблюдал пользу государства; можно одной и той же цели домогаться разными путями.

О сражении 5-го июля [4] он говорит очень откровенно: отдает вашему высокопревосходительству справедливость, что вы искусно маневрируете, — и он видел себя почти взятого в обход вашею пехотою, когда не полагал даже, что она переправится через Аракс; если бы знал, что пойдут на него со всеми силами, то не уклонился бы от сражения, но послал бы до 5,000 конницы, которая, выше переплыв через реку, очутилась бы у нас в тылу и напала на наш обоз. Об Елисаветполе, об Асландузе [5] рассказывал мне с такою же искренностью, или, может быть, взял на себя говорить мне только приятное, и то, что может польстить нашему патриотическому самолюбию.

Был третий час пополудни, как я от него вышел, получа письмо на имя вашего высокопревосходительства.

Мирза-Мехмед-Али угощал меня обедом против их обыкновения, ибо они обедают с захождением солнца.

Потом подчивал меня в своей палатке Мехмед-Гуссейн-хан, Эшик-Агаси. Внимание, приветливость и лесть расточали передо мною с избытком. Я бывал у них, живал с ними в мирное время в приязни, и никогда не видел подобного приема ни себе, ни другому чужестранцу, хотя бы знатнейшему чиновнику союзной с ним державы.

Чурский лагерь обширен, но палатки персидские требуют большого помещения; я полагаю, что у них тут от 7-ми до 8-ми тысяч войска, в том числе 4 баталиона сарбазов неполные, — я видел 10 пушек. Долина необширная; при въезде в нее влево ущелье ведет к Гергерам, — его охраняют Гассан-хан с курдами, вправо на Марандской дороге — Али-Нага-Мирза, между ею и Хойскою — лагерь Аббас-Мирзы. Возвращаясь от Каразиадина до первой воды — $1\frac{1}{2}$ часа; откудова до высоты, определяющей границу Чурси, где также вода, — 3 часа; оттудова — $2\frac{1}{2}$ часа езды до Аракса, верстах в 4-х выше Аббас-Абада.

Я оставил персидский лагерь с ободрительным впечатлением, что неприятель войны не хочет, что она ему тягостна и страшна; от повторенных неудач все духом упали, все недовольны. В день моего прибытия, от появления 10-ти конвойных казаков пикеты повсюду разбежались, едва могли собрать их. Сарбазы, которые стояли у меня в карауле, жалуются, что их не кормят, — Керим-Бек-Султан их просто истязует, — что начальники у них глупцы, и они с ними пропадут. Несколько раз, несмотря на крепкий присмотр, конные подъезжали и спрашивали моего переводчика: «скоро ли мир? зачем мы их тревожим? и что война им ужасно надоела». Гаджи-Махмет-Ага, присланный ко мне от Аббас-Мирзы, чтобы наведаться о моем здоровье, когда я ему сказал, что мы в нем уважаем человека, который служил при кн. Цицианове, обрадовался, и тотчас предложил готовность свою служить нам и много рассказывал о недостатках и неустройстве в их войске. Этот человек может нам быть полезен; притом он не бежал, а с позволения генерала Ермолова удалился в Персию и ныне находится адъютантом при Аббас-Мирзе. Я поручил нашему Аббас-Кули вступить в разговор с курдами (не эриванскими), которые на обратном пути были у меня в конвое. Они тайно просили его, чтобы русский главноначальствующий написал доброе слово их хану,

и они тотчас перейдут все к нам. Таков дух войска. О расположении управляющих государством ваше высокопревосходительство можете заключить из объяснения со мною Аббас-Мирзы, — все обмануты в своих ожиданиях. «Наши, где только встретятся, разбиты, и не испытывают щедрости шаха, который теперь так же мало склонен рассыпать казну, как и в прежнее время». Мирза-Мехмед-Али нешуточно уверял меня, что шахское войско наводит гораздо более трепета жителям, нежели наше. 12,000 кальваров хлеба наложено подати на Хойскую провинцию под видом покупки. Шах насильно велел брать по туману кальвар, тогда как он продает по 5-ти между народом.

Из униженного тона, с которым говорили со мною Аббас-Мирза и его чиновники, очевидно, что они не ослепляются насчет сравнительного положения их сил с нашими. Но ожидать невозможно, чтобы они сейчас купили мир ценою предлагаемых им условий, и для этого нужна решительность; длить время в переговорах более им свойственно. В совете шахском превозмогающие ныне голоса Алаяр-хана и сардаря с братом; они еще твердо стоят против мира и имеют на то личные свои побудительные причины: первый поддерживает прежнее свое мнение и боится, что дело дойдет до расплаты за ту войну, которой он главнейший возбудитель; сардарь и брат его, с уступкою нам Эриванской области, лишаются значительного источника их богатства. Тогда только, когда падет Эривань и персияне увидят себя угрожаемыми в столице Адербиджана, если какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возбудит в них прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключения мира на условиях, которые мы ныне им предлагаем.

Стороною я, однако, узнал, что они готовятся к покушению на Аббас-Абад. Вероятно, что начальники не захотят долго держать в бездействии войска (которых, по разным слухам, у них 65 тысяч, и можно наверное полагать до 45 тысяч), потому что они тогда непременно разбегутся, не видя случая к грабежу и испытывая всякого рода недостатки.

Надворный советник *Грибоедов*.

55. А. И. Одоевскому

⟨Черновое⟩

⟨Начало июня 1828⟩. Петербург

Брат Александр. Подкрепи тебя бог. Я сюда прибыл на самое короткое время, прожил гораздо долее, чем полагал, но всё-таки менее трех месяцев. Государь наградил меня щедро за мою службу. Бедный друг и брат! Зачем ты так несчастлив! Теперь ты бы порадовался, если бы видел меня гораздо в лучшем положении, нежели прежде, но я тебя знаю, ты не останешься равнодушным, при получении этих строк, и там ..... вдали, в горе и в разлуке с ближними. [1]

Осмелюсь ли предложить утешение в нынешней судьбе твоей! Но есть оно для людей с умом и чувством. И в страдании заслуженном можно сделаться страдальцем почтенным. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая от внешней. Утвердиться размышлением в правилах неизменных и сделаться в узах и в заточении лучшим, нежели на самой свободе. Вот подвиг, который тебе предстоит. Но кому я это говорю? Я оставил тебя прежде твоей экзальтации в 1825 году. Она была мгновенна, и ты верно теперь тот же мой кроткий, умный и прекрасный Александр, каким был в Стрельно и в Коломне в доме Погодина. Помнишь, мой друг, во время наводнения, как ты плыл и тонул, чтобы добраться до меня и меня спасти. [2]

Кто тебя завлек в эту гибель!! * Ты был хотя моложе, но основательнее прочих. Не тебе бы к ним примешаться, а им у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе определила, довольно об этом.

Слышу, что снисхождением высшего начальства тебе и товарищам твоим дозволится читать книги. Сейчас еду покупать тебе всякой всячины, реэстр приложу возле.

---

* Зачеркнуто: «В этот сумасбродный заговор! кто тебя погубил!!» — *Ред.*

56. Е. И. Булгариной

5 juny ⟨1828. Petersbourg⟩

Adieu, bestes Lenchen, theure Freundin, ich küsse Sie vom ganzen Herzen und Tante auch. Adieu! Ich nehme Abschied auf 3, zehn Jahr, vielleicht auf immer. O, mein Gott! soll ich mein ganzes Leben dort verbringen, in dem Lande, das so fremd ist meinem Gefühl, meinen Sinnen... Nichts zu... Vielleicht werde ich einmal in Karlowo flüchten, von allem was mir jetzt zuwieder ist. Aber wann? Es ist noch weit bis dahin. Unterdessen, umarme ich Sie, meine gute Freundin, und leben Sie glücklich.

Ihr threuer Freund
A. ф. Griboyedof.

⟨Перевод⟩

5 июня ⟨1828. Петербург⟩

Прощайте, милая Леночка, дорогой друг, целую вас от всего сердца, и Танту тоже. Прощайте! Прощаюсь на три года, на десять лет, может быть навсегда. [1] О боже мой! неужели я должен всю мою жизнь провести там, в стране, столь чуждой моим чувствам, моим мыслям... Ничего... Может быть, я когда-нибудь убегу в Карлово — от всего, что теперь мне противно. [2] Но когда? Еще далеко до того. Покуда обнимаю вас, добрый друг мой, будьте счастливы.

Ваш верный друг
А. Грибоедов.

57. Ф. В. Булгарину

12 июня ⟨1828⟩. Москва

Любезнейший друг Фадей Венедиктович. Чем далее от Петербурга, тем более важности приобретает мое павлинное звание. [1] Здесь я несколькими часами промедлил долее, чем рассчитывал. Но ты можешь посудить, до какой степени это извинительно в обществе с матерью и с ми-

ленькими полу-кузинками; jolies comme des anges, * и этот дом родимый, в котором я вечно, как на станции!!! Проеду, переночую, исчезну!!! Une f⟨...⟩e existance. **

Скажи Ордынскому, что я был здесь опечален чрезвычайно, именно на его счет. Похвиснев, которого я полагал сделать предстателем у Вельяминова за его братьев, умер. И жаль собственно за этого молодого человека и за братьев нашего приятеля. Но в Туле думаю найти истинного ко мне дружески расположенного А[лексея] А[лександровича], брата Вельяминова, а коли нет, то буду писать к нему. [2]

Сходи к пикуло человекуло. [3] Он у меня ускромил месяц жалования. Но со мною нет полномочия, письма государева к тому государю, к которому я еду. Подстрекни, чтобы скорее прислали, иначе как же я явлюсь к моему назначению. Я слишком благодетельствован моим государем, чтобы осмелиться в чем-либо ему не усердствовать. Его именем мне объявлено, чтобы я скорее ехал; я уже на пути, но в том не моя вина, коли не снабдили меня всем нужным для скорейшего исполнения высочайшей воли. Здесь я слышу стороною вещи о т т у д о в а, которые понуждают меня торопиться. Приторопи же и ты мое азиатское начальство, его превосходительство пикуло ⟨...⟩ дери́куло. [3]

На первый случай пришли мне Иордена А т л а с в с е о б щ и й, и к а р т у в о й н ы, непременно и скорее, а антиквитетами и отвлеченностями [4] повремени. Новейшее сочинение о коммерции, о ведении консульских книг, двойную или десятерную бухгалтерию тоже пришли, в руководство мне и моему Амбургеру.

Вот, мой друг, письмо ко мне моей сестры. [5] Рассуди и, если можно, спишись с ней и помоги. Адрес ее: Марье Сергеевне Дурновой, Тульской губернии, в город Чернь. Но я совершенно оставляю это на твой произвол, как другу, обо мне искренно попечительному.

Скажи Александру Всеволодскому, что Одоевский [6] требует от матушки уплаты долгу = 5,000 рублей. Может ли он уплатить ему за матушку (которой он сам должен тридцать четыре тысячи)? Она совестлива, больна и

---

* Хорошенькие как ангелы. — *Ред.*

** Проклятое существование (в подлиннике более резкое выражение). — *Ред.*

безденежна, Александр меня любит и честен. Поговори ему, и понудь его непременно сделать мне приятное.

Прощай. Ты дал мне волю докучать тебе моими делами. Терпи и одолжай меня, это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя ценить умеет.

Андрея, нашего благородного, славного и почтенного малого, Андрея обними за меня. Звонят здесь без милосердия. Оглушили, коляска готова. Прощай на долгую разлуку. Леночке и Танте поклон.

Матушка посылает тебе мое свидетельство о дворянстве, узнай в герольдии наконец, какого цвету дурацкий мой герб, нарисуй и пришли мне со всеми онёрами.

58. Ф. В. Булгарину

27 июня 1828. Ставрополь

Любезнейшая Пчела. [1] Вчера я сюда прибыл с мухами, с жаром, с пылью. Пустил бы я на свое место какого-нибудь франта, охотника до почетных назначений, dandy петербургского Bonds-street — Невского проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умеренность в желаниях и неизвестность.

Здесь меня задерживает приготовление конвоя. Как добрый патриот, радуюсь взятию Анапы. [2] С этим известием был я встречен тотчас при въезде. Нельзя довольно за это благодарить бога тому, кто дорожит безопасностью здешнего края. В последнее время закубанцы сделались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладели несколькими постами, сожгли Незлобную, обременили себя пленными и добычею. Наши, пошедшие к ним наперерез с 1000 конными и с 4 орудиями, по обыкновению оттянули, не поспели. Пехота * вздумала действовать отдельно, растянулась длинною цепью, тогда как донской полковник Родионов предлагал, соединившись, тотчас напасть на неприятеля, утомленного быстрым походом. Горцы расположены были табором в виду, но, заметив несовокупность наших движений, тотчас бросились в шашки, не дали ни разу выстрелить орудию, бывшему при пехотном отряде, взяли его и перерубили всех, кото-

* 39-го Егерского полка) маиор Казачковский, который думал фрунтом ударить на черкесскую конницу и сам тяжело ранен.

рые при нем были, опрокинули его вверх колесами и поспешили против конного нашего отряда. Родионов удержал их четырьмя орудиями, потом хотел напасть на них со всеми казаками линейскими и донскими, но не был подкреплен, ударил на них только с горстью донцов своих и заплатил жизнию за великодушную смелость. Ему шашкою отхватили ногу, потом пулею прострелили шею, он свалился с лошади и был изрублен. Однако, отпор этот заставил закубанцев бежать от Горячих вод, которым они угрожали нападением. Я знал лично Родионова, жаль его, отличный офицер, исполинского роста и храбрейший. Тело его привезли на Воды. Посетители сложились, чтобы сделать ему приличные похороны, и провожали его, как избавителя, до могилы.

Теперь, после падения Анапы, всё переменилось, разбои и грабительства утихли, и тепловодцы, как их здесь называют, могут спокойно пить воду и чай. Ген[ерал] Эммануель отправился в Анапу, чтобы принять присягу от тамошних князей. На дороге с той стороны Кубани толпами к нему выходили на встречу все горские народы с покорностию и подданством.

Опять повторяю, что выгоды от взятия Анапы неисчислимы. Бесит меня только этот пехотный маиор, [3] который не соединился с Родионовым и [был] * причиною его безвременной смерти. Он 20-й крымской дивизии. Нашего кавказского корпуса штаб-офицер никогда бы этой глупости не сделал. Впрочем, в семье не без урода.

В 825 году я был свидетелем глупости Булгакова, который также пропустил закубанцев и к нам и от нас.

Прощай. Лошади готовы.

Коли к моему приезду гр. Эриванский возьмет Карс, [4] то это не мало послужит в пользу моего посольства. Здесь я уже к его услугам, все меня приветствуют с чрезвычайною переменою его характера. Говорят, что он со всеми ласков, добр, внимателен, и бездну добра делает частного и общего. А у нас чиновники — народ добрый, собачья натура, все забыли прошедшее, полюбили его и стали перед ним на задние лапки. Но жребий людей всегда один и тот же. О дурном его нраве все прокричали в Петербурге и, верно, умолчат о перемене: потому что она

---

* Вставлено по смыслу предложения. — *Ред.*

в его пользу. Прощай еще раз, любезный друг. Пришли мне от Винтера стекла три-четыре, от карманных часов, которые я у него купил. Я забыл запастись ими, а стекло в дороге расшиблось и я принужден руководствоваться светилами небесными.

(30 июня 1828. Владикавказ)

Ура! Любезнейший друг. Мои желания и предчувствия сбылись. Карс взят штурмом.[4] Читай реляцию и проповедуй ее всенародно.[5] Это столько чести приносит войску и генералу,[6] что нельзя русскому сердцу не прыгать от радости. У нас здесь все от славы с ума сходят.

Верный друг твой *А. Гр.*

Порадуй от меня этим его превосходительство Константина Константиновича Родофиникина. Я оттого не доношу ему официально, что не имею места, где бы прислониться с пером и бумагой для чистописания, а служба требует наблюдения различных форм благоприличия, несовместных с дорожною ездою.

59. Ф. В. Булгарину

24 июля 1828
Биваки при Казанче, на турецкой границе

Любезный друг, пишу к тебе под открытым небом и благодарность водит моим пером, иначе никак бы не принялся за эту работу после трудного дневного перехода. Очень, очень знаю, как дела мои должны тебе докучать. Покупать, заказывать, отсылать!!!

Я тебя из Владикавказа уведомил о взятии Карса. С тех пор прибыл в Тефлис. Чума, которая начала свирепствовать в действующем отряде, задержала меня на месте; от Паскевича ни слова, и я пустился к нему наудачу. В душной долине, где протекают Храм и Алгетла, лошади мои стали; далее, поднимаясь к Шулаверам, никак нельзя было понудить их итти в гору; я в реке ночевал; рассердясь побросал экипажи, воротился в Тефлис, накупил себе верховых и вьючных лошадей, с тем, чтобы тотчас пуститься снова в путь, а с поста казачьего отправил депешу к графу, чтобы он мне дал способы к нему

пробраться; уведомил его обо всем, о чем мне крайне нужно иметь от него сведения, если уже нельзя нам соединиться, и между тем просил его удержать до моего приезда Мирзу Джафара, о котором я слышал, что к нему послан из Табриза. Это было 16-го. В этот день я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой, второй том Леночки, всё на нее глядел, задумался, сердце забилось, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из стола, я взял ее за руку и сказал ей: Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire. * Она меня послушалась, как и всегда, верно думала, что я ее усажу за фортепияно; вышло не то; дом ее матери возле, мы туда уклонились, взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и всё живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Праск[овье] Ник[олаевне] Ахвердовой, нас благословили, я повис у нее на губах во всю ночь, и весь день, отправил курьера к ее отцу в Эривань с письмами от нас обоих и от родных. [1] Между тем вьюки мои и чемоданы изготовились, всё вновь уложено на военную ногу; на вторую ночь я без памяти от всего, что со мною случилось, пустился опять в отряд, не оглядываясь назад. На дороге получил письмо летучее от Паскевича, которым он меня уведомляет, что намерен сделать движение под Ахалкалаки. На самой крутизне Безобдала гроза сильнейшая продержала нас всю ночь, мы промокли до костей. В Гумрах я нашел, что уже сообщение с главным отрядом прервано, граф оставил Карский пашалык, и в тылу у него образовались толпы турецких партизанов; в самый день моего прихода была жаркая стычка у Басова Черноморского полка в горах за Арпачаем. Под Гумрами я наткнулся на отрядец из 2-х рот Козловского, 2-х 7-го Карабинерного и 100 человек выздоровевших, — всё это назначено на усиление главного корпуса, но не знало куда итти; я их тотчас взял всех под команду, 4-х проводников из татар, сам с ними и с казаками впереди, и вот уже второй день

* Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам. — *Ред.*

веду их под Ахалкалаки; всякую минуту ожидаем нападения, коли в целости доведу, дай бог. Мальцев в восхищении, воображает себе, что он воюет.

В Гумрах же нагнал меня ответ от к[нязя] Чавчавадзева отца, из Эривани; он благословляет меня и Нину, и радуется нашей любви. Хорошо ли я сделал? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея. Но не говори Родофиникину, он вообразит себе, что любовь заглушит во мне чувство других моих обязанностей. Вздор. Я буду вдвое старательнее за себя и за нее.

Потружусь за царя, чтобы было чем детей кормить.

60. И. Ф. Паскевичу

23 августа 1828. Тифлис [1]

Ваше сиятельство, почтеннейший мой бесценный покровитель граф Иван Федорович.

Возвратясь от вас, я схвачен был жестокою лихорадкою и пролежал в постели, также и Мальцев. Быстрая перемена климата холодного на здешний душный самовар, я думаю, тому причиною. Вчера я думал, что в промежутке двух пароксизмов мне удастся жениться без припадка болезни. Но ошибся: в самое то время, как мне одеваться к венцу, меня бросило в такой жар, что хоть отказаться совсем, а когда венчали, то я едва на ногах стоял. Несмотря на это, во вторник с женою отправляюсь в Персию. Она вам свидетельствует свою непритворную любовь и почтение, как благодетелю, другу и родственнику ее мужа.

О получении 8-го курура [2] мне уже уверительно говорил Макниль. Слава богу всевышнему, который везде и во всем вам сопутствует, и в битвах и в негоциянах!

Каков Ахалцых!! — Дорого достался, недаром вы это роковое имя твердили ежеминутно во время моего пребывания у вас. А Бородин — храбрый, прекрасный и преданный вам человек. Чувствую, сколько эта потеря должна огорчать вас, но преследуя столько блестящих и смелых военных предприятий, как ваше сиятельство, надобно наперед быть готовым на жертвы и утраты, самые близкие к сердцу.

Прощайте, ваше сиятельство, я не в естественном по-

ложении ни физически, ни морально, и ничего более прибавить не в силах. Бедный Лукинский! в несколько дней заплатил жизнию за стакан воды холодной. Решительно так: он, почувствуя тот же жар, ту же болезнь как я, не поберегся, напился воды со льдом, и я от невесты попал к мертвому трупу несчастного, который один, без никого, без ближних друзей и родственников, кончил дни скоро, и никем не оплакан.

Радовался я за Петра Максимовича. Дай бог вам во всем удачи, в[ам],* который умеет награждать достойных.

С искренним чувством душевной приверженности
вашего сиятельства всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

61. И. Ф. Паскевичу

6 сентября 1828. Тифлис

Ваше сиятельство, бесценнейший граф Иван Федорович.

Вы мне дали лестное поручение поцеловать мою жену, а я, привыкший вас слушаться, исполнил это немедленно. Точно так же, по прибытии в Еривань, сделаю всё буквально, как вам угодно было приказать мне.

Вы говорите, что я слишком озаботился моею женитьбою. Простите великодушно, Нина мой Карс и Ахалцых, и я поспешил овладеть ею, так же скоро, как в[аше] с[иятельство] столькими крепостями.

В Петербурге молва о ваших делах громка и справедлива, мой друг Б[улгарин] называет вас героем нынешнего царствования, и Родофиникин в официальных бумагах возжигает вам фимиам своей фабрики. А еще известие о самых последних и прекрасных делах не могло туда дойти.

Вчера я получил самую приветливую и ободрительную депешу от Нессельроде, который от имени государя поздравляет меня с дебютом моей переписки министерской, удостоенной высочайшего внимания и благоволения. «Sa majesté a daigné honorer de son intérêt et de son suffrage les notions et les vues, dévelopées dans votre communication». — «S[a] m[ajesté] se plait à y voir un présage

* В подлиннике описка: «в.л». — *Ред.*

du zèle éclairé, qui vous guidera dans les importantes fonctions, dont elle vous a chargé, et applaudit d'avance au succès, de vos soins etc. etc». — «Bien charmé d'avoir à vous annoncer, Monsieur, le suffrage, que notre auguste maître a bien voulu accorder au début de votre correspondance». * Всё это чрезвычайно приятно, хотя заслуг моих еще ровно никаких нет. Боюсь после ведренных дней внезапной грозы за долговременное пребывание в Тефлисе, в котором по возвращении из Ахалкалак зажился месяц и два дни. Но кто меня знает, легко может поверить, что не домашние дела меня задержали. Не посети лихорадка так жестоко и неотвязчиво, то я бы в нынешний приезд верно не женился. Но при хине и это не лишнее. Va pour le mariage. **

В[аше] с[иятельство] желаете скорейшего моего возвращения в Тефлис. Это будет зависеть от вашего ходатайства у моего вице-канцлера. [1] Коли вы ему два слова напишете о том, что я, по долгу службы, не успел двух недель пробыть с родными после женитьбы, — то он конечно выпросит у государя позволение мне сюда приехать месяца на три.

Судьба не щадит ваших неприятелей ни в поле, ни в постеле. Бедный Бенкендорф умер от желтой горячки. — Брат покойного не так сильно против вас ожесточен и когда-нибудь искренно с вами примирится.

Амбургер жалуется на пограничных начальников, Панкратьева, Мерлини, что досаждают Аббас Мирзе неприличными письмами. Я не довожу сего обстоятельства до сведения вашего официальною бумагою, чтобы не педан[т]ствовать мнимою важностию. Но одно слово вашего сиятельства и категорическое предписание этим господам конечно заставит их удержаться от переписки, мимо Амбургера, с персидским правительством.

Завтрашний день пойдет от меня и Завилейского к в[ашему] с[иятельству] План компании и Записка на

---

* «Его величество соизволил удостоить своим вниманием и одобрением соображения и предположения, изложенные в вашем донесении». — «Его величеству благоугодно видеть в нем предзнаменование того просвещенного усердия, которое будет руководить вами в исполнении важных обязанностей, возложенных на вас, и приветствовать заранее успех ваших хлопот и т. д. и т. д.» — «Крайне доволен, что могу сообщить вам оценку, которую нашему августейшему повелителю угодно было высказать по поводу первого вашего донесения». — *Ред.*

** Идет! согласен на женитьбу! — *Ред.*

благосклонное ваше рассмотрение. Во время болезни я имел довольно трезвости рассудка и досуга, чтобы обмыслить этот предмет со всех сторон. Прошу вас почтить труд наш и полезное предприятие прозорливым и снисходительным вниманием.

Прощайте, ваше сиятельство, любите по прежнему и не оставляйте вашего преданного вам по гроб

А. Грибоедова.

Nina se rapelle à votre souvenir, et vous fait dire mille choses réspectueuses et aimables. * Просто вас обнимает, и ей от меня сие дозволяется только в отношении к вам.

Вы заботитесь о куруре. Третьего дни я еще получил окончательное решение персидского правительства, они чистыми деньгами дают еще 50 т[ысяч] туман: следовательно, только 100 т[ысяч] представлены будут вещами ценою в 150 т[ысяч]. Я немедленно отправлюсь и, бог даст, всё это легко обделается. Но прошу вас, в[аше] с[иятельство], не сообщайте этого до времени министерству, покудова я сам не донесу о том из Табриза. А то у нас будут думать, что всё это само собою делается. Ничуть не бывало. То, что мы говорили в лагере под Ахалкалаками, приведено в исполнение, и Амбургер именно умел обратить в пользу мое мешкание. Дайте мне хоть раз выкинуть с успехом маневр дипломатический. Довольно для вас трнумфов, счастливых приступов, побед в поле, охота вам еще заниматься нашею дрязгою.

У меня к вам целые томы просьб, но побеспокою вас только одною в пользу бедного Огарева, которому существовать нечем. $1\,^1/_2$ года тому назад угнаны у него его лошади хищниками. Он несколько раз домогался выдачи из казны ему за это какого-нибудь пособия. Я думаю, всё вместе не простирается до 2 т[ысяч] рубл[ей] ассигнациями. И Гозиуш уверяет, что совестно ему отказать в этом. Прикажите, в[аше] с[иятельство], принять в уважение его заслуги, честность и бедность.

Еще раз ваш весь телом и душою.

Idem.

Устимовичу, Сакену и Хомякому не откажитесь от меня поклон передать.

* Нина просит напомнить вам о себе и поручает передать вам тысячу почтительных приветствий. — *Ред.*

62. Ф. В. Булгарину

(Начало сентября 1828. Тифлис)

Строфы XIII, XIV, XV.

. . . . . .

. . . . . .*

Промежуток $1^1/_2$ месяца. [1]

Дорогой мой Фадей. Я по возвращении из действующего отряда сюда, в Тефлис, 6-го августа занемог жестокою лихорадкою. К 22-му получил облегчение, Нина не отходила от моей постели, и я на ней женился. Но в самый день свадьбы, под венцом уже, опять посетил меня пароксизм, и с тех пор нет отдыха; я так исхудал, пожелтел и ослабел, что, думаю, капли крови здоровой во мне не осталось.

Еще раз благодарю за все твои хлопоты. Не бойся, я не введу тебя в ответственность за мои долги. Вместе с сим, или вскоре после, ты получишь от дяди Мальцева 15,000 рублей и, следовательно, до 1-го января со всеми расквитаешься. [2]

Изредка до меня доходит Сын Отечества и Северный Архив, Северная Пчела довольно регулярно. Но отчего же прочих журналов ты мне не присылаешь? А об иностранных и в помине нет. Сделай одолжение, позаботься об этом. Прощай. Прими поцелуй от меня и от жены.

63. И. Ф. Паскевичу

14 сентября 1828. Хамамли

Почтеннейший и бесценный мой покровитель граф Иван Федорович.

Пишу к вам в холод и ветер ужаснейший, палатки едва держатся. — Здоровье мое мне еще не позволяло выехать из Тефлиса; но последние известия, полученные мною из Персии, не дозволили мне долее медлить. Пишут, что бунт в восточной стороне государства увеличивается

* Две строчки точек — в подлиннике. — *Ред.*

день ото дня, и сколько долг службы, столько и любопытство побудило меня к сближению с театром такого важного происшествия. Благодаря Сипягину я имею доктора до Эривани, оттудова возьму другого до Табриза. [1] Впрочем дорога мне как будто полезна. Я себя лучше чувствую, нежели в Тефлисе.

Коль скоро узнаю что-либо новое и решительное, и вероятно уже в Эривани, о персидских делах, — донесу вам с точнейшею подробностию.

Тесть мой зовет меня в Баязет, а я его в Эчмядзин. Вероятно однако, что мы на нынешний раз с ним не увидимся. [2] Зураб Чавчевадзе (о котором к[нязь] Александр [3] меня просит, чтобы вашему сиятельству его отрекомендовать для отправления с известием, а я не прошу, потому что не знаю на этот счет вашей воли) встретился мне с знаменами Баязета на самой вершине Безабдала. Вот и еще пашалык в руках наших, и без крови. [4] Бог вам видимо покровительствует. Иностранные газеты провозгласили вас покорителем Трибизонда.

Однако не пишется, и погода и жена мешают.

Прощайте, ваше сиятельство, до теплой комнаты, где присесть за перо будет удобнее.

Вашу комиссию о распространении слухов, о мнимом походе вашем на Эрзерум, я исполнил с успехом, заставил графиньку Симонич плакать по муже, и Ахвердовых о Муравьеве.

Читали ли вы речь английского короля, в которой сказано, что российский император отрекся от права воинствующей державы в Средиземном море?? — Только, что за глупое министерство нынче в Англии, их Веллингтон и Абердин. Не знают, что им делать, на нас смотрят злобно, а помешать нечем, с завистью на Францию, снаряжающ[у]ю * экспедицию в Морею. (Впрочем для меня эта экспедиция двусмысленна). В Португалии не умеют, или не хотят поддержать законного государя, своего союзника, против подлого похитителя престола. [5] А в Ирландию, до сих пор тихую и покорную, посылают войско, при появлении которого она может быть точно взбунтуется. Веллингтон еще прежде отзывался, что покорение сего острова никогда не было довершено. Чудесное пра-

---

* У Грибоедова описка: «снаряжающею». — *Ред.*

вило, это всё равно, если бы нам теперь уничтожить права Польши, и ввести русский распорядок или беспорядок по Учреждению о губерниях. [6]

Сделайте одолжение, в[аше] с[иятельство], предпишите в вашу канцелярию, чтобы ко мне тотчас отправляли курьеров, коль скоро накопится несколько № газет, или каждые 2 недели раз. Кроме конвертов министерства, нельзя мне в нынешнем моем положении долго оставаться без политических известий из Европы.

С чувством глубочайшего почтения душою вам преданный и покорный

А. Грибоедов.

64. В. С. Миклашевич

⟨17 сентября — 3 декабря 1828⟩

⟨Начало письма⟩

17 сентября 1828. Эчмиадзин

Друг мой, Варвара Семеновна. Жена моя по обыкновению смотрит мне в глаза, мешает писать, знает, что пишу к женщине, и ревнует. — Не пеняйте же на долгое мое молчание, милый друг; видите ли, в какую для меня необыкновенную эпоху я его прерываю. Женат, путешествую с огромным караваном, 110 лошадей и муллов, ночуем под шатрами на высотах гор, где холод зимний, Нинуша моя не жалуется, всем довольна, игрива, весела; для перемены бывают нам блестящие встречи, конница во весь опор несется, пылит, спешивается и поздравляет нас с счастливым прибытием туда, где бы вовсе быть не хотелось. Нынче нас принял весь клир монастырский в Эчмядзине, с крестами, иконами, хоругвями, пением, курением etc.; и здесь, под сводами этой древней обители, первое мое помышление об вас и об Андрее. Помиритесь с моею ленью. —

«Как это всё случилось! Где я, что и с кем!! будем век жить, не умрем никогда». Слышите? Это жена мне сейчас сказала ни к чему, — доказательство, что ей шестнадцатый год. Но мне простительно ли, после стольких опытов, стольких размышлений вновь бросаться в новую жизнь,

предаваться на произвол случайностей и всё далее от успокоения души и рассудка. А независимость! которой я такой был страстный любитель, исчезла, может быть навсегда, и как ни мало и утешительно делить всё с прекрасным, воздушным созданием, но это теперь так светло и отрадно, а впереди как темно! неопределенно!! Всегда ли так будет!! Бросьте вашего Трапёра [1] и Куперову Prairie, мой роман живой у вас перед глазами, и во сто крат занимательнее; главное в нем лицо — друг ваш, неизменный в своих чувствах, но в быту, в роде жизни, в различных похождениях не похожий на себя прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже; с каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чем не думал, не гадал. *

⟨Окончание письма⟩

3 декабря ⟨1828⟩. Тавриз

Как я себя виню, что не послал вам написанных этих строчек три месяца назад. Вы бы не сердились на меня, а теперь, верно, разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться; Андрей, ты помоги мне умилостивить нашего общего друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете и немного надобно слов, чтобы согреть в вас опять те же чувства, ту же любовь, которую от вас, моих милых нежных друзей, я испытал в течении стольких лет, и как нежно и бескорыстно!

Верно, сами догадаетесь, неоцененная Варвара Семеновна, что я пишу к вам не в обыкновенном положении души. Слезы градом льются. —

Неужли я для того рожден, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притом), за невнимание, эгоизм от тех, за которых бы охотно жизнь отдал. — Александр наш что должен обо мне думать! И это кроткое, тихое создание, которое теперь отдалось мне на всю мою волю, без ропота разделяет мою ссылку и страдает самою мучительною беременностию, кто знает: может быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по так называемым делам, на короткое время, но после время

---

* На этом письмо обрывается; закончено оно было лишь через два с лишним месяца. — *Ред.*

продлится, обстоятельства завлекут, забудусь, не стану писать, что проку, что чувства мои во мне неизменны, когда видимые поступки тому противоречат. Кто поверит!!! Александр мне в эту минуту душу раздирает. Сейчас пишу к Паскевичу; коли он и теперь ему не поможет, провались все его отличия, слава и гром побед, всё это не стоит избавления от гибели одного несчастного, и кого!!! Боже мой! пути твои неисследимы! [2]

Сказать ли вам теперь о моем быту? Не занимательно ни для кого, — я только чрезвычайно занят. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки с турками. Взимаю контрибуцию, довольно успешно. Друзей не имею никого и не хочу, должны прежде всего бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович, и я уверяю вас, что в этом поступаю лучше, чем те, которые затеяли бы действовать мягко и втираться в персидскую будущую дружбу. Всем я грозен кажусь и меня прозвали с а х т и р, coeur dur. * К нам перешло до 8 т[ысяч] армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя, однако охраняю их достояние и даже доходы; всё кое-как делается по моему слову. Наконец, после тревожного дня, вечером уединяюсь в свой гарем; там у меня и сестра и жена и дочь, всё в одном милом личике; рассказываю, натверживаю ей о тех, кого она еще не знает и должна современем страстно полюбить; вы понимаете, что в наших разговорах имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? В Malmaison, в эрмитаже, тотчас при входе, направо, есть богородица в виде пастушки Murillo, — вот она. Прощайте, неоцененный друг мой, Варвара Семеновна! Не сердитесь, не разлюбите верного вам — *А. Г.*

Отзовитесь словечком. Андрей, обними Чебышева за меня, коли он не в Америке. Друг и брат, напиши ко мне поскорее.

---

* Жестокое сердце.— *Ред.*

65. И. Н. Ахвердовой

(Ноябрь 1828. Тавриз)

Recevez mes cincères hommages, ma très chère et très éstimable amie. J'ai fait depuis longtemps ce qu'il fallait pour votre neveu; mais si le comte ne le voit pas de très-bon oeil, qui sait si on ne lui aura pas rapporté quelques plaisanteries innocentes, qu'il aura débitées sur son compte, et que des insinuations, comme on en fait ordinairement aux chefs, auront grossi et envenimé des propos tout au plus indiscrets. А это водится. Tout ce que vous me dites d'ailleurs au sujet du comte d'Erivan me fait le plus grand plaisir. C'est mon ami et mon bienfaiteur, et j'aurais naturellement désiré que tout le monde lui fût dévoué autant que je le suis. Les conseils que vous me donnez pour que je soigne les occupations de ma femme sont très sages et très salutaires; mais tout mon temps est pris par cette maudite contribution que je ne puis encore parvenir de tirer en entier des Persans, c'est la mer à boire, il me semble que je ne suis pas assez bon pour ma place: il faudrait plus de savoir faire, plus de sang-froid. Les affaires me donnent de l'humeur, je deviens morose; quelquefois l'envie me prend de faire la fin, et c'est alors que je deviens réellement bête. Non, je ne vaux rien pour le service, c'est une déstination manquée que la mienne. Je ne suis pas sûr de me bien tirer de toutes les affaires dont je suis chargé; bien d'autres auraient fait cent mille fois mieux. Mais il me reste encore un éspoir: c'est mon dieu, que je sers encore plus mal que l'empereur et qui m'a toujours et efficacement protégé. Vous allez voir qu'on finira par me savoir gré de tout ce qui se sera fait de bon, sans que j'y aie participé en rien, comme pour cette campagne de Perse où tant d'autres ont bien plus mérité du gouvernement que moi; et c'est pourtant moi, qu'on a le mieux récompensé. Embrassez Dachinka, bien, bien tendrement. Comme nous l'aimons, ma femme et moi: je parie qu'elle ne se doute pas de toutes les conversations que nous avons à Tauris, et c'est toujours d'elle et Katinka qu'il s'agit; как-то найдем их, когда воротимся, за кого их выдадут? Маленькие их кокет-

ства в клубе etc., etc. Bonjour, mon estimable madame Akhverdoff. Pensez bien à nous, aimez nous autant que nous vous sommes sincèrement dévoués, votre Nina et votre fidèle ami *A. Griboïédow*.

⟨Перевод⟩

Примите мои искренние приветствия, дорогой и глубокоуважаемый друг. Я давно уже сделал всё, что нужно было для вашего племянника;[1] но граф[2] не особенно расположен к нему; кто знает? может быть ему передали некоторые невинные шутки, которые тот себе позволил на его счет; сплетни же, обычно доходящие до начальства, раздули и истолковали в дурную сторону эти, только нескромные, отзывы. А это водится. Впрочем, всё, что вы мне говорите о графе Эриванском, доставляет мне живейшее удовольствие. Это мой друг и благодетель, и естественно, что я желал бы, чтобы все ему были преданы, как я. Ваши советы о том, чтобы я позаботился о занятиях для моей жены, очень благоразумны и полезны; но у меня всё время занято этой проклятой контрибуцией, которую я еще не могу полностью взыскать с персиян. Это неисчерпаемое море. И мне кажется, что я не совсем годен для моего места: нужно бы побольше уменья, побольше хладнокровия. Дела приводят меня в мрачное расположение духа. Я становлюсь угрюм; иногда мне хочется покончить со всем, и тут уж я действительно глупею. Нет, я не гожусь для службы! Мое назначение вышло неудачным. Я не уверен, что выпутаюсь из всех дел, которые на мне лежат; многие другие исполнили бы их в сто тысяч раз лучше. Но мне остается одна надежда — господь, которому служу еще хуже, чем государю, и который мне всегда и действительно покровительствовал. Вот вы увидите, что в конце концов меня же будут благодарить за всё, что сделано будет хорошего, тогда как моего участия тут вовсе не было, точно так же как в Персидскую кампанию столько других лиц гораздо больше меня оказали услуг правительству, а между тем меня наградили больше всех. Поцелуйте Дашиньку нежно, нежно. Как мы с женой ее любим: держу пари, что она и не догадывается о всех разговорах, что мы ведем в Тавризе, а всё про нее да про Катеньку; как-то найдем их, ко-

гда воротимся, за кого их выдадут? Маленькие их кокетства в клубе и т. д., и т. д. Прощайте, уважаемая m-me Ахвердова. Вспоминайте нас, любите нас столько же, как мы вам искренно преданы, ваша Нина и ваш верный друг *А. Грибоедов*.

66. И. Ф. Паскевичу

⟨3 декабря 1828. Тавриз⟩

Почтеннейший мой покровитель граф Иван Федорович. Как вы могли хотя одну минуту подумать, что я упускаю из виду мою должность и не даю вам знать о моих действиях. Замедление могло только произойти от продолжительных и бесконечных моих переговоров, или от курьеров, которых вероятно задерживают в карантинах. Я всякую мелочь, касательно моих дел, довожу до вашего сведения и по очень простой причине, что у меня нет других дел, кроме тех, которые до вас касаются. Для большего вашего удовлетворения пересылаю вам мою депешу к Нессельроде под открытою печатью, и всегда буду это делать, кроме таких случаев, которые ни под каким видом уже не могут для вас быть занимательны. Напр[имер]: о переводчиках, о канцелярских издержках, о подарках, о суммах на постройку квартир и всякий вздор; до сих пор я только об этом писал мимо вас, потому что это касается Департамента азиатских дел, и слава богу, что эта чаша вас миновала, у вас довольно таковой дрязги в вашей канцелярии.

Что вы думаете о наших европейских делах? Я не совсем разделяю вашей мысли, чтобы англичане вздумали нам открыто враждовать. У них своих домашних запутанностей много. Глупый министр Wellington, долг необъятный, Ирландия и Португалия в виду. Одно только меня смущает, читанное мною в Courrier, который, как вам известно, журнал министериальный, где именно сказано, что Россия отказалась от трактата трех держав и преследует собственно свои завоевательные виды. Коли зимою не будет мира, [1] то я полагаю, что Австрия выставит на границе огромную военную силу, и принудит нас сделать то же в отношение к ней. Но хотя это и введет нас в излишние издержки, но тем всё и кончится.

Вот вам депеша Булгарина об вас, можете себе представить как это меня радует:

«Граф Паскевич-Эриванский вознесся на высочайшую степень любви народной. Можно ныне смело сказать, что он, победив турок, победил и своих завистников. Общий голос в его пользу. Генералитет высший, генерал-адъютанты, офицеры, дворянство, чиновники, литераторы, купцы, солдаты и простой народ повторяют хором одно и то же: «молодец, хват Эриванский! Вот русский генерал! Это суворовские замашки! Воскрес Суворов! Дай ему армию, то верно взял бы Царьград!» и т. п.

Повсюду пьют за здоровье Эриванского: портреты его у всех. Я еще не помню, чтобы который-нибудь из русских генералов дожил до такой славы. Энтузиазм к нему простирается до невероятной степени. В столице против него нет ни одного голоса. Даже реляции его ужасно как нравятся: они хотя и грешат иногда против грамматики, но идут прямо к сердцу. Рассказ понятный, живой, с душою, с чувством.

Недавно на молебствии за его победы, один генерал сказал за новость, что Эриванскому дали Андрея. — Он взял Андрея, возразил некто, и все повторили: по-суворовски. Одним словом герой нынешней войны, наш Ахилл-Паскевич-Эриванский. Честь ему и слава! Вот уже с 1827 он гремит победами». [3]

А я прибавлю — с 1826. Впрочем посылаю вам листочик в оригинале. Я для того списал, что рука его нечеткая. Тут же, коли полюбопытствуете, найдете много вредных толков на мой счет г. Родофиникина, моего почтенного начальника, на которого я плюю. Свинья и только.

Расшевелите наше сонное министерство иностранных и престранных дел. Напишите, в[аше] с[иятельство], прямо к государю ваше мнение насчет Аббас-Мирзы, что хорошо бы его вооружить против турков. Я без особого подтверждения начальства не могу на себя это взять. В 1821 году я это очень успешно произвел в действие и получил головомойку от Нессельроде, хотя Ермолов вполне одобрил меня. Так и теперь может случиться. Вы похвалите, а черти меня расклюют.

Да и Аббас-Мирза мне не поверит, покудова я не объявлю ему категорически воли государя императора. Как вы думаете о поездке моего принца [4] в Петербург? Я в моей депеше к Нессельроде пишу несколько в духе нашего министерства. [5] Но вот мое истинное мнение:

1) Допустить его [к] государю императору в Петербург.

2) Велеть ему драться с турками.

3) Обещать торжественно, что мы возведем его на

престол, ибо это нам ничего не стоит, упражнение войску в мирное время, издержки пусть его будут, а влияние наше в Азии сделается превозмогающим, пред всякою другою державою. [6]

4) Куруров не уступать ни под каким видом.

Слава богу (не приписываю моему умению, но страху, который нагнали па всех успехи нашего оружия), я поставил себя здесь на такую ногу, что меня боятся и уважают. Дружбы ни с кем не имею, и не хочу ее, уважение к России и к ее требованиям, вот мне что нужно. Собственные Аббас-Мирзы подданные и окружающие ищут моего покровительства, воображая себе, что коли я ему что велю, то он непременно должен сделать. Это хотя и не совсем так, потому что он старый плут, многое обещает, а мало исполняет; но пускай думают более о моем влиянии, чем есть на деле. Теперь стоит только министерству меня поддержать, а если иначе, si on me donne des dégoûts, adieu l'ambition et tout ça qui s'en suit, cela n'est pas ma passion dominante. Zinondali et la Kakhetie valent encore mieux, quoique je n'ai rien au monde qu'une perspective d'avancement et une modique pension qui m'en reviendrait avec le temps. *

Кому от чужих, а мне от своих, представьте себе, что я вместо поздравления получил от матушки самое язвительное письмо. Только пожалуйста, неоцененный благодетель, держите это про себя, и не доверяйте даже никому в вашем семействе. Мне нужно было в а м это сказать, сердцу легче.

Поздравляю вас с полком вашего имени. [7] Кажется, что вы должны быть довольны этим живым монументом.

За сим следуют три просьбы: 1) Осмеливаюсь в[ашему] сиятельству напомнить о моей бумаге № 44 сентября 8-го о моем переводчике Шах-Назарове. [8] 2) При мне находится для рассылок и для разных поручений дворянин Саломон Кобулов, которого я с собою взял по предварительному сношению с Сипягиным. Не знаю как и когда доносил вам об этом покойный во[енный] губернатор, [9] сделайте мне одолжение причислить его куда-

* Если мне доставят неприятности, — прощай честолюбие и все, что с ним связано; ведь это не главная моя страсть. Цинондали и Кахетия большего стоят, хотя у меня ничего нет, кроме надежд на повышение и на скромную пенсию, которую я со временем мог бы получить. — *Ред.*

нибудь, и чтобы он считался в откомандировке при мне. Атестаты его посылаю к Устимовичу. 3) Примите в ваше покровительство надв[орного] сов[етника] Челяева, который некогда был прокурором в Тефлисе, потом при Сипягине. Он меня об этом не просит, но еще в бытность мою в Тефлисе, он очень желал быть лично известным вашему сиятельству. Все его знают за самого благонамеренного и расторопного человека, сведущего в законах и наконец грузина, каких я мало встречал, с европейским образованием и нравственностию. Притом простите слабости человеческой. Нина тоже обращается к вам с просьбою об нем и, не смея прямо это сделать, стоит возле меня и заставляет меня всеусердно о том при вас стараться. Мне самому смешно, когда вспомню свой собственный стих из Горя от ума:

Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку.

Вчера давал мне вечер с штуками беглербек,[10] где провозглашали славу вашу во все четыре угла обеденной комнаты. Мать его говорит, что каждый день в молитвах своих вас поминает, для того, что такой великий человек почтил в ней вдову гиланского Гедаст-Хана. Вот что значит подарить 5 т[ысяч] червонцев.

Работа орденов остановилась, потому что золотых дел мастера все к нам перешли в Урдабад. Я уже писал к генералу Мерлини, чтобы на время выслать сюда двоих, уведомляя его, что вместе с тем доношу вашему сиятельству. Оконченная для вас звезда очень великолепна, и пошлется с тем вместе особый чиновник в Тефлис при фермане шаха, и с поздравлением по случаю побед ваших.

Прилагаю здесь несколько строк для тефлисских газет, коли вы одобрите.

Прощайте, ваше сиятельство, расцелуйте вашу жену и детей милых, жаль, что они мало меня знают. Остаюсь вам по гроб преданный

А. Грибоедов.

Я, право, не знаю, как мне быть с моим жалованием, не для собственных издержек, а для экстраординарных по службе. Теперь дышу только двумя тысячами Макдо-

нальдовских, которые вы мне дали в Ахалкалаках, и из них уже тысяча прожита, а своих ни копейки!!

Главное

Благодатель мой бесценный. Теперь без дальних предисловий, просто бросаюсь к вам в ноги, и если бы с вами был вместе, сделал бы это, и осыпал бы руки ваши слезами. Вспомните о ночи в Тюркменчае перед моим отъездом. Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского. Вспомните, на какую высокую степень поставил вас господь бог. Конечно вы это заслужили, но кто вам дал способы для таких заслуг? Тот самый, для которого избавление одного несчастного от гибели гораздо важнее грома побед, штурмов и всей нашей человеческой тревоги. Дочь ваша едва вышла из колыбели, уже государь почтил ее самым внимательным отличием, Федю тоже того гляди сделают камер-юнкером. Может ли вам государь отказать в помиловании двоюродного брата вашей жены, когда двадцатилетний преступник уже довольно понес страданий за свою вину, вам близкий родственник, а вы первая нынче опора царя и отечества. Сделайте это добро единственное, и оно вам зачтется у бога неизгладимыми чертами небесной его милости и покрова. У его престола нет Дибичей и Чернышевых, которые бы могли затмить цену высокого, христианского, благочестивого подвига. Я видал, как вы усердно богу молитесь, тысячу раз видал, как вы добро делаете. Граф Иван Федорович, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца. [11]

67. И. А. Грибоедовой

9-е письмо [1]
Сочельник. 24 декабря 1828. Казбин

Душенька. Завтра мы отправляемся в Тейран, до которого отсюда четыре дни езды. Вчера я к тебе писал с нашим одним подданным, но потом расчел, что он не доедет до тебя прежде двенадцати дней, также к m-me Macdonald, вы вместе получите мои конверты. Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был

привязан, но день, два, неделя — и тоска исчезала, теперь, чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, ангел мой, и будем молиться богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться.

Пленные здесь меня с ума свели. Одних не выдают, другие сами не хотят возвратиться. Для них я здесь даром прожил, и совершенно даром.

Дом у нас великолепный и холодный, каминов нет, и от мангалов у наших у всех головы переболели.

Вчера меня угощал здешний визирь, Мирза Неби, брат его женился на дочери здешнего Шахзады, и свадебный пир продолжается четырнадцать дней, на огромном дворе несколько комнат, в которых угощение, лакомство, ужин, весь двор покрыт обширнейшим полотняным навесом, вроде палатки, и богато освещен, в середине театр, разные представления, как те, которые мы с тобою видели в Табризе, кругом гостей человек до пятисот, сам молодой ко мне являлся в богатом убранстве. Однако, душка, свадьба наша была веселее, хотя ты не шахзадинская дочь, и я незнатный человек. Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего. Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, скоро и искренно мы с тобою сошлись, и навеки. Помнишь первый вечер, как маминька твоя и бабушка и Прасковья Николаевна сидели на крыльце, а мы с тобою в глубине окошка, как я тебя прижимал, а ты, душка, раскраснелась, я учил тебя как надобно целоваться крепче и крепче. А как я потом воротился из лагеря, заболел, и ты у меня бывала. Душка!..

Когда я к тебе ворочусь! Знаешь, как мне за тебя страшно, всё мне кажется, что опять с тобою то же случится, как за две недели перед моим отъездом. Только и надежды, что на Дереджану, она чутко спит по ночам, и от тебя не будет отходить. Поцелуй ее, душка, и Филиппу и Захарию скажи, что я их по твоему письму благодарю. Коли ты будешь ими довольна, то я буду уметь и их сделать довольными.

Давече я осматривал здешний город, богатые мечети, базар, каравансарай, но всё в развалинах, как вообще здешнее государство. На будущий год вероятно мы эти места вместе будем проезжать, и тогда всё мне покажется в лучшем виде.

Прощай, Ниночка, ангельчик мой. Теперь 9 часов вечера, ты верно спать ложишься, а у меня уже пятая ночь, как вовсе бессонница. Доктор говорит — от кофею. А я думаю — совсем от другой причины. Двор, в котором свадьбу справляют, недалек от моей спальной, поют, шумят, и мне не только не противно, а даже кстати, по крайней мере не чувствую себя совсем одиноким. Прощай, бесценный друг мой, еще раз, поклонись Агалобеку, Монтису и прочим. Целую тебя в губки, в грудку, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног. Грустно.

Весь твой
А. Гр.

Поклонись Ваценке, я к нему вчера писал, приехал ли Андрей Карлович, dis-lui que je lui en veux un peu, c : a: d: amicalement, il est resté trop longtemps dehors, et cela dans un temps où sa présence à Tauris est de la plus grande urgence. * Впрочем je lui en veux, покудова его нет, а коли воротился, так и дело в шляпе. Завтра Рождество, поздравляю тебя, миленькая моя, душка. Я виноват (сам виноват и телом), что ты большой этот праздник проводишь так скучно, в Тефлисе ты бы веселилась. Прощай, мои все тебе кланяются.

Коли будешь иметь оказию к папиньке и в Тефлис к бабушке и маминьке, пошли им всем поклон от меня, и Катиньке и Давыдчику, я скоро сам буду ко всем писать.

---

* Скажи ему, что я на него немного сердит, т. е. по-дружески: он слишком долго отсутствовал, — и в такое время, когда его присутствие в Тавризе крайне важно.—*Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЗАКАВКАЗСКОЙ КОМПАНИИ

⟨I⟩
ЗАПИСКА ОБ УЧРЕЖДЕНИИ РОССИЙСКОЙ ЗАКАВКАЗСКОЙ КОМПАНИИ

При внимательном рассмотрении Закавказского края, каждый удостоверится, что там природа всё приготовила для человека; но люди доселе не пользовались природою. Настоящее правительство поддержано токмо самим собою; но известно, что для лучшего успеха в деле государственного хозяйства необходимы соединенные усилия правительства и частных людей. Некоторые же лица, действуя отдельно, мало или вовсе не могут содействовать благим намерениям мудрого правительства, а тем более здесь, где нет ни значительных капиталистов, ни людей по торговле и промышленности предприимчивых и стремящихся на частных выгодах основать общественные.

При таковых обстоятельствах статский советник Грибоедов и коллежский советник Завелейский, по внимательном исследовании богатств и средств сего края, ревнуя благу общему, — предположили составить его сиятельству графу Ивану Федоровичу Паскевичу-Эриванскому план учреждения компании для заведения и усовершенствования в изобильных провинциях по сю сторону Кавказа лежащих: виноделия, шелководства, хлопчатой бумаги, колониальных, красильных, аптекарских и других произведений.

Ваше сиятельство тотчас по вступлении в управление краем, в первую треть 1827 г. и потом в шуму лагеря и военных приготовлений в Джелал-оглу, неоднократно изъясняли одному из нижеподписавшихся желание ввести новое образование в вверенных вам провинциях, чтобы извлечь из них для государства ту пользу, которую в течение 27 лет Россия напрасно от них ожидала.

Под вашим руководством был начертан план к очищению Куры до Самух для будущего по ней судоходства, сие же место, к которому примыкает богатая Кахетия, Шекинское ханство и Елисаветпольский округ, вы предназначили для складки здешних произведений и для учреждения там ярмарки в такое время года, когда зной не так силен, и русские купцы, после Нижегородской ярмарки, могли бы для обмена свозить туда товары отечественные. Быстрые и славные происшествия Персидской кампании не допустили сим полезным идеям достигнуть желаемой зрелости, и ваше сиятельство сами приказали их бегло набросать на бумагу, чтобы к ним вновь обратиться во времена более спокойные. Притом вы обнаруживали ясно ваш образ мыслей, чтобы несколько людей благонамеренных и зажиточных, в виде коммерческого товарищества, предприняли реформы, необходимые в хозяйстве и промышленности сего края. Ваши виды по сему предмету вскоре сделались гласными.

Вот что послужило первым основанием сообщений между собою подписавшихся, которые, по случаю, сошлись в С.-Петербурге вскоре после заключения Туркменчайского трактата. Другое важное обстоятельство поощрило их более и более стремиться к исполнению замышляемого ими дела. При энергическом характере

государя императора Николая Павловича многие части управления и отдаленнейшие грани империи, о которых прежде менее радели, — внезапно привлекли к себе внимание и сделались предметом рассуждений государственных людей. Настала очередь и Закавказскому краю. Он как будто выступил из мрака, которым была подернута его статистика, этнография, администрация, финансовое образование, нужды народные и способы к их удовлетворению. Временное значительное пособие, ассигнование важных сумм для внутреннего улучшения края, устроение пароходов из Астрахани в Баку, из Одессы в Редут-Кале, — всё сие ясно свидетельствовало о новых благотворных попечениях высшего начальства и конечно бы на сем не остановились, если бы внешняя политическая система наша не была нарушена нынешнею войною с Турциею. Нижеподписавшиеся тем более воспламенились одобрительною надеждою, что, согласно с чувством верноподданных, видами предначертанного ими преобразования они встретились с образом мыслей, позволенным, желаемым и требуемым правительством.

Движимые сим сильным побуждением, они решительно приступили к сочинению правил для нового хозяйственного и коммерческого общества по сю сторону Кавказа и ныне имеют честь представить вашему сиятельству плоды трудов своих. При составлении сего проекта, они руководствовались высочайшим манифестом 1 января 1807 года. Они уверены, что, быв подкреплены сильным вашим предстательством у престола всеавгустейшего монарха, получат высочайшее соизволение и возможность привести в действие их виды ко благу общему, которые дотоле останутся в области умозрения и желаний еще неопределенных.

Ваше сиятельство усмотрите из вступления, а также из второй главы проекта устава компании, что учредители испрашивают ей некоторые преимущества, которые должны послужить залогом не токмо будущего ее благосостояния, но без которых она решительно не может воспринять своего начала. По примеру других компаний, в России существующих, которые все от щедрот наших государей получили разные преимущества, испрашиваемые ныне состоят:

1. В ОТВОДЕ ЗЕМЕЛЬ

Компания, приобретая, на известных условиях, определенное количество пустопорожних земель, — присвоит, можно сказать, себе не более, как право первообладания; будущие ее заведения, разработка, самое орудие, строение и руки, на то употребленные, — придадут уже ценность тем участкам, которые в диком своем виде брошены были в забвении и как будто никому не принадлежали. Привилегия сия не есть новая. Во-первых, указом 8 октября 1821 года дозволено отводить в Закавказских провинциях земли всем того желающим; во-вторых, на сем основании отведено уже, между прочим, французскому консулу Гамбе, в Имеретии, 15 т[ысяч] десятин лучшего лесу, с платою по 1 руб. ассигнациями за десятину и с рассрочкою платежа на шесть лет без процентов, на условии поселения колонистов, учреждения фабрик и проч.; в-третьих, во всей России колонистам отводят земли, с предоставлением им многих льготных лет. Еще недавно в Таврической губернии отведено бесплатно до 50 т(ысяч) десятин земли для колонистов герцога Ангальтского; а в Грузии правительство делало сверх того колонистам, при водворении их, разные пособия довольно значительные.

2. В УСТУПКЕ КОМПАНИИ КАЗЕННЫХ САДОВ

Сады сии, все вообще, находятся в чрезвычайно расстроенном положении, особенно лежащие близко к персидской границе, которые в последнюю войну были совершенно разорены. Привести их в хорошее положение правительству почти невозможно и будет стоить издержек чрезвычайных.

Состояние сих садов до войны и малый доход, который казна с них получала, доказывают ясно: а) невыгодность для казны заниматься отраслями промышленности, более частным людям свойственными, и b) неудобность управления казенными имуществами сего рода.

Отдача же сих садов в откупное содержание на общем основании, на короткий срок, — не только не представляет никаких особенных выгод, но еще причиняет вред; ибо откупщики, по истечении времени откупа, стараясь умножить собственный доход, портят сады.

Если же компания получит их от казны, — то без

всяких со стороны сей последней пожертвований они будут исправлены, умножены и, словом, приведены в самое цветущее положение и после сданы в ее ведомство в лучшем состоянии.

Сверх того казна, вместо того, чтобы самой употреблять на оные значительные суммы, будет получать первые 10 лет в полтора раза более против высшего дохода из 3-х последних лет, и по истечении каждого десятилетия, наростать будет еще треть всей суммы, чего при казенном управлении и при нынешней откупной системе ожидать невозможно.

3. В позволении водворить на своих землях всякого рода переселенцев на особых условиях

И сие не заключает в себе ничего нового: в самой России и здесь, в Грузии, в различные времена, были водворяемы колонисты на особых правах; но здесь мало ими принесено пользы краю. Первое потому, что они разбросаны на большом протяжении и мало имеют способов к сообщению и дружному исправлению работ своих; второе потому, что лишены были того надзора и руководства, которым бы пользовались под влиянием компании, способной всему придать вид единства и согласного стремления к одной цели. При том первые опыты их были не ловки и неудачны, по незнанию ни климата, чрезвычайно здесь разнообразного, ни почвы земли, на которой они водворялись.

Нижеподписавшиеся почитают долгом при сем коснуться состояния армян, вновь перешедших в российские пределы из-за Аракса. Многочисленная сия эмиграция, хотя побужденная словами Тюркменчайского трактата, но при подписании оного ни как не могла быть предвидена. Стечение обстоятельств, в отношении к тому предмету побочных, как-то: продолжительное занятие нашими войсками Хойской провинции и т. п., не мало сему способствовали. Исполнена же она была в первые четыре месяца по замирении; ничего не было и не могло быть приготовлено к их принятию. Для сего денежных пособий недостаточно; собственное их незнание края, для них нового, может быть для них гибельно; перемена воздуха из знойного в суровый, при возвышенной полосе наших областей и наоборот, все сии затруднения могут еще продлиться.

Компания охотно берется разрешить их, — если на то последует согласие вашего сиятельства, — приняв в свое ведение то число семейств, которое собственными средствами содержать себя не может и в новом своем водворении не укоренилось надлежащим и прочным образом. В сем предположении внесена по сему предмету статья в проекте устава. Если же сии выходцы требуют скорого пособия, то нижеподписавшиеся просят ваше сиятельство, дабы им, как учредителям, по утверждении устава тотчас была выдана достаточная сумма заимообразно на счет компании, для обеспечения существования означенных армян, и дозволено было их принять немедленно в ведение компании, на известных условиях. Сумму же сию компания обязывается возвратить, коль скоро подписки на акции и взнос денег приведены будут к окончанию.

4. КАСАТЕЛЬНО СВОБОДНОГО МОРЕПЛАВАНИЯ И ОТПУСКОВ ТОВАРОВ КОМПАНИИ ВОДОЮ В РОССИЮ ИЛИ ЗА ГРАНИЦУ

Нижеподписавшиеся просят ваше сиятельство обратить внимание на необходимость иметь ей складочное место для своих произведений на Черном море. Если бы на сие последовало высочайшее соизволение, с отдачею в полное распоряжение компании той или другой пристани, с дарованием ей прав порто-франко, окружностию на две или три версты полупоперешника от берега, что при ныне существующем положении распространено на всю Грузию, — то сие ощутительно бы подействовало на расширение круга торговли и оборотов компании и, вместе с тем, всего края.

При сем нижеподписавшиеся, действуя в сем случае, равно как и во всем касательном до проекта компании, — отдельно от званий и обязанностей, несомых ими ныне по службе, но поступая в сем предприятии, как частные люди, — осмеливаются предложить вашему сиятельству политическое их мнение на счет приращений сего края, со стороны Азиатской Турции, которое быстрые и блестящие успехи войск, вами предводимых, соделали не сомнительным. Порт Батумский, если войдет в новую черту наших границ, представляет в сем случае для компании, местным своим положением, наивеличайшие удобства. По неприступности междуземной полосы, по трудности дорог, из Грузии туда ведущих, по разобщенному его

положению в отдаленном и крайнем углу наших Закавказских владений, порт сей принесет казне мало пользы. Но усилиями компании удобно будет проложен коммерческий путь, и устроено будет всё, что требуется для складочного места, для учреждения фактории и проч., и правительство, по истечении срока, даруемого компании, найдет уже все готовым для всякого рода заведений, которые оно в свою очередь признает общеполезными. Если же виды сии покажутся безвременными или несогласными с тем назначением, которое высшее начальство уже предначертало сему порту, — то учредители компании будут всеподданнейше ожидать от щедрости монарха и от ходатайства вашего сиятельства обмена сей приморской точки на другую, выше или ниже ее лежащую. Но обо всем этом не сделано в самом проекте устава ни малейшего намека.

Необходимость всех прочих привилегий, испрашиваемых в проекте устава, изложена в самом вступлении. Они не токмо присвоены многим другим обществам, но даже частным лицам, которые пользуются исключительными патентами при изобретении или водворении ими новой промышленности.

Нижеподписавшиеся в заключение убедительнейше испрашивают деятельного участия и покровительства вашего сиятельства в благом их предприятии, — надеясь, что вы, как первый виновник и творец их начинаний, и как благотворитель Закавказского края, расширением его пределов и последствием неимоверных военных успехов оградивший его будущую безопасность, — благоволите в скором времени повергнуть к стопам его императорского величества проект устава Закавказской компании — и сами не отречетесь ознаменовать начало ее бытия принятием лестного для нее звания президента, как ее основателя и попечителя. Сие самое в глазах России, признательной к блестящим вашим заслугам, присвоит рождающемуся обществу доверие нации и убеждение в его будущих успехах.

Статский советник *Грибоедов.*
Коллежский советник *Завелейский.*

Г. Тифлис
7 сентября 1828 г.

⟨II⟩

ВСТУПЛЕНИЕ

⟨К ПРОЕКТУ УСТАВА⟩

Есть истины ощутительные, о которых стоит только намекнуть, чтобы присвоить им согласие и одобрение всеобщее.

Если благие нравы, любовь к отечеству и воинственный дух народа в защиту политического бытия своего основывают силу и прочность государства, то с сим вместе сопряжены условия непременные, как тело с душою: способы прокормления, одежда, строения, приспособленные к климату, доходы верные и их приращение, по мере возрастающих удобств и приятностей жизни, наконец всё то, что требует давняя оседлость. В нужде и недостатках всякого рода редко преспевают добродетели.

Но чтобы избавиться от нужды, чтобы умножить свои доходы, надлежит трудиться, производить и сбывать свои произведения, руководствуясь требованиями на них, более или менее многочисленными. Сии последние различествуют по времени и месту. Тот бы грубо ошибся в своем расчете, кто, увлекаясь изобилием вещества и средств к добыванию какого-нибудь продукта, стал бы исключительно производить то, что уже всякий у себя имеет. Таким образом мы с некоторого времени, при несметном изобилии хлеба, ничего за него не выручаем. Между тем в России, в нашем любезном отечестве, открыты все пути к обретению высшего благосостояния. Обширные ее провинции заключают все климаты, все произведения, от холодного севера и до благословенного юга. В северной и средней части ее просвещение, а вместе с ним промышленность и торговля, достигли уже известной степени развития. От сего она не только не одолжена иностранцам за их произведения, свойственные полосе холодной или умеренной, но еще из своих продуктов производит значительный отпуск за границу. Нам недостает только произведений теплого и жаркого климатов, и мы принуждены заимствовать оные от западной и южной Европы и средней Азии. Все почти привозные товары из тех стран составляют именно сии предметы. И если европейская торговля довольно еще выгодна для России,

то азиатская клонится совершенно не в ее пользу. В сем мы легко можем удостовериться из видов торговли, министерством финансов издаваемых. Впрочем недостаток сей происходит, как выше сказано, не от того, чтобы Россия не могла иметь собственных южных и даже тропических произведений; но доселе по многим весьма важным причинам невозможно было извлечь сей пользы, которая от самой природы ей предоставлена в областях ее, лежащих под жарким полюсом: именно в Грузии и Закавказских провинциях.

Причины ясные. Россияне, перешагнув через Кавказ, прежде всего заботились, чтобы стать твердою ногою в Грузии, которая сама испросила покровительства наших монархов, и в ханствах, приобретенных императорским оружием. Для сего нужно было оградить внешнюю безопасность новых подданных и всегда быть готовыми к отпору против беспрестанных хищничеств и нападений. Европейские войны не допускали правительство развернуть вполне те средства, которые со стороны Азии могли бы единовременно обуздать внешних ее неприятелей: персиян и турок. Внутри новоприобретенных провинций мятежи от введения иного порядка, небывалых прежде соотношений, взыскательности начальства, желавшего скорого исполнения, послушания, дотоле неизвестных, и вообще от перемен, которым никакой народ добровольно не подчиняется. Сообщение с Россией можно было учредить только с трудом величайшим и постепенно. Вооруженною рукою пробивались к пристаням двух морей Каспийского и Черного, и каждый шаг на Военно-Грузинской дороге сначала был запечатлен русскою кровью. В таком положении дел нельзя было помышлять ни о новом образе управления, ни о начертании законов, согласных с местными обычаями, для исследования, собрания и поверки которых, и притом для приноровления к ним кодекса, нужны разбор внимательный, досуг и спокойствие. Так точно и для сочинения кадастра. Большая часть имений оставалась и ныне пребывает спорною. Управление образовалось, как обстоятельства того требовали, единственно военное, кроме Грузии в тесном смысле, где водворенное с начала устройство, сходное с Учреждением о губерниях, смешалось впоследствии, по управлению уездами, с особенным родом

гражданского образования, вынужденного военным положением края. Финансовая система последовала тому же направлению. Некогда было помышлять об уравнении и правильном взимании налогов. Надлежало пещись о квартировании и продовольствии войск, о перевозке провианта в назначенные магазины или в действующие отряды. Таким образом обращены в закон повинности всякого рода. Житель закавказский не имел времени думать об улучшении своего хозяйства; дом его, домашняя утварь, упряжь, арба, скот и почти всё недвижимое имущество ежеминутно могли быть потребованы для нужд общественных, при движении войска и пр., и он наконец не только не простирал видов своих на будущее время, но и в настоящем равнодушно смотрел на свою собственность. Мы здесь вовсе не разумеем злоупотреблений тех или других чиновников, но упоминаем только о неизбежных бедствиях войны, которых часто ни предвидеть, ни предотвратить не можно.

Мир Бухарестский, и вскоре потом Гюлистанский, не столь благодетельно подействовали в пользу здешнего края, как ожидать надлежало; ибо и с тех пор гром оружия не утихал к укрощению горцев, или других возмущенных народов: попеременно то на линии, которой управление сосредоточено в одних руках с закавказским, то в Дагестане, то в западных приморских провинциях. Всё внимание тогдашних правителей было поглощено сими происшествиями. Для просвещения сделано мало. Незабвенный князь Цицианов открыл одну школу на 300 человек; при слабых сих начатках остановились надолго. Торговля несколько оживилась указом 1821 года: некоторые из тифлисских купцов с тех пор ездят в Лейпциг за товарами, сбывают их дома и в Персии с успехом и наживают себе значительные капиталы. Но на благосостояние помещиков и земледельцев, более всех обремененных казенными повинностями, сие нисколько не подействовало, нисколько не придало поощрения внутренней промышленности: не возникло ни одной фабрики, не процвело ни земледелие, ни садоводство. Бродящие татары, скитаясь по тучным пастбищам, как и прежде, не знали другого употребления из прекрасной шерсти овец своих, кроме обмена на самонужнейшие предметы в полудикой кочевой их жизни. В течении нескольких

лет более двух, трех иностранных кораблей не приставало к берегам Мингрелии и то для опыта нового сбыта товаров своих, не требуя для нагрузки произведений туземных, по маловажности и несовершенству их не пригодных к европейскому употреблению. И между тем как базар Тифлисский пестреет привозными товарами, взор наблюдателя напрасно будет искать домашних изделий или продуктов, на которые их можно бы обменивать. Наконец, последнее вторжение персиян, за которое граф Паскевич-Эриванский отомстил с толикою славою для России, и ныне преследуемые им успехи в турецких пашалыках, стоили Закавказским провинциям чрезвычайных пожертвований, и более всего Грузии, особенно несущей бремя войны. Можно смело сказать, что с 1826 года по сие время она хлебом, скотом вьючным и тяглым, погонщиками и проч. в сложности более истратила от своего достояния, нежели бы то могла сделать самая цветущая из российских областей, между тем как населением и величиною равняется только трем уездам из губерний великороссийских.

Нет сомнения, что сие изображение нынешнего хода дел за Кавказом нисколько не отымает надежды на будущие лучшие времена. Сие состояние противуестественно и не может продлиться. Но предположив наперед войну с Оттоманской Портою счастливо и славно оконченною, внешнюю безопасность сего края отовсюду обеспеченною и жителей отдохнувшими от понесенных ими усилий и утрат, остаются еще на разрешение следующие важные вопросы:

1) Природные средства края могут ли поставить его на почтенную степень образованности и благосостояния, и через сие самое принести пользу всему государству?

На сие можно отвечать утвердительно. Естественные произведения Закавказского края столь разнообразны и столь богаты, что остается только выбрать те, обрабатывание коих будет полезнее.

Главнейшие из них составляют: виноград, шелк, хлопчатая бумага, марена, кошениль и другие красильные, также лекарственные растения и табак; при том разведение сахарного тростника, в древности здесь бывшего известным, маслинные дерева и наконец кашемирская шерсть могут составить также важнейшие отрасли

промышленности. Одним словом все произведения жарких климатов с величайшим успехом могут быть присвоены сему краю.

Виноград почти всех сортов во множестве растет в Закавказских провинциях, не требуя ни малейшего попечения, — и несмотря на неумение здешних жителей в выделке вин, на недостаток бочек и стеклянной посуды, они почти ничем не уступают лучшим французским винам (бургонским). При малейшем улучшении способа выделки, вино сие (коего добывается ныне до 1.700,000 ведр ежегодно в одной Кахетии) может заменить вина иностранные.

Шелка также собирается во множестве, особенно в ближайших к югу областях. Разведение оного может принести чрезвычайные выгоды. Ныне одно неумение разматывать сей шелк причиною низких на него цен. В Москве например в 1825 году продажные цены шелка были: шамахинскому от 300 до 370 р. за пуд, органзину от 1000 до 1500 рублей.

Прибывший же недавно в Тифлис из Франции шелкомотальный мастер образцами размотанного им шелка доказал, что он нисколько не уступает итальянскому и подал причину надеяться, что со временем шамахинский шелк будет предпочитаем итальянскому, а вместе с тем естественно должна возвыситься и цена на коконы.

Не говоря уже о других произведениях, о коих упомянуто выше, кажется, довольно указать на сии две отрасли и еще на хлопчатую бумагу, чтобы подать идею о выгодах, с обработкою оных сопряженных.

2) Могут ли отдельные усилия частных людей (хозяев, винодельцев, промышленников и других) доставить сему краю желаемую степень благосостояния? —

Конечно нет; ибо для сего нужно, чтобы капиталы решительно с сею целию были нажиты и отложены в сторону многолетнею бережливостью и трудом; надобно необыкновенное единодушие в целом народе или сословии, постоянно устремленное внимание к одному и тому же предмету, что так редко встречается даже и в тех государствах, где способом книгопечатания, стараниями ученых практических обществ дано направление духу, способностям и деятельности народа, — где беспрестанно наблюдают, дабы не дать им уклониться от прямого

пути. Кроме того нужны иногда издержки на опыты в хозяйстве и мануфактурных заведениях, не всегда удачные, и которые приносят только ⟨тогда⟩* обильные плоды, когда бывают сопряжены с частым повторением оных и постоянством упорным. Но откуда робкий, непредприимчивый и недостаточный хозяин закавказский почерпнет сии душевные силы, не осязая, так сказать, своими руками желаемого и верного прибытка! Непросвещение лишает его всякой дальновидности, и алчность к близким и скорым наслаждениям заставляет его хвататься за то, что он, можно сказать, имеет токмо под руками. Кроме того жадность к корысти, превышающая всякий благоразумный расчет, руководствует, как мы видим, здешних торговцев. Они не пускают на обороты, не имея в виду по крайней мере 50 на 100 употребляемого ими капитала. С сим вместе сопряжен всеобщий недостаток доверия одного лица к другому: величайшее препятствие в предприятиях хозяйственных и торговых. Неудобство это есть общее всякому народу, всякому краю, вновь возникающему, и который из дикого состояния переходит в некоторое устройство. Таким образом мы видим, что производители бросаются в промыслы разного рода, не справясь с силами, с возможностию продолжать с успехом их занятия, лишь бы только в самом начале получить некоторые временные непрочные выгоды. Откупщики один другому соревнуют, кто более надбавит за такую или иную статью, быв уверены наперед, что они не исполнят своего контракта в отношении к правительству, и между тем стесняют разные промыслы, за которые они взимают множество дробных налогов (особенно в ханствах); но им всё равно, когда для крайних нужд своих и двунедельного поддержания семейства, или даже для потребностей нелепой роскоши, что-либо выручат. Залоги, представляемые ими в обеспечение, нисколько не ограждают казны от ущерба, ибо при общем стоянии дел, при недвижении денег, секвестрованные имущества лишены ценности и обременяют токмо правительство новыми заботами и расходами.

Теперь если бы и нашлись некоторые благонамеренные люди, которые, руководствуясь умеренным желанием

---

* Вставлено по смыслу предложения.—*Ред.*

своих выгод и преспеянием какой-либо отрасли промышленности, посвятили бы ей свои труды и капиталы, — то в сем окружающем их неустройстве целого народа на кого они могут положиться в сотрудничестве, в обменах, в сделках, в ссудах своих и займах? Все же вышеозначенные разнородные стихии беспорядка и недоверия завлекут их самих в такую же запутанность и с отчаянием заставят бросить дела; счастливы, если не заплатят за то совершенным разорением своих и своих верителей, чему уже мы видели неоднократные примеры.

3) Может ли правительство одними средствами своими заставить процвесть край сей в смысле народного обогащения?

Все в том согласны, что хотя правительство и не дает исключительно направления силам народным, но много способствует к их развитию. Климат, естественные произведения, образ воспитания, — вот начала, направляющие деятельность общественную к той или другой цели. Но гражданские постановления, но механизм администрации, меры к облегчению сообщений, полицейские, финансовые учреждения и проч., — вот что водворяет порядок и совокупность, неразлучные с благосостоянием всякого политического тела. Мы питаем твердую веру в отеческую попечительность нашего правительства, которое не укоснит облагодетельствовать край здешний гражданским постановлением, необходимым к его благополучию. Конечно образ управления, до сих пор вынужденный обстоятельствами, коль скоро оные прекратятся, уступит место другому, более усовершенствованному и согласному с местными надобностями.

Ныне уже Закавказский край получил новый залог щедрости великодушного монарха.

По ходатайству г. Главноуправляющего высочайше пожаловано 5 мил[лионов] руб[лей] собственно для сего края; из оных значительная часть предназначена на устройство сообщений.

Сверх того учреждаются на счет казны пароходы по Черному и Каспийскому морям и принимаются меры к устройству таможенной части в Закавказских провинциях.

Таким образом правительство откроет новые пути промышленности и торговле и облегчит частным ли-

цам средства пользоваться теми выгодами, кои предоставляет им сама природа.

Но если хозяйственная часть здешних жителей останется в том же детстве, как ныне, то мы с сокрушенным сердцем увидим, что меры правительства мало будут действительны. На торговых путях, им вновь открытых, не более будет движения, как и прежде: разве в течении нескольких месяцев один уединенный караван сменится другим, и то не для похищения обильной дани от трудолюбия туземцев, не для собирания от земли несчетных сокровищ, ныне дремлющих в ее недрах; но, следуя из-за границы к какой-либо отдаленной точке империи и обратно, мимоходом будет снабжать села, сакли оседлых и подвижные шатры кочующих народов теми грубыми изделиями, без которых они не могут прожить и в нынешнем совершенном их оскудении.

Складочные места, ярмарки, будут носить токмо сии названия, как бы недостроенное здание, но наперед украшенное затейливыми вывесками того, что в нем завести намеревались. Если бы даже предположить щедрость и способы правительства беспредельными, то и тут надлежит взирать не на количество единовременных сумм, отпускаемых в пособие частным лицам, но на их употребление. Где ручательство, что вспоможение правительства послужит в пользу, и именно к предназначенной цели, и не будет растрачено на суетные, мечтательные виды и просто на прожиток бесполезный?? Иметь же надзор за домашними расходами каждого хозяина конечно не входило и не может входить в голову никакого государственного правителя. Главное неудобство остается тоже: развлечение видов и усилий производителей, не проникнутых общею мыслию и желанием одной цели; всякий отдельно от другого будет стремиться к своим истинным или обманчивым пользам, одни другим противоречащим. Соревнование будет обращаться в теснейшем кругу с видами мелкого вреда ближнему, чтобы на том соорудить свой эфемерный нажиток, будучи лишено главного своего светильника: пользы общественной.

4) К каким наконец мерам надлежит прибегнуть для достижения желаемой цели — обогащения здешнего края— и дабы с тем вместе извлечь из него истинную пользу для всей империи?

Всё, что мы до сих пор изложили, ясно доказывает необходимость соединить в общий состав массу оборотных капиталов (capitaux disponibles), или лучше сказать в одно общество достаточное число производителей-капиталистов, долженствующих поспешествовать один другому своими познаниями, денежными средствами и трудами. Для сего необходимо учредить Компанию земледельческую, мануфактурную и торговую, которая могла бы заняться добыванием всех тех богатств природы, которых произведение, обрабатывание и усовершенствование, равно и сбыт в самые отдаленнейшие государства, превышают средства каждого частного лица отдельно. Ниже сего будут изложены правила, признаваемые при начале сего общества, по местным обстоятельствам, удобнейшими. Здесь мы только коснемся:

A) Тех условий, которые необходимы при всяком рождающемся заведении, без которых оно ни возникнуть, ни процвесть не может, и B) тех выгод, которых ожидать надлежит:

a) Собственно Компании от ее круга действий.

b) Закавказскому краю и всем его иноплеменным жителям.

c) Империи Российской.

A) Везде, где земледелие, садоводство включительно, ремесла, более сложная мануфактурная промышленность, и наконец торговля приобрели себе некоторую самостоятельность, даруемые нескольким лицам привилегии, монополии и проч. должны почесться мерами стеснительными, которые в пользу той или другой отрасли промышленности останавливают успехи всех прочих. Но там, где еще не сделано никакого начала трудолюбием и деятельностию заводчиков и торговцев, куда не проник еще дух благородной предприимчивости, первые, которые дерзают на предприятия полезные, должны быть наделены со стороны правительства преимуществами, уступками и отклонением в их пользу от общепринятых правил. Известно, что часто одна видимая удача, плод глубокого размышления и трудов долговременных, внезапно поощряет толпу непрозорливых подражателей на тоже поприще, к тем же занятиям, которых они не обмыслили и которые им часто не сродны, лишь бы похитить себе награду, заслуженную другими. Они бывают часто на-

казаны неизбежным разрушением своих замыслов; но тем самым нанесен уже существенный вред первым начинателям, на которых часто распространяется общее недоверие, справедливо постигшее их опрометчивых соперников. Страстное желание полезного, ожидаемые выгоды, благополучие целого сословия и даже народа, всё потонет в общем невыгодном отзыве о намерениях и заведениях самых благодетельных, и тогда уже никакие усилия не помогут. Нет края в свете, где бы сии опасения были основательнее, как именно по сю сторону Кавказа. Всякий подвиг нов; ни к чему не было приступлено; от малейшего покушения к лучшему можно ожидать плодов прекрасных, которых еще никто не домогался, и потому именно совместничество, если не воздержать его законом, не будет знать никаких пределов. Корыстолюбцы всякого рода, руководимые тою же алчностью прибытка, о которой мы говорили выше, — станут подзирать начинания, меры, успехи Компании, захотят перенимать, часто нелепо, неудачно; суетными обещаниями постараются привлечь к себе требователей; будут переманивать людей полезных— мастеровых, работников, выписанных не их средствами, а попечениями и издержками Компании; и несмотря на то мало или даже ничего не произведут из того, что предполагали; но замедлят и даже разрушат средства к исполнению благих целей нововозникающего общества. Предвидя же сии неудобства, никто не захочет быть вкладчиком, при столь не надежном положении дел, и требуемый значительный капитал и содействие людей многих и нужных никогда не состоятся.

Итак, для утверждения Компании на незыблемом основании, надлежит ей непременно прибегнуть к высокому, просвещенному покровительству монарха, испрашивая себе, для хозяйственных заведений, для колонизации землепашцев, для устроения фабрик, для единовременного приобретения земель, к тому пригодных, для внутреннего и внешнего сбыта своих произведений — многоразличных привилегий, торжественным актом обращенных в закон, который бы на определенное время исключил от участия в оных всех тех, кои в самой Компании участвовать не будут.

В) Относительно выгод, ожидаемых от учреждения Компании, мы их обнимем с трех сторон, как выше означено.

а) Выгоды для самой Компании. Коль скоро будет собран наличный достаточный капитал для приведения в исполнение основных видов общества, то управление в наискорейшем времени выпишет из внутри России и из чужих краев искусных виноделов, шелкомотальных, прядильных, хлопчатой бумаги и прочих нужных для своих заведений мастеровых и рабочих; равно земледельческие, мануфактурные орудия, к тому потребные; также растения, семена и т. п., для разведения колониальных продуктов. Но между тем, при самых нужнейших на первый раз постройках, тотчас будет приступлено к возделыванию, обработыванию, уже существующими в самом крае обыкновенными средствами тех произведений, которые в нем изобилуют.

Таким образом капитал и даже в самом начале не останется без движения. Рачительный надзор за производимыми работами, труды неутомимые, умножат произведения в двадцать раз против того, сколько их до сих пор свозилось на разные торжища, и наконец сбыт, который попечениями правительства день ото дня облегчается, — поставят немедленно акционеров в возможность получать значительные выгоды. Садоводство и земледелие представят тотчас обширнейшие виды верных доходов, ибо в самый первый год может быть произведен значительный отпуск в Россию вина самого лучшего разбора; также хлопчатая бумага, находящаяся в Армянской области в огромном количестве, по выписании машин, немедленно может быть спрядена и поступить в продажу. Притом устроение самых малосложных, не требующих больших издержек фабрик, для снабжения горских жителей одеждою и вещами, необходимыми для их домашнего употребления, которые они в большом количестве выписывают из Персии, присвоит Компании при самом ее начале важнейшую отрасль доходов. В течении же времени коль скоро новые, усовершенствованные способы придадут и произведениям и товарам ценность, дотоле неизвестную, и соделают их достойными явиться на ряду с плодами промышленности государств просвещенных, — то круг ее торговли, постепенно расширяясь, быстро охватит не только соседственные, но даже отдаленные государства, не говоря уже о России, откуда лежит такой близкий и прямой путь в край, ею усыновленный и тогда могущий

с избытком заплатить за ее покровительство. Караваны, идущие из глубины Азии в Алеп и Дамаск, для торговых сообщений с вечерними странами, конечно охотно в половину сократят путь и издержки свои, зная, что в землях между Каспийским и Черным морями найдут то же, чего искали прежде в отдаленных городах Сирии. Наконец и европейские народы наперерыв устремятся к Мингрелии и Имеретии, где предложены им будут те же колониальные произведения, в том же количестве и такого же достоинства, которых они прежде того искали в другом полушарии, отваживаясь на опасные и продолжительные плавания по Атлантическому и Тихому океанам.

b) Выгоды для Закавказского края. Выше сего сказано, что Компания испрашивает себе некоторые исключительные преимущества: но она далека от того, чтобы вредить другим производителям; ибо не токмо не намерена сохранять в тайне употребляемые ею средства усовершенствования разных родов промышленности, но напротив того доступ открыт будет всякому желающему освоиться с предметами ее упражнений; а сами акционеры могут отдавать людей своих в ее же заведение для изучения ремесел общеполезных. Большая же часть акционеров конечно будет состоять из помещиков и купцов закавказских. Частое обращение с людьми сведущими, приглашенными Компаниею из разных государств Европы; присутствие при новом роде их занятий; употребление орудий, дотоле здесь небывалых; наконец, ежедневное наблюдение, хотя бы и невнимательное; привычка, к которой большая часть людей более склонна, нежели к отвлеченным размышлениям, — все сие нечувствительно изменит нынешний род жизни туземцев, заставит их искать утонченных, более изысканных приятностей, и породит в них новые понятия. Сперва корысть (ибо в общем деле Компании всякий вкладчик будет видеть частную свою пользу) заохотит многих из них и более познавать, и самим действовать. Таким образом, просвещение появится как средство вспомогательное, подчиненное личным видам; но вскоре непреодолимым своим влиянием завладеет новыми искателями образования, и чувство ленности, равнодушия к наукам и искусствам, бесплодное, всему вредящее своелюбие уступят место порывам благород-

нейшим — страсти к познаниям и стремлению самим быть творцами нравственно улучшенного бытия своего.

Ободрительные награды от правительства некоторым лицам мало к сему способствуют. Мы это видим в Тифлисской гимназии, в которой платили и платят родителям, чтобы учили детей своих, но просвещение от того ничего не выиграло. Участие в каком-либо деле, поощренное надеждою быть богаче и счастливее, ближе и скорее доводит до цели. Каждый из закавказских акционеров, пристально следуя за успехами Компании и сам для себя будет успевать, — как уже мы выше сказали, — в очищенных своих понятиях. Исчезнет мелкая суетность, ревность, жажда к непозволительным прибыткам. Увидят, что созидая фортуну свою к вреду ближних, мало выигрывают; а споспешествуя цели, всем равно предпоставленной, основывают богатство всех, следовательно каждого, и самого себя.

По окончании привилегии Компании, каждый отдельно уже вступит в права ее, и наученный многолетными ее опытами, употребит их в пользу свою и своего семейства. Какая масса людей полезных распространится из ее мастерских по всем сторонам закавказским! Для службы, для мореходства, для торговли, для всякого рода заведений учебных, медицинских, мануфактурных найдется множество лиц, которых мы здесь теперь напрасно будем отыскивать; и та бесполезная часть народонаселения, ныне скучающая в праздности и невежестве, тогда вовсе исчезнет. Кочевые племена, которых грабительства и неустройства мы не без причины теперь остерегаемся и которые в свою очередь тяготятся нынешним правлением — познают наконец выгоды и преимущества оседлой жизни, ибо никакое убеждение на них столько не подействует, как видимая их глазами, осязаемая их чувствами, прибыль. Окрестные горские народы, которые к дальнейшим своим соседям спускаются только для нарушения их спокойствия, и не видя в их гражданской жизни другой отмены в сравнении с своими обычаями кроме подчиненности, ими нетерпимой, тогда изумятся превосходству их ума и благосостоянию. Никогда войско, временно укрощающее неприятеля, или готовое только истребить его, не может так прочно обуздать и усмирить вражду, как народонаселение образованное и богатое, которое оттеснит

до крайних пределов варварские племена,— или примером своим и обоюдностию выгод сольет их с собою в один состав плотный и неразрывный. Таким образом при расчистке лесов, или водворении усадеб и хлебопашеств, исчезают хищные звери и уступают место свое животным кротким и домашним, питающим человека. Северо-Американские Соединенные Штаты представляют тому образец самый поучительный.

По сю сторону Кавказа удобнейший и прочнейший род строений, улучшение дорог, чистота и бережливость в содержании домов, тоже в одежде, способствующие к здоровью, наконец столько полезных и необходимых мер, к которым все понуждаются полицейскими насильственными средствами, тогда добровольно, для собственной пользы будут жителями приведены в исполнение. Наконец правильное разделение работ займет каждого по способностям, и в общем движении, направленном к истинно благим видам, край сей, можно сказать, возродится для новой, неведомой ему доселе, жизни.

c) Выгоды империи. Во всем вышеизложенном виден зародыш возможного будущего благосостояния провинций Закавказских, и сами собою уже явствуют государственные выгоды, от того проистекающие. Но мы еще ближе их рассмотрим:

а) В отношении экономическом. Из официальных сведений известно, что Россия ежегодно получает из-за границы

Красильных произведений на . . .	15	м[иллионов]
Аптекарских материалов	2	»
Фруктов	4	»
Масла оливкового	3	»
Виноградного вина	15	»
Хлопчатой бумаги	35	»
Шелка сырца	45	»
Итого	119	м[иллионов]

В провинциях же Закавказских, Компании легко можно будет производить и обработать на первый только случай $^1/_4$ часть сих произведений ежегодно, то есть по крайней мере на 29 мил[лионов]. Результат сей слишком удовлетворителен, и кажется не требует дополнительных пояснений.

б) В отношении государственных доходов. Ныне слышен всеобщий голос в России, что приобретения за Кавказом для нее обременительны; что они даже не оплачивают содержания войск, на них употребляемых. Окинув токмо беглым взглядом военный бюджет и сумму доходов, из провинций Закавказских получаемых, легко можно убедиться в справедливости сего намерения. Но послушаем с другой стороны отзыв закавказского жителя, обремененного беспрерывными пожертвованиями в пользу родной стороны, так что сам у себя не признает никакой собственности, ибо она от него ежеминутно требуется на издержки во время войны, на содержание пограничных караулов, на городские расходы, на квартирование войск; и нельзя будет не соболезновать о бедственном его состоянии. Если же сличим платимое им ныне в казну, с тем, чтобы он мог вносить легко и безропотно при малейшем улучшении его хозяйства, то увидим, что государственные доходы легко могут быть впятеро увеличены. Но повторяем еще раз, что сего желаемого преобразования от собственных отдельных усилий туземцев ожидать невозможно и усилий сих решительно не будет. Одно учреждение предполагаемой Компании может токмо осуществить сии ожидания. Сколько ныне произведений почитается здесь ничтожными: растений, к которым рука человеческая никогда не прикасалась; плодов, которые далеко превышают местные домашние надобности, и которых избыток предается истлению. Компания, не только покупая все ныне производимое, но и не давая ничему теряться бесполезно, дает всякому новые средства производить еще более и более, и поселянин, постепенно обогащаясь, легко понесет нововводимые налоги, в соразмерности с приращением его капитала.

в) В отношении к обмену с Россиею. Нужно ли к сему прибавить, что коренным россиянам, любезным нашим соотечественникам, открыто будет новое, неизмеримое поле к огромным мануфактурным и торговым предприятиям? И в нашем отечестве, хотя совершенно по другим причинам, господствует всеобщий недостаток кредита. С одной стороны накопление капиталов без всякого верного употребления; с другой слабеющая деятельность, чтобы не сказать совершенный упадок иных заведений; в чужих краях чрезмерные пошлины на русские товары,

всё сие заставляет с беспокойством отыскивать себе новых путей к продаже своих произведений. Компания никогда не вступит в соперничество с отечественными фабриками, по тем предметам, кои в России гораздо легче, удобнее и дешевле будут обделаны. Произведения ее будут совершенно различного рода и собственно такие, каких Россия по свойству своего климата никогда доставлять не может. Здешние жители при более цветущем своем положении поищут в России тех изделий, в которых они и ныне нуждаются, но отказывают себе в них, по недостатку денежных средств. Между тем русские вкладчики Закавказской Компании, выручая значительные проценты по своим акциям, и собственный курс сих акций, постепенное их возвышение и перехождение из одних рук в другие, придадут уже необыкновенное движение отечественной торговой деятельности.

г) В отношении нравственном и политическом. Ничто не скрепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами по сю сторону Кавказа, как преследование взаимных и общих выгод. До сих пор русский заезжий чиновник мечтал только о повышении чина и не заботился о том, что было прежде его, что будет после, в том краю, который он посетил на короткое время. Он почитал Тифлис, или какой-либо другой город за Кавказом, местом добровольной ссылки, которое желает как можно скорее оставить, чтобы возвратиться во свояси. Прибавим еще, в отношении к чиновникам, приезжающим сюда на службу, что из них отличенные истинными достоинствами лишают свою родину талантов, усердия, которые они ей должны были нести в дань предпочтительно видам своей личности. Сознаемся, что Россия не имеет еще чрезмерного количества людей способных и образованных, и наделяя ими колонии свои или завоеванные ею иноплеменные провинции, она себе во вред истощается. С другой стороны выходцы из России, заметные по отсутствию полезных и похвальных качеств, водворяют токмо безнравственность, и без того уже глубоко вкорененную в Азии при необразованности народов, населяющих сию часть света. Между тем грузин или мусульманин из Ширвани, Карабага и проч., по возвращении из похода, вложив саблю свою в ножны, отклоняется от иного рода службы и чуждается русских. Изум-

лнясь их храбрости и счастию в боях, он долго власть их чиновников почитает бременем, стесняющим буйную его свободу; в их беседах, скрепя сердце, является минутным гостем и то разве по нужде и по искательству особого рода. Компания в обширных занятиях своих привлечет к соучастию и займет, кроме выходцев русских и других европейцев, деятельность множества туземцев, всякого сословия, различных языков и разных исповеданий. Ничто в свете не может так скоро и действительно послужить к их сближению между собою. Товарищи в заведениях, в торговле, в рассылках, в комиссиях нечувствительно сделаются такими же и в домашней своей жизни. Часто предпринимаемые путешествия здешних жителей в Россию, по делам Компании, ознакомят их с характером русских, нынешних властителей здешнего края, и знакомство сие конечно даст им выгодное понятие о сих последних. До сих пор они их почитали гордыми, неприступными: ибо знали их только у себя облеченными во власть повелительную и строгую. Мирные, приятные сношения для собственных выгод, обоюдные услуги всякого рода, водворят некоторое равенство между членами одного и того же общества. Таким только образом исчезнут предрассудки, полагавшие резкий рубеж между нами и подвластными нам народами, и сие будет совершенно соответствовать высшим видам наших человеколюбивых монархов, равно благотворящих всем своим подданным, какой бы они нации ни были. Чрез сие создалась и возвысилась Россия. Относительно же чиновников, которых мы выше сего коснулись: то служители Компании и их дети, долженствующие получить хорошее образование в школах, ею заводимых, удобно могут со временем поступить на службу государственную, и пополнить присутственные, судебные и прочие места закавказского управления.

Чем более здешние жители почувствуют пользу и приятность от нового измененного рода жизни, тем более возлюбят род правления, поставивший их на сию ступень. Тогда они охотно в защиту его втеснятся в ряды воинов-патриотов, в виде ли милиции, правильно устроенной, или полков регулярных; но во всяком случае сберегут России тысячи драгоценных жизней сынов ее, которые здесь часто находят смерть не в сражениях, не на приступах, но изнемогают жертвами климата, им не свойственного.

КОММЕНТАРИИ

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящее издание не является совершенно полным собранием сочинений Грибоедова. В книгу не вошло несколько мелких и разрозненных заметок на литературные и исторические темы и несколько «записок» официального характера. Из писем Грибоедова в книгу вошло менее половины — именно те письма, которые представляют наибольший биографический или литературный интерес.

Орфография и пунктуация в тексте сочинений и писем Грибоедова подновлены в соответствии с принятыми ныне нормами правописания, — за исключением тех случаев, когда подновление нарушило бы особенности произношения. В собственных именах и географических названиях сохранена транскрипция Грибоедова. В письмах даты во всех случаях унифицированы и вынесены в начало письма. В угловых скобках даны дополнения редактора.

Краткие справки об упомянутых в тексте Грибоедова собственных именах и названиях вынесены в Указатель; в Словаре разъяснены слова иноязычные или выпавшие из современного речевого обихода.

Июнь 1944

ПРИМЕЧАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Академическое издание — Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова. Академическая библиотека русских писателей. Выпуски 7, 8 и 9. Издание Разряда изящной словесности Академии наук. Том I — под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина, томы II и III — под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова. СПБ., 1911—1917.

«*А. С. Грибоедов*» — «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». Редакция и предисловие Н. К. Пиксанова, примечания И. С. Зильберштейна. Изд-во «Федерация», М., 1929.

Издание Шляпкина — Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова, под редакцией И. А. Шляпкина. Том I — Прозаические статьи и переписка, том II — Поэзия. Издание И. П. Варгунина, СПБ., 1889.

«*Письма к Бегичеву*» — «Письма Н. М. Карамзина к А. Ф. Малиновскому и А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву», под редакцией М. Н. Лонгинова, М., 1860.

ГОРЕ ОТ УМА

I

Печатается по тексту позднейшего из авторизованных списков комедии — так называемого «Булгаринского», хранящегося в Рукописном отделении Ленинградской Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, — с проверкой и отдельными исправлениями по более ранним «Музейному автографу» и «Жандровской рукописи».

Когда именно Грибоедов задумал свою комедию, в точности не известно. На этот счет существует несколько разноречивых и равно мало достоверных версий. По одной из них, еще в 1812 г. Грибоедов читал друзьям «отрывок из комедии, им задуманной», и «это были начатки „Горя от ума"» (свидетельство В. В. Шнейдера, университетского товарища Грибоедова, — «А. С. Грибоедов», стр. 329). С. Н. Бегичев относил возникновение замысла «Горя от ума» к более позднему времени: «Известно мне, что план этой комедии был у него [Грибоедова] сделан еще в Петербурге 1816 года, и даже написаны были несколько сцен, но не знаю, в Персии или Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а между прочим жену Фамусова, сентиментальную модницу и аристократку московскую... и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены» («А. С. Грибоедов», стр. 9). Это свидетельство также приходится отвергнуть, — тем более, что сам С. Н. Бегичев в другом месте (в письме к А. А. Жандру от 1838 г.) указал, что «Горе от ума» было начато Грибоедовым в Персии, т. е. не раньше 1819—1820 гг. (см. Н. Пиксанов. Творческая история «Горя от ума», М.-Л., 1928, стр. 78). Наконец один из кавказских знакомцев Грибоедова, кн. Д. О. Бебутов, передал в своих записках, что в конце ноября или начале декабря 1819 г., на пути из Моздока в Тифлис, Грибоедов читал ему «много своих стихов, в том числе, между прочим, и из «Горя от ума», которое тогда у него еще было в проекте» («Кавказский сборник», т. XXIII, Тифлис, 1902, стр. 51). Вероятнее всего предположить, что во всех этих случаях современники непроизвольно связывали с «Горем от ума» какие-то иные драматургические замыслы и наброски Грибоедова, до нас не дошедшие.

Более достоверный характер носит рассказ Ф. В. Булгарина, переданный им, несомненно, со слов самого Грибоедова: «Вот каким образом родилась эта комедия. Будучи в Персии, в 1821 году, Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что оставалось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад, и в ту же ночь начертывает план «Горя от ума» и сочиняет несколько сцен первого акта» («А. С. Грибоедов», стр. 26—27). Этот рассказ согласуется с черновым письмом Грибоедова к неизвестному (предположительно — к А. А. Шаховскому) из Тавриза, от 17 ноября 1820 г. Здесь Грибоедов пересказывает приснившийся ему сон, в котором он дал петербургским друзьям обещание написать через год какое-то литературное произведение (см. выше, стр. 459). Нужно думать, что этот именно сон имел в виду и Ф. В. Булгарин (датируя его 1821 г., он, конечно, мог легко ошибиться).

Но и в данном случае речь может итти лишь о замысле комедии, может быть, о ее сценарном «плане», — не больше. К выполнению же этого замысла Грибоедов приступил, нужно думать, только в самом конце 1821 г., а еще вероятнее — в начале 1822 г., в Тифлисе. В пользу такого предположения говорит позднейшее

свидетельство В. К. Кюхельбекера, жившего в Тифлисе с декабря 1821 по май 1822 г.: «Грибоедов писал «Горе от ума» почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано» («Дневник В. К. Кюхельбекера», Л. 1929, стр. 91). Впрочем, этим свидетельством не исключается, что Грибоедов приступил к работе над «Горем от ума» еще в Персии, в 1820—1821 гг., и продолжал ее в Тифлисе. Установлено также, что к весне 1822 г. он успел написать только два первых акта комедии в их первоначальной редакции.

Эти два акта Грибоедов привез в Москву в конце марта 1823 г. О дальнейшей его работе над комедией ценные сведения сообщает С. Н. Бегичев: «Из комедии его «Горе от ума» написаны были только два действия. Он прочел мне их, на первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил, и даже показалось мне, что принял это не хорошо. На другой день приехал я к нему рано и застал его только что вставшим с постели: он неодетый сидел против растопленной печи и бросал в нее свой первый акт по листу. Я закричал: «Послушай, что ты делаешь?!» — «Я обдумал, — отвечал он, — ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в голове моей». И через неделю первый акт уже был написан». В апреле — мае 1823 г. Грибоедов, по словам С. Н. Бегичева, «пустился в большой московский свет, бывал на всех балах, на всех праздниках, пикниках и собраниях, по дачам и проч., и проч. На замечание мое о перемене его образа жизни, Грибоедов всегда отвечал: Не бойся! время мое не пропадет». Ответ Грибоедова приобретает особый смысл, если учесть, что именно в это время он приступил к работе над III актом комедии, посвященным «московскому балу». В конце июля 1823 г. Грибоедов отправился в деревню Бегичева (с. Дмитровское, Ефремовского уезда, Тульской губернии). «Последние акты «Горя от ума» написаны в моем саду, в беседке», — сообщает С. Н. Бегичев («А. С. Грибоедов», стр. 10—12).

Рукопись «Горя от ума» в ее первоначальной редакции, состоящая из четырех тетрадей, дошла до нас; она хранится в Московском Историческом музее и носит условное название «Музейный автограф» (впервые она была издана в 1903 г. с комментариями В. Е. Якушкина и палеографическим описанием А. И. Станкевича). Н. К. Пиксанов, путем детального изучения «Музейного автографа», установил, что показание С. Н. Бегичева о сожжении Грибоедовым привезенной из Тифлиса рукописи I акта комедии не точно: уничтожены были только отдельные листы (замененные новыми), в целом же рукопись I акта сохранилась и составляет с тифлисской рукописью II акта первую половину (две тетради) «Музейного автографа»; третья и четвертая тетради, включающие перебеленный текст III и IV актов, представляют собою результат творческой работы Грибоедова в июне — августе 1823 г., в деревне С. Н. Бегичева.

Первоначально, в «Музейном автографе», комедия была озаглавлена иначе: «Г о р е у м у». Текст первой редакции содержал целый ряд вариантов; наиболее значительные из них приведены выше, на стр. 109—120.

В дальнейшем Грибоедов, находясь в Москве с сентября 1823 по конец мая 1824 г., продолжал работу над «Горем от ума», отде-

лывая и шлифуя «Музейный автограф». «В эту зиму, — сообщает Е. П. Соковнина, — Грибоедов продолжал отделывать свою комедию... и, чтобы вернее схватить все оттенки московского общества, ездил на обеды и балы, до которых никогда не был охотник, а затем уединялся по целым дням в своем кабинете» («А. С. Грибоедов», стр. 18). О том же писал и Ф. В. Булгарин: «Грибоедов стал посещать общества, и в то же время почувствовал недостатки своей комедии и начал ее переделывать. Каждый выезд в свет предоставлял ему новые материалы к усовершенствованию своего труда» (там же, стр. 27).

В конце мая 1824 г. Грибоедов выехал из Москвы в Петербург главным образом для того, чтобы хлопотать о продвижении «Горя от ума» в печать и на сцену. Он вез с собою не дошедшую до нас перебеленную рукопись комедии, заменившую «Музейный автограф», подаренный С. Н. Бегичеву. Однако еще по дороге, в почтовой коляске, Грибоедов снова вернулся к переработке своей комедии (см. письмо его к С. Н. Бегичеву — выше, стр. 470).

О дальнейшей судьбе рукописного текста «Горя от ума» известно из следующего рассказа А. А. Жандра: «Когда Грибоедов приехал в Петербург и в уме своем переделал свою комедию, он написал такие ужасные брульоны, что разобрать было невозможно. Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полулисты. Он их отдал с совершенной беспечностью. У меня была под руками целая канцелярия, она списала «Горе от ума» и обогатилась, потому что требовали множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедова, находится у меня» («А. С. Грибоедов», стр. 274). Этот «главный список» — так называемая «Жандровская рукопись» — хранится в Московском Историческом музее и был издан Н. К. Пиксановым в 1912 г. «Жандровская рукопись» вобрала в себя пятьсот с лишним переправок, внесенных Грибоедовым в недошедшую до нас рукопись, привезенную из Москвы. На эту первоначальную редакцию наслоились новые переправки (числом около ста), в результате которых определился окончательный текст комедии, — если не считать немногих и в общем незначительных изменений, внесенных Грибоедовым в позднейшее время.

Весною 1823 г. Грибоедов читал первые акты комедии только немногим друзьям и ближайшим знакомым (С. Н. и Д. Н. Бегичевым и их домашним, П. А. Вяземскому, возможно и В. Ф. Одоевскому). Когда к осени 1823 г. Грибоедов вернулся в Москву с полным текстом «Горя от ума», «слух об его комедии распространился по Москве, он волею и неволею читал ее во многих домах. Сначала это льстило самолюбию молодого автора, а потом ужасно ему наскучило и отняло у него много времени» (С. Н. Бегичев — «А. С. Грибоедов», стр. 13). Насколько широко распространился слух о «Горе от ума», видно из того, что А. С. Пушкин запрашивал П. А. Вяземского из Одессы, в начале декабря 1823 г.: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чедаева...» Когда летом 1824 г. Грибоедов приехал в Петербург, в тамошних литературных и светских кругах он уже был широко известен как автор замечательной ненапечатанной комедии. О своем авторском успехе Грибоедов сообщил в письмах к С. Н. Бегичеву (см. выше, стр. 469

й 471; кроме упомянутых там «двенадцати чтений» известны еще два: у Ф. П. Львова — старого литератора из круга Державина и Шишкова и на парадном литературном обеде у Н. И. Хмельницкого, в августе 1824 г.).

В Петербург Грибоедов приехал с намерением провести «Горе от ума» через цензуру. Из указанного выше письма его к С. Н. Бегичеву видно, что он рассчитывал на содействие своих чиновных петербургских знакомых — министра внутренних дел В. С. Ланского, министра народного просвещения А. С. Шишкова и петербургского генерал-губернатора гр. М. А. Милорадовича. 12 июля 1824 г. В. А. Каратыгин сообщал П. А. Катенину: «Грибоедов теперь хлопочет о пропуске своей прекрасной комедии «Горе от ума», которой вряд ли быть пропущенной» («Русский архив» 1871, № 6, стр. 241; ср. анонимный рассказ цензора, вероятно О. А. Пржецлавского, о визите Грибоедова к В. С. Ланскому — «Русская старина» 1874, № 6, стр. 296). О том, что Грибоедов хлопотал о продвижении «Горя от ума» не только в печать, но и на сцену, видно, между прочим, из письма его к С. Н. Бегичеву от июня 1824 г., где он признавался, что «хлопочет из дурацких рукоплесканий» (см. выше, стр. 471).

Прогноз В. А. Каратыгина оказался в значительной степени верным: хлопоты Грибоедова не увенчались успехом. Опубликовать комедию в полном и неприкосновенном виде цензура не разрешила, не была пропущена она и на театр. Между тем, Ф. В. Булгарин, незадолго перед тем сблизившийся с Грибоедовым, в сентябре 1824 г. получил разрешение издать театральный альманах «Пантеон драматической поэзии» (задуманный и, вероятно, в бо́льшей части собранный еще весною 1824 г.). Решено было провести «Горе от ума» через цензуру в составе этого альманаха, — если не целиком, то хотя бы в отдельных фрагментах. Но осуществление и этого паллиативного плана встретило в цензурном ведомстве серьезные затруднения, о которых можно отчасти судить по записке Грибоедова к Н. И. Гречу (приятелю и сотруднику Булгарина), написанной около 24 октября 1824 г. (см. выше, стр. 479). После долгих хлопот Ф. В. Булгарину удалось поместить в своем альманахе четыре сцены из I акта и весь III акт «Горя от ума». Альманах задержался в печати (цензурное разрешение его помечено 15 ноября 1824 г.) и вышел в свет в январе 1825 г., под заглавием: «Русская Талия. Подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год». Фрагменты «Горя от ума», напечатанные в «Русской Талии» (на стр. 257—316) с какого-то недошедшего до нас списка, очевидно, просмотренного Грибоедовым, воспроизводят окончательный текст «Жандровской рукописи», с некоторыми незначительными вариантами. Грибоедову, действительно, пришлось «подделаться» к глупости цензуры: текст был напечатан с обширными купюрами и переправками цензурного происхождения. Изъяты были не только отдельные «неблагонамеренно» звучавшие стихи (например, в 19-м явлении III акта — реплики Хлёстовой, Княгини, Скалозуба, Фамусова и Загорецкого о пансионах, школах, лицеях, «ланкартачных обучениях», Педагогическом институте, сожжении книг и баснях), но и все, что носило характер конкретного указания на правительственные учреждения («Ученый комитет»), на

чиновничество, офицерство и титулованную знать («министры», «начальник отделения», «княжны»), наконец, на «монаршее лицо».

Невозможность полного опубликования «Горя от ума» в печати несколько компенсировалась широким распространением рукописных копий комедии. Судя по большому количеству списков, дошедших до наших дней, свидетельство А. А. Жандра о «множестве списков», изготовленных летом и осенью 1824 г. в его канцелярии, не приходится считать преувеличенным. Комедия переписывалась множество раз и впоследствии. С первоначальных копий, восходящих к «Жандровской рукописи», снимались новые, и текст при этом зачастую, конечно, искажался до неузнаваемости. В 1830 г. Ф. В. Булгарин уже заметил в печати по поводу «Горя от ума»: «Первый списанный экземпляр сей комедии быстро распространился по России, и ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где б не было списка сей комедии, по несчастию, искаженного переписчиками» («А. С. Грибоедов», стр. 27).

Особый интерес представляет эпизод с распространением списков «Горя от ума» деятелями тайных политических обществ в прямых агитационно-пропагандистских целях. Декабрист Д. И. Завалишин рассказывает, что «литературные деятели» Северного общества весною 1825 г. «захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова, не надеясь никаким образом на дозволение напечатать ее. Несколько дней сряду собирались у [А. И.] Одоевского, у которого жил Грибоедов, чтоб в несколько рук списывать комедию под диктовку... На мою долю досталось первому привезти эту комедию в Москву и в Казань» («Записки декабриста», СПБ., [1906], стр. 100; ср. его же «Воспоминания о Грибоедове» — «А. С. Грибоедов», стр. 159). Также и декабрист А. С. Гангеблов повез список «Горя от ума» на Кавказ (см. его «Воспоминания», М., 1888, стр. 156).

Многие из дошедших до нашего времени списков «Горя от ума» (в том числе и так называемые «театральные») обследованы и изучены (см. сводку данных в академическом издании, т. II, стр. 230—231, 260—266; Н. Никашов. Творческая история «Горя от ума», стр. 98—105, 127—135; П. Богословский. Уральский список «Горя от ума», Пермь, 1929; «Литературный архив», I, М.-Л., 1938, стр. 222).

Таким образом, только в 1825 г. текст «Горя от ума» в основном установился окончательно, был закреплен в «Жандровской рукописи», частично и с цензурными урезками был опубликован в альманахе «Русская Талия» и распространился во многих списках. Но на этом история текста «Горя от ума» не кончается. Предпринимал ли Грибоедов после 1824 г. новые попытки напечатать комедию целиком — не известно. Но не подлежит сомнению, что мысль об опубликовании «Горя от ума» никогда его не оставляла. Условия жизни Грибоедова в 1825—1828 гг. были таковы, что он не имел возможности лично заняться продвижением комедии в печать и на сцену и поручил это Ф. В. Булгарину. В связи с этим и возник позднейший из дошедших до нас трех авторизованных текстов «Горя от ума» — «Булгаринский список».

Возникновение его следует отнести к марту — июню 1828 г., когда Грибоедов в последний раз находился в Петербурге. Сам

Ф. В. Булгарин в 1832 г. засвидетельствовал в официальном письме: «Грибоедов, уезжая посланником в Персию, дал мне полное право распоряжаться сею комедиею и передал на нее право собственности собственноручною надписью на подлинной комедии и особою формальною бумагой» («Библиографические записки» 1859, № 20, стбц. 621). «Формальная бумага» до нас не дошла, но на титульном листе «Булгаринского списка», действительно, имеется следующая надпись Грибоедова, сделанная им накануне его отъезда в Персию: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июля 1828».

Грибоедову так и не довелось увидеть свою комедию напечатанной целиком. Впервые она была издана отдельно в немецком переводе (Карла фон Кнорринга), в Ревеле, в 1831 г. Два года спустя появилось первое русское издание. Согласившись с мнением цензора Л. Цветаева, что некоторые сцены в комедии «противны благопристойности и нравственности», Московский цензурный комитет, а за ним и Главное управление цензуры, возглавлявшееся мракобесным министром народного просвещения гр. С. С. Уваровым, и на этот раз отказались одобрить ее к напечатанию. Но судьбу комедии неожиданно решила резолюция самого Николая I: «Печатать слово от слова, как играется, можно; для чего взять манускрипт из здешнего театра». Таким образом, текст первого издания, вышедшего в 1833 г. в Москве, был изуродован цензурными купюрами, внесенными цензурою в список, разрешенный к исполнению на сцене. Второе издание «Горя от ума» появилось только в 1839 г. (со вступительной статьей Кс. А. Полевого). К тридцатым же годам относятся два анонимных и бесцензурных издания. С 1858 г. стали появляться заграничные полные (бесцензурные) издания, печатавшиеся с различных списков. В России первое легальное полное издание комедии вышло только в 1862 г.

Первая попытка осуществить постановку «Горя от ума» на сцене была сделана в мае 1825 г. учащимися Петербургского театрального училища, — без ведома цензуры и по инициативе известного впоследствии актера и водевилиста П. А. Каратыгина. «Мы живо принялись за дело, — рассказывает Каратыгин в своих записках, — в несколько дней расписали роли, в неделю их выучили и дело пошло на лад. Сам Грибоедов приезжал к нам на репетиции и очень усердно учил нас... Надо было видеть, с каким простодушным удовольствием он потирал себе руки, видя свое «Горе от ума» на нашем ребяческом театре... На одну из репетиций он привез с собой А. А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера — и те также нас похваливали». Но накануне самого представления, во время последней репетиции, спектакль был запрещен петербургским генерал-губернатором гр. М. А. Милорадовичем на том основании, что «пьесу, не одобренную цензурою, нельзя позволить играть в театральном училище». «Мы... отправились тотчас же к Грибоедову с этим роковым известием, что, конечно, его сильно огорчило» — пишет П. А. Каратыгин («А. С. Грибоедов», стр. 111—113).

В октябре 1827 г. «Горе от ума» было представлено в Эривани, в Сардарском дворце, в исполнении молодых офицеров Кавказского корпуса. На этом любительском спектакле будто бы присутствовал Грибоедов. Известны и некоторые другие, более поздние,

любительские постановки комедии Грибоедова. В 1830 г. несколько молодых людей разъезжали по Петербургу в каретах, засылали в знакомые дома карточку, на которой было написано: «III акт Горя от ума», входили в дом и разыгрывали там отдельные сцены из комедии (см. М. Г[амазов]. Первые представления комедии «Горе от ума». 1827—1832. Из воспоминаний участника — «Вестник Европы» 1875, № 7, стр. 319—332).

На большой сцене «Горе от ума» появилось уже после смерти Грибоедова. Программа спектакля постепенно расширялась: 2 декабря 1829 г. в Петербургском Большом театре впервые была представлена (в составе «интермедии») одна сцена из I акта комедии; 5 февраля 1830 г. там же в первый раз шел III акт (целиком); 16 июня того же 1830 г. были показаны два действия комедии — третье и четвертое (начиная с 9 октября к ним присоединилась и одна сцена из I акта). Полностью, хотя и в искаженном цензурою виде, «Горе от ума» было впервые представлено в Петербурге 26 января 1831 г., в бенефис Я. Г. Брянского, с участием прославленных актеров того времени — В. А. Каратыгина (Чацкий) и И. И. Сосницкого (Репетилов). В Москве III и IV акты «Горя от ума» были показаны в первый раз 25 февраля 1831 г., а вся комедия полностью — 27 ноября 1831 г., с участием М. С. Щепкина (Фамусов) и П. С. Мочалова (Чацкий). Отзывы присяжных театральных критиков и о петербургской и о московской постановках были отрицательными (см. статьи В. А. Ушакова, Ф. В. Булгарина и И. В. Киреевского, перепечатанные в книге «А. С. Грибоедов и его сочинения», изд. Е. Серчевского, СПБ., 1858, стр. 294—337). Из отзывов зрителей первых грибоедовских спектаклей интересны отзыв петербургского чиновника И. Е. Гогниева («Литературный архив», I, М.-Л., 1938, стр. 293) и поэта Н. М. Языкова («Литературное наследство» № 19/21, М., 1935, стр. 58). Перечень представлений «Горя от ума» со дня первого спектакля до 4 января 1895 г., а также список актеров, исполнявших комедию за этот период, см. в «Ежегоднике императорских театров», сезон 1893—1894 гг., Приложения, стр. 45—67.

Задолго до появления в печати комедия Грибоедова, как только она стала известна в авторских читках, а несколько позже распространилась в списках, вызвала оживленный обмен мнений. «О политическом значении ее судили разно, — писал декабрист Д. И. Завалишин, — потому что и либеральная партия и противная ей одинаково черпали в ней аргументы, одни для осмеяния старых порядков, другие, чтобы выказать всю пустоту стремлений, бесплодной критики и насмешек людей, которые бессильны создать лучшее или устремляют свое действие против вещей нравственно безразличных, и тем самым компрометируют патриотизм, нравственность и пр., заставляя их гнаться за странными целями и выставляя чрез то в смешном виде их стремления» («Записки декабриста», СПБ., [1906], стр. 100).

До нас дошли отзывы о «Горе от ума» многих замечательных современников Грибоедова. Из них наибольшего внимания заслуживают высказывания А. С. Пушкина (в письмах к А. А. Бестужеву от января 1825 г. и к П. А. Вяземскому от 28 января 1825 г.; см. также в «Путешествии в Арзрум»), П. А. Катенина («Письма

П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПБ., 1911, стр. 74, 76—78), Н. М. Языкова («Письма Н. М. Языкова к родным», СПБ., 1913, стр. 203 и 208). Поскольку комедия не была ни издана, ни представлена на театре, вначале не представлялось возможным подвергнуть ее широкому публичному обсуждению в печати. Опубликование фрагментов «Горя от ума» в альманахе «Русская Талия» немедленно вызвало оживленнейшую журнальную полемику, причем спор шел о всей комедии в целом, а не только о напечатанных отрывках. В полемике приняли участие наиболее видные представители тогдашней литературной критики и журналистики — Н. А. Полевой, П. А. Вяземский, А. А. Бестужев, Н. И. Греч, О. М. Сомов, В. Ф. Одоевский, и страстные антагонисты Грибоедова — М. А. Дмитриев и А. И. Писарев, критические замечания которых о «Горе от ума» носили крохоборческий характер и отличались крайней запальчивостью тона. Основная критическая литература, посвященная комедии Грибоедова, учтена в обзоре Н. К. Пиксанова, во II томе академического издания (стр. 303—335); см. также «Очерк литературы о Грибоедове» Александра Блока (в его «Собрании сочинений», т. XI, Л., 1934, стр. 83—130). Дополнительно см. сводку эпиграмматической литературы 1820-х гг., возникшей вокруг «Горя от ума», в сборнике «Эпиграмма и сатира», т. I, М.-Л., 1931, стр. 198—223, а также позднейший отклик В. К. Кюхельбекера на полемику 1825 г. («Дневник В. К. Кюхельбекера», Л., 1929, стр. 91—92).

II

Существует обширная литература, посвященная «прототипам» персонажей, действующих в «Горе от ума». Уже современники Грибоедова много гадали о том, кто из москвичей двадцатых годов был выведен в грибоедовской комедии (см. сводку данных во II томе академического издания, стр. 336—352). Безусловно, Грибоедов в образах «Горя от ума» ставил перед собою задачу не мелочного копирования некиих определенных лиц, а широкой и обобщающей художественной типизации. Но «все действующие лица пьесы кажутся нам как будто знакомыми, — писал критик тридцатых годов В. А. Ушаков. — Это галлерея вымышленных портретов, в коих мы видим такую выразительность, что каждый из нас, глядя на оные, старается угадать, с кем они схожи. Это доказывается тем, что многие до сих пор приискивают подлинников для сих чад фантазии Грибоедова» («Московский телеграф», 1830, № 12—13). В большинстве случаев эти догадки — не обоснованы и не убедительны (в Чацком, например, видели П. Я. Чаадаева, что мало согласуется с его реальным обликом). Однако в отдельных случаях с большой долей вероятия можно допустить, что Грибоедов имел в виду реально существовавших лиц московского общества, знакомого ему досконально.

Так, например, в лице Фамусова (фамилия произведена от французского слова fameux, fameuse, или латинского famosus — знаменитый, известный, в своем роде замечательный), по свидетельству М. А. Дмитриева («Мелочи из запаса моей памяти», М.,

1869, стр. 243), был выведен Алексей Федорович Грибоедов, столь ярко обрисованный А. С. Грибоедовым в коротком наброске «Характер моего дяди» (см. выше, стр. 381). В образе старухи Хлёстовой Грибоедов, весьма вероятно, имел в виду Н. Д. Офросимову, широко известную в Москве крутым характером и независимостью мнений. Еще в 1807 г., под фамилией «Набатова», ее вывел гр. Ф. В. Ростопчин в комедии «Вести, или Живой покойник», а значительно позже — Лев Толстой, в романе «Война и мир» (под именем М. Д. Ахросимовой). В Репетилове (фамилия произведена от латинского слова repeto — повторяю, и имеет значение: человек, говорящий с чужих слов, повторяющий чужие мнения) можно видеть некоего Н. А. Шатилова — сослуживца Грибоедова по Московскому и Иркутскому полкам, присяжного остроумца и болтуна, разносчика сплетен и эпиграмм, типичного представителя московской окололитературной среды двадцатых годов. В образе Платона Михайловича Горича современники различали некоторые черты Д. Н. Бегичева. Под владельцем крепостного театра, упомянутым Чацким («А наше солнышко? наш клад?.. — см. стр. 23), по свидетельству осведомленного П. А. Вяземского, Грибоедов имел в виду П. А. Позднякова, устроившего в Москве театр; «на балах его, спектаклях и маскарадах не было недостатка в посетителях: вся Москва так и рвалась и навязывалась на приглашения его» («Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», т. VIII, СПБ., 1883, стр. 161). Упоминая о «Несторе негодяев знатных...» (см. стр. 42), променявшем своих крепостных людей на борзых собак, Грибоедов, очевидно, намекал на известного в свое время генерала Л. Д. Измайлова — богатейшего помещика, «прославившегося» развратным поведением и зверским обращением с крепостными; в частности, известно, что Измайлов «четырех человек дворовых, служивших ему по тридцать лет, променял помещику Шебякину на четырех борзых собак» (см. С. Словутинский. Генерал Измайлов и его дворня, М.-Л., 1937, стр. 167, 194, 235). В Татьяне Юрьевне, о которой с таким почтением говорит Молчалин (см. стр. 59—60), современники безошибочно угадывали П. Ю. Кологривову, пользовавшуюся большим влиянием в московском дворянском обществе и «прославившуюся особенно тем, что муж ее, однажды спрошенный на бале одним высоким лицом, кто он такой, до того растерялся, что сказал, что он муж Прасковьи Юрьевны, полагая, вероятно, что это звание важнее всех его титулов» (Д. Н. Завалишин — «А. С. Грибоедов», стр. 160; ср. вариант реплики Молчалина о Татьяне Юрьевне (Дмитревне) по «Музейному автографу» — выше, стр. 116). Под Князем Федором, «химиком и ботаником», о котором рассказывает княгиня Тугоуховская (см. выше, стр. 82), по свидетельству Т. П. Пасек («Из дальних лет», т. I, СПБ., 1878, стр. 55), имеется в виду А. А. Яковлев (двоюродный брат А. И. Герцена) — «умный, ученый и образованный», известный в обществе под прозвищем: «Химик». И, наконец, не вызывает никаких сомнений, что в лице «н'очного разбойника, дуэлиста», о котором рассказывает Чацкому Репетилов (см. стр. 93), был изображен гр. Ф. И. Толстой, известный под прозвищем: «Американец». Этот, по определению Льва Толстого, «необыкновенный, преступный

и привлекательный человек», был знаменит своими приключениями воина, путешественника, дуэлиста и картежника. В Камчатку он, впрочем, сослан не был, по участвовал в кругосветной экспедиции и, поссорившись с ее руководителем, был оставлен на Алеутских островах (принадлежавших в ту пору России), провел некоторое время в Америке и вернулся в Россию через Камчатку. О Толстом писали также А. С. Пушкин, П. А. Вяземский и др.

Далее приводим отдельные пояснения к тексту комедии.

К стр. 13. А всё Кузнецкий мост и вечные французы ... и т. д. — На Кузнецком мосту (одной из центральных улиц в Москве) были расположены французские магазины — модные, книжные и кондитерские.

К стр. 15. Берем же побродяг, и в дом и по билетам... — Приходящим учителям после каждого урока давали «билеты» — квитанции, по которым впоследствии они получали вознаграждение.

К стр. 23. Дом зеленью раскрашен в виде рощи... — В грибоедовское время было в обычае покрывать стены комнат рисунками растений и деревьев.

К стр. 24. Ученый комитет был учрежден в 1817 г. с целью осуществления идеологического контроля над изданием учебной литературы и различными проектами по ученой части. И дым отечества нам сладок и приятен... — цитата, восходящая к «Одиссее» Гомера и к латинской пословице: «Et fumus patriae est dulcis» («И дым отечества сладок»), поставленной, между прочим, эпиграфом к журналу «Российский музеум» (1792—1794). В русской литературе XVIII — начала XIX вв. это выражение встречается у нескольких авторов. Ближайший источник цитаты — стихотворение Г. Р. Державина «Арфа» (1798):

Звучи нам добра весть о нашей старине:
Отечества и дым нам сладок и приятен...

К стр. 29. С ключом, и сыну ключ умел доставить... — Золотой ключ, привешивавшийся к мундиру, служил знаком камергерского звания.

К стр. 31. Вельможа в случае — фаворит.

К стр. 40. Пожар способствовал ей много к украшенью... — После пожара 1812 г. Москва быстро застраивалась новыми зданиями.

К стр. 41. Времен Очаковских и покоренья Крыма... — Взятие турецкой крепости Очаков и завоевание Крыма произошли в 1783 г.

К стр. 46. Реплика Лизы: «Для компаньи?», как сообщил П. А. Вяземский, принадлежит ему. В первоначальной редакции «Чацкий говорил: «Желал бы с ним убиться для компаньи». Тут заметил я, что влюбленному Чацкому... неловко употреблять пошлое выражение «для компаньи», а лучше передать его служанке Лизе. Так Грибоедов и сделал» («Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», т. VII, стр. 343).

К стр. 52. Хрипун, удавленник, фагот... — В грибоедовское время армейских офицеров с щегольскими замашками иронически называли «хрипунами»; самое слово «хрип», по разъяснению П. А. Вяземского, «означало какое-то хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хриплостью голоса».

К стр. 65. Ты обер или штаб?.. — Обер-офицерскими считались младшие офицерские чины (от прапорщика до капитана), штаб-офицерскими — старшие (от майора до полковника).

К стр. 82. Да от Ланкартачных взаимных обучений... — Ланкартачный — искаженное слово: ланкастерский. Учебная система английского педагога Ланкастера (1771—1838), по которой более сильные ученики должны были помогать слабейшим, пользовалась широкой популярностью в России, где «Общество училищ взаимного обучения» было открыто в 1819 г. Ревнителями ланкастерской системы были многие участники тайных политических обществ. В правительственных и полицейских кругах к ланкастерским школам относились подозрительно, как к рассаднику вольномыслия. Грибоедову безусловно был известен политический процесс В. Ф. Раевского — «первого декабриста», арестованного в 1820 г. по обвинению во «вредной пропаганде» среди солдат, именно в связи с его преподавательской деятельностью в ланкастерской школе. Такою же репутацией рассадников политического и религиозного вольномыслия пользовались в реакционной дворянской среде Благородный пансион при Московском университете, Царскосельский лицей и Петербургский Педагогический институт. В 1821 г. четырем профессорам этого института (Раупаху, Герману, Арсеньеву и Галичу) было предъявлено обвинение в «открытом отвержении истин священного писания и христианства, соединяющемся всегда с покушением ниспровергнуть и законные власти»; профессорам было запрещено преподавание, и история эта получила широкую огласку.

К стр. 91. О камерах, присяжных... — В русском обществе двадцатых годов много говорили о палатах (камерах) депутатов в конституционных государствах и о введении в России судопроизводства с участием присяжных заседателей. В частности, вопрос о суде присяжных усиленно дебатировался в декабристской среде (см. конституцию Никиты Муравьева, работы и заметки по юриспруденции Н. И. Тургенева и П. И. Борисова).

К стр. 93. «Ah! non lasciar mi, no no, no!» («Ah! non lasciar mi, no no, no!») — популярная песенка из оперы итальянского композитора XVIII в. Балтазара Галуппи — «Покинутая Дидона».

К стр. 102. Реплика Молчалина: «Мне завещал отец...» и т. д. разительно напоминает слова писателя-революционера XVIII века А. Н. Радищева в его «Житии Ф. В. Ушакова»: «Большая часть просителей думают, и нередко справедливо, что для достижения цели нужна приязнь тех, кто хотя мизинцем до дела их касается, и для того употребляет ласки, лесть, искательство, дары, угождения и все, что вздумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но ко

всем его приближенным, как то: к секретарю его, к секретарю его секретаря, если у него оный есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят» («Житие Ф. В. Ушакова» было издано в 1789 г., без имени Радищева).

К стр. 106. В работу вас, на поселенье вас!.. помещики имели право отправлять своих крепостных, в порядке репрессии, в Сибирь — в каторжные работы или на поселение.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ

Печатается по тексту первого издания (СПБ., 1815, цензурное разрешение — 18 июня 1815 г.). Комедия, написанная, по свидетельству Ф. В Булгарина и С. Н. Бегичева, в 1814 г., представляет собою очень свободную переделку популярной комедии французского драматурга Крезе де Лессе (1771—1839) — «Le Secret du ménage» («Семейная тайна»), 1809 г. Из трех актов французской комедии Грибоедов сделал один, упростил и отчасти изменил ее сюжет, заменил одну женскую роль мужской ролью Сафира, ввел в текст несколько вставок от себя (таковы, например, монолог Ариста на стр. 122 — 123 и романс Эльмиры на стр. 133 — 135).

В первый раз «Молодые супруги» были представлены в Петербурге 29 сентября 1815 г.; в Московском театре первое представление состоялось 4 июля 1816 г. Впоследствии постановка комедии часто возобновлялась и пользовалась довольно прочным успехом.

В 1817 г. по поводу возобновления на сцене «Молодых супругов» появилась критическая заметка М. Н. Загоскина (в «Северном наблюдателе» 1817, № 5), вызвавшая памфлет Грибоедова «Лубочный театр» (см. примечание на стр. 602 наст. изд.). Сочувственно отозвался о комедии А. А. Вестужев в обзорной статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» («Полярная звезда» на 1823 г., стр. 34).

СТУДЕНТ

Печатается по тексту академического издания, где комедия была опубликована по рукописи, на две трети писанной П. А. Катениным (остальная часть писана переписчиком, но носит поправки Катенина). Отрывки из нее были впервые опубликованы в «Сборнике, издаваемом студентами С.-Петербургского университета», вып. II, СПБ., 1860, а полностью комедия в первый раз была напечатана лишь в 1889 г., во II томе издания Шляпкина.

Комедия была написана Грибоедовым сообща с П. А. Катениным в 1817 г. (не позже июля). Что именно в ней принадлежит Грибоедову — не установлено за отсутствием данных. При жизни авторов комедия на сцене не ставилась.

Комедия была написана в литературно-полемических целях; в ней осмеяно сентиментально-элегическое направление в русской

поэзии 1810-х гг., с которым боролись Грибоедов и Катенин. Комедия начинена пародиями на стихи К. Н. Батюшкова и В. А. Жуковского и прямыми цитатами из этих и других поэтов, примененными иронически (см. ниже). Кроме того, комедия явно направлена против М. Н. Загоскина — в ту пору литературного противника Грибоедова, и в этом отношении должна быть сопоставлена с грибоедовским памфлетом «Лубочный театр», написанным в октябре того же 1817 г. Самое имя героя комедии — Беневольский — воспроизводит псевдоним М. Н. Загоскина «Ювенал Беневольский», которым тот подписывал свои статьи в журнале «Северный наблюдатель» (1817). Подобно Беневольскому из «Студента», и Загоскин приехал в столицу из провинции — в качестве начинающего литератора.

К стр. 165. Я сын волжских берегов... — ср. у В. Л. Пушкина: «Питомцы волжских берегов» (из стихотворения «К жителям Нижнего-Новгорода», напечатанного в 1815 г.).

К стр. 169. Сын Филиппов — Александр Македонский.

К стр. 171. Сердце имеет свою память... — Ср. у К. Н. Батюшкова: «О память сердца, ты сильней Рассудка памяти печальной» (из стихотворения «Мой гений», 1815 г.).

К стр. 172. Илья Муромец. Имеется в виду стиховая «богатырская сказка» Н. М. Карамзина «Илья Муромец», где рассказывается, как этот богатырь, повстречав спящую красавицу, в течение нескольких дней «сидит как вкопанный; забывает пищу, нужный сон».

К стр. 183. Законы вас осуждают, но какой закон святее любви?.. — Ср. у Н. М. Карамзина (в повести «Остров Борнгольм», 1794 г.):

Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце! может
Противиться тебе?
Какой закон святее
Твоих врожденных чувств?

Эти же стихи вспоминает Хлестаков в «Ревизоре» Гоголя (д. IV, явл. 13).

К стр. 195 — 196. Стихи, которые читает Беневольский «О лары и пенаты!..» — пародия на послание К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (напечатанное в 1817 г.):

Отечески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новоселье
Смиренно здесь и там
Расставил по углам...

О, всемогущее вино! веселие героя!... и И стукнем в чашу чашей... и т. д. — цитаты из стихо-

творений В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812) и «К Батюшкову» (1813).

К стр. 207. Песенка, которую поет Саблин: «Vive, Henri quatre!» — популярные куплеты из пьесы французского драматурга Колле «La partie de chasse de Henri IV» (1766). Эта песенка, как и песенка из Жоконда (см. стр. 595), была привезена русскими из заграничного похода 1814 г. Пушкин в «Метели» пишет: «Музыка играла завоеванные песни: „Vive Henri Quatre", тирольские вальсы и арии из „Жоконда"». Плепительные мелодии певцов своей печали... — В этих словах Беневольского явно пародировано стихотворение А. С. Пушкина «Певец», написанное по образцу французских «унылых элегий» и напечатанное в июле 1817 г. в первой книжке «Северного наблюдателя»:

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали? *и т. д.*

Грибоедов познакомился с Пушкиным в середине июня 1817 г., а П. А. Катенин, очевидно, в середине июля того же 1817 г.

К стр. 208. Наш вход в Париж — т. е. вступление в Париж русской гвардии в 1814 г. (П. А. Катенин участвовал в заграничном походе 1813—1814 гг. и был в Париже).

К стр. 209 — 211. Стихи, которые читает Беневольский: «Дружись, о друг, с мечтой...» и т. д. — пародируют темы и манеру поэтов сентиментально-элегического стиля; в иных случаях здесь можно усмотреть пародию на отдельные стихотворения В. А. Жуковского (в частности, «К Батюшкову» и «Уединение»), К. Н. Батюшкова и В. Л. Пушкина. Такую же пародийную роль играют реплики Беневольского («неопределенность будущего, сумрак дальний», «тихое, сладостное мечтание», «что-то высшее, незнаемое» и т. п.).

К стр. 214. В лице Прохорова, как полагают, выведен содержатель театральной типографии Похорский, издававший журнал «Северный наблюдатель» (совместно с М. Н. Загоскиным).

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ «СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА»

Печатается по тексту первой публикации в «Сыне отечества» 1817, ч. 42, № 48. Отдельное издание комедии вышло в Петербурге, в 1818 г.

Основным автором комедии был А. А. Шаховской, предпославший отдельному ее изданию следующее предисловие: «Желая сочинить новую комедию для бенефиса г-жи Вальберховой... я выбрал такое содержание пьесы, в котором бы могла она показать разнообразность игры своей, и старался сколько можно связать простой интригою эпизодические явления. Времени до назначенного дня, для бенефиса, оставалось мало и, боясь не сдержать моего обещания, я просил А. С. Грибоедова и Н. И. Хмельницкого помочь мне: они, по приязни своей ко мне, согласились, и первый написал все начало второго действия до ухода Феклы ⟨Мавры⟩ Савишны; а вто-

рой в третьем действии сцену, в которой Бирюлькин экзаменует Наташу. Благодарность и справедливость требуют, чтоб я сделал сие известным и не присвоил себе чужого».

Время работы Грибоедова над порученными ему сценами — конец августа или самое начало сентября 1817 г. — устанавливается на основании письма его к С. Н. Бегичеву от 4 сентября (см. выше, стр. 442, также в письме к П. А. Катенину от 19 октября 1817 г., на стр. 444).

В отдельном издании комедии сцены, написанные Грибоедовым, появились в несколько переработанном виде. Поскольку нет твердой уверенности в том, что эта переработка была сделана самим Грибоедовым, а не А. А. Шаховским, — в настоящем издании сцены печатаются в первой, журнальной редакции.

В первый раз «Своя семья» была представлена в Петербурге 24 января 1818 г. Отзыв о спектакле см. в «Сыне отечества» 1818, ч. 43, № 5. Впоследствии постановка комедии возобновлялась неоднократно.

ПРИТВОРНАЯ НЕВЕРНОСТЬ

Печатается по тексту первого издания (СПБ., 1818; цензурное разрешение 7 февраля 1818 г.).

Комедия была переведена Грибоедовым с французского сообща с А. А. Жандром (Жандр перевел только XII и XIII явления; в настоящем издании они напечатаны петитом). Работу Грибоедова над переводом можно приурочить к октябрю 1817 — январю 1818 г. Об обстоятельствах написания комедии см. в письмах Грибоедова к П. А. Катенину от 19 октября 1817 г. и к С. Н. Бегичеву от 15 апреля 1818 г. (см. выше, стр. 443 — 445).

«Притворная неверность» является вольным переводом комедии французского драматурга Барта (1737—1785) «Les fausses infidelités» (1768). На русский язык эта комедия впервые была переведена еще в 1772 г. (перевод анонимный, в прозе).

В первый раз «Притворная неверность» была представлена в Петербурге 11 февраля 1818 г. В Москве первое представление комедии состоялось 3 сентября 1818 г. Лестный отзыв о цьесе был дан (повидимому, Н. И. Гречем) в «Сыне отечества» 1818, № 19, стр. 263. В декабре 1820 г. «Притворная неверность» была представлена в Орле (см. Г. Гераков. Продолжение путевых записок, П., 1830, стр. 122). Впоследствии она возобновлялась на сцене неоднократно.

К стр. 252. Песенка из Жоконда, которую поет Блёстов, взята из либретто французской комической оперы Николо Изуара «Жоконд, или Искатель приключений», в русском переводе П. А. Корсакова (1815). Песенка эта пользовалась шумным успехом у петербургской молодежи.

ПРОБА ПИТЕРМЕДИИ

Печатается по академическому изданию, где воспроизведен текст цензурованного театрального списка (цензурное разрешение — 16 февраля 1818 г.). Впервые было напечатано в «Русском вестнике» 1873, № 9.

Время написания — февраль 1818 г. — устанавливается на основании указанной выше цензурной визы. Однако поставлена на сцене «Проба интермедии» была лишь 10 ноября 1819 г., в Петербургском Большом театре. Грибоедов в это время был на Кавказе.

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

Печатается (с некоторыми поправками) по академическому изданию, где воспроизведен текст наиболее авторитетного цензурованного театрального списка (цензурное разрешение — 10 января 1824 г.). Впервые было напечатано (с другого театрального списка) в издании Шляпкина. Содержание водевиля было изложено, с цитацией отдельных отрывков, в «Русском вестнике» 1873, № 9.

Водевиль был написан Грибоедовым сообща с П. А. Вяземским в конце 1823 г. (предположительно в ноябре — декабре). Музыка к нему была написана композитором А. Н. Верстовским. «Мы условились в некоторых основных началах, — писал впоследствии П. А. Вяземский. — [Грибоедов] брал на себя всю прозу, расположение сцен, разговор и проч. Я брал — всю стихотворную часть, то-есть все, что должно быть пропето. Грибоедову принадлежит только один куплет:

Любит обновы
Мальчик Эрот *и пр.*..

Незадолго перед тем возвратился я из Варшавы. В память пребывания моего в Польше, предложил я Грибоедову перенести место действия в Польшу и дать вообще лицам и содержанию польский колорит... Водевильную стряпню свою изготовили мы скоро... Казалось, все шло хорошо. По первый день представления все изменил. Пиеса, сама по себе не очень оживленная занимательным и веселым действием, еще более задерживалась и, так сказать, застывала под вялою игрою актеров, из которых иные неохотно играли... Одним словом, если пиеса не совершенно пала, то разве от того, что на официальной сцене пиесы падать не могут» («Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», т. VII, СПБ., 1882, стр. 336—338).

В своем рассказе П. А. Вяземский допустил неточность: кроме куплетов «Любит обновы Мальчик Эрот» (эти куплеты были напечатаны отдельно — в «Вестнике Европы» 1824, № 5), Грибоедову безусловно принадлежит романс Рославлева-старшего «Неужли никогда в ней кровь...», совпадающий как по теме, так и по отдельным выражениям («Нет, не моей душе процвесть») с романсом «Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных...», известным в автографе Грибоедова. Все остальные куплеты принадлежат П. А. Вяземскому (в настоящем издании они напечатаны петитом). Варианты к тексту Грибоедова и куплетам П. А. Вяземского, встречающиеся в других списках водевиля, приведены в академическом издании (т. I, стр. 298—300) и в издании Шляпкина (т. II стр. 531—532).

В первый раз водевиль был представлен в Москве 24 января 1824 г. Успеха он действительно не имел и выдержал всего лишь

четыре представления. В недошедшем до нас письме к А. Н. Верстовскому Грибоедов, будто бы, выражал «большую заботу о постановке этой пьесы» (см. «Русский вестник» 1873, № 9, стр. 257; ср. две записки Грибоедова к А. Н. Верстовскому в академическом издании, т. III, стр. 151—152), но на спектакле не присутствовал (см. «Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», т. VII, стр. 340). «Причина неуспеха нашего скрывалась в закулисных тайнах», — писал П. А. Вяземский, ссылаясь на интриги своих и Грибоедова недоброжелателей, в первую очередь на А. И. Писарева и М. Н. Загоскина (см. там же, стр. 338 сл.). Водевиль был разруган в дружественном Писареву «Вестнике Европы» (1824, № 1, стр. 150; подписано: Н. Д.). В петербургском театре водевиль был представлен 11 сентября 1824 г. (Грибоедов в это время находился в Петербурге).

К стр. 275. С будущими — почтовый термин, означающий разрешение взять с собою спутника, от которого не требовалось почтовых проездных документов.

К стр. 299. Куплеты Андрея «Жизнь наша сон!..» были написаны П. А. Вяземским «в подражание французской песне, которую певал в то время завзятый француз» («Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», т. VII, стр. 338).

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ

ЮНОСТЬ ВЕЩЕГО

Печатается по тексту первой публикации в «Русском слове» 1859, № 5.

С. Н. Бегичев в своей «Записке об А. С. Грибоедове» сообщил: «Из планов будущих своих сочинений, которые он мне передавал, припоминаю я только один. Для открытия нового театра в Москве, осенью 1823 года, располагал он написать в стихах пролог в двух актах, под названием «Юность вещего». При поднятии занавеса юноша-рыбак Ломоносов спит на берегу Ледовитого моря и видит обаятельный сон, сначала разные волшебные явления, потом муз, которые призывают его и, наконец, весь Олимп во всем его величии. Он просыпается в каком-то очаровании; сон этот не выходит из его памяти, преследует его и в море, и на необитаемом острове, куда с прочими рыбаками отправляется он за рыбным промыслом. Душа его получила жажду познания чего-то высшего, им неведомого, и он убегает из отеческого дома. При открытии занавеса во втором акте, Ломоносов в Москве, стоит на Красной площади. Далее я не помню... Пролога он написать не успел, а театр открылся» («А. С. Грибоедов», стр. 13).

Время работы Грибоедова над прологом, указанное С. Н. Бегичевым (осень 1823 г.), не согласуется с датой открытия вновь отстроенного Московского Большого театра, которое состоялось значительно позже — 6 января 1825 г. (в этот день был исполнен пролог «Торжество муз», написанный М. А. Дмитриевым). Остается предположить, что либо Грибоедов, имея в виду предстоящее открытие Московского театра, решил написать свой пролог заблаговременно, либо приступил к нему в Петербурге в конце 1824 г.

⟨СЕРЧАК И ИТЛЯР⟩

Печатается по тексту первой публикации в «Русском слове» 1859, № 5. В рукописи Грибоедова отрывок никак не озаглавлен; в прежних изданиях он печатался под заглавием: «Диалог половецких мужей». За отсутствием данных, не представляется возможным установить, к какому именно году относится этот, повидимому, случайно уцелевший фрагмент стиховой драмы из эпохи войн половчан с русскими. Имеются веские основания полагать, что эта драма была написана Грибоедовым, если не полностью, то частично, не позже августа 1825 г. В неопубликованных воспоминаниях А. Н. Муравьева сообщается, что в августе 1825 г., в Крыму, Грибоедов читал ему фрагменты трагедии, из которой он запомнил «одну лишь сцену между половцами, позабыв ее название» (см. С. Голубов. А. Н. Муравьев об А. С. Грибоедове — «Литературная газета» 1939, № 46).

РОДАМИСТ И ЗЕНОБИЯ

Печатается по тексту первой публикации в «Русском слове» 1859, № 5 (с сохранением грибоедовской транскрипции в собственных именах: Родамист, Бахрат, Ассюд). К какому времени относится этот план трагедии — точно не установлено. Во всяком случае, он был записан не позже июля 1828 г., когда Грибоедов оставил у С. Н. Бегичева свою черновую тетрадь, в которой этот план был обнаружен.

В плане Грибоедова намечена, по существу, лишь завязка трагедии (два акта из предполагавшихся, повидимому, пяти). Материал и тема ее были взяты Грибоедовым из истории Грузии и Армении I века нашей эры. Основным источником для него послужили «Анналы» римского историка Тацита (кн. XII, гл. 44 сл.), где рассказана драматическая история Радамиста.

Различные детали в плане «Родамиста и Зенобии» свидетельствуют о том, что Грибоедов обращался и к иным материалам, в частности, к «Истории Армении» Моисея Хоренского (первый русский перевод — СПБ., 1809) и «Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie», par M.-I. Saint-Martin, vol. I—II, Paris, 1818—1819. См. также Л. Мсериянц. К вопросу об интересе Грибоедова к изучению Востока — «Известия II отделения Академии наук» 1908, т. XIII, кн. 4.

Эта же тема была разработана в знаменитой в свое время трагедии французского драматурга Кребильона-старшего (1674—1762) «Радамист и Зенобия» (1711), в 1810 г. изданной в русском стиховом переводе С. Висковатова и с успехом шедшей на сцене. Грибоедову кребильонова трагедия, разумеется, была известна, но его план не имеет с нею ничего общего, кроме заглавия и имен некоторых действующих лиц.

⟨1812 ГОД⟩

Печатается по тексту первой публикации в «Русском слове» 1859, № 5. К какому времени относятся эти наброски — точно не установлено. Колебания в датировке возможны между 1822 и 1828 гг.

К стр. 317. Галлерея в доме Познякова. — В 1812 г., когда французы были в Москве, в доме известного театрала П. А. Позднякова, на Никитской, в течение трех недель происходили спектакли французской труппы, посещавшиеся офицерами наполеоновской армии. Кстати, можно отметить ошибку Грибоедова: сам Наполеон не посетил этих спектаклей ни разу.

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ

Печатается по тексту первой публикации в «Русском слове» 1859, № 5. Там же приведены следующие варианты:

К стр. 323. После стиха «А ныне кинутой быть горько сиротой!»:

Так от людей надежды боле нет,
И вседержителем отвергнуто моленье!
Услышьте вы отчаянья привет
И мрака порожденье!

Далее, несколько отступя от этих стихов, записаны следующие:

Я крестным знаменьем от вас оборонялась,
Тогда была добра, имела сына я...

(Одна Али появляется на уединенном месте)

Кого клянешь?
На чью главу
Беды зовешь?

К стр. 324. После стиха: «Останки праведных и злобных» — два варианта:

Но нет их! Непокорны мне!..
Лишь тучи длинными грядами
Перебегают над холмами
И все крутятся... Ах, они!

—

Но нет их! Нет! И что́ мне в чудесах
И в заклинаниях напрасных!
Нет друга на земле и в небесах,
Ни в боге помощи, ни в аде для несчастных!

После стиха: «И воет ветр... Ах, вот они!» — также два варианта:

Али.

Ты здесь! Но ты, исчадье праха,
Где ты украла волоса?
Они нам сила и душа
Отдай их нам...
Умри со страха!

—

Мы здесь, по гибель и напасть
Тому, кто взыщет ада власть.
Не цепенеешь ли со страха,
Увидя нас, исчадье праха?

Т

Ах! Вот они! Язык прикован мой!
Но не умру с испуги.
Вот ваши волоса... Вот суд вам роковой:
Кто их имеет, тех вы слуги.

По свидетельству Ф. В. Булгарина, согласующемуся с рассказом С. Н. Бегичева, Грибоедов работал над трагедией «Грузинская ночь» во время своего пребывания в Грузии с сентября 1826 по начало мая 1827 г. (ср. в письме к С. Н. Бегичеву от 9 декабря 1826 г.: «Я на досуге кое что пишу» — выше, стр. 506). Приехав 14 марта 1828 г. в Петербург, Грибоедов привез с собою трагедию и читал ее Булгарину; в апреле 1828 г. Булгарин, будучи в Дерпте, рассказывал Н. М. Языкову, что «Грибоедов написал трагедию, какой не бывало под солнцем — Грузинская ночь» («Письма Н. М. Языкова к родным», СПБ., 1913, стр. 354).

Содержание трагедии известно из следующего пересказа Ф. В. Булгарина: «Во время военных и дипломатических занятий Грибоедов, в часы досуга, уносился душою в мир фантазии. В последнее пребывание свое в Грузии он сочинил план романтической трагедии и несколько сцен, вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он: «Грузинская ночь»; почерпнул предмет оной из народных преданий и основал на характере и нравах грузин. Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекает его в бесчеловечном поступке, припоминает службу свою и требует или возврата сына, или позволения быть рабою одного господина, и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю, — забывает обещание. Но мать помнит, что у нее оторвано от сердца детище, и, как азиятка, умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает Дели ⟨Али⟩, злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет Дели ⟨Али⟩ вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели ⟨Али⟩ несут пулю в сердце его дочери. Еще не свершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружья, чтоб поразить князя, — и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Они гибнут в отчаянии. Трагедия, основанная, как выше сказано, на народной грузинской сказке,

если б была так кончена, как начата, составила бы украшение не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоедов читал нам наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедия сия погибла вместе с автором!..» («Воспоминания о незабвенном А. С. Грибоедове» — «Сын отечества» 1830, ч. 131, № 1, стр. 28—30).

Из рассказа Ф. В. Булгарина следует, что Грибоедов сочинил только «план» трагедии и «несколько сцен» (первый из дошедших до нас фрагментов трагедии как раз и является сценой, которую Грибоедов читал Булгарину и его друзьям). Однако С. Н. Бегичев, которому Грибоедов также читал наизусть сцены из «Грузинской ночи» в середине июня 1828 г., говорит о трагедии, как о законченном произведении: «На пути к месту своего назначения Грибоедов пробыл у меня три дня. В разговорах наших, между прочим, спросил я его, не написал ли он еще комедии, и нет ли еще нового плана. «Я уже говорил тебе при последнем свидании», — отвечал он, — «что комедии больше не напишу, веселость моя исчезла, а без веселости нет хорошей комедии. Но есть у меня написанная трагедия». И тут же рассказал он содержание и прочел наизусть читанные им сцены в Петербурге... Но на убеждения мои прочесть всю трагедию он никак не согласился. «Я теперь еще к ней страстен, — говорил он, — и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать» («А. С. Грибоедов», стр. 14).

Злые духи Ал и фигурируют во многих грузинских народных преданиях (литературную обработку одного из таких преданий встречаем у известного грузинского писателя XIX века Эгнате Ниношвили, в легенде «Али»). По разъяснению Н. Березнова («О грузинской медицине» — «Кавказский календарь» на 1857 г.), «есть молитва, в которой гном, известный у грузин под именем Али (буквально: пламень), обрисован рельефно. По народному поверью, Али — дух женского пола, и он особенно преследует родильниц; часто является он им в образе повивальных бабок, умерщвляет дитя, а родительницу уводит и бросает в реку». В грузинском фольклоре Али изображается «женщиною, у которой зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь рост, и говорит-то она хотя и языком человеческим, но все наоборот, и вся создана будто наизнанку и все члены у ней будто выворотные... Уверяют, что она невольно делается рабою того, кто отрежет у ней косу, а так как Али расчесывает свои волосы на пустынном берегу реки, то это можно сделать при известных условиях».

В первом из дошедших до нас фрагментов, судя по плану трагедии, пересказанному Ф. В. Булгариным, участвуют Князь и Кормилица. Литера К, очевидно, обозначает у Грибоедова слово «Князь», а Т — какое-либо грузинское женское имя (например, Тамара или Тинатин).

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОТ АПОЛЛОНА

Печатается по тексту первой публикации в «Сыне отечества» 1815, т. XXV, № 45 (ноябрь), — в составе рецензии Н. И. Греча на комедию А. А. Шаховского «Липецкие воды», за подписью: NN. Принадлежность эпиграммы Грибоедову установлена со слов С. Н. Бегичева (см. «Исторический вестник» 1909, № 4, стр. 160). Написана она была вероятнее всего в ноябре 1815 г., когда особенно разгорелись споры вокруг комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (представленной в первый раз на петербургском театре 23 сентября 1815 г.), в которой в лице чувствительного поэта-«балладника» Фиалкина был зло осмеян В. А. Жуковский. Комедия вызвала оживленнейшую полемику между «шишковистами» и «карамзинистами». Друзья и поклонники Жуковского (П. А. Вяземский, Д. В. Дашков, Д. Н. Блудов и др.) выступили в печати с рядом эпиграмм и памфлетных статей, направленных в адрес Шаховского. Приятели комедиографа, в свою очередь, выступили в его защиту (например, М. Н. Загоскин — в пьесе «Комедия против комедии, или Урок волокитам», представленной 4 ноября 1815 г.). Сам Жуковский писал по поводу этой полемики: «Теперь страшная война на Парнасе... Город разделился на две партии, и французские волнения забыты при шуме парнасской бури» («Русский архив» 1864, стбц. 459). Сводку данных о полемике и подборку эпиграмм против Шаховского см. в сборнике «Эпиграмма и сатира», т. I, М.-Л., 1931, стр. 11—18 и 87—93.

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТР

Печатается по тексту первой публикации в «Сборнике, издаваемом студентами С.-Петербургского университета», вып. II, СПБ., 1860. Отрывок «Лубочного театра» (последние 12 строк) появился в печати еще в 1837 г., в одной из статей Ф. В. Булгарина («Северная пчела» 1837, № 133).

Причины, вызвавшие написание этого памфлета, изложены в письме Грибоедова к П. А. Катенину (см. выше стр. 443 — 444). Грибоедова задела заметка М. Н. Загоскина по поводу возобновления на сцене комедии «Молодые супруги» (в «Северном наблюдателе» 1817, № 15, отд. III, стр. 54). При общей положительной оценке комедии, Загоскин заметил относительно некоторых «дурных, шероховатых» стихов и выражений, «совершенно неприличных действующим лицам»: «Читая подобные стихи, невольно вспомнишь слова Мизантропа:

Такие, граф, стихи
Против поэзии суть тяжкие грехи».

К н я з ь Ф о л ь г и н и к н я з ь Б л ё с т к и н — персонажи комедии Загоскина «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (1815) и «Господин Богатонов, или Провинциал в столице» (1817). «П р о к а з н и к» — комедия Загоскина, не имевшая

успеха и выдержавшая всего два представления (первое — 15 декабря 1815 г.). В комедии «Богатонов, или Провинциал в столице» выведен провинциал, отчасти схожий с Транжириным — персонажем комедии А. А. Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (1808). Буйный сосед — Буянов, герой шуточной поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811). Наблюдателем Загоскин назван потому, что принимал участие в издании журнала «Северный наблюдатель» (1817 г.). Стихи «Один напишет вздор, Другой на то разбор» и т. д. имеют в виду споры М. Н. Загоскина и В. И Соца, выступившего под псевдонимом «Ювенал Прямосудов» с «Письмом к издателям Сына отечества о Богатонове, или Провинциале в столице» («Сын отечества» 1817, ч. XXXIX); по другим сведениям в этих стихах Грибоедов имел в виду споры Загоскина с А. Е. Измайловым (см. «Дневник В. К. Кюхельбекера», Л., 1929, стр. 122).

‹ЭПИТАФИИ ДОКТОРУ КАСТАЛЬДИ›

Печатаются по тексту академического издания. Впервые напечатаны в «Сборнике Общества любителей российской словесности» на 1891 г. Об обстоятельствах, при которых они были написаны, см. в письме Грибоедова к Н. А. Каховскому (см. выше, стр. 455 — 456).

‹П. А. КАХОВСКОМУ›

Печатается по тексту академического издания. Впервые напечатано в «Сборнике Общества любителей российской словесности» на 1891 г.

ДАВИД

Печатается по тексту первой публикации в изданном В. К. Кюхельбекером и В. Ф Одоевским альманахе «Мнемозина», ч. I, М., 1824 (за подписью: А. Г.). Точная дата этого стихотворения, представляющего собою переложение псалма 151-го («Мал бех в братии моей»), не установлена. Вероятнее всего оно было написано зимою 1823 г.; именно в это время, по свидетельству Е. П. Соковниной. Грибоедов учил ее «понимать высоко-поэтические достоинства псалмов Давида, заставляя переводить некоторые из них» («А. С. Грибоедов», стр. 19).

РОМАНС

Печатается по тексту академического издания. Впервые напечатано в «Московском телеграфе» 1831, т. XI, № 6, — с предисловием издателя (Н. А. Полевого), где сказано, между прочим, что романс «писан Грибоедовым для театральной пьесы, в которой он участвовал; но по неизвестным нам причинам романс сей, дышащий истинным лирическим восторгом, остался в рукописи. А. Н. Верстовский сочинил для него прелестную музыку». Здесь имеется в виду водевиль Грибоедова и П. А. Вяземского «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», в котором данный романс был, очевидно, заменен другим, аналогичным по содержанию — «Неужли никогда в ней кровь...» (см. выше, стр. 301).

КРЫЛАМИ ПОРХАЯ, СТРЕЛАМИ ЗВЕНЯ...

Печатается по тексту академического издания. Впервые напечатано в «Оберточном листке» 1860, № 2. По свидетельству В. И. Родиславского («Русский вестник» 1873, № 9, стр. 257), Грибоедов в не дошедшем до нас письме к композитору А. Н. Верстовскому предлагал заменить этими стихами свои куплеты «Любит обновы Мальчик Эрот» в водевиле «Кто брат, кто сестра», что, однако, сделано не было.

ЭПИГРАММА

Печатается по тексту, сообщенному в «Записках» К. А. Полевого, СПБ., 1888, стр. 410 (ср. там же, стр. 205). Впервые напечатано (без двух последних стихов) в статье К. А. Полевого при издании «Горя от ума», 1839 г.

Эпиграмма направлена против А. И. Писарева и М. А. Дмитриева — литературных противников Грибоедова, учившихся в Московском университете (отсюда — «студенческая кровь») и сотрудничавших в журнале «Вестник Европы». Она относится к бурной полемике, разгоревшейся в 1824 г. вокруг водевиля «Кто брат, кто сестра», комедии «Горе от ума» и других, более ранних, произведений Грибоедова. В ходе полемики А. И. Писарев и М. А. Дмитриев написали множество эпиграмм против Грибоедова, ответом на которые и является эта единственная его эпиграмма, в свою очередь породившая целую серию ответных эпиграмм Писарева и Дмитриева (см. сборник «Эпиграмма и сатира», т. I, М.-Л., 1931, стр. 198—209).

ОТРЫВОК ИЗ ГЁТЕ

Печатается по тексту первой публикации в изданном К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым альманахе «Полярная звезда на 1825 год», СПБ., 1825.

Отрывок представляет собою вольный и неполный перевод «Пролога в театре» («Vorspiel auf dem Theater») из первой части «Фауста». Характерно, что в драматической поэме Гёте внимание Грибоедова привлекли не лирико-философские монологи, а именно «Пролог в театре», заключающий, в репликах Директора, сатиру на театральную публику. При этом Грибоедов в своем переводе не только отбросил четыре заключительные реплики «Пролога», отходящие от сатирической темы, но еще более развил и заострил его в плане социальной сатиры. Так, в реплике Директора «Размыслите вы сами наперед...» собственно Грибоедову принадлежат следующие строки:

О, гордые искатели молвы!
. . . . . .
Невежество им зренье затемняет
И на устах бездушия печать...
. . . . . вот те
Окременевшие толпы живым утесом;
Здесь озираются во мраке подлецы,
Чтоб слово подстеречь и погубить доносом.

Подобные стиховые формулы сообщают реплике Директора в переводе Грибоедова черты обличительных монологов Чацкого в «Горе от ума» (ср. замечания В. М. Жирмунского — «Гёте в русской литературе», Л., 1937, стр. 148—149). Вместе с тем, в переводе Грибоедова заключительным словам Поэта придан религиозный оттенок, тогда как у Гёте речь идет о силе человека («Des Menschen Kraft...»). Есть основания думать, что Грибоедов намеревался перевести всего «Фауста». Н. М. Языков писал брату в феврале 1825 г.: «Очень радуюсь, что Грибоедов переводит Фауста; желаю и надеюсь успеха, но могу сказать утвердительно, что он переведет его не для печати: я даже не знаю, какую сцену может пропустить цензура» («Письма Н. М. Языкова к родным», СПБ., 1913, стр. 156).

ТЕЛЕШОВОЙ

Печатается по тексту первой публикации в «Сыне отечества» 1825, ч. 99, № 1. Здесь к стиху «Эдем покинула родной...» имеется следующее примечание издателя (Н. И. Греча), составленное, вероятно, при участии Грибоедова: «Эдем Зороастров, жилище Пери, воображаемых восточными народами существ, которых парси и даже мусульманы представляют себе в цветах радуги и в бальзамических испарениях роз и яс̣минов».

Балет «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника», сочиненный в 1821 г. А. П. Глушковским (по поэме Пушкина), был поставлен на петербургском театре 8 декабря 1824 г. Отсюда — дата стихотворения. Е. А. Телешова исполняла в этом балете роль Людмилы.

Об обстоятельствах, при которых было написано это стихотворение, Грибоедов сообщил С. Н. Бегичеву 4 января 1825 г. (см. выше, стр. 480).

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ

Печатается по тексту первой публикации в «Северной пчеле» 1826, № 143, от 30 ноября, — с добавлением девятой строфы, опущенной в первопечатном тексте, очевидно, в силу цензурного запрещения. Строфа эта имеется в автографе, с которого стихотворение печаталось в «Северной пчеле» (автограф опубликован в «Русской старине» 1874, № 6, стр. 279—281). Первоначальная редакция, озаглавленная: «Дележ добычи», опубликована по черновой рукописи в «Русском слове» 1859, № 5, стр. 83. Стихотворение было вчерне набросано между 4 и 12 октября 1825 г., что устанавливается на основании следующих данных, сообщенных Е. Г. Вейденбаумом: «На рассвете 29 сентября 1825 г., при сильном тумане и дожде, партия кабардинцев и закубанских черкесов, в числе до двух тысяч всадников, прорвавшись сквозь казачьи посты, напала на станицу Солдатскую и разгромила ее. Хищники убили 10 человек, захватили в плен 116 мужчин, женщин и детей, согнали весь рогатый скот и станичный табун и, уходя, подожгли станицу в нескольких местах. Пока тревога распространилась по ближайшим станицам, хищники успели скрыться со своею добычею в ущелье р. Чегема». Против набежчиков была послана карательная экспедиция, к ко-

торой примкнул и Грибоедов. 4 октября он приехал на р. Малку, в укрепление Каменный мост, где пробыл около девяти дней. Здесь и были вчерне написаны «Хищники на Чегеме». Об этом стихотворении Грибоедов писал А. А. Бестужеву 22 ноября 1825 г. (см. выше, стр. 494).

ПО ДУХУ ВРЕМЕНИ И ВКУСУ

Печатается по тексту, опубликованному М. А. Цявловским в «Новом мире» 1938, № 4, стр. 278.

Первое четверостишие, известное в передаче друзей и современников Грибоедова (С. Н. Бегичева, П. А. Каратыгина, Н. В. Путяты) и в позднейших альбомных списках, было опубликовано впервые в «Русской старине» 1872, № 3 и с 1886 г. печаталось в собраниях сочинений Грибоедова в качестве отдельного стихотворения (известно несколько вариантов его — см. академическое издание, т. I, стр. 23 и 287; «А. С. Грибоедов», стр. 117 и 230; «Новый мир» 1938, № 4, стр. 276). По преданию, это четверостишие было сказано Грибоедовым экспромтом во время нахождения под арестом на гауптвахте Главного штаба по делу декабристов (по другой версии — по выходе из Главного штаба). Второе четверостишие (в испорченной редакции) в течение долгого времени приписывалось А. С. Пушкину (впервые оно было напечатано в «Стихотворениях А. С. Пушкина, не вошедших в последнее собрание его сочинений», Берлин, 1861, стр. 99), хотя такой авторитетный свидетель, как друг Пушкина С. А. Соболевский, указал, что четверостишие принадлежит Грибоедову и представляет собою «о т р ы в о к и з б о л е е д л и н н о й п ь е с ы» (см. «Пушкин». Летописи Гос. Литературного музея, кн. I, М., 1936, стр. 513). И только совсем недавно в альбоме, принадлежавшем поэтессе Е. П. Ростопчиной (альбом заполнялся в 1843 г.), была обнаружена запись, в которой оба четверостишия сведены воедино. Прежде чем привести самый текст, Е. П. Ростопчина записала: «К а к Г р и б о е д о в о п р е д е л я л м н е н и е о с е б е м о с к о в с к и х д а м».

На основании этой пометы Е. П. Ростопчиной и других свидетельств современников смысл грибоедовского экспромта раскрывается достаточно полно. Арест Грибоедова произвел в обществе, по словам А. А. Жандра, «огромное» впечатление: «По городу пошла молва, толки: Грибоедова взяли...» («А. С. Грибоедов», стр. 240). Сидя в Главном штабе, Грибоедов представил себе, что́ толкуют по поводу его ареста в московских салонах, особенно «московские дамы», осмеянные им в «Горе от ума» и готовые повлословить о человеке, за которым в их кругу упрочилась репутация насмешника, вольнодумца и «карбонария».

Грибоедов был посажен в Главный штаб 11 февраля, а выпущен оттуда 2 июня 1826 г.; отсюда — дата стихотворения.

П р и т я н у т ь к И и с у с у — привлечь к суду, на расправу. С к а ж и т е п р а в д у, к н я з ь Г о л и ц ы н... — Устойчивая традиция относит этот стих к кн. А. Н. Голицыну (1773—1844), министру духовных дел и народного просвещения в 1816—1824 гг., мистику и ханже, состоявшему членом следствен-

ной комиссии по делу декабристов и сыгравшему там весьма красивую роль. Однако, по смыслу экспромта, вероятнее предположить, что Грибоедов имел в виду другого кн. Голицына — Д. В. (1771 — 1844) — московского генерал-губернатора, к которому могли обращаться «московские дамы» с вопросами о судьбе арестованного Грибоедова.

ОСВОВОЖДЕННЫЙ

Печатается по тексту первой публикации в «Русском слове» 1859, № 5. Стихотворение безусловно носит автобиографический характер: после освобождения из-под ареста по делу декабристов, Грибоедов в течение двух месяцев (в июне — июле 1826 г.) жил под Петербургом на даче Ф. В. Булгарина. Здесь, очевидно, стихотворение и было написано.

Но где друг?.. — Возможно, что здесь имеется в виду декабрист А. И. Одоевский. *Вестник зла* — фельдъегерь Уклонский, присланный на Кавказ с «высочайшим повелением» арестовать Грибоедова и доставить его в Петербург.

А. О[ДОЕВСКОМУ]

Печатается по тексту первой публикации в «Русском слове» 1859, № 5. Точная дата не установлена; стихотворение могло быть написано не раньше июля — августа 1826 г. (когда А. И. Одоевскому был вынесен приговор) и не позже июня 1828 г., когда Грибоедов оставил у С. Н. Бегичева свою «Черновую тетрадь», в которой были обнаружены эти стихи. Ср. письма Грибоедова к А. И. Одоевскому от начала июня 1828 г., к В. С. Миклашевич и к И. Ф. Паскевичу — оба от 3 декабря 1828 г. (выше, стр. 530, 545 и 552).

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО!

Печатается по черновому автографу (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Впервые было напечатано в «Русском слове» 1859, № 5. Скорее всего стихотворение может быть отнесено либо к августу — сентябрю 1818 г., либо к сентябрю 1825 г., когда Грибоедов, — оба раза на пути на Восток, — был настроен крайне мрачно. Подобные настроения сказались в его письмах к С. Н. Бегичеву от 30 августа и 18 сентября 1818 г. и от 9 и 12 сентября 1825 г. (см. выше, стр. 446, 448, 489 и 491). В частности, возможно, что именно о наброске «Прощай, Отечество!» идет речь в письме от 9 сентября 1825 г.: «Сделай одолжение, не показывай никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечел, но уверен, что тут много сумасшествия». Стихотворение не закончено и, вероятно, должно было служить вступлением к какому-то не дошедшему до нас большому историческому произведению, на что, между прочим, указывают стихи: «Займемся былью стародавней...» и т. д. В начале второй строфы зачеркнуты два стиха:

Но скоро бросишь кисть и прочь
Бежишь от радужной палитры!

ТАМ, ГДЕ ВЬЕТСЯ АЛАЗАНЬ

Печатается по тексту первой публикации в «Русском слове» 1859, № 5. Предпоследний стих не отделан и вообще все стихотворение, очевидно, представляет собою черновой набросок. Датировке не поддается: Грибоедов мог побывать в Алазанской долине (в Кахетии) в самое разное время: в 1818 — 1819, 1820, 1821—1822 и 1826—1827 гг. К осени 1828 г. стихотворение не может быть отнесено, так как «Черновая тетрадь», в которой находился его автограф, к тому времени уже не была в руках Грибоедова. Известно, что Грибоедов неоднократно гостил в имении кн. Чавчавадзе — Цинондали, расположенном на берегу Алазани (см. И. Ениколопов. А. С. Грибоедов в Грузии и Персии, [Тифлис], 1929, стр. 31).

КАЛЬЯНЧИ

Печатается по тексту первой публикации в «Сыне отечества» 1838, № 1. Авторство Грибоедова точно устанавливается на основании ссылки на автограф, до нас не дошедший (см. «Русское слово» 1859, № 5, стр. 74). Это — отрывок из поэмы «Путник» (или «Странник»), которую, вероятно, имел в виду В. К. Кюхельбекер в стихотворении «Памяти Грибоедова» (впервые опубликованном в «Избранных стихотворениях В. К. Кюхельбекера», Веймар, 1880, стр. 84): здесь к стиху: «Певца, воспевшего Иран...» Кюхельбекер сделал следующее примечание: «Относится к поэме Грибоедова, схожей по форме своей с «Чайльд-Гарольдом»: в ней превосходно изображена Персия. Этой поэмы, нигде не напечатанной, не надо смешивать с другой, о которой упоминает Булгарин» (т. е., с трагедией «Грузинская ночь»; ср. «Русский архив» 1902, № 2, стр. 240). Кюхельбекер мог познакомиться с поэмой Грибоедова скорее всего в декабре 1821 — мае 1822 г. в Тифлисе, когда оба поэта дружески сблизились. Очевидно, эту поэму имел в виду Кюхельбекер, сообщая в письме к матери от 18 декабря 1821 г. о Грибоедове и его «творениях в подлинном чистом персидском тоне» (см. В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, Л., 1939, стр. XXVII). К этому времени условно и относим уцелевший фрагмент поэмы.

ДОМОВОЙ

Печатается по тексту первой публикации в «Русском слове» 1859, № 5. Было написано не позже июня 1828 г.

(М. П. ЗАГОСКИНУ)

Печатается по тексту первой публикации в «Историческом вестнике» 1900, № 1 (сообщено сыном М. Н. Загоскина, со ссылкой на автограф, до нас не дошедший). Если эти стихи действительно принадлежат Грибоедову, их можно отнести к весне 1824 г., когда Грибоедов, по преданию, сблизился с актером М. С. Щепкиным и объяснял ему роль Фамусова (П. Арапов. Летопись русского театра, М., 1861, стр. 384).

ДУМА

Печатается по тексту первой публикации в «Библиотеке для чтения» 1835, т. VIII, отд. 1, стр. 160.

ВОСТОК

Печатается по тексту первой публикации в «Библиотеке для чтения» 1836, т. XIV, № 1, стр. 6.

СТАТЬИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

ПИСЬМО ИЗ БРЕСТ-ЛИТОВСКА К ИЗДАТЕЛЮ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

Печатается по тексту первой публикации в «Вестнике Европы» 1814, ч. 76, № 15, — с примечанием издателя (В. В. Измайлова), из которого видно, что «Письмо» Грибоедова подверглось некоторой редакционной обработке. Возможно, что некоторые стихи в «Письме» принадлежат не одному Грибоедову, а представляют собою продукт коллективного офицерского творчества.

К стр. 349. Смысл намека на М. Т. Каченовского заключается в том, что этот историк, основатель так наз. «скептической школы» в русской историографии начала XIX века, отрицал подлинность летописей, как древнейших исторических источников, доказывая, что они были подложно созданы лишь в XIII — XIV вв.

К стр. 353. Полубоярские затеи — намек на театральные увлечения в провинции, осмеянные в комедии А. А. Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (1808).

К стр. 353. Отчет В. В. Измайлова о раздаче пожертвования «благотворительного господина Грибоедова» был помещен в «Вестнике Европы» 1814, ч. 77, № 18, стр. 160—162.

О КАВАЛЕРИЙСКИХ РЕЗЕРВАХ

Печатается по тексту первой публикации в «Вестнике Европы» 1814, ч. 78, № 22.

О РАЗБОРЕ ВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА БЮРГЕРОВОЙ БАЛЛАДЫ «ЛЕНОРА»

Печатается по тексту первой публикации в «Сыне отечества» 1816, ч. 32, № 30.

«Антикритика» Грибоедова, имеющая важное значение для выяснения его эстетических взглядов, была написана в ответ на статью Н. И. Гнедича «О вольном переводе Бюргеровой баллады: Ленора» (напечатана без подписи, с пометой: «СПБ губернии, деревня Тентелева», в «Сыне отечества» 1816, ч. 31, № 27), в которой было подвергнуто строгому и придирчивому разбору стихотворение П. А. Катенина «Ольга», представляющее собою

вольный перевод баллады немецкого поэта Бюргера «Ленора» («Ольга» была напечатана в 1816 г., дважды — в «Вестнике Европы», № 9 и в «Сыне отечества», № 24).

Вольный перевод П. А. Катенина был выполнен в порядке своеобразного творческого соревнования с В. А. Жуковским (за восемь лет перед тем, в 1808 г., опубликовавшим свое подражание «Леноре» — под заглавием «Людмила»), в литературно-полемических целях дискредитации принципов карамзинистской поэтики и, специально, жанра романтической баллады, воссоздававшегося на русской почве Жуковским. В соответствии с эстетическими установками карамзинизма, Жуковский в «Людмиле» смягчил и приукрасил немецкий подлинник, последовательно вытравляя присущие ему «народные черты». Катенин же, ставивший перед собою задачу создания русской национально-«самобытной» баллады, стремился возможно резче передать именно «простонародность» и «грубость» Бюргеровой «Леноры», руссифицировав, вместе с тем, не только тему баллады, но и весь ее стилистический облик.

Карамзинисты остро реагировали на полемический выпад П. А. Катенина. Выразителем их мнения и выступил. в защиту В. А. Жуковского, Н. И. Гнедич — в названной выше статье. Он нашел в «Ольге» стихи, «оскорбляющие слух, вкус и рассудок». Грубость катенинской лексики вызвала особенный протест Гнедича: «Светик, вплоть, споро, сволочь и пр., — писал он, — без сомнения дышат простотою, но сия простота не поссорится ли со вкусом?» Критик переадресовал Катенину его же собственные стихи из «Ольги»:

Что вы вместе не к месту?
Песнь нескладна и дика...

Столь же остро реагировали писатели из лагеря Карамзина — Жуковского на «антикритику» Грибоедова, в ту пору еще почти не известного в литературных кругах (см., например, «Сочинения К. Н. Батюшкова», т. III, СПБ., 1886, стр. 390—391). В 1833 г. по существу полемики Грибоедова с Н. И. Гнедичем высказался А. С. Пушкин (в статье «О сочинениях П. А. Катенина»), указавший, что «несправедливость» статьи Гнедича «обличена была Грибоедовым».

К стр. 359. «Одни только красоты поэзии могли до сих пор извинить...» — цитата из комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), где эти слова произносит поэт-балладник Фиалкин, в лице которого был осмеян В. А. Жуковский.

К стр. 361. Французская цитата взята Грибоедовым из комедии Мольера «Врач поневоле» (акт II, сц. 6, слова Сганареля).

К стр. 367. Стихи:

Хотя и не варяго-росски,
Но истинно немного плоски —

перефразировка примененной в статье Н. И. Гнедича к «Ольге» цитаты из сатиры К. Н. Батюшкова «Видение на берегах Леты»:

Стихи их хоть немножко жестки,
Но истинно варяго-росски.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА» ИЗ ТИФЛИСА

Печатается по тексту первой публикации в «Сыне отечества» 1819, ч. 52, № 10.

Вызвавшая отповедь Грибоедова статья о волнениях, якобы вспыхнувших в Грузии, была помещена в официальной газете «Русский инвалид» 1818, № 284, от 6 декабря (ср. письмо Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 29 января 1819 г. — выше, стр. 388). Есть основания предполагать, что Грибоедов послал в «Сын отечества» свою корреспонденцию не по личной инициативе, а по поручению командира Отдельного Кавказского корпуса генерала А. П. Ермолова. Из воспоминаний Н. Н. Муравьева известно, что именно по поручению Ермолова и тогда же, в январе 1819 г., Грибоедов составил «для ведомостей» не дошедшее до нас описание землетрясения, случившегося в Грузии (см. «А. С. Грибоедов», стр. 66—67).

К стр. 369. Россия локтем возлегла. — Имеются в виду стихи Ломоносова (о России), из «Оды на день восшествия на престол ... Елизаветы Петровны, 1748 года»:

И вкруг довольства исчисляет,
Возлегши локтем на Кавказ...

К стр. 370. Между важными известиями... — В № 284 «Русского инвалида» были помещены, между прочим, заметки о процессе Бастида и Жоссьена — убийц прокурора Фуальдеса (в Радезе, 19 марта 1817 г.) и о назначении доктора Верлинга медиком ссыльного Наполеона.

К стр. 371. Виртембергские переселенцы... проповедуют Ш[тиллингов] золотой Иерусалим. — В начале XIX века в окрестностях Тифлиса образовались колонии немецких переселенцев, выходцев из Вюртемберга и Баварии. В большинстве это были члены религиозно-мистических общин, последователи Юнга-Штиллинга, поверившие его предсказаниям о близком возникновении апокалипсического «тысячелетнего царства» и отправившиеся в 1817—1818 гг. в Закавказье — строить «Новый Иерусалим» (по указанию Юнга-Штиллинга место его должно находиться возле Арарата).

«ЗАМЕТКА ПО ПОВОДУ «ГОРЯ ОТ УМА»»

Печатается по тексту, опубликованному в издании сочинений Грибоедова, под ред. А. Н. Веселовского — «Русская библиотека», вып. V, СПБ., 1875 (здесь заметка была напечатана, повидимому, с автографа, до нас не дошедшего).

Заметка относится, вероятнее всего, к периоду с июня 1824 по апрель 1825 г., когда Грибоедов, закончив обработку «Горя от ума», жил в Петербурге и хлопотал о напечатании и постановке на сцене своей комедии. Возможно, что заметка представляет собою набросок предисловия к неосуществленному изданию «Горя от ума».

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ПЕТЕРБУРГСКОГО НАВОДНЕНИЯ

Печатается по тексту первой публикации в «Русском слове» 1859, № 5. Время написания определяется датой наводнения — 7 ноября 1824 г.

Очерк предназначался для специального сборника, задуманного Н. И. Гречем и Ф. В. Булгариным, но не вышедшего в свет в силу цензурного запрещения печатать известия о постигшем столицу бедствии (см. «Русская старина» 1874, т. II, стр. 673).

ЗАГОРОДНАЯ ПОЕЗДКА

Печатается по тексту первой публикации в газете «Северная пчела» 1826, № 76, от 26 июня (без подписи).

В июне 1826 г. Грибоедов жил на даче у Ф. В. Булгарина (издателя и редактора «Северной пчелы»), возле Петербурга, по Выборгской дороге.

На стр. 380 описана театрализованная народная игра «Лодка», восходящая к старинному «разбойничьему» фольклору и пользовавшаяся огромной популярностью в народе. Кроме атамана и есаула, действующими лицами в этой игре выступали разбойники, солдаты и богатый помещик, попадающий в руки разбойников. Обычно в народном исполнении эта игра связывалась с именем Степана Разина. По словам Шардена, в роскошном Фирув-Абате... — Имеется в виду десятитомное сочинение J. Chardin'a «Voyage en Perse», Paris, 1811, где рассказывается, между прочим, о разорении Степаном Разиным персидского города Ферах-Абада (Фирув-Абат) при шахе Аббасе, в 1669 г.

ХАРАКТЕР МОЕГО ДЯДИ

Печатается по тексту первой публикации в «Русском архиве» 1874, № 6, стбц. 1528, где было напечатано с автографа, до нас не дошедшего, — с указанием, что «эта характеристика набросана начерно Грибоедовым в позднейшие годы».

В отрывке речь идет об Алексее Федоровиче Грибоедове — одном из предполагаемых прототипов Фамусова.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Печатаются по тексту первой публикации (с автографов из «Черновой тетради» Грибоедова, до нас не дошедшей) в «Русском слове» 1859, № 4 и № 5, — с учетом некоторых поправок, внесенных в текст редактором академического издания сочинений Грибоедова Н. К. Пиксановым (им же была установлена правильная хронологическая последовательность отдельных заметок).

I. ⟨ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ МОЗДОКА ДО ТИФЛИСА⟩

Эти фрагментарные записи своих первоначальных кавказских впечатлений Грибоедов предполагал обработать в более связной форме, — быть может, для печати (см. его письмо к С. Н. Бегичеву от 29 января 1819 г. — выше, стр. 387). В датированном 21 января 1819 г. «Письме к издателю ⟨«Сына отечества»⟩ из Тифлиса» Грибоедов в известной мере воспользовался материалом своих дорожных заметок; см., например, запись об орлах и ястребах — «потом-

ках Прометеевых терзателей», почти дословно повторенную в «Письме к издателю».

Настоящим заметкам непосредственно предшествует письмо Грибоедова к С. И. Мазаровичу из Моздока, от 12 октября 1818 г., в котором он писал: «Вот мы и у подножия Кавказа, в этой гадкой дыре, где видишь только грязь и туман, в котором мы сидим по уши. Если бы за эти моздокские бедствия нас не вознаграждала вполне приветливость главнокомандующего ⟨А. П. Ермолова. — *В.О.*⟩, то было бы от чего сойти с ума... Как только мы будем вместе, я расскажу вам подробнее о наших дорожных злоключениях... Вот рассказ, который отложен до Тифлиса, а теперь мы направляемся к Кавказу в ужасную погоду и верхом. Как часто я буду иметь случай восклицать: O Coridon, Coridon, quae te dementia caepit!.. ⟨«О Коридон, Коридон, какое безумие тебя охватило!» — цитата из Виргилия. — *В. О.*⟩» (О. Попова. А. С. Грибоедов в Персии, М., [1929], стр. 41—43; подлинник по-французски).

К стр. 385. В неурожайный 1812 г. в Восточной Грузии вспыхнуло восстание крестьян, вызванное конфискациями провианта для нужд русской армии.

II. ⟨ПУТЕВЫЕ ПИСЬМА К С. Н. БЕГИЧЕВУ⟩

К стр. 386. Князь — А. А. Шахозской. Холминский (правильно: Холмский) и Ольгин — персонажи комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815). Дуэль — с А. И. Якубовичем, состоявшаяся в окрестностях Тифлиса 23 октября 1818 г. (см. ниже, стр. 619). Журнал из Моздока в Тифлис. — Материалом для этого ненаписанного «журнала» должны были послужить заметки, помещенные выше.

К стр. 388. Об бунте писали в Инвалиде вздор и т. д. — См. выше, на стр. 369 «Письмо к издателю ⟨«Сына отечества»⟩ из Тифлиса». Измайлов — вероятно, имеется в виду отставной генерал Л. Д. Измайлов (см. о нем выше, стр. 589). Храповицкий — очевидно, генерал М. Е. Храповицкий (1783—1847); возможно, что Грибоедов имел в виду в данном случае обращенное к Храповицкому стихотворение Ф. Н. Глинки «Торжество единодушия и усердия к достойному командиру лейб-гвардии Измайловского полка», напечатанное незадолго перед тем (в октябре 1818 г.) в «Сыне отечества» (ч. 49, № 42, стр. 185—186).

К стр. 389. Ястреба с погремушками употреблялись на Востоке для охоты.

К стр. 390. Красный мост, на реке Храм, был построен в середине XVII в. грузинским царем Ростомом.

К стр. 391. Описание... Свиньина — «Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей». СПБ., 1816. Наш любезный князь — А. А. Шаховской. Подобно Грееву Барду... — Имеется в виду знаменитая в свое время патриотическая ода английского поэта Т. Грея «Бард» (1757).

К стр. 393. В царстве Жуковского... — Иронический намек на условно-романтический пейзаж в стихах В. А. Жуковского.

К стр. 394. Куда сын Товитов ходил за де-

с я т ь ю т а л а н т а м и... — Имеется в виду библейский рассказ («Книга Товита», IV, 1; V, 5; V, 10) о хождении Товия в древний город Р а г и М и д и й с к и е, за который Грибоедов ошибочно принял расположенные возле Тегерана развалины древнего города Рея (или Рагеса).

К стр. 398. Ж у к о в с к и й с т у к н у л б ы ч а ш е й в ч а ш у... — Намек на стихи В. А. Жуковского (из послания «К Батюшкову», 1812 г., пародированного Грибоедовым и П. А. Катениным в комедии «Студент» — см. выше, стр. 503):

И стукнем в чашу чашей,
И выпьем всё до дна:
Будь верной музе нашей
Дань первого вина.

К стр. 399. Д у р ь г и л ь б р е д — дурь, гиль, бред.

К стр. 404. О п р о с т р е л е н н о й м о е й р у к е — на дуэли с А. П. Якубовичем. И н ы е с л а в я т А л е к с а н д р а... — стихи, нужно думать, принадлежат самому Грибоедову. К н я з ь — А. А. Шаховской. Данная здесь характеристика А. А. Шаховского и его отношений с Е. П. Ежовой была дословно повторена Грибоедовым в письме к П. А. Катенину от февраля 1820 г. (см. выше, стр. 453—454). П и ш у, м о й д р у г, п и ш у, п и ш у... — Никаких произведений Грибоедова, написанных в это время, до нас не дошло.

III. 〈ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ ТАВРИЗА ДО ТЕГЕРАНА〉

К стр. 405. Ф е т х а л и х а н б о и т с я К а й м а к а м а... Каем-Макам (управляющий делами наследника персидского престола Аббас-Мирзы) Мирза Абуль-Касим был, по свидетельству знавших его, «умнейшим человеком во всей Персии и был бы умен даже в Европе», и, вместе с тем, славился взяточничеством.

К стр. 407. Р а г и М и д и й с к и е — см. выше, примечание к стр. 394.

К стр. 408. G o d s a v e t h e k i n g — английский государственный гимн (исполнялся также в Персии и до 1833 г. — в России).

IV. ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

К стр. 409. «Е й А л и» и «И м а м Р и з а» — религиозные возгласы магометан.

К стр. 410. Б у н т в Р е ш т е. — Об этом бунте Грибоедов упомянул в записке «О Гилани» (1827): «Провинция сия в беспрестанном волнении: поборы, тиранства шахских наместников заставляли ее часто обращаться к русской границе с надеждою избавления. В бытность мою в Султанее в 1819 году жители Рящь 〈Решта. — *В. О.*〉 взбунтовались против правителя их, шахского евнуха, Хосров-Хана. Он был сменен» (академическое издание, т. III, стр. 250).

К стр. 411. Вагин несколько позже, в сентябре 1819 г., был выведен Грибоедовым на русскую территорию, в числе других русских солдат, попавших в плен к персиянам, либо дезертировавших

в Персию. 11 сентября 1819 г. Грибоедов писал С. И. Мазаровичу что «не смешивает» Вагина «с другими» (О. Попова. А. С. Грибоедов в Персии, стр. 60).

К стр. 412. Эриванское сражение, смотр войскам — картины во дворце.

К стр. 412. Хлопоты за пленных. — Здесь и дальше — в записях от 24 и 30 августа (беседа с Наиб-Султаном — Аббас-Мирзою) речь идет о переговорах, которые вел Грибоедов с персидским правительством по поводу возвращения на родину русских солдат, попавших в плен к персиянам, либо дезертировавших в Персию и ставших там сарбазами. По Гюлистанскому мирному договору 1813 г. все русские пленные и беглецы подлежали возвращению в Россию, но персидские власти, дорожившие ими, как наиболее боеспособной частью своего войска, чинили всяческие препятствия их уводу: подкупали пленных, арестовывали их, подбрасывали Грибоедову подметные письма угрожающего характера и т. д. Некоторые же беглецы, как, например, С. Я. Макинцев (Самсон-Хан) с группой своих приспешников, и сами не желали возвращаться в Россию, где их ожидали тяжкие наказания. Со слов самого Грибоедова, С. Н. Бегичев передавал, что тот, «встретясь с двумя или тремя сарбазами на улице, начал говорить им, что они поступили подло, изменив присяге и отечеству и пр., вероятно, очень убедительно, потому что солдаты были тронуты этим и спросили его: ручается ли он, что они не будут наказаны, если возвратятся в Грузию? Грибоедов отвечал, что ручаться за это не может, но постарается об этом; впрочем, если они и потерпят за преступление, то лучше один раз потерпеть, но очистить свою совесть. На другой же день у его квартиры явилось 70 сарбазов, которые и отправились с ним» («Русское слово» 1859, № 4, стр. 78—79). Несмотря на все препятствия, чинимые персами и на обострение отношений с Аббас-Мирзою (см. на стр. 412—415 запись от 30 августа 1819 г.), Грибоедов все же добился своего: 4 сентября 1819 г. он выступил из Тавриза в Грузию во главе партии в 158 человек. В ночь на 3 октября он привел их в Тифлис, потеряв по дороге несколько больных и сбежавших, претерпев разнообразные приключения и испытав прямые оскорбления со стороны персидских властей (см. записи Грибоедова от 4—7 сентября 1819 г. на стр. 415—416 наст. издания и, особенно, его подробные донесения С. И. Мазаровичу, опубликованные в книге О. Поповой «А. С. Грибоедов в Персии», М., [1929], стр. 44—72). Из рапортов Грибоедова видно, между прочим, что на русской территории дезертиров встретили далеко не столь милостиво, как обещали им Мазарович и Грибоедов. — Это обстоятельство крайне огорчило Грибоедова: «Это очень горько, после стольких забот, стольких неприятностей, вынесенных ради единственной мысли, что это послужит их общему счастью... Я оказался дураком и обманщиком», — писал он С. И. Мазаровичу (О. Попова, указ. соч., стр. 70, — цитир. в переводе с французского). Дальнейшая судьба возвращенцев не выяснена, но можно предположить, что они снова были определены в солдатчину, от тягот которой в свое время бежали к персам. Командир Отдельного Кавказского корпуса А. П. Ермолов с похвалою отозвался о «попечении Грибоедова о возвратившихся солдатах» и

его «благородном поведении» («Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. VI, ч. 2, стр. 219). Однако министерство иностранных дел, опасаясь, очевидно, что вывод русского отряда повлечет за собою осложнение дипломатических отношений с Персией, не разделило точку зрения Ермолова и на просьбу его представить Грибоедова к награде — ответило, что «дипломатическому чиновнику так не следовало поступать» («Русское слово» 1859, № 4, стр. 79). Капитана Верещагина вызволить из персидского плена Грибоедову не удалось. Хотя в октябре 1819 г. С. И. Мазарович и выражал надежду, что «Верещагин скоро будет освобожден из рук своих притеснителей», — переписка по этому поводу с персидскими министрами шла еще в 1826 г. (см. О. Попова, указ. соч., стр. 94, 114—115).

К стр. 413. Мы поступаем по трактату... — т. е. по Гюлистанскому мирному договору 1813 г., по которому Персия обязывалась выдать русских пленных и дезертиров. Поезжайте в Тейрань... — т. е. к шаху, проживавшему в Тегеране.

К стр. 415. Выступление — в Тифлис, с партией русских возвращенцев.

К стр. 416. В батальоне — т. е. в персидском батальоне сарбазов.

V. АНАНУРСКИЙ КАРАНТИН

Приведя из Тавриза в Тифлис партию русских солдат, Грибоедов не застал там А. П. Ермолова, находившегося в экспедиции, и отправился к нему в Чечню. На обратном пути, от Моздока до Тифлиса, он был задержан в чумном карантине в с. Анануры, на Военно-Грузинской дороге, в 60 верстах от Тифлиса.

VI. (ДНЕВНИК ВОЗВРАТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ В ПЕРСИЮ)

К стр. 417. Омар-Хан был разбит соединенными силами грузин и русских 7 ноября 1800 г. и умер от ран 10 марта 1801 г.

К стр. 418. Сошествие Христа... — По церковному преданию, Эчмиадзинский монастырь был выстроен в IV веке св. Григорием на месте, где «явился» ему Христос (Эчмиадзин — по-армянски: «Сошествие единородного»).

VII. (КРЫМ)

Прямым дополнением к этой части «Путевых заметок» служат три письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 9 июля и 9 сентября (из Симферополя) и от 12 сентября 1825 г. (из Феодосии) — см. выше, стр. 489—494.

К стр. 420. Паллас производит их... — Здесь и дальше имеется в виду четырехтомное сочинение Палласа «Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs», Leipzig, 1799—1801. См. также русское издание книги Палласа — «Топографическое описание Таврической области», СПБ., 1795.

К стр. 425. Красноречивые страницы Муравьева... — Здесь и дальше имеется в виду книга А. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году», СПБ., 1823.

К стр. 428. Не здесь ли Владимир построил церковь?.. — Вел. кн. Владимир Святославович в 988 г. крестился в Корсуни (Херсонесе) и, по летописному преданию, построил там церковь в память своего крещения.

К стр. 431. Мавзолей грузинки — гробница жены хана Крым-Гирея в Бахчисарае.

VIII. ⟨ЭРИВАНСКИЙ ПОХОД⟩

Дополнением к этому разделу «Путевых заметок» служат письма Грибоедова к П. Н. Ахвердовой из Эриванского похода (см. выше, стр. 508—515 и академическое издание, т. III, стр. 203—205).

К стр. 433—434. Генерал и Главнокомандующий (здесь и дальше) — И. Ф. Паскевич.

К стр. 439. Елисаветпольское сражение — 13 сентября 1826 г., в семи верстах от Елизаветполя (Ганджи), вблизи могилы ирано-азербайджанского поэта Низами, русские войска под командованием И. Ф. Паскевича нанесли полное поражение персам.

ПИСЬМА

Избранные письма Грибоедова (за исключением №№ 13, 59, 60 и 62) печатаются по тексту академического издания, с проверкой по первопечатным текстам и, в отдельных случаях, по автографам, что дало возможность внести в текст их существенные исправления. В скобках при имени адресата указано, где письмо было напечатано в первый раз.

1. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

1. Грибоедов намекает на свою мать — Настасью Федоровну, отличавшуюся крутым характером и постоянно упрекавшую сына в «неосновательности».

2. Петербургский клуб, основанный в 1772 г. немцем Шустером; посещался по преимуществу молодыми чиновниками, купцами и зажиточными ремесленниками.

3. Раскрыть эти инициалы не удается.

2. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

1. Уезжавших из Петербурга было в обычае провожать до Ижор (первая от Петербурга почтовая станция по московской дороге).

2. Д. Н. Бегичев, получивший назначение в Иркутский гусарский полк, где в 1812—1813 гг. служил Грибоедов.

3. Речь идет о комедии «Своя семья, или Замужняя невеста».

4. Очевидно, Н. В. Всеволожскому.

3. П. А. Катенину («Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета», вып. II, СПБ., 1860, стр. 240).

1. Это письмо не дошло до нас.

2. Имеется в виду отзыв М. Н. Загоскина о постановке комедии Грибоедова «Молодые супруги» (в «Северном наблюдателе» 1817, № 15).

3. Стихотворение «Лубочный театр».

4. «Пустодомы» (в первый раз была представлена в Петербурге 10 октября 1819 г., издана в 1820 г.).

5. Имеется в виду перевод поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», выполненный А. С. Шишковым в прозе (издан в 1818—1819 гг.).

6. В «Северном наблюдателе» 1817, № 14 был напечатан отрывок из трагедии Расина «Гофолия» («Athalie») в переводе А. А. Жандра. Место, о котором упоминает Грибоедов, следующее (д. III, явл. 7, слова Азарии):

> Я весь святый притвор обшел трикраты вкруг:
> Все разбежались, все рассыпалися вдруг,
> Как громом по полю разгнанные *гоэяда*,
> И служат господу одни Левия чада.

7. Выполненный Грибоедовым подстрочный перевод трагедии Шиллера «Семела» не сохранился. В «Сыне отечества» 1817, № 51 (21 декабря) были напечатаны две сцены из «Семелы» в вольном переводе А. А. Жандра, — со следующим письмом Грибоедова к издателю: «Вы знаете прекрасные сцены Шиллеровой Семелы. По усиленной просьбе моей А. А. Жандр согласился перевести их на русский язык и добавить от себя, чего не достает в подлиннике. Вообще он обогатил целое новыми, оригинальными красотами. И в отрывке, который при сем препровождаю, лирическое во втором явлении от слова до слова принадлежит ему. Г р и б о е д о в». «Семела» в переводе Жандра была представлена в бенефис Е. С. Семеновой 11 февраля 1818 г., в один день с «Притворной неверностью» Грибоедова и Жандра.

8. «Притворную неверность».

9. Речь идет о пяти (а не четырех) сценах в комедии «Своя семья, или Замужняя невеста».

4. С. Н. Бегичеву («Библиографические записки» 1859, т. II, № 7).

1. Министр иностранных дел гр. К. В. Нессельроде.

2. 17 июня 1818 г., при назначении секретарем дипломатической миссии в Персии, Грибоедов был произведен в чин титулярного советника (младше коллежского ассесора).

5. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

1. Александр Невский умер (14 ноября 1263 г.) в Городце Волжском, возвращаясь из Золотой Орды.

2. «Сын отечества».

3. Репертуарные афишки петербургских театров.

4. Новый балет ставился обычно 30 августа — в день именин Александра I; 30 августа 1818 г. в петербургском театре шел балет Дидло «Калиф Багдадский, или Приключение молодости Гаруна Аль-Рашида».

6. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

1. Здесь и дальше имеется в виду, вероятно, Алексей Александрович Павлов, женатый на сестре А. П. Ермолова.

2. Д. Н. Бегичева.

3. Памятник Минину и Пожарскому работы И. П. Мартоса был открыт в Москве, на Красной площади, 20 февраля 1818 г.

4. «Притворная неверность» Грибоедова и А. А. Жандра шла в московском театре 3 сентября 1818 г.

5. Грибоедов называет Мельпоменой Е. С. Семенову (трагическую актрису) в отличие от ее сестры Нимфодоры (комической актрисы).

6. И. А. Гагарин, за которого Е. С. Семенова вышла замуж в 1828 г.

7. «Пепелина, или Сандрильон» — опера Даниила Штейбельта (шла 4 сентября 1818 г.).

7. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

1. Первый том сочинения И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России», М., 1788. Очевидно, к 1818 г. относятся и маргинальные заметки Грибоедова, сделанные при чтении этой книги (см. академическое издание, т. III, стр. 88—91).

2. Кого Грибоедов имел в виду под «своей Дидоной» — не установлено.

8. Н. И. Толстому и Н. В. Всеволожскому (академическое издание, т. III).

1. В л.-гв. Семеновском полку в это время служили двое Толстых — Иван и Николай Николаевичи.

2. Речь идет о дуэли с А. И. Якубовичем. История этой нашумевшей в свое время дуэли вкратце сводится к следующему. Среди петербургских друзей Грибоедова была известная балерина Е. И. Истомина и ее сожитель — кавалергардский офицер В. А. Шереметев (ср. письмо Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 9 ноября 1816 г. — выше, стр. 441). В начале ноября 1817 г. Истомина поссорилась с Шереметевым и разъехалась с ним. Этой ссорой захотел воспользоваться другой обожатель Истоминой — камер-юнкер гр. А. П. Завадовский, также приятель Грибоедова (они жили в ту пору на одной квартире). Как-то раз, после спектакля Грибоедов привез Истомину к Завадовскому. Шереметев проследил их и вызвал Завадовского на дуэль, а приятель Шереметева, знаменитый в свое время бреттер и будущий декабрист А. И. Якубович (корнет л.-гв. Уланского полка) вызвал Грибоедова, как участника интриги. Двойная дуэль была назначена на 12 октября. Первым стрелялись Шереметев и Завадовский; при этом Шереметев был смертельно ранен и на следующий день скончался. Дуэль между Грибоедовым и Якубовичем была отложена, а в дальнейшем также не могла состояться, так как Якубович был арестован и началось судебное следствие, к которому, между прочим, привлекался и Грибоедов, но был оправдан. Завадовский был выслан на некоторое время за границу, а Якубович, как главный зачинщик дуэли, сослан на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк. Смерть Шереметева произвела на Грибоедова крайне тягостное впечатление; С. Н. Бегичев рассказывал: «Грибоедов писал ко мне в Москву, что на него нашла ужасная тоска, он видит беспрестанно перед глазами уми-

рающего Шереметева, и пребывание в Петербурге сделалось ему невыносимо» («А. С. Грибоедов», стр. 10). Как только Грибоедов в 1818 г. приехал в Тифлис, он тотчас же (по преданию, еще «на ступенях гостиницы») встретился с поджидавшим его Якубовичем, который повторил свой вызов. Дуэль состоялась через два дня после приезда Грибоедова — 23 октября 1818 г., в окрестностях Тифлиса. Секундантом у Грибоедова был А. К. Амбургер, а у Якубовича — Н. Н. Муравьев. Грибоедов промахнулся, а сам был ранен в левую руку, так что у него навсегда остался сведенным мизинец. Говорили, что Якубович целил Грибоедову в руку намеренно, чтобы лишить его возможности играть на фортепьяно. История этой дуэли подробно освещена в записках Н. Н. Муравьева («А. С. Грибоедов», стр. 58—64).

9. П. А. Катенину **(«А. С. Грибоедов и его сочинения», изд. Е. Серчевского, СПБ., 1858).**

1. Позднейший отзыв Грибоедова о комедии П. А. Катенина «Сплетни» см. в письме к нему же от 14 февраля 1825 г. (выше, стр. 484).

10. П. А. Катенину **(«А. С. Грибоедов и его сочинения», изд. Е. Серчевского, СПБ., 1858).**

1. В начале 1820 г. П. А. Катенин продолжал службу в л.-гв. Преображенском полку.

2. К дальнейшему см. путевые заметки Грибоедова за 1819 г. («Путешествие от Тавриза до Тегерана» и «Путевые записки») на стр. 405—416 наст. издания.

3. Петрова дщерь — традиционное обращение к императрице Елизавете в одах Ломоносова.

4. С. И. Мазарович был по происхождению венецианцем, А. К. Амбургер — немцем.

5. А. А. Шаховскому.

6. Очевидно, Амлих — слуга Грибоедова.

7. По разъяснению акад. И. Ю. Крачковского, Грибоедов неверно передал в русской транскрипции приведенный им арабский стих (шарр^{у} -'л-билад^{и} макан^{ун} ла садик^{а} бих^{и}), представляющий собою изречение, популярное в мусульманской литературе (см. «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XXIII, 1918, кн. 1).

11. П. А. Каховскому **(«Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 г.»).**

1. То есть Симон Иванович Мазарович и его младшие братья — Спиридон и Осип, жившие с ним в Тавризе (все трое — католики).

2. Намек на библейскую легенду о «Ноевом ковчеге», в котором находилось по паре «чистых» и «нечистых» животных.

3. А. П. Ермолова.

12. П. А. Каховскому **(«Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 г.»).**

1. Очевидно, летом 1820 г. А. П. Ермолов намеревался послать Грибоедова в Москву с каким-то поручением, о чем ему и сообщил Н. А. Каховский в недошедшем до нас письме.

2. А. П. Ермолова.

13. А. И. Рыхлевскому (о. Попова. А. С. Грибоедов в Персии; М., [1929]).

1. Имеется в виду известная притча о Диогене.
2. Анна Андреевна Ахвердова.
3. А. П. Ермолов.

14. Неизвестному («Москвитянин» 1856, т. III, № 12).

Предполагают, что это письмо обращено к А. А. Шаховскому.

15. Неизвестному («Москвитянин» 1856, т. III, № 12).

Было записано Грибоедовым на обороте предыдущего письма, но обращено безусловно к другому лицу. П. К. Пиксанов высказал вероятное предположение, что эта просьба об увольнении со службы адресована министру иностранных дел гр. К. В. Нессельроде (Н. Пиксанов. Творческая история «Горя от ума», М.-Л., 1928, стр. 81).

16. В. К. Кюхельбекеру («Русская старина» 1874, № 5).

1. В. К. Кюхельбекер уехал из Тифлиса в мае 1822 г.
2. Это письмо не дошло до нас.
3. Эрут и Мерут (Harut и Marut) — арабские названия двух духов, пытавшихся овладеть планетой Венерой; они известны в персидской мифологии и упоминаются в Коране. Грибоедов приводит (в арабской транскрипции) арабское название Венеры: Zuharat.
4. После возвращения из Тифлиса В. К. Кюхельбекер жил в Смоленской губернии, в имении своей сестры, Ю. К. Глинки. С осени 1821 г. в правительственных сферах за Кюхельбекером упрочилась репутация человека политически неблагонадежного; из Тифлиса он вынужден был уехать, поссорившись с А. П. Ермоловым (причины их ссоры точно не установлены). Все эти обстоятельства крайне невыгодно отразились на судьбе Кюхельбекера и переживались им очень тяжело; он ощущал себя человеком гонимым и помышлял о самоубийстве (см. письма к нему А. А. Дельвига, В. А. Жуковского и Е. А. Энгельгардта в «Русской старине» 1875, т. XIII, стр. 360, 362—368, а также следующее письмо Грибоедова).
5. Речь идет о некоем Вильяме Егоровиче Сивинис (Чивинис) — авантюристе и мошеннике, считавшемся женихом С. Ф. Ахвердовой. Грибоедов сыграл важную роль в его разоблачении (см. «А. С. Грибоедов», стр. 76).

17. Ю. К. Глинке («Русская старина» 1875, т. XIII)

1. См. примечание 4-е к предыдущему письму.
2. В ноябре 1822 г. П. А. Катенин, по предписанию царя, был выслан из Петербурга в деревню (в Костромскую губернию) под надзор полиции и с запрещением въезда в обе столицы; в ссылке он провел без малого три года (до августа 1825 г.). Официальным предлогом для высылки послужил «неприличный поступок» Катенина в театре (он шикал одной актрисе), но на самом деле эта репрессия имела более серьезные и чисто политические причины.

18. А. В. Всеволожскому (издание Шляпкина, т. I).

1. А. В. Всеволожский, владея металлургическими заводами и рыбными промыслами, ездил на Нижегородскую ярмарку по торговым делам.

2. Здесь и в Post-scriptum'е имеется в виду разработанный Грибоедовым и А. В. Всеволожским проект организации коммерческого предприятия по товарообмену с Персией. К этому делу был привлечен также отставной французский офицер Теодор Этье, с которым Грибоедов познакомился в Персии, в феврале 1820 г. (см. Н. Кальма. Коммерческие замыслы Грибоедова — «Литературное наследство», № 19—21, М., 1935, стр. 143—176).

19. В. Ф. Одоевскому («Русский архив» 1861, стбц. 808).

1. К этому месту сам В. Ф. Одоевский сделал следующее примечание: «Здесь идет речь об отдельных оттисках первых опытов кн. В. Ф. Одоевского, печатавшихся в «Вестнике Европы» 1822—1823 годов под псевдонимами; прочитав их, А. С. Грибоедов старался узнать, кто их сочинитель. Это дало повод к ближайшему знакомству, а потом и дружбе между обоими...» «Первые опыты» В. Ф. Одоевского — очевидно, сатирические фельетоны «Дни досад», напечатанные в «Вестнике Европы» в мае — сентябре 1823 г. (№№ 11, 15, 16, 17 и 18). Сатирическое изображение московских нравов в фельетонах Одоевского позволяет сближать их с «Горем от ума» (см. П. Сакулин. Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 1, М., 1913, стр. 244—248).

20. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

1. Имеется в виду «Игрок» — комедия Реньяра, изданная в русском переводе в 1815 г. и ставившаяся на сцене (в переделке А. М. Пушкина).

2. То есть о Д. В. Давыдове (на его сестре был женат Д. Н. Бегичев).

3. Рукопись «Горя от ума».

4. И. Ф. Паскевич командовал в это время 1-м армейским корпусом.

5. Вероятно, гр. К. В. Нессельроде, министр иностранных дел.

6. Грибоедов рассчитывал на содействие В. С. Ланского и А. С. Шишкова в деле напечатания «Горя от ума».

21. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

1. Грибоедов перерабатывал первую редакцию «Горя от ума».

2. Рукописи «Горя от ума» в первоначальной редакции, подаренной Грибоедовым С. Н. Бегичеву.

3. По преданию (со слов сестры Грибоедова), гр. М. Ю. Виельгорский, случайно увидев листы рукописи «Горя от ума», первый разгласил о новой комедии. К чему относилось его «замечание» — не известно.

4. Театрального комитета.

5. Имеется в виду пятитомное сочинение Pouqueville'я «Voyage dans la Grèce... avec la vie d'Ali-Pacha, les événements de la guerre en 1820 etc.», 1820—1821 (русский перевод В. П. Озерова, Самсонова и П. М. Строева — «Жизнь Али-Паши Янинского», соч. Пуквиля, 3 части, М., 1822—1824).

22. П. А. Вяземскому («Остафьевский архив князей Вяземских», т. V, вып. 2, СПБ., 1913).

1. Роль Вольтера в комедии А. А. Шаховского «Шестьдесят лет антракта» (1824), бывшая «одним из лучших торжеств» И. И. Сосницкого (см. «Биография И. И. Сосницкого», СПБ., 1861, стр. 11).

2. Бюста Вольтера работы Гудона.

3. В комедии А. А. Шаховского восьмидесятилетний Вольтер встречается с дряхлой старухой, в которую некогда, в ранней молодости, он был влюблен.

23. *С. Н. Бегичеву* («Письма к Бегичеву»).

1. Персидский орден, полученный Грибоедовым в марте 1822 г.

2. У А. И. Одоевского.

24. *Ф. В. Булгарину* («Русская старина» 1874, № 7).

На автографе — помета Ф. В. Булгарина: «Грибоедов в минуту сумасшествия».

Письмо было вызвано фельетоном Булгарина «Литературные призраки», появившимся в журнале «Литературные листки» 1824, ч. III, № 16 (цензурное разрешение—27 августа). Грибоедов был раздражен бестактными похвалами рекламного тона, которые расточал по его адресу Булгарин в своем фельетоне. Здесь бездарным и невежественным поэтам-подражателям противопоставлен «и с г и н ы й литератор» Талантин, в котором не трудно было угадать Грибоедова: Талантин «недавно прибыл в столицу из отдаленных стран, где он находился на службе»; ему принадлежит комедия, напечатанная и игранная на сцене, отличающаяся «живостью мыслей, плавностью стихов и занимательностью положений действующих лиц» (Булгарин имел в виду, вероятно, «Молодых супругов», а может быть, «Притворную неверность»); наконец у него «есть другая комедия в рукописи, которая воскресит у нас на сцене память фон-Визина» (т. е. «Горе от ума»). Талантин подробно излагает свои литературные мнения, разительно напоминающие аналогичные высказывания самого Грибоедова. Можно предположить, что Булгарин в данном случае с большою точностью передал подлинные грибоедовские суждения, подслушанные им в литературных салонах и, благодаря этому, его фельетон приобретает важное литературно-биографическое значение. Приводим отдельные высказывания Талантина-Грибоедова:

«Талант есть способность души принимать впечатления и живо изображать оные: предмет — Природа, а посредник между талантом и предметом — Наука»;

«Подражание Парни и Ламартину есть диплом на безвкусие, а познание литературы, почерпнутое из Лагарпа, возбуждает сожаление. Вы именно учитесь тому, что надлежало бы забыть. Если вы хотите учиться у иностранцев, то читайте по крайней мере Блера, Бутервека, Шлегелей, Сульцера и т. п. — Но с того ли должно начинать русскому поэту?..»;

«Чтобы совершенно постигнуть дух русского языка, надобно читать священные и духовные книги, древние летописи, собирать народные песни и поговорки, знать несколько соплеменных славянских наречий... знать совершенно историю и географию своего отечества... Советую прочесть Тацита, Фукидида, если возможно, Робертсона, Юма, Гиббона и Миллера. Не худо также познакомиться с новыми путешественниками по Индии, Персии, Бразилии, Северной Америке и по островам Южного океана. Это освежит ваше воображение и породит новые идеи о природе и человеке... Не говорю о восточных языках, которых изучение чрезвычайно

трудно и средств весьма немного. По все не худо ознакомиться несколько с Восточными рудниками Гаммера (Fundgruben des Orient's), или перевернуть несколько листов в Гербелоте, в хрестоматии Сильвестра де Сасси, в Азиятических изысканиях Калькутского Ученого Общества (Asiatic Researches) и в Назидательных письмах о Китае (Lettres edifiantes etc). — Восток, неисчерпаемый источник для освежения пиитического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями оного. Советую вам иногда заглядывать в сочинения, а особенно в журналы по части физических наук...» («Литературные призраки» перепечатаны в издании Шляпкина, т. I, стр. 370—376 и в книге «А. С. Грибоедов», стр. 43—56).

1. Вскоре же Грибоедов примирился с Булгариным.

25. П. А. Катенину («А. С. Грибоедов и его сочинения», изд. Е. Серчевского, СПБ., 1858).

1. Предыдущее письмо Грибоедова к П. А. Катенину относится к февралю 1820 г. (№ 10 наст. издания).

2. Вероятно. Александр Андреевич Катенин — двоюродный брат П. А. Катенина.

3. См. примечание 2-е к письму № 17.

4. В альманахе «Русская Талия» (1825) было помещено III действие трагедии П. А. Катенина «Андромаха».

5. В парижском журнале «Mercure de XIX-e siècle» 1824, t. VI, № 77 была напечатана за подписью: L. N. статья Н. И. Бахтина (приятеля и почитателя П. А. Катенина) — «Quelques notes d'un russe, présentement à Paris, sur l'Anthologie russe de M. Duprè de St.-Maure» (русский перевод статьи появился в «Вестнике Европы» 1824, ч. 138, № 22); здесь был дан лестный отзыв о Катенине. См. ниже примечание 5-е к письму № 28.

6. Будучи замечательным декламатором, П. А. Катенин учил актеров искусству читать стихи, проходил с ними роли и т. д.; В. А. Каратыгин был его любимым учеником и близким другом.

7. В 1820-е гг. А. А. Шаховской был занят по преимуществу инсценировками чужих произведений; так, например, в 1824 г. были поставлены одна за другой его переделки: «Судьба Ниджаля, или Все беда для несчастного» (по Вальтер Скотту), «Фингал и Розкрана» (по Оссиану), «Финн» (по поэме Пушкина «Руслан и Людмила»); в последней как раз участвовали Л. И. Дюр и Я. Г. Брянский.

8. Выполненный А. А. Жандром вольный перевод пятиактной трагедии французского драматурга Жана Ротру (1609—1650) «Венцеслав» (1647) — представляет особый интерес, как один из первых в русской поэзии опытов применения в драматургии белого пятистопного ямба. Перевод Жандра (первое действие — в альманахе «Русская Талия» на 1825 г.; отрывки — в альманахе «Радуга», СПБ., 1830) был встречен также похвалами А. И. Одоевского, П. А. Катенина и А. С. Пушкина. А. А. Жандр приступил к переводу «Венцеслава» по совету Грибоедова(см. «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПБ., 1911, стр. 74). К представлению на сцене «Венцеслав» был запрещен цензурой (там же).

9. Вероятно, список «Горя от ума», который П. А. Катенин

получил около того времени (см. «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», стр. 74—76).

10. О высылке П. А. Катенина в деревню см. примечание 2-е к письму № 17.

11. Поехать за границу Грибоедову не удалось.

12. На спектакле немецкой труппы.

13. То есть, Е. С. Семеновой.

14. Из трагедии Расина «Ифигения в Авлиде» в переводе М. Е. Лобанова (СПБ., 1815, стр. 5).

15. А. И. Одоевский.

26. И. И. Гречу («Вестник всемирной истории» 1900, № 6).

1. О какой статье идет речь — не установлено. Судя по упоминанию о М. Я. фон Фоке (руководителе тайной полиции), статья подверглась цензурному запрещению: может быть, это было предисловие к «Горю от ума», отрывок из которого дошел до нас (см. выше, стр. 373).

2. Ф. В. Булгарину удалось напечатать в альманахе «Русская Талия» на 1825 г. отрывки из «Горя от ума» (акт I, сцены 7—10 и акт III).

27. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

1. Е. А. Телешова, исполнявшая роль Людмилы в балете «Руслан и Людмила».

2. В «Сыне отечества» 1825, № 1 было напечатано стихотворение Грибоедова «Телешовой».

3. У Н. Ф. Грибоедовой.

28. П. А. Катенину (первая половина письма — «Всемирный труд» 1868, № 2; вторая половина — издание Шляпкина, т. I).

1. В этом не дошедшем до нас письме П. А. Катенин излагал свое мнение о «Горе от ума» (рукопись которого он получил от Грибоедова незадолго перед тем). Ср. «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПБ., 1911, стр. 74, 76—78, 83.

2. Ферзь — Софья Павловна Фамусова, сахар медович — Молчалин.

3. Или родной брат — Петр Александрович Катенин, или двоюродный — Александр Андреевич Катенин.

4. См. примечание 2-е к письму № 17.

5. В ответ на статью Н. И. Бахтина в парижском журнале «Mercure de XIX siècle», содержавшую лестный отзыв о П. А. Катенине (см. примечание 5-е к письму № 25), в том же журнале (1824, t. VII, № 82) появилось «Письмо к издателю» за подписью: le P. B. G. Автор «Письма», кн. В. Ф. Гагарин, характеризовал Катенина как самохвала, «надутого своим талантом и завистливого к успехам других». П. А. Катенин выступил в свою защиту с резкой статьей, напечатанной в «Сыне отечества» 1825, ч. 99, № 3, стр. 333—335 (помечено: Кологрив, 23 декабря 1824 г.). Ср. «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПБ., 1911, стр. 69, 72 и сл.

6. В письме к С. Н. Бегичеву от января 1825 г. Грибоедов писал: «Катенин из своего уединения бог знает какой бред сюда высылает. Например, разговор Булгарина, который ты оценил по достоинству, он весь на свой счет берет, как самое язвительное зло-

умышление против Андромахи. О, его и наше вообще самолюбие!» (академическое издание, т. III, стр. 167). П. А. Катенин, отличавшийся болезненной мнительностью, принял на свой счет статью Ф. В. Булгарина «Междудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве» (в альманахе «Русская Талия» на 1825 г., стр. 335—336) — на том основании, что в этой статье содержатся выпады против трагедий в духе французского классицизма и упоминается «французская Андромаха» (в той же «Русской Талии» был помещен отрывок из трагедии П. А. Катенина «Андромаха»). Разъяснения Грибоедова, впрочем, не переубедили Катенина (см. «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПБ., 1911, стр. 84—85). — Гнедичев перевод Андромахи — отрывки из трагедии Расина «Андромаха» в переводе Н. И. Гнедича («Сын отечества» 1820, № 41).

7. «Андромаха» П. А. Катенина была представлена в первый раз только 3 февраля 1827 г.

29. С. Н. Бегичеву **(«Письма к Бегичеву»).**

1. Антикритика С. Н. Бегичева против М. А. Дмитриева до нас не дошла (см. также письмо № 33). Отрицательный отзыв М. А. Дмитриева о «Горе от ума» был помещен в «Вестнике Европы» 1825, ч. 140, № 6.

2. «Горе от ума», — в Театральной школе. Спектакль был запрещен в день представления (см. выше, стр. 586).

3. Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин.

4. В апреле 1825 г. бедствовавший В. К. Кюхельбекер переехал в Петербург и был привлечен Гречем и Булгариным к их редакционно-издательским делам. Они же собирались издать собрание сочинений Кюхельбекера (см. «Русская старина» 1875, т. XIII, стр. 346).

5. В министерстве народного просвещения.

30. С. Н. Бегичеву **(«Письма к Бегичеву»).**

1. Эти письма Грибоедова до нас не дошли.

2. Монахиня, впоследствии игуменья женского монастыря в Воронеже.

31. В. Ф. Одоевскому **(«Русский архив» 1864, стбц. 810).**

1. О пребывании Грибоедова в Киеве см. брошюру В. М. Базилевича «Грибоедов в Киеве», Киев, 1929. —В. Ф. Одоевский писал В. К. Кюхельбекеру 25 июня 1825 г.: «На сих днях получил я от Грибоедова из Киева письмо... Он, видно, в хорошем расположении духа... и восхищается киевскими древностями» («Русская старина» 1888, № 12, стр. 594). В Киеве усилился давний интерес Грибоедова к русской древности, к летописям; впоследствии, при аресте Грибоедова на Кавказе в связи с делом декабристов, среди его книг оказались «Краткое описание Киева», «Описание Киево-Печерской лавры» Евгения Болховитинова и «Киевские святцы» (см. П. Щеголев. Декабристы, М.—Л., 1926, стр. 105). Из воспоминаний А. Н. Муравьева известно, что Грибоедов в августе 1825 г. рассказал ему о своем плане «сделать трагедию» о князе Владимире, «когда посетил Корсунь» (см. С. Голубов. А. Н. Му-

равьев об А. С. Грибоедове — «Литературная газета» 1939, № 46); ср. «Путевые заметки» Грибоедова («Крым») — выше, стр. 427—428.

2. Статья В. Ф. Одоевского «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии „Горе от ума“» («Московский телеграф» 1825, ч. III, № 10, 17 мая, приложение: «Антикритика», стр. 1—12; подпись: У. У.). О полемике 1825 г. вокруг «Горя от ума» см. стр. 588.

32. С. Н. Бегичеву («Русское слово» 1859, № 5).

Письмо дошло до нас в отрывке.

1. См. «Путевые заметки, VII. Крым» — выше, стр. 419—433.

33. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

1. М. С. Грибоедова-Дурново, ученица композитора Фильда, превосходно играла на фортепьяно.

2. См. примечание 4-е к письму № 29.

3. См. примечание 1-е к письму № 29 и 2-е к письму № 31.

4. Сослуживец Грибоедова по Иркутскому гусарскому полку Н. А. Шатилов и композитор А. А. Алябьев судились за избиение до смерти помещика Времева во время карточной игры; процесс затянулся и закончился лишь в 1827 г. высылкой Шатилова и Алябьева в сибирские города.

5. «Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона» Дениса Давыдова, изданный отдельно в Москве в 1825 г.

34. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

Это письмо служит своего рода дополнением к путевым заметкам Грибоедова о Крыме, доведенным до 12 июля 1825 г. (см. выше, стр. 419 — 433).

1. Из Симферополя.

2. А. Н. Муравьев, упоминая в своей книжке «Знакомство с русскими поэтами» (Киев, 1871, стр. 9) о пребывании Грибоедова осенью 1825 г. в Крыму, писал: «Мне говорили, что он недоступен для всех, исключая какого-то немецкого барона, давнего его приятеля».

3. Александр — Грибов, камердинер и молочный брат Грибоедова.

4. А. И. Одоевскому.

35. А. А. Бестужеву («Русская старина» 1889, № 2).

1. Грибоедов находился на «Новой линии» укреплений, учрежденных в 1822 г. против горцев.

2. Речь идет о стихотворении «Хищники на Чегеме».

3. «Оргии» Н. Б. Юсупова А. А. Бестужев «срисовал», вероятно, в не дошедшем до нас письме к Грибоедову.

36. В. К. Кюхельбекеру («Русская старина» 1889, № 2).

1. А. П. Ермолов.

2. См. об этом эпизоде справку Е. Г. Вейденбаума в академическом издании, т. III, стр. 334—335.

37. С. Н. Бегичеву («Письма к Бегичеву»).

1. См. предыдущее письмо.

2. Мулла Магомет из чеченского аула Маюртупа.

38. А. А. Жандру и В. С. Миклашевич (издание Шляпкина, т. I).

1. Кого имел в виду Грибоедов под этим именем — не установлено.

2. Пьесы А. А. Шаховского: «Аристофан, или Представление комедии „Всадники“» (первое представление — 19 ноября 1825 г.) и «Керим-Гирей, крымский хан», третья часть которой называлась «Бахчисарайский фонтан» (первое представление — 28 сентября 1825 г.).

3. Слова п р о д о л ж е н и е в п р е д ь написаны измененным почерком, в подражание руке А. А. Жандра.

39. Императору Николаю I («Литературный вестник» 1903, № 2).

Письмо было написано из гауптвахты в здании Главного штаба, где Грибоедов находился под арестом по делу декабристов. На автографе — помета начальника Главного штаба барона И. И. Дибича: «Объявить, что этим тоном не пишут государю и что он будет допрошен». Из этой пометы следует, что письмо Николаю I передано не было.

Внешняя история ареста Грибоедова вкратце сводится к следующему. 23 декабря 1825 г. фамилия Грибоедова была в первый раз названа в заседании Следственной комиссии по делу декабристов: кн. С. П. Трубецкой упомянул о нем, как о члене тайного общества, завербованном К. Ф. Рылеевым. 24 декабря К. Ф. Рылеев показал: «Грибоедова я не принимал в общество; я испытывал его, но, нашед, что он не верит возможности преобразовать правительство, оставил его в покое. Если же он принадлежал обществу, то мог его принять князь [А. И.] Одоевский, с которым он жил, или кто-либо на Юге, когда он там был» (кроме того, показания о Грибоедове давали кн. Е. П. Оболенский, А. Ф. фон-дер Бригген и А. З. Муравьев). 27 декабря Николай I утвердил постановление комиссии о взятии Грибоедова под арест. 2 января 1826 г. А. П. Ермолову был послан приказ царя «немедленно взять под арест служащего [при нем] чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать как оные, так и его самого под благонадежным присмотром в Петербург, прямо к его императорскому величеству». 22 января в крепость Грозную, где находился А. П. Ермолов и при нем Грибоедов, прискакал с этим приказом фельдъегерь Уклонский. А. П. Ермолов, якобы, успел предупредить Грибоедова об аресте, велел ему сжечь все, что могло бы его скомпрометировать, и арестовал его только после того, как бумаги были уничтожены. 23 января фельдъегерь Уклонский выехал с Грибоедовым из Грозной; 7 или 8 февраля они прибыли в Москву, в дом Д. Н. Бегичева, а 11 февраля — в Петербург, где Грибоедов был посажен в главную гауптвахту при Главном штабе. Здесь Грибоедов находился до июня 1826 г. За это время с него было снято несколько допросов. Сам он решительно отрицал свою принадлежность к тайному обществу; показания декабристов (А. И. Одоевского, А. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева и др.) в общем также были весьма благоприятны для Грибоедова. Еще 25 февраля Следственная комиссия решила освободить Грибоедова с очистительным аттестатом, но в силу целого ряда привходящих обстоя-

тельств, это решение было отменено Николаем I (главную роль при этом сыграла близость Грибоедова к А. П. Ермолову, которого царь подозревал в организации военного заговора на Кавказе). Только 2 июня 1826 г. Грибоедов был, наконец, освобожден с выдачей аттестата, свидетельствовавшего о его непричастности к тайному обществу (сверх того он получил «не в зачет» годовое жалованье и прогонные деньги на обратную дорогу и был произведен в следующий чин — надворного советника). В тот же день, 2 июня, Грибоедов был принят Николаем I. — Об аресте Грибоедова см.: П. Щеголев. А. С. Грибоедов и декабристы (последнее издание — в его книге «Декабристы», М.—Л., 1926), «Алфавит декабристов», Л., 1925, стр. 74; сводку мемуарных данных — в книге «А. С. Грибоедов», стр. 143—174, 227—231, 241—246 и др.; Е. Вейденбаум. Арест Грибоедова (в его книге «Кавказские этюды», Тифлис, 1901).

1. А. П. Ермолова.

2. Остановившись в Москве, Грибоедов действительно не видел матери и сестры. «На третий день после проезда Грибоедова, — рассказывал С. Н. Бегичев, — я был у его матери, Настасьи Федоровны, и она с обычной своей заносчивостью ругала Грибоедова: «карбонари», и то, и се, и десятое» («А. С. Грибоедов», стр. 229—230).

40—49. Записки к Ф. В. Булгарину **(«Русская старина» 1874, № 6).**

1. То есть, с ведома капитана Жуковского, под надзором которого находился арестованный Грибоедов.

2. «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce» аббата Ж.-Ж. Бартелеми (Paris, 1788; русские издания: СПБ., 1804—1809 и М., 1803—1819).

3. Книжка И. И. Дмитриева «Апологи в четверостишиях, выбранные преимущественно из Мольво», М., 1825.

4. «Histoire comparée des systèmes de philosophie, considérée relativement aux principes des connaissances humaines», Paris, 1804 (2-е изд. 1823 г. — доведено только до XV века).

5. «Санктпетербургский карманный месяцеслов... с присовокуплением любопытных астрономических и исторических статей, соч. г. Шубертом» (выходил с 1812 г.).

6. «Санктпетербургские ведомости», издававшиеся при Академии наук.

7. 7 марта 1826 г. в Следственной комиссии была выслушана резолюция Николая I, отменявшая прежнее решение об освобождении Грибоедова (см. примечание к письму № 39). Очевидно, в связи с этим и была усилена охрана арестованных.

8. Ср. письмо Ф. В. Булгарина к А. А. Ивановскому от 9 марта 1826 г. в «Русской старине» 1889, № 7, стр. 111.

9. «Басни Ивана Крылова в семи частях, новое, исправленное и пополненное издание, с портретом автора и картинками», СПБ., 1825.

50. С. Н. Бегичеву **(«Письма к Бегичеву»).**

1. В июле 1826 г. началась русско-персидская война; в августе в Грузию прибыл И. Ф. Паскевич, официально — «сотрудником» А. П. Ермолова, а фактически — его преемником. Напряженные

отношения обоих генералов привели к отрешению Ермолова от должности в марте 1827 г.

2. Денис Давыдов впоследствии обвинил Грибоедова в неискреннем отношении к А. П. Ермолову и в прямой «измене» ему ради И. Ф. Паскевича: «Заглушив в своем сердце чувство признательности к своему благодетелю Ермолову, он, казалось, дал в Петербурге обет содействовать правительству к отысканию средств для обвинения сего достойного мужа, навлекшего на себя ненависть нового государя» («Воспоминания о 1826 годе» — «А. С. Грибоедов», стр. 175—184).

3. Возможно, что Грибоедов писал в это время трагедию «Грузинская ночь».

4. Д. В. Давыдов уезжал в Москву.

5. Речь идет о сватовстве М. А. Дурново к сестре Грибоедова — Марии Сергеевне.

6. Из «Разговора книгопродавца с поэтом», напечатанного в феврале 1825 г.

7. А. П. Ермолов.

8. «Андромаха» — трагедия П. А. Катенина; но здесь, очевидно, Грибоедов имел в виду самого Катенина.

9. Трагедия Пушкина в ту пору еще не была опубликована.

10. Маленькую дочку Бегичевых.

51. Ф. В. Булгарину (отрывки — в «Сыне отечества» 1830, № 1; полностью — «Русская старина» 1874, № 6).

1. Стихи А. А. Жандра, о которых пишет Грибоедов, были помещены (без подписи) в «Северной пчеле» 1827, №№ 2 («Минуты жизни») и 8 («К моей музе»).

2. Л. С. Пушкин был назначен в Нижегородский драгунский полк, стоявший на Кавказе.

3. Первую сцену «Бориса Годунова» («В Чудовом монастыре») Грибоедов прочитал в «Московском вестнике» 1827, № 1.

4. И. Ф. Паскевича. — Денис Давыдов отметил в своих «Воспоминаниях о 1826 годе», что Грибоедов, «изменив» А. П. Ермолову, «стал писать приказы по корпусу и сочинять частные письма для своих новых благодетелей». Ср. намек на Паскевича в письме Давыдова к А. А. Закревскому от 31 августа 1827 г.: «[Ермолов] не из числа тех безграмотных, которым и партикулярные письма сочиняет Грибоедов» («Сочинения Д. В. Давыдова», СПБ., 1893, т. II, стр. 196 и т. III, стр. 166; также т. II, стр. 323).

5. Первая глава «нравственно-сатирического» романа Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» была напечатана в «Северном архиве» 1827, ч. XXV, № 1, — под заглавием: «Сиротка, или Картина человечества во вкусе фламандской школы».

6. Грибова.

7. Тетка жены и домоправительница Ф. В. Булгарина, «известная в свете и литературе под названием т а н т ы» (Н. И. Греч). Булгарина она держала в ежовых рукавицах, о чем говорится в известной песне К. Ф. Рылеева «Ах, где те острова...»:

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты...

52. П. П. Ахвердовой («Русский архив» 1881, т. II, № 1).

К этому и следующему письмам см. путевые заметки Грибоедова об Эриванском походе (выше, стр. 433—439).

1. И. Ф. Паскевич.

53. П. П. Ахвердовой («Русский архив» 1881, т. II, № 1).

1. Н. Н. Муравьев.
2. И. Ф. Паскевич.

54. Командиру Отдельного Кавказского корпуса... Паскевичу («Русская старина» 1873, № 6).

20 июля 1827 г. Грибоедов, по распоряжению И. Ф. Паскевича, отправился из Аббас-Абада в персидский лагерь для ведения переговоров о заключении мира на условиях выплаты Персией военной контрибуции и уступки России Эриванской и Нахичеванской областей. Донесение Грибоедова, составленное им по возвращении в русский лагерь (25 июля), распространялось в списках по инициативе самого Грибоедова (см. академическое издание, т. III, стр. 364).

1. И. Ф. Паскевич.

2. При Гуссейн-шахе-Софии персы в войне с афганцами потеряли Исфаган; при сыне его, в 1729 г., прекратилась династия Софиев.

3. Трактат — Гюлистанский договор 1813 г.

4. По Гюлистанскому договору к России отошли ханства: Карабахское, Ганджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, часть Талышинского и были подтверждены права России на Дагестан, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию.

5. Сражение 5 июля 1827 г. под Аббас-Абадом, закончившееся взятием этой крепости русскими войсками.

6. В декабре 1803 г. генерал кн. П. Д. Цицианов взял штурмом г. Ганджу (переименованный им в Елизаветполь); под Асландузой (брод через р. Аракс) в октябре 1812 г. генерал Н. С. Котляревский наголову разбил войска Аббас-Мирзы.

55. А. И. Одоевскому («Москвитянин» 1856, № 12).

1. С марта 1827 г. А. И. Одоевский находился в каторжных работах в Нерчинских рудниках.

2. См. очерк 1824 г. «Частные случаи петербургского наводнения» — стр. 374.

56. Е. Н. Булгариной (неизвестный перевод — в «Сыне отечества» 1830, № 1; «Русская старина» 1874, № 5).

1. 6 июля 1828 г. Грибоедов отправился в Персию, откуда уже не вернулся

2. В 1828 г. Грибоедов собирался погостить в имении Ф. В. Булгарина — Карлово (близ Дерпта), — см. «Русская старина» 1905, № 12, стр. 711.

57. Ф. В. Булгарину («Русская старина» 1874, № 6).

1. Звание министра-резидента при персидском дворе.

2. По справке Е. Г. Вейденбаума, «Ордынский хлопотал об облегчении участи своих братьев, находившихся в Западной Сибири. Дело шло, вероятно, об исходатайствовании им разрешения слу-

жить рядовыми солдатами на Кавказе...» (академическое издание, т. III, стр. 350). Феликс и Карл Викентьевичи Ордынские, состоявшие в тайном Обществе военных друзей, с апреля 1827 г. содержались арестантами в Омской области; в 1830 г. они были определены рядовыми в сибирские линейные батальоны, а в 1832 г. — в гражданскую службу в Тобольский губернский совет (см. «Алфавит декабристов», Л., 1925, стр. 368; биографические данные о Ф. В. Орлынском, приведенные Е. Г. Вейденбаумом, — не верны).

3. Родофиникин — директор Азиатского департамента министерства иностранных дел.

4. Антиквитеты (древности) — книги по истории, отвлеченности — книги по вопросам философии.

5. Это письмо напечатано в «Русской старине» 1874, № 6, стр. 297.

6. Вероятно, кн. Иван Сергеевич Одоевский (1769—1839) — отец А. И. Одоевского.

58. Ф. В. Булгарину (с сокращениями — в «Сыне отечества» 1830, № 1; полностью — «Русская старина» 1874, № 6).

1. Ф. В. Булгарин издавал и редактировал газету «Северная пчела».

2. Анапа была взята у турок 13 июня 1828 г.

3. Кавачковский.

4. Карс был взят штурмом еще 23 июня 1828 г.

5. При письме Грибоедов послал Булгарину «Письмо из Карса к издателю „Северной пчелы“», принадлежащее, вероятно, адъютанту И. Ф. Паскевича Опперману и напечатанное впервые в газете «Тифлисские ведомости» (1828, № 1, от 4 июля).

6. Паскевичу.

59. Ф. В. Булгарину («Сын отечества» 1830, № 1; «Русская старина» 1874, № 6).

1. Письмо Грибоедова к кн. А. Г. Чавчавадзе не дошло до нас, как и ответное письмо Чавчавадзе с согласием на брак, полученное Грибоедовым в Гумрах 22 июля.

60. И. Ф. Паскевичу («Дела и дни» 1921, кн. II).

1. В первопечатном тексте письмо датировано 28 августа. Исправляем опечатку (или описку Грибоедова) на основании упоминания о свадьбе, происходившей «вчера» (свадьба Грибоедова состоялась 22 августа).

2. По условиям Туркменчайского договора, заключенного 10 февраля 1828 г., Персия обязалась выплатить России контрибуцию в размере «10 куруров томанов рандже», что составляло 20 миллионов рублей серебром ($^1/_2$ курура = 1 миллиону).

61. И. Ф. Паскевичу («Дела и дни» 1921, кн. II).

1. К. В. Нессельроде, получивший звание вице-канцлера в марте 1828 г. по случаю подписания Туркменчайского договора.

2. См. «Проект учреждения Российской Закавказской компании» на стр. 555 наст. издания.

62. Ф. В. Булгарину («Сын отечества» 1830, № 1; «Русская старина» 1874, № 6).

1. По объяснению Ф. В. Булгарина, «эти строфы и точки поставлены Грибоедовым в шутку, в подражание поэмам»; ближе всего

Грибоедов пародировал в данном случае «Евгения Онегина» Пушкина, где встречается целый ряд таких указаний на «пропущенные строфы».

2. О денежных расчетах Грибоедова с Ф. В. Булгариным см. в «Русской старине» 1905, № 12, стр. 706 сл.

63. И. Ф. Паскевичу **(«Дела и дни» 1921, кн. II).**

1. До Эривани Грибоедова сопровождал доктор Умисса, а от Эривани — доктор Мальмберг, погибший вместе с Грибоедовым в Тегеране.

2. Грибоедов встретился со своим тестем, кн. А. Г. Чавчавадзе, 22 сентября 1828 г. в Эривани.

3. А. Г. Чавчавадзе.

4. Баязетский пашалык в конце августа 1828 г. был занят русскими войсками под командованием кн. А. Г. Чавчавадзе — без боя, так как гарнизоны персидских крепостей разбежались.

5. Законный государь — дон Педро (1798—1834), вынужденный отказаться от португальской короны (в 1826 г.); похититель престола — дон Мигуэль (1802—1866), брат предыдущего, бывший регентом Португалии и объявивший себя королем 26 июля 1828 г.

6. Учреждение о губерниях — закон по местному управлению, разработанный в 1775—1780 гг. и уточненный в 1828 г.

64. В. С. Миклашевич **(в извлечениях — в «Сыне отечества» 1830, № 1; полностью — «Беседы в Обществе любителей российской словесности», вып. II, М., 1868).**

1. Трапёр (Trappeur) — охотник, герой романа Фенимора Купера.

2. См. письмо Грибоедова к И. Ф. Паскевичу от 3 декабря 1828 г. (№ 66 наст. издания).

65. И. И. Ахвердовой **(«Русский архив» 1881, т. II, № 1).**

1. Вероятно, имеется в виду Е. Ф. Ахвердов (пасынок П. Н. Ахвердовой).

2. И. Ф. Паскевич.

66. И. Ф. Паскевичу **(«Русский вестник» 1894, № 3).**

1. С Турцией.

2. Орден Андрея Первозванного.

3. Это письмо Ф. В. Булгарина к Грибоедову от 28 сентября 1828 г. напечатано в «Русском вестнике» 1894, № 3, стр. 199.

4. Аббас-Мирзы.

5. См. издание Шляпкина, т. I, стр. 317—325 (депеша от 30 ноября 1828 г.).

6. В депеше к гр. К. В. Нессельроде от 30 ноября 1828 г. Грибоедов писал: «Если бы Аббас-Мирза попросил государя императора вооруженной рукою посадить его на отцовский престол, по кончине его родителя, то и тогда не следует давать на это формального обязательства».

7. В сентябре 1828 г. И. Ф. Паскевич был назначен шефом Ширванского пехотного полка.

8. См. эту «бумагу» в издании Шляпкина, т. I, стр. 276—277. Грибоедов просил о награждении Шахназарова деньгами и чином.

9. Н. М. Синягин.

10. Фет-Али-Хан — губернатор Тавриза.

11. Грибоедов издавна хлопотал об облегчении судьбы А. И. Одоевского. Еще 3 июня 1826 г., на следующий же день после своего освобождения из-под ареста, он писал С. Н. Алексееву: «Я одушевлен одною заботою, тебе она известна, я к судьбе нещастного О[доевского] не охладел в долговременном заточении и чувствую, надеюсь и верую, что бог мне будет помощник» («Звенья», I, М., 1932, стр. 37). Ходатайство Грибоедова за А. И. Одоевского осталось безуспешным; только в 1836 г., при помощи Н. Ф. Паскевича, Одоевский был переведен из Восточной Сибири в Тобольскую губернию.

67. И. А. Грибоедовой **(издание Шляпкина, т. I).**

1. Кроме этого, до нас не дошло ни одного письма Грибоедова к жене. — Грибоедов расстался с женою в Тавризе, откуда он выехал в Тегеран 9 декабря 1828 г.

ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЗАКАВКАЗСКОЙ КОМПАНИИ

Записка об учреждении Российской Закавказской компании печатается по тексту первой публикации в «Русском вестнике» 1891, сентябрь (в статье А. Мальшинского «Неизданная записка Грибоедова»). Вступление к проекту устава печатается по тексту первой публикации в газете «Тифлисские губернские ведомости» 1831, №№ 18—20, под заглавием: «Общий взгляд на обширные виды, которые могут постепенно и по естественному ходу дел войти в круг действий учреждаемой в Тифлисе Закавказской торговой компании».

Идея эксплоатации естественных богатств Закавказья и организации крупного торгово-промышленного предприятия, по образцу Российско-Американской и Ост-Индской компаний, возникла у Грибоедова, безусловно, задолго до 1828 г. Вообще замыслы его в этой области восходят еще к 1823 г., когда он совместно с А. В. Всеволожским и Т. Этье задумал основать, правда в неизмеримо меньших масштабах, предприятие по товарообмену с Персией (см. выше, стр. 622— примечание 2-е к письму № 18). Когда в марте 1828 г. Грибоедов приехал в Петербург с Туркменчайским договором, он встретился там с уже известным ему по Тифлису П. Д. Завилейским, человеком весьма состоятельным, и привлек его к разработке своего проекта. По возвращении Грибоедова в Тифлис, в июле 1828 г. проект получил уже литературное оформление («Вступление» было подписано Грибоедовым и Завилейским 17 июля).

Из публикуемых в настоящем издании документов видно, в каких грандиозных масштабах предполагал Грибоедов осуществить свою идею колонизации Закавказья. В перспективе речь шла, по существу, о передаче целого обширного края в полное и автономное управление директората будущей Компании, с присвоением ему различных административных и даже дипломати-

ческих прерогатив. Правда, эти центральные положения проекта были нейтрализованы целым рядом благонамеренных оговорок о «соединенных усилиях правительства и частных людей», о правительственном протекторате над Компанией и т. д., но в своих конечных выводах проект фактически сводился именно к закреплению за Компанией важнейших функций правительственного аппарата.

Н. Н. Муравьев, недоброжелательно относившийся к Грибоедову и особенно к П. Д. Завилейскому, приводит в своих записках ценные, хотя и не всегда точные сведения о проекте учреждения Российской Закавказской компании: «Когда Грибоедов ездил в Петербург, увлеченный воображениями и замыслами своими, он сделал проект о преобразовании всей Грузии, коей правление и все отрасли промышленности должны были принадлежать компании на подобие Восточной Индии. Сам главнокомандующий и войска должны были быть подчинены велениям комитета от сей компании, в коем Грибоедов сам себя назначал директором, а главнокомандующего членом; вместе с сим предоставил он себе право объявлять соседственным народам войну, строить крепости, двигать войска и все дипломатические сношения с соседними державами. Все сие было изложено красноречивым и пламенным пером и, как говорят, писцом под диктовку Грибоедова был З[авилейский], которого он мог легко завлечь и в коем он имел пылкого разгласителя и ходатая к склонению умов в его пользу. Грибоедов посему старался и многих завлечь...» («А. С. Грибоедов», стр. 90). Н. Н. Муравьев, вероятно, допустил в своем рассказе некоторые преувеличения, но не подлежит сомнению, что проект Грибоедова был шире, нежели он очерчен в документах, поданных Паскевичу. Можно предположить, что в частных беседах Грибоедов раскрывал содержание своего проекта более полно, и что рассказ Н. Н. Муравьева служит отражением этих бесед.

В проекте был очерчен огромный круг задач развития торговли и промышленности в Закавказье. Предусматривалось «заведение и усовершенствование» виноградарства и виноделия, шелководства, табаководства и хлопчатобумажного производства, разведение культур сахарного тростника, красильных и лекарственных растений, учреждение фабрик и заводов, организация широкого товарообмена с Персией и другими странами Востока, прокладка новых дорог и т. д. Вместе с тем, в проекте нашли подчеркнутое выражение тенденции культуртрегерского порядка: Компания ставила своей задачей устройство собственных школ, внедрение в сельское хозяйство и различные отрасли ремесленного труда новых технических навыков и вообще повышение культурного уровня и «нравственности» туземного и пришлого населения Закавказского края.

Для успешного осуществления всей этой грандиозной программы авторы проекта испрашивали у правительства крупнейшие привилегии, «торжественным актом обращенные в закон». Основными из них были: предоставление Компании земельных участков (общей сложностью до 120 тысяч десятин) за ничтожную арендную плату (от 15 до 30 коп. за десятину), передача ей казенных фруктовых садов, предоставление монополии в ряде отраслей хозяйства и торговли и права свободного мореплавания, передача Батума «в полное распоряжение Компании с правами порто-франко».

Особо ставился вопрос о рабочей силе. Компания испрашивала позволения водворить на отведенных ей землях армян-переселенцев из Персии, вернувшихся на русскую территорию после заключения Туркменчайского договора, а также — русских крепостных крестьян (организаторы Компании учитывали то обстоятельство, что в России в конце 1820-х гг., в связи с общим кризисом крепостного хозяйства, сильно упала стоимость живой рабочей силы).

В июле 1828 г. Грибоедов находился в лагере Паскевича и, как сообщает Н. Н. Муравьев, «настаивал, чтобы приступлено было к завоеванию турецкой крепости Батума... как пункта, необходимо нужного для склада в предполагаемом распространении торговой компании. Говорят, что Паскевич несколько склонялся к сему... Кажется, что даже были тогда сделаны некоторые приготовления к сей экспедиции» («А. С. Грибоедов», стр. 90—91). Паскевич, как видно, благосклонно отнесся к грибоедовскому проекту; вернувшись в Тифлис, Грибоедов «имел довольно трезвости рассудка и досуга, чтобы обмыслить этот предмет со всех сторон» (письмо к Паскевичу от 6 сентября 1828 г. — выше, стр. 540), и 7 сентября 1828 г. «Записка об учреждении Российской Закавказской компании» была послана Паскевичу на утверждение. Через два дня — 9 сентября — Грибоедов уехал в Персию, откуда уже не вернулся; стала ли ему известна судьба его проекта, не установлено.

Когда Паскевич ознакомился с проектом в деталях, грандиозность замыслов Грибоедова смутила его. Как верно заметил Н. Н. Муравьев, «проект сей, уничтожающий почти совершенно власть Паскевича, не мог ему нравиться». На подлиннике докладной записки Грибоедова и Завилейского имеются пометы Паскевича, свидетельствующие о том, что его обескуражила именно обширность прав и привилегий, испрашиваемых учредителями Компании; в частности, по вопросу о Батуме Паскевич заметил, что потребуется охранять пути, ведущие к этому порту, и что, следовательно, «Компания должна иметь и свои войска» (замечания Паскевича приведены в названной выше статье А. Мальшинского — «Русский вестник» 1891, сентябрь, стр. 11—12). Грибоедовский проект был передан Паскевичем на рассмотрение полковнику И. Г. Бурцову, в прошлом — участнику декабристской организации.

И. Г. Бурцов подверг грибоедовский проект резкой критике. Обширный отзыв Бурцова (до сих пор целиком не опубликованный) представляет значительный интерес, особенно в части, направленной против предоставления Компании права покупать в России крепостных и селить их в Закавказье «на особых условиях». Эти особые условия заключались в том, что поскольку Компания по закону не могла владеть крепостными, — проект устава предусматривал формальное освобождение переселенцев от крепостной зависимости, на деле, однако, сводившееся к столь же кабальному и пожизненному закрепощению: крестьяне, выкупленные Компанией, обязывались работать на ее плантациях в течение пятидесяти лет. Соображения Бурцова по этому поводу замечательны своей верностью духу и традициям декабризма: «Кто же доживет до освобождения от крепостного состояния?.. — спрашивал Бурцов. — Крестьян может компания купить сколько угодно при нынешнем

упадке в России цен на имения и большом количестве задолжавшихся в банках неоплатно. Но какие виды для бедных крестьян российских? Плантации для растений колониальных не могут быть иначе, как в самых нездоровых местах, откуда жители природные бегут в горы во время жаров летних. Европейцы в их колониях употребляют к таковым плантациям негров или ссылают преступников. А тут крестьяне российские должны будут служить вместо негров и преступников». Решительно отвергал Бурцов также и утверждения авторов проекта, что предположенный ими план колонизации Закавказья поднимет его культуру, «просветит край, образует людей», сблизит туземное население с Россией «узами нравственными». В заключение Бурцов, имея в виду войны, которые в течение десятилетий вела Россия на Кавказе, писал: «Оскорбительно даже думать, что столь великие пожертвования кровию русскою и казною делаются для каких-нибудь доходов или плантаций сахарных».

В результате резкой критики И. Г. Бурцова проект Грибоедова и Завилейского был отвергнут Паскевичем. Два года спустя, в начале 1831 г., П. Д. Завилейскому удалось осуществить значительно более скромное предприятие — «Закавказское торговое депо», занимавшееся комиссионной продажей товаров и изделий русских частных и казенных фабрик.

32138

139

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. ГОРЬКОГО
4770

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ *

Аббас II — шах Персии (1641—1666). 380

Аббас-Кули — см. Бакиханов.

Аббас-Мирза (1782—1833) — с 1816 г. наследник персидского престола, фактически правивший государством; резиденция его находилась в Тавризе. Наследник («вешахд») являлся правителем иранского Азербайджана. 405, 409, 410, 412—415, 437, 453, 455, 456, 457, 515—529, 539, 549, 550

Абдул Вагиб (Мирза-Абдул-Вахаб Исфахани, ум. в 1827 г.) — государственный секретарь Персии, один из ближайших советников шаха. 410

Абердин (1784—1860) — английский министр иностранных дел (1828—1830). 542

Абуль-Гассан-Хан — персидский сановник, ведавший иностранными делами; ездил послом в Россию. 516

Агалобек — переводчик при Аббас-Мирзе. 554

Адриан (76—138) — римский император. 437

Алаиер — певец. 500

Алаяр-Хан — зять Фет-Али-Шаха, первый министр (асиф-уд-доулэ) Персии, противник сближения с Россией и личный враг Грибоедова. 518, 520, 525, 529

Александр Македонский (IV в. до н. э.). 169, 404

Александр Невский (1220—1263). 446

Александр I (1777—1825). 316, 348, 354, 358, 400, 500, 521

Александр — см. Одоевский, А. И.

Александр Евграфович. 450

Александр Семенович — см. Шишков.

Александра Васильевна — см. Бегичева, А. В.

Алексеев Степан Илларионович — екатеринославский помещик, содержавшийся вместе с Грибоедовым под арестом по делу декабристов и освобожденный 21 февраля 1826 г. 504

Алексей Александрович — см. Вельяминов, А. А.

Алексей Петрович — см. Ермолов, А. П.

Али-Нага-Мирза Казбинский — сын Фет-Али-Шаха. 439, 525, 528

* Географические названия в Указатель не вошли; широко известные имена не разъяснялись. — *Ред.*

Алий (Али) — зять Магомета, арабский калиф (656—661); память его особенно почиталась сектой шиитов. 407, 452

Аллар — французский офицер, состоявший на персидской службе. 455

Алябьев Александр Николаевич (1802—1851) — композитор. 491

Амбургер Андрей Карлович (ум. в 1830 г.) — сослуживец Грибоедова с 1818 г.; в апреле 1828 г. был назначен генеральным консулом в Тавризе. 404, 450, 532, 539, 540, 554

Амилахваров — грузинский князь. 386

Амлих (ум. в конце 1822 г.) — слуга Грибоедова, находившийся при нем в течение пятнадцати лет. 408, 412, 419, 450, 463

Андрей и *Андрей Андреевич* — см. Жандр.

Андрей Карлович — см. Амбургер.

Андрей Семенович — см. Кологривов.

«*Андромаха*» — трагедия Расина в переводе И. И. Гнедича (1820). 484

«*Андромаха*» — трагедия П. А. Катенина (1809—1818). 453, 472, 476, 484

Анна Андреевна — см. Ахвердова, А. А.

Анна Атаровна — см. Симонич, А. А.

Анна Ивановна — см. Бегичева, А. И.

Арсеньев. 442

Артемий Араратский — псевдоним Артемия Богданова, автора книги «Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршапат, близ горы Арарата, и приключения, случившиеся с ним... с описанием многих любопытных предметов, находящихся в его стороне и в прочих местах Персии...» и т. д. (1813). 436

Аслан-Султан. 438

Ахвердов Федор Исаевич (ум. в апреле 1820 г.) — начальник кавказской артиллерии. 459

Ахвердова Анна Андреевна — племянница П. Н. Ахвердовой. 459, 510—511

Ахвердова Дарья Федоровна — дочь П. Н. Ахвердовой. 509, 511, 546—547

Ахвердова Прасковья Николаевна (ум. в 1851 г.) — вдова Ф. И. Ахвердова, приятельница Грибоедова; у нее воспитывалась кн. Нина Чавчавадзе. 508—515, 536, 546—548, 553

Ахвердовы. 462, 542

Байрон (1787—1824). 91

Бакиханов Аббас-Кули-Ага-Кудси (1794—1847) — переводчик при штабе Паскевича, впоследствии крупнейший просветитель, поэт и историк Азербайджана. 436, 439, 528

Валтазар (Валтасар) — царь Вавилона. 455

Барышников Андрей Иванович (1803—1867) — шурин С. Н. Бегичева. 469

Барышниковы. 472

Басов Петр Трофимович — командир казачьего полка. 536

Бебутов кн. Давид Осипович (Иосифович) — офицер Кавказского корпуса. 417

Бебутов кн. Иосиф Васильевич (ум. 8 августа 1822 г.) — мишхарбаш (егермейстер) грузинских царей. 463

Бегичев Дмитрий Никитич (1786—1855) — офицер, впоследствии крупный чиновник и беллетрист, приятель Грибоедова с 1813 г. 442, 447, 473, 481, 491, 500, 507

Бегичев Степан Никитич (1785—1859) — с 1823 г. отставной полковник, член Союза Благоденствия, ближайший друг Грибоедова с 1813 г. 386—405, 440—450, 467, 468—475, 479—481, 485—487, 489—494, 496, 498—500, 505—507

Бегичева Александра Васильевна — жена Д. Н. Бегичева, сестра Дениса Давыдова. 473, 481, 507

Бегичева Анна Ивановна (урожд. Барышникова) — жена С. Н. Бегичева. 469, 472, 481, 486, 487, 491, 500, 507

Бегичева — сестра Д. Н. и С. Н. Бегичевых. 486—487

«*Бедная молочница*». 160

Бекович-Черкасский Федор Александрович — кабардинский князь, адъютант А. П. Ермолова. 457

Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844). 376, 539

Бенкендорф Константин Христофорович (1785—1828) — генерал, участник персидской кампании. 433, 439, 512, 514, 539

Бестужев (Марлинский), Александр Александрович (1797—1837). 494—495

Бетанкур Август (1758—1824) — инженер-механик и строитель. 391

Бобринская гр. Софья Александровна (1799—1866) — фрейлина. 469

Бобров Семен Сергеевич (конец 1760-х гг. — 1810) — поэт. 505

«*Богатонов, или Провинциал в столице*» — комедия М. Н. Загоскина (1817). 327

Боде барон Александр Карлович — литератор и агроном, сотрудник «Духа журналов». 492

Бордерон — ресторатор. 169

«*Борис Годунов*» — трагедия А. С. Пушкина (1825). 507—508

Бородин — командир Ширванского полка, убитый 15 августа 1828 г. при штурме Ахалцыха, давний сослуживец Паскевича. 537

Бороздин Андрей Михайлович — воспитанник Кэмбриджского университета, крымский помещик, бывший таврический губернатор. 423

Брянский Яков Григорьевич (1790—1853) — драматический актер. 477

Булгаков — офицер Кавказского корпуса. 534

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859). 378, 470, 471, 475—476, 479, 482, 483, 484, 486, 491, 495, 501, 502—505, 507—508, 531—537, 538, 541, 549

Булгарина Елена Ивановна — жена Ф. В. Булгарина. 508, 531, 533, 536

Вуле Иоганн-Феофил (1763—1821) — профессор Московского университета; Грибоедов слушал его университетские и приватные лекции по философии, истории и эстетике. 503

Бюргер (1747—1794) — немецкий поэт-балладник. 358, 360, 363, 364, 366

Вагаршак — древнеармянский царь-преобразователь и законодатель (III в. до н. э.). 312

Вагин — один из русских солдат, выведенных Грибоедовым из Персии. 411

Валберхова Мария Ивановна (1788—1867) — комическая актриса. 442, 444, 478

Валь к — домовладелец. 440

Вальховский (Вольховский) Владимир Дмитриевич (1798—1841) — гвардейский офицер, член Союза Благоденствия; в 1826 г. был удален на Кавказ. 437

Варвара Семеновна — см. Миклашевич.

Варинька — Камыкова, воспитанница В. С. Миклашевич. 501

Ваценко Василий Яковлевич — русский генеральный консул в Персии. 554

Вели-Ага. 438

Веллингтон, *Wellington* (1762—1852) — глава английского правительства в 1828 г. 542, 548

Вельяминов Алексей Александрович (1785—1838) — начальник штаба Кавказского корпуса. 457, 458, 495, 496, 497, 498, 532

Вельяминов Иван Александрович (1771—1837) — командир дивизии в Грузии, с 1827 г. — генерал-губернатор Западной Сибири. 457, 532

«*Венцеслав*» — трагедия Ротру в переводе А. А. Жандра (1824). 477

Верещагин — офицер, с 1804 г. находившийся в плену в Персии, где был оскоплен и претерпел всяческие притеснения; хлопоты Грибоедова об его освобождении были безуспешны. 412

Верлинг — ирландский врач, назначенный в 1818 г. состоять при Наполеоне. 370

Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862) — композитор. 473, 488

«*Вестник Европы*» — журнал, издававшийся с 1802 г. (в 1814 г. — под редакцией В. В. Измайлова, позже — под редакцией М. Т. Каченовского). 166, 168, 331, 348, 350, 354, 444, 485

Виельгорский гр. Михаил Юрьевич (1788—1856) — композитор-дилетант, близкий к литературным кругам. 471

Вильгельм — см. Кюхельбекер В. К.

Вергилий (70—19 до н. э.). 169

Винтер — часовщик. 535

Владимир Мономах (1053—1125). 316

Владимир Святославович (ум. в 1015 г.) — киевский князь. 427, 428, 488

Влангали Георгий Михайлович (ум. в 1834 г.) — востоковед, с 1827 г. — переводчик при Паскевиче. 512, 514

Вовенарг (1715—1747) — французский критик и философ-моралист. 485

Володя — см. Одоевский, В. Ф.

Вольтер (1694—1778). 94, 117, 184, 473—474

Воробьева Елена Яковлевна (ум. в 1855 г.) — драматическая актриса. 441

Всеволожский (Всеволодский) Александр Всеволодович (1793—1864) — богатый помещик, заводчик и промышленник, приятель Грибоедова. 467—468, 470, 532—533

Всеволожский Никита Всеволодович (1799—1862) — осно-

ватель литературно-театрального кружка «Зеленая Лампа» (1819). 442, 450, 470

Вяземский кн. Петр Андреевич (1792—1878). 473—474

Гагарин кн. Василий Федорович (ум. в 1829 г.). 483

Гагарин кн. Иван Алексеевич (1771—1832). 447

Гаджи-Мангус-Ага. 525

Гаджи-Махмет-Ага — адъютант Аббас-Мирзы. 528

Гаджи-Мирза-Магмед-Агвари. 411

Гамба Жак-Франсуа (1763—1833) — французский консул в Тифлисе, промышленник и путешественник. 558

«*Гамбургский корреспондент*» — немецкая политическая газета. 372

Гассад-Паша — багдадский владетель. 411

Гассан-Хан — курдский владетель. 436, 525, 527, 528

Гедаст-Хан (убит в 1786 г. по повелению шаха Ага-Магомед-Хана) — наместник Гилянского ханства. 551

Гейер. 448

Гейнзиус — нидерландский резидент в Москве XVII в.; Грибоедову было известно его письмо к Гревиусу (см.) от 1671 г. 454

Генрих IV (1553—1610) — король Франции. 207

Гёте (1749—1832). 331

Глазуновы — книгоиздатели и книгопродавцы. 179

Глинка Юстина Карловна (1784—1871) — сестра В. К. Кюхельбекера. 464—467

Гнедич Николай Иванович (1784—1833). 358—369, 484

«*God save the king*» — английский национальный гимн. 408

Гозиуш Карл Карлович — начальник военных сообщений на Кавказе. 540

Голицын кн. 339

Горчаков кн. Петр Дмитриевич (1789—1868) — генерал Кавказского корпуса. 499

«*Гофолия*» («Athalie») — трагедия Расина в переводе А. А. Жандра (1817). 443

Гревиус (1632—1703) — голландский ученый-филолог. 454

Грей Томас (1716—1771) — английский поэт. 391

Греков Николай Васильевич — генерал Кавказского корпуса, убитый 16 июля 1825 г. чеченцем (одновременно с генералом Лисаневичем). 499

Греч Николай Иванович (1787—1867). 378, 446, 469, 471, 476, 479, 482, 484, 486, 491, 502, 503

Грибов Александр — камердинер Грибоедова. 428, 492, 501, 508

Грибоедов Алексей Федорович — дядя писателя. 381

Грибоедова Мария Сергеевна (1793—1856) — в замужестве Дурново, сестра писателя. 449, 472, 473, 490, 532

Грибоедова Настасья Федоровна (1768—1834) — мать писателя. 404, 440, 448, 449, 480, 502, 504, 531, 532, 533

Грибоедова Нина Александровна (1812—1857) — урожд. кн. Чавчавадзе, жена писателя. 536—537, 538, 540, 541, 543, 545, 546—548, 551, 552—554

Григорьев Петр Иванович (1806—1871) — актер и водевилист. 501

Грильпарцер Франц (1791—1872) — австрийский драматург. 477—478

Гуляков Василий Степанович (ум. в 1804 г.) — генерал Кавказского корпуса. 417

Гумбет-Ага — бамбахский владетель. 438

Гуссейн — сын калифа Али (см.) 452

Гуссейн-Хан — эриванский сардар (правитель) с 1806 по 1828 г. 399

Гуссейн-Шах — предпоследний шах Персии из династии Софиев. 518

Давуд-Эффенди (Давид-паша) — турецкий сановник. 411

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839). 468—469, 473, 481, 491, 499, 505, 506

Давыдов Лев Васильевич (1792—1848) — офицер. 469, 473

Давыдчик — см. Чавчавадзе Д. А.

Данцат — владелец гостиницы. 470

Дарья Андреевна — см. Катенина.

Дашинька — см. Ахвердова Д. Ф.

Дашков Дмитрий Васильевич (1784—1839) — литератор и крупный чиновник. 473

Degerando Жозеф-Мария (1772—1842) — французский философ и публицист. 503

Де-ла-Фосс — француженка, жившая в Тавризе; дочь врача, состоявшего на персидской службе. 455

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831). 483

Демут — владелец гостиницы. 475

Денис и *Денис Васильевич* — см. Давыдов Д. В.

Дереджана — служанка Н. А. Грибоедовой. 553

Деций — римский консул, в 340 г. до н. э. пожертвовавший жизнью ради победы своего войска. 311

«*Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России*» — историческая хроника И. И. Голикова (1788). 450

Джанхотов Джамбулат (Джамбот) — кабардинский князь, убитый в 1825 г. в штабе Вельяминова. 496—497

Джанхотов Кучук — старший кабардинский князь. 496—497

Джемс — ирландец-миссионер, живший в Крыму. 432, 433

Джибелли — итальянский офицер, состоявший военным советником при Аббас-Мирзе (в 1819—1820 гг.). 455

Дибич барон Иван Иванович (1785—1831) — видный военный деятель, посланный в 1827 г. на Кавказ для разрешения конфликта между Ермоловым и Паскевичем. 552

«*Для милых*» — «Журнал для милых», издававшийся в 1804 г. (выходил в розовых обложках). 404

Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — поэт и критик, приверженец классицизма, ополчившийся на «Горе от ума». 485, 486

Дмитрий — см. Бегичев Д. Н.

Дмитрий Самозванец (убит в 1606 г.). 399

Дурнова — см. Грибоедова М. С.

Дурнов(о) А. М. — зять Грибоедова. 506

«*Дух журналов*» — журнал, издававшийся в 1815—1820 гг. 492

Дюр Любовь Осиповна (1805—1828) — драматическая актриса. 477

Дю-Шателе (Шатлэ, 1706—1749) — французская писательница, друг и возлюбленная Вольтера. 184

Ежова Екатерина Ивановна (1788—1836) — комическая актриса, гражданская жена А. А. Шаховского. 404, 454, 480

Екатерина I (ум. в 1727 г.). 24

Екатерина II (1729—1796). 31, 425

Елизавета Петровна (1709—1761) — императрица. 452

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — боевой генерал, герой Отечественной войны 1812 г., с 1817 г. главноуправляющий Грузией и командир Отдельного Кавказского корпуса; пользовался популярностью в либеральных кругах. Заподозренный Николаем I в связи с декабристами, был в 1827 г. заменен Паскевичем и уволен в отставку. 371, 372, 387—388, 389, 396, 398, 400, 447, 451, 452, 456—457, 458, 459, 463, 469, 488, 491, 494, 495, 496, 497, 498—500, 502, 505, 506, 507, 516, 520, 521, 527, 528, 549

Ермолов Петр Николаевич (1787—1844) — офицер Кавказского корпуса. 507

Жандр Андрей Андреевич (1789—1873) — драматург, впоследствии крупный чиновник, близкий друг Грибоедова. 443, 444, 445, 446, 448, 449, 450, 451, 454, 469, 470, 472, 473, 477, 482, 483, 484, 500—501, 504, 507, 533, 537, 543, 544, 545

Жан-Жак — см. Руссо.

Жанлис (1746—1830) — французская писательница, автор сентиментальных и нравоучительных романов. 160

Gilbert (1751—1780) — французский поэт-сатирик. 327

«*Жоконд, или Искатель приключений*» — опера Изуара (1814). 252

Жомини (Жомини) барон Анри (1779—1869) — теоретик военного дела и военно-исторический писатель, с 1813 г. состоявший советником Александра I. 476, 481

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852). 359, 362, 393, 398

Жуковский — офицер, под надзором которого в 1826 г. находился арестованный Грибоедов. 503, 505

Завилейский Петр Демьянович (1800—1843) — крупный тифлисский чиновник; с июля 1829 г. — тифлисский гражданский губернатор. 539, 556, 561

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852). 327, 345, 442, 443, 444

Захарий — слуга Н. А. Грибоедовой. 553

«*Зендавеста*» («Авеста») — религиозная книга древних иранцев, содержащая учение Зороастра. 313—315

Зенобия — дочь древнеармянского царя Митридата, жена Радамиста (см). 313

«*Золотое руно*» — драматическая трилогия Ф. Грильпарцера (1822). 477

Иван — конюх Грибоедова. 419

Иван Алексеевич — см. Вельяминов, И. А.

Ивановский Андрей Андреевич — делопроизводитель Следственной комиссии по делу декабристов. 504

Игурлехан. 435

Измайлов. 388

Изяслав — имя многих древнерусских князей. 488

«Инвалид» — см. «Русский инвалид».

Иоанн IV Васильевич (1530—1584). 316

Ион Богдан Иванович (1787—1852) — воспитатель молодого Грибоедова, находившийся с ним в дружеских отношениях и в позднейшие годы. 454

Иорден — составитель «Всеобщего атласа». 532

Ираклий II (ум. в 1798 г.) — предпоследний царь Грузии. 386

Исмиль — внук Фет-Али-Шаха. 439

Истомина Авдотья Ильинична (1799—1848) — балерина. 441

Кабардашка — см. Бекович-Черкасский.

Каверин Петр Павлович (1794—1855) — приятель Грибоедова, в 1817 г. — гусарский офицер. 441, 442, 507

Каджары — тюркская династия, царствовавшая в Персии с 1796 по 1925 г. 399, 407, 410

Казачковский — офицер Кавказского корпуса. 533—534

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826). 398

Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853) — трагический актер. 471, 476, 478, 483, 484, 501

Касаев Канамат — кабардинский князь, убитый в 1825 г. в штабе Вельяминова. 497

Кастальди (ум. в 1820 г.) — врач-итальянец, прибывший в 1818 г. на службу в Тифлис и в 1819 г. бежавший оттуда в Персию. 328, 455—456

Кастелло — жена француза-коммерсанта, занимавшегося в Грузии выработкой шелка. 513, 515

Катенин Павел Александрович (1792—1853) — поэт, драматург и критик, участник ранней декабристской организации, приятель Грибоедова. 358—364, 385, 391, 442—444, 446, 450, 451—454, 460, 465—466, 472—473, 476—479, 481—485, 500, 506

Катенина Дарья Андреевна (ум. в 1819 г.) — мать П. А. Катенина. 452

Катерина А[какиевна] — см. Сназарева.

Катерина Ивановна — см. Ежова.

Катинька — см. Чавчавадзе Е. А.

Каховский Николай Александрович (род. в 1802 г.) — офицер Кавказского корпуса. 329, 454—458

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — историк и журналист. 350

Керим-Бек-Султан — начальник сарбазов в Персии. 528

Кирховша (*Кирхгоф*) — петербургская гадалка. 442

Клендс — англичанин, путешествовавший по Закавказью. 463

Кобулов кн. Соломон — чиновник русской миссии в Персии. 550

Кодабенде (Худа-Бенде) — шах, построивший в XV в. мечеть в г. Султание. 406

Кожокин Федор Федорович (1773—1838) — драматург, заве-

довавший репертуарной частью Московского театра; упрямый приверженец классицизма. 447, 449

Кологривов Алексей Семенович (ум. в 1818 г.). 447

Кологривов Андрей Семенович (ум. в 1825 г.) — генерал, под начальством которого служил Грибоедов в 1813—1814 гг. 348—353, 354, 356—358, 441, 442

Кологривова Варвара Ивановна. 449

Кологривова Д. А. 486

Колосова Александра Михайловна (1802—1880) — драматическая актриса. 471. 478, 501

Кольбелей-Султан — персидский чиновник; впоследствии сопровождал в Россию тело убитого Грибоедова. 437

Кольберт (Кольбер, 1619—1683) — французский государственный деятель. 168

Конон — афинский полководец (IV в. до н. э.). 404

Коцебу 2-й Павел Евстафьевич (1801—1884) — офицер Кавказского корпуса. 463, 495

Краббе (Краббе) — жена тифлисского коменданта. 463

Красицкий (1735—1801) — польский епископ и писатель. 279

Красовский Афанасий Иванович (ум. в 1843 г.) — с апреля по июнь 1827 г. начальник штаба Кавказского корпуса. 437, 438

Крылов Иван Андреевич (1769—1844). 470, 477, 505

Купер Фенимор (1789—1851). 544

Курганов Иван Осипович — адъютант Паскевича, известный как казнокрад и соглядатай, под кличкой «Ванька Каин». 437, 438

«Courrier» — французская газета. 548

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846). 462—467, 486, 487, 489, 491, 495—497, 501

La Marinière — француженка, жившая в Тавризе; воспитательница детей Аббас-Мирзы. 455

Ланг — крымский помещик. 432

Ланкастер (1771—1838) — английский педагог, разработавший особую школьную систему по методу взаимного обучения. 453

Ланской (Ланской) Василий Сергеевич (ум. в 1831 г.) — управлял министерством внутренних дел в 1823—1827 гг. 469

Ларедa (Лоредо) — владелец кофейни. 441

Лев — см. Давыдов Л. В.

Левашев Василий Васильевич (1783—1848) — генерал, допрашивавший арестованных по делу 14 декабря. 502

«Ленора» — баллада Бюргера (1773). 358, 366

Леночка — см. Булгарина Е. И.

Леташинский — чиновник «кабинета его величества»; в 1820—1821 гг. посылался с подарками в Персию. 457

Лизандр (ум. в 396 г. до н. э.) — спартанский полководец. 404

Lindsay — английский офицер, состоявший на персидской службе, военный советник Аббас-Мирзы и тайный агент английского правительства, со специальными заданиями посетивший Грузию. 457

«Липецкие воды» — комедия А. А. Шаховского (1815). 326

Лисаневич Дмитрий Тихонович (1778—1825) — генерал Кавказского корпуса, убитый чеченцем 16 июля 1825 г. 449

Лобанов Михаил Евстафьевич (1787—1846) — поэт и драматург, воинствующий защитник литературных теорий классицизма. 484
Ломоносов Михаил Васильевич (ок. 1711—1765). 308, 360, 369, 452
Лукинский (ум. в 1828 г.) — тифлисский чиновник. 538
«*Людмила*» — баллада В. А. Жуковского (1808). 365

«*Мавры*» («Гренадские мавры, или Любовь до гроба») — оперное либретто В. К. Кюхельбекера (1822), написанное (по Кальдерону) для композитора А. Н. Верстовского. 473
Мадатов кн. Валерьян Григорьевич (1782—1829) — генерал Кавказского корпуса. 388, 469
Мадатов Мирза-Джан — переводчик при Ермолове, видный азербайджанский поэт. 500
Мазарович Осип Иванович — брат С. И. Мазаровича. 404, 455
Мазарович (Смилоевич-Мазарович) Симон Иванович (ум. в 1852 г.) — венецианец, по образованию медик, с 1807 г. состоявший на русской службе, в 1818—1826 гг. — поверенный в делах в Персии. 393, 396, 398, 400, 413, 415, 446, 455, 456, 458, 459, 494, 495, 500, 516, 521
Мазаровичева — жена (?) С. И. Мазаровича. 506
Макдональд Джон (ум. в 1830 г.) — с 1826 г. английский посланник в Персии, живший в Тавризе. 551—552
Мас[к]donald — жена предыдущего. 552
Mackintosch — английский офицер, состоявший на персидской службе. 457
Макинцев Самсон Яковлевич (Самсон-Хан) — вахмистр русской армии, бежавший в 1802 г. в Персию. 415
Макниль (Mac-Neel) — секретарь и врач английской миссии в Персии. 537
Малькольм (1769—1833) — английский дипломат и историк, автор «Истории Персии» (1815). 400
Мальцев Иван Сергеевич (1807—1880) — первый секретарь русской миссии в Персии. 537, 541
Маман-Хан — марандский владетель, сторонник сближения Персии с Россией. 416
Манто — управляющий имением кн. Воронцовых в Гурзуфе. 423
Маржерет (1560—после 1612) — французский офицер, состоявший на русской службе, автор книги «Современное состояние Российского государства...» (1607). 399
Мариво (1688—1763) — французский драматург и романист, создатель жанра светской комедии. 471, 478
Мария Ивановна — см. Орбелиани М. И.
Мармонтель (1723—1799) — французский сентиментальный писатель-моралист. 160, 182
Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682) — государственный деятель, ревнитель западноевропейской культуры в допетровской Руси. 168
Махмед-Гуссейн-Хан — церемониймейстер шахского двора. 521, 523, 528
Маша — см. Грибоедова М. С.
Мегмед-Али-Мирза — старший сын Фет-Али-Шаха, лишенный права престолонаследия. 411

Мегмед-Бек (Мегмет-Бей) — персидский военачальник. 397, 398, 402

Медведева — балерина. 447

«*Медведь и пустынник*» («Пустынник и медведь») — басня И. А. Крылова (1807). 477

Мекмед-Гассан-Хан-Афшар — персидский сановник. 516

Меншиков кн. Александр Сергеевич (1787—1869) — генерал, посланный в 1826 г. с чрезвычайной миссией в Персию; был там арестован и находился в тюрьме до 1827 г. 516, 518, 521

Мерлини Станислав Демьянович — генерал Кавказского корпуса. 539, 551

Мехмед-Гуссейн-Хан — см. Махмед-Гуссейн-Хан.

Мехмед-Канум-Мирза-Урмийский — сын Фет-Али-Шаха. 525

Мехмет-Ага. 438

Мехти-Кули-Хан (ум. в 1845 г.) — владетель Карабаха, в 1822 г. бежавший в Персию и в 1827 г. вернувшийся под покровительство России. 436, 439, 527

Миклашевич Варвара Семеновна (1772—1846) — писательница, гражданская жена А. А. Жандра. 448, 483, 500—501, 537, 543—545

Милорадович гр. Михаил Андреевич (1771—1825) — петербургский военный генерал-губернатор; в его ведении находились театры. 376, 469, 480

Мильтиадес (ум. в 489 г. до н. э.) — афинский полководец. 404

Минин Кузьма (ум. в 1616 г.). 447

Мирза-Бюзюрк — виднейший персидский сановник, доверенное лицо шаха, наставник и правитель дел Аббас-Мирзы, непримиримый враг России. 453

Мирза-Джан — см. Мадатов М. Д.

Мирза-Джафар — персидский инженер, учившийся в Англии. 536

Мирза-Измаил — персидский сановник. 515, 523, 524

Мирза-Мамиш — персидский чиновник в Нахичевани. 418

Мирза-Мехмед-Али-Мустафа — сын Аббас-Мирзы. 523, 524, 525, 527, 529

Мирза-Неби — визирь в Казвине. 553

Мирза-Сале — статс-секретарь Аббас-Мирзы, получивший образование в Европе. 515, 516, 518, 523, 524

Митридат — царь древней Армении. 312, 313

«*Мнемозина*» — альманах, изд. В. К. Кюхельбекером и В. Ф. Одоевским в 1824—1825 гг. 489

Мольер (1622—1673). 471, 482

Монтис — английский инженер, состоявший при английском посольстве в Персии. 458, 554

Монтрезор — русский офицер, геройски погибший при штурме Эривани в 1804 г. 436

Мордвинов гр. Николай Семенович (1754—1845) — государственный деятель, один из вождей либерально-дворянской оппозиции. 424, 485

Мордвиновы. 486

«*Музеум*» («Российский музеум, или Журнал европейских новостей») — журнал, издававшийся в 1815 г. 166, 168, 450

Муравьев Николай Николаевич (1794—1866) — офицер Кав-

казского корпуса, впоследствии наместник Кавказа; был знаком с Грибоедовым с 1818 г. 509—510, 512—513, 514, 542

Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1765—1851) — сановник и писатель, автор «Путешествия по Тавриде» (1823). 425, 426, 433

Муравьева Софья Федоровна (1810—1830) — жена Н. Н. Муравьева, падчерица П. Н. Ахвердовой. 509—511, 513, 515

Муравьевы. 488

Мурильо (1617—1682). 545

Мустафа-Ага — внук Фет-Али-Шаха. 439

Муханов Николай Алексеевич (1802—1871) — приятель Грибоедова. 483

Мухановы. 470

«Наблюдатель» — см. «Северный наблюдатель».

Надежда Афанасьевна — см. Юдина.

Назаров — очевидно, один из русских солдат, выведенных Грибоедовым из Персии. 416

Наиб-Султан — см. Аббас-Мирза.

Наполеон Бонапарт (1769—1821). 317, 370, 519

Нарушевич (1733—1796) — польский поэт-сатирик и историк. 277, 278

Наумов — вероятно, Иван Мокеевич (ум. в 1833 г.) — юрист и поэт. 448, 469, 483

Наумов Сергей Александрович (ум. в 1822 г.) — дежурный офицер в штабе Ермолова. 463

Нерсес (1760—1857) — армянский архиепископ, приятель Грибоедова. 520

Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — управляющий Министерством иностранных дел, с марта 1828 г. — вице-канцлер. 445, 495, 538, 539, 548, 549

Нестор (1056—1114) — летописец. 428

Низами (1141—1203) — ирано-азербайджанский поэт. 439

Никита — см. Всеволожский Н. В.

Николай I (1796—1855). 469, 502, 517, 530, 532, 537, 545, 557

Нина — см. Грибоедова Н. А.

Нинона (Нинон де-Ланкло, 1616—1706) — французская куртизанка, прославившаяся своим литературно-светским салоном. 160

Обресков Александр Михайлович (1790—1885) — дипломат, участвовавший в заключении Туркменчайского договора. 435

Огарев Илья — офицер, двоюродный брат Грибоедова, костромской помещик. 450

Огарев Николай Гаврилович — начальник Военно-Грузинской дороги. 383, 540

Одоевский кн. Александр Иванович (1802—1839) — поэт, декабрист, в 1826 г. осужденный в каторжные работы в Сибири; один из ближайших друзей Грибоедова. 340, 470, 475, 478, 479, 483, 487, 491, 493, 500, 501, 530, 544—545, 552

Одоевский кн. Владимир Федорович (1803—1869) — писатель, приятель Грибоедова. 468, 470, 487—489, 491, 495

Олеарий (1599—1671) — немецкий путешественник, автор ценного описания России и Персии. 398

Олизар гр. Густав Филиппович (1798—1864) — польский общественный деятель, крымский помещик. 423

«Ольга» — баллада П. А. Катенина (1816). 358—359, 362, 364, 365, 368, 369

Омар-Хан (ум. в 1801 г.) — лезгинский владетель. 417

Омир (Гомер). 506

Ор[г]анг-Зеб — очевидно, испорченное собственное имя одного из Великих Моголов (потомка Бабуры) — Аурентзеба, родившегося в 1618 г. и правившего Индией с 1658 по 1707 г. Грибоедов, упоминая его, вероятно, имел в виду несметные богатства Аурентзеба, покорившего сказочную Голконду с ее алмазными россыпями и владевшего знаменитым бриллиантом, весом свыше 186 каратов. 457

Орбелиани кн. Мария Ивановна. 510—511

Орбелиани кн. Софья Ивановна. 509, 511

Ордынский. 532

Оредерюнь — актриса петербургской немецкой труппы. 478

Оржицкий Николай Николаевич (1796—1861) — декабрист, в 1826 г. определенный рядовым на Кавказ. 495

Остен-Сакен барон Дмитрий Ерофеевич (1789—1881) — генерал Кавказского корпуса. 438, 540

Офрен гр. В. Д. — крымский помещик. 420

Hoffrène гр. Екатерина Осиповна — жена В. Д. Офрен'а. 432

P. B. G. — см. Гагарин кн. В. Ф.

Павлов Алексей Александрович — родственник А. П. Ермолова. 447, 448, 469

Павлов Николай Александрович — офицер Кавказского корпуса. 495

Паллас (1741—1811) — путешественник, ученый-натуралист. 420, 424, 429

Панкратьев Никита Петрович (1788—1836) — генерал Кавказского корпуса. 539

Паскевич гр. Елизавета Алексеевна — жена И. Ф. Паскевича, двоюродная сестра Грибоедова. 552

Паскевич гр. Иван Федорович (1782—1856) — гвардейский генерал, любимец Николая I, в 1827 г. назначенный главноуправляющим Грузией и командиром Отдельного Кавказского корпуса, руководил персидской кампанией 1827—1828 гг. 434, 435, 436, 437, 438, 469, 508—529, 534—535, 536, 537—540, 541—543, 545, 546—547, 548—552, 556, 565

Паскевич гр. Федор Иванович (род. в 1823 г.) — сын И. Ф. Паскевича. 552

Перовский Николай Алексеевич (ум. в 1858 г.) — таврический губернатор. 419

Пестель Владимир Иванович — генерал Кавказского корпуса. 371

Петерс — портной. 508

Петр I (1672—1725). 316, 450, 452

Петр Максимович — см. Устимович П. М.

Питт — фамилия двух английских министров — отца (1708—1778) и сына (1759—1806). 168

Плутарх (ок. 46—120). 506
Погодин В. В. домовладелец. 374, 530
Пожарский кн. Дмитрий Михайлович (1578—1642). 447
Позняков (Поздняков) П. А. — владелец драматического театра в Москве. 317
Поливанов Михаил Матвеевич (1800—1883) — офицер, родственник Бегичевых. 441, 442
Поль — француз-солдат (по фамилии, кажется, Матаси), попавший в плен к русским в 1812 г.; содержатель гостиницы и трактира в Тифлисе. 419, 458, 459
Портер Роберт — английский путешественник, в 1817—1820 гг. находившийся в Закавказье и в Персии; очевидно, был тайным агентом английского правительства. 405
Похвиснев Николай Николаевич — чиновник, состоявший при Ермолове. 532
Прасковья Николаевна — см. Ахвердова П. Н.
«*The Prairie*» («Прерия») — роман Ф. Купера (1827). 544
«*Притворная неверность*» — комедия Грибоедова и А. А. Жандра (1818). 444, 445, 447
«*Проказник*» — комедия М. Н. Загоскина (1815). 327
Пузыревский Иван Онуфриевич — офицер, убитый в 1820 г. при усмирении восстания в Имеретии. 459
Пуквиль (Pouqueville) — автор «Voyage dans la Grèce...» (1820—1821). 473
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837). 503, 506, 507, 508
Пушкин Лев Сергеевич (1805—1852) — брат поэта, в 1827—1828 гг. служивший офицером на Кавказе. 486, 507—508
«*Пчела*» — см. «Северная пчела».

Раевский Николай Николаевич мл. (1801—1843) — офицер Кавказского корпуса. 436, 438
Расин (1639—1699). 373
Ревельот Федор Дмитриевич — крымский помещик. 426
Реньяр (1655—1709) — французский драматург - комедиограф. 468
Ржевуцкий — вероятно, гр. Генрих Адамович Ржевусский (1791—1856) — польский писатель. 488
Ривароль (1753—1801) — французский писатель и публицист. 461
Риза — седьмой имам (высшее духовное лицо) шиитской секты.
Родамист (Радамист) — царь древней Армении (I в. н. э.). 311—316
Родионов — командир казачьего полка, убитый в бою 9 июня 1828 г. 533—534
Родофиникин Константин Константинович (1760—1838) — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел. 532, 535, 537, 538, 549
Розций (Росций) Квинт (ок. 130 — ок. 62 до н. э.) — римский комический актер. 447
Роман Иванович — см. Ховен Р. И.
«*Ромео и Юлия*» — трагедия Шекспира (1595). 471
Румянцев-Задунайский гр. Петр Александрович (1725—1796). 408

«Руслан и Людмила» — балет А. П. Глушковского (1821). 335
«Русская Талия» — альманах (1825). 484
«Русский инвалид» — политическая и литературная газета. 370, 371, 373, 388
Руссо Жан-Жак (1712—1778). 184
Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826). 495
Рыхлевский Андрей Иванович (1783—1830) — в 1817—1820 гг. чиновник при штабе Ермолова. 458—459

Сакен — см. Остен-Сакен Д. Е.
Самойлов гр. Николай Александрович (ум. в 1842 г.) — адъютант Ермолова в 1817—1820 гг., когда, очевидно, и познакомился с ним Грибоедов. 469
«Сандрильона» — опера Штейбельта. 447
Сашка — см. Грибов А.
Свиньин Павел Петрович (1787—1839) — писатель и путешественник. 391
Святослав. 316
Севаримидзев (Севарсамидзев) — грузинский князь, офицер Кавказского корпуса. 516
«Северная пчела» — политическая и литературная газета, издававшаяся Ф. В. Булгариным с 1825 г. 495, 541
«Северный архив» — историко-географический журнал, издававшийся Ф. В. Булгариным в 1822—1828 гг. 495, 541
«Северный наблюдатель» — журнал, издававшийся в 1817 г. 328, 443
Севинье Мария (1626—1696) — французская писательница. 160
Селами-Эфенди. 424
«Семела» — драма Шиллера в переводе А. А. Жандра (1824). 443
Семен Иванович — см. Мазарович С. И.
Семенова Екатерина Семеновна (1786—1849) — трагическая актриса. 443, 444, 447, 478, 484
Семптер-Ага. 433
Сенека (4 до н. э. — 65 н. э.). 279
Сергеев Еким Сергеевич. 429
Сергеев Лев Екимович. 429
Сивинис Вильльям Егорович — авантюрист. 462
«Сид» — трагедия Корнеля в переводе П. А. Катенина (1822). 484
Симон — см. Мазарович С. И.
Симонич гр. Иван Осипович (ум. в 1850 г.) — генерал Кавказского корпуса, в 1833 г. заменивший Грибоедова на посту посланника в Персии. 462, 542
Симонич гр. Анна Атаровна — урожд. кн. Амилахвари, жена И. О. Симонича. 462, 542
Сипягин Николай Мартемьянович (1785—1828) — с марта 1827 г. тифлисский военный губернатор. 542, 550, 551
«Сиротка» — глава из романа Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1826). 508
Скворцов. 416
Скуратов Алексей Петрович. 442
Слёнин Иван Васильевич (1789—1836) — книгопродавец и издатель. 505

Смит Адам (1723—1796). 399
Снаксарев — житель Севастополя. 427
Снаксарева Екатерина Акакиевна — жительница Тифлиса. 510—511
Соколовский — исправник. 386
Сосницкий Иван Иванович (1794—1871) — комический актер. 473—474
Софии — точнее Сефевиды, — династия иранских шахов (1502—1736), основанная потомком шиитских имамов Измаилом I Сефевием (1499—1524). 391
Софья Петровна — гувернантка А. И. Бегичевой. 469, 472
Софья Федоровна — см. Муравьева С. Ф.
«*Сплетни*» — комедия П. А. Катенина (1820). 451, 484
Сталыпин (Столыпин) Аркадий Алексеевич (1778—7 мая 1825 г.) — сенатор, популярный в либеральных кругах. 471, 473, 485
Столыпина Вера Николаевна (1790—1834) — приятельница Грибоедова. 485
Сталь Карл Федорович (ум. в 1824 г.) — генерал Кавказского корпуса. 499
Страбон — древнегреческий географ (I в.). 390
Суворов кн. Александр Васильевич (1729—1800). 381, 549
Сюллий (Сюлли, 1560—1651) — французский государственный деятель. 168
«*Сын отечества*» — журнал, основанный Н. И. Гречем в 1812 г. 165, 166, 167, 168, 215, 328, 358, 369, 388, 391, 480, 495, 541

«*Таврида*» — поэма С. С. Боброва (1798). 505
«*Талия*» — см. «Русская Талия».
Талызин Иван Дмитриевич (ум. в 1844 г.) — адъютант Ермолова. 495
Тасс (Тассо) Торквато (1544—1595). 443
«*Телеграф*» («Московский телеграф») — журнал, издававшийся в 1825—1834 гг. 488, 491
Телешова Екатерина Александровна (ум. в 1850 г.) — балерина. 335, 480, 485
Толстой Иван Николаевич. 450
Толстой Николай Николаевич. 450
Толстой Яков Николаевич (1791—1867) — офицер, театрал и поэт, член Союза Благоденствия; с 1823 г. жил за границей. 450
Толстой граф. 355
Тормасов Александр Петрович (1736—1819) — с 1809 г. командовал войсками и управлял гражданской частью на Кавказе. 526
Трубецкой — очевидно, кн. Сергей Петрович (1790—1860) — гвардейский офицер, декабрист. 451, 469
Тургенев Борис Петрович (1792 — ок. 1840) — гвардейский офицер. 450

Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — в 1820 г. попечитель Петербургского учебного округа. 453
Ульфила (Вульфила, ок. 311—383) — первый епископ готов. 428

Устимович (Сахно-Устимович) Петр Максимович — чиновник, служивший на Кавказе, секретарь канцелярии Паскевича. 495, 538, 540, 551

Фарасман — царь древней Иверии. 311

Фатмé — дочь Магомета, жена калифа Али (см.). 452

Федя — см. Паскевич Ф. И.

Фет-Али-Хан (Фетхалихан) — беглербек (губернатор) Тавриза, во время русско-персидской войны 1826—1828 гг. вел тайные переговоры с русским военным командованием. 405, 456, 551

Фет-Али-Шах, или *Фетх-Али-Шах* (1762—1832) — правил Персией с 1797 по 1834 г. 408, 409, 410, 411, 452, 529

Фехт-Али-Хан — известный персидский поэт, писал под псевдонимом: Саба, носил звание «мьялик-уш-шуарие» (глава придворных поэтов), автор поэмы «Шахиншах-намэ», посвященной царствованию Фет-Али-Шаха. 409

Филипп — царь македонский, отец Александра Великого. 169

Филипп — слуга Н. А. Грибоедовой. 553

Фихте (1762—1814). 503

Фок (фон-Фок) Максим Яковлевич (1777—1831) — начальник тайной полиции, ведал политическим сыском и цензурой. 479

Francoeur — математик. 505

Фридрихс (Фредерикс) барон Александр Иванович (1786—1843) — офицер гвардейского генерального штаба. 450

Фуальдес Антуан-Бернарден (1761—1817) — имперский консул в Радезе, убитый 19 марта 1817 г. отчасти из политических, отчасти из корыстных целей. Судебный процесс его убийц привлек внимание всей Европы. 370

Хмельницкий Николай Иванович (1789—1845) — драматург-комедиограф. 470

Ховен (фон-дер-Ховен) Роман Иванович (1775—1861) — тифлисский гражданский губернатор с 1818 по 1829 г. 455, 457, 487, 489, 507

Хозрев-Хан (Хосро-Хан) — наместник Решта, смененный в 1819 г. 409, 410, 436

Хомяков Федор Степанович (ум. 15 января 1829 г.) — секретарь по дипломатической части при Паскевиче. 540

Храповицкий. 388

Цебриков Владимир Иванович (1795—1879) — адъютант А. А. Вельяминова. 495

Цицианов кн. Павел Дмитриевич (1754—1806) — главнокомандующий русскими войсками в Грузии. 386, 411, 417, 564

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856). 507

Чавчавадзе кн. Александр Гersеванович (1787—1846) — генерал русской службы, известный грузинский поэт-романтик, тесть Грибоедова. 536, 537, 542, 554

Чавчавадзе кн. Давид Александрович — брат Н. А. Грибоедовой. 554

Чавчавадзе кн. Зураб. 542

Чавчавадзе кн. Екатерина Александровна — сестра Н. А. Грибоедовой. 547
Чавчавадзе кн. Нина Александровна — см. Грибоедова Н. А.
Чавчавадзе кн. Саломе Ивановна—теща Грибоедова. 536, 553, 554
Чавчавадзе (семья). 513, 515
«Чайльд-Гарольд» — поэма Байрона (1812—1818). 503
Чебышев Петр Николаевич — богач-откупщик, театрал. 454, 470, 474—475, 504, 545
Чебышева — жена П. Н. Чебышева, сестра Кологривовых (см.). 447
Челяев (Чиляев) Егор Гаврилович (ум. в конце 1830-х гг.) — видный представитель передовой грузинской интеллигенции, получивший образование в России; масон, писатель, переводчик Монтескье и Мабли, автор «Начертания права природного» (1812). 551
Чепегов (Чепягов, ум. в 1827 г.) — драматург-переводчик. 443, 447, 454, 470
Чернов — крымский помещик. 432
Чернышев гр. Александр Иванович (1785—1857) — видный военный бюрократ, состоявший членом суда над декабристами. 552
Чингисхан. 527
Чипягов — см. Чепегов.

Шарден (1643—1713) — французский путешественник, автор ценного описания Персии. 380
Шатилов Николай Александрович — сослуживец Грибоедова по гусарскому полку, картежник; зять Алябьева (см.). 491
Шах-Назаров — переводчик, состоявший при Грибоедове в 1828 г. 550
Шаховской кн. Александр Александрович (1777—1846) — драматург-комедиограф и режиссер. 217, 386, 401, 442, 443, 453—454, 469, 471, 477, 478, 480, 481, 482, 501
Шекспир (1564—1616). 373, 472
Шеллинг (1775—1854). 503
Шенье Андре (1762—1794) — французский поэт. 438
Шемир-Бек (Мелик-Бегляров) — переводчик русской миссии в Персии. 391
Шереметев Василий Васильевич (1794—1817) — офицер, убитый А. П. Завадовским на дуэли, к которой был прикосновенен и Грибоедов. 441
Шереметев граф. 506
Шиллер (1759—1805). 443
Шишков Александр Семенович (1754—1841) — глава реакционно-архаистической литературы, с 15 мая 1824 по 1828 г. министр народного просвещения и руководитель цензурного ведомства. 443, 469, 486
Шмит — может быть, Яков Иванович Шмидт (1779—1847) — востоковед. 442, 469
Шпренгель. 463
Штиллинг — см. Юнг-Штиллинг.
Шуберт Федор Иванович (1758—1825) — астроном. 504
Шульгин — генерал Кавказского корпуса. 499

Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) — драматический актер. 345

Щербаков. 463

Эйвас (Эйваз-Хан) — командир персидского отряда. 409, 410

Экунин — фельдъегерь. 501

«Эльмира и Вольнис» — роман Жанлис. 160

Эмир-Заде — сын Аббас-Мирзы (?). 525

Эммануэль Георгий Арсеньевич (1775—1837) — генерал, командовавший войсками на Кавказской линии. 534

Эриванский гр. — см. Паскевич И. Ф.

Эристов кн. Георгий Евсеевич (1760—1863) — генерал, взявший в 1827 г. Тавриз. 459, 509—510

Этье Теодор (1795—1846) — отставной французский офицер, состоявший на персидской службе, коммерсант; познакомился с Грибоедовым в Тавризе в 1820 г. и встречался с ним впоследствии (в Персии и в России). 509, 511

Юдина Надежда Афанасьевна — воспитательница племянниц П. Н. Ахвердовой. 510—511

Юнг-Штиллинг (1740—1817) — немецкий мистический писатель. 371

Юргенсон. 463

Юсупов кн. Николай Борисович (1751—1831) — московский богач, вельможа «на покое». 494

Юсуф-Хан-Спадар — по происхождению армянин (Гелоянц), начальник персидской артиллерии. 410

Яблочковы — родственники Бегичевых. 449

Языков А. С. 442

Языков Д. С. 442

Якубович Александр Иванович (1798—1845) — офицер; декабрист, в 1826 г. осужденный в каторжные работы в Сибири; стрелялся с Грибоедовым в Тифлисе в 1818 г. 388, 389, 499

СЛОВАРЬ

Абдериты (жители г. Абдеры в древней Фракии) — синоним захолустных провинциалов, наивных простаков.

Ага — в Персии: господин.

Агач — турецкая мера длины (5001 м.).

Альбионское — английское.

Антропос (греч.). — человек.

Асиф-ед-Даулет (Асиф-уд-доуэлэ) — старый титул первого министра Персии.

Ассафетида (Assa foetida) — лекарственное средство, имеющее резкий неприятный запах.

Бамбак — хлопок.
Баре́жевый (от франц. barèges) — из легкой шерстяной ткани.
Беглер-бег (беглербек) (тур.) — областной начальник (генерал-губернатор) в Персии.
Бейра́н (Байрам) — мусульманский религиозный праздник.
Бимбаши — персидский военный чин.
Бичё (груз.) — мальчик-слуга.
Бодец — шпора, вообще колющее оружие.
Бостон — карточная игра.
Буза — татарский напиток.

Вали (тур.) — губернаторский титул.
Вини — пиковая масть в игральных картах.

Гальт (франц. la halt) — привал, остановка.
Гиперборейцы — в древне-греческой мифологии обитатели северных стран.
Гласис — земляная насыпь перед наружным рвом укрепления.

Дервиш — член мусульманской нищенствующей религиозной секты или ордена.
Джейра́н — закавказская газель.
Дусты (перс.) — друзья.

Жлуди — трефовая масть в игральных картах.
Жоке — жокей.

Зелье — порох.

Иавер (явер) — майор в персидской армии.
Иасскул (иасаул) — придворный чин в Персии (церемоний-мейстер).
Идропическая пухлость — водянка.
Ирритацил — возбуждение, замешательство.

Кавалерия — орденская лента через плечо.
Кадий (кади) — духовный судья у мусульман.
Каймакам (Каем-Макам) — звание управляющего делами наследника персидского престола.
Кальвар (халвар, хорвар) — персидская мера веса (от 25 до 30 пудов).
Кальянчи — мальчик, подающий кальян.
Карбонари(й) — член тайной революционной организации, действовавшей в Италии в начале XIX в.; в дворянском просторечии — вообще вольнодумец, неблагонадежный человек.
Картвела — Грузия.
Картель — письменный вызов на дуэль.
Каталаксус — очевидно, производное от *каталажить* — шуметь, кричать, буянить (см. словарь Даля).
Ка́тер (катыр) — помесь осла с лошадью.
Кебаб (перс.) — жаркое из баранины.

Клиенты-иностранцы — приживальщики в русских вельможных семьях; среди них было много французских эмигрантов, бежавших в Россию от революции.

Комельк — старшина в Эриванском ханстве.

Конгревы — артиллерийские снаряды.

Конфедератка — польская шапка.

Коэфоры (греч. хоефоры) — «приносительницы возлияний», жрицы Аполлонова культа.

Крепс — карточная игра.

Куверт — прибор за парадным обеденным столом.

Куртаг (из франц. cour — двор и немецк. Tag — день) — приемный день при дворе.

Курур — персидская крупная денежная единица (2 миллиона рублей серебром).

Кюррикель (англ. curricle) — экипаж (кабриолет).

Лугат (арабск.) — словарь.

Люд(с)кость — человечность, гуманность.

Лядунка — гусарская сумка.

Макао — карточная игра.

Мейдан (арабск.) — площадь, чаще всего базарная.

Ментор — наставник, воспитатель.

Мефитический — зловонный.

Мизогин — женоненавистник.

Минар — минарет.

Мишхарбаш — грузинское придворное звание.

Муштаид (муштеид) — высшее духовное лицо у мусульман (шиитов).

Навруз — персидское новогодие (приходилось на 9—10 марта).

Ньюкер — конюх, телохранитель, слуга.

Пашалык (тур.) — область, управляемая наместником (пашой).

Пикет — карточная игра.

Пиш-Намаз — духовное звание в Персии.

Подкоморжий (польск.) — межевой судья.

Посполита (Речь Посполита) — Польша.

Почечуй — геморой.

Пренумеранты — подписчики.

Присошки — подпорки у ружья.

Рамазан — мусульманский пост.

Рамбавии (груз.) — новости.

Реверси — карточная игра.

Саранг (сарханг) — офицерский чин (полковник) в персидской армии.

Сарбазы — персидские регулярные войска.

Сардар — титул правителя края.

Седер-Азам («Величайший председатель») — титул первого министра в старой Персии (в 1818 г. им был Мирза-Шафи, глубокий старик).

Сорбеты — шербеты.

Статура (франц. stature) — стан, осанка.

Субретка — персонаж старинных комедий, плутоватая служанка, поверенная своей госпожи.

Сускрибент — подписчик.

Тишлай — парадная одежда горца.

Трахтараван — персидский паланкин.

Тупей — старинная мужская прическа.

Тюрлюрлю (франц.) — мантилья.

Фальконет — артиллерийское орудие небольшого калибра.

Фараш (перс.) — слуга-скороход.

Фармазон (от франц. franc-maçon —«свободный каменщик») — член масонской организации; в дворянском просторечии — вообще вольнодумец и безбожник.

Фасесия (итал. facetia) — шутка, насмешка.

Ферман (фирман) — манифест, указ.

Ферсанг, ферсех, фарсах — персидская мера длины (5001 м.).

Ценинный сосуд — сделанный из ценного фарфора или фаянса, или покрытый эмалью.

Червадар — погонщик вьючного скота.

Шааен-Шаа («Царь царей») — один из титулов шаха.

Шар (Шариат) — у мусульман свод религиозных и бытовых правил, основанных на Коране.

Шахзада, Шах-Зида—титул персидских принцев крови (у Грибоедова везде имеется в виду Аббас-Мирза).

Шемизетка — женская кофточка.

Ширазский лист — табак.

Энамы (аннамы) — награды.

Эшарп (франц.) — шарф.

Эшик-Агаси-Баша — персидское придворное звание.

Ясыри — пленники.

СОДЕРЖАНИЕ *

Вл. Орлов. Грибоедов III
Основные даты жизни А. С. Грибоедова 1

ГОРЕ ОТ УМА . . . . . *7—580*

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Молодые супруги . . . . . 121—*592*
Студент . . . . . 158—*592*
Отрывок из комедии ⟨«Своя семья, или Замужняя невеста»⟩ . . . . . 217—*594*
Притворная неверность . . . . . 229—*595*
Проба интермедии . . . . . 269—*595*
Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом. . . . . 274—*596*

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ:

Юность вещего . . . . . 308—*597*
⟨Серчак и Итляр⟩ . . . . . 309—*598*
Родамист и Зенобия . . . . . 311—*598*
⟨1812 год⟩:
⟨План драмы⟩ . . . . . 316—*598*
⟨Сцена из драмы⟩ . . . . . 318—*598*
Грузинская ночь . . . . . 319—*599*

СТИХОТВОРЕНИЯ

От Аполлона . . . . . 326—*602*
Лубочный театр . . . . . 327—*602*
⟨Эпитафии доктору Кастальди⟩ . . . . . 328—*603*
⟨Н. А. Каховскому⟩ . . . . . 329—*603*
Давид . . . . . 329—*603*
Романс . . . . . 330—*603*
Крылами порхая, стрелами звеня . . . . . 330—*604*
Эпиграмма . . . . . 331—*604*
Отрывок из Гете . . . . . 331—*604*

* Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивная) — страницу примечаний.

Телешовой . . . . . 335—*605*
Хищники на Чегеме . . . . . 337—*605*
По духу времени и вкусу . . . . . 339—*606*
Освобожденный . . . . . 339—*607*
А. О[доевскому] . . . . . 340—*607*
Прости, Отечество! . . . . . 340—*607*
Там, где вьётся Алазань . . . . . 341—*608*
Кальянчи . . . . . 341—*608*
Домовой . . . . . 344—*608*

DUBIA:

⟨М. Н. Загоскину⟩ . . . . . 345—*608*
Душа . . . . . 345—*609*
Восток . . . . . 346—*609*

СТАТЬИ. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ. ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Статьи и корреспонденции:

Письмо из Бреста Литовска к издателю ⟨«Вестника Европы»⟩ . . . . . 348—*609*
О кавалерийских резервах . . . . . 354—*609*
О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» . . . . . 358—*609*
Письмо к издателю ⟨«Сына отечества»⟩ из Тифлиса 369—*611*
⟨Заметка по поводу «Горя от ума»⟩ . . . . . 373—*611*
Частные случаи петербургского наводнения . . . . . 374—*611*
Загородная поездка . . . . . 378—*612*
Характер моего дяди . . . . . 381—*612*

⟨Путевые заметки:⟩

I. ⟨Путешествие от Моздока до Тифлиса⟩ . . . 382—*612*
II. ⟨Путевые письма к С. Н. Бегичеву⟩ . . . . . 386—*613*
III. ⟨Путешествие от Тавриза до Тегерана⟩ . . . 405—*614*
IV. Путевые записки . . . . . 408—*614*
V. Ананурский карантин . . . . . 416—*616*
VI. ⟨Дневник возвратного путешествия в Персию⟩ 417—*616*
VII. ⟨Крым⟩ . . . . . 419—*616*
VIII. ⟨Эриванский поход⟩ . . . . . 433—*617*

ПИСЬМА

1. С. Н. Бегичеву. 9 ноября 1816. Петербург . . 440—*617*
2. С. Н. Бегичеву. 4 сентября 1817. Петербург . 441—*617*
3. П. А. Катенину. 19 октября ⟨1817. Петербург⟩ 442—*618*
4. С. Н. Бегичеву. 15 апреля 1818. ⟨Петербург⟩ 444—*618*
5. С. Н. Бегичеву. 30 августа ⟨1818. Новгород⟩ . 446—*618*
6. С. Н. Бегичеву. 5 сентября ⟨1818⟩. Москва . . 447—*619*
7. С. Н. Бегичеву. 18 сентября 1818. Воронеж . 448—*619*
8. Я. Н. Толстому и Н. В. Всеволожскому. 27 января ⟨1819⟩. Тифлис . . . . . 450—*619*
9. П. А. Катенину. 26 марта 1819. Тегеран . . . . . 451—*620*

10. П. А. Катенину. Февраль 1820. Тавриз . . . . 451—*620*
11. Н. А. Каховскому. 3 мая 1820. Тавриз . . . . . 454—*620*
12. Н. А. Каховскому. 25 июня 1820. Тавриз . . 457—*620*
13. А. И. Рыхлевскому. 25 июня 1820. Тавриз . . 458—*621*
14. Неизвестному. 17 ноября 1820. Тавриз . . . . 459—*621*
15. Неизвестному. ⟨Ноябрь 1820. Тавриз⟩ . . . . . 461—*621*
16. В. К. Кюхельбекеру. 1 октября 1822 — ⟨конец января 1823⟩. Тифлис . . . . . 462—*621*
17. Ю. К. Глинке. 26 января 1823. Тифлис . . . . 464—*621*
18. А. В. Всеволожскому. 8 августа ⟨1823⟩. Лакотцы 467—*621*
19. В. Ф. Одоевскому. ⟨Сентябрь 1823. Москва⟩ . 468—*622*
20. С. Н. Бегичеву. ⟨10 июня 1824. Петербург⟩ . . 468—*622*
21. С. Н. Бегичеву. ⟨Июнь 1824. Петербург⟩ . . . 470—*622*
22. П. А. Вяземскому. ⟨11 июля 1824. Петербург⟩ 473—*622*
23. С. Н. Бегичеву. 31 августа ⟨1824⟩. Стрельна . 474—*623*
24. Ф. В. Булгарину. ⟨Начало октября 1824. Петербург⟩ . . . . . 475—*623*
25. П. А. Катенину. 17 октября ⟨1824. Петербург⟩ 476—*624*
26. Н. И. Гречу. ⟨Около 24 октября 1824. Петербург⟩ 479—*625*
27. С. Н. Бегичеву. 4 января ⟨1825. Петербург⟩ . . 479—*625*
28. П. А. Катенину. ⟨Январь⟩— 14 февраля ⟨1825. Петербург⟩ . . . . . 481—*625*
29. С. Н. Бегичеву. 18 мая 1825. Петербург . . . 485—*626*
30. С. Н. Бегичеву. 4 июня 1825. Киев . . . . . 486—*626*
31. В. Ф. Одоевскому. 10 июня 1825. Киев . . . . 487—*626*
32. С. Н. Бегичеву. 9 июля 1825. Симферополь . . 489—*627*
33. С. Н. Бегичеву. 9 сентября 1825. Симферополь 489—*627*
34. С. Н. Бегичеву. 12 сентября ⟨1825⟩. Феодосия 491—*627*
35. А. А. Бестужеву. 22 ноября 1825. Екатериноградская . . . . . 494—*627*
36. В. К. Кюхельбекеру. 27 ноября 1825. Екатериноградская . . . . . 495—*627*
37. С. Н. Бегичеву. 7 декабря 1825. Екатериноградская . . . . . 498—*627*
38. А. А. Жандру и В. С. Миклашевич. 18 декабря 1825. Екатериноградская . . . . . 500—*628*
39. Императору Николаю I. 15 февраля 1826. ⟨Петербург⟩ . . . . . 502—*628*
40—49. Записки к Ф. В. Булгарину. ⟨Февраль — апрель 1826. Петербург⟩:

1. ⟨17 февраля 1826⟩ . . . . . 502—*629*
2. ⟨Без даты⟩ . . . . . 503—*629*
3. ⟨Без даты⟩ . . . . . 503—*629*
4. ⟨Без даты⟩ . . . . . 503—*629*
5. ⟨Без даты⟩ . . . . . 503—*629*
6. ⟨Без даты⟩ . . . . . 504—*629*
7. ⟨После 7 марта 1826⟩ . . . . . 504—*629*
8. 19 марта ⟨1826⟩ . . . . . 504—*629*
9. ⟨19 марта 1826⟩ . . . . . 505—*629*
10. ⟨Около 18 апреля 1826⟩ . . . . . 505—*629*

50. С. Н. Бегичеву. 9 декабря 1826 ⟨Тифлис⟩ . . . 505—*629*

51. Ф. В. Булгарину. 16 апреля 1827. Тифлис . . 507—630
52. П. Н. Ахвердовой. 28 июня 1827. Нахичевань 508—631
53. П. Н. Ахвердовой. 3 июля 1827. Аббас-Абад . 511—631
54. Командиру Отдельного Кавказского корпуса Паскевичу...донесение. 30 июля 1827. Карабабы 515—631
55. А. И. Одоевскому. ⟨Начало июня 1828⟩. Петербург . . . . . 530—631
56. Е. И. Булгариной. 5 июня ⟨1828. Петербург⟩ 531—631
57. Ф. В. Булгарину. 12 июня ⟨1828⟩. Москва . . 531—631
58. Ф. В. Булгарину. 27—30 июня 1828. Ставрополь Владикавказ . . . . . 533—632
59. Ф. В. Булгарину. 24 июля 1828. Казанча . . . 535—632
60. И. Ф. Паскевичу. 23 августа 1828. Тифлис . . 537—632
61. И. Ф. Паскевичу. 6 сентября 1828. Тифлис . . 538—632
62. Ф. В. Булгарину. ⟨Начало сентября 1828. Тифлис⟩ . . . . . 541—632
63. И. Ф. Паскевичу. 14 сентября 1828. Хамамлы . 541—633
64. В. С. Миклашевич. 17 сентября 1828. Эчмиадзин — 3 декабря 1828. Тавриз . . . . . 543—633
65. П. Н. Ахвердовой. ⟨Ноябрь 1828. Тавриз⟩ . .546—633
66. И. Ф. Паскевичу. ⟨3 декабря 1828. Тавриз⟩. . 548—633
67. Н. А. Грибоедовой. 24 декабря 1828. Казвин 552—634

ОЖЕНИЕ: Проект учреждения Российской кавказской Компании

I. Записка об учреждении Российской Закавказской Компании . . . . . 555—634
II. Вступление ⟨к проекту устава⟩ . . . . . 562—634

ЕНТАРИИ

От редактора 579
Примечания 580
Указатель имен и названий 638
Словарь 656

28201.

Редактор
П. Е. Безруких

Переплет работы
Г. И. Мануйлова

М 01092. Подписано к печати 29/III 1945 г. Тираж 50000. Уч. авт. л. 40,39. Печ. л. 44. Зак. № 133. 2-я тип. «Печатный Двор» им. А. М. Горького треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР Ленинград, Гатчинская, 26

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
XI	17 сверху	поданиым	подданным
XXXIX	14 сверху	многократна	многократно
35	14 сверху	Прикажите	Прикажете
59	9 сверху	неуспех	неуспех!
63	6 сниву	бесценный	бесценный!
146	11 сниву	Что с тобой,	Что с тобой?
193	19 сниву	Чего вы смеетесь	Что вы смеетесь
301	4 сниву	Неужели	Неужли
433	17 сниву	1 июня	1 июля
461	7 сверху	ot à l'Arabe	et à l'Arabe
540	4 сниву	Хомякому	Хомякову

Грибоедов.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

12/XII 444 | 1/XI-17
24/XI 426
25/IX 619
16/XI 619
25/XI 619
3/X, -6
28/X 379

Колич. предыд. выдач _____